5118

СБОРНИКЪ

ТРУДОВЪ

ЧЛЕНОВЪ ПЕТРОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ

АСТРАХАНСКАГО КРАЯ

Содержаніе: 1) **О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края** – (рѣчь *К. Н. Малиновскаго*, прочитанная на публичномъ собраніи Общества 30 Мая 1889 года) 2) **Кремль Астраханскій**—сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о началѣ Астраханскаго Кремля, краткій очеркъ его исторіи и современнаго состоянія; (читано въ Общемъ Собраніи Петровскаго Общества 2 Января 1890 г *К. Н. Малиновскимъ*). 3) **Отчетъ о поѣздкѣ въ село Селитряное (Княжевской волости, Енотаевскаго уѣзда), лѣтомъ 1888 года,** *К. Н. Малиновскаго.* 4) **Астраханскіе калмыки** (наблюденія и замѣтки) въ двухъ очеркахъ—*Ир. А. Житецкаго*—съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями автора (съ рисунками). 5) **О состояніи табаководства въ сѣверной части Малодербеговскаго улуса, Астраханской губерніи**—сообщеніе сдѣланное въ Петровскомъ Обществѣ *В. А. Хлѣбниковымъ*. 6) **Почвенная вода**—докладъ, въ естественно-исторической секціи, сдѣланный *П. М. Никольскимъ*. 7) **Чума сѣтей** (читано на Общемъ Собраніи Петровскаго Общества 30 Мая 1889 г.) – *П. Никольскаго*. 8) **О кораллахъ Каспійскаго моря**—сообщеніе *В. Н. Виноградскаго* естественно-исторической секціи Петровскаго Общества, 18 Мая 1891 г. 9) **О названіяхъ и картахъ Каспійскаго моря,** сообщеніе историко-этнографической секціи *А. Ф. Мюллера* (съ картами).

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

gio

ВПб3-24/3

133
711

133
711

133
711

СБОРНИКЪ

ТРУДОВЪ

ЧЛЕНОВЪ ПЕТРОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ

АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

Зол

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

Дозволено цензурою. Москва, 25 Іюля 1892 г.

О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.

(Рѣчь д. ч. О—ва К. Н. Малиновскаго, прочитанная на публичномъ собраніи Общества 30 Мая 1889 года).

Мм. г-ни и г-ри! Въ настоящую минуту мы собрались скромно отпраздновать почти 3-хъ лѣтній періодъ существованія нашего молодого возрожденнаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почтить память того великаго человѣка, именемъ котораго оно называется.

Есть обычай въ подобныхъ случаяхъ говорить рѣчи, произносить пожеланія, привѣтствія собранію, обозрѣвать его минувшую дѣятельность,— обычай почтенный, освященный опытомъ, давностію. Послѣдуемъ ему и мы.

Но чѣмъ же отмѣтить нашъ сегодняшній праздникъ, какое привѣтствіе, пожеланіе сказать по поводу его? Мнѣ кажется всего приличнѣе на этотъ разъ, на этомъ первомъ, публичномъ выходѣ молодого Общества, поговорить о значеніи появленія его въ нашемъ городѣ и краѣ, о задачахъ и цѣли, имъ преслѣдуемыхъ, о самомъ смыслѣ его существованія. А затѣмъ, хотя отчасти вспомянуть о дѣятельности того великаго работника на тронѣ, который завѣщалъ своимъ примѣромъ, своимъ гигантскимъ неустаннымъ трудомъ всей Россіи, всему потомству, каждому изъ насъ дружную работу на пользу своей родины, своего отечества, который научилъ своихъ сыновъ сознательно относиться къ своей жизни, къ своей исторіи.—И такъ, какой

Заказ № 34 Пор. № 87

Книга имеет: 62 стр. иллюстр.

табл. карт. 1 прем

Примечания: Оборвана верхняя облож

Расписка отв. за подгот. в перепл. . . . . Мурзе

Тип. ГПБ з. 1317 — 25 000. 12-5-61

О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.

(Рѣчь д. ч. О—ва К. Н. Малиновскаго, прочитанная на публичномъ собраніи Общества 30 Мая 1889 года).

Мм. г-ни и г-ри! Въ настоящую минуту мы собрались скромно отпраздновать почти 3-хъ лѣтній періодъ существованія нашего молодого возрожденнаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почтить память того великаго человѣка, именемъ котораго оно называется.

Есть обычай въ подобныхъ случаяхъ говорить рѣчи, произносить пожеланія, привѣтствія собранію, обозрѣвать его минувшую дѣятельность,—обычай почтенный, освященный опытомъ, давностію. Послѣдуемъ ему и мы.

Но чѣмъ же отмѣтить нашъ сегодняшній праздникъ, какое привѣтствіе, пожеланіе сказать по поводу его? Мнѣ кажется всего приличнѣе на этотъ разъ, на этомъ первомъ, публичномъ выходѣ молодого Общества, поговорить о значеніи появленія его въ нашемъ городѣ и краѣ, о задачахъ и цѣли, имъ преслѣдуемыхъ, о самомъ смыслѣ его существованія. А затѣмъ, хотя отчасти вспомянуть о дѣятельности того великаго работника на тронѣ, который завѣщалъ своимъ примѣромъ, своимъ гигантскимъ неустаннымъ трудомъ всей Россіи, всему потомству, каждому изъ насъ дружную работу на пользу своей родины, своего отечества, который научилъ своихъ сыновъ сознательно относиться къ своей жизни, къ своей исторіи.—И такъ, какой же смыслъ въ появленіи и существованіи нашего молодого Общества, въ чемъ заключаются его задачи, стремленія, какое поле дѣятельности предстоитъ ему?—Позволительно думать, что появленіе этого Общества въ настоящую пору вполнѣ благовременно, соотвѣтствуетъ задачамъ и потребностямъ вѣка и желаніямъ развитаго, образованнаго общества. Не о хлѣбѣ же единомъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ живъ человѣкъ. Пора уже намъ, хотя нѣсколько отдохнуть отъ постоянной, лихорадочной тревоги за матеріальныя выгоды, интересы, отдохнуть отъ часто пустого, утомляющаго духъ и тѣло, времяпрепровожденія. Пора сознательно оглянуться вокругъ себя и подумать о томъ, что мы такое, чѣмъ владѣемъ, гдѣ живемъ, къ чему стремимся.

Расположенный на границѣ Европы съ Азіей, удаленный отъ центра великорусской жизни нашъ городъ долгое время жилъ и развивался особою, отдѣльною жизнью отъ другихъ городовъ Русской земли. Роль его была

другая; это была особая историческая миссія, завѣщанная ему предшествующими вѣками, — миссія сначала политическаго, потомъ военнаго и торгово-промышленнаго вліянія на азіятскій, прилегающій къ намъ востокъ. Онъ былъ какъ бы опорнымъ базисомъ этого вліянія, срединнымъ пунктомъ между двумя различными по своему характеру мірами — европейскимъ и азіатскимъ, пунктомъ, изъ котораго медленно, — постепенно распространялись первыя начала гражданственности на не такъ далекія, сосѣднія намъ пустынныя дикія страны и кочевые народы Азіи.

Теперь эта первая насущная работа и задача матеріальнаго, экономическаго, торгово-промышленнаго вліянія, роль связующаго звена, военнаго, административнаго кончилась; она осуществлена до извѣстныхъ предѣловъ въ высокой степени. Первыя требованія, обусловленныя историческимъ и географическимъ положеніемъ нашего города, удовлетворены; граница вліянія великой русской народности, вліянія Императорскихъ нашихъ побѣдныхъ орловъ на востокѣ далеко двинулась впередъ. Мы, такимъ образомъ, можемъ отдохнуть отъ одного дѣла, но отдохнувши, должны обратиться къ другому, прислушаться и присмотрѣться къ коренному теченію русской жизни, постараться вступить въ это теченіе, съ цѣлью быть дѣятельными участниками его, привнести свою лепту на пользу обще-народную, государственную изученіемъ своей мѣстности, ея современныхъ нуждъ, потребностей.

И вотъ почему, какъ я сказалъ, вполнѣ благовременно появленіе въ нашей мѣстности такого Общества, которое думаетъ заняться подобнымъ изученіемъ.

„Каждому дню его забота, каждому вѣку его трудъ“, сказалъ нашъ великій историкъ. Въ наше время, послѣ великихъ начинаній, преобразованій, трудовъ со стороны правительства на пользу всего государства, всѣхъ его частей вообще наступила пора самодѣятельности, самообразованія каждой изъ нихъ въ частности. Цѣли намѣчены, общіе пути указаны. Пора каждой части великаго нашего русскаго цѣлаго потрудиться надъ изученіемъ самой себя, своей мѣстности, своей исторіи, чтобы опредѣлить свое мѣсто въ цѣломъ государственномъ организмѣ, чтобы посильнымъ трудамъ помочь и облегчить правительству его добрыя, благія предпріятія на преуспѣяніе умственное, а затѣмъ и матеріальное всей Россіи. Теперь уже вездѣ сознается, что изученіе отдѣльныхъ мѣстностей важно не только въ интересахъ этихъ мѣстностей, но и цѣлаго государства и даже — всего человѣчества. Нужно постараться быть живой, сознательной силой, дѣятельнымъ членомъ всего государственнаго цѣлаго; нужно подумать его думами, позаботиться его заботами, и тогда благо намъ будетъ. За послѣднія 20 — 30 лѣтъ изъ разныхъ сторонъ и концовъ Россіи идутъ вѣсти, что тамъ и тутъ открываются, или уже открыты и дѣйствуютъ съ пользою для науки, своего края

и всей Россіи различныя ученыя общества — историческія, археологическія, этнографическія, юридическія, естественно-историческія съ многочисленными подраздѣленіями или же отдѣльные небольшіе кружки лицъ, изучающихъ природу и исторію даннаго края; во многихъ городахъ основываются музеи, библіотеки, выставки, кабинеты коллекцій; вездѣ видно желаніе изучать свою мѣстность, представить живо, наглядно ея прошлую исторію, современное положеніе, ея естественныя богатства, ея особенности. Во многихъ мѣстахъ открываются архивныя коммисіи, разбираются и изслѣдуются древнія книгохранилища, памятники старины, искусства, собираются коллекціи предметовъ, характеризующихъ край въ естественно-историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ; изучаются обычаи, нравы, обряды населенія, его занятія, промыслы, собираются сказанія, пѣсни, преданія областныя. Благодаря этимъ ученымъ учрежденіямъ и изысканіямъ совершаются многія важныя открытія, усовершенствованія въ области исторіи, жизни промышленной, экономической, въ занятіяхъ и вообще въ практической дѣятельности человѣка. Это оживленное стремленіе къ изученію своей мѣстности, своего края, его природы, исторіи и современнаго положенія ясно обозначаетъ съ жаромъ пробудившееся у насъ самосознаніе. Это доброе знаменіе нашего времени, признакъ сильно подвинувшагося впередъ нашего развитія. Изучая себя, свое прошлое, мы пріучимся особено любить свою родину, любить и понимать свою исторію, дорожить ея интересами, богатствами, проникнемся желаніемъ совершенствовать себя, свою жизнь, свои познанія, развитіе, стремиться ко всему доброму, полезному, прекрасному.

Тогда мы, сильные своимъ саморазвитіемъ и избѣгнемъ во многомъ той разшатанности духа, того сомнѣнія, колебанія, неустойчивости въ умахъ, которые царятъ въ послѣднее время у насъ въ русскомъ обществѣ въ разныхъ его слояхъ и гнетутъ здоровую русскую жизнь и чуство.

Вотъ эти самыя задачи и цѣли самоизученія, саморазвитія нашей стороны преслѣдуетъ, имѣетъ въ виду и молодое, недавно возрожденное Петровское Общество. Не простое удовлетвореніе научнаго любопытства немногихъ отдѣльныхъ лицъ, не простое подраженіе руководятъ устроителями и дѣятелями его. Нѣтъ, само время, сама современная жизнь побуждаетъ своихъ сыновъ, особенно представителей умственнаго труда, устроить такое братство, такое общество, которое приняло бы на себя работу коллективно выяснять физическія, историческія и экономическія условія даннаго края, выяснять характеръ и выгоды мѣстности, на которой живетъ извѣстное общество людей, извѣстная народность для блага самого же этого общества, этой народности. Нашъ кружокъ, наше общество есть братство, которое желаетъ скромнымъ, посильнымъ трудомъ своихъ членовъ во 1-хъ собрать, связать и объединить всѣ разрозненныя свѣдѣнія историко-археологическія, этнографическія, естественно-историческія прежняго

времени, прежнихъ изслѣдователей о нашемъ краѣ, во 2-хъ попытаться, какъ на основаніи ихъ, такъ и собственныхъ трудовъ, изысканій, представить его прошлую исторію, отмѣтить всѣ важнѣйшіе моменты жизни его народа, его дѣятельность, занятія, промыслы, выяснить природныя, климатическія, почвенныя свойства и отличія мѣстности, чтобы по этимъ объединеннымъ свѣдѣніямъ, хотя въ отдаленномъ будущемъ, возможно было представить полную картину края, его прошедшую жизнь и современное положеніе. А это для того, чтобы сознательно, разумно относиться къ окружающей насъ обстановкѣ, къ тому, гдѣ мы живемъ, чѣмъ владѣемъ, что полезно для насъ, для нашего отечества.

Мы должны поспѣшить изученіемъ, изслѣдованіемъ нашего края и потому еще, чтобы не дожить и недождаться того времени, когда въ силу необходимости, ради настоятельной нужды, должны будемъ знакомиться съ самими собою, съ своею мѣстностію, съ своими естественными богатствами, съ своимъ, такъ сказать, добромъ по изслѣдованіямъ, трудамъ и описаніямъ посторонихъ наблюдателей изъ другихъ областей и губерній, которые годъ отъ году все чаще и чаще заглядываютъ въ нашъ край, изучаютъ и описываютъ его, находя его совершенно дѣвственнымъ, еще не тронутымъ рукою современнаго изслѣдователя, бытописателя. Если еще помедлимъ, то думаю, близко то время, близка, можно сказать, та опасность, когда мы окажемся принужденными искать знанія, свѣдѣній о нашей странѣ у чужихъ, лучше насъ понимающихъ ея свойства, особенности, значеніе. Не говоря уже о спеціалистахъ ученыхъ, професорахъ, командируемыхъ часто въ послѣдніе годы учеными обществами и учрежденіями, или самихъ собою избирающихъ нашу мѣстность для своихъ наблюденій, научныхъ трудовъ и изслѣдованій, въ силу ея необычайнаго интереса, богатствъ, разнообразія и нетронутости особенно въ отношеніи естественно-историческаго изученія, даже простые туристы-путешественники въ послѣднее время часто навѣщаютъ насъ и выпускаютъ въ свѣтъ свои наблюденія, замѣтки, очерки историческія, этнографическія, кламатическія и т. п. Само собою разумѣется, что мы должны быть и дѣйствительно глубоко благодарны этимъ ученымъ и любознательнымъ изслѣдователямъ, вооруженнымъ большою опытностію и завиднымъ запасомъ знаній, за ихъ труды по изученію нашего края на пользу ему же самому, но во всякомъ случаѣ и намъ самимъ пора воспрянуть и подвигнуться на изученіе своей мѣстности...

Наше Общество называется Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Подъ именемъ изслѣдованія мы разумѣемъ какъ собираніе и изученіе всѣхъ имѣющихся въ литературѣ источниковъ объ исторіи края, свѣдѣній о памятникахъ старины въ немъ, особенностяхъ его природы, населенія, промышленной дѣятельности, такъ и личное знакомство и изученіе собственнымъ

опытомъ и наблюденіями сохранившихся свидѣтелей древности, данныхъ, условій, характера, современнаго положенія мѣстности и въ историко-этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Поле изслѣдованія простирается такимъ образомъ, на области археологическую, историко-этнографическую и естественно-историческую. Что касается наименованія Астраханскій край, то, понятно, предѣлы его въ смыслѣ наукамъ, т. е. въ отношеніи его изслѣдованія не могутъ совпадать точно съ опредѣленно обозначенною извѣстными границами территоріею или административнымъ райономъ Астраханской губерніи. Напротивъ, въ историко-этнографическомъ отношеніи и тѣмъ болѣе въ естественно-историческомъ, граница эта иногда далеко передвигаестя какъ на три сухопутныя стороны — восточную, сѣверную и югозападную, захватывая края сосѣднихъ губерній и областей, такъ и на южную, т. е. сѣверо-западную часть Каспійскаго моря. Въ этомъ случаѣ вѣрнѣе, кажется, назвать нашъ край Волжско-прикаспійскимъ.

Какое же поле и поприще для изслѣдованія предстоятъ занимающимся и интересующимся археологіей исторіей и этнографіей Астр. края, а затѣмъ природой, физическими и вообще естественно-историческими свойствами? На какое пространство, на какой періодъ времени оно можетъ простираться, и какими именно особенностями въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ отличается нашъ край?

Поле это обширно по своей пространственности и небезсодержательно по своему внутреннему объему. Во 1-хъ, что касается археологіи и исторіи то уже отецъ исторіи Геродотъ можетъ быть названъ первоначальнымъ бытописателемъ нашего края. По крайней мѣрѣ у него въ IV в. до Р. Х. въ обозрѣніи мѣстъ поселенія Скиѳовъ находится упоминаніе о мѣстности нижней Волги, которую онъ именуетъ Оарою. Греческій городь Гелонъ былъ первымъ извѣстнымъ городомъ, начавшимъ осѣдлость въ предѣлахъ Астр. края. Это періодъ отдаленной, сѣдой древности, но съ него необходимо должна быть начинаема исторія края. Прослѣдить въ главныхъ чертахъ дальнѣйшую жизнь его, въ послѣдующіе вѣка древняго періода, также составляетъ интересную задачу, хотя трудно уловимую по отдаленности времени и по скудости и неточности имѣющихся и разработанныхъ доселѣ историческихъ данныхъ. Болѣе или менѣе опредѣленной, хотя и однообразной по своему содержанію является исторія края съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, къ началу перехода въ средневѣковую эпоху, именно ко времени великаго переселенія народовъ. Малонаселенная и по нынѣ мѣстность Астр. губерніи въ началѣ среднихъ вѣковъ служила какъ бы великими историческими воротами, широкою открытою дорогою, какъ для первоначальныхъ насельниковъ Европы, двигавшихся въ незапамятную старину изъ своей колыбели на западъ, такъ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, для

бичей божіихъ, дикихъ народовъ Средней Азіи, стремившихся на опустошеніе Европы. Этотъ край былъ такой исторической сценой, гдѣ разнообразные, разноплеменные народы постоянно вновь появлялись, останавливались на короткое время, сталкивались и смѣнялись одни другими. Въ этомъ каллейдоскопѣ, въ этой постоянной смѣнѣ, столкновеніи разнообразныхъ народовъ, тѣснящихся, напирающихъ другъ на друга и быстро смѣняющихся, конечно трудно установить какую-нибудь правильную, постоянную, преемственную историческую нить событій для данной мѣстности. Поставленная у самаго входа въ Европу изъ Азіи, непосредственно впереди промежутка, раздѣляющаго южную оконечность Уральскаго хребта отъ Каспійскаго моря, Астраханская область была любимымъ временнымъ пристанищемъ всѣхъ кочевниковъ, стремившихся изъ внутренней Азіи на отдаленный западъ, въ Европу. Находя здѣсь родныя условія степной природы, и рядомъ съ безплодными, но полезными для скота, солонцами, богатыя и привольныя приволжскія пастбища, племена кочевниковъ оставили здѣсь слѣды болѣе или менѣе долговременнаго своего пребыванія въ многочисленныхъ курганахъ и могилахъ. Эти курганы, могилы, остатки, развалины ихъ—единственные живые памятники сѣдой древности нашего края, историческихъ становищъ многоразличныхъ кочевыхъ народовъ въ немъ, еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Но, конечно, по этимъ памятникамъ трудно составлять подробный и ясный фонъ прошлой жизни, съ другой стороны и дѣятели—народы столь отдаленнаго времени мало могутъ имѣть для насъ теперь значенія. Всѣ эти многоразличныя имена обитателей въ краѣ въ ту пору—эти Аланы, Роксоланы, Акациры, Узы, Авары, Гунны, Хвалиссы и другіе бичи божіи одинаковы, однообразны для насъ, различаясь только своими наименованіями и имѣя общій видъ дикихъ, воинственныхъ народовъ, не долго останавливавшихся въ данной мѣстности. Но для полноты картины, для общей связи въ цѣпи историческихъ событій въ краѣ необходимо сдѣлать общій обзоръ жизни, дѣятельности и преемства этихъ разноплеменныхъ народностей, обитавшихъ въ его предѣлахъ.

Съ III в. по Р. Х. являются здѣсь Хозары—народъ смѣшаннаго происхожденія, первый, оставившій замѣтный слѣдъ въ предѣлахъ нашего края, торговый, богатый, бывшій вмѣстѣ съ Волжскими Болгарами первымъ посредникомъ азіатской торговли съ Европою, долго жившій въ немъ. На одномъ изъ устій Волги стояла столица ихъ, Итиль или Атель, иначе Беленджеръ или Балангіаръ. Сначала столицею Хозаріи былъ городъ Семендеръ, нынѣ Тарку, откуда Хозарскіе князья были вытѣснены нашествіемъ Арабовъ и перенесли свое мѣстопребываніе къ устью Волги, въ городъ Итиль, основанный персидскимъ царемъ Хозроемъ Великимъ. Этотъ городъ, какъ извѣстно, и считается родоначальникомъ нынѣшней Астрахани, имя

которой (по татарски Хаджи-Терхань, въ нашихъ лѣтописяхъ— Хозитарокань, въ грузинскихъ—Хозарь) является съ XIII стол., со времени водворенія Монголовъ въ низовьяхъ Волги. Монголо-Татары оставили въ краѣ еще болѣе явственные слѣды своего пребыванія, избравши своимъ главнымъ становищемъ Прикаспійскія степи. Здѣсь былъ ихъ центръ - Золотая орда, откуда они властвовали надъ Россіей; съ этихъ поръ наши широкія, неоглядныя равнины были часто свидѣтелями униженія Русскихъ князей, являвшихся въ Орду бить челомъ хану и нерѣдко слагавшихъ свою голову въ татарскихъ улусахъ; здѣсь на берегу Ахтубы находился Сарай, столица Золотоордынскихъ хановъ. До сихъ поръ замѣтны огромные остатки построекъ, большіе насыпные холмы и курганы — слѣды Татарской селитьбы по всей линіи Ахтубы и главнымъ образомъ у г. Царева. Но доселѣ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, гдѣ же, на какомъ именно мѣстѣ находился Сарай. Поэтому вся эта мѣстность и вопросы, касающіеся исторической жизни на ней входятъ въ область изслѣдованій о нашемъ краѣ.

Въ XIV в., когда Золотая Орда распалась на части, Астрахань сдѣлалась резиденціей (юртомъ) хановъ новой орды Астраханской (Никон. Лѣт., VII, 210) и съ этого времени является имя Хаджи-Терхана на ордынскихъ монетахъ. Затѣмъ наступаетъ для Астрахани время частыхъ на нее нападеній, разоренія, опустошенія — періодъ смутный. Въ 1375 г. грабили Астрахань ушкуйники или вольница Новгородская (Френъ. Монеты ул. Джучіева; Полн. Собр. Рус. Лѣт. V, 235); въ 1395 г. Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи въ Прикавказскія страны и услыхавъ о мятежѣ Астраханскихъ татаръ, посреди зимы, не смотря на глубокіе снѣга, явился предъ Астраханью. Напрасно жители усилили свои укрѣпленія вновь сооруженными ледяными стѣнами: городъ былъ взятъ и разоренъ. Въ этотъ же походъ Тамерланъ разграбилъ и разорилъ Золотоордынскую столицу Сарай (И. Р. Иловайскаго т. II, с. 198). Послѣ окончательнаго разоренія и ослабленія Золотой или Сарайской орды при Іоаннѣ III ближайшимъ наслѣдникомъ ея сдѣлалось царство Астраханское, доселѣ бывшее однимъ изъ мелкихъ вассальныхъ ханствъ Батыева юрта. Въ Никоновской лѣтописи говорится объ этомъ: „Большая Орда имъ (Иваномъ III) порушилась, и начали цари Ординскіе жить въ Астрахани, два днища по Волгѣ вверхъ, именуется Сараи большіе (Никон. Л. VII. 210) Въ 1522 г. овладѣли Астраханью Крымцы и Ногайцы, въ 1532 г. Черкесы, въ 1534 г. опять Ногайцы, въ 1547 г. снова Крымцы, и каждый разъ при этомъ Астрахань подвергалась страшному разоренію, но впрочемъ скоро оправлялась. Такъ и послѣ Крымскаго разоренія 1547 года, чрезъ три года, Астрахань опять является независимымъ царствомъ. Но это было уже послѣднее время самобытнаго существованія Астрахани, Іоаннъ IV Грозный, сильный покореніемъ

Казани, вознамѣрился присоединить и Астрахань къ Московскому царству. Въ 1554 г. отправлено было въ Астрахань войско подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина, которой прогналъ хана Ямгурчея и объявилъ ханомъ Дербыша, изгнаннаго первымъ. Этотъ новый ханъ былъ не болѣе, какъ присяжникомъ и подручникомъ царя Московскаго. Въ 1557 году 2-го Іюля, вслѣдствіе измѣны хана Дербыша, Астрахань была окончательно занята Русскими и сдѣлалась областнымъ городомъ Московскаго государства; титулъ же царя Астраханскаго принялъ самъ Іоаннъ Грозный. При этомъ самый городъ былъ перенесенъ на настоящее, теперешнее мѣсто. Татарская же Астрахань находилась, какъ полагаютъ, на западномъ правомъ или горномъ берегу Волги, выше теперешняго города, верстъ на 9 при урочищѣ Шареный или Жареный бугоръ (выше села Хохлацкаго, у ватаги Лисунова). Окончательно этотъ вопросъ должны рѣшить настоятельно необходимыя теперь правильныя научныя изслѣдованія и раскопки доселѣ страннымъ образомъ его миновавшія

Съ занятіемъ Астрахани Волга стала великой рѣкой Московскаго Государства и такимъ образомъ почти все Поволжье отъ Казани до Астрахани со всѣми своими естественными богатствами въ видѣ огромныхъ лѣсовъ, плодоносныхъ земель, обширныхъ степей и многоводныхъ, изобильныхъ рыбою рѣкъ и озеръ стало достояніемъ Русскаго государства. А главное этотъ великій водный путь съ занятіемъ Астрахани ставилъ Московское государство лицомъ къ лицу съ цѣлымъ міромъ различныхъ народовъ и государствъ востока, назначая городу великую роль посредника въ мирныхъ торговыхъ отношеніяхъ съ ними и проводника гражданственныхъ понятій, европейскаго знанія, искусствъ, ремеслъ и наконецъ свѣта христіанской религіи. Отсюда видно великое значеніе взятія Астрахани. Стоящая на рубежѣ этого міра, на границѣ съ Азіей, она должна была получить особое значеніе во вновь присоединенномъ юго-восточномъ краѣ. Этотъ послѣдній пунктъ русскаго владычества и вліянія въ краѣ съ разнороднымъ населеніемъ, среди представителей различныхъ азіатскихъ народностей, полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ, долженъ былъ стать прежде всего наблюдательнымъ, сторожевымъ постомъ, съ котораго Московское правительство внимательно слѣдило за всѣмъ этимъ многоразличнымъ населеніемъ края, удерживать его отъ нападенія на чисто русскія окраины, водворять постепенно русское населеніе и заводить мирныя занятія, промышленность и торговлю. Понятно, что при такихъ условіяхъ вновь завоеванный городъ долженъ былъ имѣть прежде всего чисто военное значеніе и устройство; ставши твердой ногой на концѣ пустыннаго пока, въ смыслѣ мирной осѣдлой населенности и промышленности, воднаго пути, Московское государство принимало дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы связать этотъ отдаленный пунктъ съ цент-

ральными своими областями. Но въ тоже время выгодное географическое положеніе при великой рѣкѣ, связывающей край съ внутренней Россіей и при морѣ, память о прошломъ важномъ торговомъ значеніи города, посредствовавшаго въ сношеніяхъ крайнихъ европейскихъ обитателей съ прилегающими богатыми азіатскими странами и народами, побудило Московское правительство вслѣдъ за военными отрядами и запасами отправлять во вновь присоединенный край, подъ ихъ защитою мирные торговые транспорты съ купеческими товарами, издѣліями русской промышленности для торговли и обмѣна ихъ на произведенія азіатскія. Обзоръ торгово-промышленнаго значенія Астрахани вслѣдъ за ея взятіемъ и устроеніемъ, сношеній чрезъ нее Московскаго государства съ прилегающими къ краю восточными и южными азіатскими странами также представляетъ прекрасную задачу для историка-изслѣдователя. Объ этой торговлѣ, объ этихъ сношеніяхъ есть много свидѣтельствъ, помимо отечественныхъ источниковъ, у иностранныхъ путешественниковъ, начиная съ XIV до XVIII стол., какъ напр. Плано-Карпини, Контарини, Дженкинсона, Берроу, Герберштейна, Флетчера, Олеарія, Стрюйса и мног. др. (См. полный перечень именъ путешественниковъ, оставившихъ свои замѣчанія о нашемъ краѣ, въ статьѣ Н. Ф. Леонтьева „О необходимости и пользѣ учрежденія Общества изслѣдователей Астраханскаго края“, помѣщенной въ протоколахъ Петровскаго Об-ва изслѣд. Астр. края съ 4 Октября 1874 г. по 31 Дек. 1887 г. Приложеніе I). Мы не говоримъ уже о важномъ торговомъ значеніи края и прилегающаго къ нему моря въ гораздо раннюю пору - во время существованія здѣсь Хозарскаго царства въ IX ст., о походахъ Руссовъ къ Каспійскому морю въ X ст.

Мусульманскій міръ сильно встревожился паденіемъ отъ Московскаго оружія независимости двухъ татарскихъ царствъ и дѣлалъ попытки возвратить ихъ. Такъ въ 1564 г. Турецкій султанъ Селимъ вздумалъ было освободить Астрахань отъ власти русскихъ. Подъ Астрахань приходило турецкое войско, устроило крѣпость на старомъ ея городищѣ, но не рѣшилось напасть на самый городъ, и когда прибылъ изъ Нижняго-Новгорода князь Серебряный, поспѣшно удалилось. Это обстоятельство послужило поводомъ къ усиленію гарнизона и укрѣпленій Астрахани: въ 1582 г. городъ укрѣпленъ полисадомъ и начато построеніе кремля, оконченное въ 1589 г.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., въ смутную эпоху въ Московскомъ государствѣ, въ Астраханскомъ краѣ происходило не мало историческихъ событій. Такъ во время лихолѣтья въ Россіи Астраханскій край по событіямъ занимаетъ не послѣднюю роль. Отдаленный отъ центра государства, пустынный, малонаселенный, но привольный, съ разнохарактернымъ, инородческимъ населеніемъ онъ служитъ пріютомъ, убѣжищемъ для удалаго казачества, голытьбы, и всякаго люда, недовольнаго существовавшимъ порядкомъ, и наклоннаго къ разбоямъ, возмущеніямъ

всякаго рода. Здѣсь также появлялись самозванцы, какъ напр. Лже-Петръ и др. Городъ служилъ временнымъ мѣстопребываніемъ для Заруцкаго и жены Лжедимитрія Марины съ сыномъ. Съ 1665 по 1671 г. Волжскія низовья вовлечены были въ бунтъ Стеньки Разина. Онъ самъ и его атаманы властвовали въ сдавшейся имъ Астрахани. Въ стѣнахъ кремля и городѣ происходило много убійствъ, неистовствъ, тутъ же совершилась мученическая смерть Астраханскаго митрополита Іосифа. Вообще городъ въ эту пору испыталъ страшное раззореніе. Но будемъ кратки въ обзорѣ главнѣйшихъ историческихъ моментовъ и бытовыхъ сторонъ въ жизни нашего края и отмѣтимъ ихъ отдѣльными вопросами, которые должны быть приняты во вниманіе будущимъ историкомъ-изслѣдователемъ его.

Наступило великое время для всей Россіи, эпоха преобразованія ея, гигантскаго переворота, совершеннаго Петромъ Великимъ. Всеобъемлющій геній Великаго Императора по осуществленіи первой главной задачи — завладѣнія западнымъ морскимъ путемъ, послѣ трудной, долговременной войны, обратилъ вниманіе и на отдаленный юго-востокъ Россіи, на нашъ край и опредѣлилъ ему великую роль передоваго опорнаго пункта и оплота для завоеваній и мирнаго торговаго вліянія на прилегающія къ Каспію азіатскіе страны и народы.

Великій преобразователь началъ лично осуществлять постановленныя имъ задачи. Онъ прибылъ въ Астрахань въ 1722 г. и началъ удачную войну съ Персіей.

Впервые было положено начало изученію Каспійскаго моря, учреждены портъ, флотилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ много было дано имъ лично указаній для поднятія благоустройства города, его торгово-промышленной дѣятельности. Значеніе Петра Великаго для Астраханскаго края всесторонне выяснено въ извѣстномъ трудѣ нашего уважаемаго сочлена Н. Ф. Леонтьева.

Затѣмъ дальнѣйшая жизнь и исторія нашего края еще ждетъ своихъ бытописателей; она совершенно неразработана, хотя и существуютъ отдѣльные солидные очерки его, пріуроченные къ обзору трудовъ и дѣятельности видныхъ администраторовъ въ немъ (напр. Д. А. Корсакова „А. И. Волынскій“; Н. Попова „В. Н. Татищевъ и его время“; болѣе ранній трудъ М. Рыбушкина „Записки объ Астрахани“; Н. Каменскаго „Краткая Исторія Астр. Епархій)“, не смотря на то, что матеріаловъ и источниковъ для этого періода существуетъ масса, какъ письменныхъ, въ видѣ архивныхъ дѣлъ, такъ и въ отпечатанныхъ разнаго рода историческихъ актахъ, сборникахъ, архивахъ и въ описаніяхъ путешественниковъ, ученыхъ географовъ и естествоиспытателей, посѣщавшихъ нашъ край, какъ напримѣръ, Палласа, Гмелина, Фалька, Лепехина и др.

Съ XVIII в. самое управленіе нашего края представляетъ постоянныя перемѣны и колебанія, обусловливавшіяся преимущественно разнообразнымъ этнографическимъ составомъ населенія, и имѣетъ, такъ сказать, свою исторію. Послѣ покоренія Астраханскаго царства край нашъ вмѣстѣ съ Казанскимъ управлялся изъ Москвы особымъ учрежденнымъ тамъ приказомъ подъ названіемъ приказа Казанскаго дворца, который существовалъ до 1708 года. Въ этомъ году при раздѣленіи Россіи на восемь губерній, всѣ города, подчиненные приказу Казанскаго дворца, и слѣдов. городъ Астрахань составили Казанскую губернію. Въ 1717 г. отдѣлена отъ Казанской губ. особая Астраханская губ., при чемъ Астрахань назначена губернскимъ городомъ, съ причисленіемъ къ ней 12-ти городовъ. 1719 г. въ Маѣ при окончательномъ разграниченіи городовъ Казанской и Астраханской губерній, она оставлена въ числѣ штатныхъ городовъ этой послѣдней.

Въ 1785 г. въ Маѣ образовано Кавказкое намѣстничество съ подраздѣленіемъ на 2 области — Кавказкую и Астраханскую; городъ Астрахань назначенъ областнымъ городомъ. Въ 1790 г. правленіе Кавказкой губерніи переведено изъ Екатериноград въ Астрахань.

1802 г. Ноября 15 повелѣно Астраханскую губернію, по обширности ея и происходящимъ отъ того неудобствамъ въ отправленіи правосудія и устройствъ земской полиціи, раздѣлить на двѣ губерніи — Астраханскую и Кавказкую, причемъ Астрахань оставлена губернскимъ городомъ Астраханской губерніи. Общее управленіе Астраханской губерніи подчинено военному начальнику Кавказкаго края и Грузіи. 1807 г. Іюля 13 при изданіи штата Астраханской губерніи Астрахань оставлена губернскимъ городомъ сей губерніи. Въ 1832 г. управленіе Астраханской губерніи изъято изъ завѣдыванія Главноуправляющаго въ Грузіи.

Вотъ общая и краткая, такъ сказать, историческая канва, по которой тянется нить событій, перемѣнъ въ жизни нашего края. За весь этотъ періодъ она можетъ представить, какъ видимъ, обильный матеріалъ для разнаго рода историческихъ изслѣдованій. Въ общемъ вся эта протекшая жизнь представляетъ величественную борьбу русскаго народа съ прилагающемъ азіатскимъ востокомъ, и постепенную побѣду надъ нимъ, утвержденіе здѣсь образованія, европейской гражданственности.

Въ частности вся исторія нашаго края, начиная съ отдаленнаго времени начала среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней можетъ быть обозначена 4-мя отдѣльными періодами, именно 1-й періодъ — Исторія Астраханскаго края съ древнихъ вѣковъ, скажемъ отъ извѣстій о нашей мѣстности отца исторіи — Геродота до времени подчиненія ея владычеству Россіи. Сюда должны войти: взглядъ на положеніе страны въ древности; Геродотова Скиѳія; потомъ страна въ переходное время отъ древности къ Среднимъ

вѣкамъ, различныя перемѣны, дѣятели народы въ ней; народы, проходившіе по ней и временно останавливавшіеся на жительство здѣсь, въ этихъ великихъ историческихъ воротахъ. (IV ст. до Р. Х. по IX в. по Р. Х.). Исторія Хазарскихъ владѣній въ Поволжьѣ (IX—XIII в.); значеніе его для торговыхъ сношеній Европы съ Азіей; исторія появленія и утвержденія на Волгѣ и вообще въ Прикаспійскомъ краѣ Монголовъ Татаръ; улусъ Джучіевъ; царство Астраханское до покоренія ея Россіей (XIII—1/2 XVI в.). 2-й періодъ: Исторія Астраханскаго края подъ Русскимъ владычествомъ въ первые 1 1/2 вѣка, т. е. отъ завоеванія Астрахани—до времени Петра Великаго (1556—1700 г.). Въ разсмотрѣніи этого періода сами собою намѣчаются важные вопросы: значеніе присоединенія края для Россіи; роль его по отношенію къ простирающемуся за нимъ азіатскому востоку; завоеваніе его Русскими и ихъ отношеніе къ мѣстнымъ инородцамъ; развитіе торговли чрезъ него съ востокомъ; управленіе краемъ; его естественныя богатства, промыслы въ немъ. Край въ смутное время Московскаго Государства; понизовая вольница, Разинъ, Волжское казачество, появленіе раскола въ немъ. 3-й періодъ—XVIII вѣкъ. Время Петра Великаго для Астраханскаго края; отображеніе великихъ реформъ Императора въ немъ; виды и особенныя заботы относительно его. Учрежденіе Астраханской губерніи. Посѣщеніе Петромъ Великимъ Астрахани; заботы о благоустройствѣ города, развитіе правильной промышленности въ немъ; основаніе порта и флота. Изученіе Каспійскаго моря. Персидская война. Роль Астрахани въ планахъ Петра по отношенію къ востоку; заведеніе новыхъ промысловъ въ краѣ; состояніе и урегулированіе рыбной ловли. Астраханскій край при преемникахъ Петра Великаго; отношеніе правительства къ инородцамъ края; новые пришельцы въ немъ (Калмыки, Киргизы и др.). Дѣятельность замѣчательныхъ, видныхъ правителей (А. П. Волынскій, В. Н. Татищевъ и др.) и іерарховъ въ немъ. Время Екатерины Великой. Перемѣны въ управленіи края. Пугачевщина. Состояніе образованія въ краѣ, заботы объ этомъ Императрицы; положеніе инородцевъ. Наконецъ 4-й періодъ—XIX столѣтіе до послѣдняго времени.

Что касается задачъ и дѣятельности Общества по этнографіи, то нужно сказать, что въ этомъ отношеніи рѣдко можно встрѣтить столь обширный матеріалъ, какъ у насъ. Единый, общій и подробный этнографическій обзоръ края въ настоящую пору невозможенъ именно по сложности, громадности матеріала и характерному разнообразію типовъ народностей, населяющихъ край. И это разнообразіе проходитъ чрезъ всю его исторію, начиная съ самаго отдаленнаго времени, напр. съ существованія Хозарскаго царства. Наши инородцы, которые представляютъ пеструю смѣсь, вошедшую въ пословицу, настоящій этнографическій калейдоскопъ, особенно въ XVIII в.,

въ прежнее время значительно превышали, поглощали количественно русскій элементъ. Изученіе ихъ жизни, антропологическаго строя, языка, быта общественнаго, домашняго, религіозныхъ вѣрованій, преданій, народнаго творчества, современной обстановки много поможетъ выясненію ихъ характера и давно прошедшей исторіи. Въ этомъ случаѣ для болѣе легкаго и точнаго изученія нашихъ инородцевъ, наглядная представленія ихъ современнаго положенія, обстановки, занятій, одежды и болѣе многосторонняхъ научныхъ выводовъ путемъ сравнительнаго наблюденія великую службу могъ бы сослужить музей съ этнографическимъ отдѣленіемъ, которое совмѣщало бы въ себѣ типы народовъ, предметы, принадлежности ихъ быта, обстановки, занятій, религіи. Нужно сказать, что планъ музея съ историко-археологическимъ, этнографическимъ, естественно-историческимъ и торгово-промышленнымъ отдѣленіями уже намѣченъ въ общихъ чертахъ нашимъ Обществомъ. Есть уже на первыхъ порахъ и небольшія коллекціи для него; находится много доброхотныхъ жертвователей по этой части, людей, вообще сочувствующихъ дѣлу созданія и устроенія музея. Астраханскій Губернскій Статистическій Комитетъ передалъ въ вѣдѣніе Общества предметы по разнымъ отраслямъ знанія и промышленности собраннаго съ давнихъ поръ при немъ музея. Все дѣло и забота теперь только за помѣщеніемъ для музея и въ средствахъ для его содержанія. Между прочимъ наше Общество уже сдѣлало, такъ сказать, первый шагъ, облегчающій изученіе этнографіи и вмѣстѣ археологіи края, именно историко-этнографическая секція составила и издала программу для изслѣдованій, представляющую подробный, обстоятельный перечень вопросовъ для руководства при изученіи этнографическихъ, бытовыхъ особенностей нашего населенія, а равно также данныхъ по исторіи, археологіи края.

Помимо инородцевъ описаніе жизни и вообще быта самого русскаго населенія въ нашемъ краѣ представляетъ значительный интересъ, въ виду того разнообразія и такихъ особенностей, какими оно отличается. Такъ элементъ собственно великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто перемѣшивается съ малороссійскимъ; есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя малороссами; есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ разное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ. Есть здѣсь русскія поселенія, сохранившія въ замѣчательно вѣрномъ видѣ особенности стариннаго русскаго простонароднаго быта, мало поддавшись вліянію времени и происходящей иногда подлѣ городской общественной жизни (напр. село Началово, Черепаха тоже). Вообще въ этомъ случаѣ интересно выяснить степень взаимодѣйствія, вліянія другъ на друга живущихъ подлѣ народностей. Весьма важно также изучить особенности пришлаго сюда изъ

другихъ мѣстностей русскаго населенія и географическую номенклатуру въ краѣ: названія населенныхъ мѣстъ, рѣчекъ, озеръ, горъ, урочищъ. Этнографія можетъ выставить здѣсь длинный рядъ вопросовъ о различныхъ сторонахъ жизни населенія. Здѣсь этнографу наблюдателю придется остановиться и надъ предпріимчивымъ, смѣтливымъ великоруссомъ, котораго привлекли сюда и оставили здѣсь торговыя выгоды, природныя богатства края, надъ типомъ простодушнаго крестьянина, сонливаго малоросса въ видѣ чумака, съ его неизмѣнною парою воловъ, волжскаго бурлака, который долгое время тянулъ свою тяжелую лямку, а теперь приходить на заработки въ горячее рыболовное время, и тутъ же рядомъ предъ вольнымъ сыномъ степи калмыкомъ или киргизомъ, который, оставляя свою кибитку, работаетъ рука объ руку съ русскимъ человѣкомъ; затѣмъ, предъ смѣтливымъ торговцемъ армяниномъ, важнымъ персомъ и пр. Изученіе мѣстныхъ этнографическихъ особенностей Астраханскаго края началось еще съ XVIII ст. Татищевъ, Миллеръ, Палласъ, Гмелинъ, Лепехинъ и др. работали надъ описаніемъ и уясненіемъ быта и нравовъ здѣшнихъ инородцевъ.

Задачи и поприще *археологіи* въ нашемъ краѣ также обширны, матеріалъ въ этомъ отношеніи также великъ, но мало изслѣдованъ, не говоря уже о его обработкѣ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи не только у насъ, но и въ болѣе населенныхъ, центральныхъ мѣстностяхъ Россіи эта научная область находится еще въ зачаточномъ состояніи. Созданная и подвинутая впередъ трудами великаго дѣятеля по изученію родной старины, графа А. С. Уварова, она еще вполнѣ юна, будучи и по существу своему очень трудной, при маломъ количествѣ еще наличныхъ силъ и разслѣдованнаго матеріала.

Археологическій матеріалъ обыкновенно подраздѣляютъ на 2 отдѣленія въ отношеніи принадлежности ко времени находимыхъ предметовъ. (Въ этомъ случаѣ мы будемъ слѣдовать тому раздѣленію археологич. отдѣла, который намѣчается и приводится въ брошюрѣ достоуважаемаго нашего почетнаго члена Д. А. Корсакова „Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія Археологіи, Исторіи и Энтографіи Казанскаго края“.) 1) Отдѣл. *Археологія первобытная.* Остатки каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ: каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія; антропологическое изученіе череповъ и костяковъ; курганы и древнѣйшіе могильники. 2) отд. *Археологія историческая.* Вещественные остатки царства Хозарскаго, Джучіева улуса, царства Астраханскаго (курганы, городища, насыпи, зданія, мозаика, одежда и разныя украшенія, оружіе, утварь, монеты), вещественные памятники Русской народности. Собственно только 2-й отдѣлъ, т. е. археологія историч. имѣетъ отношеніе къ нашему краю, представляетъ обильный матеріалъ для изученія; находокъ же первобытныхъ періодовъ

едва-ли можетъ встрѣтиться, такъ какъ наша мѣстность позднѣйшаго происхожденія, и онѣ могли быть случайно занесены сюда. Первымъ важнѣйшимъ памятникомъ быта древнихъ обитателей нашего края нужно считать вещественные памятники — во 1-хъ городища, т. е. мѣста древнихъ укрѣпленныхъ поселеній, отъ которыхъ до настоящаго времени остались земляныя насыпи, рвы, а иногда и признаки каменныхъ сооруженій. Сараево городище на мѣстѣ Царева представляетъ такія сооруженія; есть остатки ихъ и на мѣстѣ Селитрянскаго урочища, гдѣ также предполагаютъ древній татарскій городъ или становище. Во 2-хъ — курганы, т. е. могильныя насыпи, заключающія въ себѣ различные предметы, съ которыми погребали умершихъ и которые часто опредѣляютъ званіе и спеціальное занятіе покойника, напр. оружіе при воинѣ, вѣсы, монеты при купцѣ. Понятно, что по курганнымъ находкамъ можно возстановить подробности быта того народа, къ которому принадлежали погребенные. На всемъ пространствѣ, которое составляетъ поприще спеціальнаго изученія нашего Общества, находится много городищъ и кургановъ. Нужно только немедлить этимъ изученіемъ и изслѣдованіемъ, ибо всемогущее время, полный непризоръ, небреженіе, или безжалостное уничтоженіе остатковъ старинныхъ сооруженій, съ цѣлью напр. даромъ пріобрѣсти матеріалъ для своихъ построекъ со стороны простаго люда, наконецъ алчность кладоискателей, безвозвратно уничтожаютъ остатки того, что прежде было въ полномъ видѣ, все это гибнетъ для науки. Поэтому нужно спасать отъ разрушенія что есть и научно это изслѣдовать. Для облегченія же этой задачи было бы полезно составленіе археологической карты нашего края, въ которой были бы точно обозначены всѣ замѣчательныя урочища, остатки старинныхъ сооруженій, курганы, могилы и другіе нѣмые свидѣтели отдаленной древности. Въ нашемъ краѣ по самому его положенію географическому и по условіямъ историческимъ особенно важенъ и многосодержателенъ отдѣлъ археологіи нумизматическій. Можно сказать, что нигдѣ въ такомъ количествѣ и такъ часто сравнительно не находятся древнія монеты, какъ здѣсь. Городище Ателя, у Астрахани, Сарая, у Царева, а также у с. Селитрянаго заключаютъ въ себѣ много древнихъ монетъ. Они доставили уже порядочное количество нумизматическихъ коллекцій для центральныхъ нашихъ археологическихъ музеевъ. Эти монеты — мѣдныя и серебряныя, съ разнаго рода восточн. надписями: арабскими, персидскими, татарскими и древними русскими — находились и находятся, какъ въ курганахъ, могилахъ при разрытіи ихъ, такъ и часто прямо на поверхности земли, въ ложбинахъ между холмами, у древнихъ каменныхъ и кирпичныхъ построекъ, (напр. въ послѣднее время находятъ ихъ у стѣнъ нашего кремля и вообще въ городѣ довольно часто, при разрытіи для закладки фундаментовъ домовъ, случаются находки древнихъ монетъ въ большомъ количествѣ).

Въ огромномъ числѣ въ нашемъ краѣ встрѣчаются монеты Джучидскія, т. е. хановъ-владѣльцевъ Золотой Орды, а также монеты русскія XVI и XVII в.

За памятниками вещественными слѣдуютъ памятники письменные и печатные. Не будемъ говорить уже про литературу края, хотя нужно замѣтить было бы весьма полезно для изученія его, сдѣлать общій сводъ, общій указатель всему, что есть въ литературѣ, такъ или иначе касающагося мѣстности. Одни капитальные труды Палласа, Гмелина и болѣе раннихъ иностранныхъ путешественниковъ представляютъ богатый матеріалъ для историка-изслѣдователя, какъ по этнографіи съ археологіей, такъ и по описаніямъ собственно естественнаго богатства края. Кромѣ напечатанныхъ памятниковъ должно обратить вниманіе на рукописный матеріалъ, хранящійся въ громадномъ количествѣ въ нашихъ городскихъ архивахъ различныхъ вѣдомствъ Губернскомъ, при Управленіи Госуд. Имущ., Городской управы, Таможеннаго управленія, на открытіе доступа, въ которые можно уже разсчитывать, на основаніи любезныхъ отвѣтовъ означенныхъ вѣдомствъ, на отношенія и запросы общества, сдѣланные въ 1887 году. Въ архивѣ Губернскаго Правленія есть, между прочимъ, свитки, относящіеся къ первымъ годамъ царствованія Петра Великаго и представляющіе матеріалъ для изображенія административнаго строя и быта нашего города и вообще мѣстности. Принятіе особенныхъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію старинныхъ рукописей, хранящихся въ этихъ архивахъ, а также, буде таковые найдутся у частныхъ лицъ, представляется важнѣйшею задачею дѣятельности нашего Общества. Напечатаннаго матеріала для исторіи нашего края много находится въ Актахъ историческихъ, изд. археографич. экспедиціею и коммисіею, въ Полномъ собр. зак. Рос. И., въ изданныхъ архивахъ частныхъ лицъ, напр. кн. Воронцова, Хилкова и др., въ запискахъ И. Геогр. Общества и разныхъ спеціальныхъ историческихъ и литературныхъ журналахъ и проч. Въ сочиненіяхъ иностр. путешественниковъ, изъ которыхъ многіе посѣщали нашъ край и оставили его описаніе, также находится много данныхъ для яснаго представленія давнопрошедшей жизни мѣстности. Затѣмъ много очерковъ, замѣтокъ и отдѣльныхъ небольшихъ изслѣдованій разбросано въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, журналахъ и газетахъ, начиная съ XVIII в. и оканчивая послѣдними годами нашего XIX столѣт. Сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ общее систематическое ихъ указаніе, составляетъ настоятельную задачу нашего Общества.

Рядомъ съ писаніемъ стоитъ преданіе. Необходимо собирать всѣ имѣющіяся преданія о различныхъ урочищахъ, лицахъ и событіяхъ, затѣмъ пѣсни, сказки, пословицы, заговоры и загадки и пр., такъ какъ все это составляетъ очень важный историческій или этнографическій матеріалъ. Совмѣстное существованіе разныхъ народностей въ нашемъ краѣ, изъ которыхъ

нѣкоторыя гораздо древнѣе по населенію потомковъ русскихъ обитателей, само собою разумѣется, предполагаетъ одинаковую важность преданій русскихъ и инородческихъ. Наше общество можетъ надѣяться на сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ жителей въ собраніи народныхъ преданій; въ этомъ можетъ принять участіе каждый, только что грамотный, п. ч. не требуется здѣсь ничего, кромѣ точной передачи разсказа, безъ всякихъ прибавленій, исправленій и критическихъ объясненій.

Но Петровское Общество не только историко-этнографическое и археологическое, оно имѣетъ въ виду и другую область изслѣдованія, именно изученіе края въ естественно-историческомъ отношеніи. Эта область не менѣе, если не болѣе обширна, многообразна въ нашемъ краѣ, чѣмъ первая, она искони была и будетъ неисчерпаема по своему матеріалу, по своему богатому содержанію. Что же касается до изслѣдованія и изученія, то край представляетъ до сихъ поръ во многомъ почти дѣвственный, мало разработанный, непочатый уголокъ.

Составляя по своему характеру, географическому положенію, климатическимъ, природнымъ особенностямъ средину и переходную ступень между міромъ Азіатскимъ и Европейскимъ, нашъ край удивительнымъ образомъ соединяетъ въ себѣ рѣзкія, типическія черты природы, жизни животной и растительной того и другаго, той природы, которая поразила своеобразностью уже первыхъ ученыхъ путешественниковъ, посѣтившихъ нашъ край. Здѣсь, можно сказать, самою природою установлена великая естественно-историческая, зоологическая и орнитологическая станція, наблюденія въ которой имѣютъ характеръ централизаціи и универсальности въ научномъ отношеніи.

Здѣсь не только великія проходныя ворота для народовъ между двумя частями свѣта, но и вообще для міра животнаго, особенно для разнообразныхъ видовъ царства пернатыхъ. Извѣстно напр., что берега Каспійскаго моря и дельта Волги служатъ мѣстомъ отдохновенія для птицъ во время періодическихъ перелетовъ. Ежегодно являются сюда весною изъ теплыхъ странъ, множество перелетныхъ, сухопутныхъ и водяныхъ птицъ, которыя осенью возвращаются опять назадъ на родину. Большая часть ихъ, особенно водяныя птицы остаются цѣлое лѣто на нижнихъ частяхъ Волги и выводятъ здѣсь дѣтей; потомъ тянутся иногда вверхъ по Волгѣ, въ сѣверныя и внутреннія центральныя страны Россіи. Такимъ образомъ нашъ край представляетъ цѣлый міръ всякаго рода водяныхъ, болотныхъ и степныхъ птицъ, питающихся рыбою и ея икрой по побережью Каспія и низовьямъ Волги. Вотъ почему нѣкоторые естествоиспытатели наши считали Астрахань чрезвычайно удобнымъ мѣстомъ для изслѣдованія перелетовъ птицъ. Естественно-историческое богатство нашего края и его малоизслѣдо-

ванность, объясняютъ, между прочимъ, почему почти каждогодно разныя иногородныя ученыя общества въ послѣднее время посылаютъ своихъ членовъ естествовѣдовъ: зоологовъ, ботаниковъ, геологовъ и т. п. въ экскурсіи въ нашъ край, для научныхъ работъ и наблюденій, между тѣмъ какъ мы сами мало заботимся и интересуемся нашимъ достояніемъ и вовсе не изслѣдуемъ его.

Справедливо по этому говоритъ, не такъ давно умершій, извѣстный нашъ натуралистъ и бывшій почетный Членъ нашего Общества М. Н. Богдановъ *) относительно задачъ и вопросовъ нашего края, нашей степной полосы: „Колебанія уровня и обсыханіе Каспія и др. водъ, перемѣны руслъ рѣками, образованіе и осажденіе соли, своеобразіе растительныхъ и животныхъ типовъ, исторія ихъ колонизаціи составляютъ вопросы, до сихъ поръ еще не исчерпанные и не разрѣшенные. Въ всемъ этомъ заключается тотъ глубокій научный интересъ, который привлекаетъ въ Арало-Каспійскую страну ученыхъ изслѣдователей. Но эта страна представляетъ также важный экономическій интересъ для всей Россіи. Эта пустыня съ суровыми, рѣзкими условіями жизни, гдѣ только оазисами около рѣкъ, можетъ существовать осѣдлое, цивилизованное населеніе, съ его культурными растеніями, есть въ тоже время идеальная страна пастушескаго быта, страна гдѣ съ наименьшими затратами можно вести скотоводство и снабжать его дешевѣйшими продуктами черноземную и другія области Россіи, да и Зап. Европу. Лишь преріи и помпасы Америки въ этомъ отношеніи могутъ равняться съ арало-каспійскими пустынями.“ Отсюда уже видно, какое широкое и важное поле для изслѣдованія представляетъ нашъ край, въ указанныхъ памятнымъ ученымъ и нашимъ членомъ, отношеніяхъ.

Затѣмъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей на луговой сторонѣ, Астрах. край почти не подвергался геологическимъ изслѣдованіямъ и потому эта область, а также вопросъ о минеральномъ богатствѣ его вообще составляетъ интересную задачу для будущихъ изслѣдователей. Очевидно только то, что наша степь обильна солью горькою и обыкновенною, добываніе которой составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ, видимо, замѣчательныхъ промысловъ нашего края.

Но еще большее значеніе и большую замѣчательность, можно сказать, обще европейскую, имѣетъ главный у насъ промыселъ — рыболовство.

Астраханское рыболовство есть одно изъ обширнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ. Всѣмъ намъ извѣстно, дѣйствительно, что нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ, не производится рыбная ловля въ такихъ размѣрахъ, какъ здѣсь по Волгѣ и по Каспійскому морю. Она привлекаетъ огромные капиталы, кормитъ сотни

*) Животный міръ Европейской Россіи. Арало-Касп. область. Россія Европ. и Азіат. Дополн. къ I тому Географіи Россіи Э. Реклю.

тысячъ народа, занимающагося ловлей, транспортомъ, продажей рыбы, вообще имѣетъ великое экономическое значеніе для всего государства; удача или неудача этой ловли здѣсь чувствительно отзывается на экономическомъ положеніи цѣлыхъ губерній, цѣлыхъ мѣстностей Европ Россіи, вліяетъ на ихъ промыслы, жизнь, питаніе въ нихъ народа, потому что этотъ промыселъ нашъ снабжаетъ рыбой, икрой, вязигой, клеемъ почти всю Европ. Россію, доставляя и дешевую здоровую пищу для простаго класса народа и гастрономическія блюда для богатыхъ; даже на заграничные европейскіе рынки, въ послѣднее время въ большомъ количествѣ транспортируютъ продукты этого промысла. Онъ есть исконное, старинное достояніе и отличіе нашего края, достигшее громадныхъ размѣровъ и развитія, но все-таки далеко еще не усовершенствовавшееся, не урегулированное надлежащимъ образомъ, не поставленное на должную высоту, сообразно съ его великою пользою и значеніемъ для государства. И это усовершенствованіе, это урегулированіе лова, нужда въ охраненіи этого нашего богатства отъ часто безполезнаго истребленія, разумное отношеніе къ нему, нужда въ изученіи жизни, свойства рыбъ, условій ихъ существованія есть задача, животрепещущій вопросъ нашего времени. Сколько интересныхъ вопросовъ можетъ явиться у наблюдателя натуралиста, изучающаго наше богатое рыбное царство, его промыселъ, благопріятныя и неблагопріятныя условія для него, жизнь Волжскихъ и Каспійскихъ рыбъ, причины ихъ изобилія, способы ловли ихъ, обстоятельства, вліяющія на уменьшеніе количества ихъ, способъ образованія рыбы изъ икры, ростъ рыбы, долготу ея жизни, свойства, привычки, мѣста ея зарожденія и много другихъ вопросовъ, которые, конечно, нигдѣ не могутъ быть разрѣшаемы съ такимъ удобствомъ, какъ здѣсь, на здѣшнихъ промыслахъ, мѣстахъ лова, а между тѣмъ все это еще ждетъ своихъ работниковъ, труженниковъ на пользу и развитіе естественнаго богатства нашего края.

Великій примѣръ подвига знанія, воодушевленнаго стремленіемъ къ пользѣ ближняго, ума человѣческаго можно видѣть въ знаменитомъ нашемъ естествоиспытателѣ, бывшемъ почетномъ членѣ нашего Об-ва академикѣ К. М. Бэрѣ, которому Астраханскій край обязанъ тѣмъ, что онъ указалъ значеніе волжской сельди или бѣшенки, научилъ солить ее и такимъ образомъ создалъ громадную главнѣйшую отрасль въ рыбномъ промыслѣ нашего края, питающую сотни тысячъ людей. „Примѣръ бѣшенки, говоритъ М. Н. Богдановъ, ясно указываетъ, что рыболовный промыселъ не дошелъ еще до своего апогея и развитіе его впереди“. Слѣдовательно, много труда, знанія, изслѣдованій ожидаетъ этотъ нашъ богатый промыселъ, есть надъ чѣмъ потрудиться для развитія, усовершенствованія его.

Растительность нашего края также своеобразна и, не смотря на тяжкія условія существованія, вслѣдствіе преобладанія песчаной почвы, недостатка надлежа-

щаго количества влаги и не равномѣрнаго распредѣленія сильнаго лѣтняго зноя, довольно богата и разнообразна видами; она также представляетъ богатый матеріалъ для изслѣдованія, доселѣ малотронутый научнымъ знаніемъ. Астраханская почва то глинистая, то песчанная, въ иныхъ мѣстахъ заключаетъ соль, въ другихъ не содержитъ ея, наконецъ, то обильна водою, напр. въ береговыхъ мѣстахъ, то отличается безводіемъ. Флора можетъ быть раздѣлена на тѣ же категоріи, какъ и почва, потому что каждая почва имѣетъ свойственную ей растительность Нѣкоторыя мѣстности въ отношеніи ботаническомъ весьма хорошо изслѣдованы. Такъ около Сарепты исчислено до 800 степныхъ и займищныхъ растеній. Глины заселены разными видами полыни. Тамъ, гдѣ почва ихъ выщелочена, присоединяются луковичныя растенія и даже одинъ видъ ковыля; также точно и песчаная почва имѣетъ у себя своихъ представителей. Растенія скрѣпляютъ песокъ кореньями и препятствуютъ его движенію. Займищная растительность несравненно богаче степной. она густая и сплошная. „Не можетъ быть бѣдна та флора, говорилъ одинъ изслѣдователь нашего края еще въ 50 годахъ настоящаго столѣтія, высшею представительницею которой можетъ служить знаменитая Волжская водяная роза (Nelumbium Caspium). Соперницею этой розы. по величинѣ и красотѣ можетъ быть только Амазонская кувшинка (Victoria Amasonica s. regia). Астраханская водяная роза водится исключительно въ одномъ только протокѣ Чулманѣ, въ 60 вер. ниже Астрахани. Розовый цвѣтокъ ея имѣетъ въ поперечникѣ болѣе 1/4 аршина. Народъ называетъ это превосходное растеніе тюльпаномъ. Его многовѣтвистый корень скрывается глубоко во всякомъ грунтѣ„. *) Что же касается степной почвы нашего края, то лучшимъ доказательствомъ ея чрезвычайной производительности, при тщательномъ уходѣ и достаточномъ орошеніи могутъ служить Астраханскіе сады, лѣсные питомники и насажденія, устроенныя на Калмыцкихъ земляхъ. Такъ мы знаемъ, что въ нашихъ садахъ на открытомъ воздухѣ превосходно удаются Американская и бѣлыя акаціи, Американскій кленъ. Китайскій ясень; были опыты. что удавалось хорошо гранатовое дерево, свекловица, которая была очень сахариста, прекрасно разростались, по крайней мѣрѣ, въ прежніе годы Итальянскій и Канадскій тополи, дубъ, ясень, тутъ, вишни, груши, абрикосы именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, была обнаженная, безплодная степь. Нужно только хорошо устроенное искуственное орошеніе. Изъ растеній Астр. флоры, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей полезности, можно указать Agriophillum Arenarium, называемый по киргизски *кумаръ-чекъ*, а по калмыцки *суркула*. Корьни этого полезнаго растенія равно какъ и другого — кендыря глубоко

*) „Замѣтки объ Астр. губерніи„. И. Корнил-ва Вѣст. И. Р. Г. О. 1859 г. 9 к.

проникаютъ въ сыпучіе пески, которые могли бы въ нѣсколько лѣтъ покрыться его зеленью и неноситься болѣе по степямъ опустошительнымъ вихремъ. Комаръ-чекъ много приноситъ пользы своими сѣменами киргизамъ, которые изъ нихъ приготовляютъ на молокѣ питательную и вкусную кашу. Также важенъ кендырь. На солончаковыхъ почвахъ во множествѣ ростутъ солодка и различные виды солянокъ. Изъ первой въ прежнее время вываривали превосходный солодковый сокъ, который лучше привознаго изъ Испаніи. Солянки собираются киргизами для топки печей, такъ какъ даютъ много жару и изъ золы ихъ они приготовляютъ мыло. Затѣмъ изъ замѣчательныхъ дикорастущихъ красильныхъ растеній можно указать между прочимъ на марену (порѣзъ траву), которой много въ городскихъ садахъ и на окрестныхъ поляхъ Въ 30-хъ годахъ одинъ персъ даже развелъ небольшую плантацію у трехъ протоковъ и даже продавалъ изготовленную для краски марену съ выгодою, но по смерти его все забылось (Корнилова„. объ Астр. губ.“). Извѣстно за тѣмъ, что еще въ XVII с заведено было у насъ и съ заботливостію поддерживалось правительствомъ шелководство, тутовыя деревья разводились и охранялись съ особымъ попеченіемъ. Выдѣлка шелка продолжалась чрезъ все XVIII ст. и довольно значительно была еще въ 1-й половинѣ нашего вѣка, но затѣмъ по недостатку предпріимчивости, знанія и охоты къ труду, малости выгоды неусовершенствованнаго на первыхъ порахъ производства, брошена совсѣмъ и только въ прошломъ году память объ этомъ промыслѣ возникла въ трудѣ одного изъ нашихъ членовъ. *) Были и другіе опыты разведенія различныхъ растеній въ прежнее время, а нынѣ уже забылись, какъ напр. хлопчатой бумаги, кунжута, льна, растеній, содержащихъ въ себѣ соду. даже сахарнаго тростника, Вообще доброе старое время во многомъ было гораздо дѣятельнѣе, энергичнѣе и трудолюбивѣе и намъ слѣдовало бы у него поучится кой-чему. Унасъ же теперь почти всюду какое-то пренебреженіе къ развитію домашней промышленности; рутина и неподвижность какъ бы отличительныя качества здѣшняго теперешняго населенія. Вотъ почему нашъ край до сихъ поръ представляетъ непочатый уголъ во многихъ отношеніяхъ. Стоитъ только припомнить, что напр. разведеніе винограда въ Астрахачи считали совершенною невозможностію цѣлыя 60 лѣтъ послѣ завоеванія города, до 1613 г. и честь перваго и удачнаго опыта принадлежитъ иностранцу. Академикъ Бэръ, о которомъ мы уже упоминали, въ бытность свою здѣсь въ 1853 г., обратившій свое вниманіе на всѣ отрасли здѣшняго хозяйства, говоритъ между прочимъ, что на рыбныхъ промыслахъ изъ сельди (или бѣшенки) съ давняго времени вытапливали одинъ жиръ, между тѣмъ какъ рыба эта, при болѣе тщатель-

*) Г. С. Соболева.

ныхъ опытахъ можетъ сдѣлаться предметомъ хорошаго сбыта (что, дѣйствительно, и происходитъ сейчасъ, на нашихъ глазахъ, въ широкихъ размѣрахъ). Далѣе онъ предлагаетъ разведеніе здѣсь ивоваго лѣса, который, по его мнѣнію, весьма справедливому, привялся бы легко и быстро. Посадивъ нѣсколько тысячъ черенковъ ивы, говоритъ онъ, можно всю нижнюю часть волжской дельты обратить въ лѣсъ. Конечно, нужно принять во вниманіе и то, что климатическія условія нашего края, его почти палящій лѣтній зной, сухость почвы и затруднительность орошенія будутъ представлять постоянное препятствіе, годъ отъ году усиливающееся, вслѣдствіе разныхъ физическихъ причинъ, для распространенія напр. садоводства, которое въ Астрахани, дѣйствительно, противъ прежняго времени значительно уменьшилось; тѣже самыя причины вредятъ хлѣбопашеству и лѣсоразведенію. Но выяснить степень неблагопріятности природныхъ условій края для его вообще флоры, способы возможнаго и успѣшнаго противодѣйствія имъ въ настоящую пору представляетъ прекрасную задачу для натуралиста-изслѣдователя. Мы не будемъ, да и не компетентны впрочемъ, говорить о всемъ многообразіи нашей флоры, о всѣхъ замѣчательныхъ и полезныхъ для человѣка растеніяхъ въ краѣ: это — спеціальная задача естественно-историческаго отдѣленія Общества, которое при случаѣ, конечно, разовьетъ, выяснитъ и опредѣлитъ всѣ типичныя и наиболѣе полезныя для человѣка особенности этой отрасли естествознанія. Вообще же замѣтимъ, было бы важно и полезно на первыхъ порахъ составить общій списокъ всѣхъ растеній въ нашемъ краѣ, опредѣленныхъ и изученныхъ прежними изслѣдователями растеній, полезныхъ или вредныхъ для человѣка въ томъ или другомъ отношеніяхъ, ибо есть у этихъ изслѣдователей предшествующихъ годовъ указанія на растенія, очень важныя для утилизаціи ихъ человѣкомъ, напр. излѣчивающія застарѣлый ревматизмъ, представляющія прекрасный матеріалъ для приготовленія касторовaго масла и пр. (См. у Корнилова: Зам. объ Астр г. с 38).

Говоря о богатствѣ растительнаго царства въ нашемъ краѣ нельзя не упомянуть и о другой задачѣ, другомъ вопросѣ, составляющемъ, такъ сказать, злобу дня, именно объ учащенно, изъ года въ годъ повторяющемся появленіи насѣкомыхъ или животныхъ, вредящихъ садоводству огородничеству и хлѣбопашеству. Въ послѣдніе годы по борьбѣ съ этими, постоянно увеличивающимися въ числѣ, врагами-нахлѣбниками человѣка: саранчей, гусеницей, разнаго рода жуками, кузнечиками или изъ животнаго міра — сусликами и т. п., поѣдающими листья, плоды и посѣвы, нашъ край въ степной полосѣ занимаетъ довольно видное мѣсто; и сюда, какъ и въ другія губерніи степной окраины, направляются часто спеціальныя коммиссіи для борьбы съ грознымъ врагомъ. Выясненіе причинъ увеличенія насѣкомыхъ, поражающихъ плодовыя растенія, появленія на нихъ разныхъ болѣзней, пріисканіе лучшихъ способовъ борьбы съ ними составляютъ важную тему для изслѣдованія.

Астраханскій край особенно богатъ энтомологическимъ матеріаломъ. Уже въ 50-хъ г дахъ натуралисты-изслѣдователи насчитывали здѣсь напр. жуковъ Coleoptera не менѣе 1500 видовъ, бабочекъ большихъ и малыхъ Lepidoptera до 1000, пчелъ Hymnoptera до 400, мухъ Diptera до 200, изъ нихъ два вида комаровъ (Корниловъ). Разнообразенъ и міръ насѣкомыхъ, питающихся растеніями, которыхъ количество послѣ дождей, какъ извѣстно, чрезвычайно увеличивается.

Укажемъ еще на скотоводство, составляющее, какъ сказано выше, главную отрасль хозяйства нашихъ кочевниковъ-калмыковъ и киргизовъ, а также видное промышленное занятіе и русскаго населенія края Кромѣ продажи скота, овчинъ, шкуръ и шерсти и произведеній изъ нихъ, скотъ доставляетъ нашему кочевнику пищу, одежду, лакомства и вещи, необходимыя для домашняго обихода: войлоки, шерстяныя веревки, чулки, кожанныя ведра и т. п. Но не смотря на такое важное значеніе промысла хозяйство это почти не улучшается въ самыхъ способахъ его производства; какъ велось оно сотню лѣтъ назадъ, почти такъ ведется и въ настоящее время; ни по улучшенію, ни по сбереженію своихъ стадъ кочевники до сихъ поръ не сдѣлали почти ни одного шага впередъ; какъ прежде, такъ и теперь часто ежегодно по нѣсколько тысячъ головъ скота гибнетъ отъ болѣзней, безкормицы, зимнихъ бурановъ и проч. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, особенно часто посѣщаютъ скотъ въ нашемъ краѣ чумныя и др. эпизоотическія болѣзни, которыя истребляютъ его сотнями, тысячами головъ; а какое значеніе эта гибель, это лишеніе имѣетъ для народа, для нашихъ кочевниковъ, понятно само собою. Вымираніе послѣднихъ отъ ухудшившихся климатическихъ условій и вмѣстѣ отъ недостатка скота, безкормицы есть также печальный вопросъ нашего времени. Калмыцкій народъ, по приносимой имъ народному хозяйству пользѣ, заслуживаетъ всякаго сочувствія и вниманія: онъ обращаетъ милліоны десятинъ земли безплодной и изсушенной солнцемъ въ милліонные табуны и стада, пустую степь — въ богатый конный и скотный дворъ для цѣлой Россіи. Правительство дѣятельно заботится объ улучшеніи быта кочевниковъ и вообще массы народа, объ охраненіи его достоянія отъ физическихъ несчастій, болѣзней. Но есть нужда, и настоятельная, и въ частной предпріимчивости, въ трудѣ самого окружающаго образованнаго общества позаботиться о малыхъ сихъ, нашихъ дѣтски наивныхъ и неразвитыхъ сожителяхъ.

Не будемъ уже говорить о другихъ промыслахъ и занятіяхъ въ нашемъ краѣ, представляющихъ важность и значеніе въ общей экономической жизни Россіи, напр. тюленьемъ, соляномъ, о томъ, что многія богатыя мѣсторожденія соли (напр въ горахъ Чапчачи, Богдо) еще не изслѣдованы вполнѣ окончательно, о широкомъ развитіи и усовершенствованіи судостроенія

и судоходства и пр. А такіе вопросы, какъ обстоятельное изслѣдованіе климата нашего края, его почвы, геологическаго строенія, вопросъ объ ирригаціи нашихъ степей или обводненіи ихъ, разведеніи лѣсовъ, съ другой стороны осушеніи нездоровыхъ болотистыхъ мѣстностей, борьбы съ песками, закрѣпленіи ихъ — все это представляетъ широкое поле для научнаго наблюденія и изученія.

И такъ вотъ въ чемъ заключаются въ общихъ, чертахъ задачи, цѣли и стремленія нашего Общества. Изучить исторію нашего края, какъ живой части нашего общаго русскаго цѣлаго, постараться изслѣдовать оставшіеся въ немъ памятники его давнепрошедшей жизни т. е. археологію его, изучить характеръ, жизнь, нравы народностей, обитающихъ въ немъ, далѣе естественныя богатства края, его природныя условія. И опять повторимъ, что кромѣ чисто научнаго интереса, всесторонее изученіе прошлой и настоящей жизни края и его естественной исторіи несомнѣнно окажетъ ему большія услуги и *въ практическомъ отношеніи*, ибо только такое близкое и полное знакомство со страною дастъ возможность утилизировать всѣ естественныя богатства страны, правильно напр. организовать борьбу съ различными вредными въ экономическомъ отношеніи явленіями и организмами и доставить основу для раціональной постановки и рѣшенія многихъ другихъ важныхъ въ жизни края вопросовъ.

Такимъ образомъ, послѣ этого общаго взгляда на поле дѣятельности, предстоящее обществу, можно сказать, что „жатва велика“ и дай Богъ, чтобы дѣлателей было по-больше!

Естественъ вопросъ, и его многіе, конечно, зададутъ, по силамъ ли Общества будетъ работа и разрѣшеніе намѣченной программы, ея широкихъ задачъ; можетъ ли быть, хотя до нѣкоторой степени, въ частности она выполнена (наличными силами его)? Имѣемъ ли мы, Астраханцы, достаточно людей и средствъ для этой цѣли, для такого всесторонняго изслѣдованія края?

Но само собою разумѣется, что вѣдь подобнаго рода программа не для одного только настоящаго времени, и не для одного только современнаго состава Общества, а для всего послѣдующаго періода существованія его. Задача Общества и состоитъ въ томъ, чтобы исподоволь, постепенно разрѣшать ея вопросы; эта программа, можно сказать, на вѣки, на всегда.

Мы не имѣемъ претензій считать себя великимъ ученымъ обществомъ, компетентнымъ въ самостоятельномъ рѣшеніи вопросовъ, какіе бы ни представились намъ въ изслѣдованіи края. Нѣтъ! Мы молодое, только что начавшее жить научно-любознательное братство, которое можетъ поставить своимъ девизомъ слова великаго учителя Россіи: „Азъ есмь въ чину учи-

мыхъ и учащихъ мя требую". Оно желаетъ практикой, самой жизнью рядомъ съ наукой, поучиться и потрудиться скромнымъ, посильнымъ трудомъ на пользу края, въ отдѣльныхъ, частныхъ областяхъ выставленной программы, предоставляя будущимъ поколѣніямъ, умудреннымъ опытомъ прошедшихъ временъ обобщеніе, объединеніе и систему добытыхъ по частямъ результатовъ по родиновидѣнію; оно желаетъ и ищетъ помощи и наставительства у своихъ старѣйшихъ собратій, раньше начавшихъ жить и дѣйствовать вовсеоружіи науки, въ средѣ которыхъ работаютъ умственныя силы, извѣстныя не только въ Россіи, но и въ западно-европейскомъ ученомъ мірѣ. Отъ нихъ мы ищемъ совѣта, указаній, одобренія, сочувствія при началѣ дѣятельности, всегда трудномъ, и надѣемся, что ихъ получимъ. Это доказывается многочисленными сочувственными откликами, полученными Петровскимъ Обществомъ при его возрожденіи, какъ отъ отдѣльныхъ ученыхъ дѣятелей, изслѣдователей на пользу Россіи, такъ и цѣлыхъ ученыхъ обществъ въ разныхъ городахъ ея, начиная со столицъ.

Такимъ образомъ мы будемъ въ чину учимыхъ молодыхъ братствъ и, думаемъ, найдемъ учащихъ насъ. А затѣмъ сами скромнымъ трудомъ будемъ совершать то, что намъ по-силамъ. Съ другой же стороны въ средѣ нашей, нашего общества, какъ можно видѣть, напр. изъ вышедшихъ въ свѣтъ протоколовъ общества, есть лица, которые уже потрудились на поприщѣ изученія нашего края и сейчасъ продолжаютъ трудиться по осуществленію задачъ общества.

Остается пожелать, чтобы кружокъ нашъ увеличился еще охотниками поработать на пользу края. Наше общество призываетъ всѣхъ, безъ различія званія, состоянія, народности къ собиранію и доставленію свѣдѣній по дѣлу изученія его. Всякое даяніе, всякое жертвованіе напр. книгами, вещами, рукописями, сообщеніемъ о какой либо древности, находкѣ и проч. будетъ принято обществомъ съ благодарностію и какъ знакъ сочувствія къ великимъ и благимъ цѣлямъ, преслѣдуемыхъ обществомъ. Мы желаемъ дружеской, согласной, братской дѣятельности, работы въ изученіи края, взаимно помогающей, ободряющей, той работы, гдѣ unitis viribus agunt, ибо увѣрены, что при этомъ только условіи пріобрѣтемъ прочную силу, крѣпкую духовную связь, залогъ успѣшности въ будущемъ. А затѣмъ мы взываемъ къ вниманію, сочувствію и помощи всего мѣстнаго городскаго и вообще губернскаго общества, ибо успѣхи нашего будущаго въ значительной степени зависятъ отъ добраго отношенія окружающей насъ среды, отъ ея вниманія и поощренія. Если бы позволено было выразить назрѣвшее желаніе нашего общества, то оно заключается въ томъ, что для дальнѣйшихъ успѣховъ его въ дѣлѣ изученія и изслѣдованія края настоитъ великая надобность въ открытіи у насъ публичнаго музея, который бы совмѣщалъ въ себѣ предметы

археологіи, этнографіи и естественной исторіи, а также торгово-промышленной дѣятельности мѣстнаго края. Такой музей былъ бы наглядной, живой школой для всего мѣстнаго общества въ дѣлѣ знакомства съ краемъ, родиной. Онъ былъ бы олицетвореніемъ жизни нашего края — давнопрошедшей и настоящей; онъ далъ бы обильную пищу для ума народа, для его труда, дѣятельности, служилъ бы справочнымъ мѣстомъ, гдѣ можно найдти указанія и совѣты во многихъ затруднительныхъ случаяхъ практической дѣятельности, мѣстомъ, которое чрезъ незамѣтное, повидимому, поднятіе естественно-историческаго образованія народа помогало бы улучшенію экономическаго быта страны.

По ограниченности матеріальныхъ средствъ Петровское Общество затрудняется наймомъ удобнаго помѣщенія для музея, тогда какъ предметы для него, постоянно и сейчасъ жертвуемые, значительная библіотека уже есть. И хотя Городское Общество по своей любезности и отвело помѣщеніе для указанной цѣли, но помѣщеніе это оказывается недостаточнымъ даже для постановки предметовъ пожертвованнаго Обществу музея Астраханскаго Статистическаго Комитета, музея, который до сего времени по этой причинѣ и не принимается Обществомъ, а между тѣмъ есть обѣщаніе отъ нѣкоторыхъ лицъ пожертвовать еще коллекціи, если будетъ у Общества достаточное помѣщеніе.

Этотъ музей былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и достойнымъ памятникомъ пребыванія въ нашемъ краѣ Великаго Императора Петра I, который самъ особенно любилъ изучать природу, естественныя богатства Россіи и заботился всюду объ открытіи естественно-историческихъ и торгово-промышленныхъ кабинетовъ и музеевъ. „Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигъ памятникъ своему народу; какой же народъ откажетъ въ памятникѣ своему великому человѣку“! — закончимъ словами нашего извѣстнаго историка С. М. Соловьева.

К. Малиновскій.

КРЕМЛЬ АСТРАХАНСКІЙ.

(Сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о началѣ Астраханскаго кремля, краткій очеркъ его исторіи и современнаго состоянія).

(Читано въ Общемъ Собраніи Петровскаго Общества 2 Января 1890 г. д. ч. К. Н. Малиновскимъ).

Маститый свидѣтель давнопрошедшей жизни и исторіи нашего города, современникъ первыхъ поръ владычества православія и русскаго имени на отдаленномъ инородческомъ юго-востокѣ Европы, вмѣститель глубоко-чтимыхъ нашихъ святынь,—нашъ величественный кремль начинаетъ постепенно разрушаться подъ тяжестію вѣковъ, пережитыхъ имъ, а можетъ быть также и вслѣдствіе нашего непростительнаго по отношенію къ нему небреженія. Благовременно, въ виду этого, вспомнить вѣковую, много-содержательную и, быть можетъ, много-страдальную жизнь почтеннаго старца, возобновить въ нашей памяти его сѣдую, древнюю исторію.

Невольно являются вопросы: когда онъ построенъ, кѣмъ, какихъ событій онъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ?

Обращаясь къ вопросу о времени построенія нашего кремля въ первоначальномъ его видѣ и о томъ, какъ видоизмѣнялся, пока не получилъ настоящей своей формы, мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что точныхъ и подробныхъ данныхъ о этомъ времени въ документальныхъ и историческихъ источникахъ, лѣтописяхъ, актахъ пока не найдено; существуютъ только отрывочныя и часто разнорѣчивыя замѣтки и извѣстія по этому поводу въ отдѣльныхъ описаніяхъ въ русскихъ сочиненіяхъ, относящихся къ Астраханскому краю и извѣстіяхъ иностранныхъ путешественниковъ, бывавшихъ въ разное время въ Астрахани и оставившихъ ея описаніе.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о кремлѣ, скажемъ, для предварительнаго уясненія дѣла, нѣсколько словъ вообще о внѣшнемъ видѣ и положеніи Астрахани, начиная съ самаго отдаленнаго времени, еще до присоединенія ея къ Московскому царству при Грозномъ, на сколько это можно сдѣлать на основаніи скудныхъ, отрывочныхъ извѣстій иностранныхъ писателей.

Несомнѣнно, что выгодное географическое положеніе города на рубежѣ 2-хъ частей свѣта, на пути въ богатыя средне-азіатскія страны еще издавна обусловливало его важное торговое значеніе, а слѣдовательно и достаточную его населенность. Уже въ XIV вѣкѣ главнымъ пунктомъ восточной

торговли Московскаго государства была лежавшая въ то время на правомъ берегу Волги, верстахъ въ 10 или 12 выше нынѣшней, старая Астрахань. Въ 1395 году она была разрушена Тамерланомъ, что нанесло сильный ударъ ея торговлѣ и городъ опустѣлъ, заглохъ на долгое время. По крайней мѣрѣ до конца XV вѣка о немъ нѣтъ точныхъ опредѣленныхъ извѣстій.

Въ концѣ XV вѣка, когда чрезъ Астрахань проѣзжалъ итальянскій путешественникъ Контарини она состояла изъ нѣсколькихъ небольшихъ мазанокъ и была окружена низкими стѣнами, хотя кое-гдѣ видны были еще слѣды гораздо большихъ зданій.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ и утвержденіемъ вліянія Московскаго государства на востокѣ пріобрѣтала большую твердость и большіе размѣры и торговля его тамъ. Во второй половинѣ XV вѣка изъ Москвы ежегодно ходили по Волгѣ въ Астрахань суда за солью (Барбаро). По словамъ Контарини ханъ Астраханскій ежегодно отправлялъ къ великому князю Московскому посла за подарками; съ этимъ посломъ обыкновенно, отправлялся цѣлый караванъ татарскихъ купцовъ съ джездскими тканями, шелкомъ и друг. товарами, которые они мѣняли на мѣха, сѣдла, мечи и другія, нужныя имъ, вещи. Вообще Астрахань и въ XV вѣкѣ была для Москвы важнымъ посредствующимъ рынкомъ въ торговлѣ ея съ востокомъ.

Восточная торговля Московскаго государства по Волгѣ должна была значительно усилиться, когда въ 1557 году Астрахань была окончательно присоединена къ Россіи и когда все теченіе Волги вошло въ предѣлы Русскаго государства.

Такимъ образомъ важное торговое значеніе Астрахани и до завоеванія ея русскими несомнѣнно, но всетаки она по своему положенію и внѣшнему устройству была въ 1-й половинѣ XVI вѣка не болѣе, какъ юртъ, а не какъ благоустроенный въ европейскомъ смыслѣ городъ. Что-же касается правильныхъ укрѣпленій, деревянныхъ и каменныхъ, имѣвшихъ цѣлію оградить населеніе отъ нападеній непріятеля, то таковыя появляются, именно только со времени присоединенія ея къ Московскому государству и перенесенія ея на новое, нынѣшнее мѣсто. Получивши съ этихъ поръ двоякое значеніе—торговое и военное, значеніе оплота, наблюдательнаго пункта среди безпокойнаго, многообразнаго, кочевого населенія, всегда готоваго къ грабежу, волненіямъ и бунтамъ, Астрахань начинаетъ укрѣпляться, обстраиваться уже съ первыхъ поръ русскаго владычества здѣсь, какъ можно видѣть изъ отрывочныхъ извѣстій иностранныхъ путешественниковъ; принимаются мѣры къ обстроенію и защитѣ города, приданія ему вида военной крѣпости, хорошо вооруженной.

Замѣтимъ прежде всего, что названіе „кремль“ [старинное русское фортификаціонное слово, приводимое въ связь Я. Гротомъ съ древнимъ

кромъ и *кремникъ*—огороженное мѣсто, охранное строеніе, а также обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе („Откуда слово кремль". Зап. А. Н. т. VI. Спб. 1864)], означающее внутреннюю крѣпость, которая заключается въ другихъ укрѣпленіяхъ, или цитадель, ранѣе временъ царя Ѳеодора Іоанновича, не встрѣчается нигдѣ, ни въ актахъ, ни современныхъ писаніяхъ. Обыкновенное же названіе внутренней крѣпости или теперешняго „кремля" въ древнихъ русскихъ городахъ было просто „городъ", „каменный городъ", иногда, въ немногихъ случаяхъ „дѣтинецъ", какъ назывался Московскій кремль до великаго князя Іоанна Даниловича Калиты.

Большая часть городовъ и крѣпостей Московскаго государства въ XVI вѣкѣ состояла изъ деревянныхъ укрѣпленій, исключая такихъ древнихъ и важныхъ городовъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ.

Въ первое же время тотчасъ по завоеваніи Астрахани и перенесеніи города на настоящее мѣсто укрѣпленія его по обычному способу состояли изъ земляныхъ насыпей, палисадовъ, земляныхъ рвовъ, бревенчатыхъ стѣнъ, тыновъ (остроконечныхъ, воткнутыхъ перпендикулярно, бревенъ). Такъ вскорѣ послѣ присоединенія Астрахани англійскій путешественникъ Дженкинсонъ въ 1558 году видѣлъ въ Нижнемъ отъѣздъ воеводы, назначеннаго въ Астрахань; онъ отправлялся въ сопровожденіи 500 большихъ кораблей, изъ которыхъ одни были нагружены жизненными припасами, оружіемъ и ратниками, а другіе везли купеческіе товары и пристали къ первымъ, какъ надежной защитѣ. По словамъ Джинкинсона, въ Астрахань ежегодно посылались транспорты съ людьми, жизненными припасами и *лѣсомъ на постройку крѣпости.*

Въ описаніи своего путешествія въ 1558 году онъ прямо говоритъ: „14 Іюля, пройдя древнюю крѣпость, гдѣ была старая Астрахань съ правой стороны, мы пріѣхали въ новую Астрахань. Городъ расположенъ на островѣ, на высокомъ берегу, *внутри города кремль, обнесенный деревянною и земляной стѣной и не красивой и не прочной*". Не много далѣе онъ замѣчаетъ, что „царь охраняетъ Астрахань очень строго: ежегодно посылаетъ сюда людей, припасы и *дерево для постройки кремля*".

Хотя есть свидѣтельство другого, не менѣе важнаго путешественника А. Олеарія, который говоритъ, что Іоаннъ IV, завоевавъ Астрахань *обнесъ ее толстою каменною стѣною;* но извѣстіе это нужно принять съ ограниченіемъ, какъ потому, что это показаніе очевидца Астраханскихъ укрѣпленій позднѣйшаго, такъ и по тому соображенію, что трудно было вообще на первыхъ порахъ построить крѣпость изъ камня, каменныя стѣны. Слѣдуетъ вѣрнѣе предположить, что первыя укрѣпленія и огражденія завоеванной и новооснованной Астрахани были деревянныя и земляныя, согласно свидѣтельству Ант. Дженкинсона.

На основаніи этихъ отрывочныхъ извѣстій можно считать за вѣрное, что построеніе каменнаго кремля начато уже въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, продолжалось нѣсколько лѣтъ, окончившись на первый разъ въ 1589 году; но и затѣмъ форма кремля видоизмѣнялась, и укрѣпленія его перестраивались, прибавлялись новыя башни, дѣлались новые ворота въ немъ и всѣ эти перестройки продолжались до конца XVII вѣка (до 1692 г.), когда онъ принялъ наконецъ, окончательный, сохранившійся до настоящаго времени видъ.

Ни въ лѣтописяхъ, ни въ изданныхъ историческихъ актахъ нѣтъ прямыхъ и точныхъ извѣстій о началѣ строенія каменнаго кремля или крѣпости въ Астрахани. Только въ одномъ актѣ, именно въ отрывкѣ изъ наказа Астраханскимъ воеводамъ, боярину князю Михаилу Пронскому, окольничему Тимоѳею Бутурлину и Ильѣ Безобразову отъ 1650 г. (помѣщ. въ IV т. А. Истор., изд. Археогр. экспед. № 40) содержится указаніе размѣра стѣнъ и башенъ каменнаго города, построеннаго въ Астрахани княземъ Ѳедоромъ Оболенскимъ съ товарищи. Указаніе это дѣлается по поводу повелѣнія о построеніи въ 7155 (1647) г. Яицкаго каменнаго города гостемъ Михаиломъ Гурьевымъ. Это мѣсто наказа гласитъ именно слѣдующее: „Да въ прошломъ въ 153 (1645) году, Апрѣля въ 18 день, блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи, указалъ гостю Михайлу Гурьеву, по его, Михайлову, челобитью, на рѣкѣ Яикѣ устроити *городъ каменной*, мѣрою *четырехсотъ сажень*, кромѣ башень, четвероугольной, чтобы всякая стѣна была по сту сажень; а по угламъ сдѣлати четыре башни; да въ стѣнахъ межь пряселъ четыре жъ башни; а стѣны-бъ были межь башень по ровну, по пятидесяти сажень межь башни; да въ двухъ башняхъ быти двоимъ воротамъ. А сдѣлати тотъ каменный городъ въ ширину, и толщину, и въ вышину, и съ зубцами, противъ Астраханскаго каменаго города, каковъ каменной городъ сдѣлалъ въ Астрахани князь Ѳедоръ Оболенской съ товарищи... а гдѣ былъ по берегу Яика рѣки, съ городскіе стороны, плетень заплетенъ, и въ томъ мѣстѣ у Яика рѣки... сдѣлать обрубъ *противъ того тыну каковъ обрубъ сдѣланъ въ Астрахани*“...

Изъ этого мѣста мы можемъ видѣть, что каменный городъ въ Астрахани построенъ княземъ Ѳедоромъ Оболенскимъ „съ товарищи“, но, къ сожалѣнію, нѣтъ здѣсь указанія, когда именно построенъ этотъ городъ. Отсюда же заключаемъ, что „каменный городъ“ или кремль въ основѣ и вполнѣ первоначальномъ, законченномъ видѣ уже существовалъ въ 1645 г.

Что же касается начала постройки каменнаго кремля, то относительно этого существуютъ отрывочныя извѣстія, по которымъ начало этого города относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго. Къ такой именно крѣпкой защитѣ, къ такимъ каменнымъ укрѣпленіямъ побуждали отдален-

ность Астрахани, враждебность многочисленныхъ, окружающихъ ее инородцевъ и притязанія на Астрахань со стороны турецкаго Султана. Такъ въ 1569 году Султанъ Селимъ, задумавъ покорить Астрахань, отправилъ сильное войско къ Переволокѣ, у которой приказалъ соединить Донъ съ Волгой. Войско турецкое и союзное съ нимъ Крымскаго хана Давлетъ-Гирея опустилось затѣмъ на городище выше Астрахани, гдѣ какъ полагаютъ была древняя столица хозарская, устроили крѣпость на этомъ городищѣ, но не рѣшились напасть на самую Астрахань и когда прибылъ изъ Нижняго-Новгорода князь Петръ Серебряный съ легкой дружиной, поспѣшно удалились. Это обстоятельство вѣроятно и послужило поводомъ къ усиленію гарнизона и укрѣпленій въ Астрахани: *въ 1582 году*, по словамъ Карамзина, *городъ былъ укрѣпленъ палисадомъ и начато построеніе кремля* (И. Г. Р. т. IX, с. 123—6; Город. пос. въ Рос. Имп. с. 57). „Астрахань, говоритъ онъ, угрожаемую Султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ востокомъ, для обузданія ногаевъ, черкесскихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними князей, укрѣпили каменными стѣнами“ (И. Г. Р. т. X).

Въ Царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ правленіе Бориса Годунова была особенная строительная дѣятельность въ Московскомъ государствѣ. Флетчеръ говоритъ, что въ ту пору было „строенье во всей землѣ такое, какого никогда не бывало, города каменные на Москвѣ и въ Астрахани надѣлалъ (Годуновъ)“. *Въ Астрахани*, говоритъ Соловьевъ, *въ 1589 г. построена крѣпость каменная* (Сол. И. Р. т. VII, с. 382—3). Если принять это извѣстіе и считать крѣпость за кремль, то такимъ образомъ въ 1889 г. исполнилось 300-лѣтіе, трехвѣковой юбилей нашей городской святыни, и первый періодъ построенія кремля по приведеннымъ даннымъ является время отъ 1582—89 г.

Что это такъ, то доказательство этого можно почерпнуть изъ нашей замѣчательной, такъ называемой Ключаревской рукописи, изданной Астраханскимъ Кирилло-Меѳодіевскимъ Обществомъ и неправильно названной имъ лѣтописью. (Очень жаль, кстати замѣтить, что въ Ключаревской рукописи, при описаніи событій, не указываются источники). Извѣстія ея въ общемъ согласуются съ отрывочными показаніями по этому поводу другихъ актовъ.

Въ этой рукописи говорится именно, что по взятіи Астрахани, для окончательнаго усмиренія волновавшихся и бунтовавшихъ татаръ, сюда былъ посланъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ воевода Петръ Семеновичъ Оболенскій или Серебряный, который оставилъ старый городъ и переселивъ татаръ на другую сторону Волги по разнымъ буграмъ, въ видахъ болѣе выгоднаго мѣстоположенія для жительства и защиты его отъ нападеній, избралъ для себя бугоръ, лежащій въ 12 вер. ниже противу перваго города.

Этотъ бугоръ назывался Шабанъ, что по татарски значитъ высокій (впослѣдствіи названный Заячимъ). Сюда перевезены были воеводою всѣ орудія и выстроены на этомъ бугрѣ высочайшіе заборы, кои впослѣдствіи времени измѣнилися въ настоящій кремль; старое-же, оставшееся на нагорной сторонѣ строеніе, приказалъ срыть до основанія. Избраніе этого бугра, продолжаетъ рукопись, доказываетъ чрезвычайную дальновидность означеннаго воеводы, ибо бугоръ этотъ огражденъ самою природою; со стороны востока окруженъ не проходимыми болотами, тинами, солончаками и частію лѣсомъ, съ сѣвера Волгою, тремя рѣчками и большими ильменями, съ полудня глубочайшимъ соляным озеромъ до самаго бугра и тремя протоками къ полудню; съ запада—Волгою, такъ что за 10 верстъ подойти къ нему было не возможно, кромѣ лодокъ, коихъ въ то время татары не имѣли. Въ такомъ-то неприступномъ мѣстѣ воевода избралъ себѣ станъ.

Вскорѣ за симъ воевода проситъ, по рукописи, царя возобновить городъ на избранномъ имъ бугрѣ и прислать человѣка святого монаха, чтобы училъ добру и „въ крещеную вѣру загонялъ, какъ разумъ достанетъ“. *А какъ городу быть*, пишетъ онъ царю, я начертилъ; мы живемъ всѣ здоровы; на первый разъ лѣсу не надо, а рубить можно подлѣ бугра; его тутъ много разнаго“. Вслѣдствіе этого прошенія воеводы и вслѣно городъ оградить палисадомъ, и стоялъ тотъ палисадъ до 1588 года, говорится въ рукописи.

Это извѣстіе вполнѣ соотвѣтствуетъ естественному ходу строенія и укрѣпленія первоначально возникавшихъ городовъ въ древней Руси. Обыкновенно города окружались бревенчатыми стѣнами, подлѣ вырывался ровъ, или же кругомъ ихъ складывались изъ бревенъ четыреугольники, которые наполнялись землею или пескомъ, отчего ихъ трудно было разбивать, а чтобы они не легко загорались, ихъ обмазывали глиной. Такъ относительно построенія стѣнъ Бѣлаго города въ Астрахани и говорится далѣе въ Ключаревской рукописи. Относительно же кремля въ ней сообщается затѣмъ, что въ царствованіе Ѳеодора Ивановича выданъ чертежъ на построеніе каменнаго кремля, въ окружности не болѣе, какъ стоялъ старый палисадъ. Кирпичъ приказано было брать съ Ахтубы, если не достанетъ, разрывать домы, ломать стѣны и улусы; поставить въ кремлѣ 8 башень, къ нужному мѣсту большія, а гдѣ менѣе бѣды поменьше, но чтобы всѣ были о трехъ бойницахъ. Съ выходу гдѣ будетъ городъ, на востокъ поставить выше и шире большую башню, чтобъ можно было въ нее проѣзжать, какъ чертежъ указуетъ ширины .. Въ кремлѣ сдѣлать два зелейныхъ двора, а для Бѣлаго города принесутъ чертежъ...

Такимъ образомъ свидѣтельство Ключаревской рукописи относительно времени построенія кремля Астрах. въ общемъ согласуется съ показаніемъ

другихъ историческихъ источниковъ, что въ Астрахани крѣпость каменная основана въ 1589 г.; разность здѣсь только въ одномъ годѣ. Да и фамилія строителя одинакова—Оболенскій; разница только въ имени; въ первомъ случаѣ онъ именуется Ѳедоромъ, а въ рукописи Іоанномъ.

Свидѣтельствомъ Ключаревской рукописи о постройкѣ кремля воспользовался и достопочтенный авторъ записокъ объ Астрахани Рыбушкинъ. Въ главѣ III объ укрѣпленіяхъ Астрахани онъ пишетъ: „начало построенія кремля Астраханскаго, имѣющаго нѣкоторое сходство съ Московскимъ, относятъ къ 1582 году, когда по указу царя Ѳеодора Іоанновича велѣно было поставить 8 башень, въ опасныхъ мѣстахъ большія, а въ прочихъ малыя, съ тремя на каждой изъ нихъ бойницами. Крѣпостныя стѣны окончены постройкою въ 1692 году.

Въ этомъ описаніи обращаетъ на себя вниманіе хронологическая не точность въ пріуроченіи 1582 года ко времени царствованія Ѳеодора Іоанновича. Какъ извѣстно въ этомъ году царствовалъ еще Иванъ IV Васильевичъ, а Ѳеодоръ Іоанновичъ съ 1584—1598 г.

Замѣчательно, что подобная спутанность хронологическихъ данныхъ относительно времени построенія нашего кремля повторяется въ разныхъ статистическихъ описаніяхъ и словаряхъ, какъ общихъ, такъ и спеціально трактующихъ о замѣчательныхъ и древнихъ строеніяхъ Астрахани.

Такъ въ географическо-статистическомъ словарѣ Россійской Имперіи П. Семенова (изд. 1863 г.) говорится: „Въ 1582 г. Ѳеодоръ Іоанновичъ построилъ въ Астрахани кремль и обнесъ его стѣною съ 8-ю большими башнями“... и далѣе нѣсколько: „изъ строеній въ городѣ замѣчателенъ кремль; онъ начатъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1582 году и конченъ 1692 года, матеріалы для его постройки брались изъ ханскаго замка и мечети, находившихся въ нынѣшнемъ Селитряномъ городкѣ“. Въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами (т. V. Спб 1862 г.) сказано: „Въ 1582 г. Ѳеодоръ Ивановичъ построилъ въ Астрахани кремль, обнеся его стѣною съ 8-ю большими башнями и нѣсколькими малыми“... и далѣе: „изъ строеній въ городѣ замѣчательны: кремль, стѣны котораго пришли уже въ разрушеніе, начатъ строеніемъ въ 1582 году при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ“.

Еще болѣе странныя, чтобы не сказать сильнѣе, хронологическія данныя о началѣ Астраханскаго кремля представляютъ мѣстныя изданія—двѣ брошюры; одна подъ названіемъ „Достопримѣчательности города Астрахани и его ближайшей окрестности“, (изд. въ 1872 г.), а другая „г. Астрахань и его окрестности“—въ 1882 году, изданія Астраханскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Въ обѣихъ брошюрахъ описаніе кремля дословно одинаковы, за исключеніемъ года начала построенія кремля 1554-го, ко-

тораго нѣтъ во второй брошюрѣ. Описаніе это слѣдующее: „построеніе кремля начато было вскорѣ по завоеваніи Астрахани, при Іоаннѣ Грозномъ, въ 1554 году (этого именно послѣдняго нѣтъ, какъ замѣтили мы, во 2-й брошюрѣ), и закончено *при царѣ Василіи Шуйскомъ*, въ 1582 г. (!?)".

Это описаніе кремля, такъ сказать, самое новое, послѣднее, современное. Несообразность хронологическая въ немъ ясна сама по себѣ. Помимо того, что окончательное присоединеніе Астрахани было въ 1557 году, въ 1582 г. царствовалъ еще Іоаннъ Васильевичъ Грозный и указаніе на царя Василія Шуйскаго въ эту пору, царствовавшаго отъ 1606—10 г. является по меньшей мѣрѣ страннымъ и непонятнымъ въ описаніи.

Изъ вышесказаннаго видно, на сколько можно довѣрять показаніямъ и свѣдѣніямъ нашихъ различныхъ энциклопедическихъ словарей и статистическихъ описаній, и убѣдиться, что свѣдѣнія эти и собираются и публикуются безъ всякой точной справки и критической провѣрки.

И такъ, на основаніи Ключаревской рукописи, а также другихъ отрывочныхъ историческихъ данныхъ, сказаній иностранныхъ путешественниковъ мы должны такимъ образомъ представлять себѣ исторію возникновенія нашего кремля. По выборѣ новаго мѣста воеводою для города, на бугрѣ Шабанъ выстроены были весьма высокіе заборы съ окопами и рвомъ. Эти заборы обнимали площадь нынѣшняго кремля (и мѣстность выстроеннаго потомъ Бѣлаго города). Между тѣмъ воевода Оболенскій приказалъ разрушать и срывать каменныя укрѣпленія и строенія старой татарской Астрахани на правомъ берегу, имѣя въ виду подготовить матеріалъ для построенія каменнаго города на избранномъ имъ бугрѣ; для всего этого испрошено было разрѣшеніе. Начерченъ былъ планъ города. Такъ какъ Астрахань находилась въ мѣстности отдаленной, окружена была врагами, то воевода проситъ Государя „по скорѣе отпустить свое повелѣніе". На мѣстѣ теперешняго кремля, какъ болѣе возвышенномъ, господствующемъ, располагался собственно воинскій станъ воеводы; тутъ была собственная крѣпость со всѣми нужными воинскими приспособленіями.

Между тѣмъ работы по укрѣпленію стана воеводы продолжались; составленъ и начерченъ планъ города; рубился окрестный лѣсъ, а также дерево привозилось и съ верху на судахъ. На запросъ воеводы отъ царя велѣно было городъ сдѣлать палисадомъ. Такого рода укрѣпленіе стояло до 1582 года, когда, послѣ 20-лѣтнихъ приготовленій, собиранія матеріала было приступлено къ построенію каменнаго города, или кремля, который и былъ конченъ въ 1589 году.

Обращаясь затѣмъ къ внѣшней, такъ сказать исторіи кремля, мы должны привести, на основаніи печатныхъ данныхъ (Ключаревъ, Рыбушкинъ, Озерецковскій), описаніе его вида, пространства и протяженія.

Описанія эти, начиная съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, мы приведемъ дословно.

Лучшее мѣсто въ городѣ, пишетъ Озерецковскій, есть высокій и длинный бугоръ, отъ Волги внутрь земли простирающійся, на которомъ находится кремль и Бѣлый городъ, раздѣленные между собою кирпичными стѣнами, которыя дѣланы еще при Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, спустя 78 лѣтъ отъ покоренія Астрахани подъ Россійскую державу, которое, какъ извѣстно, 7061 году (1553 г.) воспослѣдовало. По такой древности этихъ стѣнъ, всякій можетъ судить *о теперешней ихъ ветхости.* На бугрѣ этомъ противъ Волги во 1-хъ лежитъ *кремль*, котораго окружность 945, длина 225, ширина 175 сажень. Въ него сдѣланы четыре вороты: одни изъ нихъ подъ Красной башней со стороны Волги, откуда никто никогда въ нихъ не ѣздитъ и они спокойно стоятъ заперты; другіе были на другомъ концѣ кремля *въ Бѣлый городъ* подъ соборною колокольнею, но такъ какъ колокольня эта угрожала уже своимъ паденіемъ, то ее въ 1770 году сломали и, разрывъ ворота, оставили для въѣзда въ кремль безобразный проломъ; третьи и четвертыя ворота находятся по сторонамъ кремля: отъ сѣверной стороны называются Никольскими, по церкви Николая Чудотворца, которая надъ ними сдѣлана; отъ полуденной стороны слывутъ Житными, по находящемуся на этой сторонѣ Житному двору". Что касается Бѣлаго города, упоминаемаго въ этомъ описаніи, то о періодѣ времени его существованія отъ начала построенія, а также о времени его уничтоженія мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь пока для полноты свѣдѣній, приведемъ еще нѣкоторыя старинныя описанія нашего кремля.

Въ „Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1838 годъ (1-й годъ изданія Вѣдом.) въ приложеніи къ № 17 есть также описаніе Астраханскаго кремля, въ общемъ сходствующее съ описаніемъ Рыбушкина въ его запискахъ и принадлежащее, какъ можно полагать, его же перу. Описаніе это сопровождается краткимъ обзоромъ исторической судьбы кремля, событій, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, свидѣтелемъ.

„Кремль, говорится здѣсь, современенъ Астрахани по основанію; онъ построенъ по образцу кремля Московскаго. Его укрѣпленія воздвигались постепенно: сперва городъ былъ обведенъ только палисадомъ, съ разрѣшенія царя Ивана Васильевича Грознаго, у котораго воевода Астраханскій Черемисиновъ испрашивалъ на это позволеніе; окончательно работы начались съ 1588 года; когда царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, на мѣстѣ старыхъ домовъ и стѣнъ прежняго города, повелѣно по плану, присланному имъ на построеніе города, поставить 8 башень: въ опасныхъ мѣстахъ большія, а въ другихъ малыя, съ тремя, на каждой изъ нихъ, бойницами. Съ восточной стороны приказано соорудить башню и выше и шире другихъ, для удоб-

ности подъѣзда. Матеріалы для крѣпостныхъ работъ доставлялись изъ развалинъ прежняго города, въ 90 или 100 верстахъ отъ Астрахани съ Ахтубы".

Кремль расположенъ на бугрѣ, противъ Волги; онъ имѣлъ четверо воротъ: одни со стороны Волги, которыя всегда были заперты для входа и въѣзда; другія, устроенныя подъ соборною колокольнею (эта колокольня по ветхости въ 1760 году сломана), вели въ Бѣлый городъ. [Къ кремлю съ восточной стороны прилегала крѣпостца: *Бѣлый городъ*. Она имѣла свои стѣны и 7 воротъ: 1) *Мочаговскіе*, 2) *Рѣшеточные*, 3) *Вознесенскіе*, 4) *Проломные*, 5) *Кабашные*, 6) *Агарянскіе* и 7) *Старо-Исадные*. Ворота и стѣны Бѣлаго города сохранились только въ народной памяти]. На мѣстѣ этихъ воротъ образовался послѣ проломъ, который служилъ въѣздомъ; третьи — съ сѣвера, названныя *Никольскими* отъ выстроенной надъ ними церкви Николая Чудотворца и четвертыя съ юга — *Житные*, получившіе названіе отъ бывшаго тутъ *Житнаго двора*. Укрѣпленія совершенно окончены въ 1691 и 1692 годахъ. Окружность кремля заключала въ себѣ 945 сажень, длина 225, а ширина 175. Поводомъ къ возведенію кремля были опасенія отъ нападенія турокъ и крымцевъ.

Все сказанное основывается на печатныхъ источникахъ, что же касается матеріаловъ архивныхъ для исторіи построенія и постепеннаго видоизмѣненія кремля, то таковыхъ, насколько приходилось знакомиться со старыми дѣлами въ здѣшнемъ губернскомъ архивѣ, нами не найдено, за исключеніемъ только описанія мѣры протяженія кремля, его длины, ширины, толщины, находящихся въ немъ воротъ и башень, построекъ внутри его отъ XVIII вѣка въ разные его годы. Общаго же и цѣльнаго историческаго обзора существованія кремя, до сего времени не найдено, какъ можно судить по слѣдующему рукописному акту, случайно открытому нами въ губернскомъ архивѣ. Въ числѣ дѣлъ, касающихся указаній замѣчательныхъ древнихъ памятниковъ и сооруженій въ предѣлахъ края, есть между прочимъ, донесеніе Астраханскаго губернатора Александра Степановича Осипова въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1828 году, вслѣдствіе приказа отъ послѣдняго, по Высочайшему повелѣнію, касательно доставленія свѣдѣній объ остаткахъ древнихъ зданій въ городахъ и о воспрещеніи разрушать ихъ. Въ дѣлѣ, составлявшемъ матеріалъ для этого донесенія есть, между прочимъ, *описаніе Астраханскаго кремля*. Приведемъ его полностію съ вопросными пунктами, содержащимися въ немъ и отвѣтами на нихъ.

„Когда и кѣмъ строенъ или перестроенъ?

По дѣламъ свѣдѣнія не отыскано; но въ изданной въ С.-Петербургѣ въ 1809 году по Высочайшему одобренію книгѣ подъ названіемъ *Хозяйственное описаніе Астрахани и Кавказской губерніи* видно, что

по взятіи Астрахани въ 1554 году, въ царствованіе Іоанна Васильевича, *вскорѣ по перенесеніи сего города на нынѣшнее мѣсто, устроенъ сей кремль* изъ матеріаловъ разломаннаго ханскаго замка и татарской мечети подъ названіемъ Главной или Бѣлой, кои существовали при Селитряномъ городкѣ въ Енотаевскомъ уѣздѣ, *а въ 1631 году* по указу Государя Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича *распространена крѣпость Бѣлаго города новыми стѣнами.*

По какому случаю, или для какого намѣренія?

Сего въ дѣлахъ также не видно, но полагать должно, что построенъ въ обезпеченіе отъ набѣговъ татаръ и другихъ народовъ магометанскаго исповѣданія.

Когда и почему зданіе сіе разрушено?

Стѣны кремля разрушаются отъ времени; но крѣпостныя стѣны Бѣлаго города, будучи въ худомъ состояніи *въ разное время по 1826 годъ*, съ разрѣшенія начальства, разломаны до основанія и мѣсто по Высочайше конфирмованному плану въ 1801 году о построеніи города Астрахани, большею частію застроено обывательскими домами.

Изъ какихъ матеріаловъ строены?

Изъ зженаго кирпича и извести.

Въ какомъ теперь положеніи, въ чьемъ вѣдѣніи и для чего употребляются?

Главнѣйше въ ветхомъ, а мѣстами въ разрушенномъ состояніи; находится въ вѣдѣніи Инженернаго Департамента; употребленія изъ нихъ нѣтъ никакого.

Можно ли поддержать починкою, не перемѣняя древнихъ плановъ и фасадовъ?

По воспослѣдовавшему Высочайшему повелѣнію о поддержаніи кремля въ древнемъ его состояніи, при Астраханской Инженерной командѣ составлена была смѣта и чертежи и представлена къ командиру Грузинскаго Инженернаго Округа, генералъ-маіору Хотчеву при рапортѣ отъ 14 Октября 1821 года, но разрѣшенія еще не получено".

Изъ этого акта видимъ, что въ 20-хъ годахъ кремль находился мѣстами въ разрушенномъ состояніи.

О формѣ кремля первоначальной мы уже упоминали. Онъ былъ четыреугольный, по 100 сажень каждая сторона, не считая протяженія 8 башень, находившихся по угламъ его и въ срединѣ стѣнъ. Въ немъ было 2-е воротъ подъ двумя башнями находящимися въ срединѣ западной и восточной стѣнъ.

Въ то-же самое время, т. е. вскорѣ по завоеваніи города, въ періодъ отъ 1568 по 1576 годъ, въ мѣстности кремля, начинается строительная

дѣятельность; появляются зданія, строенія для мѣстъ правительственныхъ, церкви, которыя были на первыхъ порахъ деревянныя. Такъ, по повелѣнію Іоанна IV присланнымъ имъ игуменомъ Кирилломъ устрояется монастырь во имя Св. Троицы.

Но еще ранѣе этого, вскорѣ по укрѣпленіи стана воеводы на бугрѣ въ мѣстности кремля была выстроена церковь во имя Св. Николая Чудотворца, въ память Святителя, образъ котораго былъ присланъ въ Астрахань при ея завоеваніи; это видно изъ того, что при отправленіи въ Астрахань игумена Кирилла, въ 1568 г., царь Иванъ Васильевичъ, вручая ему икону Божіей Матери Владимірской, повелѣлъ устроить въ Астрахани у Николы Чудотворца монастырь общій, изъ чего и можно заключить, что еще до Кирилла въ Астрахани былъ храмъ во имя этого Святителя. Кромѣ того, замѣтимъ здѣсь, Ключаревская рукопись упоминаетъ какъ о первомъ храмѣ въ городѣ, о церкви во имя Рождества Богородицы, деревянной, выстроенной, по повелѣнію воеводы отъ стана его *на востокъ около 400 саж.*, слѣдовательно, въ мѣстности возникшаго потомъ, такъ называемаго, Бѣлаго города. Въ 1702 году на мѣстѣ ея при митрополитѣ Сампсонѣ была сооружена каменная церковь. (И. Астр. Каѳ. Соб. с. 58).

Въ 1572 г. въ кремлѣ были устроены храмы: Св. Троицы, Введенія Богородицы и Св. Николая Чудотворца и при немъ келіи для монастырской братіи. Всѣхъ строеній въ монастырѣ было до 50, и вокругъ всѣхъ ихъ была устроена деревянная ограда, окружность которой занимала всю сѣверо-восточную часть настоящаго Астраханскаго кремля. Впослѣдствіи постепенно храмы перестроивались въ каменные; такъ главный изъ нихъ Троицкій былъ выстроенъ изъ камня игуменомъ Ѳеодосіемъ (впослѣдствіи первымъ Астрах. іерархомъ) въ 1603 году (Ключ. рукоп., краткая ист. Астраханск. еп.). Прежній Успенскій соборный храмъ начатъ строеніемъ въ кремлѣ въ 1598 г.

Съ начала XVII стол., нужно полагать, происходитъ постепенное видоизмѣненіе въ формѣ кремля: онъ перестраивается и разширяется. Военныя обстоятельства, смуты и захватъ кремля Заруцкимъ могли быть поводомъ и этому. Когда Заруцкій съ своими сообщниками заперся въ кремлѣ, граждане засѣли на посадѣ. Въ среду на страстной недѣлѣ 1614 года завязался бой. На астраханцевъ съ кремля наведены были пушки. Понятно, что такія смутныя, военныя обстоятельства не могли такъ или иначе не повредить кремля. Въ память освобожденія Астрахани отъ Заруцкаго была выстроена церковь во имя Казанской Божіей Матери на такъ называемыхъ Пречистенскихъ воротахъ, гдѣ теперь находится соборная колокольня. Долго-ли существовала эта церковь и ворота—не извѣстно; должно полагать, что она упразднена во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ 1-й четверти XVII в. кремль въ общемъ получилъ форму и очертаніе, въ которыхъ является въ настоящее время, за исключеніемъ количества башенъ, которыхъ было 8. Въ ту пору и до конца XVII вѣка онъ былъ, такъ сказать, въ самомъ крѣпкомъ, сильномъ состояніи, прекрасно вооруженъ. Олеарій говоритъ, что городъ былъ снабженъ 500-ми металлическихъ пушекъ, между которыми было нѣсколько полныхъ и полуосадныхъ короткихъ пушекъ, видѣнныхъ имъ самимъ. Во второй половинѣ XVII в. укрѣпленія города стали ветшать, обваливаться; трудно было за ними обороняться. Въ 1661 году Крымскіе татары взяли было Астрахань. Послѣ этого въ 1669 году городъ и кремль вновь поправлены, усилены и обнесены весьма крѣпкими, каменными стѣнами, снабжены большимъ числомъ пушекъ, множествомъ аммуниціи и сильнымъ гарнизономъ. О хорошемъ оборонительномъ положеніи Астрахани въ эту пору говоритъ вообще и голландецъ Стрюйсъ, бывшій здѣсь въ 1669 году.

Упомянувъ о томъ, что стѣны города построены изъ хорошаго камня, о его укрѣпленіяхъ и вооруженіи, онъ замѣчаетъ затѣмъ, что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Астрахань расширена на цѣлую $^1/_3$, которая, будучи назначена спеціально для гарнизона и называлась Стрѣлецкимъ городомъ.

Въ общемъ въ ту пору, какъ по величинѣ, такъ и по красотѣ онъ причисляетъ Астрахань къ значительнѣйшимъ городамъ Московіи.

Во время бунта Стеньки Разина и взятія имъ Астрахани въ городѣ также не было недостатка въ оружіи и запасахъ. Всѣ городскія и особенно кремлевскія стѣны были усиленно защищены орудіями; на башняхъ стѣнъ висѣли, кромѣ того, колокола для звона въ случаѣ тревоги, опасности какой либо.

Но взятіе города и погромъ его также не могли не отозваться, такъ или иначе, на состояніи укрѣпленій его. Еще предъ нападеніемъ Разина, чтобы прекратить всякое сообщеніе волновавшихся стрѣльцовъ и жителей города съ бунтовщиками, по приказу воеводы Прозоровскаго, всѣ ворота были завалены кирпичами; приготовлены были, противъ осаждающихъ, кучи камней.

Погромъ Разина, также долженъ былъ заставить правительство усиленно заботиться объ укрѣпленіяхъ Астрахани.

Уже позднѣе затѣмъ, по укрощеніи мятежа 1705 г., по сдѣланной описи военнымъ вещамъ въ городѣ оказалось: пушекъ, разставленныхъ по башнямъ кругомъ кремля и Бѣлаго города, на 18 башняхъ 180, пороха 583 боченка, ядра, по разности калибровъ и множеству кучъ, лежащихъ въ кремлѣ, не счислены. (Ключ. рук. с. 43).

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о видѣ, положеніи и состояніи вообще города и кремля въ началѣ XVIII вѣка даетъ Корнилій де-Бруинъ въ описаніи своего путешествія чрезъ Московію въ 1703 году. Этотъ городъ,

пишетъ онъ, окруженъ прекрасною каменною стѣною, въ окружности добрый часъ времени. Онъ имѣетъ 10 воротъ. Я отправился *изъ Никольскихъ воротъ* (стало быть въ сѣверной стѣнѣ кремля) вдоль рѣки, оттуда къ *Краснымъ воротамъ*, мѣстности болѣе возвышенной, лежащей на крайнемъ концѣ. Отсюда-же, продвигаясь впередъ, въ поле, я достигъ *Житныхъ воротъ*, у хлѣбнаго магазина, которые были заперты; но тутъ-же не вдалекѣ есть другія ворота *въ кремль*, въ которыя входятъ и выходятъ. Сказанный хлѣбный магазинъ находится внѣ городскихъ стѣнъ и также окруженъ особенною каменною стѣною.... Изъ 10 воротъ шесть находятся у рѣки, а *двое воротъ въ кремль*, который лежитъ предъ городской стѣной. Есть въ ней еще третьи ворота, называемые *Пречистенскими*, выходящіе въ городъ напротивъ базара или большой улицы, на которой находятся главныя лавки русскихъ и армянъ. (Эти лавки, замѣтимъ, находились именно вдоль восточной стѣны кремля даже въ 1-й четверти нашего столѣтія). Проходя этими воротами по пути въ кремль, на лѣвой рукѣ видна соборная церковь, которую начали постройкой пять лѣтъ тому назадъ, на иждивеніе митрополита Сампсонія.... задняя сторона этого зданія примыкаетъ отчасти къ стѣнѣ *митрополичьихъ палатъ*, которыя составляютъ главное зданіе въ городѣ, чрезвычайно обширное, длинное и все каменное. Въ очень близкомъ разстояніи отъ этого зданія на прекрасномъ ровномъ мѣстѣ кремля находится *дворецъ губернатора*, большое деревянное строеніе, окруженное особою деревянною стѣною, снабженною двумя воротами, передними и задними. Дворцовая церковь или часовня находится внѣ сказаннаго дворца. Между передними воротами, у которыхъ всегда находится стража, и домомъ губернатора, есть прекрасная площадка. Вся совокупность двора называется Иваномъ Богословомъ. Самый дворецъ содержитъ большое количество комнатъ, прекрасно освѣщенныхъ и чрезвычайно пріятныхъ; въ особенности тамъ хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, видъ изъ которой очаровательенъ со всѣхъ сторонъ. У воротъ кремля, достаточно снабженнаго артиллеріей, стоитъ всегда стража. При входѣ въ кремль, передъ воротами, имѣется стража съ ея сторожевыми домами; тутъ видите много орудій; а съ правой руки находится канцелярія, каменное зданіе въ нѣсколько покоевъ, гдѣ въ покоѣ губернатора стоитъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ... Затѣмъ далѣе Бруинъ перечисляетъ по своему чертежу части, зданія и разныя мѣста въ городѣ; такъ, подъ 10-й цифрой обозначенъ *кремль* или крѣпость, стѣна которой начинается еще въ городѣ; 11) *колокольня*; 12) *часовня солнечныя башни*, принадлежащія Собору; 13) *Соборъ*; 14) *Троицкій монастырь*; 15) *Никольскія ворота*; 16) *гберпаторскій домъ*; 17) *церковь Ивана Богослови*; 19) *Красныя ворота*, самыя ближайшія къ рѣкѣ.

Изъ довольно подробнаго описанія города и его расположенія, также и рисунка, приложеннаго къ описанію можно видѣть, что въ началѣ XVIII в. Астрахань состояла изъ кремля и собственно города, расположеннаго къ востоку отъ перваго. И тотъ и другой были ограждены каменными стѣнами и при томъ такъ, какъ видно изъ чертежа Бруина, что городъ, будучи шире по расположенію кремля, обнималъ его краями своихъ боковыхъ стѣнъ — сѣверной и южной. Кремлевскія зубчатыя стѣны представлявшія почти четыреугольникъ имѣли 4 воротъ: *Никольскія* въ томъ мѣстѣ, гдѣ таковыя и теперь; *Красныя ворота* въ западной стѣнѣ кремля, противъ зданія бывшаго порта; затѣмъ съ южной стороны, по теперешнему расположенію — въ срединѣ южной стѣны, ближе, впрочемъ къ юго-восточному углу, противъ Александровскаго бульвара *Житныя ворота*, которыя, замѣчаетъ Бруинъ были заперты и наконецъ 4-я ворота *Пречистенскія* — это былъ главный проходъ въ восточной сторонѣ кремля — изъ него въ городъ. Они находились на мѣстѣ нынѣшнихъ кремлевскихъ воротъ подъ Соборной колокольней.

Что касается протяженія кремля и числа находившихся въ немъ башень въ началѣ XVIII вѣка, то объ этомъ имѣемъ свѣдѣнія въ описаніи кремля въ 1709 г., находящемся въ одной рукописной книгѣ подъ № 11, хранящейся въ Астраханскомъ Губернскомъ Правленіи *). По этому описанію надъ Пречистенскими воротами тогда находилась недостроенная башня. Замѣтимъ здѣсь, что около Пречистенскихъ воротъ находилась въ ту пору другая смежная башня съ проѣздными воротами, въ разстояніи отъ Собора на 2 сажени, на которой митрополитъ Самсонъ въ 1710 г. воздвигъ колокольню, вмѣсто сгорѣвшей въ Апрѣлѣ 1709 года. (Астрах. Каѳ. Соб., изд. Н. Каменскаго). Отъ Пречистенскихъ воротъ городовой стѣны до *пыточной башни глухой* считалось 77 саж. Эта именно башня, которая находится въ сѣверо-восточномъ углу кремля; затѣмъ по сѣверной стѣнѣ находилась *башня, вышиною въ 6 саж. съ половиною*, съ 3-мя бойницами; на ней была церковь во имя Николая Чудотворца. Отъ Никольскихъ воротъ до Красныхъ — 132 сажени; здѣсь также находилась *башня (4-я)*, вышиною въ 5 саж., съ 3-мя бойницами. Отъ Красныхъ воротъ и башни, (находившихся на мѣстѣ башни, обращенной къ зданіямъ б. порта) *до глухой башни (5-я)*, наугольной, что обращена къ Долбилову монастырю 84 сажени, вышиною 7 саж. съ 3-мя бойницами. Отъ глухой наугольной башнѣ къ Житному двору до *другой глухой башни (6-я)* (вѣроятно по срединѣ протяженія южной стѣны) 115 саж., вишиною въ 5 саж. 2 арш. съ 3-мя бойницами. Отъ этой глухой башни до 3-й глухой-же (7-я) на углу Житнаго двора 112 саж., вышиною башня въ 6 саж. съ 4-мя бойницами.

*) Книга эта просмотрѣна нашимъ достоуважаемымъ сочленомъ Н. П. Малешевскимъ.

Это — башня, которая находится теперь въ юго-восточномъ углѣ кремля. Отъ нея до Пречистенскихъ воротъ считалось 64 саж. съ аршиномъ. Всего протяженія по стѣнамъ кремля и башнямъ 706 саж. Отъ Пречистенскихъ воротъ до Красныхъ—203 саж., а поперекъ отъ Никольскихъ воротъ до Житнаго двора 111 саж. Въ кремлѣ въ ту пору кромѣ храмовъ была, какъ и съ издавняго времени, Приказная Палата „гдѣ сидѣли бояре и воеводы"; Государевъ дворъ съ хоромами; на немъ 2 виноградныхъ садика; кромѣ того остальныхъ жилыхъ строеній въ кремлѣ было 131 дворъ.

Въ 1709 г. Астрахань опустошилъ страшный пожаръ. Болѣе 570 лучшихъ и богатѣйшихъ домовъ сдѣлались жертвою пламени; при этомъ Успенскій и Троицкій соборы въ кремлѣ, потерпѣли также значительное поврежденіе.

Дальнѣйшая исторія кремля въ XVIII вѣкѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ, представляетъ постепенное измѣненіе его наружнаго вида, а также и постепенное разрушеніе отдѣльныхъ частей его стѣнъ и башень; впрочемъ до половины столѣтія онъ находился въ довольно крѣпкомъ состояніи; но съ 50-хъ годовъ стѣны его ветшаютъ, равно какъ и башни, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ и были сломаны. Такъ въ 1760 г. была сломана башня, находившаяся у Пречистенскихъ воротъ, сломана также по ветхости и старинная колокольня, находившаяся здѣсь; ворота Пречистенскія были разрыты и для въѣзда въ кремль оставленъ безобразный проломъ.

Въ 60-хъ годахъ положеніе и состояніе кремля было такое. Онъ имѣлъ, какъ и теперь, видъ треугольника, въ длину 120 саж., а въ ширину 80. Кирпичная стѣна его, высоты въ среднемъ около 3-хъ саж., по древнему образцу, оканчивалась сверху, какъ и теперь—зубцами. Подлѣ кремля съ южной стороны находилась другая маленькая крѣпость, имѣющая въ длину 80, а въ ширину 40 саж. и также обнесенная кирпичною стѣной, которая однако уже разваливалась и подкрѣплялась только деревяннымъ палисадомъ. Эта крѣпостца и называлась Житнымъ дворомъ, такъ какъ въ амбарахъ, находящихся здѣсь, хранились всякіе запасы—хлѣбъ, известь и другіе матеріалы. Прежде въ нее ходили чрезъ ворота, сдѣланныя въ западной ея сторонѣ и называвшіяся Житными, а въ 60-хъ годахъ въ нее ѣздили и прямо изъ кремля, сквозь самую городскую стѣну, которая при Архіерейскомъ дворѣ въ то время была совсѣмъ разломана. Въ кремлѣ было уже только 2-е воротъ—Никольскіе на сѣверной сторонѣ съ церковію Николая Чудотворца и Пречистенскіе на восточной—на которыхъ прежде бывшую высокую башню, какъ мы уже упоминали, съ находившимися на ней городскими часами и соборными колоколами, за ветхостію сломана, а затѣмъ сломали и самыя ворота, такъ что стали ходить въ кремль чрезъ проломъ въ самой стѣнѣ.

Внутри кремля, кромѣ соборнаго Успенскаго храма, Архіерейскаго дома съ дворомъ, Троицкаго монастыря—на теперешнихъ мѣстахъ, на сѣверной сторонѣ кремля подлѣ самой стѣны находилось каменное зданіе Губернской Канцеляріи, въ ту пору уже достаточно ветхое. Между Губернской Канцеляріей и бывшимъ Троицкимъ монастыремъ находилась гауптвахта; позади монастыря въ сѣверной стѣнѣ кремля вышеупомянутыя Никольскія ворота; потомъ у той-же стѣны былъ двухэтажный обширный домъ для губернатора; но въ ту пору, за ветхостію его, въ немъ содержались только губернаторская секретная и калмыцкая экспедиція; позади этого строенія далѣе къ западу находились пороховые погреба. Вдоль южной стороны кремлевской стѣны находилось нѣсколько, обветшавшихъ и потому опустѣлыхъ деревянныхъ домовъ, въ которыхъ прежде помѣщалась полиція. Выше этихъ построекъ на открытомъ мѣстѣ кремля лежали чугунныя пушки, большія и малыя бомбы, ядра.

Вдоль восточной стѣны кремля, наружу отъ Пречистенскихъ воротъ къ югу находилися деревянныя торговыя лавки, со всякимъ товаромъ и назывались они, вмѣстѣ съ гостиннымъ русскимъ дворомъ, *Большимъ или Русскимъ базаромъ*. (Соч. С. Гмелина. Пут. по Россіи).

Послѣ разломки вышеуказанной колокольни у Пречистенскихъ воротъ, противъ соборнаго алтаря была сдѣлана деревянная колокольня на каменныхъ столбахъ, которая въ Апрѣлѣ 1778 года отъ случившагося въ Астрахани пожара сгорѣла. Вмѣстѣ съ нею сгорѣлъ и Архіерейскій домъ совсѣми пристройками. Въ такомъ неупорядоченномъ и не привлекательномъ видѣ существовала восточная сторона кремля, пока въ 1813 г. И. А. Варваціемъ не была выстроена теперешняя величественная колокольня. Но и затѣмъ эта восточная сторона кремля ветшала и ветшала, поправки были малыя, мелкія, отдѣльныя, такъ что уже въ нашемъ столѣтіи, въ 30-хъ годахъ, восточная стѣна частію уже разрушилась, а частію была на пути къ разрушенію; только большая часть сѣверо-западной и часть южной стѣны сохранились въ то время.

По плану г. Астрахани 1798 года въ кремлѣ кромѣ Соборной церкви безъ колокольни, обветшавшаго Троицкаго монастыря, Архіерейскаго дома съ пристройками, находились—цейхгаузъ у южной стѣны, рядомъ съ дворомъ Архіерейскаго дома, подлѣ южной башни, и 2 пороховыхъ выхода: одинъ подлѣ острококечной круглой теперешней башни у сѣверной стѣны, другой въ сѣверо-восточномъ углу кремля, во дворѣ. Къ наружной сторонѣ южной стѣны, противъ цейхгауза, примыкали провіантскіе амбары, прежде *Житный дворъ*. Направо по входѣ въ кремль Пречистенскими воротами, противъ Успенскаго собора стояла гауптвахта. Вдоль всего протяженія восточной стѣны наружу, по обѣ стороны Пречистенскихъ воротъ, находились тор-

говые дома, лавки, магазины въ 2 этажа, съ жилыми покоями въ верхнихъ, касаясь своей крышей основанія зубцовъ стѣнъ кремля. Внутренность же его, въ средней части является по этому плану безъ всякихъ построекъ. При этомъ восточная стѣна представляла на разстояніи саженей 15 отъ главныхъ воротъ къ сѣверу обвалъ, загороженный пристройками, на разстояніи же отсюда сажень 40 стѣна представляла изгибъ къ внутренней сторонѣ и по прямой линіи, такимъ образомъ доходила до сѣверо-восточной Артиллерійской т. наз. башни.

По плану гор. 1835 года въ кремлѣ, послѣ Собора, колокольни, Архіерейскаго дома, находимъ гауптвахту, на теперешнемъ уже мѣстѣ, зданіе штабъ и оберъ-офицерскаго корпуса, на мѣстѣ нынѣшняго дома, гдѣ помѣщается Управленіе воинскаго начальника и Канцелярія мѣстнаго баталіона; параллельно, южнѣе, какъ и теперь, находилось зданіе солдатскихъ казармъ. Въ южной стѣнѣ у башни - кухни солдатъ; рядомъ съ ними зданіе для склада аммуниціи. Въ сѣверо-восточномъ углу стѣны у башни во дворѣ и рядомъ пороховые погреба; по южной стѣнѣ далѣе къ западу отъ цейхгауза для аммуниціи находились цейхгаузы артиллерійскіе. Противъ западнаго угла ихъ — артиллерійская кордегарція. Вдоль восточной стѣны еще показаны строенія съ торговыми и жилыми помѣщеніями, за исключеніемъ второй половины стѣны, считая отъ воротъ подъ колокольнею. Подлѣ Никольскихъ воротъ, какъ и теперь, на мѣстѣ зданій военнаго лазарета показаны строенія. При этомъ въ срединѣ почти южной стѣны, къ западу отъ башни, показана выемка, вѣроятно обозначавшая обвалъ стѣны, на протяженіи сажень 20-ти. Такая же выемка обозначена и на западъ отъ архіерейскаго двора до зданій солдатскихъ кухонь, на протяженіи сажень 35-ти. Вотъ почему Рыбушкинъ, писавшій свои замѣтки объ Астрахани въ 30-хъ годахъ замѣчаетъ, между прочимъ, что въ то время осталась въ кремлѣ только нѣкоторая часть башень; стѣны же полуразрушены и во многихъ мѣстахъ представляютъ безобразіе. (Зап. объ. Астрах. стр. 141).

Нужно полагать, что послѣдняя большая поправка или реставрація кремля въ древнемъ его видѣ, за исключеніемъ прежняго количества башень (8-ми) была сдѣлана въ 40-хъ годахъ, какъ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, упомянутаго нами выше при изложеніи архивнаго документа отъ 1827 года о тогдашнемъ состояніи кремля.

Это доказываютъ и слова путешественника очевидца, бывшаго въ Астрахани въ концѣ 40-хъ годовъ П. Ерм — ва, который замѣчаетъ, что стѣны и башни кремлевскія, еще недавно бывшія въ полуразрушенномъ состояніи, теперь за ново отдѣланы, выбѣлены и содержатся весьма попечительно. (Астрахань и Астраханская губернія. Н. Ерм — въ. М. 1852 г.).

Но не буду утомлять вашего вниманія, м. г., изложеніемъ извѣстій о дальнѣйшихъ измѣненіяхъ въ видѣ нашего кремля, описаніемъ его современнаго состоянія, извѣстнаго въ общемъ всѣмъ намъ, воспоминаніемъ прошлогодняго разрушенія 30 Января восточной части стѣны, и, какъ слѣдствія этого, о пріѣздѣ тайн. сов. Маевскаго, по Высочайшему повелѣнію, для осмотра кремля, наконецъ о предварительныхъ заботахъ о поддержаніи стѣнъ его во многихъ мѣстахъ подпорками изъ бревенъ....

Скажемъ только въ заключеніе нѣсколько словъ о значеніи нашего кремля.

Всѣ мы въ общихъ чертахъ знаемъ, слышали или читали, что кремль нашъ былъ мѣстомъ совершенія, средоточіемъ великихъ событій въ исторіи нашего города, что онъ былъ какъ бы сердцемъ цѣлаго края; историческія воспоминанія о немъ и о его заслугахъ возбуждаютъ во всякомъ изъ насъ самыя возвышенныя національныя чувства. Однимъ словомъ это замѣчательный мѣстный историческій памятникъ въ нашемъ городѣ и вообще краѣ, великая религіозная святыня, подобныхъ которой мало въ другихъ русскихъ городахъ.

Мало того этотъ кремль — есть какъ бы кусокъ Россіи, ибо такъ часто въ исторіи ея, особенно при совершеніи великихъ, важныхъ событій упоминается объ Астрахани и ея кремлѣ. Здѣсь появился первый храмъ Божій, отсюда, стало быть, исходила первая христіанская проповѣдь, живое слово, просвѣщавшее отдаленный, инородческій юго-востокъ Россіи и Европы. Здѣсь съ первыхъ поръ имѣли резиденціи намѣстники, воеводы Государевы, правители края, здѣсь-же съ самаго начала образованія епархіи обитали и его іерархи.

Кремль видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и высокихъ, августѣйшихъ посѣтителей. Вспомнимъ посѣщеніе нашего города въ 1722 г. великимъ преобразователемъ Россіи, Императоромъ Петромъ I, который находясь въ кремлѣ и взирая на величественное зданіе Собора нашего говорилъ своей августѣйшей супругѣ: „во всемъ моемъ государствѣ нѣтъ такого лѣпотнаго храма“. Въ 1865 г. былъ въ Астрахани, проѣздомъ на Кавказъ, Великій князь Михаилъ Николаевичъ, который осматривалъ кремль, Соборъ и его ризницу. Въ 1868 г. не мало любовался Соборомъ въ кремлѣ Великій князь Алексѣй Александровичъ. Наконецъ въ Сентябрѣ 1871 года кремлевскія стѣны видѣли въ своихъ предѣлахъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича и нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, также не мало любовавшагося величіемъ Собора, съ любопытствомъ взиравшаго на стѣны клемлевскія. Августѣйшій

Монархъ, какъ извѣстно, относится съ особеннымъ вниманіемъ къ древностямъ Россіи и лично приказываетъ всячески блюсти ихъ.

Предѣлы кремля не разъ были, какъ вспомнимъ изъ исторіи, мѣстомъ совершенія потрясающихъ событій, разнаго рода волненій, сопровождавшихся часто буйными сценами опустошенія, кровопролитія, но заканчивавшихся торжествомъ правды и законности. Достаточно вспомнить бунтъ въ Астрахани въ 1605 г., бывшій, какъ бы отголоскомъ общаго волненія Русской земли, времени ея лихолѣтія, начала самозванщины, когда вся она замутилась, всколебалась изъ края въ край. Мятежники въ Астрахани во время этого бунта разграбили въ кремлѣ домъ перваго іерарха Астраханскаго, архіепископа Ѳеодосія, смѣло увѣщававшаго народъ не вѣрить обманщику, ложно называющему себя царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, а затѣмъ заключили его въ Троицкій монастырь.

Появлялись здѣсь и самозванцы, какъ напримѣръ, лже-Петръ и друг., а наконецъ появился и Заруцкій съ Мариною и ея сыномъ, поселившіеся въ кремлѣ и жившіе здѣсь въ постоянномъ страхѣ, такъ что запрещали даже звонить рано къ заутрени, подъ предлогомъ, что звонъ испугаетъ маленькаго сына Марины. Здѣсь былъ убитъ тогдашній воевода, князь Хворостининъ. Въ кремлѣ сынъ Марины объявленъ царемъ Россіи; сюда собирались казаки съ Терека и мурзы татарскіе; отсюда Заруцкій велъ переговоры съ Персіей о сдачѣ Астрахани.

Съ 1614 по 1670 г. Астрахань подъ защитою стѣнъ кремлевскихъ наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ. Знаменитые въ этотъ вѣкъ бояре, князья Одоевскіе, Пронскіе, Куракины и др. воеводствовали въ краѣ. Они жили въ кремлѣ, гдѣ помѣщались *Приказная Палата*, *Аманатные дворы* и *съѣзжая изба*, куда съѣзжались мурзы и князья Ногайскіе, Кавказскіе, Кабардинскіе и гдѣ велись переговоры съ послами Грузинскими, Бухарскими, Ургенчскими и тайшами Калмыцкими.

Въ 1670 г. измѣною стрѣльцовъ съ Астраханскими жителями Стенька Разинъ овладѣлъ кремлемъ и Астраханью, завоевалъ весь край, кромѣ Терскаго городка. Въ эту пору нашъ кремль былъ свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ, варварскихъ сценъ насилія и убійства, производившихся часто на кремлевской площади; здѣсь то кремль видѣлъ доблести достопамятнаго іерарха, митрополита Іосифа, увѣщевавшаго мятежниковъ, а потомъ мученически погибшаго отъ нихъ и обагрившаго своею кровью стѣны и мѣстность кремлевскія.

Вспомнимъ не менѣе кровавое возмущеніе въ Астрахани въ 1705 г., а также многія другія менѣе важныя волненія и событія и мы ясно можемъ представить, что пережилъ, очевидцемъ какихъ событій былъ нашъ маститый кремль.

Изъ всего этого видно, что кремль нашъ — это живая исторія края, въ полуазіатскомъ городѣ нашемъ онъ напоминаетъ внутреннюю Россію, и потому онъ долженъ имѣть великое воспитательное значеніе, особенно для юношества. Кремль въ нашемъ полуазіаткомъ городѣ — это выразитель русскаго духа и русской національной мощи. Кремль — это памятникъ побѣды Русскаго государства надъ царствомъ татарскимъ, православнаго христіанства надъ исламомъ. Кремль — это частица внутренней Россіи, водруженная какъ символъ власти и величія въ средѣ разнороднаго инородческаго элемента.

При взглядѣ на него въ истинно-русскомъ человѣкѣ ободряется національный духъ и возвышается, укрѣпляется чувство любви къ своему отечеству — Россіи, родинѣ, къ ея святынямъ.

А между тѣмъ существуетъ мнѣніе, по которому существованіе теперь кремля нашего считается излишнимъ и даже вредоноснымъ въ гигіеническомъ отношеніи.

Древнія зданія и остатки ихъ — не многочисленны и въ коренной русской землѣ, гдѣ искони преобладаетъ деревянное строеніе; тѣмъ болѣе мы должны хранить существующія зданія и тѣмъ тщательнѣе изучать ихъ, ибо, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ русской земли, они не всякому доступны. Такой кремль, какъ у насъ, рѣдко можно встрѣтить въ другихъ русскихъ городахъ. Это уже одна его первая и главная достопримѣчательность. Да притомъ, едвали можно согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что всюду, во многихъ городахъ Европы, какъ утверждаютъ нѣкоторые, уничтожаютъ характерныя старинныя строенія, зданія; насколько извѣстно, хотя бы изъ географическихъ описаній, наоборотъ въ Италіи, Франціи и особенно въ Германіи, да и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы уже много времени тому, какъ всячески заботятся о поддержаніи, охраненіи старинныхъ зданій, какъ историческихъ памятниковъ и даже развалинъ ихъ; юношество наглядно по нимъ учится исторіи и архитектурѣ; нарочно предпринимаются экскурсіи для обозрѣнія ихъ, снимаютъ съ нихъ фотографическіе и рукописные снимки, составляются описанія, изслѣдованія ихъ. Тамъ назвали бы вандализмомъ мнѣніе о необходимости разрушить какой-нибудь историческій памятникъ старины. Коренные жители извѣстной мѣстности съ почтеніемъ относятся къ нимъ, какъ относятся добрые, признательные потомки къ разнымъ старинным вещамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, а потому и дорогимъ по воспоминаніямъ о нихъ, о ихъ заслугахъ для чести того или другаго рода, хотя для другихъ людей, чуждыхъ жизни дѣятельности этихъ предковъ, эти вещи и могутъ казаться ненужными, безполезными и, быть можетъ, даже вредными.

Если кремлевскія стѣны не представляютъ образца изящества архитектуры, то все же онѣ и не обезображиваютъ видъ города, а напротивъ сообщаютъ ему характерность старинныхъ русскихъ городовъ. Что касается историческихъ подвиговъ, то достаточно общаго, краткаго взгляда на прошлое Астрахани, чтобы увидѣть, что кремль былъ мѣстомъ совершенія важныхъ, крупныхъ событій въ нашей исторіи, и потому именно стѣны кремлевскія важны, какъ памятникъ старины для назиданія и нравоученія потомкамъ.

Какъ памятникъ старины кремль, конечно, не представляетъ особенно глубокой исторической давности, но вѣдь историческая давность понятіе относительное; то, что не особенно старинно, дàвно для насъ, то для слѣдующаго за нами поколѣнія можетъ быть очень древнимъ и потому цѣннымъ, достойнымъ храненія. Да вѣдь и въ Западной Европѣ старинныя, древнія зданія не сразу дѣлались таковыми: они пріобрѣтали значеніе древнихъ памятниковъ и просуществовали до нашего премени, благодаря старательности потомковъ о поддержаніи по возможности въ цѣлости наслѣдія предковъ...

Такъ вѣроятно понимало и правительство, когда въ концѣ 20-хъ годовъ приказало поддерживать и реставрировать разрушающіяся кремлевскія стѣны. Тѣмъ же соображеніемъ, нужно полагать, оно руководствуется и теперь, когда повелѣваетъ охранять и возобновлять эти стѣны.

Наконецъ, самое, повидимому, вѣское возраженіе противъ пользы существованія кремля—это, что онъ составляетъ вѣковую преграду свободнаго доступа воздуха въ нашемъ городѣ и потому первѣе всего и нужно разрушить эти стѣны, чтобы была польза для города въ санитарномъ отношеніи, чтобы оздоровить городъ—едва ли можетъ быть признано основательнымъ.

Какъ извѣстно въ нашей мѣстности болѣе всего преобладаютъ вѣтры восточные, юго-восточные, сѣверо-восточные, рѣдко бываютъ сѣверо-западные и особенно западные. Слѣдовательно, кремль, въ этомъ случаѣ находясь на западной окраинѣ собств. города и занимая небольшое сравнительно пространство, уголъ города, нисколько не служитъ преградою для движенія воздуха по городу, провѣтриванія его; далѣе, онъ не настолько уже высокъ, чтобы дѣйствительно могъ препятствовать движенію воздуха, совершающемуся, понятно, не въ одномъ только надземномъ атмосферномъ слоѣ. Ссылаемся на всѣхъ и каждаго, кто прожилъ въ нашемъ городѣ хотя бы годъ и вовремя вѣтровъ имѣлъ случай бывать или въ кремлѣ, или въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ нему съ той или другой стороны; всякій изъ насъ знаетъ и видѣлъ, что когда поднимается здѣсь сильный вѣтеръ, то сила движенія его, а также и поднимаемой имъ пыли нисколько не менѣе въ кремлѣ и около него, чѣмъ въ другихъ частяхъ города. Да наконецъ, на основаніи этого положенія всѣ большія и высокія зданія и строенія также состав-

ляютъ преграду для воздуха; такъ неужели же срывать и уничтожать ихъ? Такъ что и въ этомъ отношеніи полезность срытія кремля намъ кажется вполнѣ несостоятельной.

Изъ исторіи общаго обзора мы видѣли важное значеніе кремля нашего; заслуги его давнопрошедшей исторической жизни велики; онъ—памятникъ почти всего нашего прошлаго. Онъ—живая наша лѣтопись. Поэтому вполнѣ основательно пожелать, чтобы кремль нашъ всячески былъ поддержанъ, сохраненъ и жилъ на многіе и многіе годы. Да возвѣщаетъ онъ грядущимъ поколѣніямъ о величіи, мощи русскаго народа, покорившаго инородцевъ и вмѣстѣ съ своей силой оружія, принесшаго сюда свѣтъ знанія, православнаго христіанства. да вспоминаютъ они, глядя на этотъ живой свидѣтель исторіи, подвиги, доблести предковъ, именитыхъ правителей, іерарховъ, простыхъ гражданъ и этимъ самымъ пріучаются дорожить своимъ прошлымъ, любить родину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все отечество свое—Россію!

К. Малиновскій

ОТЧЕТЪ

о поѣздкѣ въ село Селитряное (Княжевской волости, Енотаевскаго уѣзда), лѣтомъ 1888 года, члена Общества К. Н. Малиновскаго.

На засѣданіи историко-этнографической секціи Петровскаго Общества, бывшемъ 6 Мая 1888 года, при обсужденіи вопросовъ о предположенныхъ Обществомъ экскурсіяхъ на предстоявшее лѣтнее время, я въ числѣ другихъ вызвался употребить часть каникулярнаго времени на поѣздку съ цѣлію осмотра и описанія въ археологическомъ и историко-этнографическомъ отношеніяхъ Селитрянаго городища для пополненія и разширенія свѣдѣній и наблюденій, сдѣланныхъ мною въ прошломъ году въ Іюлѣ мѣсяцѣ на этомъ городищѣ, а также при случаѣ и попутно для собранія свѣдѣній и о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктахъ въ предѣлахъ предлежащаго пути по Волгѣ до г. Чернаго-Яра, хотя-бы то въ самыхъ общихъ чертахъ только ограничиваясь ихъ указаніемъ, а не описывая въ подробности. На совершеніе экскурсіи выдано было изъ средствъ Общества 75 руб.

Представляя теперь отчетъ о своей поѣздкѣ я долженъ оговориться, что предположенный мною планъ изслѣдованія городища и собранія по возможности полной и разнообразной коллекціи предметовъ старины на немъ далеко не осуществился по причинамъ нижеизложеннымъ и результатъ моей поѣздки представляетъ не большое количество новыхъ свѣдѣній, фактовъ вмѣстѣ съ незначительной коллекціей древнихъ предметовъ въ дополненіе къ тому, что собрано было мною въ прошломъ году на этомъ городищѣ.

Описаніе своей поѣздки излагаю въ хронологическомъ порядкѣ. 26 Іюня 1888 года я отправился на пароходѣ въ г. Черный-Яръ съ тѣмъ, чтобы сначала здѣсь добыть у мѣстныхъ жителей свѣдѣнія о какихъ либо имѣющихся въ городѣ и окрестностяхъ замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктахъ, но свѣдѣній такихъ получилъ я мало и самаго общаго характера. Именно. Во 1-хъ въ самомъ городѣ изъ старыхъ городскихъ укрѣпленій сохранился, такъ называемый въ народѣ, Мамаевскій земляной валъ, который частью разрушенъ, частью совершенно уничтоженъ (ибо мѣстные

обыватели изъ бѣдныхъ роютъ его для добыванія глины, изъ которой и выдѣлываютъ четыреугольныя, квадратной формы, плитки — матеріалъ для постройки домиковъ-мазанокъ). Ширина этого вала въ основаніи 3 1/2 сажени, вышина отъ 2-хъ до 3-хъ саженей и длина болѣе 1-й версты. Тянется онъ змѣеобразно въ южной половинѣ города, начинаясь у крутого обрывистаго берега Волги и идетъ далѣе по юго-западному направленію, оканчиваясь невдалекѣ отъ линіи городской окраины. Этимъ валомъ ограничены самыя давнія, основныя постройки города, которыя уже впослѣдствіи распространились за черту вала. Хотя этотъ валъ и именуется въ народѣ Мамаевскимъ, однако на самомъ дѣлѣ же онъ памятникъ русскаго времени, остатокъ русской селитьбы позапрошлаго вѣка, ибо извѣстно, что Черный-Яръ основанъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ 1627 г. присланными изъ Москвы воеводами Андреемъ Глуховымъ и Матвѣемъ Львовымъ, и оффиціально назывался прежде „Черноярскимъ новымъ острогомъ“. Главнымъ назначеніемъ этого острога было ограждать Русскіе Волжскіе караваны отъ нападеній кочевыхъ народовъ и разбойничьихъ казачьихъ шаекъ. Въ 1634 году перенесенъ на новое, настоящее, мѣсто и названъ уже крѣпостью. Въ тоже время жителямъ даны были „на прокормленіе“ воды вверхъ и внизъ по Волгѣ на 5 верстъ. Въ 1670 и 1671 гг. былъ разрушенъ шайками Стеньки Разина. Въ 1741 г. выгорѣлъ весь и возобновленъ въ слѣдующемъ 1742 году (Городскія пос. въ Рос. Имп. т. I Спб. 1860).

Затѣмъ, изъ кургаиовъ, по скуднымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ становыми приставами въ Городское Полицейское Управленіе (вслѣдствіе запроса Импер. Академіи Художествъ въ 1886 г.), указаны въ чертѣ надѣла крестьянъ Кормовскаго Общества два замѣчательныхъ по своей высотѣ круглыхъ кургана, одинъ при самомъ селеніи, а другой въ степи. Этотъ послѣдній частію разрытъ въ разное время крестьянами съ цѣлію отысканія клада, но разъ найденъ былъ только цинковый тазъ, который въ настоящую пору не сохранился. Въ Черноярскомъ уѣздѣ есть и остатки каменныхъ бабъ. По крайней мѣрѣ въ селахъ Крестовской волости, по свѣдѣніямъ также доставленнымъ сельскими властями, крестьяне находили въ поляхъ каменныхъ бабъ въ ростъ человѣка, но безъ ногъ. Статуи эти безъ всякихъ надписей и находятся у крестьянъ вмѣсто столбовъ въ изгородяхъ.

Затѣмъ въ Енотаевскомъ уѣздѣ въ I станѣ, въ селѣ Никольскомъ находятся три кургана, изъ коихъ 2 близъ р. Волги въ разстояніи отъ нея на 150 саж., а отъ села Никольскаго 1-й на 1 1/2 вер., а 2-й на 3 1/2 версты. 3-й курганъ находится отъ села Никольскаго въ 4 верстахъ на яслевой (т. е. на перекресткѣ, у мѣста пересеченія двухъ дорогъ) дорогѣ къ землѣ крестьянъ с. Пришиба. Курганы эти всѣ три имѣютъ форму кругообразную, до 70 саженъ протяженія, вышиною до 1 1/2 сажени. Никакихъ свѣдѣній и

сказаній о происхожденіи и значеніи этихъ кургановъ у мѣстныхъ жителей не получено.

Болѣе замѣчателенъ и служитъ предметомъ многихъ сказаній курганъ въ Енотаевскомъ уѣздѣ, извѣстный подъ названіемъ „Золотой бугоръ“. Онъ лежитъ на границѣ земли, принадлежащей казакамъ Сѣроглазинской станицы и земли надворн. совѣтн. Матвѣя Вас. Фролова, на правой сторонѣ Волги. Отъ станицы Сѣроглазинской, самаго ближайшаго большого поселенія онъ отстоитъ приблизительно на 5 верстахъ къ сѣверу; версты на 4 или $3^1/_2$ отъ бугра, къ сѣверу-же находится усадьба вышеозначеннаго М. В. Фролова, а ближѣ къ Волгѣ, на 3 верс. отъ бугра къ востоку, рыбная ватага Енотаевскаго купца И. А. Селиверстова.

Объ этомъ бугрѣ существуетъ много сказаній у жителей окрестныхъ селъ и станицъ. Избѣгая отрывочности, неточности и не полноты разсказовъ отдѣльныхъ лицъ, я позволю себѣ привести здѣсь „сказъ о кладѣ Золотобугровскомъ“, напечатанный въ газетѣ „Сынъ Отечества“ въ № 189 за 1887 г. (Пятница Іюля 24 ч.) г. Е. Ф. Забурунова. Онъ пишетъ: „жители станицы увѣрены въ томъ, что въ Курганѣ есть клады. Можно предположить, что поводомъ къ сказанію послужили времена татарщины и разинщины. Старожилы ст. Сѣроглазинской разсказываютъ по этому поводу слѣдующія побасенки. Дѣло было „по лѣту“ — говорятъ они; здѣсь жилъ въ то время унтеръ-офицеръ изъ солдатъ, заслуженный, начитанный; разъ онъ и говоритъ намъ: „а что, ребята, еслибы примѣрно я зналъ, гдѣ клады, вы согласились бы идти со мной туда? А гдѣ-же ты знаешъ кладъ и правда-ли это?—спрашиваемъ его. Да вотъ на Золотомъ бугрѣ, говоритъ; а что это вѣрно, такъ на то у меня есть книга. А гдѣ? Да вотъ, говоритъ. Книга эта была большая и написана старинными буквами. Посмотрѣли мы ее, поговорили и рѣшили на другой день идти. Наступилъ день. День былъ жаркій, солнце такъ и парило. Приходимъ на Золотой бугоръ. Унтеръ указалъ намъ мѣсто, гдѣ мы должны были сѣсть, и сказалъ, чтобы мы сидѣли смирно, не трусили, тѣмъ болѣе не бранились, самъ-же взялъ книгу, развернулъ ее и сталъ читать. Прошло довольно много времени: мы все сидимъ и сидимъ, а онъ (унтеръ) читаетъ и громко, чтобы мы слышали (онъ былъ въ сторонѣ). Потомъ смотримъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы сидѣли, стала появляться яма, а затѣмъ послышался звукъ, какъ будто кто-то ударялъ молотомъ о желѣзо; потомъ смотримъ, везутъ возъ сѣна, за нимъ другой, третій и стали кричать: „вали его здѣсь, на насъ“. Намъ стало жутко, но мы сидимъ. Возы проѣхали. Вскорѣ послѣ этаго явились солдаты съ ружьями, одинъ изъ нихъ, какъ будто офицеръ, скомандовалъ: „Коли ихъ“. Въ это самое время кто-то изъ насъ выругался чернымъ словомъ и только, что онъ выругался, какъ всѣхъ, какъ бы и не бывало въ

ямѣ. Кладъ пропалъ. Книга унтера была выхвачена и брошена вблизи болота, послѣ, на другой день, онъ нашелъ ее".

Вотъ и еще сказаніе о кладѣ. „Былъ здѣсь солдатъ, служившій на промыслѣ, который находился между станицей и бугромъ. Какъ-то солдатъ пришелъ въ станицу къ утрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье. По окончаніи службы онъ пошелъ домой, но вмѣсто этого очутился на Золотомъ бугрѣ. Смотритъ — передъ нимъ пещера, въ ней огонь, лампада горитъ передъ иконой Божіей Матери. Парень по увѣреніямъ старожиловъ, былъ смѣлый, а потому и вошелъ въ пещеру. Тамъ были бочки съ золотомъ и виномъ. Онъ подошелъ къ той бочкѣ, въ которой было вино, взялъ серебряный ковшъ, зачерпнулъ вина и выпилъ. Его выбросило вонъ; у него остался только ковшъ. Какъ ни фантастичны подобные разсказы старожиловъ, но среди населенія упорно держится убѣжденіе, что въ Золотомъ бугрѣ хранится кладъ".

Въ Селитряное я отправился изъ Енотаевска во второй половинѣ Іюля мѣсяца. А именно: 25 числа, нанявъ казенную перевозную лодку, я въ 10 час. дня выѣхалъ внизъ по Волгѣ до такъ называемыхъ Учужныхъ хуторовъ, стоящихъ у поворота изъ коренной Волги въ извилистые протоки, соединяющіе ее съ Ахтубой. Въ 4 верстахъ отъ города, при поворотѣ изъ Воложки (при которой стоитъ Енотаевскъ) въ коренную Волгу довольно крѣпкій вѣтерокъ вначалѣ обратился въ сильный вѣтеръ, противный намъ, такъ что безъ риску быть опрокинутыми расходившимися волнами нельзя было добраться до луговаго берега Волги (ее нужно было пересѣчь поперекъ въ ширину, почти на 2 версты) и мы остановились у возвышеннаго мыска праваго нагорнаго берега тамъ, гдѣ возвышается маячный фонарный столбикъ — указатель фарватера, чтобы переждать нѣсколько расходившійся вѣтеръ. Въ ожиданіи этомъ прошло часа $1^1/_2$, послѣ чего вѣтеръ, дѣйствительно, поутихъ и мы двинулись дальше. Въ 7 верстахъ отъ Енотаевска на правомъ берегу Волги стоитъ значительная ватага Астраханскаго купца Комова, а на лѣвомъ берегу нѣсколько ниже — небольшая ватага крестьянина с. Верхне-Ахтубинскаго И. Черкасова, построенная лѣтъ пять тому назадъ; она расположена, впрочемъ, не на самой Волгѣ, а въ ерикѣ, отъ рѣки версты на $1^1/_2$; отъ Енотаевска отстоитъ на 15 вер.; на лѣвомъ-же берегу, около хуторовъ капитанскихъ, не много выше ихъ, отъ Черкасовской на 2 версты расположена ватага, принадлежащая Астраханскому купцу Мочалову. Отъ Капитанскихъ хуторовъ ниже на 8 верстъ находятся хутора Учужные; болѣе никакихъ ватагъ, хуторовъ и вообще поселеній при Волгѣ на лѣвомъ берегу ея на этомъ пути нѣтъ. На правомъ же, кромѣ вышеозначенной Комовской есть еще ватаги Астраханскаго купца Сав. Ив. Муханова и Вѣдяева, расположенныя почти напротивъ Учужныхъ хуторовъ.

Такимъ образомъ всего разстоянія до нихъ отъ Енотаевска 25 верстъ. Не смотря на то, что путь нашъ слѣдовалъ по теченію, вслѣдствіе противнаго вѣтра намъ приходилось ѣхать все на веслахъ и мы прибыли къ хуторамъ, когда было уже совсѣмъ темно, почти въ 9 часовъ.

Послѣ порядочнаго утомленія чувствовалась нужда въ отдыхѣ и я рѣшилъ переночевать здѣсь, тѣмъ болѣе, что мои возчики очень устали, за весь день работая веслами, не имѣя времени даже какъ слѣдуетъ закусить. Учужные хутора представляютъ поселокъ дворовъ въ 15—17; образовался онъ лѣтъ 12—15 тому назадъ; обитатели его крестьяне Селитрянаго села. Съ весенняго времени и до конца Августа они выселяются сюда изъ своего села и занимаются здѣсь скотоводствомъ и сѣнокошеніемъ. Обратило мое вниманіе распространенность у хуторянъ среди разнаго рода скота верблюдовъ. Извѣстныя качества этого животнаго—выносливость, неприхотливость на питаніе, сила, крѣпость сравнительно съ другими служатъ главнымъ побужденіемъ для пріобрѣтенія ихъ у киргизъ крестьянами и разведенія въ возможно большемъ количествѣ. Въ послѣднее время въ Селитряномъ и другихъ луговыхъ селахъ, а также въ недавнюю пору и на правой, нагорной сторонѣ Волги сплошь и рядомъ можно встрѣтить цѣлые косяки, такъ сказать, верблюдовъ—головъ отъ 5—20 у зажиточныхъ крестьянъ. Въ зимніе время особенно верблюды служатъ отличными по скорости и силѣ грузопередвигателями, возчиками для крестьянъ, которые нанимаются возить на нихъ разнаго рода товары даже до Царицына.

Переночевавъ на хуторахъ, на утро часовъ въ 5 я двинулся въ дальнѣйшій путь уже по протокамъ, ведущимъ изъ коренной Волги къ Ахтубѣ. Этотъ путь чрезвычайно извилистъ, излучистъ; въ началѣ по берегамъ встрѣчаются изрѣдка не большіе хутора—домика въ три - четыре, а затѣмъ они уже пустынны и представляютъ почти сплошь обширныя сѣнокосныя поля, съ одиноко вырисовывающимися шалашами—мѣстомъ отдохновенія косарей; кое гдѣ виднѣлись вблизи берега стада овецъ, коровъ, козъ или не большіе табуны лошадей; богатъ и разнообразенъ міръ пернатыхъ среди постоянно извивающихся протоковъ, ихъ изгибовъ и заводей. Постоянно на пути встрѣчали и проѣзжали мы стоявшіе у береговъ и грузившіяся только что скошеннымъ сѣномъ большія лодки или скорѣе порядочныя суда, принимавшія и везущія на себѣ сотни тысячъ сноповъ сѣна для доставленія его на продажу въ Астрахань и другіе пункты нашей мѣстности. На протяженіи 25-верстнаго разстоянія отъ входа въ протоки изъ Волги до Селитрянаго я встрѣтилъ по крайней мѣрѣ 20 судовъ съ этимъ грузомъ. Только одна ватага купца Мочалова встрѣтилась намъ на этомъ пути.

Въ началѣ 1-го часа дня, послѣ многочисленныхъ поворотовъ по протокамъ Митинкѣ или Митиной и Ванной мы въ ѣхали въАхтубу, на лѣ-

вой сторонѣ которой въ верст. 1 1/2 отъ входа въ нее расположено Селитряное. Минутъ черезъ 20 мы пристали къ нему; у берега стояло десятка 2 большихъ судовъ, изъ которыхъ половина, какъ видно, предназначалась также для складки и отвоза сѣна, и нѣсколько не большихъ рыбацкихъ лодокъ и косныхъ. И опять предо мною величественно вырисовывался издали остовъ единственной башни, который и въ прошломъ году невольно прежде всего бросился мнѣ въ глаза еще издалека, рѣзко выдѣляясь отъ скученныхъ позади его сначала мельницъ, а потомъ домовъ обывателей села въ сѣверо-восточной сторонѣ его.

Здѣсь кстати вспомнимъ, что этотъ остовъ башни долженъ быть остаткомъ одной изъ четырехъ башенъ, о существованіи которыхъ на мѣстѣ у с. Селитрянаго говорится въ донесеніи Астраханскаго Губернатора А. Ст. Осипова въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1828 г., вслѣдствіе приказа отъ послѣдняго, по Высочайшему повелѣнію, касательно доставленія свѣдѣній объ остаткахъ древнихъ зданій въ городахъ и о воспрещеніи разрушать оныя. Предъ своей поѣздкой я просматривалъ нѣкоторыя старыя дѣла, въ архивѣ Губернскаго Правленія, касающіяся указаній о замѣчательныхъ древнихъ памятникахъ и сооруженіяхъ въ предѣлахъ нашего края и между прочимъ встрѣтилъ означенное донесеніе вмѣстѣ съ перепиской губернскихъ и уѣздныхъ властей по поводу Минист. приказа. Вообще здѣсь находятся объясненія значенія башенъ, въ ту пору еще существовавшихъ на Селитряномъ городищѣ, замѣчанія о давности села и находящихся около него остатковъ старинныхъ сооруженій и ихъ наименованій отдаленной татарской поры.

Именно въ дѣлѣ, составлявшемъ матеріалъ для вышеуказаннаго донесенія говорится, что у села Селитрянаго въ ту пору (т. е. въ 20 годахъ XIX ст.) находились остатки древняго ханскаго замка и татарской мечети, подъ названіемъ Бѣлой и 4 башни, изъ которыхъ три были въ разрушенномъ состояніи и одна только нѣсколько повреждена и Енотаевскому Земскому Суду предписывалось отъ Губернскаго Правленія, чтобы строжайше воспретить разрушать эти зданія; губернскому же или уѣздному землемѣру поручить снять планы и фасады съ остатковъ ханскаго замка и башенъ, лежащихъ близь селенія. Вслѣдствіе этаго приказа послѣдовало донесеніе отъ Черноярскаго уѣзднаго землемѣра Коренева, отъ 23 Мая 1827 года, въ которомъ онъ пишетъ, что „приступая къ снятію въ натурѣ оказалось одно только мѣстоположеніе, гдѣ существовалъ въ прежнія времена ханскій замокъ съ Бѣлою мечетью, въ видимости оно ничего другого не представляетъ, кромѣ разрытыхъ ямъ и бугровъ изъ кирпичнаго щебня; въ послѣдствіи времени заведенъ здѣсь вновь Селитренной заводъ Астраханскимъ купцомъ Кобяковымъ; сооружены были къ защищенію отъ калмыцкаго набѣга четыре

башни, а вокругъ стѣны изъ битаго мелкаго кирпича, но нынѣ видны въ натурѣ одни остатки ветхоразрушенныхъ четырехъ башенъ—первыя двѣ въ сѣверо-восточной сторонѣ, одна отъ горизонта не выше одной сажени, ширины квадратно имѣетъ 4 саж., другая выш. до 3 саж., а шир. отъ 3 саж. къ юго-западной сторонѣ; двѣ на скатѣ горы, не болѣе имѣютъ вышины полутора аршина, и то въ крайнемъ все разрушеніи, что касается до стѣнъ или внутреннихъ расположеній ханскаго замка, никакого остатка при обозрѣніи его не оказалось. Кромѣ ямъ и бугровъ, каковая вѣтхость къ одобренію исправленіемъ за нужное признана едваль быть можетъ, сіе мѣстоположеніе состоитъ въ дачѣ селенія Селитреннаго владѣнія государственныхъ крестьянъ; ко всему этому присовокупилъ, что при обозрѣніи его въ вышеписанномъ селеніи Селитренномъ замѣтилъ подѣланныхъ избъ, выходовъ и бань изъ битаго кирпича до не малаго количества, каковой матеріалъ, повидимому, полагать должно взятъ отъ разрушенныхъ стѣнъ и башенъ. Сочиненные-же о семъ зданіи планы съ положеніемъ фасадовъ двойнымъ числомъ при рапортѣ на благоразсмотрѣніе и представилъ. Одинъ экземпляръ этихъ плановъ и фасадовъ приказано оставить при дѣлахъ строительной экспедиціи, а другой передать къ личнымъ дѣламъ Гражданскаго Губернатора для представленія Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ въ рапортѣ Селитреннаго волостнаго Правленія Енотаевскому Земскому Суду изъясняется, что „при Селитренномъ селеніи по степи окрестъ онаго значутся развалины древнихъ зданій, простирается на немалое разстояніе щебень битаго азіатскаго кирпича; хотя и есть развалившіяся четыре башни, но не древнее зданіе, а построены единственно для предохраненія бывшаго селитреннаго завода изъ мелкаго битаго же кирпича на одной глинѣ и чьимъ коштомъ построены казеннымъ или частнымъ того неизвѣстно и съ котораго времени тоже никто изъ жителей доказать не можетъ, а примѣрно полагаютъ, что не болѣе ста лѣтъ, потому какъ видно изъ указа Астраханской Казенной Палаты (отъ 14 Мая 1800 года сему Суду о допущеніи Селитренскихъ крестьянъ ко владѣнію при землѣ и рыбными ловлями), что Селитреной заводъ началъ существовать послѣ 1720 г., съ чѣмъ вмѣстѣ и башни должны быть построены, изъ которыхъ нынѣ находится только одна мало повреждена, а прочія почти въ совершенномъ разрушеніи (Февраля 18 дня 1827 года № 394).

Послѣ всѣхъ этихъ справокъ и разысканій въ отвѣтѣ Астраханскаго Гражданскаго Губернатора Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ докладывается, что тамъ, гдѣ нѣкогда существовалъ ханскій замокъ съ Бѣлою мечетью видно одно только пустое мѣсто, не представляющее ничего другаго, кромѣ разрытыхъ ямъ и бугровъ изъ кирпичнаго щебня; что-же касается до 4 башенъ, то оныя принадлежали къ бывшему Селитренному заводу и устроены

Астраханскимъ купцомъ Кобяковымъ, съ обнесеніемъ вокругъ ихъ стѣною изъ битаго мелкаго камня для защищенія отъ тогдашнихъ набѣговъ калмыковъ. Башни сіи также представляютъ теперь одни остатки развалинъ. Изъ нихъ двѣ состоятъ на сѣверо-восточной сторонѣ; одна отъ грунта земли не выше сажени, шириною квадратно до 4 саженъ; а другая вышиною и шириною до 3 саженъ; послѣднія же двѣ къ юго-западной сторонѣ на скатѣ горы вышиною не болѣе полутора аршина, а потому невозможнымъ признано предполагать возобновленіе сихъ разрушенныхъ и ничтожныхъ остатковъ заведеній поздняго человѣка, а не древніе и историческіе памятники знаменующихъ. При этомъ былъ представленъ видъ и фасадъ оставшихся строеній.

Изъ этого дѣла, изъ этой оффиціальной переписки мы прежде всего можемъ заключить о времени возникновенія села Селитрянаго. Въ первой четверти XVIII в. былъ основанъ Селитряный заводъ на городищѣ; около него постепенно образовался поселокъ, изъ котораго съ теченіемъ времени возникло уже и цѣлое селеніе. Эти данныя и заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія согласны съ изслѣдованіями и розысканіями разныхъ ученыхъ и путешественниковъ. Такъ И. Ѳ. Штукенбергъ въ своихъ статистическихъ трудахъ въ описаніи Астраханской губерніи говоритъ, что „около 1710 г. казна устроила Селитряный городокъ на Ахтубѣ, на развалинахъ древняго Джигитъ-Аджи. Впослѣдствіи заведеніе это перешло къ Глазову, а послѣ него опять, 12 лѣтъ сряду, состояло въ казенномъ управленіи, потомъ уже передано купцу Блинову, сынъ котораго вовсе запустилъ селитряное производство. За нимъ купецъ Кобяковъ дѣятельно занимался этимъ производствомъ; но со смертью его заведеніе пришло въ упадокъ, и въ 1765 г. промыселъ этотъ вовсе прекратился здѣсь“.

Около и на мѣстѣ Селитрянаго, какъ убѣждаютъ остатки находимыхъ костяковъ, разныхъ предметовъ и украшеній древности, расположено древнее кладбище. Оно, начинаясь отъ возвышенія, называемаго Краснымъ холмомъ, тянется по берегу Ахтубы верстъ на 9, да простирается въ степь версты на 4,—такъ что занимаетъ площадь почти на 36 кв. верстъ“.

Палласъ о существованіи здѣсь селитроварни говоритъ слѣдующее: „Селитроварня была основана много лѣтъ тому назадъ (т. е. передъ нимъ) г. Молостовымъ, отъ него поступила въ казенное управленіе, а потомъ казна передала заводъ настоящему владѣльцу, Астраханскому купцу Кобякову. Послѣдній желаетъ возстановить селитроварню, но мнѣ кажется, что онъ не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, потому что дѣла его плохи. Для заводскаго дѣла матеріалъ здѣсь не истощимъ. Мѣстность до того обилуетъ землею, содержащею селитру, что послѣдняя выступаетъ иногда на поверхность довольно замѣтнымъ слоемъ, и селитра превосходнаго качества. Гніеніе орга-

ническихъ тѣлъ, безъ сомнѣнія, много способствовало насыщенію почвы селитрою. Есть мѣста, гдѣ почва содержитъ соль и въ тоже время напитана селитрою на довольно большую глубину. Изобиліе селитры происходитъ именно отъ присутствія соли и отъ ея превращенія. Заводъ доставляетъ ежегодно отъ 3 до 4 тысячъ пудовъ очищенной селитры".

При распросахъ старожиловъ села нѣкоторые мнѣ передавали, что ихъ дѣды и отцы помнили и разсказывали имъ о существовавшихъ въ то время селитроварняхъ, что при нихъ существовалъ на мѣстѣ села поселокъ дворовъ въ 20, образовавшійся изъ переселенныхъ сюда съ верху изъ разныхъ мѣстъ рабочихъ и ссыльныхъ. По памяти, разсказамъ своихъ стариковъ современные жители считаютъ своему населенію не болѣе 120—130 лѣтъ, что соотвѣтствуетъ показаніямъ письменныхъ и печатныхъ источниковъ. Точнаго-же указанія года возникновенія заводовъ и поселенія около нихъ найдти трудно, данныхъ для этого никакихъ нѣтъ; замѣтно только, что послѣднее возникало постепенно.

Что касается до существующаго теперь единственнаго остова башни по сѣверо-восточную сторону села, то это должно быть, какъ мы раньше уже и замѣтили, остатокъ одной изъ 4 башенъ, упоминаемыхъ въ донесеніяхъ въ 20 годахъ Губернатору по поводу его запроса, именно самой высокой по сѣверо-восточную сторону, имѣвшей и въ вышину и ширину до 3 саж. Этотъ остатокъ башни находится на самой вершинѣ перваго холма по сѣверо-восточную сторону села, въ полуверстѣ отъ него. Форма его квадратная, съ длиною каждой стороны квадрата $2^1/_2$ саж. при толщинѣ стѣнъ отъ 2 до 3 фут.; верхняя часть башни обвалилась, изъ четырехъ стѣнъ теперь только сѣверная имѣетъ до $1^1/_2$ саж. высоты, южная $^1/_2$ саж., западная по срединѣ имѣетъ дугообразную выемку отъ основанія до разореннаго верха съ сохранившимися углами, восточная же почти вся отсутствуетъ, за исключеніемъ самаго низа на полъаршина, высоты. Внутренность башеннаго остова наполнена грудами щебня отъ постепенно обваливающихся стѣнъ ея; въ верхней части стѣнъ замѣтны слѣды углубленій, въ которыхъ, по видимому, залегали концы балокъ, составлявшихъ, вѣроятно, потолокъ нижняго этажа зданія.

Между тѣмъ, остановившись въ домѣ одного обывателя села, я чрезъ нѣсколько времени извѣстилъ о своемъ прибытіи стараго знакомаго своего по прошлогодней поѣздкѣ полицейскаго урядника В. Р. Лебедева, прося его о содѣйствіи мнѣ въ моихъ распросахъ, развѣдкахъ и розысканіяхъ по городищу, о привлеченіи обывателей, имѣющихъ наиболѣе важные, замѣчательные старинные предметы, къ знакомству меня съ ними или даже продажѣ, уступкѣ ихъ Петровскому Обществу. Г. Лебедевъ съ тою-же любезностію и отзывчивостію, какъ и въ первый разъ, отнесся къ моему заявленію и обѣщалъ сдѣлать все возможное для осуществленія моихъ цѣлей и задачъ. Замѣчу

при этомъ, что я, имѣя особое удостовѣреніе отъ Совѣта Петровскаго Общества, съ просьбою о подобномъ содѣйствіи обращался, будучи еще въ Енотаевскѣ, и къ г. исправнику, М. А. Міончинскому, заявивъ ему о цѣли своей поѣздки и предложивъ экземпляръ программы для собиранія археологическихъ, историко-этнографическихъ и друг. свѣдѣній, изданной Петровскимъ Обществомъ. М. А. Міончинскій обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать мнѣ въ возможной мѣрѣ въ дѣлѣ облегченія собиранія свѣдѣній, чрезъ побужденіе жителей села сообщать мнѣ всѣ наиболѣе важныя свѣдѣнія о находимыхъ вещахъ, монетахъ и пр. При такихъ, по видимому благопріятныхъ, условіяхъ для осуществленія цѣли моей поѣздки я долженъ сказать къ крайнему сожалѣнію, что мои надежды на возможно подробныя изысканія и развѣдки на мѣстѣ городища не могли на самомъ дѣлѣ сбыться. Это зависѣло прежде всего оттого, что время для экскурсіи было выбрано вполнѣ не удачно. Дѣло въ томъ, что въ лѣтніе мѣсяцы, а особенно во вторую половину лѣта жители села въ значительномъ количествѣ отсутствуютъ изъ него, отправляясь на хутора для занятія полевыми работами, сѣнокошеньемъ, скотоводствомъ, рыбною ловлею; въ селѣ остаются не многіе старики, женщины и дѣти, да и тѣ въ большинствѣ уходятъ на работу въ близь лежащія поля, въ сады и на мельницы для уборки и молотьбы зерна, возвращаясь въ село уже позднимъ вечеромъ для отдохновенія, такъ что собственно говоря старожиловъ, коренныхъ, издавнихъ обывателей села трудно встрѣтить въ эту пору въ немъ и воспользоваться ихъ знаніями, свѣдѣніями объ урочищѣ, особенно во время прогулки по нему. Торговцы и промышленники изъ жителей также на это время большею частью уѣзжаютъ внизъ, а особенно въ верховые города для закупки товаровъ, разнаго рода матеріаловъ и проч. Главное затрудненіе для меня здѣсь заключалось въ томъ, что на это время рѣшительно нельзя было видѣть и пользоваться для своихъ наблюденій услугами тѣхъ охотниковъ крестьянъ, которые въ осеннее, свободное отъ полевыхъ работъ время, идутъ на раскопки, рытье урочища для добыванія кирпича, при чемъ при случаѣ наталкиваются на важныя, цѣнныя находки древнихъ предметовъ. Особенно-же этому занятію, въ видахъ особой выгоды, предаются окрестъ кочующіе калмыки, а также и наемные киргизы. Въ осеннее время они совершенно свободны и тогда, при своей необычайной привычкѣ и склонности къ землекопанью, искусствѣ и скорости въ немъ, они обыкновенно занимаются отыскиваніемъ по городищу остатковъ каменныхъ или кирпичныхъ старинныхъ сооруженій въ глубинѣ подповерхностнаго слоя, откапываніемъ ихъ, вытаскиваніемъ изъ нихъ кирпича, который затѣмъ и продаютъ жителямъ села для разнаго рода построекъ и подѣлокъ. За самую ничтожную плату и привлекаемые своими выгодами при раскопкахъ, они могли быть самыми лучшими помощниками мнѣ въ знакомствѣ съ урочи-

щемъ, съ мѣстами на немъ. богатыми остатками древнихъ подповерхностныхъ сооруженій, но къ сожалѣнію они также всѣ въ эту жаркую и горячую пору полевой работы отсутствовали изъ села и за высокую задѣльную плату работали на сѣнокосныхъ поляхъ крестьянъ, откочевавши далеко отъ села съ своими кибитками.

Такимъ образомъ самая лучшая пора, наиболѣе удобное время для изысканій, развѣдокъ. по мѣстнымъ обстоятельствамъ, есть осеннее время— мѣсяцы Сентябрь и Октябрь, когда весь сельскій людъ, покончивъ свои полевыя и другія работы, возвращается домой, оставляя и свои хутора, на которые выѣзжаютъ уже ранней весной. Вмѣстѣ-же съ тѣмъ въ это время живутъ въ селѣ и около него въ кибиткахъ множество калмыковъ, которые въ ту пору и рады всякой, какой бы то ни было работѣ. Такимъ образомъ волею-неволею мое пребываніе, и занятія должны были опять ограничиться простою прогулкою по окрестностямъ села, по городищу. разспросами жителей о ихъ случайныхъ находкахъ, осмотромъ и пріобрѣтеніемъ имѣющихся у нихъ цѣнныхъ до извѣстной степени древнихъ предметовъ, въ разное время найденныхъ на городищѣ, скупкою приносимыхъ мнѣ древнихъ монетъ и др. вещей и собираніемъ свѣдѣній о наиболѣе замѣчательныхъ и богатыхъ содержаніемъ въ себѣ древнихъ предметовъ мѣстъ урочища.

Въ день прибытія въ послѣобѣденное время (26 Іюля) я занялся осмотромъ вышеуказаннаго въ полуверстѣ отъ села холма съ единственнымъ остаткомъ башни на вершинѣ его, а за тѣмъ, по возвращеніи, собираніемъ и соглашеніемъ свѣдѣній, указаній, также вышепредставленныхъ и находившихся въ 1-й четверти столѣтія остаткахъ наружныхъ сооруженій на городищѣ. На слѣдующій день съ утра я въ сопровожденіи В. Р. Лебедева отправился на прогулку по окрестностямъ села. Кромѣ указаннаго бугра по сѣверо-восточную сторону его, по юго-западную, въ чертѣ крестьянскаго надѣла находится такъ называемый Маячный бугоръ, примыкающій къ берегу р. Ахтубы; съ этого бугра, по народному преданію, шайка Разина сторожила за проходившими по рр. Волгѣ и Ахтубѣ судами. Маячный бугоръ, дѣйствительно, самый высокій, господствующій въ окружающей мѣстности. Слѣдовъ разрытій на немъ совсѣмъ почти не замѣтно; очевидно, что крестьянъ привлекали на разрытія и раскопки сохранявшіяся наружныя сооруженія, а таковыя находились исключительно, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую пору, только по сѣверную и сѣверо-восточную сторону села. Затѣмъ въ 6 верстахъ отъ села на востокѣ расположенъ такъ называемый Каменный бугоръ, въ которомъ крестьяне при добываніи кирпича отрываютъ могилы, выложенныя имъ. выхода со сводами и иногда деревянные гробы. Въ 3-хъ верстахъ отъ этого бугра на болѣе низкомъ и разширенномъ расположено древнее татарское кладбище, пользующееся глубокимъ

уваженіемъ Кудровскихъ татаръ, живущихъ по южную сторону села, въ Княжевской волости. Къ этому мѣсту, собственно говоря, и слѣдуетъ пріурочивать названіе всего урочища „Джигитъ-Хаджи“.

На другой день (28 Іюля) стояла дурная погода: дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, страшно крутившій песокъ и пыль, трудно было идти на открытомъ мѣстѣ; о прогулкѣ по урочищу нельзя было и думать и я, по указанію В. Р. Лебедева, направился къ наиболѣе свѣдующимъ лицамъ въ селѣ для справокъ, развѣдокъ и между прочимъ разъясненій о цѣляхъ и задачахъ Петровскаго Общества и моей поѣздки. Для этого мною взяты были программы, которыми я и снабжалъ посѣщаемыхъ. Прежде всего я обратился къ о. Ѳ. Быстролетову, священствующему уже давно въ Селитряномъ. Онъ заявилъ, что дѣйствительно часто, какъ ему приходилось слышать, находили и находятъ на урочищѣ случайно и при нарочныхъ раскопкахъ многіе старинные предметы, украшенія, монеты, кувшины, изразцовый кирпичъ и т. п., но для нихъ, издавна обитающихъ здѣсь, это не рѣдкость, мало занимательно; все находимое. при неизвѣстности, куда бы это направить для всеобщаго свѣдѣнія, расходятся по частнымъ рукамъ. Изысканія и раскопки лучше всего производить съ наступленіемъ осенняго времени, когда народъ свободенъ отъ работъ и обыкновенно самъ идетъ на разрытія съ цѣлію добычи кирпича для разныхъ поддѣлокъ. Какъ онъ помнитъ, особенно много увезъ съ собою старинныхъ вещей, предметовъ древней обстановки, монетъ, плитъ, кувшиновъ и проч. вещей, добытыхъ на урочищѣ, уѣхавшій отсюда лѣтъ 12 назадъ адмиралъ Балашовъ, жившій долго здѣсь и имѣвшій домъ и помѣстье около Селитрянаго. Старинныя вещи онъ вывозилъ отсюда цѣлыми лодками и все это потомъ отправилъ въ Петербургъ, куда и самъ уѣхалъ. Въ заключеніе отецъ Ѳеодоръ обѣщалъ при всякомъ случаѣ какой нибудь примѣчательной находки извѣщать меня о найденномъ. Затѣмъ изъ указанныхъ мнѣ свѣдующихъ, начитанныхъ лицъ, давнихъ обитателей села, занимающихся преимущественно торговлею, я посѣтилъ въ этотъ и слѣдующіе дни раза по два, по три С. Н. Бубнова, А. А. Ебпкова, П. З. Степанищева, Г. В. Третьякова, А. А. Борисову, псаломщика А. И. Соколова. Отъ нихъ я пріобрѣлъ нѣсколько вещицъ; первые трое доставили мнѣ по двѣ, по три серебряныя монеты, осколокъ древней чашечки съ восточными письменами, металическую чашечку, изъ тѣхъ, какія ставятся калмыками въ хурулахъ предъ статуетками божковъ; Третьяковъ—30 мѣдныхъ монетъ съ татарскими письменами. У Борисовой я видѣлъ 2 замѣчательно красивыя бѣлаго гранитнаго камня плиты квадратной формы, почти въ $^3/_4$ аршина длины сторона; вся наружная поверхность изящно испещрена оттиснутыми украшеніями, изображающими цвѣты и какъ бы вазы съ ними; на вдавленныхъ

линіяхъ украшеній сохранилась позолота, отчасти стершаяся; плиты эти доставлены мужу Борисовой калмыками, которые рылись на курганахъ около села и вытащили ихъ изъ встрѣтившагося имъ, повидимому, склепа. При высказанномъ мною намѣреніи купить эти плиты, хотя бы одну А. А. Борисова отвѣтила, что затрудняется распорядиться, какъ бы то ни было, въ отсутствіе мужа (а онъ изъ села уѣхалъ на мѣсяцъ по своимъ торговымъ дѣламъ), который быть можетъ и такъ бы пожертвовалъ ихъ, по крайней мѣрѣ одну Обществу. Псаломщикъ А Соколовъ—человѣкъ. понимающій значеніе мѣстности, онъ интересуется вокругъ разбросанными курганами и могилами, часто въ свободное время ходитъ съ пешнею и лопатою по урочищу, преимущественно на каменный бугоръ и то тамъ, то здѣсь разрываетъ намѣченныя мѣста; не разъ, какъ говорилъ мнѣ, онъ натыкался въ своихъ раскопкахъ на стѣны, своды, трубы какихъ-то сооруженій; проникнуть до глубины, до основы ихъ, у него, конечно не доставало силъ; цѣнныхъ вещей онъ не находилъ, но разнаго рода глиняные предметы, кувшины, монеты, часто; мало обращалъ на нихъ вниманія; онъ подарилъ мнѣ 3 серебряныя монеты, самыя большія изъ собранныхъ мною и сохранившія на себѣ особенно внятно надписи; затѣмъ 2 большихъ куска, отломившихся отъ части обвалившейся откопанной стѣны древняго сооруженія, съ разноцвѣтной поливой на лицевой сторонѣ, взятыхъ имъ у одного крестьянина, занимавшагося рытьемъ на буграхъ. На мое приглашеніе г. Соколовъ выразилъ сочувственное желаніе въ случаѣ важныхъ древнихъ находокъ потрудиться извѣстить меня или Общество о таковыхъ. Затѣмъ г. Лебедевымъ и нѣкоторыми изъ вышеозначенныхъ лицъ были сообщены мнѣ слѣдующіе случаи важныхъ находокъ на городищѣ. Въ прошломъ 1887 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ села г. Борисову была принесена калмыками, найденная ими при рытье ямы для выхода или погреба, золотая монета, величиною—нѣсколько болѣе 3-хъ копѣечной мѣдной—новаго чекана и повидимому съ татарскою или турецкою надписью, и пріобрѣтена имъ у нихъ за 8 руб. Вскорѣ по отъѣздѣ на Нижегородскую ярмарку Борисовъ взявшій съ собой и этотъ золотой, показывалъ его тамъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ и вообще любопытствующимъ лицамъ; одно изъ послѣднихъ и купило у него этотъ золотой за 25 руб. Дальнѣйшая судьба его не извѣстна. Говорили, что объ этой находкѣ было узнано мѣстной губернскою властью и приняты мѣры для розысканія монеты. Тѣми-же лицами сообщалось мнѣ далѣе, что въ прошломъ-же году одна киргизянка, проходя вдоль обрыва бугровъ къ сторонѣ рѣки около села, съ цѣлію собиранія болѣе значительныхъ кусковъ стараго кирпича (щебня) подняла, между прочимъ, растрескавшійся, шелушившійся толстый кожаный свертокъ, на подобіе сумы, и придя домой, съ досадой бросила его о кирпичи, какъ не нужную, безполезную вещь, напрасно

поднятую ею, но изъ него посыпались мелкія серебряныя деньги, числомъ 2 1/2 или 3 сотни. Объ этомъ было узнано подлежащими властями; монеты у женщины отобраны; представлены въ Археологическую коммиссію, отъ которой затѣмъ и послѣдовала выдача этой женщинѣ денегъ сотни съ чѣмъ-то рублей. Конечно, много совершается цѣнныхъ находокъ отдѣльными лицами на этомъ городищѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, но они объ этомъ, понятно, никому не сообщаютъ изъ своихъ личныхъ выгодъ.

Затѣмъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, по приглашенію г. урядника, я отправился вмѣстѣ съ нимъ для осмотра случайно открытаго однимъ крестьяниномъ кузнецомъ (Тих. Петр. Гончаровымъ, обитающимъ въ сѣверо-восточной части села, въ самомъ почти концѣ построекъ) страннаго подземнаго сооруженія. Полтора года тому назадъ этотъ крестьянинъ вздумалъ на дворѣ своемъ подлѣ самаго дома устроить ямку или выходъ для склада разнаго рода хозяйственныхъ припасовъ, и для этого принялся рыть углубленіе; на глубинѣ 1 1/2 аршина онъ къ удивленію своему встрѣтилъ кирпичную стѣну, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ копаньѣ, показалось отверзтіе. Оказалось, что оно вводило въ отличное сохранившееся кирпичное строеніе, имѣющее форму шатра или кибитки, хотя въ общемъ круглое, но удлиненное нѣсколько въ одну сторону, съ потолкомъ ввидѣ приподнимающагося къ центру свода. Для крестьянина, такимъ образомъ, оказался готовый, твердо выложенный изъ кирпича погребъ, и онъ преспокойно въ такомъ видѣ пользуется имъ доселѣ, устроивъ только земляной со ступеньками спускъ къ отверстію выхода отъ поверхности земли. Съ любопытствомъ я спускался вмѣстѣ съ г. Лебедевымъ въ это оригинально открытое готовое помѣщеніе. Стѣны помѣщенія изъ широкаго, но не толстаго старинnаго жженаго кирпича, плотно уложеннаго; стѣны у подъема къ своду и самый сводъ тщательно выровнены, сглажены, полъ земляной, только по краямъ видны отдѣльно наложенные кирпичи; въ передней и задней сторонѣ удлиненія постройки (идущаго отъ входа къ противоположной стѣнѣ) находятся не глубокія выемки, какъ бы ниши, имѣющія форму очка червонной масти, или сердца, какъ обыкновенно изображаютъ, поставленнымъ острымъ концомъ вверхъ отъ основанія пола на 3/4 аршина высоты. Высота внутренности помѣщенія отъ пола до высшей средней точки куполообразнаго потолка оказалось равною, по моему измѣренію 38 1/2 вершкамъ, т. е. 2 аршинамъ и 6 1/2 верш. и діаметръ окружности пола (удлиненіе его очень малое, едва замѣтное) 7 арш. 6 вершк. Подобный же выходъ, какъ заявилъ мнѣ г урядникъ, находится и во дворѣ другого жителя села, но ни его, и никого изъ его домашнихъ не оказалось дома. Всѣ отсутствовали изъ села.

Затѣмъ при прогулкѣ по самому селу обратило мое вниманіе еще обстоятельство, могущее отчасти доказывать или убѣждать въ томъ, что подъ

самымъ селомъ, подъ постройками его нерѣдко должны встрѣчаться сооруженія со сводами, каменными, иногда тонкими кровлями. Проходя отъ сельскаго училища къ церкви, съ сѣверной стороны ея даже при обыкновенномъ, а тѣмъ болѣе нѣсколько тяжеломъ шагѣ слышится подповерхностный гулъ, шумъ, еще яснѣе этотъ шумъ и гулъ, если ударять о поверхность, состоящую здѣсь изъ углезолистаго, смѣшаннаго съ пескомъ, слоя чѣмъ-нибудь тяжелымъ, твердымъ, напр. камнемъ, палкою. Невольно приходишь къ заключенію, что пустота эта нѣдрится въ сооруженіяхъ, постройкахъ, находящихся въ подповерхностныхъ слояхъ земли. Такое же ощущеніе пустоты, гула и шума подъ поверхностію, хотя впрочемъ и не столь отчетливое, какъ подлѣ церкви, мною замѣчалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ улицъ села; причемъ иногда на поверхности прямо можно было различать линіи кирпичныхъ или каменныхъ стѣнъ, идущихъ изнутри земли съ вывѣтрившимися сравненными съ землею краями.

Между тѣмъ съ другого же дня моего пребыванія въ селѣ, вслѣдствіе скоро распространившагося въ немъ слуха о пріѣздѣ человѣка, собирающаго старинныя вещи, сельскія бабы и особенно ребятишки стали приносить ко мнѣ кирпичи, камни съ разнообразной поливой, кувшины, монеты, сначала беря за нихъ малыя мѣдныя монеты, а затѣмъ, съ третьяго уже дня, замѣтивъ, что это цѣль моего пріѣзда и смекнувъ, что тутъ можно взять деньгу, запрашивая уже совсѣмъ не соразмѣрную плату и торгуясь до послѣдней возможности.

Такимъ образомъ изъ множества приносимыхъ мнѣ вещей, иногда совершенно ненужныхъ, незначительныхъ, малоцѣнныхъ въ археологическомъ смыслѣ я пріобрѣлъ 4 кувшина, 130 мѣдныхъ монетъ, 15 серебряныхъ, нѣсколько кусковъ и осколковъ камней съ разноцвѣтной поливой.

Четыре раза я предпринималъ прогулку по урочищу и окрестностямъ села по разнымъ отъ него направленіямъ. 2 раза я ходилъ по сѣверо-восточному направленію, потомъ къ востоку и юго-западу отъ села. Въ первые два раза мнѣ сопутствовалъ г. Лебедевъ, бравшій съ собою, по моей просьбѣ 2-хъ десятскихъ съ пешнями и лопатами. Какъ я уже замѣчалъ выше ямы, дыры—слѣды крестьянскихъ раскопокъ, преимущественно и въ частомъ видѣ встрѣчаются къ сѣверо-востоку отъ села. По этому пути, какъ на буграхъ, такъ и въ пониженіяхъ между ними идетъ не прерывный рядъ вырытыхъ ямъ съ большими кучами около нихъ щебня, всякаго рода камня, кирпича, костей, перегнившаго дерева, угля и проч Иногда у краевъ разрытыхъ ямъ мы пробовали копать землю на незначительную глубину; нѣсколько разъ попадались намъ ряды плотно сложеннаго сырцоваго кирпича, глиняные черепки, куски кирпича, камня съ разноцвѣтной поливой; въ рѣдкихъ случаяхъ въ разрѣзѣ ямы или въ обвалившейся отъ ея края кучѣ

земли находимы были мѣдныя монеты. На поверхности бугровъ и около ямъ въ пескѣ мы собрали до 40 такихъ монетъ. Кромѣ того множество кусковъ битыхъ разноцвѣтныхъ плитъ и камней, разсѣянныхъ и валяющихся по разнымъ направленіямъ постоянно служили поводомъ къ нашей остановкѣ, разсматриванію и собиранію наиболѣе значительныхъ изъ нихъ по величинѣ или выдающихся по разноцвѣтной поливѣ. Небольшую коллекцію такихъ кусковъ и осколковъ я и привезъ съ собою въ Астрахань. По юго-западную сторону села, именно на возвышенномъ Маячномъ бугрѣ не встрѣчалось никакихъ разрытій, по крайней мѣрѣ, недавней поры, поверхность его во многихъ мѣстахъ углиста; здѣсь я находилъ особенно много разнаго рода стекловидной формы камушковъ, а также попадались и мѣдныя монеты. Что же касается Каменнаго бугра, лежащаго къ востоку отъ села и находящихся около него другихъ, меньшихъ, на одномъ изъ которыхъ расположено древнее татарское кладбище, то здѣсь слѣды разрытій встрѣчаются, но очень рѣдко, въ меньшихъ размѣрахъ и притомъ они, повидимому, давняго времени. Мѣстность вся почти сплошь покрыта травой, (бурьяномъ) вообще представляетъ видъ запустѣлый, дикій; камней, щебня, кирпича очень мало, только у рѣдкихъ, тоже уже поросшихъ травой, ямъ и углубленій. Въ одну изъ своихъ прогулокъ я, между прочимъ, встрѣтилъ здѣсь г. А Соколова (псаломщ. Селитр. церкви), который трудился въ намѣченномъ мѣстѣ бугра, разрывая землю лопатой и щупая пешней подповерхностный слой; послѣ двухчасоваго рытья онъ застучалъ пешней о твердый предметъ; оказалось нѣсколько старинныхъ, тонкихъ, но широкихъ кирпичей, сложенныхъ въ рядъ, затѣмъ подъ ними куски битой глиняной посуды; далѣе опять пошла земля; утомленный онъ оставилъ работу до другаго раза. На этомъ бугрѣ ему случалось, по его словамъ, находить изрѣдка серебряную монету; одну изъ таковыхъ, самую большую, онъ и представилъ въ мое распоряженіе.

Заканчивая этимъ отчетъ о своей поѣздкѣ съ археологическою цѣлію въ Селитряное, считаю не лишнимъ въ заключеніе сообщить нѣкоторыя данныя о промышленности и торговлѣ его жителей, которыя я добылъ въ сельскомъ правленіи, благодаря обязательности письмоводителя его г. И. Жители села Селитрянаго, государственные крестьяне, начинаютъ мало по малу выкупаться, оплачиваться. Съ 1887 г. вмѣсто оброчнаго платежа—выкупной на 42 года по окладному листу. Земли обществу принадлежитъ—удобной 14,537 десят., не удобной 13,151 десят. Лѣсу 367 десятинъ. неудобной 15. Всего 28,072 десят. Казенныхъ рыболовныхъ водъ 4,557, площади подъ соляными озерами 39,8. Церковной земли 90,3. Всего же въ дачѣ 32760,6.

Главныя занятія жителей: скотоводство, сѣнокошенье, садоводство, хлѣбопашество, рыболовство. Овецъ, принадлежащихъ имъ всего числится до 35,000,

рогатаго скота тысячъ 10, свиней съ 1,000, верблюдовъ свыше 100, лошадей до 1,000. Сѣютъ пшеницу, рожь, просо. 25 фруктовыхъ садовъ, принадлежащихъ жителямъ села. Въ нихъ произрастаютъ яблоки, груши, сливы, вишни. Общее производство въ среднемъ выводѣ простирается до 250 и болѣе рублей. У жителей до 150 посудъ (мѣстное названіе судовъ), на которыхъ сплавляется сѣно, исключительно въ Астрахань. Овцы держатся отчасти съ промышленною цѣлью; именно съ нихъ снимается шерсть, которая собирается весною по 3 р. съ пуда, а осенью рублей 6 за пудъ. Поярка шерсть р. 6—8. Въ теченіе года въ селѣ бываетъ 2 ярмарки, 1-го Октября на Покровъ и въ Новый годъ 1-го Января. Главные предметы, привозимые и продаваемые на нихъ: скотъ, хлѣбъ (5,000 кулей муки въ 1887 г.), кожа, овощи, капуста, картофель и другіе товары. Вотъ вѣдомость о торговомъ оборотѣ во время ярмарки, бывшей въ Селитряномъ въ Октябрѣ 1887 года.

Наименованіе товаровъ	Привезено на сумму	Продано
Мануфактурныхъ	50000	12050
Колоніальныхъ	2009	850
Галантерейныхъ	1052	510
Кожевенныхъ	3300	1800
Скота рогатаго	3127	510
Лошадей	1500	660
Верблюдовъ	611	372
Овецъ и козъ	2000	2000
Разнаго рода хлѣба	12000	12000
Желѣза	502	250
Съѣстныхъ припасовъ: капусты, картофеля и др. овощ.	1500	1200
Разныхъ мелочныхъ товаровъ	950	150
Всего	77401	30352

За Январскую же ярмарку 1888 года было въ привозѣ товаровъ на 70,536 р., продано же только на 16,084 рубля.

АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ

(НАБЛЮДЕНІЯ и ЗАМѢТКИ)

И. А. Житецкаго.

„Feci, quod potui; faciant meliora potentes“.

ВЪ ДВУХЪ ОЧЕРКАХЪ.

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй половинѣ XVII стол. историческіе документы впервые отмѣчаютъ появленіе калмыковъ въ юго-восточныхъ предѣлахъ Россіи. Повидимому калмыки въ это время представляли кочевое населеніе, сильное не своимъ количествомъ, массою, а своего рода воинскою энергіей и внутренней организаціей, которая выражалась въ видѣ власти тайшей, нойоновъ и зайсанговъ. Движеніе калмыковъ направилось по степной полосѣ на западъ и шло довольно быстро: къ концу XVII в. калмыки были уже не только въ низовьяхъ Волги, но и за Волгой, и въ видѣ союзниковъ появлялись даже въ предѣлахъ Малороссіи. Наттиску калмыковъ быстро и лишь съ слабымъ соприкосновеніемъ поддалось все кочевое населеніе юго-восточной Россіи: туркмены, ногаи, крымцы и др. Одни изъ нихъ присоединились къ калмыкамъ и впослѣдствіи совершенно слились съ ними; другіе отступили на югъ въ предгорья Кавказа и на западъ въ азовскія и черноморскія побережья. Населеніе же осѣдлое, главнымъ образомъ русское, не только не уступило своихъ мѣстъ калмыкамъ, но и положило предѣлъ дальнѣйшему движенію ихъ. Въ это время колонизаціонное движеніе русскаго населенія (великороссовъ и малороссовъ) въ южное приволжье было настолько энергично, что калмыки были безсильны и отодвинуть его назадъ и прорвать полосу окраиннаго осѣдлаго населенія. Такимъ образомъ калмыки и не пошли дальше донскихъ предѣловъ, хотя еще въ теченіи цѣлаго вѣка продолжали свои набѣги, сопровождаемые грабежомъ, на сосѣднія осѣдлыя поселенія.

Въ борьбѣ русскаго окраиннаго населенія съ калмыками приняло участіе очень рано и русское правительство и мѣстная администрація. Въ первое время появленія калмыковъ въ юго-восточной Россіи воздѣйствіе правительства выражалось въ формѣ заключенія мирныхъ договоровъ съ представителями власти калмыковъ объ устраненіи грабежей и о торговыхъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Но подобные договоры („шертныя записи“) не имѣли никакого значенія, даже въ смыслѣ гребежей, такъ какъ непосредственно за ихъ составленіемъ слѣдовало и нарушеніе ихъ камыками. Затѣмъ, главнымъ образомъ въ началѣ XVIII ст., воздѣйствіе администраціи перешло отъ „шертныхъ записей“ къ „приласканію“ калмыцкихъ правителей подарками, которые выражались посылкой въ кочевья ставки разныхъ правителей калмыцкихъ — съѣстныхъ припасовъ, лакомствъ, напитковъ, матерій и даже экипажей. Но уже съ половины XVIII в. въ сношеніяхъ съ калмыками начинаетъ ярко выступать тенденція къ ассимилированію кал-

мыковъ съ русскимъ населеніемъ. Эта тенденція стала выражаться въ двухъ формахъ: въ обращеніи калмыковъ въ христіанство и въ пріученіи ихъ къ осѣдлой жизни (т. е. къ постройкѣ постоянныхъ жилищъ и къ занятію земледѣліемъ). Результатомъ такихъ стремленій было между прочимъ съ одной стороны переселеніе части окрестившихся калмыковъ въ предѣлы теперешняго Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ. и въ основаніе нѣсколькихъ поселковъ въ въ приволжьѣ (поселеніе нойона Замъяна, семьи хана Дундукова и пр.), а съ другой - выселеніе во второй половинѣ XVIII в. большинства калмыковъ за предѣлы Европейской Россіи. Съ этого времени, ослабленное уходомъ большинства, калмыцкое населеніе поступаетъ въ совершенное распоряженіе русской администраціи, которая не перестаетъ стремиться къ ассемилизаціи калмыковъ съ осѣдлымъ населеніемъ приволжья. Исторія управленія калмыками съ послѣдней четверти XVIII в. и до нашего времени даетъ массу чрезвычайно интереснаго матеріала съ этнографической точки зрѣнія по вопросу о перерожденіи калмыковъ; но наиболѣе интересный моментъ въ этомъ отношеніи сопоставляетъ начало 60-хъ годовъ нашего столѣтія, когда сдѣлана была попытка обосновать административныя воздѣйствія на научныхъ требованіяхъ, и когда снаряжена была цѣлая экспедиція (Кумо-Манычская), въ задачи которой возникло между прочимъ, помимо изученія страны, занимаемой калмыками, во всѣхъ отношеніяхъ и самыхъ калмыковъ,—выработать планъ занятія степей, обитаемыхъ калмыками, осѣдлыми русскими населеніями съ цѣлью поставить калмыковъ въ необходимость измѣнить свой кочевой обиходъ жизни на болѣе прочный и продуктивный—осѣдлый.

Но для каждаго, изучившаго калмыковъ и близко знакомаго съ ними, ясно, что вѣковой опытъ, направленный къ воздѣйствію на нихъ въ смыслѣ измѣненія ихъ быта и занятій—остался безрезультатнымъ. Калмыки до послѣдняго времени представляютъ изъ себя совершенно оригинальную народность со своеобразнымъ кочевымъ укладомъ жизни, при этомъ народность, сохранившую силы къ размноженію и поддержкѣ своего хозяйственно-бытоваго уклада и этнологическихъ особенностей. Въ этомъ отношеніи европейскіе калмыки представляютъ не малый интересъ для науки вообще, а для этнографіи въ особенности. Но нельзя сказать, чтобы особенно много сдѣлано было для разъясненія хотя бы того вопроса, почему калмыки, живя среди осѣдлаго населенія въ теченіи почти двухъ вѣковъ, такъ мало еще сдѣлали по пути органическаго сліянія съ этимъ населеніемъ и такъ мало утратили изъ своего своеобразнаго проживанія, не связаннаго ни съ довольствомъ, ни съ жизненными удобствами. За небольшими исключеніями, изученіе калмыковъ мало касалось хозяйственнно-экономической стороны жизни, а носило нравоописательный характеръ. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ этнографическое изученіе калмыковъ должно быть неразрывно связано съ

жизненно-экономическими условіями, а такого рода изученіе калмыковъ можетъ быть весьма полезнымъ и въ научномъ и въ практическомъ отношеніи, такъ какъ оно не только способно выяснить теперешнее statu-quo калмыковъ, но и намѣтить дальнѣйшій ходъ жизни ихъ.

Экономическая жизнь всякаго народа, не исключая, конечно, и калмыковъ, обуславливается, главнымъ образомъ, *условіями жизни народа, направленіемъ его труда и питаніемъ въ связи съ жизненными условіями.* Результаты изученія Астраханскихъ калмыковъ по этимъ тремъ вопросамъ и представлено мною Петровскому Обществу Изслѣдователей Астраханскаго края въ видѣ трехъ рефератовъ: 1) „Условія жизни астраханскихъ калмыковъ"; 2) формы и труды и 3) пища ихъ.—Основнымъ матерьяломъ для этихъ рефератовъ послужили прежде всего мои личныя наблюденія астраханскихъ калмыковъ. По иниціативѣ и при содѣйствіи бывшаго Главнаго Попечителя калмыцкаго народа Н. О. Осипова я прожилъ съ цѣлью собиранія хозяйственныхъ и этнографическихъ свѣдѣній лѣтніе мѣсяцы 1885 и 1886 г. среди астраханскихъ калмыковъ и посѣтилъ безъ исключенія всѣ улусы, а въ нѣкоторыхъ, (какъ Яндыковскій, Харахусовскій, Икицохуровскій и сѣверная часть Мало-Дербетевскаго) былъ по два и по три раза.

Относительно собранныхъ мною въ это время матеріаловъ необходимо вообще отмѣтить, что всѣ они записаны (или извлечены изъ подлинныхъ документовъ) или лично мною, или подъ моимъ наблюденіемъ раздѣлявшими со мною трудъ собиранія переводчиками; въ частности-же свѣдѣнія о хотонахъ и перекочевкахъ записаны въ разныхъ мѣстахъ лично мною изъ разспросовъ встрѣчныхъ калмыковъ; данныя о населеніи добыты путемъ покибиточной переписи наличнаго населенія; матерьялы о ремеслахъ калмыковъ записаны при осмотрѣ инвентаря встрѣчныхъ ремесленниковъ и разспроса ихъ; свѣдѣнія-же о положеніи рыболовныхъ рабочихъ записаны мною при посѣщеніи приватажнаго населенія (главнымъ образомъ на промыслахъ Сапожникова и Воробьева и кибитокъ вольныхъ ловцовъ); наконецъ матерьялы о заработной платѣ, количествѣ рыболовныхъ рабочихъ, пищевомъ довольствіи и пр.— извлечены изъ книгъ контрактовъ, какія ведутся при улусныхъ ставкахъ Но кромѣ того я имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи оффиціальные матеріалы, любезно мнѣ предоставленные главнымъ образомъ бывшимъ помощникомъ Главнаго Попечителя М. Ѳ. фонъ-Ашенбергомъ, попечителемъ Мало-Дербетовскаго улуса В. А. Хлѣбниковымъ, и нѣкоторыми другими улусными властями; къ числу такихъ матерьяловъ относятся между другими:

1) Свѣдѣнія, доставленныя попечителями и правителями всѣхъ улусовъ о пищевомъ довольствіи бѣдной, средней и богатой кибитокъ калмы-

ковъ и годовыхъ тратахъ калмыковъ (на пищу, одежду, кибиточный инвентарь и пр.).

2) Матерьялы, собранные по порученію Главнаго Калмыцкаго Управленія инженеръ-технологомъ Дреером въ 1885 г. по вопросу объ обводненіи калмыцкой степи.

3) Матерьялы съѣзда калмыцкихъ скотоводовъ по распредѣленію калмыковъ на „черныхъ земляхъ“, происходившаго въ 1885 г. въ половинѣ Августа, въ ставкѣ Икицохуровскаго улуса.

4) Списки построекъ въ Калмыцкой степи и лицъ, которыми выданы пособія на постройки.

5) Списки хуруловъ и наличный составъ въ нихъ духовенства.

6) Списки родовъ и аймаковъ и количество въ нихъ кибитокъ.

7) Свѣдѣнія о количествѣ выбранныхъ въ 1885 г. билетовъ на отлучки, извлеченныя изъ подлинныхъ книгъ улусныхъ правленій.

8) Разныя извлеченія изъ дѣлъ улусныхъ управленій — объ общественныхъ запасахъ сѣна въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, о пользованіи сѣнокосными угодьями и т. п.

9) Подлинныя дѣла Калмыцкаго Управленія.

Наконецъ я для составленія своихъ рефератовъ воспользовался еще и слѣдующими печатными источниками:

1) „Собраніе путешествій къ татарамъ и къ другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV стол. I. Плано-Карпини. Спб. 1826 г.

2) „Путешествіе венеціанца Марко-Поло въ XIII стол. Переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Москва 1863 г.

3) *Георги* „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“ ч. 3. Спб. 1799 г.

4) Дополненіе къ историческимъ актамъ т. IV, VI, VIII, Спб. 1857,— 62,—67 гг.

5) Нилъ Поповъ. „В. П. Татищевъ и его время“ Москва 1861 г.

6) Дневныя записки путешествія доктора и академика наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1768 и 1769 г. Спб. 1771 г.

7) *П. Неболсинъ*, очеркъ быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса издан. 1852 г.

8) Полное собраніе Свода Законовъ (отчасти).

9) Не[illegible]едьевъ. „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ. Спб. 1834 г.

10) Баронъ-Бюлеръ „Кочующіе и осѣдло живущіе въ астраханской губ. инородцы“. (От. Зап. 1846 г. №№ 8, 9, 10, 11).

11) Его-же. „Очерки Восточной Сибири. Ламаизмъ и шаманство“ Отеч. Зап. 1859 г.

12) Калмыцкая степь Астраханской губ. по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи. Спб. 1864 г.

13) Страховъ. Нынѣшнее состояніе калмыцкаго народа. Изд. 1810 г.

14) *Палласъ*. „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“. Спб. 1786 г.

15) Труды Астраханскаго статистическаго комитета. Выпускъ I. 1869 г., 1874 г. и друг.

Составленные на основаніи указанныхъ данныхъ рефераты не претендуютъ, конечно, ни на полноту, ни на погрѣшимость выводовъ, а развѣ только на точность и вѣрность дѣйствительности матеріаловъ. Къ сожалѣнію опубликованіе этихъ матеріаловъ запоздало нѣсколько. Собранные мною матеріалы въ 1885—86 годахъ, благодаря моему выѣзду изъ астраханскихъ предѣловъ, были обработаны въ формѣ рефератовъ лишь въ 1889—90 г., именно Петровскому Обществу предложены были рефераты: „Условія жизни астраханскихъ калмыковъ“ и „Формы труда“ — въ 1889 г., „Пища астраханскихъ калмыковъ“ — въ 1890 г.

Но и Петровское Общество получило возможность опубликовать ихъ лишь спустя три года, что объясняется отчасти небогатыми финансовыми средствами, какими вообще располагаетъ Петровское Общество.

Иродіонъ Житецкій.

24 Апрѣля, Владимірск. губ.

АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ

(НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ)

И. А. Житецкаго.

„Feci, quod potui; faciant meliora potentes“.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

Общія условія жизни калмыковъ въ Астраханскомъ краѣ.

(Наблюденія и замѣтки).

Раздѣленіе калмыцкихъ степей по топографическимъ и климатическимъ условіямъ на три района: приморскій или «Мочаги», гористый или «Эргени» и центральная степь. Главныя особенности каждой части. Перекочевки калмыковъ и ихъ зависимость отъ почвенно-климатическихъ и хозяйственныхъ причинъ, отъ сословно-экономическихъ и административныхъ условій и отъ родовой организаціи калмыковъ. Этнографическое дифференцированіе калмыцкаго населенія въ связи съ почвенно-климатическими и хозяйственными условіями на три группы: степные калмыки, эргенскіе (горные) и черневые (приморскіе).

Астраханскіе калмыки во многихъ отношеніяхъ представляютъ особенный интересъ для этнографіи: среди разнороднаго населенія европейскаго материка они являются единственными представителями въ современную эпоху монгольскаго племени и ламаитскаго вѣроисповѣданія и кромѣ того до послѣдняго момента они сохранили во всей почти первобытности патріархально кочевой бытъ и рабовладѣльческія отношенія между сословіями.

На европейскомъ материкѣ калмыки поселились въ концѣ XII вѣка и съ той поры безпрерывно были въ соприкосновеніи съ осѣдлыми народностями различныхъ племенныхъ группъ (славянъ, татаръ, армянъ, персовъ) и различныхъ вѣроисповѣданій (христіанъ, магометанъ), и однако, двухъвѣковое сожительство съ осѣдлымъ населеніемъ только скользнуло по поверхности этнографическаго типа калмыковъ, но не измѣнило, и даже не ослабило этнологическихъ оригинальностей его. Объясненіе такой поразительной устойчивости даетъ въ значительной степени природа страны, среди которой обитали и обитаютъ астраханскіе калмыки: они своими кочевьями занимаютъ такой степной клочекъ Европейской Россіи, который и пригоденъ лишь для пастушескаго кочеваго населенія, и положительно неудобенъ для обитанія населенія съ привычками осѣдлаго проживанія. Къ странѣ, находящейся подъ кочевьями калмыковъ, весьма примѣнительны слова Овидія: „Nulla est silva, nullus mons, nullus lapis“, — но съ добавленіемъ: „mala aqua, misera herba“.

Калмыцкая степь астраханской губерніи на всемъ пространствѣ въ 7.128,352 д. представляетъ, сравнительно съ остальною площадью Европы, самое позднѣйшее обнаженіе отъ воднаго покрова. Но при этомъ, однако, западная ея треть была приподнята изъ воды вслѣдствіе геологическаго катаклизма раньше и составляла уже высокій берегъ моря въ то время,

когда подъ водами послѣдняго были еще скрыты остальныя двѣ трети теперешней степи, а когда потомъ и вся площадь обнажилась отъ морскихъ водъ, то западная ея часть на всемъ 300-тъ верстномъ протяженіи съ сѣвера на югъ оказалась выше восточной на 300—400 футовъ. Эта высокая часть калмыцкихъ степей, занимая площадь въ 2.128,352 д., и въ позднѣйшее время носитъ явные слѣды и болѣе ранняго обнаженія отъ воды и того геологическаго переворота, которому она обязана своимъ происхожденіемъ.

Хотя относительно давно уже морскія воды не покрываютъ калмыцкую степь, но на югѣ, на пространствѣ 150 верстъ въ длину и 40 верстъ въ ширину, лежитъ площадь степи приблизительно въ 700,000 десятинъ, которая и въ данное время продолжаетъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ Каспійскаго моря.

Такимъ образомъ, въ наше время калмыцкая степь, по намѣченнымъ выше общимъ особенностямъ, распадается на три неравныя части:

1. Юго-восточная часть—приморская, иначе „Мочаги“ съ площадью въ 700,000 десятинъ.

2. Западная часть—гористая, или „Эргени“ съ площадью въ 2.128,332 дес.

3. Остальная часть степи съ площадью около 4.200,000 десятинъ.

Какъ бывшее дно морское, вся степь безъ всякихъ подраздѣленій имѣетъ ту особенность, что верхнимъ покровомъ ея служитъ глинисто-песчаный пластъ Ново-Каспійской формаціи, и къ этой то общей чертѣ въ каждой изъ трехъ частей степи присоединяются уже частныя оригинальности.

Въ Мочагахъ вся площадь изрѣзана волжскими и главнымъ образомъ морскими заливами и протоками и кромѣ того значительная ея часть ежегодно, нѣсколько разъ при юго-восточныхъ и южныхъ вѣтрахъ, нагоняющихъ воду съ моря („морянахъ“) – покрывается морскою водою. Отъ этого въ здѣшней почвѣ преобладающимъ элементомъ является песокъ, который то нагромождается, подъ вліяніемъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, въ песчаные бугры („барханы“), лишенные растительности, то, въ болѣе низкихъ мѣстахъ, заволакиваются иломъ и покрываются травянистою растительностью, переходящею по берегамъ заливовъ и протоковъ („ериковъ“) въ камышъ, осоку и другія болотныя произрастанія. Отсюда Мочаги по своему островному положенію, по характеру почвы и представителямъ флоры принадлежатъ уже не къ степи, а къ луговой мѣстности, но съ тѣмъ отличіемъ отъ рѣчныхъ заливныхъ луговъ, что почва здѣсь оказывается крайне насыщенной солями. Обильное присутствіе солей въ почвѣ, помимо вліянія на характеръ растительности, имѣетъ еще и другія важныя въ хозяйственной экономіи страны послѣдствія—бѣдность, а мѣстами и полное отсутствіе прѣсной воды

и образованіе солеосадочныхъ озеръ, которыя во множествѣ расположились на грани Мочаговъ со степью. Положеніе Мочаговъ на югѣ степи и вліяніе моря настолько умѣряютъ климатъ здѣсь, что страна почти не знаетъ снѣжнаго покрова, а обиліе влаги при иловыхъ заносахъ благопріятствуетъ травяной растительности, но избытокъ солей и періодическое покрываніе наиболѣе плодороднѣйшихъ площадей водами моря, не даетъ мѣста здѣсь ни лѣсоразведенію, ни земледѣлію, а это, въ связи съ отсутствіемъ прѣсной воды, вліяетъ вредно на ростъ осѣдлыхъ поселеній. „Мочаги“ или иначе „Черни“—это область рыболовства и соледобыванія; здѣсь условія благопріятствуютъ еще разведенію рогатаго скота и отчасти лошадей, но овцы плохо подчиняются мѣстнымъ условіямъ, а верблюды и положительно не выдерживаютъ ихъ.

„Эргени“ или иначе „высокая степь“ представляютъ на всемъ трехсотверстномъ пространствѣ рядъ холмовъ раздѣленныхъ оврагами и балками. То обстоятельство, что эргенская возвышенность произошла подъ вліяніемъ быстраго подземнаго переворота, выражается въ непараллельности расположенія геологическихъ пластовъ, а эта особенность обусловила здѣсь обиліе родниковъ, ключей и источниковъ; болѣе продолжительное нахожденіе Эргеней внѣ морского покрова въ связи съ холмистостью страны имѣетъ результатомъ то, что верхній пластъ почвы Ново-Каспійской формаціи здѣсь уже значительно выщелоченъ отъ солей и растительная его сила увеличена, а потому въ почвѣ „высокой степи“ кромѣ глины и песку, уже замѣчается плодоносный черноземъ, залегающій по балкамъ и котловинамъ, куда весеннія и дождевыя воды послѣдовательно сносятъ плодоносные суррогаты съ окружающихъ возвышенностей, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ накопляется растительный перегной и самостоятельно, при наличности родниковой воды содѣйствуетъ богатству растительнаго покрова, и, при защитѣ отъ вѣтровъ, сгниванію растенія на мѣстѣ. Возвышеніе Эргеней на 300—400 футовъ надъ уровнемъ прилегающей площади открываетъ страну не однимъ сухимъ сѣвернымъ и восточнымъ вѣтрамъ, но и влажнымъ западнымъ, отчего осѣданіе атмосферныхъ осадковъ здѣсь болѣе обильное, чѣмъ въ остальной степи: здѣсь и дожди чаще, и снѣгу больше, къ тому-же и холмистость страны даетъ защиту, какъ людямъ, такъ и древеснымъ растеніямъ, и отъ зимнихъ шургановъ, и отъ лѣтнихъ урагановъ. Совокупность всѣхъ исчисленныхъ особенностей Эргеней обусловливаетъ тотъ результатъ, что въ этой странѣ, кромѣ того, что она сравнительно богата растительнымъ покровомъ, находится не мало сѣнокосныхъ площадей, а во многихъ мѣстахъ имѣются условія къ лѣсоразведенію и земледѣлію, и вообще Эргени обладаютъ условіями, хотя и далеко не на всемъ пространствѣ, для проживанія осѣдлаго населенія.

Однако, Мочаги и Эргени, благодаря сравнительно небольшому пространству и окраинному положенію, не имѣютъ того рѣшающаго значенія, какъ третья часть степи, самая большая и центральная, гдѣ въ наше время собственно и осталась во всей своей первобытной неприкосновенности типическая жизнь калмыковъ.

Въ этой части степи на пространствѣ 4.200,000 десятинъ почвенный покровъ вполнѣ однообразенъ и однороденъ—это смѣсь глины и песку, но только глина, преобладая въ смѣси на сѣверѣ, постепенно къ югу уступаетъ преобладаніе песку, и на югѣ господствующемъ элементомъ уже является послѣдній. Растительный слой на всей площади центральныхъ степей, за исключеніемъ рѣдкихъ здѣсь котловинъ, на столько слабъ и ничтоженъ, что исчезаетъ отъ одной—двухъ вспашекъ, уничтожается скопленіемъ, сколько-нибудь продолжительнымъ, на одномъ мѣстѣ скота и даже выдувается въ засухи вѣтрами *).

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ въ низменной степи только котловины, куда весеннія воды съ прилегающихъ бугровыхъ мѣстъ сносятъ плодоносные элементы почвы, и гдѣ въ силу этого образовались супесчаныя или суглинистыя съ примѣсью ила образованія, дающія болѣе или менѣе постоянный урожай травъ. Но такихъ плодоносныхъ котловинъ въ степи ничтожное количество, и, въ общемъ, вся низменная часть степи для глаза представляется необъятной, ровной площадью. Правда, эта площадь разнообразится отчасти разныхъ формъ и величинъ возвышеніями и углубленіями, но всѣ такія неровности имѣютъ на столько малые, сравнительно съ общей площадью размѣры въ вертикальномъ направленіи, что въ обшемъ своемъ видѣ степь сохраняетъ для глаза видъ гладкой и ровной дали. Всѣ холмистыя возвышенія здѣсь не выходятъ изъ общаго для нихъ горизонта и представляютъ лишь откосы котловинъ, отчего послѣднія, такимъ образомъ, кажутся выемками въ поверхности степи. Такія выемки не углубляются въ почву болѣе 3—5—7 саженей, и потому представляютъ весьма слабую

*) Вотъ два примѣра для иллюстраціи вышесказаннаго положенія:

а) Въ полосѣ степи, прилегающей къ землямъ приволжскихъ поселеній, можно видѣть огромныя площади, почти совершенно лишенныя растительности: это мѣста, на которыхъ жители ближайшихъ русскихъ поселеній дѣлали одинъ—два хлѣбныхъ посѣва, и почва въ два года истощилась окончательно и, будучи разрыхлена вспашкой, обратилась въ слой глинистой пыли или сыпучаго песку, лишенный всякихъ растительныхъ корней. Такія площади не нужны теперь не только земледѣльцу, но онѣ не пригодны и для кочевниковъ и много десятковъ, а можетъ быть и сотенъ лѣтъ потребуется на то, чтобы возстановить растительный слой, истребленный всего въ одинъ—два года.

б) Въ Іюнѣ и въ Іюлѣ 1885 г. въ центральной степи была засуха особенно жестокая благодаря рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, и въ южной части, гдѣ въ почвѣ преобладаетъ песокъ, не только была сожжена вся растительность, но даже и обнаженные отъ почвы корни, и потому, когда съ Августа степь посѣтили ливни и она залита была зеленью, южная часть ея, особенно мѣста возвышенныя, оставались оголенными темными площадями, такъ какъ здѣсь перегорѣвшіе корни не могли уже отродиться.

защиту отъ вѣтровъ и бурановъ. Между тѣмъ въ низменной степи, закрытой съ запада Эргенями и совершенно открытой на сѣверъ и сѣверо-востокъ, вѣтры играютъ весьма существенную роль: господствующіе здѣсь сѣверные, и особенно восточные лѣтніе вѣтры сушатъ растенія и почву гораздо быстрѣе, 40-градусной жары, мѣшаютъ росту древесныхъ породъ, не позволяя имъ подняться отъ поверхности и главное—ускоряютъ испареніе дождевыхъ водъ.

Существенная особенность низменной степи вообще—это поражающая бѣдность поверхностной воды. Невысыхаемые никогда водоемы, собственно, встрѣчаются здѣсь только въ сѣверо-западной полосѣ степи, прилегающей непосредственно къ Эргенямъ, гдѣ на пространствѣ 200 верстъ находится рядъ озеръ (подъ названіемъ Сарпинскихъ), но одни изъ нихъ въ жаркіе годы высыхаютъ совершенно, другія превращаются въ болотистыя топи съ соленой и горько-соленой водой, такъ что собственно въ низменной части степи ни одно изъ озеръ, кромѣ короткаго весенняго времени, не содержитъ воды, годной для употребленія въ теченіи всего лѣта, обыкновенно же вода скоро осаливается до негодности, если только не исчезнетъ ранѣе осоленія подъ вліяніемъ сухихъ мѣстныхъ вѣтровъ *).

Почвенная вода не менѣе скудна, да и добывается съ большимъ трудомъ. Геологическіе слои въ этой части степи залегаютъ вездѣ параллельно, и потому здѣсь нѣтъ ни источниковъ, ни подземныхъ ключей. Скопленіе въ почвѣ воды образовалось на глинистыхъ пластахъ исключительно черезъ просачиваніе. Но во первыхъ, замѣчаютъ эти скопленія весьма глубоко; во вторыхъ, и почвенная вода въ большинствѣ случаевъ сохраняется уже въ осоленномъ видѣ, а въ третьихъ, если и попадаются резервуары прѣсной воды, то послѣдняя быстро осаливается лишь только ее искусственно скопили въ колодцахъ. Отъ этого въ калмыцкой степи постоянные колодцы съ значительнымъ запасомъ воды почти невозможны, и единственный путь имѣть прѣсную воду—это добывать ее путемъ временныхъ колодцевъ или копаней, безъ срубовъ, запасъ воды въ которыхъ ежедневно вычерпывается совершенно, и слѣдовательно не застаивается по-долгу. Такого рода копанями или по мѣстному выраженію „худуками“ калмыки и пользуются только, но не вездѣ ихъ можно усмотрѣть: во первыхъ, за отсут-

*) Вотъ что передаетъ объ этой чертѣ здѣшнихъ вѣтровъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей (инженеръ-технологъ Дреерь). Въ 1885 г. Дрееру, которому поручено было Главнымъ Калмыцкимъ Управленіемъ собраніе свѣдѣній по обводненію степи, пришлось пробыть 1½ сутокъ на урочищѣ Барханъ-Баро, Эркетеневскаго улуса. Утромъ, въ день его пріѣзда туда, разразился страшный ливень при сильномъ вѣтрѣ. Дождевой водой заливалось множество котловинъ, и здѣсь онъ имѣлъ возможность наблюдать конкретный фактъ опустошительнаго дѣйствія вѣтра. Послѣдній, съ каждымъ рѣзкимъ порывомъ, срѣзалъ цѣлый слой воды, который и переносилъ затѣмъ на берегъ частію волной, а частію брызгами крупнаго дождя, и ему удавалось находить отдѣльныя капли брызгъ въ 130 шагахъ отъ берега. Такимъ путемъ вся масса воды была исчерпана изъ котловины въ продолженіи 41 часа, и въ моментъ отъѣзда г. Дреера уже оставалась только въ небольшихъ ямкахъ, тогда какъ при началѣ наблюденія воды было на два съ половиною вершка.

ствіемъ во многихъ мѣстахъ въ почвѣ прѣсной воды, а во вторыхъ, по ея глубокому залеганію, и потому въ низменной степи находятся обширные районы, гдѣ худуки отстоятъ одинъ отъ другаго на 50, даже на 70 верстъ. Вообще, въ этой степи одна копань приходится на 45—50 квадратныхъ верстъ. Понятно, что калмыцкая степь во многихъ своихъ частяхъ по справедливости должна быть отнесена къ категоріи безводныхъ пустынь.

Отсутствіе плодоноснаго слоя, густая осоленность почвы, бѣдность влаги въ воздухѣ и въ почвѣ—все это вмѣстѣ вліяетъ на то, что растительный покровъ степи бѣденъ и видами растительнаго царства, и ростомъ экземпляровъ, и ихъ густотой. Древесныхъ породъ здѣсь почти нѣтъ—имъ нечѣмъ питаться, да онѣ и не выдерживаютъ напора вѣтра *), а изъ травянистыхъ растеній здѣсь выживаетъ только одна полынь въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, да мѣстами къ ней примѣшивается еще перекати-поле и колючка (верблюжья трава)—на высокихъ мѣстахъ, а въ котловинахъ, заливаемыхъ снѣговой и дождевой водой—аржанецъ, ковыль, лапотникъ, конскій щавель, отчасти пырей, желтоголовка и дутикъ; въ мѣстахъ же, гдѣ вода болѣе или менѣе застаивается, полынь замѣняется осокой, и, главнымъ образомъ, разнаго вида солянками, но и тѣ погибаютъ отъ долгаго застоя осоленной воды, и тогда котловины обращаются или въ соленыя грязи („хаки“), или же въ голые солончаки.

Собственно въ степи бываетъ лишь одинъ періодъ въ году, когда она на короткое время можетъ показаться наблюдателю страною богатою и годною для обитанія осѣдлаго населенія—это весна. Весною, особенно послѣ обильныхъ снѣговъ, низменная степь быстро заволакивается травянистымъ покровомъ, своеобразнаго, благодаря преобладанію полыни, изъ-сѣра-зеленаго цвѣта, и тогда калмыцкая степь, особенно въ центральныхъ мѣстахъ, представляетъ изъ себя грандіозную панораму: вверху безграничное темно-бирюзовое море небосклона, внизу—такой же величины зеленое море растеній,—и оба эти широкіе, безпредѣльные для глаза, океана, сливающіеся между собой на далекомъ горизонтѣ, раздѣлены стекловидною массою воздуха, полнаго удушливаго запаха полыни. Однако, эти моря давятъ наблюдателя своею безжизненностью: ни звука насѣкомаго, ни крика птицы, ни голоса

*) Вотъ примѣръ того, какъ трудно культивировать растенія въ низменной степи. Попечитель Богоцохуровскаго улуса, большой любитель садоводства, успѣшно дѣлавшій посадки при Мочажной и Манычской ставкахъ, будучи переведенъ въ Богоцохуровскій улусъ, сдѣлалъ опытъ посадки цвѣтовъ, ягодныхъ кустарниковъ и деревьевъ и при Богоцохуровской ставкѣ, лежащей въ низменной степи. Съ этой цѣлью онъ предварительно насыпалъ толщу въ нѣсколько вершковъ болотнаго перегноя съ волжскаго побережья и выкопалъ для поливки спеціально колодезь. Но съ перваго же года поливать колодезной водой оказалось невозможно и пришлось доставлять воду съ Волги, а потомъ опытъ скоро же показалъ, что древесныя посадки не выдерживаютъ борьбы съ вѣтрами, которые обламываютъ вѣтви, верхушки, обнажаютъ отъ листьевъ и совершенно мѣшаютъ росту ихъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачъ пришлось посадки обнести плотнымъ заборомъ, выше роста насаженныхъ деревьевъ, и только тогда послѣднія оживились и стали расти вверхъ, причемъ, конечно, всѣ посаженные экземпляры обильно поливаются.

животнаго не слышно и не только минутами, а цѣлыми часами, и голосъ человѣка является какой-то аномаліей въ этой давящей своею безграничностью и безжизненностью пустынѣ. Описанную картину природы степей можно наблюдать здѣсь только съ Марта по Май, да иногда еще съ половины Августа по Ноябрь, т. е. въ теченіи трехъ—четырехъ мѣсяцевъ въ году.

Съ первой половины Мая картина степи рѣзко мѣняется: влага въ атмосферѣ и въ грунтѣ исчезаетъ, трава высыхаетъ и поверхность степи принимаетъ грязно-желтый или сѣрый цвѣтъ, а надъ нею виситъ пепельно-голубое небо, и земля отъ неба отдѣлена удушливымъ отъ вѣтра и жары воздухомъ, въ которомъ рѣдкій день степные ураганы не носятъ тучи пыли, скрывающей свѣтъ солнца, залѣпляющей глаза и покрывающей все—и изсохшую траву, и одежду, и животныхъ толстымъ слоемъ. 40-градусная жара атмосферы томитъ все живое, порывистый вѣтеръ не освѣжаетъ, а палитъ, неутолимая ничѣмъ жажда бросаетъ непривычнаго человѣка въ ознобъ, съ нимъ дѣлаются головокруженія, тошнота, усталость безконечная, безсиліе и безпомощность полная. И такая погода стоитъ не нѣсколько дней, а обыкновено два - три мѣсяца: съ половины Мая до половины Августа, исключая тѣхъ немногихъ дней, когда явится рѣдкій здѣсь гость—степной ливень, который очиститъ воздухъ отъ пыли, смоетъ ее съ сожженной земли и поддержитъ, возстановитъ подавленную энергію калмыка и падающія отъ жары, жажды и безкормицы силы его животныхъ.

Зимой опять новая картина природы въ степи, не менѣе грустная и еще болѣе страшная своими послѣдствіями. Несчастіе для жизни степи, если нѣтъ снѣгу: земля, скованная 20—30-ю-градусными морозами, даетъ трещины, холодъ коченитъ живыя существа, воды нельзя добыть; но бѣды за собой несетъ и обиліе снѣга; когда сухой подножный кормъ засыпается на такую глубину, что животныя собственными силами не въ состояніи достать себѣ корма, или когда снѣжные бураны съ неистовою силою гонятъ по степи обезумѣвшіе табуны лошадей, стада овецъ, засыпаютъ кочевника въ его войлочной кибиткѣ (шалашѣ), а вмѣстѣ засыпаютъ запасы топлива и отрѣзываютъ кочевнику путь отъ всего міра. Вообще, и безснѣжье, и обиліе снѣга дамокловымъ мечемъ висятъ надъ существованіемъ степняка-обитателя—будь то человѣкъ или животное. Къ тому же, степная природа, допуская царить монотонность въ ландшафтахъ и растеніяхъ, въ атмосферныхъ явленіяхъ любитъ, напротивъ, контрасты: въ степи или 20—30-градусный морозъ коченитъ члены живыхъ существъ, или 40-градусная жара сушитъ, палитъ ихъ; здѣсь то царитъ мѣсячная засуха съ облаками пыли, то недѣльные снѣжные бураны, то суточные ливни. Такъ что въ самые благопріятные годы едва треть времени даетъ такія условія жизни, когда оби-

татели степи не бываютъ подавлены тѣмъ или другимъ страшнымъ для нихъ явленіемъ природы.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ связи съ бѣдностью растительнаго царства бѣденъ въ калмыцкой степи и животный міръ. Насѣкомыя степи едва ли не исчерпываются навознымъ жукомъ, мухой, комаромъ. Болѣе многочисленъ тутъ видъ пауковъ съ такими страшными представителями во главѣ, какъ тарантулъ и черный паукъ (или „пушечное ядро“), пораненіе которыхъ если не всегда смертельно, то всегда невыразимо болѣзненно. Но въ засухи и эти немногочисленные представители насѣкомыхъ и пауковъ сокращаются: навозный жукъ и черный паукъ исчезаютъ совершенно, а тарантулы уменьшаются въ числѣ и ищутъ защиты у степныхъ колодцевъ и вблизи жилья людей. Изъ пресмыкающихся насѣкомоядныхъ есть въ степи только ящерицы, веретенницы въ степныхъ буграхъ и довольно солидная коллекція змѣй — и безвредныхъ, и ядовитыхъ; птица же, питающаяся насѣкомыми, здѣсь рѣдкая гостья, потому что въ степи могутъ держаться только хищники, которыя здѣсь являются въ видѣ орловъ, коршуновъ, ястребовъ и воронъ. Хищники преобладаютъ и въ средѣ степныхъ четвероногихъ: встрѣчается здѣсь заяцъ, сусликъ, попадаются лисицы и барсуки, но господствуетъ волкъ, который слѣдуетъ по степи то за стадами прирученныхъ животныхъ — овецъ, коровъ, верблюдовъ и лошадей, то за единственнымъ теперь представителемъ дикаго травояднаго животнаго — сайгакомъ. Эта быстроногая степная коза, неприхотливая въ кормѣ, выносливая въ жаждѣ, то бродитъ въ разсыпную во время засухъ, кочуя по степи и переходя огромныя пространства въ поискахъ за травой и водой, то группируется въ большія стада зимой и въ періоды хорошихъ кормовъ и обилія травъ.

Среди природы калмыцкой степи, гдѣ выживать способно лишь ничтожное количество представителей животнаго царства по скудости пищи, по недостатку воды и суровости климата, обитаніе осѣдлаго трудоваго населенія въ данный моментъ немыслимо. Борьба активная со степною природою здѣсь пока еще не по силамъ, ни знаніямъ, ни техникѣ человѣка: заставить природу степей выращивать лѣса, производить обезпечивающіе урожаи хлѣба и травъ, давать обильную прѣсную воду человѣкъ безсиленъ, потому что онъ не можетъ насыпать плодоносный слой земли на площадь въ 5.000,000 десятинъ, безсиленъ выщелочить осоленные пласты грунта въ толщину до 30 саженей, не властенъ сдѣлать преграду степнымъ вѣтрамъ, непозволяющимъ деревьямъ выходить изъ общаго уровня степей.

Всѣ попытки и правительства, и общества, и отдѣльныхъ лицъ создать въ степи людскую жизнь на началахъ подчиненія природы человѣку, а не приспособленія послѣдняго къ первой, до настоящаго времени окан-

чивались весьма печально. Такъ въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія правительственная экспедиція въ составѣ разныхъ спеціалистовъ—геологовъ, метеорологовъ, топографовъ, землемѣровъ и администраторовъ, послѣ двухлѣтняго разносторонняго изученія степи, опредѣлила детально тѣ пункты центральной степи, на которыхъ теорія позволяла предполагать возможность выживанія небольшихъ поселковъ отъ 10 до 30 крестьянскихъ хозяйствъ.

Такими поселеніями предполагалось не только окаймить степь со всѣхъ сторонъ, но и перерѣзать ее посединѣ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, именно въ низменной степи предположено было образовать 34 поселка—хутора, отъ 6 до 25 дворовъ каждый,—слѣдовательно 730 дворовъ на протяженіи 834 1/2 верстъ при этомъ земля предлагалась въ надѣлъ и въ большомъ количествѣ, и даромъ. Самыя уже условія, при которыхъ признавалось возможнымъ занятіе низменной степи, скорѣе говорятъ о томъ, что калмыцкая степь въ данной стадіи ея естественнаго состоянія не приспособлена къ жизни въ ней осѣдлаго населенія,—чѣмъ противное. Дѣло въ томъ, что учено-администраторская экспедиція, при всѣхъ стремленіяхъ открыть мѣста способныя для поселеній, на площади въ 4.200,000 десятинъ нашла только 25 пунктовъ способныхъ поддержать жизнь 430 семей, или приблизительно 2,000 душъ осѣдло живущихъ, но и при этомъ нормою для ихъ земельнаго хозяйства признала надѣлъ въ 30 десятинъ на семью, т. е. такую величину, при которой можетъ существовать и скотоводческое кочевое хозяйство, а не только земледѣльческое осѣдлое. Хотя такимъ образомъ въ сущности мѣрою заселенія степи предполагалось не измѣнять хозяйства степи, а лишь внести въ нее новый типъ проживанія въ видѣ хуторовъ, но и въ такой даже формѣ борьба человѣка съ естественными условіями страны оказалась безсильною, ибо прошло послѣ того около четверти вѣка, а низменная калмыцкая степь и въ наше время не имѣетъ собственно ни одного осѣдлаго поселка, потому что въ тѣхъ трехъ поселкахъ (на Уланъ-Эрге, Капитанъ-Му и Чилгирѣ), которые по рѣчной балкѣ Яшкуль вышли за предѣлы Эргеней и углубились въ низменную степь верстъ на 30, не обрабатывались, напр. въ 1885 г. ни одной десятины земли, а населеніе жило и живетъ выпаскою въ калмыцкой степи скота, безпатентной продажей спиртныхъ напитковъ, картежной игрой и всякой эксплуатаціей калмыковъ. Впрочемъ, изъ указанныхъ трехъ поселковъ въ 1886 г. хутора на Капитанъ-Му уже не существовали и на мѣстѣ его паслись стада; та-же судьба ждетъ и поселки Чилгиръ, а Уланъ-Эрге не имѣетъ никакихъ шансовъ на развитіе, такъ какъ онъ, если еще и держится, то только благодаря тому обстоятельству, что въ немъ выстроена церковь, живетъ миссіонеръ. Да не только въ наше время, но и во весь періодъ, о которомъ свѣдѣнія о тепеперешней калмыцкой степи записаны

на страницахъ разныхъ источниковъ, низменная степь въ своихъ центральныхъ частяхъ не имѣла никогда, даже на короткое время, осѣдлаго населенія. Правда, описатели астраханскихъ калмыковъ и ихъ степей на тѣхъ двухъ — трехъ страницахъ, которыя шаблонно отводятся многовѣковой исторіи калмыцкаго населенія, помѣщаютъ въ предѣлахъ степи въ періодъ послѣдняго тысячелѣтія довольно большой списокъ разныхъ народовъ и первобытно кочевыхъ, и съ признаками осѣдлаго проживанія, начиная отъ скиѳовъ и до калмыковъ (скиѳы, сарматы, половцы, монголы, татары и пр.),—однако съ мнѣніемъ о существованіи въ низменной калмыцкой степи когда бы то ни было осѣдлыхъ поселеній не мирятся не только климатическія и почвенныя особенности страны, но и фактъ отсутствія всякихъ археологическихъ указателей поселеній—городищъ, преданій, названій урочищъ и пр. При сводкѣ данныхъ, вошедшихъ въ печатные источники, объ остаткахъ, слѣдахъ осѣдлыхъ поселеній въ степи и личныхъ наблюденій по этому предмету приходится остановиться на мысли, что въ калмыцкой степи вообще осѣдлыя поселенія никогда не шли дальше тѣхъ границъ, какія заняты поселеніями въ данный моментъ, за двумя—тремя, впрочемъ, исключеніями. Остатки прежде бывшихъ поселеній обнаружены по берегу Волги, по прибрежью Каспійскаго моря, не далѣе, впрочемъ, линіи, отдѣляющей теперь Мочаги отъ степи [напр. похоронные памятники близъ селенія Басовъ, урочища Баашта (башня) на 7 верстъ сѣвернѣе селенія Яндыковскаго; урочище Бѣлое Озеро, вблизи Эркетеневской ставки и пр.] и по Эргенямъ, и то главнымъ образомъ на югѣ, въ области западнаго Маныча *). Исключеніе сравнительно съ нашимъ временемъ представляетъ лишь окраинная южная полоса низменной степи, примыкающая къ высохшему руслу восточнаго Маныча, гдѣ встрѣчаются слѣды поселеній около солянаго Можарскаго озера и южнѣе, по побережью сухаго русла Маныча и на сѣверо-востокѣ низменной степи, вблизи г. Чернаго-Яра по лощинамъ Богардъ и Голгой.

Эти почти 5.000.000 десятинъ земли, безплодной и изсушенной солнцемъ, на которой осѣдлые поселенцы не могутъ выживать и для которой земледѣльческая культура можетъ закончиться лишь обращеніемъ ея въ безграничную пустыню, въ силу окончательнаго истребленія путемъ распашки слабаго растительнаго слоя почвы—„калмыки обратили въ милліонные табуны и стада, пустую степь—въ надежный и богатый конскій и скотный дворъ для цѣлой Россіи **). Такого результата они достигли, какъ благодаря поразительной скромности въ жизненныхъ потребностяхъ, воспитанной

*) «Астрах. Губ. Вѣд.» 1884 г., №№ 80, 91—*Нефедьевъ*. «Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ калмыкахъ», стр. 7; *Небольсинъ*. «Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса» (стр. 30); «Калмыцкая степь по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи» (гл. III стр. 22).

**) Н. А. Страховъ «Нынѣшнее состояніе калмыцкаго народа». Изд. 1810 г. стр. 42.

вѣками, такъ, главнымъ образомъ, детальнымъ приспособленіемъ всей жизненной обстановки и всего своего хозяйства къ природнымъ условіямъ страны.

Всѣ отрасли хозяйства, самые разнохарактерные виды промышленности, наконецъ общественное устройство и самые обычаи—все это имѣетъ въ основаніи географическое положеніе и климатъ края, но только въ странахъ съ культурнымъ населеніемъ эта связь менѣе рельефна и замѣтна, чѣмъ среди дѣвственной природы съ первобытно живущимъ населеніемъ. Здѣсь человѣкъ – рабъ природныхъ условій и слѣдуетъ ея непосредственнымъ указаніямъ на равнѣ почти со всѣми представителями животнаго царства, и только въ такомъ подчиненномъ положеніи человѣкъ способенъ выживать и въ калмыцкой степи при ея теперешнихъ естественныхъ условіяхъ. Борьба калмыковъ съ условіями природы совершенно пассивная—это бѣгство отъ ударовъ природы и блужданіе со своимъ скотомъ по степи, подобно сайгакамъ въ поискахъ за водой и кормомъ для своихъ стадъ и табуновъ. Эта сторона степной жизни калмыковъ рельефнѣе всего видна въ системѣ кочевокъ какъ отдѣльныхъ семействъ или хозяйствъ, такъ и разныхъ бытовыхъ группъ всего калмыцкаго населенія.

Конкретные факты перекочевокъ отдѣльныхъ хозяйствъ, собранные мною лично въ 1885—1886 гг. (см. прилож. № 1), а также разбросанные по разнымъ источникамъ объ астраханскихъ калмыкахъ, рисуютъ приблизительно одну и ту же картину бродячей жизни въ степи.

Прежде всего въ кочевкахъ калмыковъ различаются зимовки и лѣтнія кочевья. Для зимовокъ выбираются низкія мѣста въ балкахъ, лощинахъ, котловинахъ, гдѣ можно найдти затишье, защиту отъ вѣтровъ и бурановъ (особенно по откосамъ) для корма скота; лѣтомъ же, главнымъ образомъ, калмыки бѣгаютъ, отыскивая воду, отчего лѣтнія кочевки въ степи захватываютъ огромныя пространства, тогда какъ районъ зимнихъ кочевокъ для данной группы семействъ обыкновенно весьма не великъ и ограничивается однимъ урочищемъ. На зимовкахъ калмыки остаются неодинаково: отъ 5-ти мѣсяцевъ до 20 дней, но чаще всего около 2-хъ мѣсяцевъ. Продолжительность зимовки опредѣляется главнымъ образомъ состояніемъ кормовъ, что въ свою очередь регулируется двумя условіями: характеромъ зимы, особенно снѣговымъ слоемъ, и потомъ запасами сѣна на зимовкахъ. Въ зиму малоснѣжную калмыки не засиживаются на однихъ мѣстахъ, а продолжаютъ перекочевывать, какъ и лѣтомъ; въ зиму позднюю калмыки позже и устраиваются на зимовку; весна раньше обнажитъ землю отъ снѣжной коры, калмыки раньше перейдутъ на лѣтнее положеніе. Въ этомъ случаѣ калмыки строго слѣдуютъ, рабски приспособляются къ указаніямъ природы. Само-собою разумѣется, что регулирующимъ элементомъ здѣсь является еще и коли-

чество скота: чѣмъ меньше скота въ хотонѣ, тѣмъ дольше хотонъ можетъ зимовать на одномъ урочищѣ, такъ какъ кормъ въ окрестностяхъ хотона медленнѣе будетъ истребляться. Играетъ роль также и составъ земледѣльческаго хозяйства; лошади и овцы могутъ долго бороться съ невзгодами зимы, потому что онѣ своими копытами способны добывать себѣ кормъ изъ-подъ болѣе глубокаго снѣга, верблюды, если и не имѣютъ такихъ преимуществъ, какъ лошади и овцы, за то, благодаря особому строенію копытъ, не проваливаются въ снѣгу, и могутъ дѣлать далекіе переходы за отысканіемъ, для пищи себѣ, сухаго бурьяна и колючекъ; наименѣе же приспособленъ къ перенесенію зимнихъ условій въ степи рогатый скотъ, который безсиленъ бродить по глубокимъ снѣгамъ и не въ состояніи добывать себѣ изъ-подъ снѣгу кормъ. Но вообще оставаться на зимовкѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, а тѣмъ болѣе пять мѣсяцевъ (прилож. № 1 ж) хотонъ можетъ лишь при одномъ условіи, что у него на зимовкахъ сдѣланы запасы сѣна. Запасаться-же сѣномъ въ центральной степи приходится лишь въ рѣдкіе годы и немногимъ хозяевамъ, и это не по одной безпечности калмыковъ, а, главнымъ образомъ, по недостатку сѣнокосныхъ мѣстъ. Изъ года въ годъ дѣлать заготовки корма могутъ только тѣ изъ калмыковъ, кочевья которыхъ примыкаютъ къ Волгѣ, къ Мочажнымъ мѣстамъ, или же въ предѣлахъ которыхъ кочевьевъ находятся лощины и балки, заливаемыя весной водой на болѣе или менѣе продолжительное время, но такихъ постоянныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ въ степи чрезвычайно мало, въ большинствѣ же случаевъ, даже по низинамъ, трава и бурьянъ могутъ скашиваться лишь въ рѣдко благоблагопріятные для роста травъ годы. Къ тому же всѣ сѣнокосныя угодья въ степи фактически захвачены и распредѣлены между собою владѣльческою и экономическою степною знатью, а заурядная масса степняковъ ограничивается заготовкою на зиму одного топлива въ видѣ „кизяка“. Впрочемъ, для хозяйства съ ограниченнымъ количествомъ скота, за исключеніемъ развѣ годовъ съ особенно снѣжными зимами, всегда представляется возможность найдти подножный кормъ въ предѣлахъ зимнихъ кочевокъ, и въ этомъ отношеніи въ несравненно большихъ затрудненіяхъ находятся хозяйства крупныя, содержащія табуны лошадей и стада овецъ; для нихъ центральная степь безсильна доставлять запасы сѣна, и въ то же время немного найдется мѣстъ, при бѣдности степной растительности, способныхъ не только зимою, но даже и лѣтомъ. служить по долгу пастбищемъ для табуновъ и стадъ овецъ, а потому послѣднія продолжаютъ кочевку и лѣтомъ, и зимою и проходятъ въ теченіи года огромныя пространства.

Собранныя по этому вопросу сдѣдѣнія (прилож. № 1: а—и) по своей малочисленности не могутъ дать точныхъ и подробныхъ указаній, но для представленія общей картины годоваго передвиженія кочевниковъ и они не

лишены своего интереса, и по нимъ уже можно судить, что кочевое хозяйство средняго размѣра въ центральной степи въ періодъ лѣтнихъ кочевокъ перемѣняетъ 10—20 мѣстъ и проходитъ 200—400 верстъ, при этомъ наименьшею подвижностью отличаются кочевки со смѣшаннымъ или рогатымъ скотомъ, а наибольшею—съ верблюдами, а затѣмъ—съ лошадьми, овцами и если первыя проходятъ въ годъ 220 верстъ на 16 мѣстахъ, то вторыя 380 на 22 мѣстахъ.

Но самые высокіе показатели для перекочевки хозяйствъ средняго достатка не могутъ служить для передвиженія крупныхъ хозяйствъ, которыя въ теченіи года проходятъ не сотни, а тысячи верстъ *).

Всякое, болѣе или менѣе крупное скотоводческое хояйство степей съ востока отъ прибрежьевъ Волги, съ сѣверо-востока отъ Эргенскихъ горъ, стягивается къ зимѣ на такъ называемыя „черныя земли“ гдѣ сгруппировывается со всѣхъ концовъ степи огромное количество скота со всѣми пастушескими хотонами, а на лѣто весь этотъ скотъ разбродится по разнымъ угламъ степи. Приливъ скота на „черныя земли“ и отливъ изъ нихъ объясняется особенностями послѣднихъ: эти степи, расположенныя на югѣ, мало или даже совершенно не покрываются по зимамъ снѣгомъ (отсюда и получили свое названіе „черни“), а лѣтомъ онѣ мало доступны по своей безводности, благодаря чему, корма́ на „черневыхъ земляхъ“ не истребляются, а сохраняются къ зимѣ, когда снѣговая вода дѣлаетъ ихъ обитаемыми. Такъ какъ на „черневыя земли“ крупныя скотоводческія хозяйства передвигаются изъ года въ годъ въ теченіи уже многихъ десятковъ лѣтъ, то весьма естественно, что въ центральной степи опредѣлились болѣе или менѣе точно полосы, которыя служатъ путями для такихъ передвиженій крупныхъ табуновъ и стадъ. Несравненно труднѣе, а въ деталяхъ и совершенно даже невозможно намѣтить тѣ пути, по которымъ въ степи происходитъ движеніе кочевыхъ хозяйствъ мелкихъ, такъ какъ каждое хозяйство имѣетъ свой отдѣльный путь кочевокъ, который опредѣляется массою разнообразныхъ и не всегда устойчивыхъ условій степной жизни. Собственно говоря, изучить

*) Напр. табуны лошадей и стада овецъ Богоцохуровскаго зайсанга Онкорова, разбитые на нѣсколько группъ, со своими пастухами въ Іюнѣ находятся на сѣверной границѣ Богоцохуровскаго улуса съ Мало-Девбетовскимъ; отсюда они съ конца Іюля или начала Августа, смотря по состоянію погоды, кормовъ и водопоевъ, начинаютъ подвигаться постепенно на юго-востокъ, держась не вдалекѣ отъ Сарпинскихъ болотъ и къ періоду выпаданія снѣга обыкновенно они достигаютъ крайняго юго-восточнаго предѣла улуса. Здѣсь табуны или стада зазимовываютъ, если по обычнымъ примѣтамъ ожидается не суровая мало-снѣжная зима и есть въ достаточномъ количествѣ подножный кормъ,—или же продолжаютъ движеніе дальше на югъ и въ такомъ случаѣ зимуютъ уже на южной границѣ степи въ предѣлахъ такъ называемыхъ «черныхъ степей», и съ окончаніемъ зимы начинаютъ обратное движеніе на сѣверо-востокъ, пока не дойдутъ до самаго крайняго сѣвернаго предѣла Богоцохуровскаго улуса. По картѣ проходимое табунами и стадами Онкурова пространство равняется 600 в. въ два конца, но такъ какъ стада, конечно, движутся всегда зигзагами, отыскивая воду и кормъ, то въ дѣйствительности они проходятъ въ два пути не менѣе 1000 верстъ.

пути кочеванія отдѣльныхъ хозяйствъ это почти одно и то же, что опредѣлить точно путь перелета отдѣльныхъ стай птицъ: можно подмѣтить, гдѣ сосредоточивается по преимуществу та или другая порода птицъ осенью, весною, лѣтомъ, зимою; но прослѣдить годовое движеніе отдѣльныхъ стай изъ нихъ—внѣ предѣловъ возможности. Тоже самое приходится сказать и о кочевкѣ отдѣльныхъ стай или хотоновъ: кочевка ихъ измѣняется въ деталяхъ ежегодно, и видоизмѣненія эти опредѣляются не постоянными условіями природы и жизни, а обстоятельствами случайными, непредвидѣнными, хорошіе корма при обильныхъ водопояхъ стягиваютъ калмыковъ въ большія группы, размѣщаютъ ихъ въ близкомъ сосѣдствѣ одну отъ другой, а засуха разбрасываетъ и дробитъ на мелкія единицы; появленіе оспы на людяхъ, чумы на скотѣ въ одинъ день отброситъ все здоровое населеніе или здоровый скотъ отъ заразнаго мѣста на десятки верстъ *).

Подобныя передвиженія въ безконечныхъ варьяціяхъ безпрерывно совершаются въ теченіи если не круглаго года, то весь періодъ лѣтнихъ кочевокъ. Однако, въ этомъ калейдоскопѣ движенія калмыковъ съ мѣста на мѣсто можно подмѣтить нѣкоторую систему перекочевокъ и выдѣлить хотя общія причины, регулирующія движенія калмыковъ. Къ числу такихъ причинъ,

*) Въ 1885 г. въ центральной степи, особенно въ южной половинѣ была страшная засуха съ Іюня по Августъ, трава была сожжена, вода въ худукахъ быстро портилась, и кочевое населеніе группировалось около болѣе или менѣе надежныхъ худуковъ. Проѣзжая во второй половинѣ Іюля по Эркетеневскому улусу, мнѣ пришлось на пространствѣ болѣе 100 верстъ встрѣтить четыре небольшихъ хотона съ малочисленнымъ скотомъ, а другая часть скота, разбитая на мелкія дѣлянки, бродила отдѣльно отъ хозяевъ съ одними пастухами. Степь была совсѣмъ безъ травы и скотъ, въ силу этого, до того обезсилѣлъ, что напр. лошади отказывались идти не только въ упряжи, но даже подъ сѣдломъ; углубляться далѣе въ степь при такихъ условіяхъ не предвидѣлось никакой возможности, а потому добывши съ трудомъ верблюда, я возвращался уже дней черезъ пять назадъ почти по прежнему пути. Въ это время впереди меня прошелъ громадный ливень съ бурей, изломавшей массу калмыцкихъ кибитокъ; ложбины въ степи наполнились водою и образовали «цандыки» (лужи), и не смотря на то, что ливень былъ всего день—два назадъ, я встрѣтилъ на урочищѣ Хорта болѣе 200 кибитокъ: площадь на пространствѣ 3—4 верстъ была усѣяна группами отъ 4 до 15 кибитокъ. Такое стеченіе въ одно мѣсто множества кибитокъ со своимъ скотомъ объяснялось тѣмъ, что, благодаря дождю, калмыки бросали въ одинъ день худуки съ испорченною водою и выбитой въ окрестностяхъ ихъ травой и выкочевали къ «цандыкамъ» въ тѣ мѣста степи, гдѣ сохранился кормъ, хотя и въ сухомъ видѣ, благодаря отсутствію воды; но высохнутъ лужи, и калмыки снова разбросаются по худукамъ. Скоро послѣ этого мнѣ пришлось наблюдать и явленіе раскочеванія калмыковъ. 9-го Августа, находясь въ Икицохуровскомъ улусѣ, я на урочищѣ Шолда видѣлъ 8 хотоновъ, состоящихъ изъ 82 кибитокъ, которыя ютились около одного худука, хотя вода въ немъ была чрезвычайно испорченная—имѣла горько-соленый вкусъ и издавала запахъ, сродный сѣрнистому водороду. Благодаря такому качеству воды, которой буквально нельзя было переносить даже въ кипяченомъ видѣ, въ чаѣ и въ кушаньяхъ, я рѣшилъ отправится въ ставку улуса, находящуюся въ 17 верстахъ, (гдѣ въ то время кстати предстоялъ съѣздъ скотоводовъ степи), съ тѣмъ, чтобы оттуда вернуться черезъ нѣсколько дней назадъ, для собиранія интересовавшихъ меня свѣдѣній; 14-го Августа я уже снова былъ на урочищѣ Шолда, но засталъ здѣсь только одну группу въ 7 кибитокъ, да и ту лишь наканунѣ откочевки, а остальныя, какъ и оказалось, выкочевали на «цандыки», образовавшіеся отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей. Подобная же неудача постигла меня и на урочищѣ Юбсыръ, въ Икицохуровскомъ улусѣ: до дождя здѣсь было 10 хотоновъ и въ нихъ до 100 кибитокъ, а 16-го Августа, когда въ степи образовались «цандыки», осталось всего три группы: въ одной было 20 кибитокъ и 2 полукибитки («джолонъ»), во второй 3 кибитки и 2 полукибитки и третьей—3 кибитки.

кромѣ почвенно-климатическихъ условій должно отнести еще слѣдующія: а) наличность и силу крупныхъ скотоводовъ; б) сословно-экономическое значеніе въ степи нойоно-зайсангскаго сословія и духовенства; в) административно-улусное разграниченіе населенія и пространства степей, и г) родовую организацію калмыковъ.

Скотоводческое богатство степи сосредоточено въ сравнительно немногихъ рукахъ, и эти степные богачи съ одной стороны фактически владѣютъ всѣми сѣнокосными и водопойными угодьями въ степи, а съ другой — распоряжаются безраздѣльно обширными площадями степи, въ силу того естественнаго преимущества, что гдѣ выпасываются ихъ огромные табуны лошадей, или стада овецъ, или верблюдовъ, тамъ уже нѣтъ мѣста для кочевья небогатыхъ хозяевъ-калмыковъ, и такъ какъ движеніе крупныхъ хозяйствъ связано съ ежегоднымъ передвиженіемъ на „черныя земли“, получившимъ отъ времени значеніе закона и поддерживаемымъ русской администраціей *).

Но въ степи между крупными скотоводами находится немного изъ представителей калмыцкаго простонародья, а главный контингентъ богачей формируется изъ числа духовенства и высшаго нойоно-зайсангскаго сословія. Богачи изъ простонародья завладѣваютъ пастбищными угодьями для своихъ огромныхъ стадъ исключительно силою своего имущественнаго превосходства, на помощь же богатымъ изъ высшаго сословія, кромѣ экономическихъ преимуществъ, являются еще и сословныя привилегіи.

Калмыки явились въ предѣлы Европейской Россіи на берега Волги въ концѣ XVII вѣка, раздѣленными на три сословныя группы: высшее сословіе, куда входили тайши, нойоны и зайсанги, на низшее простонародье — масса и среднее или вѣрнѣе нейтральное сословіе — ламаитское духовенство. Послѣдній классъ калмыковъ, многочисленный и спаянный изъ представителей первыхъ двухъ сословій, занимая нейтральное положеніе, экономически жилъ на счетъ простонародной массы, а поддерживалъ высшій классъ, пользуясь его привилегіями для своего обогащенія. Отношенія же между первымъ и вторымъ было патріархально-рабовладѣльческое съ правомъ власти высшаго сословія не только надъ имуществомъ, но и надъ жизнью простонародья. Прошло болѣе двухъ вѣковъ жизни калмыковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, истекло болѣе полутора вѣка, какъ въ распорядкахъ калмыцкой жизни принимаетъ участіе русская администрація (именно, съ начала XVIII вѣка), болѣе вѣка миновало, какъ эта администрація подъ разными названіями

*) Ежегодно къ осени подъ руководствомъ и при участіи чиновниковъ Калмыцкаго Правленія собирается въ степи съѣздъ изъ представителей степной администраціи и крупныхъ скотоводовъ, который предрѣшаетъ въ общихъ, конечно, положеніяхъ, распредѣленіе калмыковъ на „черныхъ земляхъ“ и избираетъ лицъ для наблюденія за выполненіемъ установленныхъ требованій. Въ 1885 г. году такой съѣздъ былъ въ половинѣ Августа въ ставкѣ Икицохуровскаго улуса.

(послѣ 1771 г. удаленіе большинства калмыковъ) руководитъ властно организаціей общественной жизни калмыковъ и вмѣшивается даже въ ихъ хозяйственныя распоряженія, но соціально-экономическія отношенія калмыковъ остались почти неизмѣненными: духовенство по прежнему многочисленно и властвуетъ не только духовно, но и экономически надъ массой; нойоно-зайсангское сословіе, какъ два вѣка назадъ, представляетъ сословіе господъ, а масса—ихъ крѣпостныхъ рабовъ. Единственно, что измѣнилось въ отношеніяхъ этихъ сословій—это исчезло право на жизнь своихъ рабовъ, имущественное же право осталось. Правда, русское законодательство опредѣлило крѣпостную зависимость въ формѣ ежегодной по-семейной (по-кибиточной) дани или сбора въ пользу господъ, но это ограниченіе закона формально только признается, въ жизни же права господъ гораздо шире и выражаются значительной еще властью господъ надъ имуществомъ и трудами своихъ подчиненныхъ и въ правѣ суда надъ ними по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго характера. Судъ оффиціальный, выраженный въ первой инстанціи въ видѣ суда улуснаго „зарго“, въ которомъ принимаютъ участіе два русскихъ чиновника (попечитель и его помощникъ) и два представителя отъ калмыковъ („правитель“ и „непремѣнный засѣдатель“), и во второй инстанціи въ видѣ Астраханской Судебной Палаты, въ дѣйствительности вѣдаетъ лишь ничтожный процентъ дѣлъ о преступленіяхъ въ степи, масса же таковыхъ ежегодно разрѣшается въ самой степи безъапелляціонными приговорами „зайсанговъ“ (помѣщиковъ) и „бакшей“ (духовныхъ представителей), или даже судомъ особыхъ „излюбленныхъ“ судей, при которыхъ существуетъ выборная организація, какъ для разслѣдованія преступленій, такъ и для приведенія въ исполненіе приговоровъ такихъ судей. При изученіи бытовыхъ отношеній въ степи, на мѣстѣ, постоянно наталкиваешься на несомнѣнные признаки бытовой организаціи суда, хотя и тщательно скрываемой отъ мѣстной администраціи, и приговоры этого народнаго суда, если и не касаются жизни калмыковъ (въ силу, можетъ быть, особеннаго жизнелюбія калмыковъ), то воздѣйствуютъ на тѣло подсудимыхъ въ формѣ наказанія нагайкой, кулачной расправы и проч., а главное, слѣдуя народному обычному праву, отвѣтственность возлагаютъ на имущество обвиняемыхъ. Естественность наличности такого народнаго суда среди калмыковъ совершенно понятна: калмыки сохранили, какъ сказано было выше, во всѣхъ даже деталяхъ свои бытовыя оригинальности, и аномальна была бы, при наличности всей прежней обстановки, потеря народнаго суда, которымъ они руководились въ теченіи многовѣковой жизни, а существованіе рабовладѣльчества удержало за народнымъ судомъ форму личнаго суда господъ. Право господина, право судьи и преимущество экономическое создало въ степи могучую силу высшаго сословія и примыкаю-

щаго къ нему сословія духовенства, которое черпаетъ свою власть кромѣ того въ своемъ религіозномъ значеніи для народа. А между тѣмъ оба эти сословія далеко не малочисленны. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ у астраханскихъ калмыковъ въ 1886 г. числилось 62 ламаитскихъ монастыря, а въ нихъ 965 душъ наличнаго состава (прилож. № 2); въ дѣйствительности же число духовенства, по крайней мѣрѣ, въ два раза болѣе. Дѣло въ томъ, что администрація своею властью ограничила и опредѣлила штатъ каждаго монастыря, но какъ и всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ административное воздѣйствіе на жизнь не организовано въ охватывающую всѣ стороны этой жизни систему и не основано на міровоззрѣніи среды — эти административные штаты существуютъ только для отчетности и ничего кромѣ отчужденія народнаго не создаютъ, а на самомъ дѣлѣ въ степи существуетъ столько духовныхъ представителей, сколько требуетъ народное міровоззрѣніе. Что же касается до высшаго сословія, то въ настоящее время оно складывается изъ двухъ элементовъ — нойоновъ и зайсанговъ, и каждая изъ группъ распадается въ свою очередь на двѣ: первая — на нойоновъ владѣльцевъ и на нойоновъ мелко-помѣстныхъ; вторая — на зайсанговъ „аймачныхъ“ и „безъаймачныхъ“. Послѣдняя группа — зайсанги безъаймачные, потерявши рабовладѣльческое право, потеряли въ значительной степени и свои сословныя преимущества и значеніе ихъ опредѣляется исключительно экономическимъ богатствомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ родственными связями съ другими группами своего сословія. Изъ остальныхъ группъ высшее положеніе занимаютъ нойоны-владѣльцы, которыхъ власть распространяется на цѣлые отдѣлы калмыцкаго народа. Въ данное время фактически пользуется привилегіями своего положенія среди калмыковъ лишь одно лицо — это нойонъ малодербетовскій Церенъ-Давидъ-Тундутовъ, въ крѣпостной зависимости отъ котораго находится около 10,000 семействъ (или кибитокъ); у Хошеутовскаго нойона, Тюменя, калмыки находятся въ правительственной опекѣ по малолѣтству владѣлицы, и третій владѣлецъ Харахусовскій Буюнтукъ велъ въ 1885 году процессъ о своихъ владѣльческихъ правахъ. Остальныя семьи нойоновъ принадлежатъ, къ группѣ мелкопомѣстныхъ, и по своему положенію ничѣмъ не выдѣляются кромѣ происхожденія, отъ аймачныхъ зайсанговъ. Общее число послѣднихъ въ 1886 г. простиралось до 160 семействъ въ крѣпостной зависимости отъ которыхъ находилось 17,468 кибитокъ (прилож. № 3). Высшее калмыцкое сословіе („цаганъ-ясанъ“, „нойдутъ“), а также духовенство („хуврыкъ“) сосредоточиваетъ въ своей средѣ большія скотоводческія богатства, а слѣдовательно, владѣетъ фактически большими площадями степей для содержанія этого хозяйства, но при этомъ пользуясь своими сословными привилегіями и имущественной силой, первые для своихъ семей, а вторые — для монастырей, имѣютъ изъ года въ

годъ посѣщаемыя ими мѣста и пути для кочевокъ, которыми народная масса уже не можетъ свободно пользоваться *).

Калмыцкая степь, какъ вся вообще, такъ въ частности центральная ея часть, составляя государственное имущество, предоставлена въ безсрочное и безраздѣльное владѣніе всѣхъ калмыковъ. Но историческій ходъ событій и внутренніе распорядки жизни калмыковъ издавна обратили всю степь въ относительно частное пользованіе, если не отдѣльныхъ семействъ, то группъ семей и отдѣловъ народа. Калмыки пришли въ теперешнюю степь и не одновременно и не одинаковаго племеннаго состава. Принадлежа къ одному монгольскому отдѣлу народовъ Азіи, калмыки еще въ Азіи диференцировались на нѣсколько племенныхъ подѣловъ. Эти подѣлы прожили на своей азіатской родинѣ прежде переселенія въ Россію настолько много времени отдѣльною жизнью, что создали свои этнологическія особенности, и, являясь въ Европейскую Россію, приносили и эти оригинальности, осложняя ихъ въ своемъ продолжительномъ пути изъ Азіи въ Европу.

Прежде другихъ захватило своими кочевьями степи Европейской Россіи Торгоутовское племя калмыковъ, затѣмъ прикочевало племя Хошеутовъ (Хойтъ), потомъ Зюнгаръ и наконецъ Дербетъ. Сливаясь для государства въ общихъ этнологическихъ признакахъ въ одно племя, калмыки продолжали и здѣсь сохранять свои видовые признаки, къ тому же сбереженію ихъ содѣйствовало политико-общественное разселеніе калмыковъ: каждое племя являлось сюда подъ властью своихъ рабовладѣльческихъ господъ, и на мѣстѣ эти рабовладѣльческія отношенія сохранялись, а потому естественно, что племенная рознь поддерживалась, и ассимилированіе происходило черезъ сосѣдство и путемъ браковъ. Калмыцкая масса, дробясь въ каждомъ племени, въ количествѣ крѣпостныхъ между членами семьи своего владѣльца, въ тоже время концентрировалась около своихъ господъ и блюла ихъ скотоводческіе интересы, что путемъ захвата, взаимныхъ ссоръ и продолжительности владѣнія повлекло и распредѣленіе, на болѣе или менѣе устойчивыхъ началахъ, всей степи между калмыками разныхъ владѣльцевъ. Администрація русская, особенно послѣ удаленія значительной части калмыковъ изъ предѣловъ Россіи въ концѣ прошлаго вѣка, во многомъ содѣйствовала такому разграниченію земли актомъ распредѣленія калмыковъ между оставшимися владѣльцами (прилож. № 6-й). Въ теченіи двухъ-вѣковаго пребыванія калмыковъ въ астраханскихъ степяхъ племена и поземельныя комбинаціи въ частности колебались и измѣнялись, пока не опре-

*) Семьи зайсанговъ и ламаитскіе монастыри кочуютъ въ степи всегда въ сопровожденіи большаго количества разныхъ видовъ прислуги и работниковъ, и при кочевьяхъ, какъ зайсанговъ, такъ и монастырей, всегда содержится въ большомъ количествѣ дойный рогатый скотъ и дойные косяки лошадей, кромѣ скота, принадлежащаго прислугѣ, и слѣдовательно, районъ, захватываемый кочевьями ихъ, всегда обширенъ.

дѣлились наконецъ болѣе постоянныя группы, устойчивость которымъ придала администрація, оформивъ ихъ административными актами и системою управленія. Теперь Астраханская степь разбита на 8 географическихъ и административныхъ единицъ, называемыхъ улусами: 1) Мало-Дербетовскій улусъ, 2) Богоцохуровскій улусъ, 3) Харахусо-Эрденіевскій (или просто Харахусовскій), 4) Икицохуровскій, 5) Яндыковскій, 6) Эркетеневскій, 7) Хошеутовскій (или Александровскій) и 8) Мочажный.

При этомъ первый улусъ есть представитель племени Дербетовъ, второй, третій, четвертый, пятый и шестой—племени Торгоутъ и отчасти Зюнгаръ и Хойтъ (въ Икицохуровскомъ улусѣ), седьмой—племени Хойтъ съ значительною примѣсью Торгоутъ, и наконецъ восьмой—Мочажный—это конгломератъ всѣхъ племенъ и улусовъ. Центральная степь находится въ исключительномъ пользованіи Торгоутовъ, кромѣ части прибрежной къ Волгѣ, на югѣ степи, занятой Хошеутовскимъ улусомъ, и сѣверо-западной части, занятой Зюнгарами и Хойтами; Дербеты занимаютъ Эргеневскую возвышенность, а Хошеуты заволжскія степи.

Такимъ образомъ собственно центральная степь, находясь во владѣніи Торгоутовскаго племени, въ данное время разбита на пять неравныхъ площадей: сѣверо-восточную площадь занимаютъ калмыки Богоцохуровскаго улуса, центральную площадь—Харахусо-Эрденіевскаго и Икицохуровскаго улусовъ, юго-восточную—Яндыковскаго улуса и юго-западную часть—Эркетеневскаго. Величина улусныхъ площадей опредѣлилась количествомъ населенія улусовъ, ихъ скотоводческими богатствами, а также силою владѣтелей улуса, а въ настоящее время поддерживается исторической традиціей, привычками населенія, а отчасти и административнымъ воздѣйствіемъ, такъ какъ каждый улусъ есть въ то же время и административная единица, (Прилож. № 4-й).

Хотя естественно-географическихъ и искуственно-топографическихъ границъ улусныя земли и не имѣютъ, но тѣмъ не менѣе населеніе ихъ строго опредѣляетъ по урочищамъ, и нарушеніе улусныхъ границъ дозволяется лишь обычаемъ во время бѣдствій: засухъ, мятелей и пр.; въ обыкновенное-же время вызываетъ споры, заканчивающіеся драками, или даже судебными процессами. Въ общемъ пользованіи всѣхъ калмыковъ въ центральной степи остаются только „черныя земли“ степи и въ извѣстные періоды года прогонныя полосы для скота изъ другихъ улусовъ на эти степи.

Но и внутри самыхъ улусовъ кочевки не совершенно свободны, напротивъ, онѣ регулируются строго родовыми отношеніями калмыковъ. Судя по тѣмъ остаткамъ старины, какіе въ изобиліи сохранились въ обрядахъ, обычаяхъ и бытовыхъ отношеніяхъ калмыковъ, можно предполагать, что въ болѣе или менѣе близкое къ намъ время калмыки пережили чистую форму патріархально-родовыхъ отношеній, когда всѣ калмыки распадались

на родственныя группы по мужской линіи и во главѣ такихъ группъ и родовъ стоялъ старшій въ родѣ по рожденію, дававшій названія по своему имени или прозвищу всѣмъ, примыкающимъ къ нему, семьямъ. Остатокъ такого объединенія семей родственными отношеніями и именемъ родоначальника сохраняется и теперь въ фактѣ отсутствія фамильныхъ прозвищъ: каждая семья и членъ семьи называется именемъ отца (Прилож. № 5-й), наприм. зайсангъ Эльзете Кёкшиновъ: отецъ его именуется Кекшинъ Оргичкѣевъ, дѣдъ именовался Оргичке Задбаевъ и т. д. Отсюда и счетъ родства по мужской линіи, напр. въ брачныхъ дѣлахъ у калмыковъ признается родство по женской линіи лишь до третьяго колѣна, а по мужской—до забвенія родственныхъ сношеній, и мнѣ пришлось встрѣтить въ степи фактъ, что двѣ семьи разныхъ улусовъ (Яндыковскаго и Эркетеневскаго) не могли побрачиться лишь потому, что оба принадлежали къ одному по названію роду Цатанову и, какъ сохранила память народа, до 1771 г. составляли одинъ родъ, и слѣдовательно семьи двухъ родовъ могли находиться въ дальнемъ родствѣ хотя ни та, ни другая семья, считая своихъ родственниковъ по восходящей линіи, не могла указать на фактъ такого родства. Чистая патріархально родовая форма у калмыковъ была нарушена, вѣроятно, путемъ насильственнаго подчиненія родственному народу, поставившему калмыковъ въ рабовладѣльческія отношенія къ завоевателямъ. Со внесеніемъ въ бытъ калмыковъ рабовладѣльческихъ условій родовой принципъ отношеній уже не могъ сохраниться въ чистотѣ: неизбѣжно калмыки стали дѣлиться уже не по однимъ родовымъ связямъ, а еще по властвующимъ надъ ними господамъ. Совмѣстное существованіе двухъ порядковъ всегда ведетъ къ забыванію первоначальнаго смысла каждаго изъ нихъ и допускаетъ фикцію въ приложеніи этихъ принциповъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что съ одной стороны нѣкоторые роды у калмыковъ получили названіе не отъ родовыхъ начальниковъ, а отъ другихъ, ничего общаго съ родствомъ не имѣющихъ признаковъ, напр. Шабинеровы роды составились изъ тѣхъ калмыковъ, которые порядкомъ даренія, посвященія, находились во владѣніи ламаитскаго духовенства, были послушниками по калмыцки „шибе“,—отсюда и названіе рода Шибенеровъ и т. д. Съ другой стороны признаки родоначальника перенесены были на крѣпостнаго владыку, и роды и по названію, и по зависимости объединялись подъ властью родственныхъ властителей: Цатанова рода стояли всегда во власти одной семьи, Баруновы роды—во власти другой, Абганеровы—третьей; только развѣ брачныя отношенія соединяли иногда семьи разныхъ родовъ подъ властью одного владыки.

Указаннымъ порядкомъ объясняется тотъ фактъ, наблюдаемый и теперь, что среди калмыковъ зайсанги обыкновенно владѣютъ калмыками только одного рода, но не двухъ, а тѣмъ болѣе не многихъ. Въ одномъ родѣ

можетъ быть нѣсколько владѣтелей-зайсанговъ, но зато подъ властью каждаго зайсанга группируются калмыки преимущественно только одного рода. При группировкѣ патріархально-родовой—калмыки хотя и принадлежали къ одному племени, народу, но объединялись родственными отношеніями и родовыми интересами и несомнѣнно кочевали отдѣльно, различая во всемъ—и въ скотоводческомъ хозяйствѣ, и въ пастбищныхъ угодьяхъ—свое, родовое отъ чужаго. Рабовладѣльческое право могло только усилить это междуродовое разъединеніе, и въ концѣ концовъ получилось наблюдаемое теперь у астраханскихъ калмыковъ явленіе, что улусные районы фактически разбились на родовыя площади, предоставленныя кочевкѣ калмыковъ только извѣстнаго рода, и даже извѣстнаго только „аймака". (Прилож. № 8-й).

Правда, границъ строго опредѣленныхъ родовыя площади не имѣютъ, но каждый родъ знаетъ предѣлы своихъ кочевокъ и нарушаетъ ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ и улусныя границы. Только крупные скотоводы не стѣсняются между родовыми гранями, да еще кибитки бѣдныя скотомъ, и послѣднія, можно думать, въ силу тѣхъ мотивовъ, что пребываніе въ томъ или другомъ мѣстѣ такихъ кибитокъ не имѣетъ значенія: скота у нихъ мало, а слѣдовательно, и корма и водопоя онѣ не стѣсняютъ. Родовъ у калмыковъ въ данный моментъ считается 141 родъ, изъ нихъ въ центральной степи кочуетъ большинство, но число родовыхъ площадей едва ли вполнѣ соотвѣтствуетъ количеству родовъ, такъ какъ нѣкоторые роды кочуютъ совмѣстно, а другіе даже внутри себя еще подраздѣлены на частные роды. (Прилож. № 8-й. Примѣч.).

Природа и климатъ степей, экономическая сила крупныхъ скотоводовъ, сословное вліяніе нойоно-зайсангскаго класса и духовенства, улусное подраздѣленіе калмыковъ и родовая ихъ группировка—это постоянно дѣйствующіе регуляторы кочеваго движенія калмыковъ въ степи, и если къ нимъ присоединить еще такіе, хотя случайные, но энергично вліяющіе на группировку кочевую калмыковъ факторы, какъ оспенная эпидемія и эпизоотія, то этимъ и будутъ исчерпаны тѣ условія перекочевокъ, которыя могутъ быть отнесены къ категоріи общихъ причинъ, характеризующихъ кочевые пути калмыковъ, въ отличіе отъ болѣе частныхъ, индивидуальныхъ поводовъ перекочевокъ отдѣльныхъ группъ кибитокъ.

Однако, и между указанными общими регуляторами по своей силѣ и постоянству выдѣляется вліяніе на направленіе кочевыхъ путей—это природа и климатъ степей. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ первое время жизни калмыковъ въ астраханскихъ степяхъ, когда населеніе группировалось еще не по улусамъ, а по племенамъ,—въ средѣ Торгоутовскаго племени было только два передвиженія: съ весны Торгоуты двигались съ юга къ сѣверу, а къ зимѣ передвигались обратно на югъ и зимовали въ

предѣлахъ „черныхъ земель“. Въ этомъ отношеніи въ перекочевкахъ калмыковъ происходило то, что и теперь наблюдается у номадовъ средней Азіи, гдѣ, напримѣръ, киргизы Большой Орды ежегодно два раза мѣняютъ свои становища: съ наступленіемъ теплаго времени киргизы откочевываютъ съ юга на сѣверъ, отъ прибрежья Сыръ-Дарьи и Арала къ Европейско-Русскимъ предѣламъ, а обратно они движутся уже къ зимѣ. Нѣчто подобное несомнѣнно происходило и въ средѣ калмыковъ. Въ одномъ поэтическомъ преданіи калмыковъ о Чингисъ-Ханѣ, который, въ силу понятнаго въ народномъ произведеніи анахронизма, представленъ въ положеніи калмыцкаго нойона, — разсказывается, какъ къ зимѣ всѣ калмыки откочевали на „черныя земли“ и какъ онъ, соскучившись по своемъ народѣ и желая его провѣдать, отправился и самъ туда. Старожилы изъ калмыковъ и лица изъ ихъ среды, интересующіяся прожитымъ временемъ, утверждаютъ, что не слишкомъ еще давно Торгоутовскіе калмыки на зимовку передвигались на югъ, въ предѣлы теперешнихъ улусовъ Яндыковскаго и Эркетеневскаго и что такъ называемыя „черныя земли“ были въ общемъ владѣніи всѣхъ Торгоутовъ, какъ зимовыя мѣста ихъ. Эту мысль проводилъ въ 1885 г. на августовскомъ съѣздѣ скотоводовъ въ ставкѣ Икицохуровскаго улуса на урочищѣ Яжкуль правитель Богоцохуровскій, зайсангъ Онкаровъ, когда, желая устранить отъ пользованія „черными землями“ скотоводовъ Мало-Дербетовскаго улуса, ссылался на неоспариваемый никѣмъ изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ историческій фактъ, что черневыя мѣста составляли когда-то исключительную собственность торгоутовскихъ калмыковъ, и на незаконность прогона дербетовскаго скота черезъ Торгоутовскіе улусы. На то-же самое указываютъ и печатные источники, напр. на картѣ, приложенной къ соч. Костенка 1868 г. *), мѣсто лѣтней ставки Икицохуровскаго улуса показано на южной границѣ Астраханской степи со Ставропольской губ. около Можарской заставы; извѣстно также, что лѣтняя ставка нойоновъ Харахусовскаго улуса была въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія южнѣе теперешней ставки Яндыковскаго улуса. Но потомъ постепенно „черныя земли“ сдѣлались зимнимъ пастбищемъ для крупныхъ скотоводовъ калмыковъ безъ различія ихъ племенной принадлежности, а перекочевка массы калмыцкой замкнулась предѣлами улусныхъ границъ. Но и въ предѣлахъ каждаго степнаго улуса все таки нельзя не наблюдать и теперь еще импонирующаго вліянія природныхъ условій и климата: въ каждомъ улусѣ и теперь совершается то, что прежде совершалось на пространствѣ всей Торгоутовской степи: калмыки съ весны движутся къ сѣверу, а къ зимѣ возвращаются къ югу, и только въ нѣкоторыхъ частяхъ улусовъ наблюдается нѣсколько видоизмѣненное движеніе —

*) «Статистическо-хозяйственное описаніе Калмыцкой степи». (Калмыцкая степь по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи).

съ востока на западъ и наоборотъ *). Но двигаясь въ каждомъ улусѣ по общему, группы калмыковъ свои частныя передвиженія варіируютъ уже сообразно съ наличностью прочихъ условій кочевой жизни: каждый хотонъ послѣдовательно мѣняетъ мѣста въ поискахъ за подножнымъ кормомъ и водой для скота, удаляясь въ то же время отъ пастбищъ крупныхъ скотоводовъ, кочевыхъ становищъ монастырей и зайсанговъ и держась въ предѣлахъ какъ улусныхъ, такъ и родовыхъ площадей.

Для выживанія въ центральной степи, гдѣ стѣсненія соціальнаго, бытоваго и административнаго характера кочевой жизни составляютъ лишь тягостную прибавку къ суровости климата и бѣдности природы въ кормѣ и водѣ, способны далеко не всѣ и калмыцкія семьи, а лишь семьи опредѣленнаго хозяйственнаго достатка. Прежде всего каждая степная семья должна имѣть въ наличности достаточное количество верблюдовъ, какъ перевозочныхъ средствъ, такъ какъ только эти „сухопутныя косныя“ („гозарынъ кусова“), по выраженію калмыковъ, могутъ быстро и терпѣливо и въ засуху, и по глубокимъ снѣгамъ переходить большія пространства. Между тѣмъ для перевозки отдѣльной кибитки требуется не менѣе двухъ верблюдовъ, а они представляютъ уже значительную цѣнность, такъ какъ покупная стоимость каждаго изъ нихъ не менѣе 50 р. Потомъ въ степи и пищу, и одежду, и даже посуду доставляетъ исключительно скотоводческое хозяйство, такъ какъ заработка въ степи, помимо личнаго хозяйства, совершенно не существуетъ. Вотъ почему въ степи кочуютъ семьи сравнительно зажиточныя, а тѣ изъ нихъ, которыя бѣднѣютъ, лишаюся скота, выбрасываются изъ года въ годъ степью за ея предѣлы. Остаются изъ семей бѣдныхъ скотомъ въ степи только тѣ, сравнительно немногія, которыя пристраиваются въ качествѣ пастуховъ и работниковъ при худукахъ у крупныхъ скотоводовъ и при хурулахъ, а прочіе частію перекочевываютъ въ Мочажный улусъ, а частію разбредаются по рыболовнымъ ватагамъ или по прилегающимъ къ степи осѣдлымъ поселеніямъ русскихъ и татаръ. Однако, не всѣ такія семьи навсегда теряются для степи, напротивъ, часть ихъ, обзаведшись путемъ заработка скотоводческимъ хозяйствомъ, обязательно возвращается въ степь въ предѣлы своего улуса и рода.

Та особенность центральной степи, что въ ней природныя физическія

---

*) Такъ калмыки Харахусовскаго улуса ежегодно передвигаются съ юга на сѣверъ и обратно: зимуютъ у южныхъ границъ улуса, а потомъ съ весны кочуютъ къ сѣверу, а отъ сѣверныхъ предѣловъ возвращаются назадъ; въ Яндыковскомъ улусѣ степные калмыки придвигаются ближе къ волжскимъ заливамъ, т. е. къ югу, а на лѣто выкочевываютъ къ сѣвернымъ границамъ; въ Икицохуровскомъ улусѣ одни роды передвигаются подобно Харахусовскимъ—съ юга на сѣверъ и обратно, а другіе—съ запада на востокъ и обратно,—именно зимою приближаются къ Эргенямъ, а лѣтомъ углубляются въ степь; въ Эркетеневскомъ улусѣ зимовки сосредоточиваются преимущественно въ приморской части улуса, а на лѣто населеніе удаляется въ степи, т. е. здѣсь передвиженіе происходитъ съ востока на сѣверо-западъ и обратно.

условія даютъ мѣсто исключительно одному пастушескому населенію, содѣйствовала здѣсь къ сохраненію жизни кочевника во всей его первобытной бытовой неприкосновенности; въ центральной степи калмыки и въ наше время сохранили не отдѣльныя бытовыя оригинальности, но всѣ существенныя особенности своего этнологическаго происхожденія: чистый типъ монгола въ въ своемъ физическомъ обликѣ, патріархально-кочевой укладъ въ бытѣ, языкъ, нравы, обычаи; степные калмыки нашего времени—это во всѣхъ деталяхъ тѣ же калмыки, которыхъ въ первой половинѣ XIX ст. наблюдалъ г. Нефедьевъ *) или еще раньше, въ прошломъ столѣтіи—Палласъ **).

Жизнь калмыковъ окраинныхъ не представляетъ такой типической чистоты,—здѣсь она видоизмѣнялась уже и осложнялась подъ вліяніемъ иныхъ особенностей природы и подъ давленіемъ сосѣдства съ инороднымъ осѣдлымъ населеніемъ.

Такъ на Эргенскихъ степяхъ, помимо того, что тамъ вообще водопойныя мѣста обильнѣе и подножный кормъ богаче, но еще находится не мало сѣнокосныхъ угодій, дающихъ болѣе или менѣе постоянный и достаточный укосъ, эргенскіе калмыки не имѣютъ уже нужды метаться въ поискахъ за кормомъ и водой, и потомъ для значительнаго числа хозяйствъ представляется возможность изъ года въ годъ дѣлать зимніе запасы корма. Послѣднее обстоятельство съ одной стороны опредѣлило болѣе или менѣе устойчиво зимники калмыковъ, которые сгруппированы при сѣнокосныхъ мѣстахъ, а съ другой—создало и соотвѣтственную систему годовыхъ кочевокъ: здѣшніе калмыки въ періодъ роста травъ удаляются отъ сѣнокосныхъ угодій, ко времени уборки сѣна прикочевываютъ съ удойнымъ рабочимъ скотомъ, и только къ зимѣ уже весь скотъ сгруппировывается вблизи кормовыхъ запасовъ по низинамъ, защищеннымъ балками. Заинтересованные сѣнокошеніемъ мѣстные калмыки стойко держатся за разъ занятыя мѣста, оберегаютъ ихъ и строго отстаиваютъ отъ кочевокъ другихъ калмыковъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ Дербетовскомъ улусѣ площадь гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ центральная степь, въ данный моментъ разбита на родовыя дѣлянки, границы которыхъ обязательны для всѣхъ калмыковъ, не исключая зайсанговъ и духовенства, и что здѣсь уже нѣтъ общаго для улуса плана кочевокъ, а каждый родъ и даже аймакъ имѣетъ свой особый путь перекочевокъ: одни роды движутся съ сѣвера на югъ, другіе—съ юга на сѣверъ, иные съ запада на востокъ, иные съ востока на западъ, и только крупные скотоводы, передвигающіе свои стада на зиму на „черныя земли“ имѣютъ болѣе или менѣе опредѣленный по всему улусу путь движенія и пользуются правомъ въ извѣстный періодъ года нарушать родовыя границы.

---

*) *Нефедьевъ*. „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ“. СПБ. 1834 г.
**) PALLAS. «Voyage en differentes provinces de l'Empire de Russie». 1771. г.

Въ видоизмѣненную уже подъ естественными требованіями природныхъ свойствъ страны кочевую жизнь эргенскихъ калмыковъ принесло совершенно новыя особенности сосѣдство съ инородческимъ населеніемъ.

Эргенская степь, находящаяся въ исключительномъ пользованіи Дербетовскихъ калмыковъ, примыкая по восточной линіи къ центральной степи, по всѣмъ другимъ границамъ примыкаетъ непосредственно къ земледѣльческой площади Астраханской и Саратовской губ. и земли войска Донскаго. Поселенія великороссовъ, малороссовъ и нѣмцевъ (колонія Сарепта) не только полукольцомъ охватили высокую степь съ запада, сѣвера и юга, но разсѣкли широкой полосой улусную площадь во всю ея длину съ сѣверо-востока и до юго-западной границы по такъ называемому ставропольско-царицынскому тракту и въ двухъ мѣстахъ (на сѣверѣ отъ колоніи Сарепты до села Цацы, и на югѣ отъ станицы Крестовой до поселка Уланъ-Эрге) пересѣкли Эргени еще и въ поперечномъ направленіи, такъ что Эргенская степь не представляется уже сплошною кочевою площадью, а разбивается осѣдлыми поселеніями на нѣсколько отдѣльныхъ клочковъ. Явились здѣсь поселенія сравнительно недавно, во всякомъ случаѣ не раньше текущаго столѣтія, а большинство изъ нихъ даже не далѣе шестидесятыхъ годовъ и захватили лучшія во всѣхъ отношеніяхъ земли калмыковъ. Собственно земледѣльческая культура не процвѣтаетъ въ этихъ поселеніяхъ, тѣмъ не менѣе осѣдлое населеніе, живя исключительно почти на счетъ скотоводства, какъ и калмыки и пользуясь покровительствомъ администраціи, все дальше и дальше въ степь переносило свои владѣнія и все больше и больше сдавливало кочевую площадь калмыковъ. Подъ давленіемъ такого стремленія инородческаго населенія въ средѣ дербетовскихъ калмыковъ назрѣла мысль, что единственное средство отстоять и удержать за собой еще неотобранныя степныя угодья—это занять эти земли подъ усадьбы и земледѣльческія плантаціи. Въ степи начался, такимъ образомъ, захватъ земель въ личную собственность, и теперь уже многое, что есть лучшаго изъ земель, годнаго къ земледѣльческой культурѣ, представляетъ не общественную, а личную собственность. Занимка земель до послѣдняго времени фактически не была подчинена никакой организаціи и никакому контролю: желающіе, облюбовавъ подходящее угодье, обносили его канавой, изгородью, или же раздѣлывали просто подъ табакъ, капусту и пр. и съ этого момента считали уже захваченное мѣсто своею собственностью. Конечно, болѣе всего захватовъ сдѣлано правящимъ нойно-зайсангскимъ сословіемъ, нѣкоторые члены котораго подвергли личной экспропріаціи общую калмыцкую собственность не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ (напр. зайсангъ Дундуковъ), затѣмъ собственниками земель сдѣлались и вліятельные люди изъ простаго класса. Единственнымъ ограниченіемъ при захватѣ для зайсанговъ служили ихъ аймачныя владѣнія,

а для простыхъ калмыковъ ихъ родъ. Теперь многія такимъ путемъ захваченныя по Эргенскимъ балкамъ мѣста заняты усадьбами, садами, огородами, табачными плантаціями и кое-гдѣ даже пашнями. Но земледѣльческая культура или осѣдлость отъ этого мало выиграла: эксплуатируютъ личныя владѣнія или русскіе, или татары въ видѣ арендаторовъ, половинщиковъ и пр., калмыки продолжаютъ жить по прежнему на счетъ скотоводства и существенно не измѣнили еще своихъ кочевыхъ привычекъ. Но такъ какъ площадь для выпаса скота отъ заведенія осѣдлыхъ поселеній русскими, отъ захвата самими калмыками земель въ собственность, уменьшилась, и жизнь калмыковъ продолжаетъ идти на счетъ скотоводства,—то дербетовскіе калмыки, замкнувши свою территорію отъ калмыковъ степныхъ, не перестаютъ пользоваться для своего скота обще-калмыцкими „черными землями“, куда дербетовскій скотъ богачей и сгоняется на зиму.

Тѣ особенности, которыя отмѣчены выше въ хозяйствѣ дербетовскихъ калмыковъ, гдѣ, при господствующемъ еще значеніи кочеваго скотоводства, явились уже въ видѣ попытокъ, зачатковъ и другія формы эксплуатаціи природныхъ свойствъ страны—системное сѣнокошеніе, земледѣліе, огородничество и садоводство,—характеризуютъ и другія стороны жизни калмыковъ. Здѣсь, напримѣръ, массы кочуютъ и ѣздятъ еще на верблюдахъ и верховыхъ лошадяхъ, но встрѣчаются уже перекочевки на упряжныхъ лошадяхъ и волахъ, а среди мѣстыхъ богачей изъ зайсанговъ и духовенства не рѣдкость встрѣтить перекочевки даже въ крытыхъ троечныхъ экипажахъ. Въ 1885 г., 30 Августа, мнѣ случилось быть при перекочевкѣ Дунду-Хурула съ лѣтняго становища на зимнее при озерѣ Ханпата, и я насчиталъ до десяти крытыхъ экипажей, въ которыхъ перекочевывали или отдѣльные чины духовенства, или же перевозилась хурульная святыня.

Та же смѣсь первобытныхъ элементовъ съ культурно-осѣдлыми, характеризуетъ и жилище калмыковъ: рядомъ съ подвижными кибитками стоятъ не только зимники лачуги, но и каменныя двухъ-этажныя зданія, изящной архитектуры храмы.

Лѣтомъ дербетовскіе калмыки, за единичными исключеніями, отъ бѣдняка и до богача живутъ въ кибиткахъ, а на зиму многіе изъ нихъ переселяются въ теплыя помѣщенія, разнаго вида и размѣра дома, и по количеству построекъ эргенскіе калмыки рѣзко выдѣляются изъ среды степняковъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1885 г. въ калмыцкой степи числилось 4277 зданій (Прилож. № 7), изъ нихъ: а) ставочныхъ зданій для чиновъ правительственной администраціи 89, б) хуруловъ и цацъ 147 и в) прочихъ построекъ 4041. Изъ двухъ послѣднихъ группъ на центральную степь приходится хуруловъ и цацъ около 27 и частныхъ построекъ около 122, а на дербетовскую степь хуруловъ и цацъ 38, а домовъ и зданій 2709,

т. е. въ общемъ на одну постройку въ центральной степи приходится 14 зданій въ Эргеняхъ. Строенія дербетовскихъ калмыковъ въ большинствѣ разбросаны по Эргенямъ въ одиночку или группами въ два—три и болѣе зданій, но есть уже и зачатки группировокъ исключительно калмыцкихъ зданій въ поселки. Къ такимъ зачаточнымъ поселкамъ относятся группы кибитокъ въ Зетовомъ родѣ около 40 на рѣчной балкѣ—Донской-Царицѣ, гдѣ, впрочемъ, зданія разбросаны и безъ огородовъ, а особенно такъ называемый Червленый поселокъ вблизи Сарепты, въ которомъ жилыя зданія сгруппированы въ правильную улицу и окружены огородами, скотными постройками и мѣстами для склада хлѣба и сѣна. Началъ образовываться этотъ поселокъ лѣтъ 20 назадъ. Первый построился здѣсь, впослѣдствіи крестившійся, калмыкъ Абганеръ-Абгекинова рода Эренаценъ-Кухановъ. Теперь всѣхъ жилыхъ зданій въ поселкѣ болѣе 30, большинство домовъ деревянные, а часть—плетневыя мазанки, вытянулись въ одну линію, вдоль пруда, образованнаго искуственною плотиною, построенною самими калмыками болѣе 20 лѣтъ назадъ, но домовъ 10, выстроенныхъ въ послѣдніе 3—4 года, идутъ уже по другому порядку, такъ что образовалась правильная улица. При домахъ второго порядка нѣтъ огородовъ, такъ какъ они выстроены на бугровомъ возвышеніи, при остальныхъ же домахъ у пруда огороды сдаются въ аренду на лѣто (нерѣдко вмѣстѣ съ домами) подъ капусту татарамъ, сами же калмыки лѣтомъ выкочевываютъ со скотомъ въ степь. Часть Червленскихъ калмыковъ занимается земледѣліемъ, но не самостоятельно, а черезъ арендаторовъ, русскихъ или татаръ.

Къ числу зачаточныхъ поселеній калмыцкихъ въ видѣ хуторовъ нужно также отнести усадьбы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, напр. на балкѣ Солянкѣ—усадьба нойона Тундутова, на урочищѣ Амта-Бургуста—зайсанга Кутузова, на урочищѣ Дунду-Нуръ—зайсанга Эмгенъ-Дундукова. При всѣхъ этихъ усадьбахъ имѣются садовыя и огородныя плантаціи, при усадьбѣ нойона Тундутова ведется и хлѣбная запашка.

Параллельно съ видоизмѣненіями отдѣльныхъ особенностей въ бытѣ дербетовскихъ калмыковъ подъ инородческимъ вліяніемъ патріархальныя отношенія замѣтно начали смѣнятся хозяйственно-кулацкими, отчего здѣсь больше богачей и бѣдняковъ, и меньше семей средняго достатка, чѣмъ въ центральной степи, и Эргенскія степи все болѣе и болѣе развиваютъ батрацкій классъ, который расходится по окрестнымъ поселеніямъ губерній: Астраханской, Саратовской и земли войска Донскаго, въ видѣ пастуховъ, поденщиковъ и годовыхъ работниковъ.

Въ томъ же направленіи, хотя и въ иномъ характерѣ, замѣтно осложняется и видоизмѣняется бытовая обстановка калмыковъ и на другой окраинѣ калмыцкой степи—въ Мочагахъ или „Черняхъ“. Эта полоса, охватывая

кромѣ Мочажнаго улуса приморскія части улусовъ Яндыковскаго и Эркетеневскаго, по характеру природы, какъ уже объяснено выше, не приспособлено къ скотоводческому хозяйству, и потому въ предѣлахъ черневой полосы, кромѣ отдѣльныхъ семей зайсанговъ и богачей, скотъ которыхъ съ пастухами находится въ степяхъ, обитаютъ калмыки небогатые скотомъ и кормящіеся отъ заработковъ на рыболовныхъ ватагахъ и частію на соляныхъ озерахъ. Хотя въ Мочажный улусъ скочевываютъ обѣднѣвшія калмыцкія семьи со всѣхъ концовъ степи, кромѣ Дербетовскаго и сосѣдняго Яндыковскаго улуса, но и здѣсь, какъ въ черневой полосѣ Яндыковскаго и Эркетеневскаго улусовъ, смѣшанно живутъ калмыки только при рыболовныхъ ватагахъ, а въ остальныхъ мѣстахъ калмыки группируются не только по улусамъ, но и по родамъ, отчего Мочаги въ данный моментъ представляются разбитыми на отдѣльныя площади, гдѣ кочуютъ по преимуществу калмыки одного улуса и опредѣленнаго рода, и центрируясь въ этомъ случаѣ или около улусныхъ хуруловъ, или же около аймачныхъ зайсанговъ. Благодаря естественной ограниченности кочевыхъ районовъ, такъ какъ отдѣльныя площади опредѣляютъ или острова, или полуострова, кочеваніе здѣсь совершается въ предѣлахъ нѣсколькихъ верстъ и представляетъ изъ себя послѣдовательное перемѣщеніе кибитокъ съ одного мѣста на другое, что происходитъ нерѣдко даже безъ помощи животныхъ, а на рукахъ членовъ семьи, но вообще, вьючный способъ кочевокъ въ степяхъ потерялъ свое значеніе, и мѣстные калмыки перекочевываютъ или на арбахъ съ одной лошадью, или же на лодкахъ. Благодаря сравнительному обилію сѣнокосныхъ мѣстъ въ предѣлахъ черневаго района рѣдкая семья не дѣлаетъ на зиму запасовъ сѣна и молодого камыша на кормъ скота, а также стараго камыша на топливо и изгородь и чакану (болотное растеніе) для выдѣлки рогожъ и матовъ, которыми покрываются здѣсь вмѣсто кошемъ кибитки. Интересъ въ сохраненіи сѣнокосныхъ угодій, камышевыхъ зарослей и рыболовныхъ мѣстъ еще больше ограничиваетъ кочевой районъ черневыхъ калмыковъ, которые обыкновено круглый годъ проживаютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ (Прилож. № 1, 3) гдѣ многіе устраиваютъ уже себѣ и постоянные зимники: мѣста для складыванія запасовъ корма, топлива, камышевыя загороди для скота и даже теплыя жилища для себя. Въ этомъ отношеніи черневые калмыки не только далеко ушли отъ степняковъ, но и не уступаютъ Эргенцамъ: въ предѣлахъ Черней въ 1885 г. (Прилож. № 7) находилось частныхъ построекъ не менѣе 430, т. е. почти въ четыре раза больше, чѣмъ въ центральной степи, хотя черневая площадь представляетъ сѳбой лишь незначительную часть степи. Жилыя постройки здѣсь въ большинствѣ случаевъ разбросаны въ одиночку или въ небольшія группы и нигдѣ не носятъ зачатковъ поселеній по типу сосѣдей русскихъ и татаръ: при нихъ нѣтъ

ни огородовъ, ни садовъ, ни пашней, и это существенно отличаетъ Мочаги отъ Эргеней; другая особенность въ постройкахъ мочажныхъ—большій процентъ построекъ бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ: здѣсь совершенно отсутствуютъ болѣе или менѣе капитальныя и богатыя постройки, а господствуютъ постройки глинобитныя и мазанки, принадлежащія бѣднякамъ и выстроенныя по иниціативѣ и при содѣйствіи правительства.

Мочаги съ востока и юга примыкаютъ къ рыболовнымъ ватагамъ, а съ сѣвера во всю длину прорѣзаны по линейному тракту почти на всемъ протяженіи рядомъ селеній русскихъ и татарскихъ, начиная съ села Николаевки и до поселка Тернякскихъ татаръ. Эти поселенія привлекаютъ часть калмыцкаго населенія въ видѣ батраковъ и пастуховъ, эксплуатируютъ калмыковъ и другими способами—пользованіемъ калмыцкими сѣнокосами, выпасомъ скота на калмыцкой землѣ, торговлей и пр.; но видоизмѣняющее вліяніе все-таки принадлежитъ не поселеніямъ, а исключительно рыболовнымъ ватагамъ: отъ послѣднихъ масса мочажныхъ калмыковъ кормится, и для нихъ даетъ главный контингентъ рабочихъ, такъ что въ этомъ отношеніи черни изъ себя представляютъ скопленіе рыболовныхъ рабочихъ, и это составляетъ существенное отличіе Эргеней отъ Мочаговъ: тамъ батрацкій классъ создается сосредоточеніемъ богатствъ и экономической силы въ рукахъ меньшинства изъ калмыковъ, а здѣсь царитъ уже сплошное батрачество, создаваемое чуждымъ калмыцкой странѣ рыболовно-промышленнымъ контингентомъ; тамъ батрачество, потерявши свое хозяйство, приспособляется къ сродному ему, хотя чужому скотоводческому хозяйству, а здѣсь калмыцкая бѣднота въ своихъ жизненныхъ условіяхъ отрывается совершенно отъ унаслѣдованныхъ привычекъ номада-кочевника и приспособляется къ совершенно несвойственнымъ степняку-скотоводу условіямъ жизни и труду—рыболова.

Вѣковая жизнь астраханскихъ калмыковъ, обитающихъ въ разныхъ полосахъ степи при разнообразныхъ условіяхъ природы и сосѣдственнаго вліянія, не могла не отразиться измѣняющимъ образомъ и на этнологическихъ чертахъ ихъ. Чистый типъ скотовода-кочевника въ данный моментъ сохранился лишь въ центральной степи, гдѣ существованіе и человѣка, и скота зависитъ исключительно отъ свойствъ природы и гдѣ дѣятельность калмыка выражается въ пользованіи лишь естественными дарами природы, въ Эргенской степи въ отношенія человѣка къ природѣ вилетается уже элементъ борьбы, проявленіемъ котораго служатъ сѣнокошеніе, постройки, плантаціи, сады и т. п. и, кромѣ того, здѣсь существованіе калмыковъ стоитъ въ зависимости не отъ одной природы, но и отъ болѣе сильнаго культурнаго сосѣда, на борьбу съ которымъ также затрачиваются и силы, и способности; но еще дальше пошли видоизмѣненія жизни въ „Черняхъ“, гдѣ скотоводство замѣнено рыболовствомъ и гдѣ такимъ образомъ существованіе уже поставлено

въ связь съ другой стихіей природы—водой, и въ зависимость отъ тяжелаго личнаго труда и, еще болѣе чѣмъ въ Эргеняхъ, отъ вліянія инороднаго сосѣда промышленника.

Степной калмыкъ, въ массѣ, не выше средняго роста, съ черными волосами, мѣдно-краснымъ загаромъ лица и рукъ, съ замѣтно выгнутыми, отъ верховой ѣзды, ногами, съ черными живыми глазами, сидящими глубоко въ узкихъ впадинахъ глазныхъ щелей, съ рѣзко очерченными скулами, особенно у женщинъ, и съ суровымъ, даже мрачнымъ выраженіемъ лица. Степняки поражаютъ наблюдателя своимъ зрѣніемъ, слухомъ и развитыми вкусовыми ощущеніями: они, напримѣръ, способны различать предметы на десятки, даже на сотню верстъ, а цвѣта одежды, масть лошадей отличаютъ на такомъ разстояніи, на которомъ, при хорошемъ зрѣніи, едва можно опредѣлить предметъ. Не менѣе тонокъ и слухъ степнаго обитателя, который слышитъ лай собакъ тамъ, гдѣ поражаешься абсолютной тишиной пустыни. Но особенно обращаетъ вниманіе тонкость вкуса, или точнѣе—тонкость вкусовой наблюдательности, которая при этомъ и эксплуатируется оригинальнымъ образомъ. Въ степи при монотонности поверхности не легко оріентироваться и днемъ, а ночью, особенно при беззвѣздномъ небѣ, всѣ окрестности пріобрѣтаютъ совершенно безразличный видъ, даже для постояннаго обитателя степи, и вотъ, въ случаяхъ необходимости опредѣлить мѣстонахожденіе въ степи въ темную ночь,—степняки эксплуатируютъ тонкость своихъ вкусовыхъ ощущеній: они, если нѣтъ возможности опредѣлить мѣстность даже по характеру растеній, узнаютъ урочища по вкусу почвы. По внѣшнему виду степной калмыкъ угрюмъ, мраченъ, даже грубъ своимъ молчаніемъ, неохотной отрывистой рѣчью, отсутствіемъ вниманія, заискиванія; но по натурѣ онъ патріархаленъ, добръ, гостепріименъ и безхитростенъ: вся его хитрость до ознакомленія съ новымъ лицомъ направлена исключительно на защиту себя путемъ сокрытія, умолчанія отъ всегда ожидаемой имъ отовсюду бѣды; но разъ явилось сознаніе, что бѣды въ данный моментъ отъ извѣстнаго лица можно и не ожидать,—онъ теряетъ свою замкнутость, какъ улитка скорлупу, проявляетъ любознательность, дѣлается разговорчивъ, и бесѣда его, особенно подъ вліяніемъ искусственнаго возбужденія арькой или водкой, блещетъ остроуміемъ, юморомъ. Эргенской калмыкъ въ большинствѣ выше степняка ростомъ, отличается большею стройностью и подвижностью, черты лица менѣе угловаты; не рѣдкость встрѣтить между ними уже и большіе круглые глаза, попадаются лица и совершенно не монгольскаго типа, даже съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, не мало индивидуумовъ съ густою бородою. Дербетовскій калмыкъ, даже въ массѣ, не говоря о зайсангахъ, бодрѣе, развитѣе, самостоятельнѣе и независимѣе степняка, но онъ уже замѣтно теряетъ патріархальную простоту: его хитрость не есть только самозащита, но носитъ

уже и своекорыстный разсчетъ — эксплуатацію калмыкамъ постороннято. Но во всякомъ случаѣ, хотя Эргенскій калмыкъ въ своихъ особенностяхъ и даетъ признаки начавшагося видоизмѣненія въ рассовомъ типѣ монгола, но это видоизмѣненіе не обезсилено жизненной энергіей калмыка, и представляетъ во всякомъ случаѣ, хотя едва замѣтный, но прогрессивный шагъ въ развитіи по пути уже обще-европейской культуры. Несравненно болѣе печальные результаты въ видоизмѣненіи этнологическихъ чертъ калмыковъ происходятъ на южной окраинѣ — въ Мочагахъ. Съ одной стороны природа „Черней", предоставляющая калмыкамъ, вмѣсто мяса и молока, въ пищу рыбу и болотную или морскую воду, заставляющая ихъ дышать сырымъ болотнымъ воздухомъ, съ другой стороны — напряженный и анти-гигіеническій трудъ рыболова или солелома, соприкосновеніе съ русскимъ рыболовно-рабочимъ классомъ, тягостная зависимость въ средствахъ отъ промышленника — все это въ совокупности накладываетъ особенный отпечатокъ на черневыхъ калмыковъ: населеніе здѣсь изнуренное, забитое, на половину пораженное сифилисомъ и страдающее хроническими лихорадками.

Тѣ немногія, сравнительно, наблюденія и по-кибиточныя регистрированія населенія, какія удалось произвести среди обитателей „черней" (Прилож. № 9), способны побудить констатировать тотъ фактъ, что черневое населеніе носитъ въ себѣ много признаковъ и задатковъ вымиранія. Только безпрерывное пополненіе мочажнаго населенія приливомъ свѣжихъ, здоровыхъ степняковъ, дѣлаетъ фактъ вымиранія мало замѣтнымъ, особенно при полномъ отсутствіи какихъ-бы то ни было системныхъ статистическихъ данныхъ. Вырожденіе здороваго, жизненнаго типа калмыковъ происходитъ не въ однихъ физическихъ формахъ, но и въ нравственныхъ качествахъ: въ „черняхъ" встрѣчаются уже нерѣдко калмыки русскаго, татарскаго и армянскаго типа, съ выпуклыми глазами, удлиненнымъ овалomъ лица, съ свѣтлыми волосами; черневые калмыки раболѣпны, покорны, услужливы, привѣтливы, но и плутоваты, переводятъ всѣ отношенія и между собою и съ постороннимъ на деньги и проникнуты узко-коммерческимъ духомъ Приволжья: коммерсантъ сквозитъ вездѣ — и въ простомъ неводномъ рабочемъ, и въ самостоятельномъ рыбакѣ, и въ богатомъ зайсангѣ, который знаетъ уже и банки, и проценты и торговые обороты и стремится уже не къ увеличенію стадъ, а къ скопленію денежнаго богатства путемъ извоза, торговли или иного гешефта.

Всѣ намѣченныя выше особенности, характеризующія этнографическую физіономію астраханскихъ калмыковъ, показываютъ, что калмыки праваго берега Волги въ наше время не представляютъ уже этнографическаго цѣлаго, а разбиваются на довольно опредѣленныя три общія группы: а) калмыки степные, б) камыки Эргенскіе или „Дербетовскіе" и в) калмыки

„черневые“. Трудно при ограниченности имѣющагося у насъ матеріала утверждать, что всѣ особенности трехъ указанныхъ группъ представляютъ исключительно результатъ вліянія оригинальностей природныхъ свойствъ разныхъ полосъ степи и комбинацій разныхъ жизненныхъ условій въ предѣлахъ Россіи, а не носятъ въ себѣ вмѣстѣ съ этимъ и отпечатка тѣхъ природныхъ племенныхъ оригинальностей, съ которыми калмыки явились уже въ Европу, хотя то обстоятельство, что три этнографическихъ группы калмыковъ дѣйствительно довольно близко соблюдаютъ съ естественно-географическими районами, на которые раздѣляется территорія, занятая калмыками,— наводятъ на предположеніе, что комбинація этихъ группъ произошла въ періодъ жизни калмыковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, т. е. въ послѣднія два столѣтія. Подобный выводъ, впрочемъ, косвенно подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ. Астраханскіе калмыки въ моментъ своего появленія въ границахъ Европы распадались на четыре этнографическиразличныхъ группы: Торгоуты, Хойты (или Хошоуты), Зюнгары и Дербеты. Въ наше время только послѣдняя группа калмыковъ, совпадая съ теперешней группой эргенскихъ калмыковъ, сохранила особенности не только во внѣшнихъ чертахъ индивидуальностей, въ привычкахъ жизни и занятіяхъ, но и въ болѣе устойчивыхъ и глубокихъ оригинальностяхъ типа въ языкѣ, въ обычаяхъ, въ обстановкѣ жилья и пр.; три же послѣднія историческія группы—Торгоуты, Хойты и Зюнгары, которымъ пришлось жить два послѣдніе вѣка при тождественныхъ условіяхъ природы, занятій и сосѣдства, потеряли свои оригинальности и ассимилировались до безразличія, какъ въ центральной степи, такъ и въ черняхъ.

Констатируя фактъ начавшагося въ средѣ астраханскихъ калмыковъ распаденія народности на три этнографическихъ группы, мы далеки отъ мысли утверждать, что это распаденіе коснулось всѣхъ сторонъ типа. Напротивъ, мы видимъ, что большинство особенностей, которыми теперь разнятся калмыки степные, эргенскіе и черневые принадлежатъ къ такому циклу этнографическихъ признаковъ, которые прежде всего поддаются измѣняющемуся вліянію жизненныхъ условій—это занятія, пища, физическія и нравственныя черты,—особенности же болѣе устойчивыя, какъ языкъ, религія, семейно-бытовая жизнь, словесныя произведенія, обычаи и даже одежда— носятъ у всѣхъ трехъ группъ обще-племенной характеръ, разнясь, по мѣстностямъ, совпадающимъ съ тремя географическими районами, лишь въ немногихъ и несущественныхъ деталяхъ.

Ир. Житецкій.

АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ

(НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ)

И. А. Житецкаго.

„Feci, quod potui; faciant meliora potentes“.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

Формы труда среди астраханскихъ калмыковъ.

[Наблюденія и замѣтки].

Скотоводческо-охотничій періодъ въ жизни калмыковъ на правомъ берегу Волги. Измѣненіе скотоводческо-охотничьяго уклада и развитіе отхожихъ промысловъ. Неводные рабочіе изъ калмыковъ и подрядчики. Ватажный пролетаріатъ изъ калмыковъ. «Вольные ловцы» среди калмыковъ. Вліяніе рыболовныхъ занятій на бытовую обстановку калмыковъ. Выдѣлка чаканокъ. Попытки замѣны скотоводческихъ занятій болѣе интенсивными—садоводствомъ, сѣнокошеніемъ и пр. Измѣненія въ понятіяхъ калмыковъ о собственности. Распредѣленіе занятій у калмыковъ по поламъ. Ремесленный трудъ женщинъ. Выдѣлка позументовъ и шелковой тесьмы и признаки ея вымиранія. Выдѣлка овчинъ, шкуръ, нитокъ и струнъ. Пряденіе и тканье шерстяной тесьмы. Валяніе кошемъ и оригинальность ассоціированія рабочихъ силъ. Вышивки и шитье калмычекъ. Ремесленныя занятія, производимыя совмѣстно мужчинами и женщинами. Ремесла мужчинъ. Обработка кожъ. Столяры. Серебряки. Рѣзьба по дереву. Вымираніе ремеслъ мужчинъ. Скотоводческій трудъ калмыковъ.

Астраханскіе калмыки прожили въ европейскихъ предѣлахъ два съ половиною столѣтія. Первые полтора вѣка они жили на востокѣ отъ Волги и занимали своими кочевыми скотоводческими хозяйствами громадную территорію отъ рѣчки Самары до Каспійскаго моря и отъ р. Яика до Волги. Въ это время занятія калмыковъ составляли скотоводчество и охота; для того и для другого природныя условія степей давали богатыя средства: въ районѣ заволжскихъ степей находились не одни степныя пастбища, способныя для эксплуатаціи весной, осенью и въ дождливое время, но еще и обширные заливные луга, а берега рѣкъ и взморья, обросшіе кустарникомъ и густымъ камышомъ, давали на зиму надежное убѣжище кочевникамъ и ихъ стадамъ. Въ то же время рѣчки имѣли въ изобиліи рыбу, а степи и рѣчные плавни разнообразнѣйшую дичь: торпановъ, стада сайгъ и дикихъ кабановъ, стаи птицъ—гусей, утокъ, дрохвъ, пеликановъ и пр.

Но на той ступени культуры, на которой въ то время стояли калмыки, охота на животныхъ всегда сопровождалась охотою на людей и ихъ имущества. Эту охоту въ видѣ набѣговъ на осѣдлыхъ жителей и сосѣднихъ кочевниковъ, сопровождаемую угономъ скота, грабежомъ имущества, уводомъ плѣнныхъ и торговлей ими, калмыки вели постоянно и на огромномъ пространствѣ: на сѣверѣ въ предѣлахъ нынѣшнихъ Оренбургской и Казанской губерній, на сѣверо-западѣ—въ предѣлахъ Пензенской и Тамбовской губерній, на юго-западѣ—до Азовскаго моря, рѣкъ Сала и Маныча,

на востокѣ и юго-востокѣ—вглубь Киргизскихъ степей до Бухары и Хивы. Подобные набѣги доставляли калмыкамъ богатыя средства къ жизни *).

Такимъ образомъ, путемъ наѣздовъ на сосѣдей, калмыки эксплуатируемый ими край не ограничивали громаднымъ райономъ юго-восточныхъ заволжскихъ степей, гдѣ находились ихъ кочевья и стада, а расширяли до необъятныхъ предѣловъ. Благодаря богатству природныхъ условій для кочеваго скотоводства и искусственному расширенію эксплуатируемой территоріи, калмыки создали для себя условія совершенно оберегавшія ихъ въ національной неприкосновенности вообще и по отношенію къ формамъ труда въ частности, потому что складъ жизни каждаго народа, включая сюда и его занятія и видоизмѣненія въ нихъ, всегда стоитъ въ самой тѣсной связи съ условіями природы и со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ экономическую сторону жизни.

Эти полтора вѣка жизни калмыковъ на правой сторонѣ Волги могутъ быть названы скотоводческо-охотничьимъ періодомъ въ ихъ занятіяхъ. Но такой укладъ жизни нарушился въ послѣднее столѣтіе обитанія калмыковъ въ Европейской Россіи, когда они вытѣснены были на правый берегъ Волги и здѣсь окружены и сжаты кольцомъ осѣдлыхъ поселеній.

Въ появленіи, развитіи, модификаціяхъ и вымираніи формъ труда извѣстнаго населенія, какъ и во всѣхъ явленіяхъ этнографическаго порядка, дѣйствуютъ весьма многочисленныя и чрезвычайно сложныя причины, но въ этомъ лабиринтѣ факторовъ по своей энергіи дѣйствія и опредѣленности вліянія прежде всего выдѣляется такъ называемая жизненная обстановка, которую образуютъ природныя условія и сосѣдственныя взаимодѣйствія. Если по правой сторонѣ Волги и тѣ и другія условія благопріятствовали калмыкамъ къ проживанію исключительно охотою и скотоводствомъ, то съ переходомъ на лѣвый берегъ Волги ихъ жизненная обстановка на столько измѣнилась, что для продолженія національнаго существованія потребовалось существенное измѣненіе въ трудовыхъ формахъ,

Право-бережная степь, которую калмыки заняли болѣе ста лѣтъ назадъ, и которую занимаютъ калмыки и въ наше время лишена по самой природѣ уже тѣхъ условій, какими отмѣченъ выше кочевой районъ на лѣвой сторонѣ Волги столѣтіе назадъ.

На правомъ берегу Волги астраханскіе калмыки занимаютъ своими кочевьями около 7.128,350 десятинъ земли, и все это громадное пространство распредѣляется приблизительно (но какъ maximum) между 26,000

*) Напр. въ 1707 г. калмыки, переправившись на правый берегъ Волги, сожгли болѣе 100 деревень, ограбили нѣсколько тамбовскихъ и пензенскихъ городовъ, увели въ свои кочевья много людей и угнали цѣлыя стада рогатаго скота и табуны лошадей, а потомъ плѣнныхъ продали, или, вѣрнѣе, промѣняли на разные жизненные продукты, на Кубань, въ Персію, Хиву и Бухару.

отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, т. е. на каждое хозяйство падаетъ до 275 дес. Обыкновенно среднею нормою скотоводческаго хозяйства признается 30 дес. пастбищъ пригодныхъ къ ежегодной эксплуатаціи, и слѣдовательно, наличность территоріи калмыцкой степи превышаетъ эту норму болѣе чѣмъ въ восемь разъ. Однако, такая благопріятная казовая сторона совершенно видоизмѣняется при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣйствительностью. Прежде всего въ кочевомъ районѣ калмыковъ болѣе 700,000 десятинъ „черневыхъ“ или „мочажныхъ“ пространствъ по своей природѣ исключаютъ всякую возможность скотоводческихъ хозяйствъ, потомъ въ предѣлахъ эргенской степи значительное и самое плодородное пространство отошло подъ болѣе интенсивное хозяйство въ видѣ табаководства, огородничества, садоводства, земледѣлія и государственнаго лѣсоводства, отчего пастбищный районъ сократился, но главное, въ области степей съ исключительнымъ скотоводческимъ хозяйствомъ, по причинѣ безводности большихъ пространствъ, огромности солончаковыхъ мѣстъ и песковъ пастбищами эксплуатируется безпрерывно изъ года въ годъ сравнительно съ общимъ пространствомъ степей лишь ничтожная часть *). Уже одно это обстоятельство понижаетъ среднюю норму на отдѣльное хозяйство до 55 десятинъ. Но существуютъ среди калмыковъ, кромѣ природныхъ еще и соціально-экономическіе факторы, которыхъ нельзя обойти при изученіи общихъ условій жизни и занятій калмыковъ. Дѣло въ томъ, что плодоносныя земли совершенно неравномѣрно распредѣляются между отдѣльными хозяйствами: хозяйства высшихъ властвующихъ сословій,—нойоно-зайсангскаго и духовенства, а также степныхъ богачей занимаютъ своими стадами по нѣскольку тысячъ десятинъ, пастбищъ, а хозяйствамъ калмыцкой массы остается лишь ничтожное пространство плодоносныхъ районовъ. Если ко всему сказанному прибавить еще агентовъ болѣе случайнаго типа, степныя бѣдствія въ формѣ эпизоотій, засухъ, суровыхъ зимъ, губительно дѣйствующихъ на скотоводческія хозяйства страны, то естественно будетъ придти къ заключенію, что правобережная калмыцкая степь не способна содержать свое кочевое населеніе на счетъ одного скотоводческаго хозяйства.

Охота и рыболовство, какъ промыселъ, должны были исчезнуть среди калмыковъ за бѣдностью и почти отсутствіемъ объектовъ охоты и рыболовства въ районѣ проживанія калмыковъ, охота на людей должна была прекра-

*) Въ самой плодоносной полосѣ степей, на Манычѣ, при выясненіи нормы надѣловъ крещенымъ калмыкамъ всѣ данныя указываютъ на то, что менѣе 60-ти дес. земли не могутъ обезпечить отдѣльныя хозяйства, потому что даже здѣсь около половины пространства не пригодны къ постоянной эксплуатаціи въ видѣ пастбищъ. Сравнительно же съ манычскими степями, центральныя степи въ большей своей части представляютъ пустыни. По мнѣнію Кумо-Манычской экспедиціи изъ общаго пространства всей калмыцкой территоріи слѣдуетъ исключить ровно половину пространства, занятую солончаками, песками и озерами; въ предѣлахъ же центральной степи едва ли 20% земли могутъ быть употребляемы ежегодно подъ выпасъ скота.

титься, потому что калмыки здѣсь оказались окруженными сосѣдями болѣе сильными чѣмъ они, и кромѣ того сосѣдство, сжавъ калмыковъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ, лишило ихъ свободы передвиженія и замкнуло жизнь ихъ на пространствѣ 7.000,000 дес. земли. Какъ ни консервативно бываетъ населеніе въ своихъ традиціонныхъ привычкахъ на той стадіи культуры, на которой стояли, да и стоятъ и теперь еще калмыки, но условія жизни насильно отрѣшили ту часть населенія для которой степное хозяйство не могло дать средствъ къ существованію, отъ унаслѣдованныхъ формъ труда и заставили искать средствъ къ жизни въ совершенно новыхъ занятіяхъ.

Монгольское племя, вообще оригинальное по своему этнологическому типу и склонное къ созданію самостоятельной культуры, чему доказательство даетъ китайская цивилизація, способно относительно быстро приспособляться къ измѣняющимся жизненнымъ условіямъ и вводить формы труда, наиболѣе согласныя съ жизненною обстановкою и наиболѣе экономически-выгодныя.

Примѣръ такого измѣненія занятій можно наблюдать на бурятахъ, наиболѣе родственныхъ астраханскимъ калмыкамъ. Буряты не только продолжаютъ держаться (въ мѣстахъ удобныхъ для этого) скотоводческаго хозяйства, но занимаются еще и звѣринымъ промысломъ, ведутъ хлѣбопашество. Они обладаютъ многочисленными табунами лошадей, стадами верблюдовъ и рогатаго скота, но въ то же время, въ округахъ плодоносныхъ, они производятъ столько хлѣба, что часть его продаютъ на мѣстѣ или сплавляютъ по Ангарѣ на золотые пріиски въ Енисейскую губернію; многіе изъ нихъ завели торговлю, среди другихъ развитъ ремесленный трудъ: они производятъ кожи, сѣдла, телѣги, сани, есть даже между ними плотники, которые строятъ дома русскимъ. Подобныя явленія наблюдаются и въ жизни астраханскихъ калмыковъ. У послѣднихъ, по мѣрѣ исчезновенія условій для существованія и обогащенія привычными имъ видами труда—скотоводствомъ, охотою на звѣрей и сосѣдей, зарождается и послѣдовательно ростетъ стремленіе къ отысканію новыхъ, болѣе приспособленныхъ формъ труда и видовъ занятій.

Это стремленіе калмыковъ подъ вліяніемъ тѣхъ же факторовъ—естественныхъ особенностей страны и сосѣдственной среды, приняла, по крайней мѣрѣ въ наше время, два направленія: а) измѣненіе способовъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ обитаемой территоріи и б) расширеніе эксплуатируемаго района путемъ приложенія своихъ силъ за предѣлами ихъ постояннаго обитанія. Исторически послѣднее направленіе предшествовало первому и отлилось въ форму отхожихъ промысловъ, довольно разнообразнаго вида.

Присутствіе населенія съ отхожимъ заработкомъ наблюдается между астраханскими калмыками уже съ первыхъ моментовъ обитанія ихъ на правой сторонѣ Волги, и въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія калмыковъ, нани-

мающихся на сторону, считали уже до 10,000. Въ наше время отхожіе промыслы среди калмыковъ, сравнительно съ сороковыми годами, не пали, а увеличились. Судя по одной выдачѣ билетовъ калмыкамъ на сторону (Прилож. № 10) въ 1885 г. изъ степи уходило на заработки 13,8% населенія, или около 56,3% всего мужскаго рабочаго населенія степи; изъ этого общаго количества рабочихъ центральная степь дала 19,2% своихъ обитателей, Эргенская—24,1%, а Мочажная—69,2%.

Несомнѣнно, цифры 1885 г. имѣютъ лишь относительное значеніе, потому что контингентъ отхожихъ рабочихъ изъ года въ годъ колеблется, то повышаясь, то падая въ количествѣ (Прилож. № 10, табл. II), и такое колебаніе регулируется не запросомъ на рабочія руки, а исключительно благопріятными или пагубными послѣдствіями прожитаго года къ скотоводческому хозяйству: сухое безтравное лѣто, суровая зима, жестокая эпизоотія—обѣдняютъ въ степи скотоводческія средства, лишаютъ массу семей скота и гонятъ рабочихъ изъ этихъ семей на работы за предѣлы степи; обратныя явленія сокращаютъ потребность въ отхожихъ заработкахъ. Но во всякомъ случаѣ всѣ подобныя колебанія совершаются не въ предѣлахъ большихъ величинъ, и потому данныя одного года, напр. 1885 г. не теряютъ своей общей характеристичности. Формы отхожихъ занятій опредѣлились, главнымъ образомъ, характеромъ требованій за предѣлами степей.

На грани калмыцкихъ степей, въ мѣстахъ осѣдлыхъ поселеній (русскихъ, татаръ. нѣмцевъ) калмыцкіе рабочіе въ наше время встрѣчаются всюду и при разнообразныхъ работахъ: они и перевозчики на рѣкахъ, и кучера на почтовыхъ станціяхъ, и землекопы, и косари, и простые чернорабочіе; но главное ихъ занятіе за предѣлами степи—это пастушеское занятіе и рыболовный трудъ; изъ 12,800 рабочихъ 1885 года, взявшихъ билеты, 6.359 были законтрактованы въ неводные рабочіе (Прилож. № 11, табл. I примѣч.), а остальная половина уходитъ преимущественно на работу пастушескаго характера. (Прилож. № 13, табл. и примѣч.).

Пастухи, уходя на заработки за предѣлы степи, откочевываютъ обыкновенно со своими семьями въ своихъ же кибиткахъ, а потому и по скотоводческому занятію, и по обстановкѣ они продолжаютъ жизнь, хотя и внѣ степи, внѣ единенія съ національной массой,—но въ привычной и излюбленной имъ формѣ. Совершенно въ другія условія становятся калмыки при работахъ на рыбныхъ промыслахъ, гдѣ и природа, и трудъ, и пища, и самая обстановка жизни—все новое, ничего общаго не имѣющее съ жизнью кочевника, и потому фактъ появленія степняковъ-скотоводовъ въ видѣ рыболовныхъ рабочихъ весьма знаменателенъ въ жизни калмыковъ и важенъ не потому только, что говоритъ объ экономическомъ безсиліи страны содержать свое населеніе, но интересенъ еще съ чисто этнографической точки зрѣнія,

такъ какъ въ рыболовномъ занятіи калмыковъ представляется возможность наблюдать проявленіе трудовыхъ способностей калмыковъ и ихъ жизненной энергіи.

Слѣды рыболовныхъ занятій у астраханскихъ калмыковъ можно отмѣтить въ самый ранній періодъ ихъ европейской жизни, и отчетливо уже въ началѣ прошлаго столѣтія (П. С. З. 1787 г., т. X, № 7359), но въ это время рыболовство имѣло еще характеръ вольнаго, хотя и хищническаго промысла, наравнѣ съ другими формами охоты, съ отгономъ скота или набѣгами на сосѣдей; собственно же рыболовныхъ рабочихъ на промысловыя ватаги калмыцкія степи стали выбрасывать въ концѣ XVIII столѣтія и съ того времени контингентъ рабочихъ послѣдовательно растетъ. Въ 1803 г. на рыболовныя ловли было нанято 300 калмыковъ *), а въ 1849 г. на рыбныхъ промыслахъ работало уже 8,258 калмыковъ **), въ 1885 же году считалось однихъ неводныхъ рабочихъ 6359 (Приложеніе № 11, таблица I и примѣч.); между тѣмъ между калмыками находится много промысловыхъ рабочихъ и вольныхъ ловцовъ. На астраханскихъ промыслахъ въ послѣднее, по крайней мѣрѣ, время русское населеніе является исключительно почти въ видѣ „промысловыхъ“ рабочихъ, и составъ „неводныхъ рабочихъ наполняется главнымъ образомъ инородцами — татарами, киргизами и особенно калмыками. При этомъ калмыки не разбиваются между многочисленными рыбопромышленниками, а группируются на промыслахъ сравнительно не большой ихъ части. Извѣстно, что въ распредѣленіи рабочихъ между предпринимателями всегда играетъ роль сила капитала: чѣмъ крупнѣе предприниматель, чѣмъ онъ независимѣе поставленъ въ финансовомъ отношеніи, тѣмъ онъ обыкновенно больше предъявляетъ требованій къ работамъ и тѣмъ съ большею разборчивостью подбираетъ ихъ. Какъ сказано выше, калмыки распредѣляются между ограниченнымъ числомъ всѣхъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ, именно между наиболѣе крупными и сильными изъ нихъ (Прилож. № 11, табл. II и примѣч.). Очевидно, что работодатели признаютъ достоинство рыболовнаго труда калмыковъ и предпочитаютъ ихъ рабочимъ другихъ народностей, не исключая и русскихъ, которыми довольствуются болѣе мелкіе рыбопромышленники.

Захватъ калмыковъ на работу вызываетъ даже своего рода конкурренцію между рыбопромышленниками, чему доказательство можно найдти въ самомъ текстѣ контрактовъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ характерныхъ выраженіяхъ формулированы были въ 1885 г. условія съ калмыцкими рабочими въ контрактахъ рыбопромышленника Сагирова (Прилож. № 11 табл. VIII—2): „плата: неводчикъ получаетъ 22 руб., пятчикъ 20 р., рабочіе по 18 р., а окончательно дороже однимъ рублемъ, чѣмъ будетъ у Сапожникова; на

*) Калм. степь Астрах. губ. по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи 1868 г. стр. 141.
**) Баронъ Бюллеръ «Инородцы Астрах. губ.» гл. IV, стр. 98.

пищу по два полумѣрныхъ леща на человѣка въ сутки (у Сапожникова по одному)... въ задатокъ неводчикъ получаетъ по 15 р., пятчикъ по 12 р., рабочіе по 10 р., а если у Сапожникова задатки будутъ выше, то и намъ доплатить; „считать также и цѣну противъ братьевъ Хлѣбниковыхъ выше на 1 рубль“. Если принять во вниманіе, что рыбопромышленники Сапожниковъ и братья Хлѣбниковы – наиболѣе богатыя и сильныя фирмы въ астраханскомъ рыболовномъ районѣ, имѣютъ на своихъ промыслахъ 70% изъ общаго числа калмыцкихъ рабочихъ (Прилож. № 11 табл. II), то наличность борьбы между предпринимателями изъ-за калмыцкихъ рабочихъ достаточно очевидна, а вмѣстѣ съ тѣмъ очевидна цѣнность калмыцкаго труда, создающаго эту борьбу. На тоже указываютъ потомъ система и размѣръ задатковъ, получаемыхъ калмыками при заключеніи контрактовъ. Такъ въ 1885 г. въ задатокъ было выдано (Прилож. № 11 табл. Ia):

33%	заработной	платы	по	1-му	контракту;
35%	„	„	„	—	„
59%	„	„	„	—	„
62%	„	„	„	21	„
63%	„	„	„	1	„
66%	„	„	„	8	„
67%	„	„	„	5	„
68%	„	„	„	4	„
69%	„	„	„	77	„
73%	„	„	„	39	„
74%	„	„	„	4	„
76%	„	„	„	2	„
78%	„	„	„	22	„
79%	„	„	„	13	„

Изъ этой таблицы видно, что задатки отъ 33% до 59% заработной платы собственно представляютъ исключеніе; нормальными же задатками можно считать отъ 62% до 79% заработной платы. При этомъ наблюдается еще весьма характерное явленіе, что въ весенній періодъ лова, когда на промыслахъ бываетъ особенно большой запросъ на рабочихъ, задатки калмыкамъ бываютъ меньше, именно въ среднемъ выводѣ 68% платы, а въ лѣтній періодъ, когда запросъ на рабочихъ понижается, задатки увеличиваются до 73% (Прилож. № 11 табл. II). Въ области отношеній капитала къ труду задатки, выдаваемые предпринимателями рабочимъ, указываютъ, что предложеніе рабочихъ рукъ менѣе спроса на нихъ, и чѣмъ рѣзче разница въ предложеніи и спросѣ, тѣмъ задатокъ бываетъ выше и на оборотъ. Въ нашихъ фабричныхъ районахъ, напримѣръ, контингентъ

рабочихъ всегда выше потребности, и здѣсь совершенно не бываетъ задатковъ. Можно даже намѣтить промышленныя предпріятія, гдѣ рабочіе даютъ задатокъ предпринимателю, какъ это практикуется въ артеляхъ плотниковъ, каменьщиковъ, извощиковъ и пр. Но вообще трудно подыскать въ промышленности аналогичное съ наблюдаемымъ въ рыбопромышленности предпріятіе, при которомъ рабочіе получали бы въ задатокъ до 79% заработной платы. Нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что калмыки, мѣняющіе привычную жизнь въ степи на тяжелый трудъ неводнаго рабочаго, крайніе бѣдняки, не представляющіе своимъ хозяйственнымъ инвентаремъ никакой имущественной гарантіи рыбопромышленникамъ, и что случаи потерь задаточныхъ денегъ—фактъ заурядный *). Несомнѣнно, выдача при подобныхъ условіяхъ калмыкамъ въ задатокъ почти всей заработной платы констатируетъ нужду, интересъ рыбопромышленниковъ именно въ калмыцкихъ рабочихъ, а въ связи съ этимъ отмѣченное выше явленіе сосредоточенія калмыковъ на промыслахъ наиболѣе сильныхъ предпринимателей указываетъ на серьезныя достоинства труда калмыка.

Достоинства калмыцкаго труда разнообразны и очевидны. Астраханское рыболовство не имѣетъ опредѣленнаго контингента русскихъ рабочихъ, а довольствуется пришлыми рабочими изъ разныхъ отдаленныхъ губерній, проводящими въ Астраханской губерніи лишь время лова и ежегодно мѣняющимися въ своемъ составѣ. Сравнительно съ этими рабочими, калмыки имѣютъ за собой вѣковую практику: болѣе столѣтія они занимаются уже рыболовнымъ трудомъ, и можно встрѣтить, особенно въ Яндыковскомъ улусѣ, семьи, которыя даютъ ватажныхъ рабочихъ уже нѣсколько поколѣній. Не мало также есть семей, которыя высылаютъ не однихъ взрослыхъ рабочихъ, но и подростковъ на ватаги, гдѣ они работаютъ сначала въ видѣ „кобеня“—кошевара, потомъ принимаютъ постоянно участіе въ неводной тягѣ (причемъ рыбопромышленники считаютъ двухъ несовершеннолѣтнихъ за одного взрослаго по платѣ), и такимъ образомъ проходитъ своего рода школу ватажнаго труда. Естественно, что за калмыками рабочими всегда стоитъ опытъ, знаніе и умѣніе рыболовнаго дѣла, но кромѣ этого за ними традиціей признается еще и выносливость въ работѣ. Послѣднюю черту признаютъ всѣ наблюдатели ватажнаго труда калмыковъ. Баронъ фонъ-Бюллеръ, наблюдавшій калмыковъ въ 40-хъ годахъ, говоритъ, что „привычка къ суровой жизни, крѣпость тѣла, способность переносить тяжелые труды и всякаго рода лишенія дѣлаютъ изъ калмыковъ самыхъ надежныхъ и неутомимыхъ работниковъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ и солеломняхъ“. („Инородцы Астрах. губ.“ гл. IV стр. 97). Анологичное мнѣніе высказано было и

*) «Калмыцкая степь Астраханской губ. по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи» стр. 142.

Костенко („Калм. степь Астрах. губ. по изслѣд. Кумо-Манычской экспедиціи“ гл. III стр. 147) въ 60-хъ годахъ. Ничего другаго нельзя услышать о неводныхъ рабочихъ изъ калмыковъ и теперь: и рыбопромышленники, и попечителя улусовъ, и частные наблюдатели—указываютъ на выносливость калмыковъ въ тяжелой работѣ, сравнительно съ рабочими другихъ народностей. Другая черта, которая усиливаетъ цѣнность труда калмыцкихъ рабочихъ—это безпрерывность работы. Средняя продолжительность весенней путины 82 дня, а осенней—128 дней (Прилож. № 11, табл. Iб). На весеннюю путину у рабочихъ православнаго вѣроисповѣданія вакантныхъ отъ работы дней приходится: 11 воскресныхъ дней, семь дней Пасхи и не меньше 3-хъ дней другихъ праздниковъ или всего: 82—20 дней=около 62 рабочихъ дней и около 20 дней праздничныхъ, или, въ общемъ, $^1/_4$ путины не рабочая. Нѣсколько менѣе нерабочихъ дней у татаръ и киргизъ—магометанъ. У ламаитовъ же калмыковъ праздниковъ во весь рыболовный сезонъ бываетъ только три дня. По религіи ламаитовъ вообще праздничные дни имѣютъ всегда характеръ церковныхъ торжествъ, и для простолюдиновъ отмѣчаются лишь участіемъ ихъ въ общественныхъ богослуженіяхъ и пріемомъ гостей, поэтому свободою отъ работъ пользуются лишь тѣ калмыки, которые фактически участвуютъ въ общественномъ богослуженіи, именно отправляются въ дни праздниковъ въ монастыри (хурулы), остальное же населеніе не нарушаетъ ничѣмъ своей обыденной жизни,—такъ что у рабочихъ калмыковъ почти не бываетъ въ теченіи года свободныхъ отъ работы дней, за исключеніемъ семейныхъ торжествъ: родинъ, свадебъ, похоронъ и пр. и двухъ—трехъ годовыхъ праздниковъ, поэтому совершенно понятно, что неводные рабочіе изъ калмыковъ имѣютъ во всю путину только дня три отдыха. Рыбопромышленникамъ такая особенность у калмыцкихъ рабочихъ весьма выгодна, и они всегда гарантированы, что при калмыцкихъ рабочихъ не можетъ быть пропущенъ удобный моментъ лова, чего нельзя ожидать, напр., при русскихъ рабочихъ, которые дни Пасхи, Троицы и др. не станутъ работать ни за какую плату, тогда какъ успѣхъ цѣлаго сезона иногда зависитъ отъ улова нѣсколькихъ дней. Помимо всего остального калмыцкіе рабочіе удобны и выгодны для рыбопромышленниковъ по скромности и дешевизнѣ ихъ нищеваго довольствія: по контрактнымъ условіямъ хозяева даютъ калмыцкимъ рабочимъ печеный хлѣбъ, калмыцкій чай въ плиткахъ и пшена, и дозволяютъ употреблять въ пищу малоцѣнную въ торговомъ отношеніи рыбу: тарань, сопу (Прилож. № 11, табл. IV), и иногда еще полумѣрныхъ лещей, и все довольствіе отдѣльнаго рабочаго обходится въ путину около 6 рублей или около 7 коп. въ день (Примѣчаніе къ прилож. № 11), и кромѣ выдачи ежедневно хлѣба никакихъ заботъ хозяева о калмыцкихъ рабочихъ не имѣютъ: они сами готовятъ себѣ калмыцкій

чай, сами заботятся не только о варенін пищи, но даже и о топливѣ для этого, и только болѣе крупные рыбопромышленники, какъ Сапожниковъ, по условію принимаютъ на себя половину топлива (на морскихъ ловахъ дрова доставляются хозяевами). Наконецъ, къ числу весьма важныхъ для предпринимателей особенностей калмыцкихъ рабочихъ должна быть отнесена низкая оцѣнка труда: суточная плата калмыцкому рабочему 30—31 коп. во время рыболовнаго сезона, т. е. въ своего рода страду астраханскаго края (Прилож. № 11, табл. Iб и примѣч.). Такая плата не только въ нѣсколько разъ ниже средняго уровня рыночной цѣны на рабочихъ въ это время въ астраханской губ., но даже ниже суточной платы мужч. рабочаго въ зимнее время, когда спросъ на рабочаго падаетъ до minimum'а.

Низкая заработная плата при исторически отмѣченныхъ достоинствахъ калмыцкаго труда—явленіе весьма оригинальное. При нормальномъ порядкѣ плата опредѣляется главнымъ образомъ тремя факторами: выгодностью предпріятія, потребностью въ рабочихъ рукахъ и достоинствами рабочихъ. Всѣ эти условія въ астраханскомъ рыболовствѣ на лицо: рыболовное дѣло даетъ предпринимателямъ годами чрезвычайно высокій % прибыли на затраченный капиталъ; въ періодъ лова рыночная цѣна на рабочія руки выростаетъ въ нѣсколько разъ противъ средней годовой платы, калмыцкіе рабочіе наиболѣе продуктивные среди другихъ рабочихъ, и притомъ ихъ ограниченное количество: калмыки, могущіе найти себѣ пропитаніе самое скромное, не идутъ изъ степи ни на какую работу и ни за какую плату; уходитъ изъ степи лишь совершенно безсильная экономически бѣднота, и можно съ увѣренностью сказать, что ежегодное требованіе на рабочихъ изъ калмыковъ на промыслы превышаетъ предложеніе рабочихъ рукъ, и несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что все количество рабочихъ изъ калмыковъ изъ года въ годъ находитъ себѣ работу. Вообще очевидныя преимущества при наймѣ за калмыками, а между тѣмъ въ дѣйствительности эти преимущества обращаются на пользу рыбопромышленникамъ: калмыки несутъ тяжелый трудъ, высоко цѣнимый предпринимателями, за сравнительно ничтожную плату. Очевидно, что здѣсь наблюдается явленіе весьма сложное по своимъ причинамъ. Къ сожалѣнію для полнаго изслѣдованія вопроса нѣтъ матеріала, и приходится отмѣтить лишь болѣе рѣзкія данныя по нему.

Калмыки исторически сроднились съ однообразнымъ просторомъ степи, съ рабской покорностью передъ судьбой и сильными небеснаго и земнаго міровъ, съ монотонными, апатичными формами труда. Выходъ для калмыковъ изъ такой, излюбленной ими среды можетъ быть лишь результатомъ крайней необходимости, когда предстоитъ выборъ между голодною смертью въ степи и уходомъ на заработокъ за ея предѣлы. Выходя изъ степи, калмыки охотнѣе всего пристраиваются съ болѣе сроднымъ имъ скотоводческимъ хозяй-

ствамъ, въ видѣ пастуховъ, и даже въ видѣ ямщиковъ на почтовыхъ станціяхъ и пр. Но устроиться на подобныхъ занятіяхъ приходится далеко не всѣмъ. Въ сосѣдствѣ съ кочевою степью пастушескій трудъ служитъ заработкомъ не для однихъ астраханскихъ калмыковъ: въ пастухи идутъ еще и киргизы — по лѣвому берегу Волги, а по правому калмыки Ставропольскіе и Донскіе; потомъ астраханскіе калмыки никогда не уходятъ далеко отъ предѣловъ степи, отчасти по своей привязанности къ родинѣ, отчасти задержки въ опредѣленной мѣстности способствуютъ внѣшнія условія и искусственныя мѣры: законъ, недозволяющій отлучекъ болѣе, чѣмъ на полгода, рабовладѣльческія отношенія калмыковъ, въ силу которыхъ совершенно не въ интересахъ рабовладѣльца (нойона, зайсанга), чтобы выходящіе изъ степи калмыки уклонялись отъ платежей въ ихъ пользу („албаны“) и также ламаитскаго духовенства, весьма естественно стремящагося не упускать изъ виду своихъ кормильцевъ. Сосредоточеніе калмыковъ, уходящихъ на заработки, за предѣлы степи, въ ближайшихъ окрестностяхъ ея, создаетъ то невыгодное для калмыковъ условіе, что запросъ на ихъ скотоводческій трудъ всегда бываетъ меньше предложенія рабочихъ рукъ, и потому остается значительный процентъ рабочихъ калмыковъ, которымъ нѣтъ мѣста въ видѣ пастуховъ и ямщиковъ, и которымъ приходится уже предлагать свой трудъ на такія работы, гдѣ есть на нихъ запросъ.

Собственно запросъ на скотоводческій трудъ калмыковъ существуетъ на западной и сѣверной границѣ степи, по сосѣдству съ калмыками Дербетовскаго улуса, и отчасти еще на сѣверо-восточной границѣ, гдѣ обитаютъ Богоцохуровскіе калмыки; по южной и юго-восточной границѣ степи скотоводческое хозяйство не развито, а есть лишь рыболовство и отчасти соледобываніе, и потому естественно, что калмыки улусовъ, прилегающихъ къ этимъ границамъ (Яндыковскаго, Эркетеневскаго, Мочажнаго и части Богоцохуровскаго, Хошеутовскаго, Харахусовскаго и Икицохуровскаго), не имѣя средствъ жить на счетъ степнаго хозяйства, искони вынуждаются отдавать свой трудъ соледобыванію и рыболовству. Другаго выхода изъ ихъ положенія нѣтъ, и понятно, что безвыходнымъ положеніемъ пользуются прежде всего рыбопромышленники при наймѣ калмыцкихъ рабочихъ. Въ интересахъ рыбопромышленниковъ успѣлъ уже создаться и приспособиться спеціальный органъ въ формѣ калмыковъ-подрядчиковъ. Рыбопромышленники ни при наймѣ рабочихъ калмыковъ, ни во время работы, ни при окончательномъ разсчетѣ не вступаютъ въ непосредственныя отношенія съ рабочими калмыками, а имѣютъ дѣло съ ними черезъ ихъ подрядчиковъ. Въ 1885 году такихъ калмыцкихъ подрядчиковъ было въ обѣ путины 606 при 8,634 простыхъ рабочихъ, или на каждаго подрядчика приходилось около 14 рабочихъ. 14 рабочихъ — это нормальный комплектъ неводной партіи (при неводѣ полагалось отъ 12 до 18 рабочихъ).

Собственно подрядчики при неводныхъ работахъ могутъ быть по своему характеру отождествлены съ тѣмъ, выработаннымъ у насъ типомъ подрядчика, который, являясь посредникомъ между предпринимателями и рабочими, становится для послѣднихъ хозяиномъ въ полномъ смыслѣ слова и беретъ работу, справляясь лишь со своими интересами, безъ всякаго отношенія къ платимой имъ цѣнѣ рабочимъ, располагаетъ совершенно трудомъ заподряженныхъ имъ рабочихъ, не участвуя самъ въ немъ и пр. Напротивъ, калмыцкій подрядчикъ обыкновенно работаетъ на ряду со своей артелью, каждый членъ которой получаетъ плату, условленную въ контрактѣ съ самимъ хозяиномъ, хотя и черезъ подрядчика. Для болѣе вѣрнаго опредѣленія природы калмыцкаго подрядчика необходимо различать нѣсколько моментовъ или фазъ въ его дѣятельности: а) первая фаза дѣятельности до начала работъ на ватагахъ, б) вторая—періодъ работъ и в) третья—по окончаніи работъ. Въ первую фазу калмыцкій подрядчикъ можетъ быть опредѣленъ скорѣе всего, какъ довѣренное лицо или прикащикъ рыбопромышленника. Такъ или иначе, сдѣлавшись извѣстнымъ тому или другому предпринимателю, какъ человѣкъ, знающій неводную работу и какъ лицо, заслуживающее довѣрія, подрядчикъ, заручившись согласіемъ рыбопромышленника принять на работу имѣющую составиться артель неводныхъ рабочихъ и условившись въ вознагражденіе за свое посредничество, подыскиваетъ группу калмыковъ, могущихъ ему довѣриться и удовлетворяющихъ требованіямъ рыбопромышленниковъ. Благодаря знанію степной жизни и семейно-экономическихъ обстоятельствъ калмыковъ, подрядчикъ легко исполняетъ первую часть своей задачи: вербуетъ изъ калмыцкой бѣдноты, которую нужда гонитъ на заработки, комплектъ неводныхъ рабочихъ, выправляетъ съ ихъ согласія билеты на отлучку для заработковъ въ улусномъ правленіи, вручаетъ эти билеты, какъ залогъ, хозяину, заключаетъ контрактъ съ нимъ подъ свою отвѣтственность за исправность членовъ сформированной имъ артели, получаетъ для себя и для каждаго члена артели задаточныя деньги, возвращается въ степь и раздаетъ тамъ задатки по принадлежности. Хотя въ контрактахъ, заключаемыхъ подрядчикомъ съ рыбопромышленниками первые и выступаютъ какъ-бы отвѣтственными лицами передъ хозяевами, но въ дѣйствительности отвѣтственность они несутъ едвали больше, чѣмъ другіе рабочіе: во первыхъ, сами подрядчики бываютъ настолько имущественно несостоятельны, что гарантія ихъ передъ хозяиномъ можетъ быть чисто фиктивная, а во вторыхъ, отвѣтственность за неаккуратность распространяется на всѣхъ тѣхъ калмыковъ, которые передали свои билеты на отлучки черезъ подрядчиковъ. Съ явкою на работы подрядчикъ является органическимъ членомъ сформированной имъ неводной артели, хотя и старшимъ, такъ какъ онъ почти всегда является въ артели

въ роли неводчика — лица, заправляющаго техникою рыболовнаго дѣла, и единственная отвѣтственность, отдѣльная отъ другихъ членовъ артели, заключается въ томъ, что онъ озабочивается замѣнять неявившихся на работы своихъ артельщиковъ или выбывшихъ изъ нихъ (по болѣзни, за смертію или просто вслѣдствіе побѣга) новыми; въ остальныхъ же всѣхъ случаяхъ передъ хозяиномъ является отвѣтственной или артель, которая платитъ сообща за пропускъ тони, за утрату въ неводномъ инвентарѣ и пр., или же каждый изъ членовъ артели самъ за себя, напр. въ случаяхъ прогуловъ, потери обуви и пр.

Съ окончаніемъ работъ подрядчикъ возвращается въ степь и живетъ тамъ до слѣдующаго рыболовнаго сезона, когда онъ, если посчастливится, выступитъ снова въ роли подрядчика, или же вступитъ въ артель рядовымъ рабочимъ. Обыкновенно подрядчиками выступаютъ тѣ изъ неводныхъ рабочихъ, которые изъ года въ годъ ходятъ на неводныя работы, пріобрѣли опытность и знаніе дѣла, и потому они, если и не выступятъ въ роли подрядчиковъ, то получаютъ положеніе неводчиковъ, кормщиковъ, носовщиковъ и вообще лицъ въ неводной артели съ техническими знаніями, хотя бываютъ случаи, что при работѣ подрядчики занимаютъ и положеніе простаго неводнаго рабочаго. Отступленіе отъ обрисованнаго выше типа подрядчика можно указать, хотя и рѣдко. Нѣкоторые калмыки занятіе подрядчика съумѣли сдѣлать для себя выгодной статьей дохода, вербуютъ рабочихъ не для одной неводной артели, а для нѣсколькихъ. Но сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что подрядчикъ въ теперешнемъ видѣ явленія временное, не сформировавшееся и способное отлиться и въ типичныя формы русскаго кулака подрядчика, и въ представителя интересовъ калмыцкой массы. Впрочемъ, уже и теперь замѣтно перерожденіе калмыцкаго подрядчика въ шаблонный типъ: такъ калмыки, приводящіе на промыслы болѣе одного неводнаго комплекта рабочихъ, напр. 60 человѣкъ, являются по тексту контрактовъ лично и имущественно отвѣтственными передъ рыбопромышленниками не за одинъ неприводъ рабочихъ, но и за нарушеніе условій при самой работѣ, тогда какъ вообще у калмыцкихъ подрядчиковъ во время работъ отвѣтственна вся неводная артель, а не одни подрядчики.

Способъ найма неводныхъ рабочихъ изъ калмыковъ черезъ подрячиковъ и путемъ громадныхъ задатковъ несомнѣнно выгоденъ для рыбопромышленниковъ: они безъ всякаго труда и тратъ кромѣ ничтожной приплаты подрядчикамъ (Прилож. № 11, табл. Ia) стягиваютъ калмыцкую бѣдноту на промыслы по низкимъ цѣнамъ, и кромѣ того создаютъ послѣдовательно и систематично среди калмыцкаго населенія рыбопромышленный классъ рабочихъ, лишенныхъ свободы въ выборѣ не только труда, но даже и предпри-

нимателя. Поставленные бѣдностью своего скотоводческаго хозяйства въ невозможность существовать въ степи безъ заработка на сторонѣ, неподготовленные степною жизнью ни къ какому труду, требующему техническихъ знаній и обитая въ краѣ, гдѣ существуетъ, да и то въ лѣтній періодъ года лишь, спросъ на рабочихъ рыбопромышленниками и соледобывателями, обѣднѣвшіе калмыки естественно стремятся всячески неостаться безъ работы въ періодъ усиленнаго спроса на рабочія руки въ астраханскомъ краѣ. Низкій уровень развитія сравнительно съ русскими рабочими, которые съ открытіемъ навигаціи являются массами изъ верховыхъ губерній въ Астрахань съ предложеніемъ своего труда, непониманіе своего значенія, какъ основной рабочей силы въ рыболовномъ дѣлѣ, а отчасти незнаніе языка, оригинальности религіозныя и бытовыя—непозволяютъ калмыкамъ непосредственно конкуррировать съ русскими рабочими на астраханскомъ рынкѣ, и они, понятно, отдаются въ руки посредниковъ—подрядчиковъ, въ лицѣ которыхъ они видятъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ и при которыхъ они въ жизни внѣ степи могутъ удовлетворять до извѣстной степени свои національныя потребности и степныя привычки въ пищѣ, въ языкѣ и въ повседневной жизни.

Не малымъ, конечно, стимуломъ при наймѣ въ неводные рабочіе служитъ для калмыковъ и задатокъ и размѣръ его: онъ дозволяетъ во время нахожденія въ работѣ обезпечить остающіяся въ степи семьи и снарядить себя для неводной работы. Между тѣмъ большіе задатки при низкой задѣльной платѣ главнымъ образомъ и служатъ къ закабаленію рабочихъ. Дѣло въ томъ, что получивъ за свой трудъ плату и затративъ ее частію на обезпеченіе своихъ семей, частію на себя въ періодъ работы, когда при сырости и грязи особенно изнашивается одежда, неводные рабочіе къ разсчету, при лучшемъ исходѣ, получаютъ на руки рубля по два, по три, или уходятъ безъ долга; но заурядное явленіе, что они уходятъ по окончаніи работы оставаясь въ долгу у рыбопромышленниковъ за утерянный или испорченный рыболовный инвентарь, по наложеннымъ штрафамъ, по забраннымъ изъ ватажныхъ складовъ предметамъ пищи и одежды. Такимъ образомъ неводные рабочіе, возвращаясь съ работъ въ степь, остаются въ положеніи болѣе невыгодномъ, чѣмъ въ какомъ они находились до найма: скота въ ихъ хозяйствѣ не прибавилось, запасовъ на продовольствіе и одежду тоже, новаго заработка не предвидится, и потому зимній періодъ неводные рабочіе по необходимости живутъ на счетъ будущихъ задатковъ, входя въ долги у мѣстныхъ степныхъ торговцевъ за муку, кирпичный чай и пр. (примѣчаніе (д) къ Приложенію № 11).

Естественно, что при подобныхъ условіяхъ для калмыковъ, живущихъ рыболовнымъ заработкомъ, не представляетъ ни какой возможности предъ-

являть при наймѣ на работу особенныхъ требованій, или выжидать отъ рыбопромышленниковъ болѣе выгодныхъ предложеній: перспектива остаться безъ всякаго заработка страшитъ ихъ. Тогда какъ у рыбопромышленниковъ, какъ они ни дорожатъ калмыцкими рабочими и какъ ни нуждаются въ нихъ, всегда есть средства болѣе или менѣе продолжительное время скрыть свое настоящее положеніе: кромѣ услугъ подрядчиковъ, которыхъ задача и личный разсчетъ состоятъ въ обязательномъ организованіи неводной артели, на помощь имъ являются и другія могущественныя средства—это вліяніе зайсанговъ и соглашеніе (хотя бы и молчаливое) между собой рыбопромышленниковъ. Какъ явленія нравственнаго порядка, оба указанныя средства конечно не поддаются, особенно при экскурсивномъ собираніи данныхъ, точному документальному констатированію, но признаки существованія ихъ несомнѣнно наблюдаются повсюду. Зайсанги, будучи лично заинтересованы въ заработкѣ калмыковъ, какъ источникѣ ихъ „албана“ (подати) обладаютъ силою и властію оказывать всегда нравственное давленіе на своихъ „аймачныхъ“ калмыковъ при наймахъ, и этимъ пользуются по крайней мѣрѣ нѣкоторые рыбопромышленники или ихъ повѣренные въ своихъ интересахъ; они поддерживаютъ добрыя отношенія съ зайсангами, подарками, услугами и угощеніями склоняютъ ихъ служить, можетъ быть даже слѣпо, своимъ интересамъ и помогать при наймѣ рабочихъ. Близость нѣкоторыхъ зайсанговъ съ рыбопромышленниками мнѣ приходилось лично наблюдать и слышать, какъ отъ самыхъ калмыковъ, такъ и отъ постороннихъ людей, что въ нѣкоторыхъ аймакахъ наемъ рабочихъ идетъ при прямомъ посредствѣ зайсанговъ. Особенно вліяніемъ зайсанговъ пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе живутъ не въ степяхъ, куда агенты рыбопромышленниковъ не могутъ проникать, а въ мочажныхъ предѣлахъ. Нельзя также упускать изъ виду еще и того обстоятельства, что при наличности крѣпостныхъ отношеній между калмыками и въ силу соціально-экономическаго положенія владѣльческаго населенія, а также въ силу обрядоваго ритуала, аймачные калмыки безъ согласія своего зайсанга, выраженнаго въ той или другой формѣ, едва ли вообще вступаютъ въ какія-либо отношенія съ посторонними степи лицами, и потому сами подрядчики, надобно полагать, агентируютъ не только съ вѣдома, но и съ согласья (корыстно или безкорыстно—это вопросъ) между калмыками. Гораздо болѣе конкретно основаніе другаго, намѣченнаго выше положенія, что при наймѣ калмыковъ въ неводные рабочіе практикуется взаимное согласіе—стачка рыбопромышленниковъ. Не вдаваясь въ детали и болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, достаточно указать на слѣдующій фактъ: въ 1884 году плата неводнымъ калмыкамъ деньгами и пищевымъ довольствіемъ была не одинакова у самыхъ крупныхъ предпринимателей, какъ Сапожниковы, Воробьевы, Хлѣбниковы и проч.; въ 1885 году

устанавливается полное однообразіе въ условіяхъ найма,и во многихъ контрактахъ даже прямо указывается, что плата назначается такая, какъ у Сапожникова; такое единодушіе наблюдается между прочимъ у рыбопромышленниковъ: Сапожниковыхъ, Воробьевыхъ, Хлѣбниковыхъ, Комовыхъ и Новикова (Прилож. № 11, табл. IV). Нѣкоторые рыбопромышленники, какъ указано было выше, напр. Сагировъ, дѣлаютъ попытку конкурренціи, набавляя противъ цѣны перечисленныхъ предпринимателей по 1 рублю въ наемной платѣ, задаткахъ, другіе же, болѣе мелкіе, молчаливо принимаютъ утвержденное Сапожниковыми statu-quo за рыночную цѣну и дѣлаютъ это изъ совершенно понятныхъ побужденій: въ капиталахъ и въ самомъ производствѣ мелкіе промышленники въ астраханскомъ краѣ находятся въ большой зависимости отъ крупныхъ, которые состоятъ распорядителями кредитныхъ учрежденій, занимаютъ наиболѣе видныя мѣста по улову рыбы и принимаютъ, въ случаѣ недостатка своей рыбы, рыбу отъ мелкихъ промышленниковъ, или даютъ, въ случаѣ изобилія, послѣднимъ часть своего улова. Такая зависимость сквозитъ ясно въ контрактахъ болѣе мелкихъ предпринимателей, которые или выжидаютъ, для заключенія контрактовъ, цѣнъ, объявленныхъ Сапожниковыми, или, если контракты съ рабочими заключаются раньше, то прямо оговариваются, что плата назначается такая, какая будетъ объявлена Сапожниковыми. (Прилож. № 11, табл. VIII).

Едва ли отмѣченныя явленія можно понимать иначе, особенно разсмотрѣвъ ихъ въ связи съ текстами контрактовъ, гдѣ всѣ условія охраняютъ исключительно интересы предпринимателей, и въ этомъ отношеніи предусмотрѣны всѣ, даже мелочныя упущенія со стороны рабочихъ, и ничего нѣтъ, что ограждало бы интересы послѣднихъ. (Прилож. № 11, контр. VI и VII). Хозяйскіе интересы въ контрактахъ гарантируются съ одной стороны содѣйствіемъ улусной администраціи (Прилож. № 11, контр. VI и VII), а съ другой — установленіемъ штрафовъ на счетъ заработной платы, при этомъ штрафы гарантируются платою всей неводной артели и даже ихъ имуществомъ, распространяются на всякія упущенія, даже мелочныя, опредѣляются сравнительно съ заработною платою высокою нормою, напр. у рыбопромышленника Сурабекова за неявку въ срокъ, или прогулъ дня съ каждаго рабочаго по 50 к., а у Масленникова даже по 1 р., у Сапожникова за каждую пропущенную тоню 15 р. (между тѣмъ какъ по этимъ же контрактамъ за тоню, сдѣланную противъ условленной нормы, артель получаетъ всего 5 р.); за утрату снасти артель платитъ въ трое противъ ея стоимости; у Сагирова за каждую пропущенную тоню, при ходѣ сельди, платится по 5 р. артелью, и еще съ каждаго человѣка по 5 р. Въ контрактахъ также оговорено не только безпрекословное повиновеніе рабочихъ хозяину и его уполномоченнымъ, но даже вѣжливость въ обращеніи: „рабочіе обязы-

ваются вести себя скромно, дракъ и буйствъ не дѣлать“,—по отношенію же къ рабочимъ контракты только оговариваютъ, что свои недоразумѣнія съ хозяевами они должны представлять на судъ улуснаго управленія, съ условіемъ, однако, что „работу не оставлять, а продолжать, до тѣхъ поръ, пока управленіе рѣшитъ дѣло и найдетъ ихъ правыми,—„если же мы бросимъ работу“—говорится въ контрактѣ Сурабекова отъ лица рабочихъ (Прилож. № 11, контр. VII) „раньше окончанія дѣла, то это будетъ доказательствомъ нашей вины“.

Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью утверждать, что неводныя работы являются не прибыльнымъ подспорьемъ для калмыковъ и не вносятъ въ степь ни капитала, ни довольства. Еще менѣе ничтожно въ благопріятномъ смыслѣ измѣняющее вліяніе неводныхъ работъ на нравственную, интеллектуально-бытовую жизнь калмыковъ: неводныя артели, кромѣ короткихъ періодовъ пріема орудій лова и сдачи ихъ, когда имъ приходится по нѣсколько дней проводить на ватагахъ, въ обществѣ рабочихъ русскихъ, живутъ совершенно изолированно, отдавая все время труду и встрѣчаясь періодически съ тѣмъ или другимъ контролирующимъ ихъ работы представителемъ хозяина (разъѣзднымъ, прикащикомъ и пр.), внутри своей артели они слѣдуютъ, насколько это только возможно согласить съ обстановкой работы, всѣмъ своимъ національнымъ привычкамъ, и даже самую тягу невода сопровождаютъ своей пѣсней, которая слышится повсюду въ районѣ неводной тяги и своимъ монотоннымъ, тягучимъ и печальнымъ мотивомъ наводитъ тоску и на непонимающаго смысла ея. Да правду сказать, въ ватажной жизни, не чуждой разгула и разврата, мало есть такихъ сторонъ, которыхъ вліяніе желательно для степныхъ обитателей, и потому изолированность калмыцкихъ рабочихъ есть собственно для нихъ прямо выгодная сторона дѣла; достаточно уже того, что неводные рабочіе возвращаются въ степи истощенными физически и пораженными лихорадками, что безъ сомнѣнія отражается на потомствѣ ихъ ослабляющимъ образомъ, и хотя медленно, но зато послѣдовательно, разрушаетъ здоровый типъ степныхъ обитателей. Но есть среди калмыковъ довольно многочисленная группа, которая не на мѣсяцы, а на годы, если не навсегда, отрывается отъ степной жизни и обрекается на вліяніе всѣхъ невзгодъ ватажной обстановки. Эта группа калмыковъ, хотя и не можетъ быть вполнѣ слита съ калмыками, живущими отхожими заработками, но близка къ нимъ тѣмъ, что, не найдя средствъ существованія въ степи, переноситъ приложеніе своихъ силъ за ея предѣлы.

Какъ уже не разъ говорилось выше, на неводныя работы уходитъ изъ степи исключительно бѣдная часть калмыцкаго населенія, но бѣдная до извѣстнаго предѣла. Семьи неводныхъ рабочихъ не выкочевываютъ изъ улусныхъ границъ въ степи или въ „черняхъ“, а для того, что-бы это было

возможно, необходимое условіе — наличность скотоводческаго хозяйства, хотя въ скромныхъ размѣрахъ; разъ-же обѣднѣніе падаетъ до полной потери скотоводческаго хозяйства семьи калмыковъ выходятъ за предѣлы степи и начинаютъ жить исключительно на счетъ рыболовнаго заработка, для чего прикочевываютъ къ рыболовнымъ ватагамъ и вокругъ нихъ образуютъ своего рода калмыцкій пролетаріатъ. Число кибитокъ, откочевывающихъ къ ватагамъ, послѣдовательно ростетъ, хотя и неравномѣрно: особенно въ этомъ отношеніи большое вліяніе оказываютъ общія степныя бѣдствія, какъ суровыя зимы (напр. зима 1880—1881 года) или эпизоотія, истребляющія скотъ въ степи и превращающія скотоводовъ въ рыболовныхъ рабочихъ. Въ данное время приватажное калмыцкое населеніе достигло уже значительныхъ размѣровъ, и рѣдкая ватага, по крайней мѣрѣ въ устьяхъ Волги, не имѣетъ около себя постоянно живущихъ калмыцкихъ семей, кормящихся исключительно рыболовными заработками. Каково благосостояніе этихъ калмыковъ, можно понять изъ слѣдующихъ данныхъ, собранныхъ въ 1885 году на мѣстѣ, о калмыкахъ, живущихъ около наиболѣе богатыхъ и наиболѣе благоустроенныхъ промысловъ — „Образцовскаго“ — Сапожникова и братьевъ Воробьевыхъ. 28-го Іюня 1885 г. я засталъ при „Образцовскомъ“ промыслѣ 25 калмыцкихъ кибитокъ, экономическое положеніе которыхъ характеризуется слѣдующими данными: изъ 25 кибитокъ одна, средняго достатка, принадлежала калмыку Икицохуровскаго улуса, который живетъ здѣсь уже 12 лѣтъ и теперь служитъ „солельщикомъ“; у этой кибитки имѣется 4 коровы: изъ остальныхъ кибитокъ въ трехъ — по одной коровѣ, въ одной — коза, а въ прочихъ — скота совершенно нѣтъ. Всѣ кибитки кормятся заработками на промыслахъ, и между прочимъ одна вдова калмычка живетъ съ 9-ти-лѣтнимъ сыномъ, который помогаетъ на кухнѣ; сама-же она шьетъ на ватажныхъ рабочихъ. Есть нѣсколько кибитокъ, которыя, не имѣя рабочихъ на ватагѣ, кормятся тѣмъ, что держатъ „нахлѣбниковъ“: варятъ пищу рабочимъ въ своей кибиткѣ.

Противъ „Образцовскаго“ промысла, на другой сторонѣ Волги, находится промыселъ братьевъ Воробьевыхъ, и при нихъ въ то же время состояло 34 кибитки и 2 полукибитки. Мѣсто кочевки калмыковъ отъ самой ватаги — шаговъ на 300 и представляетъ спорную землю между калмыками и рыбопромышленниками. По словамъ здѣсь кочующихъ калмыковъ, рыбопромышленникъ гонитъ ихъ отсюда каждый разъ, когда они не соглашаются на цѣну, предложенную имъ за работу, и кибитки въ періоды такихъ придирокъ откочевываютъ дальше отъ ватаги, а въ моментъ затишья снова прикочевываютъ, а также, когда послѣ найма ихъ на работы рыбопромышленники ласкаютъ, задабриваютъ калмыковъ. Здѣсь кочуютъ калмыки разныхъ улусовъ, но главнымъ образомъ Яндыковскаго, Харахусовскаго и Эркетеневскаго; нѣкоторыя изъ кибитокъ кочуютъ здѣсь уже болѣе 50 — это

калмыки Яндыковскаго улуса; Харахусовцы же и Эркетеневцы прикочевали сюда преимущественно 3—4 года назадъ, разорившись въ степи главнымъ образомъ въ суровую зиму 1880 года. Скота въ трехъ кибиткахъ: по 2 коровы, въ 4 — по одной: у нѣкоторыхъ есть овцы и козы. Большинство здѣшнихъ калмыковъ—ватажные рабочіе, но есть и вольные ловцы. Послѣдніе работаютъ у Сапожникова, Воробьева, Иванова и Бремзена. Для нѣкоторыхъ семей рыболовство сдѣлалось уже наслѣдственнымъ занятіемъ. Дѣти „вольныхъ ловцовъ" начинаютъ помогать своимъ отцамъ съ 12—13 лѣтъ, у ватажныхъ дѣти съ 12-ти лѣтъ нанимаются на ватажныя кухни, а съ 15 ти лѣтъ идутъ уже въ неводную тягу. Что касается женщинъ, то и онѣ, хотя и не всѣ, ходятъ тоже на ватаги рѣзать рыбу. Условія жизни калмыковъ, кочующихъ по ватагамъ, самыя неблагопріятныя въ гигіеническомъ отношеніи, и это всего лучше видно на смертности дѣтей. Въ кибиткахъ на Образцовскомъ промыслѣ, напр. рѣдко-гдѣ болѣе одного ребенка, многія кибитки совсѣмъ безъ дѣтей, что объясняется не скудостью рожденій, а большой смертностью. Въ одной изъ здѣшнихъ семей въ теченіи послѣднихъ шести—семи лѣтъ умерло 10 дѣтей, и развитіе диссентеріи стоитъ въ прямой зависимости отъ исключительной пищи ватажныхъ калмыковъ—рыбы. Можно думать вообще, что приватажное калмыцкое населеніе, хотя послѣдовательно и увеличивается, но только этотъ ростъ идетъ не насчетъ рождаемости, а исключительно на счетъ прилива изъ степи.

Отхожіе промыслы во всѣхъ видахъ рыболовныхъ рабочихъ, пастуховъ, перевозчиковъ и пр. коснулись преимущественно бѣднѣйшей части калмыцкаго населенія, болѣе же состоятельная группа въ приспособленіи къ новымъ условіямъ природы и сосѣдственной среды приняла другое направленіе, улучшеніе своего скотоводческаго хозяйства, и тамъ, гдѣ позволяла естественная обстановка—измѣненіе даже формы хозяйства и видовъ труда. Природныя условія калмыцкихъ степей, благопріятныя для другаго труда, кромѣ скотоводческаго, встрѣчаются лишь на южной и сѣверо-западной окраинѣ и здѣсь то наблюдается замѣна скотоводческихъ занятій другими формами труда. Въ Мочажныхъ окраинахъ степи калмыки постепенно и послѣдовательно обращаются къ рыболовству, какъ основному труду, сдѣлали его своимъ постояннымъ занятіемъ, и въ самой бытовой обстановкѣ произвели уже замѣтныя измѣненія въ силу приспособленія къ новымъ условіямъ жизни, чѣмъ и отдѣлились довольно рѣзко отъ степныхъ калмыковъ. Калмыки-рыболовы обитаютъ въ „черневыхъ" районахъ улусовъ Яндыковскаго, Мочажнаго, а частію Эркетеневскаго и Хошеутовскаго, и занимаются промысломъ не только въ формѣ неводныхъ рабочихъ, но еще болѣе подъ именемъ „вольныхъ ловцовъ". Калмыки послѣдней категоріи не той степени бѣдности, какъ неводные рабочіе, а извѣстнаго достатка, и есть между ними семьи даже

зажиточныя. Бѣдныя калмыцкія семьи и въ черневыхъ мѣстахъ, какъ и въ степяхъ, промышляютъ заработкомъ, уходя то въ неводные рабочіе, то гребцами на суда, на перевозы и пр. Чтобы заниматься рыболовствомъ на правахъ вольнаго ловца, необходимъ достатокъ на поддержку рыболовнаго инвентаря (Прилож. № 12, примѣч.). Очевидно, что занятіе рыболовствомъ среди этихъ семей вольныхъ ловцовъ вызвано уже не бѣдностью, а требованіями естественной обстановки. Обитая въ приводной части степи, гдѣ по физическимъ и топографическимъ условіямъ скотоводческое хозяйство въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ невозможно (верблюды здѣсь вовсе не выживаютъ, овцы—плохо, для остальнаго скота пастбищъ недостаточно), черневые калмыки мало по-малу стали жить на счетъ рыболовства. Зародыши такой перемѣны въ хозяйствѣ и занятіяхъ калмыковъ можно замѣтить въ концѣ XVIII в., когда на калмыковъ раздаются жалобы за хищническое вылавливаніе рыбы въ черневыхъ водахъ. Можно думать, что рыболовство, какъ профессіональное занятіе, между калмыками послѣдовательно росло и количественно и качественно, и теперь для многихъ семей сдѣлалось наслѣдственнымъ занятіемъ. Напр. на урочищѣ Ута-Газыръ Яндыковскаго улуса, которое представляетъ собой узкій полуостровъ верстъ въ 25 длины, въ 1885 г. обитало 500—600 кибитокъ и всѣ они вели рыболовство, какъ постоянное и даже исключительное занятіе: около 100 кибитокъ въ качествѣ вольныхъ ловцовъ, а другія—то въ видѣ неводныхъ, то въ видѣ промысловыхъ рабочихъ. На этомъ полуостровѣ, въ самомъ концѣ его, расположенъ хотонъ въ 6 кибитокъ калмыка Керетова рода Эльзете Лобгаева (аймаку зайсанга Эренценъ Мокаева), который прожилъ здѣсь 43 года въ качествѣ вольнаго ловца, теперь вмѣстѣ съ нимъ промышляютъ его женатый сынъ и зять. Лобгаевъ—человѣкъ зажиточный, имѣетъ удойный скотъ и лошадей, для зимовки имѣетъ здѣсь же два деревянныхъ дома.

Все лѣто вольные ловцы занимаются рыболовствомъ, которое составляетъ собственно трудъ мужчинъ, женщины принимаютъ участіе въ рыболовныхъ занятіяхъ только въ семьяхъ съ однимъ мужскимъ рабочимъ, причемъ работа ихъ состоитъ въ греблѣ на веслахъ, при установкѣ и выдираніи ставныхъ сѣтей (Прилож. 12). Рыболовный трудъ мужчинъ лѣтомъ перемежается работами по заготовкѣ сѣна и камыша для корма скота, а въ зимнее время производится заготовленіе рыболовныхъ снастей. Вязанью сѣтей калмыки научились у русскихъ и не внесли ничего въ эту работу своего, оригинальнаго: какъ и русскіе они употребляютъ кромѣ ножика еще иглицу („хур“) около $^1/_4$ арш. длины (рис. 2, 3) и дощечку („кеб“), сдѣланную изъ твердаго дерева.

Женщины—рыбаковъ въ своихъ занятіяхъ также уступили требованіямъ естественныхъ условій и внѣ заботъ по хозяйству занимаются еще

выдѣлкою рогожъ для укрыванія своихъ кибитокъ, вмѣсто кошемъ, а иногда и для продажи. Какъ сказано было уже выше у черневыхъ калмыковъ въ хозяйствѣ мало имѣется овецъ, и потому кошмы должны быть пріобрѣтаемы на деньги въ готовомъ видѣ, или же въ видѣ шерсти. Это требуетъ затратъ, не всегда посильныхъ калмыцкимъ семьямъ, тѣмъ болѣе, что такія затраты оказываются въ черняхъ мало производительными: здѣсь моль быстро уничтожаетъ кошмы и ихъ приходится выбрасывать черезъ годъ. Недостатокъ съ одной стороны шерсти, а съ другой—убыточность пользованія ею—вызвали въ хозяйствѣ черневыхъ калмыковъ замѣну кошемъ „чаканками“, выдѣлываемыми калмыцкими женщинами. Процессъ ихъ выдѣлки не лишенъ оригинальности. Въ послѣднихъ числахъ августа женщины начинаютъ срѣзывать ножемъ чаканъ, вытаскиваютъ на берегъ и сушатъ дней 10, послѣ чего уже просушенный, связываютъ въ большіе снопы и уносятъ къ кибиткамъ. Здѣсь прежде всего стебель чакана раздѣляютъ на части или продольные слои и отбираютъ изъ каждаго стебля пригодныхъ слоевъ 5—6.

Затѣмъ съ каждаго слоя сдираютъ тонкіе кожистые края и изъ нихъ сучатся веревочки, которыми потомъ и вяжется чаканъ, или, по выраженію калмыковъ, изъ нихъ дѣлаются на чаканкахъ слѣды („море“). „Море“ по мѣрѣ сученія наматывается на что-нибудь тяжелое, напр. на камешки, или чаще еще на слѣпки изъ глины („чихатхе“), такъ что остается свободною только середина шнурка. Сообразно съ шириною предполагаемой чаканки, подобныхъ паръ приготовляютъ 5, 6, 8 и болѣе до 16. Затѣмъ укрѣпляютъ „унюну“ на двухъ, ровно возвышающихся предметахъ, чаще всего одинъ конецъ унюны кладутъ на одну изъ рѣшетокъ кибитки, а другой укрѣпляютъ на треножникѣ, иногда же и оба конца поддерживаются треножниками, а на унюны привѣшиваютъ пары „мо́ре́“ такъ, что одна пара виситъ съ одной стороны, а другая—съ другой (рис. 5) и начинаютъ вязать чаканки. Съ этою цѣлью берутъ пучекъ (стеблей въ 3—5 вмѣстѣ) приготовленнаго чакану, кладутъ вдоль унюны сверху „море“, перебрасываютъ послѣдовательно сверхъ пучка съ одной стороны всѣ камушки на другую и притягиваютъ, но узловъ не дѣлаютъ. Если при этомъ чаканъ короче нужной ширины чаканки, то наставляютъ другой пучекъ такъ, что оба пучка заходятъ концами одинъ за другой и на мѣстѣ соединенія пучковъ находится пара „море“. Потомъ кладутъ другой слой чакану и перебрасываютъ, катушки, затѣмъ третій и т. д., и по мѣрѣ увеличенія чаканки, она своею готовою частью сползаетъ на землю подъ унюнами. Благодаря привѣшаннымъ къ концамъ веревокъ тяжестямъ, чаканка въ мѣстѣ ея дѣленія всегда остается подъ унюною, къ тому же ряды связи чакана дѣлаются параллельными, и шнурки сами собою крѣпко сжимаютъ отдѣльно пучки чакана. Когда чаканка достигаетя желательной длины, концы „море“ плотно завязываются узломъ.

По мѣрѣ плетенія чаканки, болѣе длинные концы пучковъ чакана, приходящіеся на оконечностяхъ ширины чаканки, искусно заплетаются въ особое плетенье („кгюря"), остальные же аккуратно обрѣзываются ножницами. Калмычки готовятъ чаканки отъ аршина и почти до величины самой широкой кибиточной кошмы. Нерѣдко веревки изъ чакана замѣняются суровыми покупными нитками. Связанныя чаканки идутъ, главнымъ образомъ, на покрышку своихъ же кибитокъ, но иногда и сбываются въ Астрахань. Чаканки въ 2 саж. длины и въ $1^3/_4$ арш. ширины, хорошей работы, сбываются въ Астрахани калмыками коп. за 60, а ширин. 1 арш. и длиною $2^1/_2$ арш. („шердыки") коп. за 20. Между тѣмъ одна женщина дѣлаетъ чаканку въ $2^1/_2$ арш. длин. и 1 арш. шир. въ теченіи 10 часовъ, не считая времени, затраченнаго раньше на срѣзываніе и приготовленіе чакана и „море".

Приготовленныя описаннымъ образомъ чаканки прочны и наиболѣе употребительны, но есть у калмыковъ и другаго вида чаканки, которыя называются въ Яндыковскомъ улусѣ Цатановскими, а въ Мочагахъ—Эки-Багутовскими, по мѣсту ихъ приготовленія: они красивѣе, но менѣе прочны, и потому на кровлю не употребляются.

Вязаніе чаканокъ послѣдняго вида происходитъ такимъ образомъ: вбиваютъ 4 кола парами такъ, что пара отъ пары находится на разстояніи длины чаканки, а отдѣльные колья каждой пары—на разстояніи ширины. Сверхъ каждой пары укрѣпляется по унюнѣ и уже между унюнами протягиваются шнурки изъ нитокъ или чакана („море"), но только больше гораздо, чѣмъ въ первомъ случаѣ (рис. 6). При вязаніи чаканокъ берутъ два пучка, по двѣ чаканки каждый и концы ихъ скрѣпляютъ узломъ или плетеньемъ, захватываютъ крайній шнурокъ такъ, что онъ оказывается между двумя параллельно положенными пучками чакана и продвигаютъ между первымъ и вторымъ шнуркомъ конецъ верхняго пучка внизъ, а нижняго вверхъ и протягиваютъ нѣсколько; потомъ взаимно же продвигаютъ пучки между вторымъ и третьимъ шнуркомъ, между третьимъ и четвертымъ и т. д. до конца, такъ что шнурки оказываются здѣсь внутри между чаканками, и при искусномъ плетеніи ихъ совершенно не видно.

Такимъ образомъ, въ трудовой жизни черневые калмыки, отдавшіеся рыболовству, совершенно измѣнили бытовымъ традиціямъ калмыцкой народности—скотоводческому хозяйству, а это повело за собой, какъ будетъ указано впослѣдствіи, измѣненія въ пищѣ, въ кибиточной утвари, въ привычкахъ и даже воззрѣніяхъ.

Рыболовство, впрочемъ, единственное пока занятіе, которое для одной части калмыковъ замѣнило совершенно скотоводческое хозяйство, другія занятія являются лишь въ формѣ попытокъ и существуютъ среди калмыковъ параллельно съ скотоводческими занятіями: сюда должны быть отнесены заня-

тія калмыковъ на сѣверо-западной окраинѣ табаководствомъ, огородничествомъ, садоводствомъ, хлѣборазведеніемъ и сѣнокошеніемъ. Изъ всѣхъ указанныхъ видовъ земледѣльческихъ занятій наибольшей распространенностью отличается лишь сѣнокошеніе, которое въ черняхъ, равно какъ и на сѣверо-западной окраинѣ—въ Эргеняхъ представляется не исключительнымъ явленіемъ, а общей чертой жизни. Въ этихъ частяхъ степи сѣнокошеніе происходитъ изъ года въ годъ и сѣнокосныя мѣста точно распредѣлены между калмыцкими общинами или вѣрнѣе группами и даже между отдѣльными хозяйствами. Всѣ калмыки, платящіе общественныя и государственные повинности, обитающіе здѣсь и имѣющіе скотъ, получаютъ участки сѣнокосовъ, а въ нѣкоторыхъ родахъ (напр въ Баруно-Керетовомъ родѣ Яндыковскаго улуса) допускаются къ эксплуатаціи сѣнокосныхъ угодій и степные калмыки одного рода. Сѣнокосные участки опредѣляются главнымъ образомъ давностью кочевья: „издавна гдѣ кочуютъ какіе калмыки, тамъ они имѣютъ и сѣнокосные участки“—говорятъ калмыки на вопросъ о правѣ ихъ на тотъ или другой участокъ. Но такъ опредѣляется право на сѣнокосные участки родовъ, аймаковъ, но не отдѣльныхъ хозяевъ, право послѣднихъ опредѣляется уже ежегоднымъ уговоромъ, или еще чаще жребіемъ. Каждое сѣнокосное угодье передъ косовицей разбивается при помощи веревокъ или же просто на глазъ, на участки по количеству отдѣльныхъ хозяйствъ, а потомъ право на отдѣльные участки опредѣляется жребіемъ. Въ аймакахъ малочисленныхъ участковъ зайсангу выдѣляется взаимнымъ соглашеніемъ при самомъ раздѣлѣ сѣнокосныхъ мѣстъ; въ крупныхъ же аймакахъ, напр. въ Цатановомъ родѣ Яндыковскаго улуса или во многихъ родахъ Дербетовскаго улуса, зайсанги владѣютъ совершенно отдѣльными урочищами. Какъ обереганіе сѣнокосныхъ угодій, такъ раздѣлъ ихъ вызываетъ среди калмыковъ массу споровъ, оканчивающихся иногда драками, жалобами зайсангу или въ судъ („зарго“). Часто споры вызываются потравами сѣнокосовъ: напр. въ черняхъ степные калмыки въ періоды засухъ вкочевываютъ со своими стадами въ предѣлы сѣнокосныхъ угодій и истребляютъ травы; потомъ происходятъ споры между сосѣдами по участкамъ, но болѣе всего споръ бываетъ при дѣлежѣ сѣнокосовъ. Чтобы устранить почву для споровъ и наиболѣе равномѣрно произвести дѣлежъ сѣна, были сдѣланы попытки и пробы сѣнокоса и дѣлежа снопами. Слѣды такихъ попытокъ были и въ Черняхъ (въ Яндыковскомъ улусѣ), и въ Эргеняхъ какъ въ сѣверной части (въ Абганеровыхъ родахъ), такъ и въ южной—въ аймакахъ зайсанга Дундукова (Дербет. ул.). Но, кажется, всѣ такія попытки не достигали цѣли и даже породили взаимную эксплуатацію. Въ Яндыковскомъ улусѣ отдѣльные хозяева, по словамъ Яндыковскаго правителя, зайсанга Горя Бадмаева являлись на покосы неодновременно и не-

исправно, съ одной стороны потому, что многіе въ это время находятся на неводныхъ работахъ или на солеломняхъ и пр. Отсюда происходило то, что въ то время, какъ одни калмыки снимали сѣно, не прилагали труда и потому при системѣ дѣлежа снопами сѣна или покосъ замедлялся въ ущербъ достоинству сѣна и скота, который былъ стѣсняемъ пастьбищами до уборки сѣна, или же и совершенно не представлялось возможности, за неявкою одновременно на работы, производить дѣлежъ. Еще болѣе раціональны были попытки общественнаго сѣнокошенія въ Дербетовскихъ улусахъ. Здѣсь, напр. въ Абганеръ-Барунъ-Кетчинеровомъ родѣ, по иниціативѣ и подъ вліяніемъ бывшаго правителя улуса, зайсанга Кутузова (человѣка съ европейскимъ образованіемъ) введены были даже обще-родовые запасы сѣна на случай суровыхъ зимъ или недорода травъ, но дѣло разстроилось и здѣсь послѣ немногихъ лѣтъ практики. Въ 1885 г. общее сѣнокошеніе и обще-родовые запасы сѣна практиковались только въ южной части Дербетовскаго улуса (Прилож. № 14) и организованы на довольно широкихъ и, повидимому, твердыхъ и раціональныхъ началахъ *).

Факты общиннаго сѣнокошенія, общинныхъ запасовъ сѣна, а также факты выдѣла земли отдѣльнымъ членамъ (Прилож. № 15) ясно опредѣляютъ то значеніе, какое имѣетъ сѣнокошеніе для калмыковъ въ Черняхъ и Эргеняхъ. Въ окраинныхъ мѣстахъ юридическое право на сѣнокосъ вызывается не потребностью хозяйства, какъ въ степи, а сознаніемъ права на него, что видно изъ того явленія, что далеко не всѣ калмыки эксплуатируютъ сѣно своимъ скотомъ, но напротивъ многіе изъ нихъ дѣлаютъ сѣно предметомъ торга. Въ приведенномъ выше (Прилож. № 14) изложеніи организаціи общественныхъ запасовъ сѣна прямо выставлено требованіе противъ продажи сѣна на сторону: потомъ приходилось не разъ наблюдать, что окрестные поселяне въ Дербетовскомъ улусѣ (между проч. с. Тундутова) пріобрѣтали сѣно отъ калмыковъ, но особенно продажа сѣна на сторону практикуется въ Черняхъ, что и понятно. Здѣсь хозяйства калмыковъ бѣдны скотомъ и зиму могутъ держаться на запасахъ зеленаго камыша, которые могутъ дѣлать здѣсь въ большихъ размѣрахъ сѣна, собственно больше потребности въ немъ, а между тѣмъ оно имѣетъ здѣсь рыночную цѣну, благодаря сосѣднимъ поселеніямъ, и потому многіе калмыки часть или даже

*) Впрочемъ, отъ людей, знакомыхъ съ общественными запасами сѣна въ родахъ, подчиненныхъ зайсангу Дундукову, мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что въ основаніи этой мѣры лежитъ въ значительной степени разсчетъ зайсанга Дундукова: устроивъ обще-аймачные запасы сѣна, запретивъ своимъ калмыкамъ сбытъ сѣна на сторону и присвоивъ себѣ право распоряжаться этимъ сѣномъ въ формѣ разрѣшенія сѣна въ продажу, Дундуковъ этимъ создалъ лично себѣ возможность въ случаяхъ нужды пріобрѣтать сѣно для своего огромнаго скотоводческаго хозяйства по дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ онъ является всегда главнымъ покупщикомъ сѣна, а съ другой стороны онъ уничтожаетъ въ лицѣ своихъ аймачныхъ калмыковъ конкурсъ по продажѣ сѣна на сторону, что практикуетъ зайсангъ Дундуковъ съ большою выгодою для себя.

весь свой пай сѣна продаютъ русскимъ поселенцамъ. Продажа эта ведется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: на корню и въ готовомъ видѣ. Сѣнокошеніе въ Черняхъ на корню нерѣдко совпадаетъ съ лѣтними рыболовными работами, и калмыки, завися своимъ годовымъ существованіемъ отъ этихъ работъ, а съ другой стороны и свыкаясь съ ними, уходя на работы, сдаютъ свои участки или исполу, или за условную плату, и только нѣкоторые изъ нихъ нанимаютъ русскихъ рабочихъ убрать сѣно за плату. Впрочемъ, такое явленіе наблюдается и не между одними ватажными рабочими, и въ этихъ случаяхъ калмыки, продавъ сѣно, кормятъ скотъ свой въ теченіи зимы камышомъ, который срѣзаютъ пока онъ еще молодъ и зеленъ. Очевидно, что въ отношеніи калмыковъ къ сѣнокошенію наблюдается уже воззрѣніе на продуктъ земли, какъ на личную собственность, каковое воззрѣніе совершенно несвойственно въ кочевомъ быту, и показываетъ, что окраинные калмыки въ своихъ міровоззрѣніяхъ отдѣлились отъ степной кочевой массы и сближаются съ окружающимъ инородческимъ населеніемъ. Среди окраинныхъ калмыковъ—черневыхъ и эргенскихъ замѣчаются уже хотя и въ видѣ единичныхъ проявленій, воззрѣнія на самую землю, какъ на собственность, хотя и съ ограниченіемъ,—именно, что земля дѣлается собственностью, какъ скоро затраченъ трудъ или капиталъ на ея огражденіе (обнесеніе канавой, изгородью) и на ея обработку. Въ Черняхъ такіе собственническія воззрѣнія пока проявляются главнымъ образомъ въ теоріи, въ пожеланіяхъ, чтобы поскорѣе наступило распредѣленіе земли на отдѣльные личные участки съ предоставленіемъ личнаго почина и формы эксплуатаціи такихъ участковъ, а осуществленіе подобныхъ вождѣленій выразилось лишь въ немногихъ случаяхъ захвата земли подъ дворы при жилыхъ постройкахъ и въ опытахъ запашекъ (напр. подъ посѣвъ овса гелюнгомъ Шабинерова хурула Яндыковскаго улуса), картофеля и другихъ огородныхъ овощей зайсангомъ Нарынбе Убушаевымъ въ Мочажномъ улусѣ вблизи зимняго Эки-Багутова хурула. Болѣе широкому осуществленію собственническихъ воззрѣній на землю въ Черняхъ препятствуетъ съ одной стороны природа, неблагопріятствующая земледѣльческому труду, а съ другой—и окружающая среда промысловая, а потому мѣстное калмыцкое населеніе носитъ въ себѣ болѣе торгово-промышленныя наклонности, чѣмъ земледѣльческія: здѣсь люди болѣе или менѣе состоятельные какъ зайсанги, и изъ простыхъ калмыковъ, которымъ имущественный достатокъ даетъ возможность не нести тяжелаго рыболовнаго труда или ведутъ торговлю, содержа лавочки съ предметами потребленія калмыковъ, или же занимаются извозомъ на верблюдахъ, рѣже—на волахъ, перевозя соль съ мѣста выработки ея, муку и другіе предметы по астраханско-ставропольскому тракту.

На сѣверной окраинѣ осуществленіе собственническихъ воззрѣній на землю, повидимому, приняло болѣе широкіе размѣры. Здѣсь не только многія

семьи изъ владѣльческаго класса (какъ зайсанги) завели свои усадьбы съ садами, огородами и даже запашками хлѣба, но въ простонародьѣ калмыковъ, особенно живущихъ при благопріятныхъ условіяхъ природы и вблизи осѣдлыхъ поселеній, видимо растетъ стремленіе жить на счетъ обработки земли: встрѣчаются посѣвы хлѣба, табаку и пр., и что существенно отличаетъ эргенскихъ калмыковъ — это попытки обработки земли собственными трудами (Прилож. № 16).

Спорадическіе факты занятія калмыковъ земледѣліемъ въ разныхъ его отрасляхъ, и даже болѣе широко распространенное среди черневыхъ и эргенскихъ калмыковъ системное занятіе сѣнокошеніемъ, какъ не отмѣченные національными оригинальностями, не заслуживали-бы особеннаго вниманія этнографическаго труда, если бы съ этими занятіями не связывались измѣненія въ бытовой обстановкѣ калмыковъ и главное въ воззрѣніяхъ ихъ вообще и въ частностяхъ въ воззрѣніяхъ на собственность. Это обстоятельство заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

У народовъ первобытныхъ повсюду весьма рано наблюдается стремленіе къ отличію отдѣльныхъ индивидуальностей, для чего и служатъ на этой ступени у людей украшенія и одежда, какъ рудиментарныя формы частной собственности. Но занятіе людей въ эту эпоху охота и рыбная ловля и невозможность успѣшной борьбы съ природой иначе, какъ путемъ соединенія силъ, вызвали естественно примѣненіе общаго труда, что группировало населеніе въ своего рода стада и создавало общность имущества — движимаго и недвижимаго. Восточные Дакота Сѣверной Америки переселяются постоянно съ мѣста на мѣсто вслѣдъ за стадами дикихъ буйволовъ, охота на которыхъ и даетъ имъ средства къ пропитанію. Убитые буйволы не считаются частной собственностью одного лица, а общимъ достояніемъ всей племенной группы охотниковъ: всѣ и каждый изъ членовъ племени въ равной степени призываются къ употребленію въ пищу мяса убитаго животнаго. Такое же отношеніе къ результатамъ охоты было наблюдаемо Ливингстономъ у народовъ внутренней Африки. Какъ мясо и мѣхъ убитаго сообща звѣря принадлежатъ всѣмъ сообща охотившимся на него представителямъ племенной группы, такъ точно осуществляется право собственности на добычу войны или на людей, на скотъ, рабовъ и рабынь. Но на ряду съ общей охотой на крупнаго звѣря, или совмѣстнаго похода на врага, встрѣчались во всѣ эпохи примѣненія чисто индивидуальнаго труда при погонѣ за мелкой дичью, или при уловѣ мелкой рыбы, а также при совершеніи наѣздовъ на чужеродцевъ, и потому на ряду съ общей собственностью встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ и зародыши частной, въ формѣ присвоенія каждымъ охотникомъ, рыболовомъ или воиномъ продуктовъ его личнаго труда. Потомъ и природа вещей, представлявшая возможность утилизаціи ихъ одновременно только однимъ чело-

вѣкомъ (кожа, рога животныхъ и т. п. орудія борьбы) вела къ осуществленію индивидуализма во владѣніе имуществомъ. Вотъ почему рано, въ самыхъ первобытныхъ группахъ людей, происходитъ медленный и самопроизвольный процессъ дифференціаціи, какъ проявленіе индивидуализма первобытнаго человѣка, результатомъ чего является возникновеніе частныхъ семействъ и индивидуальной, на первыхъ порахъ лишь одной движимой собственности.

Раньше другихъ выдѣленіе вещей въ объекты частной собственности коснулось одежды и оружія; потомъ кругъ индивидуальнаго владѣнія увеличился предметами созданными частной предпріимчивостью лицъ (приручение животныхъ) или путемъ насильственнаго похищенія, между прочимъ рабовъ и женщинъ.

Съ установленіемъ индивидуальнаго супружескаго обладанія (или семьи), которое шло параллельно съ установленіемъ обладанія имущественнаго вообще и которое многими изслѣдователями связывается съ похищеніемъ женщинъ, институтъ частной собственности осложнился развѣтвленіями на собственность личную, семейную и племенную. Особенно такая дифференціація во владѣніи сопутствовала приручению животнаго и зарожденію номадства. Индѣйцу охотнику принадлежитъ только убитое животное, какъ пища, а номадъ создаетъ себѣ собственность изъ живыхъ животныхъ, какъ источниковъ питанія и какъ орудій труда, и въ въ этомъ періодѣ собственность вездѣ дифференцируется въ три вида: а) племенную или групповую, родовую, б) семейную и в) личную, какъ это показываютъ данныя о собственности у краснокожихъ Бразиліи, у эскимосовъ, у самоѣдовъ и пр. Переходъ отъ выдѣленія въ объэкты частной собственности на недвижимость совершился гораздо позднѣе и не вездѣ шелъ параллельно занятію земледѣліемъ, такъ какъ земледѣліе само по себѣ не ведетъ къ возникновенію опредѣленныхъ постоянныхъ отношеній къ землѣ. Большинство краснокожихъ Сѣв. Америки, не покидая своихъ кочевьевъ, занимается земледѣліемъ, воздѣлывая въ лѣтнее время небольшой клочекъ земли, который они засѣваютъ маисомъ, а по окончаніи уборки снова принимаются за занятія звѣринымъ промысломъ. И въ первое время осѣданія населенія многіе предметы недвижимой собственности трактуются въ понятіяхъ народныхъ, какъ объекты движимости. Такъ въ древнемъ правѣ посаженное дерево не считалось принадлежностью земли и потому собственностью того, кто владѣетъ ею, а приравниваемо было къ движимости. Сравнительная исторія права указываетъ еще и на то, что усадьба въ древнѣйшій періодъ исторіи не считалась недвижимою собственностью, и что по этому процессъ идивидуализаціи, начавшійся съ движимости, коснулся и усадьбъ задолго до момента апропріаціи земли въ частную собственность. Во всякомъ случаѣ утилизація земли, какъ пастбищъ (или даже какъ пахоти) отнюдь не начинается въ формѣ примѣненія къ ней личнаго труда.

Разведеніе стадъ всегда было занятіемъ, производимымъ сообща большими или мелкими родственными группами и при занятіи сравнительно экстенсивными видами труда, каковы охота и рыбная ловля, позднѣе—скотоводство—племена и роды заявляли права эксплуатаціи на обширные земельные районы. При владѣніи почвою въ формѣ пастбищъ и могло зародиться понятіе пустопорожности, а слѣдовательно не могло возникнуть условій, благопріятныхъ частной заимкѣ, какъ формы пріобрѣтенія правъ на землю путемъ примѣненія личнаго труда. Очевидно, одного труда, которымъ освящалась экспропріація движимости въ личную собственность, недостаточно для установленія частной собственности на землю. Фюстель-де-Куланжъ, на основаніи греко-римскихъ источниковъ признаетъ, что у большинства первобытныхъ обществъ религія основала право собственности на землю. Въ послѣднее время эту теорію оживилъ и обосновалъ на матеріялахъ этнографическаго характера изъ жизни первобытныхъ народовъ Австраліи и Африки Липпертъ, доказывая, что корни понятія о недвижимой собственности и переходъ къ самой собственности строятся на началахъ культа. Но въ примѣненіи не къ однимъ народамъ съ постоянною осѣдлостью, съ гробницами для мертвыхъ, а ко всему человѣчеству на разныхъ ступеняхъ развитія болѣе естественное воззрѣніе—это трудовое. Трудовое начало, на которое со времени Локка смотрятъ какъ на источникъ происхожденія частной собственности вообще, является наиболѣе естественнымъ способомъ экспропріаціи въ индивидуальную собственность и земли въ формѣ заимки, но только подъ условіемъ освященія частной апропріаціи согласіемъ общихъ владѣльцевъ. Послѣднее же обстоятельство говоритъ всегда объ измѣненіи понятій въ народѣ, что растительныя пищевыя средства въ извѣстномъ районѣ должны представляться извѣстному племени.

Такова въ сжатыхъ чертахъ исторія развитія понятія о собственности до момента апропріаціи земли въ индивидуальное владѣніе; изъ нея видно, что зарожденіе и дифференціація его связывается прежде всего съ формами труда, съ занятіями населенія и видами его хозяйства.

Монголы, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, „понимаютъ право собственности, когда оно касается стадъ, но уже не понимаютъ его, когда оно идетъ о землѣ“, но объясненіе съ такой узкой національной точки зрѣнія понятій о собственности у монголовъ, какъ всякое объясненіе факта возникновенія тѣхъ или другихъ изложеній психическими особенностями племени, рано или поздно оказывается несостоятельнымъ. Монголы Сибири или буряты, измѣнивъ формы труда и освободившись отъ исключительности скотоводческаго хозяйства, создали вмѣстѣ съ тѣмъ и институтъ недвижимой собственности, куда входитъ и право на личное владѣніе землей. „Недавно стали они заниматься земледѣліемъ, писалъ бар. Бюлеръ болѣе 30 лѣтъ назадъ о бу-

рятахъ и эта вѣтвь хозяйства и промышленности бурятъ замѣчательна у тѣхъ изъ нихъ, которые кочуютъ по Хилкѣ. Селенгинскіе бурята и кочующіе около Верхнеудинска нашли средства проводить воду даже на горы и при дѣйствіи поливы пашни ихъ никогда не подвергаются бѣдствіямъ засухъ.

Прекрасныя плодоносныя земли Забайкальскаго края щедро вознаграждаютъ труды земледѣльца. Удобный и выгодный сбытъ хлѣба китайцамъ, особенно пшеницы, еще болѣе подстрекаетъ бурятъ къ земледѣлію". При подобныхъ условіяхъ создались у бурятъ-монголовъ права собственности на землю, чего не наблюдается у среднеазіатскихъ скотоводовъ, а потому естественнѣе не выдѣлять монгольскіе народы по воззрѣніямъ на собственность въ особую національную группу, а видѣть въ ихъ воззрѣніяхъ проявленіе общихъ законовъ развитія понятій о собственности. И въ такомъ случаѣ монголы вообще, а калмыки въ частности отождествляются въ основныхъ положеніяхъ о собственности съ народами всего міра, стоящими на одинаковой съ ними ступени развитія и живущими при аналогичныхъ природныхъ и соціальныхъ условіяхъ. Калмыки давно уже вышли изъ стаднаго состоянія первобытныхъ человѣческихъ обществъ, когда при исключительныхъ занятіяхъ охотой и рыбной ловлей, невозможность успѣшной борьбы съ природой иначе, какъ путемъ соединенія силъ, создавала общность всего имущества, относительно давно перешли отъ добыванія средствъ къ жизни звѣринымъ и рыбнымъ промыслами къ скотоводческому хозяйству и семейной жизни, а собственность у нихъ дифференцируется въ нѣсколько видовъ: а) племенную или групповую, б) обще-семейную, в) частно-семейную и г) личную. Личную собственность мужчины и женщины у калмыковъ составляютъ одежда, украшенія, поясъ, оружіе, потомъ у мужчинъ—находки, клады и подарки, а у женщинъ—подарки и часть приданаго, хотя и подъ извѣстнымъ условіемъ. Такъ, если даръ полученъ членомъ семьи, у котораго нѣтъ дѣтей (сына), то, при нераздѣльности имущества, онъ составляетъ собственность получившаго (мужа или жены), а если есть сынъ, то поступаетъ въ общую собственность семьи; въ случаѣ смерти мужа или развода жена его, если у нея нѣтъ сына, выходя изъ семьи мужа, можетъ взять съ собою все имущество, не выключая скота, подаренное ей ранѣе; то же самое и по отношенію къ мужу. Приданое поступаетъ въ распоряженіе мужа, но составляетъ собственность дѣтей. Если жена умираетъ, не родивши дѣтей, то половина имущества возвращается ея родной семьѣ, а половина жертвуется на хурулы. При добровольномъ розводѣ женщина получаетъ или все, или половину приданаго, если же мужъ прогоняетъ жену, то вмѣстѣ съ тѣмъ возвращаетъ все приданое. Кладъ и находка есть счастіе и собственность нашедшаго и ихъ найдти можетъ только тотъ, кому они назначены,

и то и другое можно принимать съ молитвою, не говорить никому, чтобы не потерять права на возможность другой находки и не должно дѣлиться ни съ кѣмъ. Частно-семейную собственность, т. е. собственность, половой пары составляетъ весь кибиточный инвентарь. Обще-семейную собственность или собственность совмѣстно живущихъ близкихъ родственниковъ представляетъ скотоводческое хозяйство, выручаемыя отъ продажи и заработка деньги, топливо и пища. Наконецъ земля съ растеніями, водой и дикими животными представляетъ родовую или племенную собственность. „Все принадлежитъ Богу, говорятъ калмыки, но если бурханъ далъ что кому, то уже не отнимаетъ, такъ что земля, которою владѣютъ теперь калмыки,—ихъ собственность, но временная, а потомъ можетъ перейдти къ другому народу—это по отношенію къ вѣчности, во временныхъ же отношеніяхъ—это земля калмыцкаго народа“.

Продуктами земли—водой и растеніями пользуются всѣ обитатели района по праву давности обитанія и перваго завладѣнія, причемъ сѣнокошеніе въ степи представляетъ явленіе такого же случайнаго порядка, какъ напримѣръ, заготовка топлива къ зимѣ: каждая кибитка, бродя лѣтомъ по степи, собираетъ пометъ животныхъ, складываетъ кучи и оставляетъ вездѣ на пути перекочевокъ запасы такого топлива. Тѣмъ же порядкомъ кочевая семья, если представится возможность, скоситъ въ мѣстахъ кочевья траву, высушитъ, сложитъ въ кучи и также оставитъ до зимы. Единственное ограниченіе для степного сѣнокошенія отдѣльныхъ семей представляютъ предѣлы кочевой площади (улусы, родъ и пр.) и право сильнаго (зайсанги, хурулы, богачи). Иначе говоря, сѣнокошеніе въ степи держится собственно на правѣ перваго завладѣнія, даровыхъ продуктовъ общей собственности, какою является въ понятіяхъ степныхъ калмыковъ земля; отдѣльное личное право въ этомъ случаѣ признается на результатъ труда—на собранные запасы кизяка и на заготовленное сѣно, пока же кизякъ валяется по степи, а трава стоитъ на корню—онъ ничья собственность, и ею завладѣетъ или болѣе сильный изъ обитателей (зайсангъ, хурулъ, богачи), или при отсутствіи этихъ агентовъ, первая калмыцкая семья, первый хотонъ, который или немедленно истребитъ находимый кизякъ на приготовленіе пищи и выгравитъ кормъ или же и то и другое обратитъ въ зимніе запасы для своего хозяйства. Владѣльческія отношенія къ землѣ не устанавливаются въ центральной степи путемъ занятія земли подъ жилья, постройки и усадьбы или подъ посѣвы. Пока стоитъ стройка и эксплуатируется для жилья или хозяйства, и съ нивъ не собранъ посѣвъ, земля подъ ними подлежитъ исключительному личному владѣнію хозяевъ, постройки на томъ же правѣ, на которомъ пользуются калмыки землею подъ кибитки, но разъ зданіе сносится, урожай собирается, земля изъ-подъ того и другого поступаетъ въ общее владѣніе и пользованіе

племенной группы. И къ степнымъ калмыкамъ совершенно еще примѣнимо положеніе Фюстель де-Куланжа, что они понимаютъ право собственности, когда оно касается стадъ, но уже не понимаютъ его, когда оно идетъ о землѣ". Сравнительно съ ними, у черневыхъ и эргенскихъ калмыковъ совершился серьезный процессъ диффиренціаціи понятій о собственности: у окраинныхъ калмыковъ не только сѣно составляетъ отдѣльную собственность, но и самая трава на корню, т. е. право индивидуальное переносится уже не на результаты труда, но на продукты земли и только остается одинъ шагъ къ тому, чтобы осуществлено было личное право на землю, какъ на недвижимую собственность. Такому шагу въ Черняхъ и въ значительной части (особенно сѣверной) Эргеней мѣшаетъ собственно не понятіе калмыковъ о собственности, а юридическая невозможность осуществить это право; калмыки обитаютъ на землѣ, юридически принадлежащей государству и являются только какъ-бы безграничными арендаторами ея на условіяхъ общности владѣнія. Но какъ скоро калмыки когда-нибудь будутъ признаны юридическими владѣльцами съ правомъ пользованія земельной собственностью, вся черневая площадь калмыцкой земли и значительная часть эргенской степи будетъ немедленно подѣлена на личные участки, потому что въ понятіяхъ мѣстныхъ калмыковъ индивидуализація земельнаго владѣнія уже признана, и въ этомъ нужно видѣть не одинъ результатъ топографическихъ условій, вызывающихъ замѣну скотоводческаго хозяйства болѣе интенсивными формами — земледѣліемъ, промыслами и пр., но и вліяніе сосѣдства.

Всѣ разсмотрѣнные выше формы труда у калмыковъ относятся къ явленіямъ новаго порядка жизни, коснувшимся пока только части населенія и какъ таковымъ имъ можетъ быть придана важность при этнографическихъ наблюденіяхъ, въ томъ смыслѣ, что по нимъ можно уже гадать, какія формы въ будущемъ можетъ принять трудовая жизнь калмыковъ, но они не даютъ матеріала для характеристики калмыковъ со стороны труда, какъ живаго этнографическаго цѣлаго. Этой цѣли удовлетворяютъ лишь формы труда, общія въ данный историческій моментъ наибольшей массѣ калмыцкаго населенія.

Переходя къ изложенію матеріаловъ о трудовыхъ формахъ послѣдней категоріи, необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя положенія смѣны однихъ формъ другими, общія всѣмъ націямъ. Въ жизни каждаго народа, какъ-бы ни медленно шелъ процессъ его развитія, всегда, въ каждый данный моментъ совмѣстно существуетъ три порядка явленій: а) явленія новыя, коснувшіяся только части населенія и созданныя или подъ вліяніемъ сосѣдственныхъ отношеній, или подъ давленіемъ иныхъ природныхъ условій, или же въ силу естественнаго роста въ развитіи народа, б) явленія общія большинству населенія, нормальныя или обыденныя по отношенію къ данному

моменту и характеризующія этнографическое statu-quo народа и в) наконецъ явленія и формы отжившія и отживающія и встрѣчаемыя наблюдателемъ какъ остатки пережитой уже фазы въ жизни новаго порядка.. Несомнѣнно, такое совмѣстное существованіе явленіе трехъ порядковъ жизни наблюдается и среди калмыковъ, и потому кромѣ категорій новыхъ формъ труда, уже отличенныхъ выше, въ остальныхъ занятіяхъ калмыковъ необходимо отграничивать, а) формы труда отживающія отъ б) формъ еще полныхъ силы. Но въ дѣйствительной жизни обѣ эти категоріи—первая, какъ раньше охватывавшая все населеніе, а вторая, какъ господствующая въ данный моментъ, такъ сливаются и взаимно переплетаются, что цѣлесообразнѣе разсматривать ихъ параллельно, отмѣчая лишь признаки вымиранія тѣхъ или другихъ занятій.

Въ области изученія нормальныхъ, или вѣрнѣе національныхъ формъ труда прежде всего наталкиваешься на распредѣленіе занятій по-поламъ. Въ данное время наукою болѣе или менѣе точно установлено, что первичная семья, построенная на представленіи единства крови всѣхъ, происходящихъ отъ одной матери, характеризуются прежде всего полнымъ равенствомъ ея членовъ, единствомъ интересовъ и труда, что на нѣкоторое время исключаетъ необходимость всякой дифференцированной организаціи для болѣе осложненной заботы о жизни. Однако, рано безотвѣтственность мужчины по отношенію къ семьѣ съ одной стороны и съ другой—материнскій инстинктъ разграничиваетъ трудовыя роли по-поламъ и порождаетъ различіе хозяйства мужескаго и женскаго, и въ дальнѣйшемъ взаимодѣйствіе половъ въ смыслѣ преобладанія въ семьѣ опредѣлялось тѣмъ, чье хозяйство—мужеское или женское относительно прогрессировало. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что у большинства такъ называемыхъ дикихъ народовъ положеніе женщинъ очень высоко, причемъ у нихъ мужчины ненавидятъ работу, а женщины въ большинствѣ случаевъ очень трудолюбивы. Но у австралійцевъ, напр., женскій трудъ совсѣмъ не развитъ, сравнительно съ достаточно уже развитымъ мужскимъ, и у нихъ вмѣстѣ съ этимъ замѣчается обратное отмѣченному выше общему явленію, именно угнетенное положеніе женщины. У сравнительно высоко стоящихъ Делаверовъ часть работы по отношенію содержанія семьи перешла уже къ мужчинамъ и взаимное отношеніе половъ у нихъ видоизмѣнились: женщина у нихъ воздѣлываетъ поле, хранитъ огонь и приготовляетъ пищу; мужчина приноситъ мясо и шкуры. За это онъ имѣетъ право на пищу два раза въ день, но все, добытое мужчиною, принадлежитъ женщинѣ. Какъ скоро онъ принесъ въ помѣщеніе жены продуктъ свой охоты, онъ уже теряетъ на нихъ права собственности, и жена можетъ раздать все имъ принесенное посторонимъ семьѣ лицамъ. У народовъ Южной Африки женщины уже находятся въ совершенномъ рабствѣ и дѣлаютъ все, что потруднѣе. Онѣ пашутъ землю,

строятъ хижины, дѣлаютъ изгороди, рубятъ дрова и пр., да сверхъ того должны еще кормить и воспитывать дѣтей и готовить пищу для мужчинъ, а мужчины ходятъ на войну, на охоту, пасутъ стада, доятъ коровъ, выдѣлываютъ шкуры. У самоѣдовъ хозяйствомъ семьи завѣдуетъ женщина: она успѣваетъ вездѣ,—не смотря на пургу, рубитъ дрова на открытомъ воздухѣ, носитъ ихъ въ чумъ, готовитъ пищу, сама же хлопочетъ около дѣтей, а дѣло мужа—забота объ оленяхъ и охотничій промыселъ.

Пока представленіе о единствѣ крови было основаніемъ всякой организаціи, до тѣхъ поръ женщина была средоточіемъ и семейной организаціи. Но при возрастающемъ преобладаніи мужскаго промысла, послѣдній выступаетъ на первый планъ и дѣлаетъ мужчинъ руководителями не только въ въ племенной группѣ, но и въ семьѣ. Съ приручеміемъ животныхъ и съ образующимся номадствомъ роль мужчины и связанная съ этимъ власть все растетъ. Если у многихъ островитянъ и африканскихъ племенъ центръ семей, какъ нѣчто болѣе или менѣе устойчивое и постоянное, составляютъ женщины, а мужчины, являясь изъ скотоводческой жизни охотниковъ въ эти женскіе центры, получаютъ здѣсь лишь временный кровъ, пищу и одежду за принесенные предметы охоты, то съ приручеміемъ животныхъ, когда продукты, прежде доставляемые путемъ охоты, стали получаться отъ нарочно содержимыхъ и оберегаемыхъ стадъ и когда вслѣдствіи этого трудъ мужчины сдѣлался благодарнѣе и обезпеченнѣе, мужчины получили возможность больше времени проводить въ кругу женщинъ и семьи, доставляя послѣднимъ болѣе обильные продукты для пищи и одежды отъ своихъ стадъ, и положеніе мужчинъ въ семьѣ возрасло,—обратно же параллельно экономическому достатку въ продуктахъ пищи и одежды трудъ женщинъ для удовлетворенія этихъ потребностей увеличился и осложнился, и вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе женщинъ ухудшалось и принимало болѣе подчиненное значеніе. Но соотношеніе труда мужчинъ и женщинъ и на этой стадіи существенно не измѣнилось: женщина замкнулась только еще болѣе въ своей семьѣ, въ своемъ жильѣ, отдавая время и трудъ уходу за дѣтьми, услуженію мужу, переработкѣ матерьяловъ, доставляемыхъ мужчиной, а мужчина со своими заботами и трудомъ остался за предѣлами жилья, вдали отъ него, у своихъ стадъ и табуновъ. У туркменовъ, напр., женщины чрезвычайно работящи: у нихъ всегда въ рукахъ работа, никогда вы не увидите туркменку праздною и гуляющею, какъ ея господинъ и повелитель, когда онъ въ средѣ своей семьи. Туркменскія женщины, не смотря на всѣ свои ежедневныя хлопоты успѣваютъ еще ткать прекрасныя шелковыя и шерстяныя ткани, ковры и пр.

Каждая туркменка приготовляетъ все, что нужно для наряда мужа, дѣтей и ея собственнаго, мужчины же туркменскіе въ семьѣ гуляютъ, а на

сторонѣ воюютъ или стерегутъ стада. Въ домашнемъ быту, у семейнаго очага, туркменъ представляетъ собою совершеннѣйшую лѣнь; заниматься какимъ либо домашнимъ трудомъ для мужчины составляетъ даже величайшій стыдъ. Онъ смотритъ только за своею лошадью, и, покончивъ съ нею, отправляется на разговоры къ сосѣду. Но въ тоже время туркменъ, особенно изъ племени Теке, во всякое время готовъ сѣсть вооруженный на коня для участія въ выгодномъ разбоѣ и здѣсь онъ проявляетъ и напряженную дѣятельность, и завидную выносливость, и терпѣніе. И долго еще подобное распредѣленіе труда мужчинъ и женщинъ сохраняются въ жизни народовъ, даже когда они переходятъ къ жизни осѣдлой—къ занятію земледѣльческому, разъ существуютъ условія, удерживающія мужчинъ по-долгу за предѣлами семьи. Наиболѣе рельефный примѣръ этого представляютъ черногорцы. Въ Черногоріи всѣ мирные труды, промыслы и занятія, необходимыя для жизни, до послѣдняго времени лежатъ на женщинахъ, которыя работаютъ съ утра до ночи. Женщины обработываютъ небольшіе клочки земли и должны находить время хозяйничать дома, шить, готовить обѣдъ и ужинъ мужу и дѣтямъ, представляя изъ себя безотвѣтныхъ рабынь сначала отца, потомъ мужа. Мужчины, какъ водится, лѣтнее время проводятъ въ постоянныхъ грабежахъ и походахъ, и скорѣе мужчина пролежитъ весь свой вѣкъ на боку, чѣмъ приложитъ свои руки къ домашнему труду. У астраханскихъ калмыковъ, особенно у той большей ихъ половины, которая живетъ исключительно на счетъ степнаго скотоводческаго хозяйства соотношеніе труда мужчинъ и женщинъ въ общемъ совершенно аналогично со всѣми народами, не вышедшими еще изъ номадоскотоводческой стадіи: мужская половина калмыковъ трудовое время свое, заботы и силы отдаетъ своимъ стадамъ и табунамъ, и за предѣлами скотоводческаго предается отдыху, удовольствію, развлеченіямъ, совершенно не раздѣляя сложнаго и относительно громаднаго труда женщинъ въ кибиткѣ, въ семействѣ, доставляетъ лишь сырые матерьялы и знаетъ только результатъ того труда—пищу, тепло, обувь, одежду. Въ рукахъ же женщинъ, кромѣ хлопотъ о пищѣ, теплѣ и воспитаніи дѣтей, сосредоточенъ, за незначительнымъ исключеніемъ, еще и весь ремесленный трудъ: калмыцкіе женщины дѣлаютъ бѣлье и всякую одежду, до шапокъ включительно, готовятъ обувь, ткутъ тесьму для кибитокъ и украшенія для себя, плетутъ веревки, канаты изъ конскаго волоса и верблюжей шерсти и шнурки изъ шелка, дѣлаютъ кошмы для кибитокъ, выдѣлываютъ мѣха для одежды и кожи для посуды обуви, сбруи и пр. То обстоятельство, что среди калмыковъ часть ремесленной производительности находится въ рукахъ женщины, какъ мы уже видѣли, не составляетъ особенности калмыковъ, а есть черта общая извѣстной фазѣ культуры, у калмыковъ же эта черта не теряется пока; конечно, благодаря условіямъ скотоводческо-кочеваго быта, при кото-

ромъ калмыцкія женщины всю почти свою жизнь проводятъ при кибиткѣ и передвигаются съ мѣста на мѣсто нераздѣльно со своимъ жильемъ и всѣмъ домашнимъ скарбомъ, а мужчины большую часть годоваго и суточнаго времени бродятъ за своими стадами то пѣшкомъ, то верхомъ на лошади, то на верблюдѣ, а съ подобнымъ проживаніемъ ремесленное занятіе несовмѣстимо.

Все, что вызывается къ жизни лишь физическою необходимостью, потомъ постепенно, путемъ исторической привычки, переходитъ въ обычай, закрѣпляется традиціей и обращается въ обрядовый порядокъ, и вотъ въ силу такого закона естественной жизни ремесленныя занятія калмыковъ въ данный моментъ освящены и закрѣплены за женщиной и національнымъ воззрѣніемъ, и обрядовымъ ритуаломъ. И потому, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мужчины живутъ уже по-долгу въ семьѣ, они никогда не берутъ на себя труда, который, по традиціи, составляетъ женское дѣло. Въ общихъ воззрѣніяхъ на положеніе женщинъ и ихъ трудъ, которые, повторяемъ, въ отдаленномъ прошломъ имѣютъ существенныя основанія, нужно искать особенность женскаго ремесла—это его узко-семейный характеръ. У калыковъ женщина—обитатель своей кибитки, семейнаго очага. Замужняя женщина можетъ кочевать лишь въ кибиткѣ своего мужа, она вольна безъ мужа отлучаться лишь на столько далеко отъ своего жилья, чтобы успѣть вернуться въ нее на ночлегъ и спать на нарочно для нея обрядомъ назначенномъ ложѣ. Тоже самое положеніе по отношенію къ кибиткѣ отца занимаетъ калмычка до замужества: въ отцовской кибиткѣ, именно у ногъ родительской постели есть опредѣленное мѣсто для ея ночлега. То положеніе, что калмыцкія женщины въ своей жизни бываютъ прикрѣплены или къ кибиткѣ отца, или къ кибиткѣ мужа—лишило женщинъ возможности работать на постороннихъ, на сосѣдей; она должна и жить въ своей семьѣ и работать только для своей семьи, она единственный трудовой агентъ въ кибиточной сферѣ, а требованія обычно-обрядовой жизни, возлагающія всѣ заботы по кибиткѣ и домашнему инвентарю на женщинъ, съ дѣтства подготовляютъ калмычекъ ко всѣмъ формамъ труда какъ жены и какъ матери, и потому всѣ калмычки—ремесленники, притомъ ремесленники однородные, именно производители своего домашняго скарба: каждая калмычка одновременно и портной, и сапожникъ, и ткачъ, и шапочникъ, и кожевникъ, и позументщикъ, и вышивальщикъ. Женщины въ своихъ ремеслахъ обработываютъ прежде всего продукты мужскаго скотоводческаго хозяйства—шерсть, волосъ и кожу, и потомъ уже матеріалы, ввозимые въ степь извнѣ и легкіе въ перевозкѣ—шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, шнурки, позументъ и шелкъ въ нитяхъ. Благодаря тому обстоятельству, что калмычки производятъ предметы личной потребности отдѣльныхъ обитателей степи, и слѣдовательно призваны удовлетворять потребности въ одеждѣ, обуви, украше-

ніяхъ и пр. съ одной стороны, а съ другой, благодаря тому, что производятъ тѣ изъ вещей, которыя всякій народъ отстаиваетъ и въ покроѣ и въ цвѣтѣ дольше всего въ своемъ быту—это одежду, обувь и украшенія и которыя къ тому же въ быту калмыковъ освящены и укрѣплены обычно-обрядовою жизнью за калмыцкими женщинами, на-равнѣ съ обязанностями матери и жены,—ремесленный трудъ женщинъ имѣетъ подъ собою совершенно прочную почву, именно всегда обильный спросъ и отсутствіе внѣшней конкурренціи. Если въ ремеслѣ калмычекъ и можно наблюдать признаки вымиранія, то этотъ процессъ коснулся лишь отдѣльныхъ предметовъ производства, не нарушающихъ въ своихъ измѣненіяхъ и замѣнахъ общаго тона въ построеніи одежды, обуви и украшеній. Такое вымирающее положеніе занимаетъ выдѣлка калмычками позументовъ и шелковой тесьмы. Приборъ для тканья или, вѣрнѣе, плетенія позумента и тесьмы состоитъ изъ деревяннаго станка („моданъ“), деревяннаго гребликa („сам“), изъ карточныхъ или деревянныхъ пластинокъ („кезюръ“ или „моданъ кезюръ“), челнока („архакъ“) и сабли или деревяннаго ножа. „Моданъ“ (фиг. 7) представляетъ слѣдующее: двѣ деревянныхъ рамки отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ арш. высоты и ширины связаны внизу неподвижно—длинною, около сажени, перекладиною. Въ обѣихъ рамкахъ низкія перекладены представляютъ какъ бы ножку, а вмѣсто верхней перекладины, на срединѣ почти рамки, немного ближе кверху, укрѣплены граненые или круглые шарниры, между которыми и натягиваются нитки. Въ общемъ станокъ ткацкій напоминаетъ своеобразно устроенные пяльцы. „Самъ“ (фиг. 8)—это менѣе четверти длины, вершка два ширины и около вершка толщины деревянный брусокъ, который въ средней своей части распиленъ по ширинѣ или высотѣ, но не до конца, на мелкія пластинки, всѣ пластинки или рубцы по срединѣ имѣютъ отверстіе, въ которыя проходитъ стержень, выходящій на одной изъ крайнихъ сторонъ, длинный конецъ стержня образуетъ ручку. „Самъ“—это среднее между гребликомъ и щеткой и служитъ для раздѣленія нитокъ основы на двѣ плоскости. „Кезюръ“ (рис. 9) состоитъ изъ карточныхъ квадратовъ, по четыремъ угламъ которыхъ сдѣланы дырочки. Количество квадратовъ должно составить четверть общаго числа нитокъ основы для работаемаго позумента или тесьмы, такъ что каждый квадратъ служитъ для четырехъ нитокъ. Если карточные квадратики замѣняются деревянными пластинками, то называются уже „моданъ кезюръ“ (дерев. карты). Назначеніе „кезюръ“—передвиженіе нитокъ основы сверху внизъ. „Архалъ“—это маленькая тоненькая деревянная пластинка съ двумя вырѣзками на одной изъ длинныхъ сторонъ, на которую наматывается пряжа утка. При тканьѣ тесьмы или позумента нитки основы въ порядкѣ, требуемомъ рисункомъ работы, прикрѣпляются на глухо къ обоимъ шарнирамъ станка, причемъ при закрѣпленіи онѣ продѣваются со-

образцу рисунку работы, въ дырочки „кезюръ“, по четыре нитки въ карту. Оконченная основа натягивается до должнаго напряженія шарнирами, которые потомъ тесьмой или шнуркомъ закрѣпляются неподвижно.

Затѣмъ нитки основы пробираются между пластинками „самъ“ такъ, что въ каждомъ промежуткѣ находится по двѣ нитки, раздѣленныя продвинутымъ между ими стержнемъ. Такимъ образомъ нитки основы натянуты посредствомъ „самъ“, они раздѣлены по-парно и съ помощью „кезюръ“ еще распялены на двѣ плоскости и работа подготовлена для тканья. Процессъ тканья состоитъ въ слѣдующемъ: нитку утка на челнокѣ („архалъ“) продѣваютъ между плоскостями справа на лѣво, или слѣва на право, придавливаютъ саблей, перемѣщаютъ при помощи „кезюръ“ плоскости, снова придавливаютъ саблей и продѣваютъ челнокъ въ обратномъ направленіи и т. д. Работа на такомъ приборѣ идетъ чрезвычайно медленно: позументовъ $^1/_2$ вершка ширины женщина въ теченіи дня можетъ сдѣлать до 2 арш., а въ 1 верш.—1 арш. Конечно, быстрота работы зависитъ еще и отъ рисунка узоровъ, которые бываютъ не только разнообразны, но и тонки до подбору тѣней. На позументахъ, работаемыхъ калмычками узоры состоятъ то изъ продольно расположенныхъ тѣней разныхъ цвѣтовъ (рис. 10), то изъ поперечныхъ рисунковъ, но всегда рисунки составляются изъ прямыхъ линій, пересѣкающихся подъ разными углами. Близко къ выдѣлкѣ позумента стоитъ приготовленіе коротенькихъ шелковыхъ тесемокъ руками, безъ всякихъ приспособленій. Нити изъ крученаго шелка привязываются однимъ концомъ въ нужномъ по рисунку порядкѣ къ чему-нибудь неподвижному и потомъ уже взаимно переплетаются, составляя опредѣленный рисунокъ, пальцами обѣихъ рукъ работницы. Этимъ путемъ приготовляются недлинныя тесьмы, неболѣе 1 арш., но за то онѣ поражаютъ тонкостью работы и изящностью рисунка. Тесьмы назначаются для разныхъ цѣлей: для шелковыхъ женскихъ платьевъ, для четокъ, для священныхъ одеждъ, и, смотря по назначенію, дѣлается и характеръ рисунка: на однихъ выплетается молитва „ом мани пат ме хоум“, на другихъ личное имя, на третьихъ—символическіе знаки (рис. 11), „алтын утцын“ (золотая нить), на четвертыхъ—узоры и проч. Всякая такая тесемка, для чего бы она ни служила, на одномъ концѣ заканчивается шелковой кистью; приготовленіе этихъ кистей составляетъ также образецъ искусства калмыцкихъ женщинъ. Шелковыя кисти рѣдко дѣлаются въ одномъ цвѣтѣ, обыкновенно же въ два, три и даже болѣе цвѣтовъ и прикрѣпляются къ тесьмѣ посредствомъ особо выплетенныхъ изъ серебряныхъ струнъ фигуръ (рис. 12). Выдѣлка позументовъ и тесьмы при несовершенствѣ орудій требуетъ громадныхъ затратъ времени и женскаго труда и въ силу одного этого производимыя калмычками издѣлія не могутъ имѣть продажной цѣнности, такъ какъ они могутъ быть замѣняемы покупнымъ товаромъ, несрав-

ненно болѣе дешевымъ, и потому болѣе доступнымъ для семей средняго достатка. Тканье позумента и шелковой тесьмы имѣетъ смыслъ удовлетворенія наличной потребности семьи въ смыслѣ предметовъ роскоши, но въ семьяхъ средняго достатка и нормальнаго состава женскій трудъ на столько отвлеченъ бываетъ въ теченіи года болѣе существенными работами и занятіями, что его ни въ какомъ случаѣ не достанетъ и на производство позумента, вслѣдствіе этого выдѣлка позумента и шелковой тесьмы осталась въ данное время лишь въ богатыхъ семьяхъ зайсанговъ и нойоновъ, гдѣ женщины не отвлечены заботами по собиранію топлива, доеніемъ коровъ, приготовленіемъ пищи и пр. и свободны отдавать свой трудъ исключительно рукодѣлью и гдѣ кромѣ того еще сохранился крѣпостной трудъ. Дѣло въ томъ, что при существующихъ еще среди калмыковъ крѣпостныхъ отношеніяхъ семьи правящихъ классовъ—зайсанговъ и нойоновъ имѣютъ возможность окружать себя даровыми рабочими изъ своихъ крѣпостныхъ, главнымъ образомъ изъ числа сиротъ или изъ бѣдныхъ семей, и между прочимъ при каждой болѣе или менѣе видной владѣльческой семьѣ всегда можно встрѣтить по нѣскольку подростковъ дѣвочекъ; во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ на каждую взрослую женщину семьи, которыя въ силу этикета постоянно находятся при особѣ своей госпожи и сопутствуютъ ей при всякомъ выходѣ изъ кибитки. Этотъ то штатъ дѣвочекъ, въ свободное отъ личныхъ услугъ госпожѣ время, сидитъ за рукодѣльемъ и ихъ трудомъ собственно и выдѣлываются позументы, тесьмы и пр. Но несомнѣнно, что съ паденіемъ среди калмыковъ крѣпостныхъ отношеній постепенно исчезнутъ въ степи и тѣ остатки позументнаго ремесла, какіе встрѣчаются еще теперь. По калмыцкимъ преданіямъ производство тесьмы и позументовъ прежде было весьма распространено среди астраханскихъ калмыковъ, и ихъ произведенія имѣли рыночную цѣну не только въ самой степи, но и за ея предѣлами. Теперь средніе классы населенія довольствуются позументами и тесьмами покупными, и роскошь позволяютъ себѣ лишь богатыя семьи владѣльческаго класса, но не далеко время, когда позументы калмыцкаго издѣлія будутъ составлять археологическую рѣдкость.

Въ процессѣ вымиранія находятся и нѣкоторыя другія ремесла женщинъ, напр. выдѣлка шкуръ жеребятъ для „даха“ (шубъ), а надъ другими занятіями этотъ процессъ уже и завершился. По крайней мѣрѣ есть основаніе предполагать, что было время въ исторической жизни калмыковъ уже въ стадіи номадства, когда среди калмыковъ вырабатывалось все, чего требовала ихъ несложная жизнь, но эта пора давно уже миновала и едва сохранилась въ памяти народной, но калмыки помнятъ, что въ недалекомъ еще прошломъ среди нихъ несравненно больше было видовъ ремесленниковъ, чѣмъ въ настоящее время: такъ недавно еще калмычки красили много мерлушекъ въ черный цвѣтъ, а теперь утратился даже секретъ окраски.

Несравненно болѣе прочно стоитъ въ данный моментъ ремесленное производство предметовъ первой необходимости узко-семейнаго круга потребленія, куда относятся: выдѣлка кибиточныхъ кошемъ и тканье тесьмы для нихъ, пряденіе шерсти, витье веревокъ, выдѣлка овчинъ, изготовленіе каменной посуды, обуви, одежды и вышиваніе. Каждое изъ этихъ занятій интересно въ этнографическомъ смыслѣ не по одной своей распространенности, или всеобщности, но и по оригинальности: все здѣсь самобытно — и орудія производства, и техническіе пріемы, равно какъ форма и рисунки произведеній. Та степень совершенства произведеній женскаго труда, на которой они находятся въ данный моментъ, обрисовываетъ не одно терпѣніе и трудолюбіе калмыцкихъ женщинъ, ихъ наблюдательность, но до извѣстной степени вкусъ въ изящномъ.

Въ настоящее время только лѣтняя одежда и обувь отчасти, изготовляются женщинами изъ матеріаловъ, пріобрѣтаемыхъ на сторонѣ — холста, бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей, а также юфти и сафьяна, для большинства же остальныхъ вещей эксплуатируется матеріалъ, какой можетъ доставлять скотоводческое хозяйство — это шерсть, волосъ и кожа. Всѣ эти матерьялы доставляютъ мужчины, на обязанности которыхъ лежитъ и стрижка скота, и обрѣзываніе волосъ, и сниманіе шкуръ съ животныхъ, а женщины вступаютъ во владѣніе и распоряженіе этими предметами по доставленіи ихъ въ кибитку, въ чемъ нельзя не видѣть остатка тѣхъ первобытныхъ отношеній, когда мужчины вели еще жизнь охотниковъ и приносили свою добычу, свои трофеи въ жилища кормящихъ ихъ женщинъ. Ранѣе изготовленія предметовъ одежды, обуви или кибиточнаго инвентаря, что происходитъ въ болѣе холодное время, матеріалы проходятъ въ рукахъ женщинъ черезъ рядъ манипуляцій, и вся такая предварительная обработка матерьяловъ обыкновенно пріурочивается къ теплому времени года, такъ какъ должна производиться не въ тѣсной кибиткѣ, а на открытомъ воздухѣ. Такъ, выдѣлка овчинъ калмыцкими женщинами производится слѣдующимъ образомъ. Только что снятую съ животнаго шкуру смачиваютъ разсоломъ, въ который, если животное было жирное, прибавляютъ мелкаго песку или глины и высушиваютъ. Когда нужно бываетъ выдѣлать шкуру, обыкновенно къ осени (когда больше бываетъ молока), ее прежде всего моютъ, и съ сырой еще, тупымъ ножемъ отдѣляютъ жирныя части и плеву; потомъ просушиваютъ нѣсколько, главнымъ образомъ со стороны шерсти, сильно смачиватъ, противуположную сторону сывороткой („адамыкъ усунъ“), разстилаютъ на травѣ шерстью въ низъ, настолько густо смазываютъ верхнюю ея часть „бозо“ (молочный остатокъ послѣ варенія водки-арьки) съ солью, что сверхъ кожи образуется творожистый слой и оставляютъ сохнуть дня 2—3 на солнцѣ. Съ высушеной кожи тщательно счищаютъ ножомъ „бозо“, а жесткія части мнутъ ру-

ками; затѣмъ снова и прежнимъ порядкомъ намазываютъ „бозо“, но только болѣе жидкимъ и это повторяется разъ 10, пока кожа не сдѣлается совершенно мягкою.

Тогда ее натираютъ мѣломъ, и затѣмъ уже вытряхиваютъ и чистятъ шерсть, и кожа готова. Овчины, выдѣланныя калмычками, бѣлы, мягки и не имѣютъ совершенно того непріятнаго запаха, который издаютъ кожи русской выдѣлки. Въ зиму изъ такихъ шкуръ шьютъ шапки, мужскія и женскія, разнаго покроя шубы. Для „шалбуръ“—зимнихъ штановъ—обработываютъ шкуры козъ. Съ этой цѣлью шкурку козы предварительно моютъ, потомъ брѣютъ и потомъ мочатъ въ „бозо“ дней 7—10, послѣ чего высушенную и очищенную отъ „бозо“ кожу натираютъ съ обѣихъ сторонъ масломъ. Подобнымъ же образомъ происходитъ и выдѣлка ремней. Шкуру рогатаго скота, вымытую, очищенную отъ шерсти и разрѣзанную на полосы, кладутъ дней на 10 въ „бозо“ съ солью, послѣ чего ремни, очищенные отъ „бозо“ готовы. Но употребляется, хотя и рѣже, и другой способъ выдѣлки ремней, именно въ случаѣ недостатка молока. Кожу, очищенную отъ шерсти и разрѣзанную на полосы, ударяютъ деревянной колотушкой („шâбар“) около 1500 разъ, для чего складываютъ вмѣстѣ ремня по три—четыре. Полосы, на которыя разрѣзываются шкуры, всегда бываютъ опредѣленной формы и размѣра, именно коровья шкура разрѣзывается на 21 ремень или на 3 сѣдельныхъ прибора, по 7 ремней въ каждомъ. Для сшиванія кожаныхъ вещей женщинами приготовляются изъ овечьихъ сухожилій нитки. Съ этой цѣлью сырыя сухожилья („шур бюсын“) кладутъ дня на два-на-три въ „бозо“, послѣ чего сушатъ и бьютъ по нимъ „шабыр“, отчего сухожилья обращаются въ мягкія тесьмы, которыя уже расщепляются руками въ тонкія нити, не длиннѣе шести вершковъ, а изъ короткихъ нитей сучатся длинныя нитки—шнурки („шур бюсын утцын“), требуемой толщины. Чтобы такими нитями шить, въ кожѣ предварительно прокалываютъ дырочки шиломъ и по нимъ уже шьютъ иглой. „Шур бюсын утцын“ употребляется при сшиваніи „архотовъ“ (родъ громадныхъ кувшиновъ до 3-хъ ведеръ емкости) „сулго“ (ведра, деенки) изъ шкуръ сыромятныхъ, грубо выдѣланныхъ, „уута“ (мѣшки для собиранія кизяка), „далинкъ“ (переметныя сумы для верховой ѣзды). Аналогичнымъ способомъ, какъ и нитки, выдѣлываются и струны для національнаго инструмента „домбры“.

Изъ волоса верблюжьяго и конскаго калмычки самымъ первобытнымъ ручнымъ способомъ, безъ всякихъ инструментовъ, вьютъ веревки для разныхъ назначеній въ хозяйствѣ. Несравненно болѣе сложный процессъ происходитъ при обработкѣ шерсти. Обработка шерсти начинается съ сортировки ея по цвѣтамъ. Состриженную съ овецъ шерсть женщины распредѣляютъ по группамъ: въ одну кучу откладывается черная шерсть, въ дру-

гую—рыжая, въ третью—бѣлая и въ четвертую—сѣрая, которая попадается очень рѣдко. Разсотрированную шерсть моютъ въ ильменяхъ или „цандыкахъ“ (дождевыхъ лужахъ) или около „худыковъ“ (степныхъ колодцевъ), сушатъ и расчесываютъ руками, причемъ комки шерсти, не поддающіеся расческѣ, складываютъ въ кучу. Когда комковъ наберется достаточно, кладутъ рѣшетку—„шетымъ“ (она употребляется какъ изгородь, вродѣ „терме“, но прямая), покрываютъ ее нѣсколькими кошмами, а на верху стелютъ лошадиную или коровью сыромятную кожу („оца“) и на нее накладываютъ комки шерсти, которую бьютъ короткими палочками („савà“). Процессъ битья шерсти возлагается обыкновенно на молодежь, которая сопровождаетъ работу пѣніемъ. Бьютъ шерсть до тѣхъ поръ, пока отъ нея не отдѣлится вся грязь и шерсть можно будетъ расчесывать. Чесанье шерсти у калмыковъ представляетъ своего рода великорусскія „помочи“: въ кибитку, гдѣ идетъ расческа шерсти собираются женщины со всего хотона и хозяева во время работы устраиваютъ имъ угощеніе.

При расчесываніи лѣтней короткой ягнячей шерсти ее мѣшаютъ съ весеннею длинною. Расчесанную шерсть сначала складываютъ въ небольшіе пучки, а потомъ, когда вся шерсть уже расчесана, пучки скручиваютъ (двое человѣкъ) вмѣстѣ въ одну веревку, аршина два длины и дѣлаютъ изъ нея свертки „мошкосынъ носенъ“. Лѣтомъ расчесываніе шерсти происходитъ около кибитки, а осенью—въ самой кибиткѣ.

Расчесанная шерсть идетъ или на кошмы, или на нитки. Для прядѣнія нитокъ изъ очищенной шерсти сначала путемъ наматыванія на указательный палецъ лѣвой руки, дѣлаютъ маленькіе свертки „тю(у)дукъ“. Къ концу „тю(у)дукъ“ прикрѣпляютъ веретено „икгъ“ (рис. 13), которое состоитъ изъ постепенно съуживающійся палочки („иши“) съ шейкой („чикинъ“) въ толстомъ концѣ и надѣтаго на „иши“ колеса („теига“). При пряденіи веретено тупымъ концомъ ставится на землю, а острымъ вверхъ, и процессъ пряденія состоитъ въ томъ, что тонкій конецъ веретена сучатъ о колѣно, колесо вертится, отчего скручивается нитка желательной толщины. Выдѣланная такъ нитка употребляется для шитья, для тканья-же тесьмы нитка предварительно сучится. Для этого женщина втыкаетъ въ землю палочку (рис. 14) или ножницы, или длинный гвоздь, обхватываетъ его ниткой и, взявши оба свободные конца ея, сучитъ на обнаженномъ колѣнѣ въ шнурокъ. Изъ сученыхъ нитокъ калмычки ткутъ тесьмы („хошлымъ“) для кибитокъ. Тесьмы дѣлаются изъ бѣлой шерсти или изъ бѣлой съ сѣрою и бываютъ разной ширины, но длина ихъ въ работѣ обыкновенно бываетъ 12 „алды“ *). Прежде всего вбиваютъ на такомъ разстояніи, какой длины

*) «Алда»—размахъ рукъ; $^1/_2$ алды—«эрель-алда».

предполагается тесьма, два колышка и вокругъ нихъ снуютъ нитки, т. е. обводятъ вокругъ нихъ такъ, что они оказываются въ срединѣ двухъ какъ бы стѣнокъ изъ нитокъ (рис. 15). Послѣ того, какъ сдѣлана основа, между двухъ стѣнокъ нитей вставляется значительно толще и длиннѣе колышковъ палка „котцынъ“ и къ ней шнуркомъ не туго прикрѣпляются нитки парами такъ, что каждый узелъ прикрѣпляетъ къ палкѣ одну изъ правой и одну изъ лѣвой плоскости. „Китцынъ“ кромѣ того, что раздѣляетъ нитки на двѣ площади, но еще разширяетъ самыя плоскости нитокъ, при этомъ онъ свободно передвигается и ставится отъ мѣста, гдѣ тчется аршина на $1^1/_2$ впереди. Послѣ прикрѣпленія нитокъ къ „китцыну“ нитки поворачиваются такъ, что плоскости принимаютъ горизонтальное положеніе, образуя верхнюю и нижнюю плоскости. Поворотъ достигается тѣмъ, что „китцыну“ даютъ горизонтальное направленіе, подложивъ подъ него снизу свернутую кошму или какую нибудь одежду (рис. 16). Послѣ этого устраиваютъ „элекдынъ-десынъ“ — родъ петель, въ которыя проходятъ нитки основы чрезъ одну и заканчиваются палочкой, какъ-бы рукояткой. „Элекдынъ-десынъ“ служитъ для того, чтобы передергивать нитки основы, такъ, что нижнія нитки проходятъ на верхъ, а верхнія — внизъ. При тканьѣ тесьмы употребляется еще деревянная сабля (рис. 17) или широкій деревянный ножъ около $^3/_4$ аршина длины и около $2^1/_2$ вершк. ширины. Этимъ ножемъ, во первыхъ сжимается пряжа утка, а во вторыхъ, если его поставить, то расширяются между собой двѣ плоскости основы. Процессъ тканья состоитъ въ слѣдующемъ: ткущая женщина помѣщаетъ ножъ, держа его правой рукой, между двумя плоскостями и, приблизивъ его къ мѣсту, гдѣ въ данный моментъ ткутъ, поворачиваетъ на ребро, отчего пространство между плоскостями здѣсь еще болѣе расширяется. Послѣ этого пряжу утока рукой продѣваютъ между плоскостями нитокъ основы вблизи сабли, положимъ справа на лѣво, и придавливаютъ ее плотно къ затканной уже части ударомъ ножа, потомъ вынимаютъ послѣдній и потянувъ за „элекдынъ-десынъ“ такъ, что нитки верхней плоскости перейдутъ внизъ, а низшія вверхъ, осторожно раздѣляютъ ножомъ обѣ плоскости, снова прижимаютъ положенныя нитки „утка“ и ставятъ ножъ на ребро, что даетъ возможность продвинуть нитку утка обратно слѣва на право и т. д. Подобнымъ первобытнымъ способомъ калмычка успѣваетъ выткать тесьму въ 90 нитокъ при $12^1/_2$ „алды“ длины въ 5 дней при другихъ домашнихъ работахъ.

Работа по выдѣлкѣ кошемъ требуетъ значительное число лицъ, почему эта работа производится, какъ и расчесываніе шерсти путемъ „помочей“. Прежде всего въ кибиткѣ стелется кошма имѣющая значеніе просто подстилки отъ грязи; поверхъ нея стелютъ другую кошму, а если предположено сдѣлать большую кошму, то и двѣ сшитыя вмѣстѣ; на этихъ кошмахъ на-

кладываются сначала одинъ рядъ или слой шерсти, а потомъ и другой. Послѣ этого кошмы кромѣ подстилки скатываются въ видѣ трубки, и этотъ, довольно тяжелый, свертокъ, человѣкъ 5—6 выносятъ изъ кибитки, развертываютъ его на чистомъ мѣстѣ и женщины двѣ или три, снявши обувь ходятъ по шерсти осторожно и брызгаютъ черезъ руку теплой водой. Когда шерсть достаточно смокнетъ, снова кошмы скатываютъ вмѣстѣ съ шерстью и обвязываютъ туго вокругъ арканомъ, обыкновенно изъ верблюжьей шерсти. Для этой цѣли сверхъ свертка сначала располагаютъ зигзагами арканъ (фиг. 18), а потомъ поворачиваютъ свертокъ, такъ что зигзаги аркана оказываются внизу, и тогда оставшуюся часть аркана захватываютъ за петли зигзагомъ и стягиваютъ очень крѣпко. Когда свертокъ готовъ, его кладутъ на „шетымъ“ и человѣкъ 5—7, даже болѣе, подогнувъ штаны, продѣваютъ кисти рукъ подъ арканъ и начинаютъ работать: сначала дружно приподымаютъ свертокъ такъ, что онъ катится вверхъ по обнаженнымъ колѣнямъ, а потомъ дружно-же бьютъ имъ о „шетымъ“, для чего всѣ немного приподымаются на колѣняхъ. Послѣ каждаго удара свертокъ нѣсколько поворачивается вокругъ своей оси, такъ что онъ бьется въ теченіи работы равномѣрно во всѣхъ своихъ точкахъ. Для прочной кошмы приходится сдѣлать 2500 ударовъ. Затѣмъ свертокъ развязываютъ, развертываютъ кошму, въ которой шерсть заворачивалась, оставляютъ сушиться на воздухѣ, а вновь сдѣланную кошму перекладываютъ въ другую, сухую, скатываютъ вмѣстѣ, какъ и прежде, и несутъ въ кибитку. Здѣсь, развернувши свертокъ, поливаютъ кошму теплой водой и сывороткой („адомегинъ шароусенъ“) и опять скатываютъ вмѣстѣ съ готовой кошмой. Послѣ этого 6 женщинъ (при кошмѣ средней величины) садятся рядомъ, протягиваютъ обнаженныя ноги, и еще двѣ женщины, самыя опытныя, помѣщаются возлѣ краевъ кошмы: онѣ поддерживаютъ концы свертка и слѣдятъ, чтобы новая кошма не выходила изъ своей оболочки и была прямa, остальныя женщины, положивъ свертокъ къ себѣ на ноги, бьютъ его, приподнимая дружно вверхъ и постепенно поворачивая. Такихъ ударовъ приходится сдѣлать 250. Послѣ 250 ударовъ свертокъ развертываютъ, новую кошму перевертываютъ на другую сторону, свова скатываютъ и прежнимъ порядкомъ дѣлаютъ снова около 250 ударовъ. Это продолжается до семи разъ. Послѣ этого новую кошму освобождаютъ отъ ея оболочки, скатыкаютъ потуже, обвязываютъ арканомъ и катаютъ; для этого всѣ 8 женщинъ, стоя рядомъ на колѣняхъ, съ засученными рукавами, наклоняются впередъ и дружно катаютъ свертокъ, по подосланной кошмѣ, причемъ дѣлается 50 концовъ катанья. Выкатанную кошму развертываютъ, выносятъ изъ кибитки, равняютъ, вытягиваютъ ее на подосланной кошмѣ по всѣмъ сторонамъ и сушатъ, переворачивая ее нѣсколько разъ на обѣ стороны. Когда кошма высохла, она уже готова. Обыкновенно

кошму успѣваютъ сдѣлать въ одинъ лѣтній день, но только если есть столько рабочихъ, что они взаимно чередуются. Главные рабочіе—женщины, но въ нѣкоторыхъ процессахъ работы, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, помогаютъ и молодые мужчины. Въ этой работѣ самое трудное—это наложить шерсть ровно на кошму и потомъ при битьѣ о ноги слѣдить, чтобы кошма дѣлалась прямою. Накладываютъ на кошмы шерсть („носенъ золху") и слѣдятъ за работою обыкновенно старухи, или хоть и не старыя, но опытныя женщины, битье о „шетымъ" („ишки аркалкгынъ") производитъ молодежь обоего пола, а все остальное замужнія женщины, именно: битье кошмы о колѣна („даралкганъ") и катанье шерсти („тохалъ долганъ"), а расшиваютъ кошмы, если приходилось ихъ сшивать—дѣти.

Осеннія кошмы дѣлаются туже и ихъ употребляютъ на кибитки, а весеннія—помягче. При послѣднихъ кошмахъ число ударовъ съ 2500 уменьшается до 1500, вмѣсто 250 только 150 и вмѣсто 7 разъ перевертываютъ всего 5 разъ. Въ производствѣ кошемъ мы встрѣчаемся, такимъ образомъ съ первобытной ассоціаціей рабочихъ силъ. Основаніемъ этого явленія, конечно, служитъ фактъ физической невозможности для силъ не только одной или двухъ женщинъ семьи но и для труда в сѣхъ членовъ семьи выполнить необходимую работу.

Но интересна самая форма ассоціированія рабочихъ силъ для производства подобной работы: не смотря на особенность кочевой обстановки, она представляетъ собой всѣ свойства ассоціаціи населенія, гдѣ экономическіе принципы или капиталъ занимаютъ еще не господствующее значеніе, а подчиненное положеніе среди агентовъ этическихъ, именно въ видѣ „помочей", соединенныхъ съ торжествомъ при сборѣ основныхъ продуктовъ хозяйства.

Эта форма у разныхъ народовъ сопровождаетъ разные трудовые моменты, смотря по роду занятій: у малороссовъ, напримѣръ, праздникъ труда связывается и заканчивается съ лѣтней страдой—„обжинки", у великороссовъ такой праздникъ составляетъ сѣнокосъ, у южныхъ народовъ Европы—сборъ винограда, а у калмыковъ, какъ народа исключительно скотоводческаго, праздникъ труда связывается съ расчесываніемъ шерсти и валяніемъ кошемъ. Какъ и у другихъ народовъ, праздникъ труда связывается и у калмыковъ съ участіемъ въ работѣ молодежи и сопровождается пѣснями работающихъ и угощеніемъ со стороны хозяевъ.

Не входя въ описаніе занятій калмычекъ по приготовленію одежды, обуви, кибиточныхъ кошемъ, каковыя занятія не носятъ на себѣ оригинальностей обстановки и къ которымъ придется обратиться въ другомъ мѣстѣ этнографическихъ очерковъ, остановимся на вышивкахъ калмыковъ, въ которыхъ обрисовываются эстетическія склонности степняковъ и отражается фантазія калмыцкихъ женщинъ. Вышивки и шитье шелками и золотомъ

весьма распространено среди калмыковъ (рѣдкая развѣ калмычка не умѣетъ этого дѣлать) – и служатъ для украшенія: 1) священныхъ одеждъ („доджикин“ и дарькинъ хубцынъ“); 2) шапокъ гелюнговъ, круглыхъ подушекъ („туюнтыкъ“) и квадратовъ („дерынъ-зекъ“) къ брачной постели, и 3) праздничныхъ одеждъ и шапокъ женщинъ. Рисунки вышивокъ калмычекъ рѣдко представляютъ собою однородность по матеріаламъ вышивки, а чаще всего комбинируются изъ шитья золотомъ или шелкомъ, вышивокъ шнурками и нашивокъ изъ тесьмы, позумента и парчевыхъ лентъ. Такъ, что въ общемъ рисунокъ составляется: а) изъ вышивки шнурками („зекъ“), б) шитья нитками („хат-хамыр“), в) нашивокъ изъ позумента (кюсьме), г) парчи („чимкере“) и д) обшивки изъ шнурка („утценъ“). „Кюсьма“, „чимкере“ и „утценъ“ представляютъ въ украшеніи какъ-бы рамку для вышиванья, самое вышиванье чаще всего состоитъ изъ нашивокъ шнурками фигуръ, въ которыхъ пустыя мѣста заполняются уже шитьемъ золотомъ или шелкомъ. Въ рисункахъ вышивокъ нельзя не видѣть той же бѣдности формъ, какой страдаетъ и сама монотонная степь калмыковъ. Солнце, луна, звѣзды, радуга и зигзаги молніи – на небѣ, и кибитки, или бугры на землѣ — вотъ единственные предметы, которые способны задерживать зрѣніе калмыцкихъ женщинъ и дать ему опредѣленное впечатлѣніе въ широкой глади степи, гдѣ перспектива не разнообразится ни горами, ни даже деревьями и гдѣ травяная растительность не выдѣляетъ изъ общей монотонной массы отдѣльныхъ экземпляровъ растеній, способныхъ приковать вниманіе обитателя или своими листьями, или цвѣтомъ. Вотъ почему въ вышивки калмыцкое воображеніе женщинъ перенесло фугуры небесныхъ свѣтилъ и зигзаговъ молніи, потомъ еще кибитки, бугры и все окрасило въ цвѣта радуги. Ни четвероногое, ни птица, ни бабочка, ни жучекъ не встрѣчаются въ рисункахъ вышивокъ, равно какъ нѣтъ въ послѣднихъ и предметовъ растительнаго царства, и это составляетъ оригинальность калмыцкаго шитья, тѣмъ болѣе, что въ миѳологическо-поэтическомъ міровоззрѣніи калмыковъ животный міръ имѣетъ представителей (орелъ, левъ, ласточка, лягушка и пр.) и что техника калмыцкихъ женщинъ въ работѣ на столько совершенна, что способна, какъ увидимъ ниже преодолѣвать трудности въ изображеніи людей, цвѣтовъ и пр. Въ обыкновенныхъ вышивкахъ чаще другихъ встрѣчается рисунокъ, представляющій радужную ленту (фиг. 19), затѣмъ идутъ рисунки въ формѣ буквы Т (фиг. 20) въ видѣ холма или кибиточнаго конуса (рис 21) или въ видѣ ущербленной луны (рис. 22); рѣже можно встрѣтить рисунки, состоящіе, впрочемъ, лишь изъ комбинаціи простыхъ четырехъ фигуръ (рис. 23). На верхушкахъ гилюнгскихъ шапокъ и на круглыхъ подушкахъ нашиваются изъ шнурковъ еще особые лепестки (рис. 25) и фигуры, напоминающія по формѣ

сегнерово колесо (рис. 26). Во всей степи намѣченные рисунки выдерживаются въ довольно чистомъ видѣ не по однѣмъ формамъ, но и по цвѣтамъ. Прежде всего въ національныхъ вышивкахъ калмычекъ совершенно не употребляются цвѣта: малиновый („бель джиргне экге"), пепельный („умсынъ онкгете"), пестрый („цохаръ"), сѣрый („боро"), коричневый („кюрюнъ"), сиреневый („цыганъ занден"), и лиловый („занден"), а въ комбинаціи рисунковъ входятъ цвѣта: синій („кеке"), темно-синій („хора кеке"), голубой („ценкыръ„), свѣтло-голубой („цаганъ цанкыр"), оранжевый („мал") съ тѣнями отъ темно („хара") до свѣтло (цаганъ)—оранжеваго, зеленый („коган") съ тѣнями (хара и шара), желтый („шара"), красный („уланъ"), розово-красный („уланъ ошке"), розовый („ошке), бѣлый („цаганъ"), серебристый („менгкенъ") и золотистый („алтын"). Въ разнообразіи цвѣтовыхъ названій, и особенно въ подборѣ цвѣтовъ на рисункахъ проявляется свойство зрѣнія степняковъ—острота и тонкость въ различеніи мельчайшихъ штриховъ, оттѣнковъ и подробностей.

Подбираются цвѣтовыя тѣни въ вышивкахъ по едва уловимымъ нюансамъ, хотя и съ соблюденіемъ всегда одной общей системы: въ срединѣ рисунка помѣщается черный цвѣтъ, а отъ него идутъ—съ одной стороны красный съ тѣнями, а съ другой—зеленый; красный замѣняется иногда оранжевымъ съ тѣнями. но въ такомъ случаѣ въ рисункѣ не бываетъ чернаго цвѣта, а зеленый замѣняется синимъ съ тѣнями. Тѣни красной половины слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, начиная отъ чернаго: красный, розово-красный, розовый и серебристый, а тѣни зеленаго—темно-зеленый, зеленый желто-зеленый и золотистый, тѣни синяго цвѣта отъ средины: темно-синій, синій, голубой и свѣтло-голубой, наконецъ тѣни оранжеваго цвѣта: темно-оранжевый, оранжевый, свѣтло-оранжевый и желтый. При этомъ рисунокъ въ три цвѣта—черный, зеленый и красный иногда складываются не изъ восьми, а изъ пятнадцати, въ такомъ случаѣ къ зеленымъ тѣнямъ прибавляются еще три тѣни желтаго, а къ красному оранжевый съ тѣнями. Кромѣ вышивокъ въ тѣнь среди калмыковъ существуютъ и вышивки одноцвѣтныя—это шитье золотомъ и серебромъ по бархату на женскихъ шапкахъ („махла халабын") и вышиваніе бурхановъ, гдѣ изъ шитья составляется не только фонъ, но и весь рисунокъ съ его деталями—одежда тѣла, черты лица и проч. Послѣдняго рода шитье составляетъ своего рода религіозный подвигъ и производится при монастыряхъ дѣвушками и вдовами, для чего они на все время работъ собираются въ нарочно устанавливаемыя для нихъ кибитки и ведутъ свою работу подъ руководствомъ духовныхъ живописцевъ („зурачи") и избираемыхъ изъ среды работницъ, обыкновенно зайсангшъ искусныхъ женщинъ. Вышивается исключительно только бурханъ Майдри и всегда въ громадныхъ размѣрахъ—въ нѣсколько квадратныхъ

аршинъ. Шитье калмычекъ въ этомъ случаѣ бываетъ на столько искусно, что отъ живописи его можно отличить лишь при ближайшемъ разсмотрѣніи. Конечно, искусное шитье среди калмычекъ не общая черта и въ послѣднее время шитье шелками и золотомъ несомнѣнно уже падаетъ, такъ какъ для бѣдныхъ оно недоступно по цѣнности матеріаловъ, а богачки начинаютъ пользоваться для своихъ одеждъ услугами астраханскихъ и другихъ золотошвеекъ, а вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ среду калмычекъ шитья городскаго, теряется и цѣльность рисунковъ, напр, вводится шитье листьевъ, винограду и проч.

Мы уже выше видѣли, что въ ремесленномъ трудѣ женщинъ, наприм. при валяніи кошемъ, приглашаются участвовать и мужчины, что составляетъ явленіе жизненной необходимости: физическое безсиліе женщинъ при совершеніи нѣкоторыхъ актовъ женскаго труда. Тѣ же причины, безъ сомнѣнія, породили ремесленныя занятія, совмѣстно производимыя обоими полами въ каждой семьѣ, а также выдѣлили часть ремесленнаго труда изъ занятій женщинъ въ спеціальныя занятія мужчинъ. Къ первой категоріи труда принадлежитъ, напр., подготовка верблюжьихъ и лошадиныхъ шкуръ для выдѣлки ихъ на посуду. Прежде чѣмъ кожа поступаетъ для окончательной выдѣлки къ спеціалисту, ее подготовляетъ каждая семья. Кожу сначала мочатъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается мягкой, а затѣмъ уже ее брѣютъ. Съ этою цѣлью берутъ аршина полтора длины колъ („кгасынъ“) и втыкаютъ его заостреннымъ концомъ въ землю, а сверху на тупой конецъ набрасываютъ кожу, натягиваютъ ее и брѣютъ. Послѣдняя работа должна быть сдѣлана быстро, пока кожа не засохла, а потому бритье кожи всегда производятъ два лица; одно брѣетъ, а другое точитъ ножи и подаетъ. Часа черезъ два бритье оканчивается и кожу для просушки растягиваютъ посредствомъ вбитыхъ по краямъ кожи колышковъ. Высушенную совершенно послѣ бритья кожу смазываютъ съ обѣихъ сторонъ бараньимъ саломъ, котораго идетъ на это около фунта, и оставляютъ ее на солнцѣ, пока сало впитывается, а затѣмъ изъ кожи кроятъ „архоты“, „сулго“, „бербе“ и проч. На это употребляется только середина кожи, а окраины идутъ на ремни для уздечекъ, недоуздковъ („ногго“), для связыванія кибиточныхъ рѣшетокъ („терме“) и пр. Всѣ перечисленныя работы по подготовкѣ кожи производитъ каждая отдѣльная семья, при этомъ мужчины брѣютъ и растягиваютъ кожу для просушки, а женщины мочатъ, смазываютъ ее саломъ и кроятъ.

Вторую категорію работъ, чисто мужскихъ, составляютъ отдѣльныя ремесла и спеціальности. Изъ ремесленнаго труда женщинъ къ мужчинѣ перешли у калмыковъ тѣ формы труда, которыя или непосильны женщинамъ, или которыя связаны съ отлучками на сторону, съ удаленіемъ, болѣе или ме-

нѣе продолжительнымъ, отъ жилья—это производство изъ дерева и металла, т. е. изъ матеріаловъ, которые не извлекаются изъ собственнаго хозяйства, а пріобрѣтаются на сторонѣ.

Хотя, собственно, у калмыковъ назначеніе мужчины—забота о стадахъ и табунахъ, но жизнь требуетъ, чтобы были производимы и деревянныя части кибитки, и удила для лошадей, и кольца для украшеній, и сосуды для хуруловъ, и щипцы для очага,—и подобныя требованія жизни заставили калмыковъ выдѣлить часть мужскаго населенія, которое-бы, оставивъ скотоводческое хозяйство, отдалась ремеслу. Мнѣ пришлось встрѣтить въ степи представителей трехъ ремеслъ: обработки кожи для „архотовъ“, столяровъ и серебрянниковъ.

Столяры въ степи бываютъ двухъ типовъ: одни дѣлаютъ „харачи“ для кибитокъ, а другіе—„терме“ и „унюны“. „Терме“ дѣлаются изъ сосны („харга“) и окрашиваются охрой („засынъ“) и сурикомъ („хонтокъ“), а скрѣпляются ремешками изъ коровьей кожи. За работу шести „терме“ изъ матеріала заказчика столяръ калмыкъ (Шабинер. р., Яндык. ул.) береть 7 руб., а изъ своего матеріала (дерева, краски, ремень)—20 р.; дерево добывается изъ Астрахани (верстъ 100 разстоянія). Изъ инструментовъ, кромѣ обыкновенной пилы („керя“), топора („сюке“) и струга („татуръ“) у работающихъ „терме“ употребляется совершенно оригинальный инструментъ для сверленія дыръ въ „терме“ („орюмъ“). Два кола „(кгасынъ“), внизу заостренные, вбиваются въ землю; черезъ отверстія въ верхнихъ концахъ коловъ проходитъ валикъ, въ одинъ конецъ котораго вбитъ заостренный гвоздь („гвозидъ орюмъ“), а въ другой вбитъ гвоздь, шляпка котораго удерживаетъ валъ въ одномъ положеніи; на срединѣ вала наброшена веревка съ петлями по концамъ (рис. 27). Посредствомъ надѣтой на валъ веревки одинъ человѣкъ быстро вращаетъ валъ, а другой въ это время прикладываетъ и нажимаетъ къ острію гвоздя то мѣсто дерева, гдѣ нужно сдѣлать отверстіе, и такимъ образомъ сверлятъ всѣ дырочки въ „терме“.

Нѣсколько болѣе приспособленій у столяра, готовящаго для кибитокъ „харачи“: у него въ употребленіи топоръ, пила, молотокъ, буравъ („бургу“), долото („шюйчи“), рашпиль („у (ю) робтырь“), оригинальный инструментъ „оли“ для отрубанія и еще приспособленіе для очертанія круга.

У мастера „харачи“ въ Шабинер. р., Яндык. ул., рашпиль собственнаго издѣлія,—именно на кускѣ толстаго желѣза, шириною въ палецъ и длиною въ $^1/_2$ аршина насѣчена поперечная—бороздка. „Оли“—это родъ топора (рис. 28), но только желѣзо на немъ надѣто, какъ на садовой мотыгѣ. „Оли“ употребляется вмѣсто топора при выравниваніи круга. Для черченія круга употребляется своеобразный циркуль (рис. 29): на прямой длинной палкѣ (длина ея болѣе величины діаметра харачи) на половинѣ

вбивается заостренный колышекъ, на одномъ изъ концовъ палки сдѣланъ рядъ круглыхъ отверстій, въ которыхъ вставляютъ болѣе короткій, но заостренный-же колышекъ, а на противоположномъ концѣ придѣлана палочка, въ видѣ ручки. Когда нужно очертить кругъ, то серединный колышекъ втыкается въ центрѣ кибитки въ землю, а крайній колышекъ вставляютъ въ одно изъ отверстій на концѣ палки, смотря по требуемой величинѣ круга, и вращая за ручку весь приборъ, чертятъ на землѣ нужный кругъ. По этой чертѣ круга выкапывается канавка такой глубины, чтобы въ нее могло войти $^3/_4$ высоты харачи, а ширина соотвѣтственно ободу харачи. Такой кругъ и служитъ прежде всего мѣрою при выстругиванія кусковъ дерева для харачи. Такихъ кусковъ нужно бываетъ 13, 14, 15, смотря по величинѣ харачи, въ 7, $7^1/_2$ и 8 четвертей въ діаметрѣ. Когда всѣ отдѣльныя куски для харачи подготовлены и нужно склеить ихъ вмѣстѣ, то ихъ складываютъ въ нужномъ порядкѣ въ бороздку круга, намазываютъ клеемъ и сжимаютъ колышками, которые вбиваютъ по обѣимъ сторонамъ харачи. Для склеиванія харачи въ Яндыковскомъ улусѣ и Мочагахъ употребляется рыбій клей („зусунъ“), который приготовляютъ сами калмыки изъ плавательныхъ пузырей красной рыбы. Дерево, употребляемое для харачи — береза („хусумъ“). За работу харачи нормальной кибитки шабинеровскій мастеръ беретъ обыкновенно отъ 4 до $4^1/_2$ р., за харачи-же хурульные, размѣръ которыхъ доходитъ до 15 четвертей въ діаметрѣ, плата увеличивается до 15 р. У столяровъ, ближе стоящихъ къ осѣдлому населенію, напр. въ приволжскихъ мѣстахъ или на калмыцкомъ базарѣ, гдѣ ихъ живетъ болѣе 10, инструменты уже не національные, а русскіе, и самое производство уже теряетъ свою патріархальную простоту: дѣлается все на скорую руку, и хотя дешево, но непрочно; харачи уже не выклеиваются изъ кусковъ, а передѣлываются изъ ободьевъ дубовыхъ, которые получаются на Форпостѣ, въ предмѣстьѣ Астрахани.

У калмыцкихъ серебрянниковъ можно встрѣтить довольно полный наборъ всѣхъ инструментовъ, какіе встрѣчаются у европейскаго серебрянника ремесленника. У нихъ есть наковальня („дешъ“), мѣхи („кеэрге), молотокъ („алха“), пила для металла („менгне керя“), ножницы для металла („менкгне хачи“), тиски („атхам“), щипцы („керян хангшаръ, „чимкюръ“), напилки („хуря“), глиняныя тигли для серебра, квасцовъ и олова („менге“ „хялдык“, „хайсынъ“ или „сулга“, „овцыкъ“), долото („муунчи“), шило для чекана („гурби кгаргадыкъ шебге“ или „нахышъ“), пластинка для того, чтобы тянуть проволоку („сунгукъ татадыкъ темеръ“), формочка для литья („біени кебъ“) и паяльная трубка („шамын кеэрге“).

Калмыцкіе серебрянники дѣлаютъ пояса, серьги, кольца, хурульныя принадлежности, оковываютъ серебромъ трубки, посуду, охотничьи принадлежности, сѣдла, украшаютъ серебрянныя части чеканомъ изъ линій, про-

волокой, цвѣтными стеклышками и камнями, но дѣлать подъ чернь рѣдко умѣютъ. Работаютъ всегда только по заказу или изъ серебра заказчика и тогда берутъ отъ золотника серебра по 10 коп. или изъ своего по 30 коп. золотникъ, причемъ въ работу идетъ только старое, высоко-пробное серебро. У серебрянниковъ, дѣлающихъ вещи подъ чернь, приспособленія увеличиваются еще слѣдующими инструментами: 1) „шибкю“ — родъ тупаго шила, употребляется для чистки металла (рис. 29), 2) три вида шилъ для наложенія черни „кюн нагош“, въ формѣ тупаго ножика, „нагаш„ — четырехгранной формы (рис. 30) и „кюкгюль“ — закругленное тупое шило (рис. 31). Чернь составляется изъ смѣси, приготовляемой самими же мастерами: изъ олова („цаган хоргальджикъ“), серебра („менкген“), мѣди („зесь“) и сѣры („кюкюр“). Для производства такой смѣси, въ коровій рогъ („укюрин эбер“), куда положена предварительно сѣра, вливаютъ раскаленные металлы, и самый рогъ замазываютъ и обмазываютъ глиной. Полученная такимъ образомъ смѣсь при наложеніи черни смѣшивается предварительно съ бурой и потомъ уже налагается на тропинки („халга“) работаемой вещи.

Нѣкоторые калмыцкіе мастера умѣютъ и золотить серебряныя вещи, что производятъ безъ особыхъ приспособленій, именно смѣсью стараго золота съ ртутью („менкген усун“) покрываютъ вещь, смоченную предварительно азотною кислотой, растираютъ металлическою палочкой и подогрѣваютъ на огнѣ. Соединеніе всѣхъ отраслей серебряныхъ дѣлъ мастерства мнѣ пришлось встрѣтить въ Богоцохуровскомъ улусѣ, на урочищѣ Хара Худукъ при хурулѣ ламы, въ лицѣ калмыка Балдыкъ Декгаева, по прозванію Манджи, старшины Барунова рода, аймаку зайсанга Аракбы. Декгаеву теперь уже 48 лѣтъ, а работаетъ онъ уже 23 года. Выучился ремеслу у одного уже умершаго гелюнга, съ золоченіемъ же познакомился у русскихъ. Видно, что это человѣкъ незаурядныхъ способностей: онъ не только серебряникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, но и довольно искусный рѣзчикъ по дереву: у него въ кибиткѣ можно видѣть „орта харши (ящикъ для храненія бурхановъ) съ рѣзными на немъ восемью эрдни; главная особенность этой работы Докгаева та, что онъ въ формѣ „орта харши“ совершенно отступилъ отъ традиціи.

Ремесло-искусство — рѣзьба по дереву — довольно распространено, но сосредоточено главнымъ образомъ въ монастыряхъ и носитъ исключительно религіозный отпечатокъ. Собственно рѣзьбою украшаютъ двѣ вещи: жертвенные столики и жертвенные подсвѣчники, а иногда рѣзьбою украшаютъ и цѣлыя зданія, напр. въ Малодербетовскомъ улусѣ храмъ въ Дунду-хурулѣ. Сосредоточенное при монастыряхъ искусство рѣзьбы производимое монахами, воспроизводитъ сюжеты религіознаго характера — это религіозно-миѳическіе символы — „неменъ-эрдни“ и бурханы. При устойчивости тэмъ рѣзьбы фантазія мастеровъ исключительно выражается въ окрашиваніи рѣзныхъ вещей

и въ выдѣлкѣ рамокъ для фигуръ. Хотя и въ этомъ случаѣ, конечно, имѣетъ мѣсто традиція и формы въ главныхъ тэмахъ заимствуются и повторяются, но индивидуализмъ работниковъ проявляется въ мелочахъ. Рамки, въ которыхъ заключаются рѣзныя фигуры, всегда представляютъ сѣть сплетающихся въ разныхъ комбинаціяхъ вѣтокъ, лепестковъ, сучьевъ (рис. 33) и изрѣдка цвѣтковъ, которымъ яркая окраска придаетъ совершенно оригинальный и красивый видъ. Въ окрашиваніи преобладаютъ цвѣта: красный, зеленый, желтый, синій, изрѣдка примѣшиваются еще фіолетовый, розовый, бѣлый и черный. При украшеніи рѣзьбой храмовъ и памятниковъ фигуры „Эрлика“, „Лу“, „Толга“ и „бурхановъ“ вырѣзываются отдѣльно безъ рамокъ, на столикахъ же фигуры бурхановъ совершенно не рѣжутся, а остальныя изображенія всегда заключаются въ рамки, причемъ изображеніе „Лу“ то помѣщается въ рамкѣ, то вырѣзывается въ видѣ ножекъ столика (фиг. 34). На жертвенныхъ подсвѣчникахъ (рис. 35) рѣзьба нѣсколько иная: она комбинируется изъ отдѣльныхъ лепестковъ, цвѣтовъ, карнизовъ и выпуклыхъ линій, то отдѣльныхъ, то сплетающихся. Рѣзьба производится по мягкому дереву однимъ ножемъ, и, конечно, медленно; цѣнится дорого и доступна лишь людямъ состоятельнымъ, какъ зайсанги, духовенство и богачи скотоводы.

Кромѣ описанныхъ ремеслъ, по разсказамъ калмыковъ, существуютъ среди нихъ еще токари калмыцкихъ чашекъ (âга), мастера деревянной посуды — „домбо“, а также кожанной посуды („бербе“ и проч.).

Почти всѣ ремесла мужчинъ носятъ на себѣ черты вымиранія, и причину этого явленія слѣдуетъ искать въ развитіи внѣшней конкурренціи: большинство предметовъ своего домашняго инвентаря калмыки пріобрѣтаютъ то въ сосѣднихъ со степью поселеніяхъ, то на ярмаркахъ, то у заѣзжихъ въ степь торговцевъ (Прилож. № 17) по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ ихъ производятъ калмыцкіе мастера. Вымираніе національныхъ ремеслъ идетъ двумя путями: сокращеніемъ числа степныхъ мастеровъ и замѣной національныхъ орудій производства, въ изобрѣтеніи и приспособленіи которыхъ участвовали мысль и фантазія калмыковъ, инструментами мастеровъ инородческихъ, какъ болѣе продуктивныхъ въ работѣ. Нѣкоторыя производства, напр. токарное, почти совершенно исчезли, другія постепенно сокращаются въ своихъ размѣрахъ и представителяхъ. Единственное ремесло мужчинъ въ степи, которое пока не должно быть отнесено къ категоріи вымирающихъ — это производство кожанной посуды: конкуррентовъ у этого ремесла внѣ степи нѣтъ, матеріалъ для него даетъ степное хозяйство, а спросъ не можетъ ослабиться, пока будетъ существовать кочевая жизнь, такъ какъ кожанная посуда наиболѣе приспособлена къ кочевымъ передвиженіямъ. При этомъ интересна въ данномъ случаѣ та пассивность или податливость, съ какою калмыки, вообще стойкіе въ

своихъ привычкахъ и традиціяхъ, разстаются со своими ремеслами и уступаютъ ихъ постороннимъ конкуррентамъ. Несомнѣнно здѣсь играетъ большую роль экономическое положеніе калмыковъ ремесленниковъ. Кочевая обстановка проживанія чрезвычайно мало требуетъ издѣлій для устройства и меблировки переноснаго жилища, и потому заработокъ степнаго ремесленника не всегда обезпечиваетъ его положеніе. Но главнымъ образомъ не твердое положеніе ремесленности объясняется воззрѣніемъ калмыковъ на занятія, ихъ склонностями и привычками, въ силу которыхъ калмыки неохотно разстаются съ трудомъ скотоводовъ. Словесныя произведенія калмыковъ, темы бесѣдъ ихъ и мечтанія— все сосредоточено на табунахъ и стадахъ, и скотоводческія занятія, какъ ни неблагопріятны условія степей, являются наиболѣе типическими, характерными, какъ по количеству связаннаго съ ними калмыцкаго населенія, такъ и по ихъ жизненности. Существуетъ въ литературѣ о калмыкахъ мнѣніе (Нефедьевъ, Бюллеръ и др.), что скотоводческія занятія привлекательны и излюблены калмыками за то, что они даютъ возможность осуществить наклонность къ лѣни, безпечности, нелюбви къ труду калмыковъ мужчинъ, въ противоположность трудолюбивымъ калмычкамъ. Но въ подобныхъ мнѣніяхъ кроется серьезное недоразумѣніе, основанное на ошибкахъ наблюденія. При ограниченіи области наблюденій кибиточною жизнью калмыковъ дѣйствительно получается вопросъ о трудѣ мужчинъ и о состояніяхъ мужскаго и женскаго труда невыгодное представленіе, что мужчины кажутся бездѣятельными, безпечными, даже лѣнивыми въ своемъ ничегонедѣланіи среди занятыхъ домашнею суетою и работою женщинъ, но для изученія занятій калмыковъ и взаимнаго трудоваго отношенія половъ необходимо наблюдать каждый полъ въ своей сферѣ: женщину въ кибиткѣ, а мужчину — за ея предѣлами, около стадъ. Если при изученіи калмыковъ ограничиваться кибиточною жизнію, получается невыгодное представленіе о трудѣ мужчинъ, то обратно невыгодное представленіе получается о трудѣ женщинъ, если ограничиться наблюденіемъ около стадъ, гдѣ наблюдателю пришлось бы видѣть трудъ и заботы исключительно мужчинъ, а женщинъ лишь по вечерамъ, когда онѣ доятъ коровъ и готовятъ ужинъ, и ничего не было бы удивительнаго, если бы при подобной односторонности наблюденій сдѣлано было заключеніе о тяжеломъ положеніи мужчинъ, которые въ жару и стужу, подъ дождемъ и снѣгомъ оберегаютъ свои стада, несутъ тяжелый трудъ и проходятъ за своими стадами въ день десятки верстъ, подвергаясь постоянной опасности быть укушенными тарантулами и змѣями или израненными голодными волками, — обратно — о спокойномъ положеніи женщинъ, которыя, проводя время въ кибиткахъ, не знаютъ ни заботъ о пищевыхъ продуктахъ, ни невзгодъ мужчинъ и лишь вечеромъ займутся удоемъ скота и приготовленіемъ пищи. Но въ калмыцкой степи бываетъ чрезвычайно трудно достигнуть разносторонихъ наблюденій, такъ какъ наблюда-

тель тамъ находится совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ среди осѣдлаго населенія съ земледѣльческимъ, ремесленнымъ или даже промысловымъ трудомъ, именно въ степи онъ бываетъ затрудненъ выборомъ мѣста для своихъ наблюденій, обыкновенно вынужденъ довольствоваться тѣмъ пунктомъ, куда направятъ его или мѣстные администраторы, или сами калмыки. И тѣ и другіе никогда не укажутъ на хотонъ средней зажиточности, наиболѣе интересный по своей типичности и нормальности, но гдѣ наблюдатель не встрѣтитъ рѣшительно никакихъ удобствъ жизни, напр. мяса, хлѣба и даже воды, и гдѣ ему пришлось бы зачастую имѣть дѣло съ однѣми женщинами, населеніемъ неразвитымъ, застѣнчивымъ и скрытнымъ, а всегда направятъ его или въ хурулъ, или же въ хотонъ зайсанга, или богатаго калмыка. Но въ хотонахъ послѣдняго рода можно встрѣтиться лишь съ явленіями исключительными, а не нормальными, обыденными: во первыхъ, въ хурулахъ живетъ только одно мужское населеніе и притомъ населеніе, благодаря своему положенію представителей и служителей религіи, обезпеченное въ своихъ потребностяхъ трудомъ другихъ лицъ и неимѣющее надобности въ трудѣ, а дѣлящее время между молитвой, ѣдой и отдыхомъ, а во вторыхъ, въ семьяхъ состоятельныхъ зайсанговъ или богачей изъ простонародья, женщины эксплоатируютъ все-таки свой трудъ и силы на приготовленіе одежды, на вышивки и проч., мужчины же, пользуясь наемнымъ или крѣпостнымъ трудомъ для своихъ стадъ, не имѣютъ спеціальныхъ побужденій на трудъ и дѣлятъ свое время между отдыхомъ, ѣдой и удовольствіями охоты, верховой ѣзды, посѣщеніемъ и пріемомъ знакомыхъ. Такимъ образомъ, наблюденія, которыя будутъ сдѣланы о калмыкахъ при подобныхъ условіяхъ, могутъ быть вѣрны лишь по отношенію незначительной по количеству части калмыцкаго населенія и совершенно не дадутъ представленія о трудѣ калмыцкихъ мужчинъ вообще, какъ не получится при подобной обстановкѣ наблюденія вѣрныхъ данныхъ и о другихъ сторонахъ жизни калмыковъ—о ихъ экономическомъ богатствѣ, и о ихъ даже болѣе устойчивыхъ особенностяхъ — о физическихъ свойства, о жизненности. Такъ въ обезпеченныхъ классахъ калмыковъ—нойоновъ и зайсанговъ, много встрѣчается среди мужчинъ субъектовъ дородныхъ, даже ожирѣвшихъ,—заключать отсюда вообще что калмыки—населеніе дородное, сытое, было бы большою ошибкою, потому, что особенность массы калмыцкой—именно худощавость, мускулистость; или, еще примѣръ: нигдѣ не встрѣчается такая малочисленность дѣтей, какъ въ семьяхъ нойновъ и зайсанговъ, гдѣ невольно приходишь къ мысли о вымираніи калмыковъ, такъ бѣденъ этотъ классъ своимъ молодымъ поколѣніемъ—здѣсь и смертность значительна, но еще болѣе пала рождаемость, среди простыхъ калмыковъ что представляетъ вѣроятно слѣдствіе вѣковой жизни, полной бездѣятельности, полового и алкогольнаго излишества, но напрасно было бы опять

таки заключать отсюда, что и вообще калмыцкое населеніе степи идетъ къ вымиранію: напротивъ, степное населеніе удивляетъ свею живучестью и плодовитостью. Можно бы представить еще цѣлый рядъ комбинацій въ доказательство высказаннаго положенія, что правильность выводовъ зависитъ отъ разносторонности наблюденія надъ явленіями и въ частности, что наблюденія о трудовомъ состояніи половъ тогда только будутъ вѣрны, когда каждый изъ половъ будетъ наблюдаться въ сферѣ своего труда, и когда наблюденія будутъ относиться не къ исключительнымъ явленіямъ, не къ духовенству, нойоно-зайсангскому классу или богачамъ, а къ жизни заурядной, нормальной массы калмыковъ, гдѣ жизнь обезпечивается главнымъ образомъ своимъ трудомъ, а не наемнымъ, крѣпостнымъ, или вообще чужимъ трудомъ. При изученіи же труда калмыковъ на мѣстѣ его проявленія у стадъ, получаются совершенно другіе выводы.

По своимъ внѣшнимъ проявленіямъ трудъ степныхъ калмыковъ, какъ и всякій вообще пастушескій трудъ, повидимому, не чуждъ спокойствія, относительной легкости и отсутствія мускульнаго напряженія, если брать одну только сторону въ занятіяхъ пастуховъ—это обереганіе стадъ при нормальныхъ условіяхъ степной природы; но кромѣ обереганія стадъ на пастухахъ лежитъ еще одна обязанность—это забота о водопоѣ стадъ, самая тяжелая въ астраханскихъ степяхъ. Здѣсь только непосредственно послѣ таянія снѣга, да послѣ обильныхъ дождей, стада могутъ находить себѣ поверхностную воду; при отсутствіи, и даже въ большой части степи при невозможности имѣть постоянные колодцы, вода добывается путемъ временныхъ копаней или „худуковъ“ и отыскивать удобныя мѣста для этихъ худуковъ, устраивать ихъ и потомъ извлекать воду для стадъ—все это требуетъ чрезвычайно тяжелаго труда отъ калмыковъ. Дѣло въ томъ, что подпочвенная вода въ степи залегаетъ на глубинахъ въ нѣсколько саженей, главнымъ образомъ въ песчаномъ грунтѣ; чтобы устроить при такихъ условіяхъ копань съ достаточнымъ запасомъ воды при полномъ отсутствіи дерева для огражденія отъ засыповъ и заваловъ, необходимо устроить воронкообразныя копани, углубленныя въ почву на нѣсколько саженей, путемъ послѣдовательныхъ террассъ или уступовъ, въ видахъ чего діаметръ худука на поверхности обыкновенно бываетъ около 5 саж. и даже болѣе. Устройство одного худука требуетъ выемки грунта въ нѣсколько сотъ пудовъ, такихъ худуковъ устраивается всегда не одинъ, а нѣсколько въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ при одномъ худукѣ стадо, напр., въ 1000 головъ овецъ, пришлось бы поить въ теченіи всего дня. Каждый худукъ служитъ весьма ограниченный періодъ, такъ какъ стада, за недостаткомъ корма, переходятъ и лѣто и зиму съ одного мѣста на другое, и потому новые худуки приходится устраивать едвали не каждый мѣсяцъ. Кромѣ труда по устройству худуковъ необходимъ

постоянный изо-дня въ день трудъ по очисткѣ худуковъ, такъ какъ и при системѣ террассъ обвалы въ худукахъ неизбѣжны, а во время засухъ, когда степные вѣтры носятъ по степи облака пыли и песку, худуки засыпаются въ нѣсколько часовъ. Самая система извлеканія воды изъ устроенныхъ худуковъ примитивна и чрезвычайно тяжела. При кочевой жизни и при системѣ худуковъ не возможно устройство приспособленія—воротовъ, блоковъ для извлеченія воды въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ въ бадьяхъ или въ бурдюкахъ, невозможно даже вытаскиваніе воды руками при помощи веревокъ, такъ какъ этому мѣшаетъ воронкообразная форма худуковъ, и потому калмыки для вытаскиванія воды употребляютъ кожанное ведро, укрѣпленное подвижно на длинномъ тонкомъ шестѣ. Чтобы вытащить воды, калмыкъ опускается въ худукъ и становится на одномъ изъ серединныхъ его уступовъ, стоя на которомъ онъ могъ бы доставать воду и подымать ее на верхъ въ стоящія у худука корыта. Такъ какъ при подъемѣ воды на шестѣ требуется чрезвычайное напряженіе мускульной силы рабочаго, то ведро, служащее для подъема воды, бываетъ невелико, не болѣе $^3/_4$ нормальнаго ведра по своей емкости, но при такомъ объемѣ его тяжесть воды, благодаря длинѣ стержня, достигаетъ нѣсколькихъ пудовъ. Овца требуетъ въ сутки не менѣе $^1/_2$ ведра воды, слѣдовательно, для удовлетворенія стада въ 1000 головъ, необходимо извлечь въ сутки 500 ведеръ воды, или иначе, поднять силою однихъ мускуловъ не менѣе 1000 пудовъ изъ глубины 3—5 сяж. Черпанье воды изъ глубокихъ худуковъ кожанными ведрами на длинныхъ шестахъ чрезвычайно тяжело и требуетъ физической силы и мускульнаго труда и можетъ выполняться лишь привычными къ этой работѣ калмыками, но и послѣдніе каждый водопой исполняютъ въ нѣсколько очередей или рабочихъ смѣнъ; при томъ работа эта, по замѣчанію барона Бюллера, производитъ въ рабочихъ спеціальную болѣзнь—костоѣдъ въ локтевыхъ, кистевыхъ и колѣнныхъ сочленіяхъ.

Только ежедневнымъ упражненіемъ своей мускулатуры при извлеченіи сотенъ ведеръ воды изъ худуковъ для своихъ стадъ и сотенъ пудовъ земли при устройствѣ и очисткѣ худуковъ становится понятнымъ тотъ несомнѣнный фактъ, что степные калмыки не только здоровы, но и сильны, съ чрезвычайно развитою мускулатурою не однихъ ножныхъ (при ходьбѣ за стадами, при верховой ѣздѣ), но и ручныхъ мышцъ.

Пастушеское занятіе калмыковъ въ такое время, когда корма достаточны для стадъ и вода, хотя и съ трудомъ, но можетъ быть добыта, не требуетъ особеннаго напряженія ни умственныхъ, ни волевыхъ способностей, но въ періоды засухъ, когда трава выжжена и скотъ въ поискахъ за кормомъ сначала дѣлаетъ громадные переходы, а потомъ начинаетъ тощать и терять возможность передвигаться, или въ моменты снѣжныхъ заносовъ и

шургановъ, когда снѣговая пелена закрываетъ подножный кормъ и засыпаетъ самыхъ животныхъ, или когда буря гонитъ табунъ лошадей и стада барановъ, которые, какъ бѣшеные, мчатся по вѣтру,—отъ степняковъ требуется быстрое соображеніе, напряженіе всѣхъ силъ, чтобы предотвратить гибель своего хозяйства, рѣшительность и самоотверженіе въ погонѣ и въ поискахъ за стадами, такъ какъ помощи жнать не откуда, и вся надежда на себя, на свои силы, свой умъ, свою опытность. И степное населеніе, предоставленное въ борьбѣ съ природою и въ успѣхахъ своего хозяйства, исключительно своимъ силамъ, при своемъ обыкновенно философски-спокойномъ созерцательномъ настроеніи, выдѣляется среди другихъ калмыковъ своею рѣшительностью, самодѣятельностью и, въ то же время, наблюдательностью и своеобразнымъ знаніемъ и пониманіемъ жизни и природы, и животныхъ.

Ир. Житецкій.

АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ

(НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ)

И. А. Житецкаго.

„Feci, quod potui; faciant meliora potentes“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АСТРАХАНЬ.
Типографія «Астраханскаго Листка».
1892.

№ 1-й. Кочевка калмыковъ.

а) Кочевка калмыка Богутова рода, Яндыковскаго улуса, аймаку зайсанга Оконова Х. въ 1885 г.

Въ хозяйствѣ калмыка Х. числилось въ 1885 г.: овецъ 1,500 головъ при двухъ пастухахъ; 300 лошадей при двухъ пастухахъ; 50 верблюдовъ съ однимъ пастухомъ и 60 головъ рогатаго скота, за которымъ слѣдитъ сама хозяйская семья. Кромѣ пяти пастуховъ при стадахъ было еще четыре рабочихъ, которые готовятъ „худуки“, караулятъ скотъ по очереди ночью и помогаютъ пастухамъ при водопоѣ. Семьи хозяина, пастуховъ и работниковъ размѣщаются въ 10 кибиткахъ и кочуютъ всегда отдѣльнымъ „хотономъ“.

Зимовалъ хотонъ на урочищѣ Библетѣ 60 дней; въ половинѣ Февраля зимовку оставили и до Іюля кочевки происходили въ такомъ порядкѣ:

1-я перекочев.: съ зимовки хотонъ перекочевалъ на урочище Харабуръ въ 25 в. и жилъ 25 дней.
2-я » » ур. Харабуръ » » » ур. Херцеглю » 15 » » 30 »
3-я » » ур. Харцеглю » » » ур. Дабста-Худ. » 20 » » 20 »
4-я » » ур. Дабста-Худукъ » » ур. Балцонг.-Боро » 20, гдѣ и находился хотонъ въ первой половинѣ Іюля, но здѣсь въ это время жила только семья хозяина при рогатомъ скотѣ, а остальной скотъ съ пастухами, по случаю недостатка воды и кормовъ (былъ періодъ засухи), кочевалъ отдѣльно, именно:
5-я перекочевка: весь скотъ съ ур. Балцангинъ-Боро перекочевалъ на урочище Джурукъ въ 20 в.
6-я » » » » ур. Джурукъ » » ур. Хара-Дезинъ » 20 »
7-я » » » » ур. Хара-Дезинъ » » ур. Дабста-Абаска-Худукъ (или 12 худуковъ) въ 25 верстахъ.
8-я перекочевка: весь скотъ съ ур. Дабста-Абасха перекочевалъ на урочище Цабдыръ въ 12 в.
9-я » » » » ур. Цабдыръ перекоч. (назадъ) на ур. Дабста-Абасха въ 12 вер., гдѣ и находились 7-го Іюля однѣ лошади, а
10-я перекочевка: верблюды съ ур. Дабста-Абасха перек. на ур. Джурунъ (по случаю вѣтра) въ 25 в.
» » овцы » » » откочевали, но куда—хозяинъ еще 7-го Іюля самъ не зналъ.

(Записано со словъ хозяина хотона калмыка Х. 7-го Іюля 1885 г.).

Примѣчаніе. Такимъ образомъ, хозяйство калмыка Х. зимовало около 60 дней, т. е. приблизительно съ половины Декабря до половины Февраля; съ этого времени и по 7-е Іюля, т. е. въ теченіи 144 дней:

а) Хотонъ въ 10 кибитокъ, кочуя вмѣстѣ со скотомъ, сдѣлалъ четыре перекочевки въ 75 дней на разстояніи 80 верстъ.

б) Отдѣльно съ Мая весь скотъ, кромѣ рогатаго, съ пастухами еще 5 перекочевокъ на 85 верстъ.

в) Раздѣльно еще верблюды одну перекочевку на 25 верстъ; овцы тоже, но число верстъ неизвѣстно.

Слѣдовательно: а) рогатый скотъ при хозяинѣ въ 144 дня перемѣнилъ 4 мѣста и перешелъ 80 в.
б) лошади съ пастухами » » 9 » » 169 »
в) верблюды » » » 10 » » 194 »
г) овцы » » » 10 » болѣе 169 »

При этомъ до Мая по весеннимъ кормамъ все хозяйство кочевало вмѣстѣ; въ началѣ лѣта рабздробилось на двѣ группы, а въ періодъ засухи распалось на четыре.

По мнѣнію самого хозяина и другихъ калмыковъ, находившихся въ хотонѣ во время собиранія свѣдѣній, — кочевки въ раздробленномъ видѣ будутъ продолжаться до осеннихъ кормовъ.

б) Кочевка хотона Яндыковскаго улуса, Багутова рода, находившагося на урочищѣ Мантышъ 5-го Іюля 1885 года.

Хотонъ состоялъ изъ 10 кибитокъ и одной полукибитки въ 30 душъ населенія (кромѣ пастуховъ), причемъ одна кибитка, Шебинерова рода, принадлежащая родственницѣ (сестрѣ) хозяина (хотоннаго старосты) и кочующая при этомъ хотонѣ около 4-хъ лѣтъ.

Хозяйство: около 1,000 овецъ при двухъ пастухахъ, 30 верблюдовъ съ однимъ пастухомъ, лошадей 60 и 40 головъ рогатаго скота, которые охраняются самими хозяевами; нанимаются еще одинъ ночной караульщикъ и три работника для чистки худуковъ и водопоя скота.

Зимовалъ хотонъ на сѣверо-востокъ отъ урочища Ангучинъ-Гашунъ не болѣе 30 дней и съ Февраля по 5 Іюля перекочевывалъ:

1-я кочевка: съ зимовки хотонъ перек. на урочище Хоша въ 20 в. и сидѣлъ около 5 дней.
2-я » » ур. Хоша » » » ур. Мантышъ » 20 » » » 7 »
3-я » » ур. Мантышъ » » » ур. Дунду-Малзр. » 15 » » » 20 »
4-я » » ур. Малзрыкъ » » ур. Эргечке » 25 » » » 20 »
5-я » » ур. Эргечке » » » ур. Дуд.-Малз. (наз.) 25 » » » 10 »
6-я » » ур. Дунду-Малзр. » » ур. Дабста-Худукъ 5 » » » 10 »
7-я » » ур. Дабста-Худукъ » » ур. Передній-Малзр. 15 » » » 10 »
8-я » » ур. Передній-Малзрыкъ » ур. Арль » 10 » » » 20 »
9-я » » ур. Арль » » ур. Ильм.-Баталыцъ 25 » » » 20 »
10-я » » ур. Ильм.-Баталыцъ » ур. Секъ » 7 » » » 30 »

Здѣсь сидѣли хозяева съ рогатымъ скотомъ и 10 лошадьми.

11-я перекочевка: а) съ ур. Секъ верблюды на ур. Алтра—? (неизв.) и сидѣлъ 30 дней.
б) овцы и 50 лошадей на ур. Лата-Маштыкъ—? „ 20 „ (лошади).
в) хотонъ съ рогат. скотомъ на ур. Маштыкъ 20 в.
12-я „ а) съ уроч. Алтра верблюды на ур. Маштыкъ—? } съ конца Іюля.
б) съ ур. Маштыкъ лошади—?

5-го Іюля на урочищѣ Маштыкъ находился весь скотъ, кромѣ овецъ, которыя были на урочищѣ Лата-Машлыкъ.

(Записано на мѣстѣ 5-го Іюля со словъ калмыковъ хотона).

Примѣчаніе. Такимъ образомъ, хозяйство хотона зимовало около 30 дней, т. е. одинъ Январь, а съ этого времени по 5-е Іюля, т. е. въ теченіи 154 дней:

а) Хотонъ въ 11 кибитокъ сдѣлалъ, кочуя вмѣстѣ со скот., 10 перек. въ 122 д. на разст. 167 в.
б) Раздѣльно съ конца Мая хотонъ съ рог. скот. и 10 лош. 1 „ „ 30 „ „ „ 20 „
верблюды 2 „ „ 30 „ „ „ ? „
овцы 1 „ „ 33 „ „ „ ? „

Слѣдовательно: рогатый скотъ перемѣнилъ 11 мѣстъ въ 155 дней и прошелъ 187 верстъ
овцы „ 11 „ „ „ „ около 187 „
верблюды и лошади „ 12 „ „ „ „ болѣе 187 „

При этомъ до второй половины Мая кочевалъ весь скотъ вмѣстѣ, потомъ разбился на три группы и въ Іюлѣ соединился въ двѣ группы.

в) Кочевка хотона опекуна Цатанова рода калмыка Сара Эрдніева, Эркетеневскаго улуса въ 1885 году.

Хотонъ Сара Эрдніева 27-го Іюля состоялъ изъ 18 кибитокъ и 7 полукибитокъ (но въ другое время число кибитокъ то увеличивается, то уменьшается) съ населеніемъ въ 64 человѣка. У хозяина хотона было болѣе 1,000 головъ овецъ, до200 лошадей, 40 головъ рогатаго скота и 30 веблюдовъ при шести пастухахъ, но кромѣ того есть еще скотъ и у другихъ семей, хотя меньше въ отдѣльности.

Зимовалъ хотонъ на урочищѣ Кгааралъ около двухъ мѣсяцевъ и со второй половины Февраля по 27 Іюля кочевалъ:

1-я кочевка: съ урочища Кгааралъ все хозяйство Эрдніева на урочище Балмухта въ 15 верстахъ
2-я „ съ ур. Балмухта „ „ „ на ур. Балбурха въ 20 „
3-я „ съ ур. Балбурха „ „ „ на ур. Кеке-Усунъ въ 12 „
4-я „ съ ур. Кеке-Усунъ „ „ „ на ур. Балмухта въ 10 „

(Записано на урочищѣ Балмухта 27 Іюля со словъ хозяина).

Примѣчаніе. Хотонъ С. Эрдніева въ теченіи пяти мѣсяцевъ прошелъ всего 57 верстъ въ четыре перекочевки.

г) Кочевка хотона Багутова рода аймаку Оконова, Яндыковскаго улуса 1885 года.

Хотонъ состоялъ изъ четырехъ кибитокъ съ населеніемъ въ 13 душъ, скота при хотонѣ: около 100 головъ овецъ, съ однимъ пастухомъ, 4 коровы, 2 лошади и 4 верблюда.

Зимовалъ хотонъ на южной сторонѣ ур. Маштыкъ около 1½ мѣсяца, отсюда:

1-я перекочевка: съ урочища Маштыкъ на урочище Хошъ въ 18 вер. и сидѣлъ хот. здѣсь 5 дней (оказалась горько-соленая вода).
2-я перекочевка: съ урочища Хошъ на ур. Кюб.-Ксенце „ 10 „ „ „ „ 20 „
3-я „ съ ур. Кюбединъ-Ксенце ур. Дабста „ 30 „ „ „ „ 15 „
4-я „ съ ур. Дабста на ур. Пер.-Малзр. „ 5 „ „ „ „ 10 „
5-я „ съ ур. Малзрыкъ на ур. Боро-Маштыкъ 10 „ гдѣ и находился хотонъ 10-го Іюля.

(Записано на мѣстѣ со словъ жителей хотона 10 Іюля 1885 г.).

Примѣчаніе. Хозяинъ этого хотона, по оригинальному выраженію калмыковъ, можетъ быть названъ „послѣднимъ богачемъ“, т. е. владѣющимъ тѣмъ предѣльнымъ состояніемъ, за которымъ слѣдуетъ въ степи бѣдность. Хотонъ этого „послѣдняго богача“, начавъ перекочевку съ половины Февраля, въ теченіи 137 дней перемѣнилъ 5 мѣстъ и прошелъ 73 версты, причемъ, во первыхъ, не дробился, а во вторыхъ, все время весеннихъ кормовъ просидѣлъ на одномъ урочищѣ до половины Мая.

д) Кочевка хотона калмыка Ользѣева Барунова рода, Яндыковскаго улуса зайсанга Церенова въ 1885 году.

Хотонъ состоитъ изъ 13 кибитокъ съ населеніемъ 61 д. и расчленяется на три хозяйства: 1) 4 кибитки старшаго брата, 2) 5 кибитокъ двухъ младшихъ братьевъ и 3) 4 кибитки племянника. Всѣ хозяйства средней зажиточности. Въ 1885 г. этотъ хотонъ перемѣнилъ съ Февраля по Іюль пять мѣстъ.

(Записано со словъ хозяина хотона, старшаго брата).

е) Кочевка хотона Эркетеневскаго улуса Хабчинерова рода аймаку зайсанга Маганова въ 1885 году.

Хотонъ состоитъ 13 кибитокъ съ населеніемъ, кромѣ рабочихъ, въ 30 душъ и въ хозяйственномъ отношеніи распадается на двѣ группы: а) 3 кибитки хозяина хотона (отца, сына и двоюроднаго брата), 4 кибитки

пастуховъ и 4 кибитки рабочихъ при худукахъ и б) 4 кибитки родственниковъ хозяина—людей бѣдныхъ, ведущихъ отдѣльное хозяйство. Скота у хозяевъ: 200 лошадей, 40 верблюдовъ, болѣе 1000 овецъ и 120 головъ рогатаго скота.

Зимовалъ хотонъ около двухъ мѣсяцевъ на урочищѣ Уту-Ханъ, отсюда со второй половины Февраля.

1-я перекочевка: съ урочища Уту-Ханъ на уроч. Табке-Гецуль въ 13 верст. и жилъ 2 мѣсяца
2-я „ съ ур. Табке-Гецуль на уроч. Миклета въ 20 „ „ болѣе мѣсяца
3-я „ съ ур. Миклета на уроч. Барханъ-Боро въ 20 „ гдѣ и находился хотонъ 27-го Іюля и, по словамъ хотонянъ, они останутся здѣсь и дольше при худукахъ, если не будетъ дождей, а съ наступленіемъ дождей выкочуютъ къ цандыкамъ.

(Записано на мѣстѣ со словъ калмыковъ хотона).

Примѣчаніе. Хотонъ въ теченіи 5 мѣсяцевъ перемѣнилъ всего четыре мѣста и прошелъ 53 версты.

ж) Кочевка зайсанга Богоцохуровскаго улуса Джапова въ 1886 г.

Хотонъ Джапова состоитъ обыкновенно изъ 5 кибитокъ съ населеніемъ въ 20 душъ, но въ Августѣ 1886 г. къ нему прикочевали двѣ постороннихъ кибитки. Въ хозяйствѣ хотона есть только овцы и рогатый скотъ, а для перекочевки—верблюды и верх. лошади, и вообще, хозяйство небогатое.

Зимовалъ хотонъ на правомъ берегу Волги, на урочищѣ Цаганъ-Аланъ, гдѣ у Джапова есть деревянный домъ,—вблизи ставки Богоцохуровскаго улуса, въ теченіи почти пяти мѣсяцевъ и сталъ кочевать съ Марта.

1-я кочевка: съ ур. Цаганъ-Аламъ на ур. Дорджинъ-Боро въ 5 верст. и пробылъ около 30 дней
2-я „ съ ур. Дордж.-Боро на ур. Харасанта въ 20 „ „ „ 60 „
3-я „ съ ур. Харасанта на ур. Губинъ-Худукъ въ 35 „ „ болѣе 30 „
4-я „ съ ур. Губ.-Худукъ на ур. Баранъ-Худукъ въ 10 „ „ около 60 „
5-я „ съ ур. Бар.-Худукъ на ур. Джаналъ-Худ. въ 25 „ гдѣ и находился 13 Августа; отсюда, смотря по состоянію погоды, тѣмъ же путемъ черезъ Баранъ-Худукъ хотонъ будетъ приближаться къ зимнему кочевью на урочище Цаганъ-Аланъ.

(Записано со словъ зайсанга Джапова).

Примѣчаніе. Такимъ образомъ хотонъ Джапова, который имѣетъ домъ для зимовки и дѣлаетъ по Волгѣ (въ дачахъ хурула) запасы сѣна для своего небольшого хозяйства, въ теченіи 7—8 мѣсяцевъ кочевки перемѣняетъ 9 мѣстъ и проходитъ 190 верстъ.

з) Кочевки калмыковъ въ Мочажныхъ мѣстахъ (въ Мочагахъ).

1) Хотонъ калмыковъ зайсанга Харахусовскаго улуса Бадма Эрденѣева состоитъ изъ 6 кибитокъ съ 20 д. населія, скота у каждой кибитки: по 1—2 коровы, а у одной кибитки 4 и одна лошадь. Хотонъ постоянно кочуетъ на урочищѣ Сухота и съ урочища не скочевываетъ, а лишь перемѣняетъ мѣста. (Записано на мѣстѣ).

2) Въ Яндыковскомъ улусѣ, на урочищѣ Боромъ кочуютъ всегда безъ перекочевки на другія урочища калмыки: а) одинъ хотонъ въ 21 кибитку, аймаку зайсанга Лиджи Дорджіева, б) одинъ хотонъ въ 7 кибитокъ зайсанга Оконъ-Бадмаева и в) въ 35 кибитокъ зайсанга Дорджи-Корнусова.

3) Хотонъ изъ 13 кибитокъ Барунова рода, Яндыковскаго улуса аймаку зайсанга Замбаева, всегда кочуетъ на урочищѣ Гахата, Шора-Толга и Бичке-Шора-Толга.

4) Хотонъ изъ 8 кибитокъ Цатанова рода, Яндыковскаго улуса, зайсанга Мальчаева, кочуетъ всегда на урочищѣ „Нарымъ“.

5) Хотонъ изъ 13 кибитокъ опекуна Шабинерова рода, Яндыковскаго улуса, кочуетъ всегда на урочищѣ Тактунъ.

6) Урочища Уту-Газырь, Тактунъ и Шавунъ, Яндыковскаго улуса, заняты кочевьями калмыковъ Шабинерова рода, и только въ самомъ концѣ длиннаго урочища Уту-Газырь (около 30 верстъ) кочуютъ калмыки Керетова рода аймаку зайсанга Басхаева.

Сводная таблица перекочевокъ въ центральной степи.

	Дней кочевки	Мѣстъ перек.	Верстъ пройден.	Съ какимъ скотомъ	Зимовка въ дняхъ	Число дней лѣтнихъ кочевокъ.	Число перемѣненныхъ мѣстъ.	Число пройденныхъ верстъ.
1 случ. (№ а) а)	144	4	80	Рог. ск	60			
б)	144	9	169	Лошади				
в)	144	10	194	Вербл				
г)	144	10	бол. 169	Овцы				
2 случ. (№ а) б)	155	11	187	Рог. ск.	бол. 30			
а)	155	12	бол. 187	Лошади				
в)	155	12	бол. 187	Вербл.				
г)	155	11	ок. 187	Овцы				
3 случ. (№ в)	150	4	57	См. ск.	60			
4 случ. (№ г)	137	5	73	Смѣш.	бол. 45			
5 случ. (№ д)	150	5	?	Смѣш.	?			
6 случ. (№ е)	150	4	53	Смѣш.	60			
7 случ. (№ ж)	225	9	190	Смѣш.	ок. 150			
Въ среднемъ выводѣ всѣ	153	8	220		Около 2 мѣсяцевъ	300	16	220
	145	7—8	134	Рог. ск.		300	16	268
	145	10—11	бол. 178	Лошади		320	21	бол. 356
	145	11	бол. 190	Вербл.		300	22	бол. 380
	145	10—11	178	Овцы		300	21	ок. 356
	162	5	93	Смѣш.		300	10	м. 186

№ 2-й. Таблица о числѣ ламаитскаго духовенства.

		ПО ШТАТУ					НАЛИЦО		
		Большой хурулъ	Малый хурулъ	Гелюнговъ	Гецюлей	Манджиковъ	Гелюнговъ	Гецюлей	Манджиковъ
I	**Богоцохуровскаго улуса** . .	3	5	—	—	—	—	—	—
1	Большой 1-й хурулъ. . . .	—	—	16	10	10	12	5	4
2	Манланъ 2-й большой . . .	—	—	16	10	10	13	9	4
3	Докшидэнъ 3-й большой. . .	—	—	16	10	10	10	7	7
4	Данжинкинъ малый	—	—	8	5	5	5	3	2
5	Онкоровъ малый (въ Онкор. родѣ)	—	—	8	5	5	7	2	2
6	Танджинъ малый (въ Мочагахъ)	—	—	8	5	5	6	5	3
7	Кгомонгъ малый (въ Мочагахъ).	—	—	8	5	5	8	5	2
8	Замутъ малый (Бар. рода, въ Мочагахъ)	—	—	8	5	5	5	3	3
II	**Эркетеневскаго улуса** . . .	3	5	—	—	—	—	—	—
1	Большой Эркет. хурулъ . . .	—	—	16	10	10	8	5	8
2	Докшадынъ большой	—	—	16	10	10	5	8	6
3	Молланъ большой	—	—	16	10	10	6	5	9
4	Манланъ малый	—	—	8	5	5	2	3	2
5	Эминъ малый (Шабинер. хурулъ)	—	—	8	5	5	7	4	5
6	Манинъ малый.	—	—	8	5	5	7	4	4
7	Манланъ малый	—	—	8	5	5	3	3	4
8	Дарькинъ малый	—	—	8	5	5	7	3	5
III	**Харахусо-Эрдніевскаго улуса.**	2	4	—	—	—	—	—	—
1	Раши Гамункгъ большой. . .	—	—	16	10	10	11	5	2
2	Эрд. Сере Текчинлингъ большой	—	—	16	10	10	9	9	5
3	Хар. Раши-Чолингъ малый . .	—	—	8	5	5	3	2	4
4	Х. Дугаровъ малый	—	—	8	5	5	6	3	1
5	Х. Манланъ малый	—	—	8	5	5	4	2	2
6	Э. Докшадынъ малый . . .	—	—	8	5	5	4	3	3
7	Манланъ малый	—	—	8	5	5	5	5	3
IV	**Икицохуровскаго улуса** . .	3	5	—	—	—	—	—	—
1	Гимперлингъ(Бакшиновъ)большой	—	—	16	10	10	15	9	4

2	Чонкорлингъ (Эмчиновъ) большой	—	—	16	10	10	12	5	4
3	Рашипунсуглингъ (Ачинеровъ) большой	—	—	16	10	10	13	9	5
4	Сертошешлинъ (Хошоутовъ) малый	—	—	8	5	5	5	2	2
5	Середжаварацингъ (Зюнгаровъ) малый	—	—	8	5	5	7	3	3
6	Раши-Чокбо (Яргачинъ-Эркетеневъ) малый.	—	—	8	5	5	7	3	1
7	Манланъ-Чокбо (Цатхаловъ) мал.	—	—	8	5	5	4	2	2
8	Манлакъ (Мочажный) малый. .	—	—	8	5	5	3	2	2
V	**Яндыко-Икицохуровскаго улуса:**								
1	Большой хурулъ (Барунъ-Керетовый)	—	—	16	10	10	9	4	6
2	Багутовъ большой.	—	—	16	10	10	13	5	5
3	Цатановъ большой.	—	—	16	10	10	10	6	4
4	Шебинеровъ малый	—	—	8	5	5	6	5	1
5	Батутовъ малый	—	—	8	5	5	4	3	3
6	Керетовъ малый	—	—	8	5	5	6	5	1
7	Цатановъ малый	—	—	8	5	5	3	3	1
8	Багутовъ малый	—	—	8	5	5	3	3	1
VI	**Александровскаго улуса** . .	3	5	—	—	—	—	—	—
1	Большой Тюменевъ хурулъ . .	—	—	16	10	10	3	5	5
2	Монланъ большой	—	—	16	10	10	9	3	5
3	Докшадыкъ большой	—	—	16	10	10	3	3	5
4	Цагаланъ малый	—	—	8	5	5	5	2	4
5	Джюме бансинъ малый . . .	—	—	8	5	5	3	4	3
6	Ноинъ-Убушинъ малый . . .	—	—	8	5	5	4	2	2
7	Цацынъ малый.	—	—	8	5	5	5	—	3
8	Арши бакшинъ малый . . .	—	—	8	5	5	1	—	3
VII	**Малодербетовскаго улуса**. .	6	10	—	—	—	—	—	—
1	Сангакъ Чонхорлингъ большой .	—	—	16	10	10	9	8	9
2	Раши Голингъ большой . . .	—	—	16	10	10	7	7	10

3	Галданъ Шараблинъ большой. .	—	—	16	10	10	7	8	10
4	Раши-Гебелингъ большой. . .	—	—	16	10	10	10	10	10
5	Соломъ Дарджагинъ большой . .	—	—	16	10	10	9	7	6
6	Доджидъ большой.	—	—	16	10	10	12	10	9
7	Джаль Тайшинъ малый . . .	—	—	8	5	5	6	4	3
8	Раши Ламринъ Добдолинъ малый	—	—	8	5	5	7	5	3
9	Сойвинъ Ламинъ малый . . .	—	—	8	5	5	6	3	4
10	Гюрюмбе-Дарганъ (Цордминъ) малый	—	—	8	5	5	4	4	5
11	Сампилъ-Норбо малый . . .	—	—	8	5	5	5	4	4
12	Раши Донробъ малый. . . .	—	—	8	5	5	6	4	4
13	Раши-Гэлюнгъ малый. . . .	—	—	8	5	5	6	5	5
14	Ламринъ Чолингъ малый. . .	—	—	8	5	5	6	3	4
15	Ламринъ Чолингъ малый. . .	—	—	8	5	5	6	5	5
16	Галданъ-Раши Голингъ малый .	—	—	8	5	5	7	3	5

Примѣчаніе. Это свѣдѣнія оффиціальныя, но они не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности; въ оффиціальныя свѣдѣнія включены исключительно представители іерархическаго духовенства—гелюнги, гецюли и манджики, и не внесены лица школьнаго возраста отъ 8 до 16 лѣтъ такъ наз. „сургалинъ кебюнъ“, или школяры, которыхъ при каждомъ хурулѣ не менѣе, чѣмъ представителей оффиціальнаго духовенства. Хотя не всѣ изъ школяровъ остаются навсегда при хурулахъ, а часть возвращается послѣ обученія въ жизнь, но вопервыхъ, численный контингентъ ихъ приблизительно всегда одинаковъ, а вовторыхъ „сургалинъ кебюнъ“ наравнѣ съ іерархическимъ духовенствомъ экономически живетъ на счетъ простонародья и по образу жизни и занятіямъ составляетъ съ нимъ одно цѣлое; они должны быть сосчитаны въ общей массѣ духовенства, а не въ числѣ прочихъ классовъ калмыковъ. Такъ какъ нахожденіе школяровъ при хурулахъ—явленіе извѣстное всѣмъ, соприкасающимся со степной жизнью, но оффиціально недозволенное и даже преслѣдуемое, то возстановить по всѣмъ хуруламъ хотя приблизительное число „сургалинъ кебюнъ“ невозможно: при пріѣздѣ въ хурулъ посторонняго лица, въ европейскомъ костюмѣ, духовенство моментально прячетъ по уютнымъ уголкамъ кибитокъ школяровъ, а потомъ, смотря по результатамъ наблюденія надъ пріѣзжимъ,—или въ удобный моментъ высылаетъ ихъ въ ближайшіе хотоны, или же освобождаетъ изъ подъ кроватей, ящиковъ и проч. и разрѣшаетъ вести нормальную жизнь. Въ поѣздкахъ по

степи мнѣ нерѣдко приходилось видѣть такихъ школяровъ или лежащими гдѣ-нибудь за бугромъ вблизи хурула въ ожиданіи результата экспертизы надо-мною старшаго духовенства, или же улепетывающими во всю прыть изъ хуруловъ въ степь къ ближайшимъ кибиткамъ, и во всякомъ хурулѣ, гдѣ мнѣ приходилось жить по нѣскольку дней, всегда повторялось одно и то же явленіе: въ первый-второй день по пріѣздѣ я не видалъ ни одного мальчугана, а потомъ уже, не стѣснялсь, показывались мнѣ цѣлые десятки ихъ. Но кромѣ „сургалинъ кебюнъ“ при хурулахъ несомнѣнно проживаетъ постоянно не мало и взрослыхъ лицъ, которые оффиціально не числятся въ составѣ іерархическаго духовенства. По мимо единичныхъ фактовъ встрѣчъ въ составѣ духовенства взрослыхъ лицъ, которыхъ въ спискѣ оффиціальномъ не числилось, помимо того, что почти въ каждомъ хурулѣ, гдѣ я былъ, я видѣлъ всегда не единицы, а десятки мальчугановъ, можно указать на такое явленіе: Въ хурулахъ рѣдкое изъ духовныхъ лицъ живетъ въ одиночествѣ въ кибиткѣ, — обыкновенно взрослые живутъ по двое, причемъ при каждой кибиткѣ, даже и тамъ, гдѣ живетъ одиночка, находятся на положеніи прислужника или послушника одинъ или два школяра — „Сювенъ“. Исключеній изъ этого правила я не наблюдалъ, да едва ли они и могутъ быть. Дѣло въ томъ, что по религіознымъ требованіямъ, гелюнги, нар., не могутъ лично брать ни пищи, ни питья, ни даже огня для трубки, и потому для подаванія имъ пищи и для закуриванія трубокъ обязательно въ кибиткѣ должны быть постоянно прислужники, именно „сювенъ“ въ роли которыхъ и находятся обыкновенно школяры. Вотъ почему число жилыхъ кибитокъ въ хурулѣ всегда, мнѣ кажется, даетъ приблизительно вѣрное указаніе на численный составъ духовенства, если только на каждую кибитку положить не меньше трехъ жильцовъ, — число же кибитокъ сосчитать всегда возможно. При поѣздкахъ по степи сосчитаны были кибитки въ 15 хурулахъ, и въ трехъ — число наличнаго духовенства, составъ начальства хурула и другихъ монаховъ. При сопоставленіи такихъ данныхъ по 16 хуруламъ съ оффиціальными цифрами получается довольно большая разница, именно по моимъ записямъ число духовенства опредѣляется приблизительно въ 608 лицъ, а по оффиціальнымъ даннымъ — въ 280, т. е. менѣе чѣмъ въ два раза. Въ частности по отдѣльнымъ хуруламъ данныя распредѣлаются такъ:

	Названіе хуруловъ	Улусы	Когда сдѣлана запись	Число кибитокъ	Приблизительное число духовенст.	Число духовенства по оффиціальн. даннымъ
1	Большой Багутовъ хурулъ.	Яндыковскій	7—10 Іюля 1885 г.	24	72	23
2	Большой Цатановъ хурулъ	—	Іюль —	10	32 [1]	20
3	Большой хурулъ. . . .	Эркетеневскій	26 Іюля —	19	31 [2]	21

[1]) По словамъ самого духовенства.
[2]) Тоже.

4	Малый Харахусов. хурулъ	Въ Моч. (ур. Суха)	16 Іюля 1885 г.	14	42	13
5	Бакшиновъ хурулъ . . .	Икицохуровскій	14 Августа —	—	до 50 [1]	28
6	Цатхановъ хурулъ . . .	—	19 Августа —	10	30	8
7	Ики-хурулъ	Мало-Дербетовск.	28 Августа —	23 [2]	69	30
8	Въ четырехъ хурулахъ [3]	Харахусовскій	12 Сент. 1886 г.	36	108	45
9	Въ пяти хурулахъ [4] . .	Богоцохуровскій	18 Августа —	58	174	92

№ 3-й. Количество семействъ аймачныхъ зайсанговъ.

	Улусы	Число семействъ аймачныхъ зайсанговъ	Число семействъ или кибитокъ		Откуда взяты свѣдѣнія
			Находящихся въ крѣпостной зависимости	Всѣхъ	
1	Александровскій . .	11 [5]	807	2014	По свѣдѣніямъ улусныхъ правленій.
2	Богоцохуровскій . .	24 [6]	1727	2386	
3	Харахусовскій . . .	15	1782	1900	
4	Икицохуровскій . .	28	1976	2114	
5	Яндыковскій . . .	20	3530	3688	
6	Эркетеневскій . . .	12	1512	2007	
7	Мало-Дербетовскій.	55	6134	9747	
	Итого . .	165	17468	23856	

№ 4-й. Административное раздѣленіе степи на улусы.

Въ административномъ отношеніи калмыцкая степь распадается на слѣдующія десять частей (девять улусовъ и одно поселеніе):

I. Мало-Дербетовскій улусъ, подраздѣленный въ свою очередь на два:

1) Сѣверо-Мало-Дербетовскій улусъ съ улусною ставкою вблизи с. Тундутова, гдѣ находится улусное управленіе съ попечителемъ и двумя его

---

[1]) По словамъ духовенства

[2]) Приблизительно такое же число кибитокъ было и въ Сентябрѣ 1886 г.

[3]) Харахусовскіе и Эрдніевскіе хурулы, кромѣ одного Мочажнаго, кочуютъ вмѣстѣ.

[4]) Пять Богоцохуровскихъ хуруловъ кочуютъ вмѣстѣ, а три въ Мочагахъ.

[5]) Въ числѣ зайсанговъ помѣщена и семья мелкопомѣстнаго владѣльца, которому принадлежатъ 83 кибитки.

[6]) Въ числѣ зайсанговъ помѣщена и семья мелкопомѣстнаго владѣльца, которому принадлежатъ 101 кибитка.

помощниками и улусное „зарго“ (судъ) для обоихъ частей улуса и улусная школа.

2) Южно-Дербетовскій улусъ съ улусной ставкой на урочищѣ Элиста, гдѣ помѣщается отдѣльное улусное управленіе въ завѣдываніи самостоятельнаго помощника попечителя, но въ судебномъ отношеніи и калмыки Южно-Дербетовскаго улуса подчинены общему улусному суду.

II. Богоцохуровскій улусъ, тоже съ подраздѣленіемъ на два улуса.

3) Богоцохуровскій улусъ съ улусною ставкою на урочищѣ Цаганъ-Аланъ, гдѣ находится улусное правленіе съ попечителемъ и его помощникомъ, улусное зарго общее для обоихъ частей улуса и улусная школа.

4) Александровскій (Хошеутовскій) улусъ съ улусною ставкою на лѣвомъ берегу Волги, вблизи Тюменева хурула, гдѣ находится улусное управленіе въ завѣдываніи самостоятельнаго помощника.

III. Яндыко-Икицохуровскій улусъ—тоже съ подраздѣленіемъ на два:

5) Яндыковскій съ улусною ставкою въ с. Яндыкахъ, гдѣ помѣщается улусное управленіе съ попечителемъ и его помощникомъ, улусное зарго, общее для обѣихъ частей улуса и улусная школа.

6) Икицохуровскій улусъ со ставкою на урочищѣ Яшкуль, гдѣ находится улусное управленіе въ завѣдываніи самостоятельнаго помощника и улусная школа.

IV. 7) Харахусо-Эрденіевскій улусъ съ улусною ставкою на урочищѣ, гдѣ находится улусное управленіе съ попечителемъ и улусное зарго.

V. 8) Эркетеневскій улусъ съ улусною ставкою на урочищѣ Бѣлое Озеро (Цаганъ-Нуръ), гдѣ находится улусное управленіе при попечителѣ и его помощникѣ, улусное зарго и улусная школа.

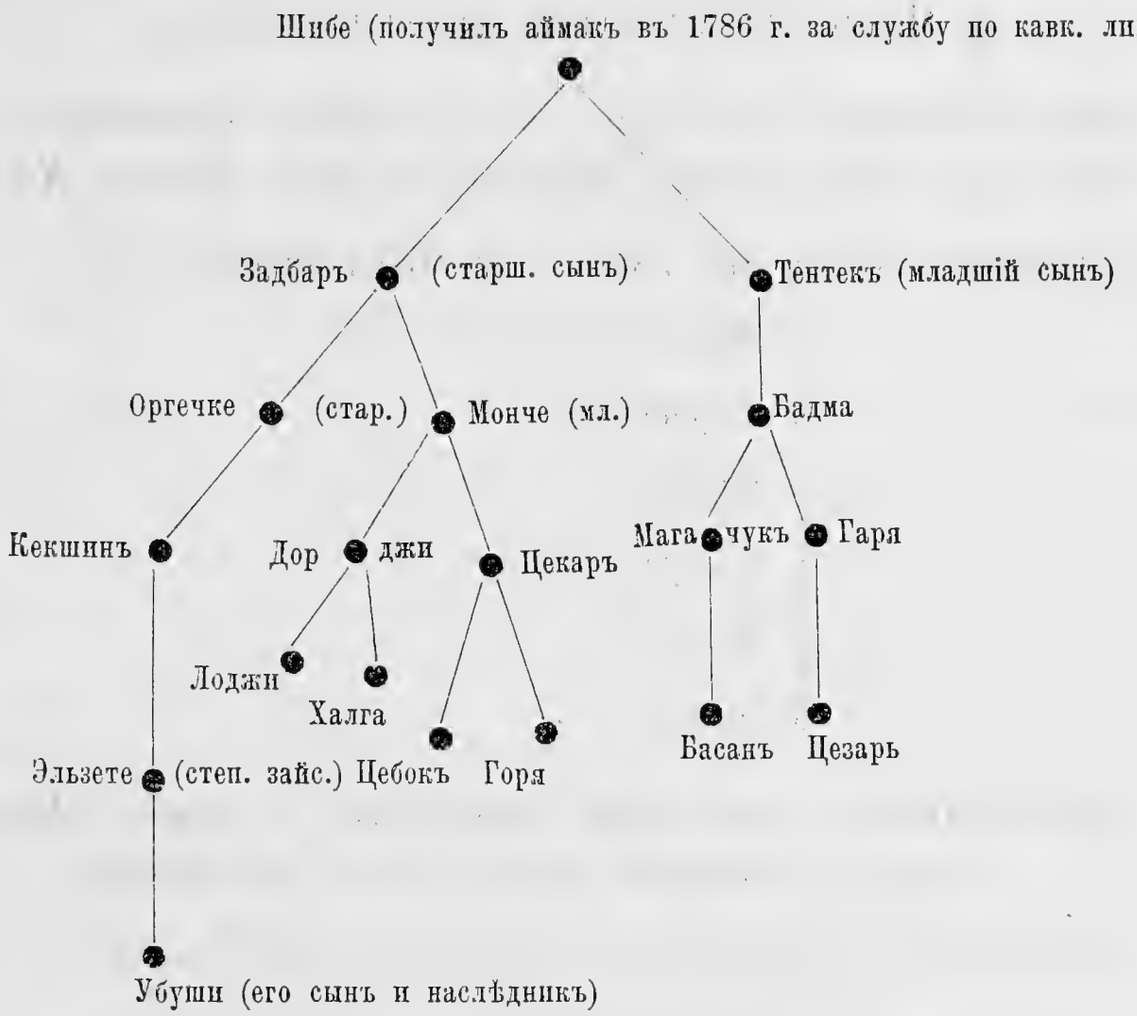
VI. Мочажный улусъ съ улусной ставкой, въ 15 верстахъ на югъ отъ Яндыковской ставки, тамъ находится улусное управленіе съ попечителемъ и улусная школа; въ судебномъ же отношеніи калмыки подчинены тѣмъ улусамъ, изъ которыхъ выкочевали, напр., эркетеневскіе калмыки—Эркетеневскому зарго, икицохуровскіе—Яндыковскому, харахусовскіе—Харахусовскому и т. д.

VII. „Калмыцкій базаръ“ съ улусною ставкою, въ пяти верстахъ выше г. Астрахани, на правомъ берегу Волги, гдѣ находится улусное управленіе при попечителѣ и представляетъ собою небольшое поселеніе состоящее изъ калмыковъ, татаръ и армянъ, гдѣ еженедѣльно происходитъ въ опредѣленный день скотская ярмарка (или же базаръ) для сбыта калмыками, подъ наблюденіемъ попечителя и выборныхъ отъ улусовъ калмыковъ-представителей (бодокчеевъ) пригоняемаго сюда скота.

№ 5-й. Родословная отдѣльныхъ зайсанговъ.

1) Генеалогическая таблица аймачнаго зайсанга, Яндыковскаго улуса, Барунова рода, Эльзете Кекшинова.

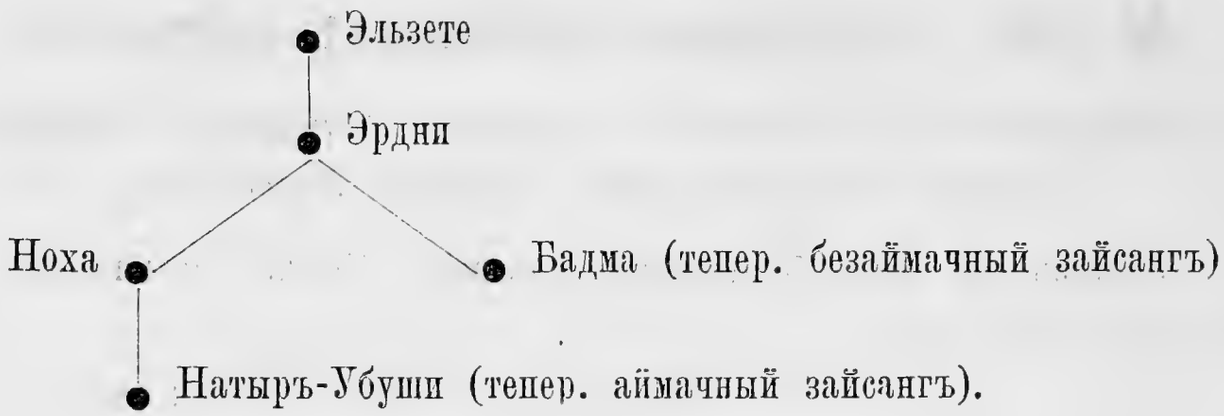
(Записано со словъ безаймачнаго зайсанга Кекши Оргичкѣева, отца теперешняго зайсанга).



2) Генеалогическая таблица аймачнаго зайсанга, Икицохуровскаго улуса, Тоханъ Кесикова, рода Натыръ Убуши Нохаева.

(Записано въ Бакшинскомъ хурулѣ, Икицохуровскаго улуса, 14 Августа 1885 года).

1. Болхо-Нойонъ (перекочевалъ изъ Зюнгаріи)
   - Шабунъ-Даралъ
   - Эркетаджи
   - Даэдыръ
   - Намса



3) Генеалогическая таблица малолѣтняго аймачнаго зайсанга Икицохуровскаго улуса, Шабинерова рода Банны Халгаева.

(Записано 14 Августа 1885 г. въ Баки-Хуря).

- Менке
- Харцеглю
- Убуши
- Колбунгъ
- Халга
- Банны

4) Генеалогическая таблица аймачнаго зайсанга Яндыковскаго улуса, Цатанова рода Эрдени Мальчаева.

(Записано въ Цатановскомъ хурулѣ 22 Іюля 1885 г.),

- Боди (зайсангъ)
- Ендыкъ
- Убуши
- Мальча
- Эрдени (теп. зайсангъ)

5) Генеалогическая таблица аймачнаго зайсанга Дербетовск. улуса, Абганеръ-Ханчинова рода Хохлова.

(Записано на урочищѣ Амта Бургуста, со словъ калмыка (72 лѣтъ) Эдыкъ Сатыева, Барунова рода, 28 Августа 1885 г.).

Мазанъ (зайсангъ Эркетеневскаго улуса)

Зучи (этотъ зайсангъ, по распоряженію администраціи послѣ ухода Убуши съ калмыками въ Китай въ 1771 г. былъ переведенъ съ 31 кибит. калмыковъ изъ Эркетеневскаго улуса въ Дербетовскій).

Уту-Насунъ

Хохолъ

Сынъ его, теперешній зайсангъ.

№ 6-й. О разселеніи калмыковъ Эркетеневскаго улуса по другимъ улусамъ.

Послѣ ухода жены Убуши съ калмыками въ Китай, Эркетеневскіе калмыки, не успѣвшіе укочевать съ ханомъ, взбунтовались, и тогда, по волѣ Государя (Цаганъ-хана), Эркетеневскій улусъ былъ раздѣленъ между другими улусами. На долю Дербетовскаго улуса досталась 31 кибитка эркетеневцевъ съ ихъ зайсангомъ Зунчи Мазановымъ, на долю Икицохуровскаго — теперешній Ярочинъ-Эркетеневскій родъ, на долю Хошоутовскаго улуса — Тоочинъ-Эркетеневскій родъ, и на долю Бузовинскихъ калмыковъ — (что живутъ въ землѣ Войска Донскаго) — Эркетеневскій родъ (записано со словъ старика калмыка Абганеръ-Барунова рода Эдыкъ-Сатыева, на урочищѣ Амта-Бургуста, 27 Августа 1885 года).

№ 7-й. Число домовъ и другихъ строеній въ предѣлахъ калмыцкой степи въ 1885 г.

(Свѣдѣнія сообщены канцеляріею главнаго управленія и провѣрены со словъ улусн. попечителей).

	Районъ степи и улусы	Священныхъ построекъ (хуруловъ и цацъ)		Улусн. построекъ для правительст. администрац		Домовъ и др. строеній у калмыцкаго населенія						
		Камен.	Дерев. и глин.	Камен.	Дерев. и глин.	Камен.	Дерев.	Глин и сол.	Мазан.	Проч.	Всего	Итого
I. Въ районѣ центральной степи.	Икицохуровскій	1	10	(*)	5	„	13	66	„	3	82	98
	Харахусовскій	1	11	„	7	„	„	1	„	3	4	23
	Эркетеневскій	„	„	„	3	„	„	1	„	1	2	5
	Часть Яндыковскаго . .	„	2	„	„	„	„	2	1	2	5	7
	— Богацохуровскаго .	„	2	„	5	„	15	2	10	2	29	36
	Итого	2	25	„	20	„	28	72	11	11	122	169

(*) Въ число холодныхъ построекъ включены—4 мельницы,—изъ нихъ 2—въ Богоцохуровскомъ улусѣ, 1 (водяная)— въ Малодербетовскомъ улусѣ и 1 на Калмыцкомъ Базарѣ.

II. Эргени	Малодербетовскій	4	34	„	12	3	173	444	790	1299	2709	2759
III. Мочаги.	Мочажный	3	28	„	18	„	83	13	116	74	286	335
	Мочаж. часть Яндык. ул.	„	23	2	15	„	57	10	44	29	140	180
	Мочаж. часть Эркетен. ул.	„	9	„	12	„	3	1	„	„	4	25
	Итого	3	60	2	45	„	143	24	160	103	430	540
IV. По лѣв. ст. Волги.	Александров. и Богоцохур.	2	11	„	8	„	119	7	467	8	601	622
V.	Калмыцкій Базаръ . . .	„	6	„	2	„	107	„	22	50	179	187
	Итого въ калмыц. степи.	11	136	2	87	3	570	547	1450	1471	4041	4271

№ 8-й. О родахъ у Астраханскихъ калмыковъ.

Число родовъ	Названія родовъ въ алфавитномъ порядкѣ	Кто правитъ родомъ	Число кибит.
	I. Богоцохуровскій улусъ.		2386
1	Барунова рода:		
	1 Аймакъ Церенъ Джалъ Онкорова	Зайсангъ	719
	2 — Генденъ Убуши Зунгруева. . . .	—	89
	3 — Горя Дусимбѣева	—	52
	4 — Манджи Онграева	—	23
	5 — Мергенъ Джатаева	—	3
	6 — Очиръ Бурулува	—	4
	7 — Дорджи Очиръ Гаряева	Опекунъ	60
	8 — Въ опекѣ.	—	29
	9 — Выморочный.	Старшина	37
	10 — —	—	25
	11 — —	—	24
	12 — —	Хот. староста	6
	Итого 12 аймаковъ, изъ нихъ 4 вымороч. .		1071
2	Дархочутовъ родъ — выморочный	Хот. староста	4
3	Запсурова рода:		
	1 аймакъ Сонгаджи Горя Ирсланова	Зайсангъ	105

3	Запсурова рода:		
	2 аймакъ Бата-Насунъ-Хазалбышева	Зайсангъ	82
	3 — Басангъ Эрденіева.	—	67
	4 — Убуши-Маджи Зунгруева.	—	48
	5 — Выморочный	Старшина	58
	Итого 5 аймаковъ, 1 выморочный		360
4	Зюнева рода:		
	1 аймакъ Лиджи-Церенъ Джапова	Зайсангъ	103
	2 — Сангаджи-Горя-Убушіева	—	76
	3 — Хонгоръ-Аки-Манушіева	—	98
	4 — Чимидо Очирова.	—	55
	5 — Коокошъ Бадма Горяева.	—	52
	6 — Улаза Шининова	—	23
	7 — Антона Кюрюкчинова	—	16
	8 — Горя Оргичкѣева	—	7
	9 — Горя-Боро Кюбюнева.	—	4
	10 — въ опекѣ	Опекунъ	57
	11 — —	—	40
	12 — выморочный	Старшина	14
	13 — —	Хот. староста	5
	14 — —	Выборн. лице	4
	Итого 14 аймаковъ, изъ нихъ 3 вымороч. .		554
5	Истенкинерова р. — выморочный.	Старшина	25
6	Нойрутова р. — влад. Очиръ Буюнтукова. . . .	Владѣлецъ	101
7	Тааджинкинова (или Зюнева р.) — выморочный . .	Старшина	53
8	Тубанкинова р. — выморочный.	—	20
9	Бакшинъ-Терголова р. — выморочный	—	12
10	Хурула Шабинерова р. — выморочный	—	107
11	Бакшинъ Шабинерова р. — выморочный.	—	79
	Всего 11 родовъ, 39 аймаковъ, изъ нихъ 15 выморочныхъ, 1 владѣльческій и 23 зайсангскихъ.		

	II. Икицохуровскаго улуса:		2114
1	Ачинеровъ р.—въ опекѣ	Опекунъ	310
2	Эркетень Боргосовъ р.—въ опекѣ	—	53
3	Замутова р.		
	1 аймакъ Галя Самтанова	Зайсангъ	7
4	Зюнгарова р.		
	1 аймакъ Бокта Сангаджіева.	Зайсангъ	77
	2 „ Болданъ-Балыкова	—	54
	3 „ Сангаджи Гаря Басанова. . . .	—	28
	4 „ Очиръ Налгхаева	—	4
	5 „ въ опекѣ	Опекунъ	100
	6 „ „	—	64
	7 „ „	—	44
	8 „ выморочный	Старшина	82
	9 „ „		31
	Итого 9 аймаковъ, изъ нихъ 2 выморочные		484
5	Зекенъ Кесинова р.		
	1 аймакъ Больджи Цебекова.	Зайсангъ	8
6	Тохонъ Кесикъ-Китчинерова р.		
	1 аймакъ Натыра Убуши Нохаева	—	267
	2 „ Дорджи Холгаева	—	31
7	Кебюнъ-Ноіонтова р.—въ опекѣ	Старшина	25
8	Сатхалова р.		
	1 аймакъ Муука Моздаева	Зайсангъ	33
	2 „ Бадремгъ Кюскюрова	—	45
	3 „ Джама Хара Манджіева	—	9
	4 „ Адья Очирова	—	10
	5 „ Машке Ользетіева	—	17
	6 „ въ опекѣ	Опекунъ	44
	7 „ „	—	34
	8 „ „	—	31
	Итого 8 аймаковъ		223
9	Хошоутова р.—въ опекѣ	Опекунъ	236

10	Шабинерова р.:		
	1 аймакъ Бадма Цамбаева.	Зайсангъ	32
	2 „ Бембе Сарангова.	—	18
	3 „ Сангаджи Сангаджіева	—	38
	4 „ въ опекѣ	Опекунъ	59
	5 „ „	—	70
	Итого 5 аймаковъ		217
11	Яргачинъ-Эркетенева р.		
	1 аймакъ Адья Дорджіева.	Зайсангъ	254
	Всего 11 род., 31 аймакъ, изъ нихъ 3 вымор. ост. зайсанг.		
	III. Харахусовскаго улуса:		1900
1	Ангучинова р.—въ опекѣ	Опекунъ	98
2	Батутова р.		
	1 аймакъ Церенъ Дамбилева.	Зайсангъ	62
3	Бабенкинова р.—въ опекѣ.	Опекунъ	100
4	Бача-Горбутова р.:		
	1 аймакъ Шалбурта Домбилева	Зайсангъ	91
	2 „ Оргечке-Шора-Манджіева	—	77
	3 „ въ опекѣ	Опекунъ	20
			188
5	Ики Горбутова р.:		
	1 аймакъ Эрдени Нарынова	Зайсангъ	37
	2 „ Очиръ Бачкаева	—	99
			136
6	Джамбанкинова р.—въ опекѣ	Опекунъ	34
7	Замутова р.		64
	1 аймакъ Ваньки Леджинова	Зайсангъ	
8	Нойдутова р.—выморочн.	Старшина	118
9	Самтанкинова р.		
	1 Муула-Бадма-Убушаева	Зайсангъ	242
10	Сотхалова р.—въ опекѣ	Опекунъ	103
11	Харахусова р.		
	1 аймакъ Бадля Эрденіева	Зайсангъ	490

12	Шабинерова р.		
	1 аймакъ Ваньки Леджинова.	Зайсангъ	214
13	Царасова р.		
	1 аймакъ Церенъ Дамбилева.	Зайсангъ	51
	Всего 13 род., 16 аймак., изъ нихъ 11 выморочн.		3688
	IV. Эркетеневскаго улуса.		2007
1	Будбулова рода выморочн.	Старшина	68
2	Бульчинова р.		
	1 аймакъ въ опекѣ	Опекунъ	348
3	Гуюрнутова р. выморочн.	Старшина	5
4	Зюнгарова р. выморочн.	Старшина	39
5	Керетова р. выморчн.	—	63
6	Кетчинерова р. выморочн.	—	56
7	Мацакинова р.		
	1 аймакъ Бурумда Джимбѣева	Зайсангъ	117
8	Меркетова р.		
	а) 1 аймакъ въ опекѣ	Опекунъ	122
9	б) Тебенкинова р. въ опекѣ	—	53
10	Му-Харикова р.		—
	1) аймакъ Церенъ-Улюмджіева	Зайсангъ	44
11	б) Бога-Канчикова р.—въ опекѣ	Опекунъ	103
12	Дунду-Ханчикова—выморочн.	Старшина	47
13	б) Ики-Хапчинова р.—въ опекѣ	Опекунъ	81
14	Харнутова р.		
	1 аймакъ Сангандж Никѣева	Зайсангъ	90
15	Хокчутова р.—выморочн.	Старшина	141
16	а) Цатанова—въ опекѣ.	Опекунъ	306
17	а) Цебгенкинова р.—въ опекѣ	Опекунъ	90
18	Шабинерова р.—выморочный.	Старшина	76
19	б) Эрекчутова р.—въ опекѣ	Опекунъ	118
20	Ялькетова		
	1 аймакъ Хулгуна Бата Насунова	Зайсангъ	40
	Всего 20 род., 20 аймак. и изъ нихъ 8 выморочн.		
	NB. 8 аймаковъ въ опекѣ, изъ нихъ четыре (б) умершаго зайсанга Харцанъ Мозанова и четыре — Тере-Маке Мазанова.		

	V. Яндыковскаго улуса.		3688
1	Багутова р.		
	2 зайсангскихъ аймака	2 зайсанга	839
2	Шарзъ Багутова р.		
	6 зайсангскихъ аймаковъ	6 зайсанг.	983
3	Барунова-Керетова р.		
	9 зайсангскихъ аймаковъ	9 зайсанг.	651
4	Батутова р.—выморочный	Старшина	32
5	Цатанова р.		
	1 зайсангскій аймакъ	Зайсангъ	1089
6	Ага-Цатанова р.		
	2 зайсангскихъ аймака	2 зайсанга	126
7	Шабинерова р.—выморочный.	Старшина	116
	Ламанъ-Шабинерова р.—выморочный.	Староста	10
8			
	Всего 8 род., 23 аймак. изъ нихъ 3 вымороч.		3682
	VI. Мочажнаго улуса.		
	А) Эркетеневскаго улуса:		1605
1	Будбулова р.—выморочный	Старшина	40
2	Ики-Багутова р.	—	636
3	Шарзъ Багутова р.	—	165
4	Бульчинова р.—въ опекѣ	Опекунъ	23
5	Гуюрмутова р.—выморочный	Старшина	38
6	Зюнгарова р.	—	98
7	Керетова р.	—	3
8	Кетчинерова р.	—	42
9	Мацагакинова—зайсангскій	Зайсангъ	49
10	Меркетева въ опекѣ	Опекунъ	26
11	Му-Хоринова—зайсангскій	Зайсангъ	32
12	Бага Ханчинова р.—въ опекѣ.	Опекунъ	46
13	Дунду-Ханчинова р.—въ опекѣ	—	38
14	Ики-Ханчинова р. въ опекѣ	—	40
15	Харнутова р.		
	1 аймакъ Сангаджи Саронгова	Зайсангъ	65
	2 „ Басангъ Шанхарова.	-	37
	3 „ Сангаджи-Никѣева.	—	58

	4 аймакъ Сангаджи-Замбо	Зайсангъ	8
	Итого 4 аймака—зайсанг. . .		168
16	Хоючутова р.—выморочный	Староста	9
17	Цатанова р.—въ опекѣ	Опекунъ	40
18	Цебгекинова р.	—	5
19	Шабинерова р.—выморочный.	Старшина	85
20	Эрекчетува р.—въ опекѣ	Опекунъ	11
21	Ялькетова р.—зайсангскій	Зайсангъ	10
	Всего 21 родъ, 29 аймаковъ		1605
	Б. Харахусовскаго улуса		748
1	Ангучинова р.	Какъ въ степномъ улусѣ	106
2	Бабинкинова р.		5
3	Батутова р.		16
4	Бога-Гурбутова р.		68
5	Ики-Гурбутова р.		2
6	Джамбенкинова р.		19
7	Замутова р.		15
8	Самтанакинова р.		12
9	Сатхалова р.		4
10	Харахусова р.		458
11	Цоросова р.		6
12	Шабинерова р.		38
	Всего 12 родовъ		748
	В. Богоцохуровскаго улуса.		845
1	Барунова рода:		
	1 аймакъ Цеб. Дж. Онкорова	Зайсангъ	57
	2 „ Джимбе Хабакова	—	153
	3 „ Болдокъ-Долдаева	—	50
	4 „ Цедя Сарджаева.	—	4
	5 „ Тукчинерова	—	10
	Итого 5 аймаковъ.		274

2	Зюнева рода:			
	1 аймакъ	Хонгоръ Аха-Мандж.	Зайсангъ	115
	2 „	Церенъ-Джапова	—	32
	3 „	Саранъ Онкорова	—	26
	4 „	Басангъ Убуши-Басангова . . .	—	3
	5 „	Павла Алексѣева.	—	223
	6 „	Кюрючкинъ Тасынкова	—	2
	7 „	Очиръ Чидингъ Убушіева. . . .	—	25
	8 „	Улаза Шининова.	—	8
	9 „	Гецель Джилгаева	—	6
	10 „	Тюрбе Собакова	—	45
	11 „	Боро-Кебюнъ-Шарапъ-Джамбаева.	—	2
	12 „	Убуши Манджи-Зунгр.	—	3
		Итого 12 аймаковъ		490
3	Забсурова рода:			
	1 аймакъ	Хозолбышъ-Оросова	Зайсангъ	3
	2 „	выморочный	Старшина	42
4	Хурлынъ Шабинерова р.—выморочный.		—	36
		Всего 4 рода изъ 19 аймаковъ		845
	Г. Икицохуровскаго улуса			659
1	Ачинерова р.			69
2	Беснякинова р.—владѣльческій.		Владѣлецъ	35
3	Эркетень-Боргосова.		Зайсангъ	7
4	Замутова р.			126
5	Зюнгарова р.:			
	1 аймакъ	Очирова	—	13
	2 „	Цаганова	—	2
	3 „	Очирова	—	5
	4 „	Дорджіева	—	21
	5 „	Басынгова		7
		Итого 5 аймаковъ		48
6	Зекенъ-Кесикова р.			43
7	Тоханъ-Кесикова р.			
	1 аймакъ	Хаалгаева	Зайсангъ	59

	2 аймака Нохаева	Зайсангъ	24
	Итого		83
8	Кебюнъ-Нойотова р.	Зайсангъ	47
9	Сатхалова р.:		
	1 аймакъ Очирова	—	13
	2 „ Шогіева	—	11
	3 „ Котошкіева	—	12
	4 „ Шараева	—	1
	5 „ Моздаева	—	4
	6 „ Кюскюрова	—	3
	Итого		44
10	Хошутова р.	Зайсангъ	77
11	Шабинерова р.:		
	1 аймакъ Токтохаева	—	6
	2 „ Шора-Маджіева	—	30
	3 „ Боджіева	—	4
	Итого		40
12	Яргачинъ-Эркетенева	Зайсангъ	40
	Всего 12 родовъ изъ 24 аймаковъ. . .		659
	Малодербетовскаго улуса.		
	А) Сѣверная половина улуса.		6112
1	Абганеръ-Барунъ-Кетчинерова р.		
	1 аймакъ Кутузова	Зайсангъ	515
2	Абганеръ Хапчинова р.		
	1 аймакъ Хохолова.	—	157
3	Абганеръ Асматова р.		
	1 аймакъ Басангова	—	224
4	Абганеръ Аванкинова — выморочный.	Старшина	241
5	Абганеръ Бакшинкинова — „	—	246
6	Боргосова р.		
	1 аймакъ Боджіева.	Зайсангъ	33

7	Бага-Бухусова р.		
	1 аймакъ Киринова	Зайсангъ	89
8	Ики-Бухусова р.		
	1 аймакъ Киринова	—	266
9	Зетова — выморочный	Старшина	140
10	Тебентенерова р.		
	1 аймакъ Джапова	Зайсангъ	57
11	Туктунъ-Талтанкинова р.		
	1 аймакъ Алангашева	—	375
12	Тунтунъ-Какинакинова р.		
	1 аймакъ Лиджіева	—	54
13	Туктунъ-Сарлакинова р.		
	1 аймакъ Менке-Джиргалова	—	27
	2 „ Кюкіева	—	68
14	Туктунъ-Маштанакинова р.		
	1 аймакъ Сарандаева	—	52
15	Туктунъ-Нетебгекинъ-Тукчинерова р.		
	1 аймакъ Арлуева	—	113
16	Туктунъ-Ики-Докзаманкинова р.		
	1 аймакъ Улюмджіева	—	22
17	Туктунъ-Бага-Докзаманкинова р.		
	1 аймакъ Бюбѣева	—	137
18	Туктунъ-Шошалданкинова р.		
	1 аймакъ Нимѣева	—	27
	2 „ Санджіева	—	33
19	Туктунъ-Цоросова — выморочный	Старшина	67
20	Туктунъ-Кадженкинова р.		
	1 аймакъ Ильджирингова	Зайсангъ	111
21	Туктунъ-Заргакинова р.		
	1 аймакъ Боваева	—	39
	2 „ Эрденіева	—	100
	3 „ Цетирова	—	6
22	Туктунъ-Лагирова р.		
	1 аймакъ Ользѣева	—	106
23	Туктунъ-Капканкинова р.		
	1 аймакъ Капкаева	—	22
24	Хончинерова р.		
	1 аймакъ Арджуева	—	97

25	Бага-Хурулова р.—выморочный	Старшина	268
26	Дунду-Хурулова р.— „	—	817
27	Ики-Хурулова р.— „	—	556
28	Бага-Манланъ-Шабинерова—выморочный	—	99
29	Бакшинъ-Шабинерова р.—выморочный	—	320
30	Деде-Ламинъ-Шабинерова р.—выморочный	—	128
31	Ики-Манланъ-Шабинерова р.— „	—	184
32	Шарнутъ-Чоносова р.		
	1 аймакъ Зундуева р.	Зайсангъ	281
33	Шаретова (или Бурулъ Шаретова р.)		
	1 аймакъ Аршіева р.	—	36
	Всего 33 рода, 35 аймаковъ, изъ нихъ выморочныхъ—10. Кромѣ того еще Червленый поселокъ и Тингутинское Общество.		
	Примѣчаніе. Собственно главныхъ родовъ въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса меньше, именно:		
1	Абганеровъ родъ (изъ 5 мал. род.).		
2	Бахусовъ родъ (изъ 2-хъ мал. род.).		
3	Зетовъ родъ.		
4	Тебектенеровъ р.		
5	Туктуновъ р. (изъ 13 род.).		
6	Шабинеровъ р. (изъ 7 р.).		
7	Ханчинеровъ р.		
8	Шарнутъ—Чаносовъ р.		
9	Шаретовъ р.		
10	Боргасовъ р.		
	NB. Туктуны отъ 17—22 л. носятъ общее названіе Сольскихъ туктуновъ.		
	Б. Южная половина улуса		3635
1	Абганеръ-Кюбютова рода—выморочный. . . .	Старшина	71
2	Бага-Бурулова р.		
	1 аймакъ Баса-Кердіева р.	Зайсангъ	18
3	Бурулъ-Дорджагакинова р.		
	1 аймакъ Теменекъ-Бадмаева	—	60
4	Бурулъ-Джанчабакинова р.		
	1 аймакъ Бадма Корнѣева.	Опекунъ	127

5	Бурулъ-Шудючюнерова р.		
	1 аймакъ Батырова	Зайсангъ	65
6	Бурулъ-Джеджинкинова р.		
	1 аймакъ Эренценъ Мантыкова	Опекунъ	93
7	Бурулъ-Малланкинова р.		
	1 аймакъ Нарамба-Санджіева	Зайсангъ	34
8	Бурулъ-Баганкинова р.		
	1 аймакъ Му-Кебюнъ-Джамбаева	—	91
9	Бурулъ-Бекъ-Маджинкинова р.		
	1 аймакъ Очиръ-Нимбуева	Опекунъ	83
10	Зюнъ-Бюдюрмесова р. — въ опекѣ		
	1 аймакъ Бадма Нимгирова	—	42
11	Даджинкинова р		
	1 аймакъ Арши-Му-Кукенова	—	43
12	Зетъ-Кебютова р.		
	1 аймакъ Урюбухюръ Аробдакова . . .	Зайсангъ	53
13	Ики-Кебютова рода		
	1 аймакъ Урюбухюръ Арабданова . . .	—	138
14	Келькетова р. – въ опекѣ		
	1 аймакъ Аюшъ Цебекова	Опекунъ	126
15	Маджинкинова р.		
	1 аймакъ Булдунъ-Тере-Менкѣева . . .	—	255
16	Нантанкинова р.		
	1 аймакъ Цеденъ Санухіева	—	95
	2 „ Убуши-Мунохаева	—	53
17	Ностенкинова р. (или Бяценкинова)		
	1 аймакъ Булукъ Менкуева	Зайсангъ	61
18	Ольганкинова р.		
	1 аймакъ Урю-бухуръ Лабгаева	Опекунъ	26
19	Орзакинова р.		
	1 аймакъ Цебенъ-Боро-Манджіева . . .	—	209
20	Хара-Талгакинова р.:		
	1 аймакъ Ценке-Санджіева	Зайсангъ	11
21	Ульдучинова р.		
	1 аймакъ Бадма Сумчянова	Опекунъ	253
	2 „ Кебчинева	Зайсангъ	4
	3 „ Шарапъ-Джамбаева	—	37
	4 „ Аканъ-Инджіева	—	11

	5 аймакъ Кютюрова	Зайсангъ	6
	6 „ Басангъ-Сармыкова	Опекунъ	98
	7 „ Шантаева	Зайсангъ	220
	8 „ Арачинъ-Очиръ Балзанова . .	Опекунъ	154
	8 аймаковъ		783
22	Хатханерова р.		
	1 аймакъ Музро Кармыкова	Зайсангъ	188
23	Бога-Чоносова р.		
	1 аймакъ Эмчекъ Убуши Дондукова . . .	—	484
24	Ики-Чоносова р.—выморочный	Старшина	377
25	Богданъ Шабинерова		69
26	Мамадутъ-Шабинерова р.—выморочный. . . .	—	30
	Всего 25 родовъ, 34 аймака, 4 выморочн.		
	Улусъ Александровскій		2014
1	Доглутова р.--въ опекѣ	Опекунъ	69
2	Керетова р.		
	1 аймакъ выморочный	Старшина	266
	2 „ „	—	12
3	Маргечутова р.—выморочный	—	32
4	Бага-Теленгутова—въ опекѣ	Опекунъ	52
5	Ики-Теленгутова р.		
	1 аймакъ Сангаджи Ара Тегусова	Зайсангъ	52
6	Убушинкинова р.		
	1 аймакъ владѣльческій (Сангаджи-Батырова)	Владѣлецъ	83
7	Уранхусова р.		
	1 аймакъ Хаалга Убуши-Цебекова	Зайсангъ	76
8	Хохачинова р.—выморочный.	Старшина	14
9	Бога-Хошоутова р.		
	1 аймакъ въ опекѣ	Опекунъ	173
	2 „ Эрдени Ара-Шонхорова р.	Зайсангъ	122
10	Ики Хошоутова р.—выморочный.	Старшина	89
11	Хойтова р.	—	71
12	Цагаланкинова	—	133
13	Цатанова р.		
	1 аймакъ—выморочный.	—	244

13	Цатанова р.		
	2 аймакъ	Старшина	107
14	Чигечинерова р.	—	26
15	Шангутова р.	—	15
16	Шабинерова р.	—	198
17	Эркетенева р.:		
	1 аймакъ — въ опекѣ	Опекунъ	174
	2 „ — Эрдени-ара — Шонхорова рода .	Зайсангъ	6
	Всего 17 родовъ, изъ нихъ 11 выморочныхъ, 1 владѣльческій и 10 зайсангскихъ. . . .		2014

Примѣчаніе къ таблицѣ о родахъ. Сравнивая названія родовъ по разнымъ улусамъ, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя родовыя названія встрѣчаются въ двухъ, трехъ и даже болѣе улусахъ, именно:

1) Шабинеровы рода (съ разными оттѣнками въ названіяхъ) есть во всѣхъ семи улусахъ.

2) Кетчинеровы рода (съ добавочными названіями) встрѣчаются въ трехъ улусахъ: Икицохуровскомъ, Эркетеневскомъ и въ Дербетовскомъ (въ сѣверной части).

3) Цатановы р.—тоже въ трехъ улусахъ: Яндыковскомъ, Эркетеневскомъ и Александровскомъ (или Хошоутовскомъ).

4) Баруновы р.—тоже въ трехъ: Богоцохуровскомъ, Яндыковскомъ и Дербетовскомъ (сѣв. части).

5) Найдутовы р.—тоже въ трехъ: Богоцохуровскомъ, Харахусовскомъ и Икицохуровскомъ.

6) Керетовъ р.—тоже въ трехъ: Эркетеневскомъ, Александровскомъ и Яндыковскомъ улусахъ, гдѣ этотъ родъ теперь сливается обыкновенно съ Баруновымъ родомъ.

7) Тебенкиновъ р.	Встрѣчаются въ двухъ улусахъ.	въ Богоцохуровскомъ и Эркетеневскомъ.
8) Зюнгаровъ „		въ Икицохуровскомъ и Эркетеневскомъ.
9) Соткаловъ „		въ Икицохуровскомъ и Харахусовскомъ.
10) Хошоутовъ „		въ Икицохуровскомъ и Александровскомъ.
11) Эркетеневъ „		въ Икицохуровскомъ и Александровскомъ.
12) Боргосовъ „		въ Икицохуровскомъ и Дербетовскомъ (сѣв. ч.)
13) Батутовъ „		въ Харахусовскомъ и Яндыковскомъ.
14) Богутовъ „		въ Яндыковскомъ и Эркетеневскомъ.

Повтореніе родовыхъ названій по улусамъ не всегда должно быть отнесено къ случайному совпаденію, но объясняется чисто бытовыми и историческими обстоятельствами. Такъ, напр., то обстоятельство, что Шабинеровъ родъ встрѣчается во всѣхъ улусахъ, имѣетъ совершенно точное исторически бытовое объясненіе. Шабинеровъ родъ получилъ свое названіе отъ слова „шибе“ (монастырскій послушникъ), перешедшаго въ современномъ калмыцкомъ языкѣ въ слово „сювенъ“ или „сивенъ“, которымъ называется прислуга духовныхъ лицъ—„ламы“, „бакши“ и пр. Въ періодъ господствованія у калмыковъ неограниченнаго крѣпостнаго права, когда владѣльцы своихъ подданныхъ дарили, продавали, давали въ приданое за дочерьми, какъ семьями, такъ и отдѣльными лицами,—религіозныя побужденія заставляли приносить такіе живые подарки и монастырямъ, и отдѣльнымъ духовнымъ лицамъ—уважаемымъ ламамъ, бакшамъ и пр. Это-то населеніе, подаренное духовенству, освобождалось отъ крѣпостной зависимости владѣльцевъ и зайсанговъ, составляя уже видъ крѣпостныхъ монастырскихъ и образовало изъ себя самостоятельные роды „Шабинеровы“, а видовыя названія получили уже отъ названій своихъ частныхъ владѣльцевъ; такъ, просто „Шабинеровы“ роды—это представители крѣпостнаго класса монастыря (хурула), „Ламинъ“—Шабинеровы роды (Харахус. ул.) указываютъ на крѣпостныхъ ламъ, прочія названія (Ики-Хурулъ, Бакшинъ, Ходе-Цаминъ и проч.) это уже частныя названія тѣхъ хуруловъ, при которыхъ состояли извѣстные Шабинеровы роды.

Дареніе духовенству крѣпостнаго населенія, вытекая изъ разныхъ мотивовъ религіозныхъ побужденій, было самое разнообразное: посвящалось хурулу калмыцкое населеніе цѣлыми массами, если даже не отдѣльными родами. аймаками, но также можно предполагать существованіе обычая отдавать хурулу плѣнныхъ, а также и то бродячее населеніе, которое въ видѣ бѣглыхъ, преступниковъ укрывалось въ калмыцкой степи. На предположеніе существованія такого обычая наводятъ многіе факты. Напр. въ Яндыковскомъ улусѣ оффиціальное названіе рода—просто „Шабинеровъ“, а калмыки зовутъ его „Ламинъ-Шабинеровъ“. По разсказу духовенства Шабинерова хурула (записано лично мною въ 1885 г. въ Іолѣ, со словъ настоятеля монастыря и другихъ духовныхъ лицъ)—Аюкъ-ханъ просилъ у Далай-Ламы Тибетскаго себѣ „эмчи“ (врача). Когда послѣдній прибылъ въ степь, то ханъ, въ благодарность за оказанную помощь подарилъ ему нѣсколькихъ сиротъ, отъ которыхъ и произошелъ Шабинеровъ родъ. По другому варіанту, записанному тамъ-же, эмчи изъ Тибета просилъ хана подарить ему бѣдныхъ инородцевъ, находящихся среди калмыковъ, и ханъ отдалъ въ его владѣніе всѣхъ русскихъ, татаръ, киргизовъ и пр. Подобное объясненіе имѣетъ оправданіе въ тѣхъ частныхъ названіяхъ, которыя калмыки даютъ Шабинерову

роду. Дѣло въ томъ, что населеніе Шабинерова рода подраздѣляется калмыками еще на шесть группъ или частныхъ родовъ, и каждая изъ этихъ группъ носитъ особое названіе, именно:

1) Дербетъ-Шабинеры, 2) Монгатъ-Шабинеры (т. е. татары-Шабинеры), 3) Хасыкъ-Шабинеры (т. е. киргизы-Шабинеры), 4) Оресъ-Шабинеры (т. е. русскіе-Шабинеры), 5) Хошоуты-Шабинеры и 6) Гельгакенъ-Шабинеры.

Вотъ какъ объясняетъ эти видовыя названія гецюнгъ Шабинерова хурула Бадма Барслуевъ [1]) „Аюкъ-ханъ просилъ у Далай-Ламы для калмыковъ „эмчи"; Далай-Лама послалъ эмчи Баханъ, который и былъ основателемъ улуса. Однажды этому Баханъ-Эмчатынъ дербетовскій нойонъ Читыръ подарилъ за леченіе 100 кибитокъ, но эмчи отказался, говоря, что не можетъ отъ него взять такую часть „улуса" и просилъ подарить ему трехъ сиротъ. Скоро послѣ этого одинъ дербетовскій „богатырь" (бктыръ) Тотла, поссорившись съ своими нойонами, откочевалъ отъ нихъ и перешелъ жить къ Боханъ-Эмчи. Поколѣніе трехъ названныхъ сиротъ и Тотлы и составили группу калмыковъ, называемыхъ „Дербетъ-Шабинеры".

„Манготъ-Шабинеры" дѣлятся еще на двѣ группы: Уланъ-Манготы (это кавказскіе горцы) и Хуучинъ-Бюринъ-Манготы—это татары, вышедшіе въ степь изъ Петровскаго поселенія, вблизи Астрахани и Калмыцкаго Базара: послѣдніе поселились въ степи послѣ ссоры съ своими односельцами.

„Хасыкъ" и „Оросъ", т. е. киргизы и русскіе тоже сами явились въ степь.

Хошоутъ-Шабинеры имѣютъ такое происхожденіе. Однажды Боханъ Эмгатынъ проѣздомъ черезъ урочище Кеке-Нуръ, гдѣ кочевали хошоутовскіе калмыки, замѣтилъ много воронъ, вьющихся надъ трупомъ человѣка. Приблизившись, онъ увидѣлъ, не трупъ, а дышащаго человѣка. Скоро онъ вылечилъ больнаго, привезъ къ себѣ въ хурулъ и назвалъ Кеке-Нурынъ-Хошоутъ. Поколѣніе этого человѣка и составило отдѣлъ Хошоутъ-Шабинеровъ.

„Гельгокенъ-Шабинеры" произошли отъ одного калмыка Богоцохуровскаго улуса по имени Гельгакъ (или Геликъ), который, поссорившись со своимъ улусомъ, откочевалъ и жилъ у Боханъ-Эмчатына.

Тенденція приведеннаго разсказа наглядно указываетъ на происхожденіе Шабинеровыхъ родовъ: они образовались изъ подарковъ самихъ владѣльцевъ, изъ калмыцкихъ семей искавшихъ при хурулахъ какъ-бы убѣжища отъ преслѣдованія своихъ владѣльцевъ, изъ всякаго рода инородцевъ и пришлыхъ людей.

---

[1]) Записано въ 1885 г. бывшимъ воспитанникомъ фельдшерской школы въ Казани калмыкомъ Горяевымъ.

На такое происхожденіе Шабинеровыхъ родовъ указываетъ наблюдаемое мною лично, какъ въ Яндыковскомъ, такъ и въ другихъ улусахъ явленіе, что калмыки Шабинеровыхъ родовъ въ своемъ физическомъ типѣ носятъ признаки инородческой примѣси и между ними гораздо больше можно встрѣтить физіономій немонгольскаго типа, чѣмъ въ другихъ родахъ.

Въ данный моментъ калмыки Шабинеровыхъ родовъ во всѣхъ улусахъ принадлежатъ родамъ выморочнымъ, т. е. подчиненнымъ непосредственно русской администраціи, а не зайсангамъ, исключеніе представляютъ только Шабинеровы роды Икицохуровскаго улуса.

2) *Нойдутовы* роды составлены, по всѣмъ признакамъ, изъ тѣхъ калмыковъ, которые управлялись не зайсангами, а непосредственно самими владѣльцами (нойонами) откуда и получило сьихъ названіе („нойдутъ“ —названіе владѣльческаго сословія). Въ Богоцохуровскомъ улусѣ „Нойдутовъ“ родъ и до послѣдняго времени управляется молкопомѣстными владѣльцами, а въ Харахусовскомъ и Икицохуровскомъ улусахъ эти роды — „выморочные“.

3) Роды, носящіе названія улусовъ или племенъ, какъ Эркетеневъ родъ, Хошоутовъ и Зюнгаровъ указываютъ на дѣйствительно родственное происхожденіе калмыковъ этихъ родовъ, а теперь разныхъ улусовъ. Послѣ удаленія калмыковъ въ концѣ прошлаго столѣтія изъ предѣловъ Россіи, администрація распредѣлила искусственно оставшихся калмыковъ между владѣльцами, и по крайней мѣрѣ исторически вѣренъ фактъ, что калмыки Эркетеневскаго улуса въ значительномъ количествѣ распредѣлены были по всѣмъ улусамъ. Та же перетасовка происходила и между калмыкамм другихъ улусовъ и родовъ: такъ напр. въ Яндыковскомъ улусѣ мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что калмыки Цатанова рода Яндыковскаго и Эркетевскаго улуса до 1771 года составляли одинъ родъ, и разселились лишь по удаленіи калмыковъ.

№ 9-й. О населеніи. (Опытъ кибиточной переписи).

1) Хотонъ Багутова рода аймаку зайсанга Оханова на урочищѣ Мантышъ.

Хотонъ состоитъ изъ 10 кибитокъ и 1 полукибитки; по кибиткамъ населеніе распредѣляется такъ:

1-я киб.:	мужъ, жена и ребенокъ-сынъ	= 2 м.	+ 1 ж.	= 3	душ.
2-я „	м. + ж. + мальч., дѣвочка	= 2 м.	+ 2 ж.	= 4	„
3-я „	м. + ж. (старуха)	= 1 м.	+ 1 ж.	= 2	„
4-я „	м. + ж. + 2 дѣвочки	= 1 м.	+ 3 ж.	= 4	„
5-я „	м. + ж. + 1 мальч.	= 2 м.	+ 1 ж.	= 3	„

6-я киб. м.+ж. (недавно женившіеся) =1 м.+1 ж.=2 душ.
7-я „ м.+ж. (тоже) =1 м.+ ж.=2 „
8-я „ м.+ж.+1 дѣвочка =1 м.+2 ж.=3 „
9-я „ м.+ж.+3 дѣвоч. =1 м.+4 ж.=5 „
10-я „ м.+ж. =1 м.+1 ж.=2 „
11-я (полукибитка) для рабочихъ, населеніе въ ней измѣнчиво.

Итого въ десяти кибиткахъ населенія 30 душъ, изъ нихъ 13 мужч., 17 женщ., въ рабочей порѣ 18 д., стариковъ 2 и дѣтей 10.
(Перепись сдѣлана мною 25 Іюня 1885 года).

2) Хотонъ зайсанга Самтанова Керетова рода Яндыковскаго ул., на урочищѣ Маджаджи.

Въ хотонѣ 8 кибитокъ, изъ нихъ 3 Шабинерова р., 3 Багутова и 2 Керетова. Зайсангу принадлежатъ 2 кибитки, а остальныя—съ работниками. Населеніе по кибиткамъ:

1-я киб.: Керетова р. мужъ+жена+2 дѣвочки =1м.+3 ж.=4 душ.
2-я „ м.+ж.+1 дѣв. и старикъ =2м.+2 ж.=4 „
3-я „ Багутова р.
4-я „ 3 м.+ 3 ж.+1 мал.+6 дѣв. =4м.+10 ж.=14 душ.
5-я „ +1 старуха
6-я „ Шабинерова р.
7-я „ 2 м.+ 3 ж.+1 мал.+2 дѣв. =4м.+5 ж.=9 душ.
8-я „ +1 старикъ

Итого въ 8 кибиткахъ населенія 31 душа, изъ нихъ 11 мужч. и 20 женщ., при этомъ въ рабочемъ возрастѣ 15 душъ, 3 старыхъ и 14 дѣтей.
(Перепись сдѣлана мною 11 Іюля 1885 года).

3) Хотонъ калмыковъ Эркетеневскаго улуса, Цатанова р., зайсанга Терс-Мюнке на урочищѣ Балбурха.

Хотонъ состоитъ изъ 3-хъ кибитокъ, въ нихъ населенія:
1-я киб.: м.+ж.+3 дѣтей (остались въ живыхъ 3-е, а умерло 6 дѣт.,—всѣ умирали (до 6 лѣтъ и большинство
2-я „ м.+ж.+2 дѣт. на 1-мъ году).
3-я „ м.+ж.+4 дѣт.

Итого населенія 15 душъ, изъ нихъ 7 мужч., 8 женщ., въ рабоч. возр. 6, дѣтей 9.
(Перепись сдѣлана мною въ концѣ Іюля 1885 года).

4) Хотонъ опекуна Цатанова рода, Эркетеневскаго улуса, Сара Эрдніева на урочищѣ Балмухта.

Хотонъ состоитъ изъ 14 кибитокъ и 4 полукибитокъ въ нихъ населенія:

1-я	киб.:	1 мужъ+1 жена+2 мальч.+1 дѣв. (двое умерло— 4 и 7 л.)	=	3	м.+	2	ж =	5 душ.
2-я	„	1 отецъ (старикъ)+1 сынъ	=	2	м. —		=	2 „
3-я	„	2 м.+2 ж.+2 мал.+3 дѣв. +1 старуха	=	4	м.+	6	ж =	10 „
4-я	„	1 м.+1 ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
5-я	„	1 старуха (мать опекуна)	=	—		1	ж =	1 „
6-я	„	1 м.+1 ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
7-я	„	1 м.+1 ж.+1 дѣв.	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
8-я	„	1 м.+1 ж.+6 мал.+1 дѣв.	=	7	м.+	2	ж.=	9 „
9-я	„	1 м.+1 ж.+1 мал.+1 дѣв.	=	2	м.+	2	ж.=	4 „
10-я	„	стар.+старуха	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
11-я	„	1 м.+1 ж.+3 дѣв.	=	1	м.+	4	ж.=	5 „
12-я	„	1 м.+1 ж.+мальч.+дѣв.	=	2	м.+	2	ж.=	4 „
13-я	„	1 м.+1 ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
14-я	„	1 м.+1 ж.+2 дѣв.	=	1	м.+	3	ж.=	4 „
15-я	„	мать-вдова+2 мальч.+стар.	=	2	м.+	2	ж.=	4 „
16-я	„	1 м.+1 ж. (старики)	=	1	м.+	1	ж.=	2 „
17-я	„	отецъ вдовецъ+1 м.+1 дѣв.	=	2	м.+	1	ж.=	3 „

Итого населенія въ хотонѣ 64 души, изъ нихъ 32 муж., 31 женск., въ рабоч. возр. 27, стариковъ 8 и дѣтей 29.
(Перепись произведена мною 27 Іюля 1885 г.).

5) Хотонъ Цебченкинова рода, на урочищѣ Кгаалусъ.

Въ хотонѣ 10 кибитокъ и 2 полукибитки,—населенія въ нихъ:

1-я	кибитка:	м.+ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 д.
2-я	„	м.+ж.+2 дѣв.	=	1	м.+	3	ж.=	4 д.
3-я	„	м.+ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 д.
4-я	(полукиб.)	м.+ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 д.
5-я	кибитка	отецъ-старикъ+2 сына	=	3	м.		=	3 д.
6-я	„	м.+ж.	=	1	м.+	1	ж.=	2 д.
7-я	„	м.+ж.+1 дѣв.	=	1	м.+	2	ж.=	3 д.
8-я	„	м.+ж.+ мал.+ дѣв.+стар.	=	3	м.+	2	ж.=	5 д.
9-я	„	м.+ж.+ мал.+ дѣв.	=	2	м.+	2	ж.=	4 д.
10-ая	(полукиб.)	стар.+старуха+3 мал.+2 дѣв.	=	4	м.+	3	ж.=	7 д.

11-я кибитка — м. + ж. + 2 мальч. = 3 м. + 1 ж. = 4 д.
12-я „ — м. + ж. + мальч. = 2 м. + 1 ж. = 3 д.

Итого въ хотонѣ 41 душа, изъ нихъ 23 муж., 18 женщ., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 22 д., стариковъ 4 и дѣтей 15 (перепись произведена мною около 1-го августа 1885 г.).

6) Хотонъ зайсанга Богацохуровскаго улуса Джанова, на урочищѣ Джанань-Худукъ.

Въ хотонѣ было 7 кибитокъ, въ нихъ населенія:

1-я кибитка — м. + ж. + 3 дѣвоч. = 1 м. + 4 ж. = 5 д.
2-я „ — м. + ж. + мальч. (сирота) = 2 м. + 1 ж. = 3 д.
3-я „ — м. + ж. + мальч. + дѣв. + стар. = 2 м. + 3 ж. = 5 д.
4-я „ — м. + ж. + 2 мальч. + дѣв. = 3 м. + 2 ж. = 5 д.
5-я „ — м. + ж. + мальч. + дѣв. = 2 м. + 2 ж. = 4 д.
6-я, 7-я — Эти двѣ кибитки принадлежатъ другому роду, прикочевали случайно и скоро могли и откочевать.

Итого въ пяти кибиткахъ населенія 22 души, изъ нихъ 10 м., 12 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 10, стар. 1 и дѣтей 11.

(Записано 14 Августа 1886 года).

7) Хотонъ Цатанова рода Яндыковскаго улуса аймаку Мальчиева, на урочищѣ Бласта (въ Черняхъ).

Въ хотонѣ 9 кибитокъ и одна полукибитка, въ нихъ населенія:

1-я киб.: м. + ж. + мальч. + дѣвоч. = 2 м. + 2 ж. = 4 д.
2-я „ м. + ж. = 1 м. + 1 ж. = 2 д.
3-я „ м. + ж. + мальч. = 2 м. + 1 ж. = 3 д.
4-я „ м. + ж. = 1 м. + 1 ж. = 2 д.
5-я „ м. + ж. + дѣв. = 1 м. + 2 ж. = 3 д.
6-я „ м. (вдовецъ) + м. л. + дѣв. = 2 м. + 1 ж. = 3 д.
7-я, 8-я, 9-я — Въ этихъ кибиткахъ переписи сдѣлать не пришлось.

Итого въ 6-ти кибиткахъ 17 душъ, изъ нихъ 9 м. и 8 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 11 и дѣтей 6.

Перепись произведена мною въ Іюлѣ 1885 г.).

8) Хотонъ Саджи Горя Бадмаева Багутова рода, аймаку Оконова, на урочищѣ Баръ-Худукъ.

Въ 8 кибиткахъ 23 души, изъ нихъ 10 муж., 13 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 16, стариковъ 2 и дѣтей 5.

9) Хотонъ Цатанова рода, Эркетеневскаго улуса, зайсанга Эрднiева, вблизи Можарскаго озера.

Въ 3-хъ кибиткахъ населенiя 14 душъ, изъ нихъ 5 м. и 9 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 8 д., дѣтей 6.

10) Хотонъ калмыка Мочха Задбаева Ики-Хапчинова р., Эркетеневскаго улуса, на урочищѣ Боргань-Боро.

Въ 5 кибиткахъ и 2 полукибиткахъ 28 душъ населенiя, изъ нихъ 15 м. и 13 женщ.

11) Хотонъ Барунова рода, зайсанга Царенова р., Яндыковскаго улуса, около урочища.

Въ 13 кибиткахъ населенiя 61 д., изъ нихъ 30 м. и 31 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 27, стариковъ 6, дѣтей 28.

12) Хотонъ Хапчинерова р. аймаку зайсанга Мазанова, на урочищѣ Боргань-Боро.

Въ хотонѣ 15 кибитокъ, изъ которыхъ въ 3-хъ кибиткахъ населенiя 12 душъ, изъ нихъ 7 м. и 5 ж., въ рабочемъ возрастѣ 6, дѣтей 6.

13) Хотонъ Шабинерова р., Яндыковскаго улуса на урочищѣ Ува (въ Черняхъ).

Въ 10 кибиткахъ и одной полукибиткѣ населенiя 33 души, изъ нихъ 16 м., 17 женщ., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 19, стариковъ 3 и дѣтей 11.

14) Хотонъ Цатанова р., Яндыковскаго улуса, на урочищѣ Дамчыкiъ (въ Черняхъ).

Въ 3-хъ кибиткахъ 10 душъ, изъ нихъ 4 м. и 6 ж., въ рабочемъ возрастѣ 4 души, стариковъ 2, дѣтей 4.

15) Хотонъ Цатанова рода, Яндыковскаго улуса, на урочищѣ Нарынъ (въ Черняхъ).

Въ 8 кибиткахъ населенiя 23 души, изъ нихъ 12 м. и 11 женщ., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 12, стариковъ 2 и дѣтей 9.

16) Хотонъ Цатанова рода, Яндыковскаго улуса, на урочищѣ „Зорахта“ (въ Черняхъ).

Въ 12 кибиткахъ, 4-хъ полукибиткахъ и одной мазанкѣ населенія 50 душъ, изъ нихъ 22 м. и 28 ж., въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ 22, стариковъ 8 и дѣтей 20.

17) Хотонъ Цатанова рода, Яндыковскаго улуса, на урочищѣ „Хапчикъ“ (въ Черняхъ).

Въ 3-хъ кибиткахъ 8 душъ, изъ нихъ 2 м. и 6 ж., въ рабочемъ возрастѣ 3, стар. 1, дѣтей 4. (Хозяинъ хотона женатъ на двухъ женахъ).

18) Хотонъ того-же рода и улуса и на томъ-же урочищѣ (въ Черняхъ).

Въ 9 кибиткахъ 28 душъ населенія, изъ нихъ 13 м., 15 ж.

19) Хотонъ опекуна Шабинерова рода, Яндыковскаго улуса, на урочищѣ Токтутъ (въ Черняхъ).

Въ 13 кибиткахъ населенія 59 душъ, изъ нихъ 29 м., 30 ж., въ рабочемъ возрастѣ 31 д., стар. 3, дѣтей 25.

Здѣсь въ одной кибиткѣ находится двое дѣтей, а четверо умерло и всѣ до 3-хъ лѣтняго возраста.

20) Хотонъ Харахусовскаго улуса, аймаку зайсанга Бадма Эрденіева, на урочищѣ Сухота (въ Мочагахъ).

Въ 6 кибиткахъ населенія 20 душъ, изъ нихъ 12 м., 8 ж., въ рабочемъ возрастѣ 10, стар. 1, дѣтей 9.

Здѣсь въ одной кибиткѣ двое дѣтей, а умерло 10, изъ нихъ одинъ мальчикъ 12-ти лѣтъ, а девять до году.

21) Хотонъ того-же улуса и зайсанга и на томъ-же урочищѣ (въ Мочагахъ).

Въ 5 кибиткахъ населенія 13 д., изъ нихъ 5 м., 8 ж., въ рабочемъ возрастѣ 8, дѣтей 5. Здѣсь въ одной семьѣ двое дѣтей, а умерло четверо до года.

22) Хотонъ Шабинерова р., Яндыковскаго улуса, на урочищѣ Шавучи (въ Черняхъ).

Въ 3-хъ кибиткахъ населенія 12 душъ, изъ нихъ 7 м., 5 ж., въ рабочемъ возрастѣ 6, стар. 1, дѣтей 5.

23) Хотонъ Шабинерова рода, Яндыковскаго улуса, около Шабинерова журула (въ Черняхъ).

Въ 17 кибиткахъ 57 д., изъ нихъ 26 м., 31 ж., въ рабочемъ возрастѣ 30 д., стар. 6, дѣтей 21.

24) Хотонъ Керетова р., аймаку зайс. Самтанова, Яндыковскаго ул., на урочищѣ Ува (въ Черняхъ).

Въ 13 кибиткахъ населенія 56 душъ, изъ нихъ 36 м., 20 ж., въ рабочемъ возр. 25, стар. 3, дѣтей 28.

25) Хотонъ крещенаго калмыка Чарлинова (Павла Ивановича Чарнолыхова) въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ около поселка Бисморты.

Хотонъ состоитъ изъ 5 кибитокъ, въ нихъ населенія:

1-я киб.:	старикъ	=1 м.	=1 д.
2-я „	м.+ж.+3 мальч.	=4 м.+1 ж.	=5 д.
3-я „	м.+ж.+2 дѣв.	=1 м.+3 ж.	=4 д.
4-я „	стар. + старуха+взросл. сынъ	=2 м.+1 ж.	=3 д.
5-я „	вдова + мальч. +дѣвоч.	=1 м.+2 ж.	=3 д.

Итого населенія 16 д., изъ нихъ 9 м. и 7 ж., въ рабоч. возр. 6, стар. 3, дѣтей 7.

26) Хотонъ крещенаго калмыка Убушаева (Ивана Бережнева) безаймачнаго зайс., Ульдучинова р., Мало-Дербетовск. ул.

Въ хотонѣ 4 кибитки, въ нихъ населенія:

1-я киб.:	м.+ж.+ мальч.	=2 м.+1 ж.	=3 д.
2-я „	м.+ж.+2 мальч.+1 дѣв.	=3 м.+2 ж.	=5 д.
3-я, 4-я	Переписи сдѣлать не удалось.		

Итого въ 2 кибиткахъ населенія 8 душъ, изъ нихъ 5 муж., 3 жен., въ рабочемъ возрастѣ 4, дѣтей 4.

При сводкѣ данныхъ о населеніи въ указанныхъ выше 26 хотонахъ получается такая таблица:

№№ хуторовъ	Въ какой части степи	Число кибитокъ	Населеніе					
			Мужч.	Женщ.	Всего	Въ рабочемъ возрастѣ	Дѣтей	Стариковъ
1	Въ степной части	10	13	17	30	18	10	2
2		8	11	20	31	14	14	3
3		3	7	8	15	6	9	—
4		17	32	32	64	27	29	8
5		12	23	18	41	22	15	4
6		5	10	12	22	10	11	1
7		6	9	8	17	11	6	—
8		8	10	13	23	16	5	2
9		3	5	9	14	8	6	—
10		7	15	13	28	?	?	?
11		13	30	31	61	27	28	6
12		3	7	5	12	6	6	—
Итого . .		95	172	186	358	—	—	
Кромѣ № 10		88	157	173	330	165	139	26
13	Въ Черняхъ	11	16	17	33	17	13	3
14		3	4	6	10	4	4	2
15		8	12	11	23	12	9	2
16		17	22	28	50	22	20	8
17		3	2	6	8	3	4	1
18		9	13	15	28	?	?	?
19		13	29	30	59	31	25	3
20		6	12	8	20	10	9	1
21		5	5	8	13	8	5	—
22		3	7	5	12	6	5	1
23		17	26	31	57	30	21	6
24		13	36	20	56	25	28	3
Итого . .		112	184	185	369	—	—	—
Кромѣ № 18		103	171	170	341	168	143	30

25	Въ Эргеняхъ	5	9	7	16	6	7	3
26		2	5	3	8	4	4	„
Итого . .		7	14	10	24	10	11	3

	Число кибитокъ	Населеніе						ВСЕГО				
		Мужск.	Женск.	Всего	Въ рабоч. возрастѣ	Дѣтей	Старик.	Число душъ на кибитку	На 100 мужчинъ—женщинъ	На 100 душъ населенія — работниковъ	На 100 душъ —дѣтей	На 100 душъ —стариковъ
Всего . .	214	370	381	751	—	—	—	3,5	103	—	—	—
Кромѣ №№ 10 и 18 . .	198	342	353	695	343	293	59	3,6	103	50	42	8,4
Въ томъ числѣ:												
Въ степи .	88	157	173	330	165	139	26	3,8	110	50	42,5	8,3
Въ Черняхъ	103	171	170	341	168	143	30	3,3	99	50	41,5	8,3
Въ Эргеняхъ	7	14	10	24	10	11	3	3,4	78	41	46	12,5

Примѣчаніе. Сгруппированныя въ таблицѣ цифровыя данныя о населеніи 209 кибитокъ, собраны по-кибиточной переписи, произведенной мною лично при участіи сопровождавшаго меня переводчика, хотонныхъ старостъ или зайсанговъ или другихъ лицъ, близко знакомыхъ съ составомъ того или другого приписываемаго хотона; хотя въ виду малаго числа регистрованныхъ кибитокъ статистическія данныя о населеніи и не могутъ дать матеріала сами по себѣ для болѣе или менѣе широкихъ обобщеній относительно состава населенія, какъ по поламъ, такъ и по возрастамъ и вытекающихъ отсюда уже выводовъ относительно естественной плодовитости калмыковъ, ихъ жизненной силѣ и пр., но и такой цифровый матеріалъ, по моему мнѣнію, не лишенъ относительно серьезнаго значенія, если не самъ по себѣ, то въ связи съ историческими фактами и этнографическими наблюденіями. Въ изслѣдованіи Кумо-Манычской экспедиціи („Калмыцкая степь Астрах. губ.“ СПБ. 1868 г. т. III стр. 110—111), отмѣченъ весьма важный и не лишенный значенія фактъ: это недостатокъ женщинъ въ калмыцкомъ народѣ, —именно: по семейнымъ спискамъ видно, что число женщинъ относится къ

числу мужчинъ какъ 4:5, или на 100 муж. приходится 79 женщинъ, и авторъ изслѣдованія такое половое несоотвѣтствіе объясняетъ не одною неточностью записей членовъ семействъ, но еще съ одной стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что калмыцкія женщины въ домашнемъ быту несутъ почти всѣ трудныя работы, а съ другой стороны обстановкою женщины во время родовъ, что сокращаетъ жизнь женщины, и оба послѣднія положенія подтверждаются матеріаломъ изъ книгъ Н. Нефедьева („Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ“) и П. В. Небольсина („Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса). Такой выводъ Кумо-Манычской экспедиціи о недостаткѣ женщинъ въ калмыцкомъ народѣ послужилъ основаніемъ для обобщеній даже о вымираніи населенія; между тѣмъ есть основаніе, если не совершенно отвергнуть самый выводъ, то во всякомъ случаѣ ограничить его значеніе. Данныя таблицы только относительно 7 эргеневскихъ кибитокъ повидимому совпадаютъ со свѣдѣніями Кумо-Манычской экспедиціи, въ которыхъ мужское населеніе дѣйствительно численно превосходитъ женское, по показанію 7-ми кибитокъ сравнительно съ показаніями остальныхъ 200 кибитокъ не можетъ быть дано рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что эти 7 кибитокъ населены крещеными калмыками, которые въ степи находятся въ особомъ положеніи не только по религіи, но и по другимъ сторонамъ жизни: они живутъ полу-осѣдло (зимой въ мазанкахъ), дѣлаютъ кой-какія запашки, ограничены въ выборѣ женъ небольшимъ числомъ крещеныхъ семей и пр., а потому оригинальность въ численномъ отношеніи половъ можетъ быть приписана и ихъ бытовымъ особенностямъ сравнительно съ типичною массою калмыковъ. Но кромѣ того на составъ населенія здѣсь имѣло вліяніе и чисто случайное обстоятельство: въ пяти кибиткахъ (№ 25) въ 1884 году, по показанію хозяина хотона П. И. Чернолыхова, оспа унесла не мало душъ, отчего, конечно, могъ измѣниться составъ населенія. Данныя по остальнымъ кибиткамъ не только не говорятъ о такомъ недостаткѣ женщинъ (какъ на 100 муж. 79 женщ.), но даже указываютъ на преобладаніе женщинъ, именно въ 209 кибиткахъ на 100 мужч. приходится 103 женщ., а въ 82 кибиткахъ степныхъ калмыковъ даже на 100 муж.—110 женщ., и только въ 104 кибиткахъ черневыхъ калмыковъ на 100 муж.—99 женщ. На отсутствіе факта недостатка женщинъ у калмыковъ указываютъ и такія юридико-бытовыя явленія, какъ многоженство, существующее не только въ воззрѣніи, но и на дѣлѣ (въ Цатановомъ родѣ Яндыковскаго улуса мнѣ лично пришлось встрѣтить двѣ семьи съ двумя женами въ каждой) и разводъ. По калмыцкимъ обычаямъ инициатива и право развода исключительно почти принадлежатъ мужчинѣ, совершаются разводы просто и быстро (мужъ или самъ, или въ присутствіи духовнаго лица или зайсанга, или хотонянъ, объявляетъ женщинѣ о нежеланіи имѣть ее женою, и послѣдняя возвращает-

ся въ семью своего рода, а мужъ снова женится) и практикуются нерѣдко по самымъ различнымъ поводамъ. При недостаткѣ женщинъ такія явленія, какъ многоженство, легкость развода при иниціативѣ мужа едва ли мыслимы, если не юридически, то фактически, такъ какъ недостатокъ женщинъ заставляетъ населеніе дорожить ими, что у калмыковъ совершенно отсутствуетъ (рожденіе сына вызываетъ радость и сопровождается пирами, а рожденіе дочери — печаль и стыдъ у отца) и даже ведетъ къ поліандріи, а не къ полигаміи.

Еще неосновательнѣе мнѣніе о вымираніи калмыковъ: въ 193 кибиткахъ на 695 д. населенія приходится рабочаго населенія 50 и не рабочаго 50, изъ послѣдняго числа 8,4% стариковъ, т. е. отношеніе въ вопросѣ размноженія, жизненности, совершенно нормальное. Но въ большемъ еще противорѣчіи мнѣніе о вымираніи калмыковъ съ дѣйствительностью стоитъ на исторической почвѣ. Какъ извѣстно, въ 1771 г. большая часть калмыковъ откочевала въ Азію и въ предѣлахъ астраханскихъ степей осталось сравнительно незначительная часть и при томъ съ преобладаніемъ семей бѣдныхъ. Изъ дѣлъ Архива Главнаго Калмыцкаго Управленія въ Астрахани № 867, связка 94 по алфавиту листъ 6 въ 1783 г., т. е. спустя 10 лѣтъ послѣ удаленія калмыковъ, въ астраханской степи всего числилось 13,063 кибитки, или, полагая, на кибитку (семью) по 4 души, 52,952 д., въ 1868 г. по оффиціальнымъ же даннымъ кибитокъ уже числилось 25,252 („Труды Астраханскаго Стат. Ком.“ вып. 1869 г. стр. 12—13), или 91,008 д., въ 1873 г. 117,367 душъ, т. е. около 29,000 кибитокъ (Труды Астр. Стат. Ком. вып. 3-й, 1874 г. вѣдомость № 1), въ 1885 г. въ степи было не менѣе 30,000 кибитокъ, или 120,000 душъ населенія, т. е. въ теченіе столѣтія калмыцкое населеніе путемъ естественнаго прироста болѣе чѣмъ удвоилось, а этотъ фактъ совершенно не гармонируетъ съ мыслью о вымираніи. Если и можетъ, и то проблематически, быть поставленъ вопросъ о вымираніи, то и то только относительно калмыковъ черневыхъ или мочажныхъ. Наблюденія надъ калмыками этой полосы констатируетъ болѣзненную, слабую корпуленцію мѣстныхъ калмыковъ, сравнительно со степнымъ населеніемъ и массовое сифилитическое зараженіе, а также громадную смертность населенія, ссобенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Особенно поражаетъ дѣтская смертность въ семьяхъ тѣхъ калмыковъ, которыя болѣе или менѣе долго живутъ при рыбныхъ промыслахъ, составляя изъ себя контингентъ неводныхъ рабочихъ. Въ концѣ Іюня (именно 28 и 29) я вмѣстѣ съ правителемъ Яндыковскаго улуса, Горя-Бадмаевымъ и переводчикомъ былъ на Образцовскомъ промыслѣ, гдѣ въ то время кочевало много кибитокъ калмыковъ разныхъ улусовъ. Изъ посѣщенныхъ и осмотрѣнныхъ мною 25 кибитокъ, я въ рѣдкой находилъ трехъ дѣтей, чаще же кибитки оказывались совсѣмъ без-

дѣтными. По словамъ живущихъ здѣсь калмыковъ, особенно много было истреблено дѣтей въ 1884 году диссентеріей, какъ можно было заключить по описанію болѣзни, но и вообще дѣтей умираетъ на востокѣ много: такъ въ одной семьѣ, прикочевавшей изъ степи шесть лѣтъ назадъ, въ теченіи 6-ти лѣтъ умерло 10 дѣтей.

На противуположномъ берегу противъ Образцовскаго промысла Сапожникова находится ватага Воробьева, около которой въ то время находилось 34 кибитки и 2 полукибитки. Здѣсь были калмыки разныхъ улусовъ, но главнымъ образомъ Яндыковскаго, Харахусовскаго и Эркетеневскаго. Нѣкоторые изъ Яндыковцевъ живутъ при промыслѣ болѣе 50 лѣтъ, харахусовцы же и эркетеневцы прикочевали сюда преимущественно 3—4 года назадъ, раззорившись въ степи послѣ суровой зимы $18^{80}/_{81}$ года. Здѣсь также наблюдалась малочисленность дѣтей и констатировалъ фактъ, что дѣтское населеніе, истребляемое постоянно, особенно пострадало лѣтомъ 1883 и 84 г. отъ диссентеріи. Но въ предѣлахъ Мочаговъ смертность велика и не на однихъ дѣтяхъ, а и на взрослomъ населеніи, особенно въ этомъ отношеніи большой процентъ смертности даютъ ватажные рабочіе. Хорошей иллюстраціей послѣдняго вывода служитъ фактъ преобладанія въ старческомъ возрастѣ женщинъ надъ мужчинами, такъ напр. на Образцовскомъ промыслѣ въ 25 кибиткахъ, мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько старухъ и ни одного старика, на Воробьевскомъ промыслѣ въ 35 кибиткахъ я встрѣтилъ лишь одного старика лѣтъ за 60, старухъ же было много. Тоже самое наблюдалось и въ другихъ мѣстахъ Мочаговъ, гдѣ (Прилож. №№ 14—24) изъ 30 душъ старческаго возраста, большинство женщины. Очевидно, средняя жизнь мужчинъ здѣсь ниже чѣмъ женщинъ, что, можно думать, стоитъ въ прямой зависимости отъ того, что тяжелый рыболовный трудъ, особенно въ качествѣ промысловыхъ рабочихъ несутъ, главнымъ образомъ, мужчины. Между тѣмъ по рождаемости здѣсь преобладаетъ мужескій полъ, какъ это видно уже изъ того обстоятельства, что у черневыхъ калмыковъ на 100 мужчинъ приходится въ среднемъ выводѣ лишь 99 женщинъ.

№ 10-й. О количествѣ билетовъ на отлучки калмыковъ.

Таблица I.

Распредѣленіе билетовъ 1885 г. по улусамъ, родамъ и мѣсяцамъ.

a) Билеты Яндыковскаго улуса.

Названія родовъ	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Въ годъ	
Керетовъ	76	60	—	—	—	385	За вторую половину года свѣдѣнія затеряны						521	Въ 1-ю полов. года=3798 б.
Цатановъ. . . .	1045	—	—	1	—	288							1334	
Баруновъ	18	3	—	1	—	198							220	
Багутовъ.. . . .	1006	481	—	—	—	115							1602	
Шарзъ-Багутовъ	—	43	—	—	—	—							43	
Аха-Цатановъ. .	—	—	—	—	—	5							5	
Шабинеровъ . .	—	—	—	—	—	62							62	
Батутовъ	—	—	—	—	—	11							11	
По улусу	2145	587	—	2	—	1064	1042						4840	Въ теч. всего г.

b) Билеты Икицохуровскаго улуса.

Зюнгаровъ . . .	6	—	4	—	16	29	1	12	31	17	—	—	116
Сатхаловъ . . .	8	1	1	—	7	13	—	35	12	—	—	—	77
Шабинеровъ . .	5	2	3	—	15	13	6	7	—	2	—	—	53
Ачинеровъ . . .	1	7	1	—	58	47	7	37	4	—	—	4	166
Хошоутовъ . . .	1	—	11	—	62	—	—	—	4	2	—	3	83
Кебюнъ-Нойотовъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Замутовъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Зекенъ-Кесиковъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Эркетень-Боргосовъ	1	—	—	—	—	4	6	5	—	—	—	1	17
Яргачинъ-Эркетеневъ	1	—	—	2	8	42	6	—	11	—	—	2	72
Тоханъ-Кесиковъ	1	—	—	—	—	10	—	7	—	1	—	—	19
Тоханъ-Кесикъ-Кетчинеровъ.	2	1	—	—	8	20	—	3	—	2	—	—	36
Крещен. калмыки	—	—	7	—	—	—	—	—	—	1	—	—	8
По улусу	29	11	27	2	174	178	26	106	62	25	—	10	650

c) Билеты Харахусовскаго улуса.

Харахусовъ. . .	64	3	—	—	8	15	8	4	6	31	1	31	171
Ангучиновъ. . .	2	—	—	—	—	6	—	12	—	10	—	14	44
Нойдутовъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	3	—	10
Бага-Горбутовъ.	—	—	—	—	3	1	1	16	—	13	—	2	36
Шабинеровъ . .	3	9	—	—	14	2	2	55	—	1	22	5	113
Замутовъ	3	—	—	—	1	1	—	25	—	—	9	8	47
Самтанкиновъ. .	—	1	—	—	—	2	—	64	2	—	—	2	71
Сатхаловъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	17	—	—	—	—	17
Бабенкиновъ . .	3	1	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—	55
Ики-Горбутовъ .	—	—	—	—	—	—	—	53	—	—	5	2	60
Батутовъ	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	2	—	7
Цоросовъ	—	—	—	—	—	—	1	17	—	—	2	—	20
Джамбенкиновъ.	—	—	—	—	—	—	—	5	—	3	3	—	11
По улусу	75	16	—	—	26	25	12	331	8	58	47	64	662

d) Билеты сѣверной части Мало-Дербетовскаго улуса.

Талтанкиновъ. .	5	—	7	4	—	—	31	—	2	1	9	—	59
Нетебчекинъ-Тукчинеровъ. .	—	—	—	17	—	2	—	—	7	8	7	—	41
Кананекиновъ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	—	5
Бага-Докзаманкиновъ	—	3	2	13	—	—	—	—	—	24	1	—	43
Шошулданкиновъ	—	—	—	19	29	5	4	—	37	—	21	—	115
Зарганкиновъ. .	—	2	—	4	50	3	15	—	—	41	2	7	124
Капканкиновъ. .	—	5	—	2	—	—	6	—	—	—	3	—	16
Эки-Докзаманкиновъ.	2	—	6	5	—	59	—	—	—	—	55	—	127
Сарланкиновъ. .	—	—	1	4	15	—	26	1	1	3	5	—	56
Коджинкиновъ .	—	1	—	10	37	24	6	—	8	—	48	2	136
Лагировъ	—	—	—	42	8	—	—	1	44	3	4	—	102
Зетовъ	3	2	1	16	12	13	29	2	—	37	26	4	145
Маштанакиновъ.	—	—	1	—	2	—	1	9	—	—	—	2	15
Цоросовъ	—	—	1	18	—	—	4	—	20	—	3	5	51
Абганеръ-Барунъ-Керетовъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Абганеръ-Хапчиновъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Абганеръ-Асмат.	—	—	7	6	1	—	—	—	11	2	—	—	27
Абганеръ-Аванкиновъ.	—	—	13	4	—	—	—	5	5	6	9	1	43

Абганеръ - Бакшинкиновъ . .	—	—	3	—	—	—	—	1	2	1	—	—	7
Тебектенеровъ .	8	—	—	1	9	8	11	5	—	—	3	6	51
Бурулъ-Кетченеровъ.	3	—	7	—	27	2	—	2	7	2	1	—	—
Бурулъ - Шаретовъ.	2	—	—	2	3	—	—	9	—	—	3	2	21
Бага-Хуруловъ .	6	5	1	—	7	16	12	11	8	12	8	9	95
Ики-Маланъ-Шабинеровъ. . . .	14	—	12	2	7	—	3	8	7	—	12	9	74
Ики-Хуруловъ .	14	15	16	18	16	4	65	38	24	6	40	18	276
Бага-Маланъ-Шабинеровъ. . . .	—	1	1	8	2	10	—	10	10	1	19	4	66
Деде-Ламинъ Шабинеровъ. . . .	2	7	1	5	2	5	1	2	24	—	6	4	59
Бакшинъ-Шабинеровъ.	3	2	36	26	27	39	26	9	16	19	14	11	228
Дунду-Хуруловъ	5	3	9	20	23	7	11	36	36	17	20	5	192
Ики-Бахусовъ. .	3	11	—	2	—	—	5	9	7	12	17	12	78
Хантинеровъ . .	—	—	—	—	—	—	—	5	2	6	—	—	13
Бага-Бахусовъ .	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	3	7
Шарнутъ-Чоносовъ.	—	—	1	55	75	18	27	4	41	75	44	1	341
Баргисовъ. . . .	—	—	—	—	3	—	8	—	9	—	10	—	30
Червленный поселокъ.	2	—	—	9	—	1	—	—	3	6	—	3	24
Тенгутинское общество	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
Баланкиновъ . .	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	2	—	6
Баруновъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шашдутовъ. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ильджюриповъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По улусу	74	57	126	312	331	216	296	167	332	289	393	111	2704

в) Билеты южной части Мало-Дербетовскаго улуса.

Бага-Чоносовъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ики-Чоносовъ. .	1	—	5	1	13	6	5	—	3	14	—	16	64
Хашканеровъ . .	—	—	1	—	—	—	1	5	4	—	—	—	11
Бюдюрмюсовъ. .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	2
Колькетовъ. . .	—	—	—	16	16	11	1	1	1	8	19	3	76
Найнтанкиновъ .	1	1	—	2	15	9	5	—	—	—	21	2	56
Баганкиновъ. . .	—	—	—	—	—	25	—	—	—	3	1	—	29

Богданъ-Шабнеровъ.	—	—	—	18	—	3	—	1	5	—	19	—	46
Мамадутъ-Шабнеровъ.	—	—	—	7	8	—	2	—	2	1	3	—	23
Ульдючиновъ . .	—	1	2	7	58	16	11	25	27	21	6	10	184
Бага-Буруловъ .	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	3
Дадженкиновъ .	1	—	2	—	5	—	5	—	3	2	—	2	20
Дарджагакиновъ	—	27	—	—	9	—	—	—	—	23	2	—	61
Джедженкиновъ.	—	—	—	1	26	—	12	—	—	25	33	—	97
Бяценкиновъ . .	—	—	31	—	7	—	—	—	—	33	1	—	72
Хара-Толгакин..	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	4	8
Бекъ-Мандженкиновъ.	—	—	54	4	8	—	5	53	—	—	—	—	124
Ольчинкиновъ .	—	—	—	—	2	1	12	—	—	3	—	—	18
Джанчибакиновъ	—	38	1	—	1	—	—	—	—	25	—	—	65
Шюдючинеровъ .	19	—	9	—	3	18	—	—	4	6	7	—	66
Моланкиновъ . .	—	37	—	—	2	—	—	—	32	—	—	—	71
Мандженкиновъ.	—	143	5	8	42	—	—	—	177	—	11	—	386
Зетъ-Кебютовъ Ики-Кебютовъ	63	—	1	—	174	—	—	—	5	1	20	—	264
Абганеръ-Кебют.	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	5
Оргакановъ . . .	—	—	2	1	17	1	3	1	—	2	5	4	36
По улусу	87	247	113	65	412	91	64	86	264	167	150	41	1787

Таблица II.

Количество билетовъ, выданныхъ калмыками съ 1880 – 1885 гг.

Улусы	1880	1881	1882	1883	1884	1885	Среднее число билетовъ въ году	Общее количество кибитокъ	Число билетовъ на кибитку	Общее количество населенія *)	Одинъ билетъ на число душъ
Яндыковскій	3956	5071	3893	5084	4343	4840	4526	3688	1,2	13276	3,0
Икицохуровскій . .	?	?	755	642	679	650	656	2114	0,3	7610	11,5
Харахусовскій . . .	?	?	933	750	658	662	751	1900	0,4	6840	9,0
Сѣвер. ч. Малодерб.	?	?	2532	?	3189	2704	2808	6112	0,5	22003	8,0
Южн. ч. Малодерб. .	?	?	?	?	?	1787	—	3635	0,5	13086	7,5
Итого . .			8113 въ 4-хъ улус.		8869 въ 4-хъ улус.	10643 въ 5-ти улус.		17449		62815	

*) Количество населенія вычислено по предположенію, что на отдѣльную кибитку приходится не менѣе 3,6 душъ (См. прилож. табл. № 9).

Таблица III.

Распредѣленіе билетовъ 1885 г. по улусамъ и мѣсяцамъ выборки.

Улусы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего въ 1885 г.
							*)	*)		*)	*)	*)	
Яндыковскій.	2145	587	—	2	3	1064	140	223	221	181	198	76	4840
Отношеніе въ %	44,3	12,1	0	0	0	22,0			21,5				
Икицохуровскій . .	29	11	27	2	174	178	26	106	62	25	—	10	650
Отношеніе въ %	4,5	1,7	4,3	0,3	26,8	27,3	4,0	16,3	9,5	3,8	-	1,5	
Харахусовскій	75	16	—	—	26	25	12	331	8	58	47	64	622
Отношеніе въ %	11,2	2,4	0	0	3,9	3,8	1,4	50,0	1,2	8,9	7,0	9,7	
Сѣвер. часть Малодерб.	74	57	126	312	331	216	296	167	332	289	393	111	2704
Отношеніе въ %	2,7	2,1	4,7	11,8	11,9	8,0	11,0	6,2	11,9	10,7	14,5	4,1	
Южная часть Малодерб.	87	247	113	65	412	91	64	86	264	167	150	41	1787
Отношеніе въ %	4,9	13,8	5,9	3,6	23,0	5,1	3,6	4,8	14,7	9,3	8,4	2,9	
Итого . . .	2410	918	266	381	946	1574	558	913	887	720	788	309	10643
	14,2	6,7	2,5	3,6	8,9	14,8	6,8	10,8	10,2	8,3	9,2	3,8	100%

*) По Яндыковскому улусу цифры распредѣленія по мѣсяцамъ точны лишь для первой половины года, для второй же половины распредѣленіе гипотетическое, по аналогіи съ другими улусами (данныя за это время мною затеряны).

Таблица IV.

Распредѣленіе билетовъ по родамъ.

Число билетовъ на кажд. 100 кибитокъ	Яндыковскій	Харахусовскій	Икицохуровскій	Дербетовск. сѣверн.	Дербетовск. южн.
0	—	—	—	—	Бага-Іоносовъ р.
Отъ 1-го до 10 билетовъ . . .	Шарзъ-Багутовъ Аха-Цатановъ Щабинеровъ родъ Шарзъ-Багутовъ	Найдутовъ	Кебюнъ-Нойотовъ	Толтанкиновъ Коканкиновъ Абг.-Барунъ-Кетчинеровъ Бага-Бохусовъ Абг.-Хапчиновъ Абг.-Бакшиновъ	Хошханеровъ Бюдурмюсовъ Абганеръ - Кюбютовъ

Отъ 10 до 20 билетовъ . . .	Аха-Цатановъ р.	Бога-Горбутовъ Сатхаловъ	Замутовъ Зекенъ-Кесиковъ Тоханъ-Кесыкъ-Кетчинеровъ	Абганеръ-Асметовъ Абг.-Авенкиновъ Хапчинеровъ	Ики-Чоносовъ Бога-Буруловъ Оргакиновъ
Отъ 20 до 30 билетовъ . . .	Батутовъ	Самтанкиновъ Батутовъ Цоросовъ	Шабинеровъ Ягрячинъ-Эркетеневъ	Маштанкиновъ Дунду-Хуруловъ	Ульдучиновъ
Отъ 30 до 40 билетовъ . . .	—	Харахусовъ Джанбенкиновъ	Зюнгаровъ Сатхаловъ Хошоутовъ Еркетень-Баргосовъ	Нетебчекинъ-Тукч. Бага-Хурул. Ики-Бахусовъ	Боганкиновъ
Отъ 40 до 50 билетовъ . . .	Шабинеровъ (Батутовъ)	Ангучиновъ Ики-Горбутовъ	—	Ики-Мал. Шабинер. Деде-Лам.-Шабинер.	Нойотанкиновъ Дадженкиновъ
Отъ 50 до 60 билетовъ . . .	Шабинеровъ	Шабинеровъ Бабенкиновъ	Ачинеровъ	Бурумъ-Шаретовъ Ики-Хуруловъ	Джанчибакиновъ
Отъ 60 до 70 билетовъ . . .	Батутовъ	—	—	Сарланкиновъ Бага-Монланъ-Шаб.	Келькетовъ Богданъ-Шабинеровъ Ольганкиновъ

Отъ 70 до 80 билетовъ . . .	—	Замутовъ	—	Капканкиновъ Царосовъ Бакшисъ-Шабинер.	Мамадутъ-Шаб. Хара-Толгакиновъ
Отъ 80 до 100 билетовъ . . .	—	—	—	Бага-Донзакиновъ Зорганкиновъ Тебектенеровъ Боргосовъ	—
Отъ 100 до 125 билетовъ . . .	Баруновъ Керетовъ Ики-Цатановъ	—	—	Кадженкиновъ Лагировъ Зетовъ Шарнутъ-Чоносовъ	Дарджаганкиновъ Джеджеикиновъ Баценкиновъ Шюдючинеровъ
Отъ 125 до 150 билетовъ . . .	(Цатановъ) (140)	—	—	—	Кюбетовъ (Зетъ и Ики)
Отъ 150 до 175 билетовъ . . .	(Керетовъ) (Баруновъ) (154)	—	—	—	Бекъ-Мадженкиновъ Манджинкиновъ
Отъ 170 до 200 билетовъ . . .	Батутовъ	—	—	Шемалденкиновъ Эки-Докзаменкиновъ	—
Выше 200 . . .	Багутовъ (244)	—	—	—	Маланкиновъ

Примѣчаніе. Въ Яндыковскомъ улусѣ данныя относятся къ половинѣ года, а взятыя хотя приблизительно за годъ измѣнятъ цифру, именно:

Роды	Число билетовъ въ полгода	Число билетовъ въ годъ	Число билетовъ на 100 кибит.
Керетовъ } Баруновъ }	774	1000	154
Цатановъ	1422	1626	140
Багутовъ	2039	2049	244
Шарз-Багутовъ	57	57	6
Аха-Цатановъ	14	14	11
Шабинеровъ	71	71	56
Батутовъ	43	23	69

Примѣчаніе къ приложенію № 10. По спеціальному закону калмыки не могутъ отлучаться за предѣлы степи на болѣе или менѣе продолжительные сроки безъ билетовъ, которые выдаютъ каждому изъ нихъ улусныя управленія. Билеты выдаются не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ, и за каждый билетъ, безъ различія сроковъ, взимается при самой выдачѣ въ общественный капиталъ 15 коп. При этомъ въ спеціально заведенную книгу заносятся такія данныя: имя, фамилія (отчество) и родъ получателя билета, а также сроки и мѣсто отлучки. Такія улусныя книги о билетахъ могутъ дать довольно серьезный матеріалъ для опредѣленія контингента рабочихъ, уходящихъ за предѣлы степи. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось въ подробностяхъ и по всѣмъ улусамъ воспользоваться книгами билетовъ: съ содержаніемъ ихъ я познакомился лишь 1886 г. послѣ того какъ побывалъ въ нѣкоторыхъ уже улусныхъ ставкахъ (Эркетеневскаго улуса, Богацохуровскаго и южн. ч. Дербетовскаго) и не имѣлъ уже возможности вторично побывать въ нихъ, и потому приходится ограничиться данными за нѣсколько лѣтъ по четыремъ улусамъ—Яндыковскому, Икицохуровскому, Харахусовскому и сѣв. ч. Дербетовскаго, и за одинъ 1885 г. по южн. части Дербетовскаго (свѣдѣнія изъ послѣдняго любезно присланы были мнѣ г-мъ завѣдующимъ улосомъ).

Какъ видно изъ таблицы II, въ 1885 г. въ пяти улусахъ выдано было 10,643 билета. Сопоставляя эту цифру съ общимъ числомъ кибитокъ въ улусахъ (прилож. № 3) оказывается, что на каждую кибитку приходится 1,26 билета, или, если допустить (на основаніи данныхъ прилож. № 9), что населеніе отдѣльной кибитки выражается 3,6 душъ, то получится, что одинъ билетъ приходится на 5,9 душъ. Но это отношеніе измѣнится зна-

чительно, если ввести необходимые коррективы. Все невзрослое населеніе и дряхлое, конечно, не отлучается изъ степи, а если и уходитъ съ кибиткохозяевами, то безъ выбора особыхъ билетовъ. Потомъ женщины только сопровождаютъ своихъ мужей за предѣлы степи (и по билетамъ мужей), а сами отдѣльно, въ силу обычаевъ страны, не отлучаются на сторону, а потому обѣ указанныя категоріи населенія должны быть исчислены изъ контингента, выбирающаго билеты. Старики и дѣти у Астраханскихъ калмыковъ (прилож. № 9 сводн. табл). составляютъ около 50%, и на 100 мужчинъ приходится 103 женщины. Выдѣливъ по такимъ указаніямъ не рабочее и женское населеніе, получимъ, что населеніе въ пяти улусахъ, выбирающее билеты можно считать приблизительно въ 15,472, и, слѣдовательно, одинъ билетъ приходится на 1,13 душъ рабочаго возраста. Въ силу того, что билетъ не выдается болѣе какъ на 6 мѣсяцевъ, и рабочій, живущій на сторонѣ въ теченіи года или же уходящій на работу въ два періода, раздѣленные болѣе чѣмъ шестью мѣсяцами, обязанъ выбирать два билета въ годъ, есть основаніе предполагать, что лицъ отлучающихся въ два раза менѣе числа взятыхъ билетовъ, то окажется, что изъ пяти улусовъ ежегодно отлучается 8,724 души, т. е. 56,3% рабочаго мужскаго населенія, или 13,8% общаго населенія.

По улусамъ отлучающееся населеніе стоитъ далеко не въ равныхъ отношеніяхъ, именно, по вышеприведенному разсчету, на основаніи данныхъ табл. II оказывается, что:

въ Яндыковскомъ улусѣ выбираетъ билеты 2,263 или болѣе 69,2% рабочаго, или 17,8% всего населенія улуса;

въ Икицохуровскомъ улусѣ выбираетъ билеты 328 или болѣе 17,5% рабочаго, или 4,3% всего населенія улуса;

въ Харахусовскомъ улусѣ выбираетъ билеты 375 или болѣе 22,2% рабочаго, или 5,4% всего населенія улуса;

въ сѣверн. ч. Дербетовскаго улуса выбираетъ билеты 1,404 или болѣе 26,0% рабочаго, или 6,3% всего населенія улуса.

въ южн. ч. Дербетовскаго улуса выбираетъ билеты 893 или болѣе 28,0% рабочаго, или 6,9% всего населенія улуса.

Изъ послѣднихъ данныхъ видно, что наибольшій процентъ отлучекъ за предѣлы въ степи въ Яндыковскомъ улусѣ, который значительной частью принадлежитъ району мочаговъ: здѣсь значительная половина рабочаго мужскаго населенія выходитъ ежегодно за предѣлы степи; потомъ слѣдуетъ улусъ Малодербетовскій, расположенный въ Эргеняхъ по границѣ съ осѣдлыми поселеніями, и наконецъ наименьшее количество отлучекъ даютъ центральные, исключительно степные скотоводческіе улусы—Харахусовскій и Икицохуровскій.

Слѣдя за отлучками далѣе внутри отдѣльныхъ улусовъ, приходится встрѣтиться здѣсь съ фактомъ еще болѣе рѣзкой неравномѣрности, именно — въ однихъ родахъ не бываетъ совершенно выбора билетовъ, а въ другихъ на сто кибитокъ бываетъ выбираемо ежегодно 200 и болѣе билетовъ. Какъ показываетъ таблица IV, особенно неравномѣрно распредѣляются билеты по родамъ въ Яндыковскомъ улусѣ, гдѣ колебаніе выражается отъ 209 (въ южн. части) до 193½ (въ сѣверн. части); въ центральныхъ же улусахъ распредѣленіе несравненно равномѣрное—отъ 50 (Харах. ул.) до 64 (Икицохуровскій). Не менѣе характерны результаты распредѣленія билетовъ и по времени выборки ихъ. Изъ данныхъ таблицы третьей оказывается, что наибольшее движеніе населенія изъ степи бываетъ въ два срока: въ Январѣ, и затѣмъ спустя почти полгода—въ Іюнѣ, въ каждый изъ двухъ сроковъ выбирается отъ 14,2% до 14,8% годоваго числа билетовъ, затѣмъ въ непосредственно слѣдующіе мѣсяцы—въ Февралѣ и Іюлѣ отъ 6,7 до 6,8%, или въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ зимній выбирается 20,9%, а въ лѣтній 21,6%. Такое совпаденіе числа билетовъ въ два періода въ году, раздѣленные почти шестью мѣсяцами, съ одной стороны подтверждаетъ высказанное выше положеніе, что часть калмыцкаго населенія круглый годъ проживаетъ на сторонѣ, для чего выбираетъ два раза полугодовые билеты, а съ другой — приводитъ къ мысли о причинахъ, вызывающихъ полугодовую періодичность движенія населенія степи за предѣлы послѣдней. Къ тому же вопросу еще болѣе приводитъ распредѣленіе билетовъ по мѣсяцамъ въ отдѣльныхъ улусахъ, — именно, оказывается слѣдующее: въ Мало-Дербетовскихъ улусахъ билеты распредѣляются болѣе равномѣрно: въ южной части maximum—выбрано въ 1885 г. билетовъ въ Маѣ (23,0%), minimum—въ Декабрѣ (2,9%), причемъ по мѣсяцамъ колебаніе происходило, слѣдовательно, въ предѣлахъ 20,1%; въ сѣверной части — maximum въ ноябрѣ (14,5%), а minimum—въ Февралѣ (2,1%), и, слѣдовательно, колебаніе менѣе значительно—12,4%; въ степныхъ улусахъ колебаніе уже болѣе значительно: такъ въ Икицохуровскомъ улусѣ maximum въ Іюнѣ (27,3%), а minimum въ Ноябрѣ (0) и колебаніе равно 27,3%; въ Харахусовскомъ—maximum въ Августѣ—(50,0%), а minimum—въ Мартѣ и въ Апрѣлѣ (0%), колебаніе равно 50,0%; но особенно характерно распредѣленіе билетовъ въ Яндыковскомъ улусѣ: здѣсь въ первую половину года выбирается 79,5%, на Январь приходится 44,3%, на Іюнь 22,0% и на Февраль 12,1%. Чтобы смыслъ такихъ комбинацій цифръ въ Яндыковскомъ улусѣ сдѣлался яснымъ, достаточно сблизить данныя о билетахъ съ данными о контрактахъ на рыболовные промыслы (Прилож. № 11), и тогда окажется, что періоды наибольшей выборки билетовъ вполнѣ совпадаютъ со сроками заключенія контрактовъ: въ Январѣ и Февралѣ, когда въ

Яндыковскомъ улусѣ выбирается 56,4% годоваго числа билетовъ, набираются рабочіе и заключаются контракты на „весеннюю путину“ (съ вскрытія Волги по 9—15 Мая), а въ Іюнѣ заключаются контракты на „лѣтнюю путину“ (съ 27 Іюня и далѣе отъ 1-го Августа до 1-го Декабря). Отсюда совершенно естественно заключить, что въ Яндыковскомъ улусѣ выборка билетовъ, а слѣдовательно и отлучки вызываются и регулируются уходомъ населенія на рыболовные промыслы. Такой факторъ совершенно не имѣетъ мѣста въ Малодербетовскомъ улусѣ, почему здѣсь, какъ и показано выше, и не замѣчается рѣзко явленій полугодовой періодичности выборки билетовъ: здѣсь, напротивъ, особенно въ сѣверной части (табл. III), видно другое явленіе: въ теченіе мѣсяца (Декабрь, Январь Февраль и даже Мартъ) выбирается незначительное число билетовъ, а съ Апрѣля идетъ выборка билетовъ по мѣсяцамъ почти въ одинаковыхъ числахъ; въ южной части этой правильности, правда, не наблюдается, но не слѣдуетъ забывать, что эта часть лежитъ на два градуса южнѣе сѣверной, и потому естественно, что здѣсь въ Февралѣ выбираются билеты для тѣхъ же цѣлей, для какихъ на сѣверѣ выбираются только въ Апрѣлѣ,—цѣль эта, какъ показываетъ книга билетовъ сѣвернаго улуснаго правленія—главнымъ образомъ *наемъ въ пастухи къ осѣдлому населенію внѣ границъ улуса*. Именно, изъ книги видно, что билеты выданы для найма въ работы въ предѣлахъ Астраханской, Ставропольской и Саратовской губ. и земли Войска Донскаго. Та же причина дѣйствуетъ несомнѣнно и въ южной части Дербетовскаго улуса. Кромѣ найма въ пастухи, которое происходитъ обыкновенно съ началомъ весны, Дербетовскіе калмыки расходятся по сосѣднимъ поселеніямъ губерній Ставроп., Сарат., Астрах. и земли В.-Д., особенно въ лѣтнюю пору и на другія работы (сѣнокосъ, копаніе канавъ, черныя работы около дворовъ, въ садахъ и пр.), и потому естественно, что въ этихъ улусахъ отливъ населенія продолжается безпрерывно круглый годъ, но преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы. Вотъ неполный списокъ тѣхъ мѣстъ, куда въ 1885 г. выбирались сѣверо-дербетовскими калмыками билеты на работы: въ Саратовской губ.—Сарепта и Царицынъ, въ землѣ В.-Донск. станицы—Пяти-Избинская, Нижне-Чирская, Верхне-Чирская, Путемская, Кобилявская, Губаевская, Куршуярская, Матвѣевская, Чернятовская и пр.

Улусы центральной степи—Харахусовскій, и особенно Икицохуровскій, прилегая съ одной стороны къ Яндыковскому улусу, дающему рыболовныхъ рабочихъ, а съ другой стороны къ Дербетовскому, дающему пастуховъ, можно думать, не имѣетъ еще, такъ сказать, спеціализаціи своихъ рабочихъ и, поставляя вообще рабочихъ внѣ степи въ сравнительно еще ничтожномъ количествѣ, даетъ ихъ и на рыболовные промыслы и на другія работы.

На основаніи аналогіи, а также въ виду данныхъ о рыболовныхъ промыслахъ (см. ниже—прилож. № 11) Эркетеневскій улусъ, по которому нѣтъ свѣдѣній о билетахъ, по отхожимъ промысламъ ближе всего стоитъ къ Яндыковскому улусу, а Богацохуровскій—къ Харахусовскому, съ тѣмъ только существеннымъ отличіемъ, что Богацохуровскій улусъ поставляетъ значительный контингентъ рабочихъ, какъ на рыболовные промысла Волги, такъ и въ сосѣднія поселенія въ видѣ пастуховъ, косарей и чернорабочихъ разнаго рода.

Въ виду вышеприведенныхъ данныхъ и соображеній, можно предположить, что изъ калмыцкой степи, включая въ счетъ и улусы Богацохуровскій (2,386 киб.), Харахусовскій (2,007 киб.) и Мочажный (3,857 киб.), ежегодно уходитъ на работы около 12,800 душъ.

№ 11-й. О неводныхъ

Таблица I(а). О рыболовныхъ рабочихъ: количество рыбо

Сроки, на которые нанимались калмыки на рыболовные промыслы въ 1885 г.	Число контрактовъ и по нимъ								
	Общее число					По мѣстамъ			
						Яндыковская ставка			
	Количество контрактовъ	Подрядчики	Носовщики, пятчики, неводчики и пр.	Простые рабочіе	ИТОГО	Контрак.	Подрядч.	Неводч.	Рабоч.
Весенняя путина:									
Съ 5-го Февраля по 9 Мая	10	37	35	514	586	8	34	34	442
» 1-го Марта по 9 Мая	77	265	280	4022	4567	21	50	50	809
» — — по 15 Мая	21	39	29	441	515	5	13	9	143
» — — по 21 —	1	5	2	77	84	—	—	—	—
» 1-го Апрѣля	1	—	—	5	5	—	—	—	—
» 20-го Февраля по 20 Мая	4	5	3	45	53	—	—	—	—
» 13-го Марта по 20 Іюля	5	18	10	194	222	3	10	2	90
	19	26	—	301	327	—	—	—	—
Примѣчаніе: Въ отдѣльныхъ случаяхъ плата									
Итого	138	395	359	5605	6359	37	107	95	1484
Осенняя путина:									
Съ начала Іюня по 6 Декабря	4	9	8	131	148	—	—	—	—
» 29-го Іюня по 6 Декабря	22	65	58	963	1086	6	19	19	266
» 15-го Іюля по 6 Декабря	8	13	10	194	217	1	3	3	42
» 1-го Августа по 6 Декабря	29	91	88	1239	1418	9	20	17	257
» 15-го — по 6 Декабря	13	26	39	365	430	5	8	7	105
» 1-го Іюля по 10 Ноября	1	2	—	28	30	—	—	—	—
» 15-го — 15 —	1	1	—	12	13	—	—	—	—
» 6-го Сентября по 1 Ноября	1	1	—	14	15	—	—	—	—
» 5-го Сентября по 6 Декабря	2	3	6	83	92	1	1	—	11
Итого	81	211	209	3029	3449	22	51	46	681
ВСЕГО	219	606	568	8634	9808	59	158	141	2165
Примѣчаніе: Въ отдѣльныхъ случаяхъ плата									

рабочихъ изъ калмыковъ.

ловныхъ рабочихъ, плата имъ и задатки въ 1885 г.

рабочихъ съ подраздѣленіемъ послѣднихъ												Условленная плата и задатокъ								
заключенія контрактовъ												Плата			Задатокъ			Общая сумма		
Мочажная ставка				Ставка на Калмыцк. базарѣ				Богоцохуровская ставка												
Контрак.	Подрядч.	Неводч.	Рабоч.	Контрак.	Подрядч.	Неводч.	Рабоч.	Контрак.	Подрядч.	Неводч	Рабоч.	Подрядчики	Неводчики, пятчики и пр.	Простые рабочіе	Подрядчики	Неводчики, пятчики и пр.	Простые рабочіе	Плата	Задатокъ	% отношеніе
2	3	1	72	—	—	—	—	—	—	—	—	40	33	30	28	24	22	18055	13184	73%
46	190	196	2599	10	25	34	416	—	—	—	—	33	26	23	21	18	16	108531	74457	69%
—	—	—	—	16	26	20	304	—	—	—	—	39	32	29	22	20	18	15412	9484	62%
—	—	—	—	—	—	—	—	1	5	2	77	30	24	16	10	10	10	1430	840	59%
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	—	—	16	—	—	10	80	50	63%
—	—	—	—	4	5	3	45	—	—	—	—	37	32	27	Нѣтъ свѣдѣній			1496	—	—
2	8	8	104	—	—	—	—	—	—	—	—	50	50	45	33	33	30	10130	6744	67%
—	—	—	—	19	26	—	301	—	—	—	—	Плата не поденная, а отъ выловленной рыбы.								
бываетъ нѣсколько выше или ниже.																				
50	201	205	2775	49	82	57	1264	2	5	2	82							155134	106274	68%
4	9	8	131	—	—	—	—	—	—	—	—	65	60	57	53	44	42	8532	6331	74%
13	38	37	529	3	8	2	168	—	—	—	—	55	48	45	40	38	35	49794	38509	78%
1	1	1	14	6	9	6	138	—	—	—	—	51	44	41	31	30	27	9057	5941	66%
20	71	71	982	—	—	—	—	—	—	—	—	47	40	37	30	28	25	53640	39169	73%
6	16	24	190	2	2	8	70	—	—	—	—	45	38	35	35	30	28	15427	12300	79%
—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	28	40	—	40	14	—	14	1200	420	35%
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	12	отъ 1000 рыбъ			4	—	4	—	52	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	14	15	—	15	5	—	5	225	75	33%
—	—	—	—	1	2	6	72	—	—	—	—	48	43	38	31	29	26	3156	2425	76%
44	135	141	1846	12	21	22	448	3	4	—	54							141032	105222	73%
94	336	346	4621	61	103	79	1712	5	9	2	136							296166	211496	71%
бываетъ нѣсколько выше или ниже.																				

Таблица 1 (б). Средній заработокъ одного рабочаго.

Срокъ найма	Число рабочихъ дней	Общее число рабочихъ	Общая сумма заработка	Средній заработокъ одного рабочаго въ путину		Средній заработокъ одного рабочаго
			РУБЛИ	Р.	К.	КОП.
I. Весенняя путина:						
Съ 5 Февраля по 9 Мая . .	90	586	18055	30	81	34
„ 1 Марта по 9 Мая . . .	66	4567	108531	23	76	36
„ 1 Марта по 15 Мая. . .	75	515	15412	29	93	30½
„ 15 Марта по 21 Мая. . .	67	84	1430	17	2	25
„ 1 Апрѣля по 21 Мая . .	50	5	80	16	—	32
„ 20 Февраля по 20 Мая . .	89	53	1496	28	22	32
„ 13 Марта по 20 Іюля . .	139	222	10130	48	63	32½
	139	(327)	Плата отъ выловлен. рыбы			
Средній весенній заработокъ	82	6032	155134	25	71	31
II. Осенняя путина:						
Съ Іюня по 6 Декабря. . . .	161	148	8532	57	65	35½
„ 29 Іюня по 6 Декабря . .	163	1086	49794	45	85	28
„ 15 Іюля по 6 Декабря . .	146	217	9057	41	70	28
„ 1 Августа по 6 Декабря .	141	1418	53640	37	83	27
„ 15 Августа по 6 Декабря .	115	430	15427	35	88	31
„ 1 Іюля по 10 Ноября . .	132	30	1200	40	—	30
„ 15 Іюля по 15 Ноября . .	122	(13)	Плата отъ рыбы			
„ 6 Сент. по 1 Нояб. собственно	56	15	225	15	—	26
„ 5 Сент. по 6 Дек. осенній	92	92	4156	34	30	37
Средній осенній заработокъ . .	128	3436	131031	38	10	29½
Средній зараб. въ рыбол. сезонъ .	210	(4543)	286165	63	81	30

Таблица II.

Распредѣленіе рыболовныхъ рабочихъ изъ калмыковъ между отдѣльными предпринимателями.

		Яндыковская ставка		Мочажная ставка		Ставка Калмыцк. базара		Ставка Богацохуровская		Итого		%
		Число контракт.	Число рабочихъ	Число контрак.	Число рабочихъ	Число контрак.	Число рабочихъ	Число контрак.	Число рабочихъ	Число контрак.	Число рабочихъ	
1	Астрах. 1-й гильдіи купецъ Александръ Александр. Сапожниковъ.	34	1703	57	3191	7	450	—	—	98	5344	54
2	Торг. д. братьевъ Воробьевыхъ . .	3	44	29	1557	—	—	—	—	32	1601	16
3	Торг. д. братьевъ Хлѣбниковыхъ . .	5	234	3	213	2	127	—	—	10	574	6
4	Братья Комовы	—	—	3	247	5	146	—	—	8	393	4
5	Два купца Платоновы.	—	—	—	—	2	109	5	147	7	256	3
6	Купецъ Новиковъ	—	—	1	73	3	88	—	—	4	161	2
7	Шесть лицъ, заключившихъ по три контракта.	1	64	—	—	17	399	—	—	18	463	15
8	Тринадцать лицъ, заключившихъ по два контракта	10	297	—	—	16	335	—	—	26	632	
9	Шестнадцать лицъ, заключившихъ по одному контракту.	6	122	1	22	9	240	—	—	16	384	
	Итого 42 фирмы.	59	2464	94	5303	61	1894	5	147	219	9808	—

Таблица III

Сравнительная таблица данныхъ о рыболовныхъ рабочихъ за 5 лѣтъ по Богацохуровскому улусу.

Сроки найма	1881 г.			1882 г.			1883 г.			1884 г.			1885 г.			Всего въ 5 лѣтъ			
	число			число			число			число			число			число		Средняя плата	
	Контрактовъ	Рабочихъ	Плата одному рабочему	Контрактовъ	Рабочихъ	Плата одному рабочему	Контрактовъ	Рабочихъ	Плата одному рабочему	Контрактовъ	Рабочихъ	Плата одному рабочему	Контрактовъ	Рабочихъ	Плата одному рабочему	Контрактовъ	Рабочихъ	р.	к.
Весенняя путина:																			
1) Съ 1 Марта по 21 Мая	—	—	—	4	65	26	2	62	26	—	—	—	2	89	17	8	216	22	32
2) 1 „ 25 „	6	109	20 р. 50 к.	1	21	26	4	52	24	3	161	21	—	—		14	343	21	60
3) 5 „ 25 „	1	34	30	2	21	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	55	31	35
4) 21 „ 21 „	—	—	—	7	132	25	5	96	22	2	16	20	—	—	—	14	244	24	31
5) 1 Апрѣля 21 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	63	11	—	—	—	3	63	11	—
6) 10 „ 25 „	—	—	—	6	81	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	81	17	—
Осенняя путина:																			
1) Съ 15 Іюня по 15 Ноябр.	—	—	—	3	45	50	1	14	50	2	30	47	—	—	—	6	89	48	88
2) 1 Іюля 15 „	2	26	40	—	—	—	—	—	—	1	10	43	—	—	—	3	36	40	83
3) 10 „ 10 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	30	40	1	30	40	—
4) 15 „ 15 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	13	съ 100 рыбъ	1	13	съ 1000 рыбъ	
5) 6 Сент. 1 Ноября	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	15	15	1	15	15	—
	9	169	—	23	365	—	12	224	—	11	280	—	5	147	—	60	1185	—	—

Таблица IV.

Пищевыя условія неводныхъ рабочихъ и условія относительно обуви въ 188⁴/₅ годахъ.

Годъ	У какихъ рыбопромышленниковъ	Подрядчикъ: Муки на срокъ	Подрядчикъ: Чаю на срокъ	Неводчикъ, кормчій и пр.: Муки на срокъ	Неводчикъ, кормчій и пр.: Чаю на срокъ	Простой рабочій: Хлѣба въ сутки	Простой рабочій: Чаю на срокъ	Простой рабочій: Приварка (пшена и рыбы)	Всѣ рабочіе безъ подраздѣленій	Условія относительно обуви
Въ 1884 году.	1. У бр. Воробьевыхъ.	10 п.	1 дос.	7 п.	1 дос.	3 ф.	½ дос.	½ п. пш.		Относительно обуви замѣчено три видоизмѣненія: 1) 2 пары на рабочаго «поршней», «вачугъ» и «бахилъ» съ парою портянокъ. 2) Тоже, но безъ портянокъ. 3) 2 пары «вачугъ» и одни «поршни», безъ портянокъ.
	2. » бр. Хлѣбниковыхъ	7½	1	5	1	3	½	½		
	3. » Новикова	7	1	5	¾	3	½	—	Лицу: лещь и 4 тар. въ сутки.	
	4. » Комовыхъ	5	1	—	—	—	½	1 п. мук	Лицу: 3 ф. хлѣба въ сутки.	
	5. » Макаровыхъ (нас. А. К.) (*)	5	1½	2½	1	3	½	(*) До плачив. «порыбное.» (таб. V).		
	6. » Калач. (Сѣв. Астр.)	—	½	—	—	—	½	—	Лицу: 3 ф. хл., 1 ф. пш. и тар.	
	7. » Платонова (тоже)	—	½	—	—	—	½	—	Лицу: 3 ф. хл., 1 ф. пш., 1 лещ.	
	8. » Кунгурцев. (тоже)						1/10	мѣсяц.	Лицу: 3 ф. хлѣба.	
	9. » Калачева (тоже)						¾	—	Остальн., какъ выше подъ № 6.	
	10. » Платонова (тоже)						1 дос.	—	Лицу: 3 ф. хл., 1 лещ., 1 тар.	
	11. » друг. (тоже) . .						1/10 дос.	—	Лицу: 3 ф. хл., 1 ф. пш. или тар.	
Въ 1885 году.	12. » Сапожникова (*).	7½	1	5	1	3	½	Половин. пуда пш. и мелкая рыба	Половина дровъ на варевіе пищи, 1 взрослый кашеваръ на 25 рабоч.	
	13. » Макарова	7½	1	—	—	3	¼	30 ф. м.		
	14. » Сагирова	7½	1	5	1	3	—	—	Лицу: 2 полумѣрныхъ леща, мелкая рыба или половина пуд. пшена.	
	15. » Сурабекова . . .	—	1	—	½	—	⅜	—		
	16. » Масленникова . .	30 ф. въ мѣсяцъ	⅜	—	—	—	⅜	30 ф. м.	Лицу: частиковая рыба или пшено и дрова.	
	17 » Платон. (Сѣв Астр).	въ срокъ на чел. (1 Іюл. по 10 Нояб.)					1½ д. и ежедн.		3 ф. хл., 1 ф. пш. и 1 лещ., тар.	

(*) Согласно съ Сапожниковымъ были условія у Воробьевыхъ, Хлѣбниковыхъ, Комовыхъ, Новикова и многихъ болѣе мелкихъ рыбопромышленниковъ.

Примѣчаніе. Обыкновенно съ каждой артелью рабочихъ кочуетъ одна кибитка-кухня, но не на счетъ хозяина.

Таблица V.

Случаи платы рабочимъ (въ 1884—5 гг.) отъ улова (въ 1884—5 гг.).

1) Контрактъ № 2. 1885 г. Въ книгѣ Калмыцкаго Базара: съ бр. Комовыми—два подрядчика съ 26 рабочими на срокъ съ открытія лова до запрета.

Условія: ловить хозяйскими орудіями и сдавать всю рыбу улова хозяевамъ по цѣнѣ отъ сотни:

1) Судакъ „мѣрный“ въ 8 ф. вѣсу 15 р.
— „полумѣрный“ . . . 7 р.
2) Лещь, жерихъ и щука . . . 1 р. (Буквально сказано
3) Сопа. . . . . 1 р. 10 р. съ 1000
4) Чехонь „мѣрная“ въ 6 вершк. 75 к. рыбъ).
— „полумѣрная“ . . . 25 к.
5) Сельдь „мѣрная“ въ 5 вершк. 1 р. 50 к. (за 1050 рыбъ).
— „полумѣрная“. . . . . 50 к.
6) Вобла безплатно идетъ въ пользу хозяину.

2) Контрактъ № 11 (тамъ-же)—съ Сагировымъ.—Два подрядчика съ полнымъ комплектомъ рабочихъ, на срокъ съ Февраля по 15 Мая.

Условія: ловить хозяйскими неводами и сдавать все Сагирову по цѣнѣ отъ 1000 рыбъ.

1) Судакъ „мѣрный“ 7 вершк. . 13 р.
— — ниже . . . 6½р. (собственно два за
2) Щука, лещь, жерехъ. . . . 10 р. одинъ).
3) Бержъ . . . . . 2 р.
4) Сельдь . . . . . 4 р. 50 к.
5) Вобла . . . . . 13 к.
6) Сомъ по 70 к. отъ пуда.

3) Контракты №№ 3 и 27 съ Неизвѣстновымъ и № 10 и съ Ивановымъ. 3 подрядчика съ 30 рабочими, на срокъ—у Иванова съ 10 Февраля по 15 Мая и у Неизвѣстнова съ 15 Іюля по 6 Декабря.

Условія: ловить хозяйскими снастями рыбу и весь уловъ доставлять въ свѣжемъ видѣ въ Астрахань на „исады“ (базаръ) и по продажѣ рыбы дѣлить весь приходъ пополамъ съ хозяиномъ.

4) Контрактъ № 43 1884 г., въ книгѣ Мочажной ставки, съ Андр. К. Макаровымъ; 1 подрядчикъ съ 12 рабочими на срокъ съ 1 Марта по 15 Мая.

Условія: кромѣ пищеваго продовольствія (табл. IV, 5) и платы: подрядчику 55 р., кормщику 31 р., носовщику 31 р. и 26 р. рабочимъ, при хозяйскихъ снастяхъ, отъ рыбы, по цѣнѣ:

1) Стерлядь отъ 1000 . 5 р.
2) Судакъ. . . . . 1 р.
3) Щука, сазанъ и пр. 50 к.
4) Бержъ . . . . . 25 к.
5) Тарань и вобла . . 15 к.
6) Сельдь . . . . . 5 к.
7) За красную и икру 1/2 ловецкой цѣны.

Кромѣ того за стерлядь, судакъ, щуку и леща получаютъ: неводчикъ 50 к., кормщикъ 15 к., носовщикъ 10 к.

5) № 68 (тамъ-же) – съ Болонинымъ; 4 подрядчика съ 56 рабочими на срокъ съ 1 Сентября по 6 Декабря.

Условія: хозяйскія снасти, половина хозяйскихъ дровъ и задатокъ по 30 р. на лицо съ тѣмъ, что уловъ сдается Болонинымъ по цѣнѣ.

1) Судакъ „мѣрный“ 7 1/2 вершк. за 1000 20 р.
— ниже. . . . . 5 р.
2) Лещъ „мѣрный“ 5 1/2 вершк. . . 15 р.
— ниже. . . 3 р. 50 к.
3) Тарань . . . . . 3 р. 50 к.
4) Сазанъ „мѣрный“ 9 вершк. . . . 20 р.
— ниже. . . . . 4 р.
5) Стерлядь „мѣрная“ 8 вершк. съ пуда 60 к.
— 7 вершк. 30 к.

Кромѣ того съ каждой 1000 судака и леща мѣрн. припла-чивается рыбныхъ80 к., а съ 1000 стер-лядей 1 р., но при этомъ съ каждой во-обще 1000 леща, та-рани и сазана отда-вать въ пользу хозя-ина безплатно по 100 рыбъ.

6) № 72 (тамъ-же)—съ Власовыми; 4 подрядчика съ 56 рабочими съ 1 Сентября по 6 Декабря.

Условія тѣ же, что и у Болонинихъ, но съ такимъ отличіемъ: за стерлядь ниже 7 вершк. по усмотрѣнію,и п отомъ „по рыбное“ платятъ и отъ 1000 полумѣрной стерляди по 50 коп., а вычетъ въ пользу хозяина по 100 рыбъ съ 1000 производится со всѣхъ уловленныхъ рыбъ, кромѣ стерляди.

7) № 75 (тамъ-же)—съ Андр. К. Макаровымъ; 4 подрядчика съ 44 рабочими съ 1 Сентября по 6 Декабря.

Условія—какъ № 43 (4).

8) № 12 (тамъ-же) въ 1885 г. съ Макаровыми; 2 подрядчика 26 рабочихъ, на срокъ съ 1 Марта по 15 Мая.

Условія: кромѣ продовольствія (№ 75) и платы подрядчику 45 р., кормщику и носовщику 38 р. и рабочимъ 35 р. получаютъ еще и „порыбное“:

за стерлядь отъ 1000 2 р. 50 к.
„ судакъ и щуку . 2 р. —
„ леща . . . . 1 р. —
за воблу . . . . — 10 к.
Красная рыба и икра 1/2 ловецкой цѣны.

9) Въ книгѣ контрактовъ за 1885 г. Яндык. улус. съ Масленниковыми; 1 подрядчикъ и 41 рабочій, на срокъ съ 15 Марта по 29 Іюля.

Условія: кромѣ платы подрядчикъ и кормщикъ 48 р. „сѣтные“ — по 50 р., рабочіе 8 по 45 р., а остальные (точильщики) по 22 р. 30 к. Ловъ въ Мартѣ снастями, продовольствіе (см. табл. IV, 10), получать съ улова:

1) Лосось и бѣлорыбица по 5 к. со штуки.
2) Сазанъ цѣликомъ и сомъ безъ головы по 20 к. съ пуда.
3) Тюлень . . . . . „ 20 „ „
4) Икра красной рыбы . . . . . 1 р. 20 „ „
(Сдавать ее съ зерномъ со скидкою на утечку по 6 ф. съ п.).
5) Клей, вязига красной рыбы и сомовій клей — безплатно.

VI. Копія контракта рыбопромышленниковъ Сапожниковыхъ (книга контрактовъ на Калмыцкомъ Базарѣ 1885 г. № 32).

Астрахань, 1885 г. Января 27 дня мы, нижеименованные въ реэстрѣ у сего контракта подрядчики, заключили сей контрактъ съ астраханскою конторою коммерціи совѣтника, 1-й гильдіи купца, Александра Александровича Сапожникова, торгующаго подъ фирмою „Братья Сапожниковы“, въ слѣдующемъ: 1-е. Мы, подрядчики, приняли на себя обязанность доставлять конторѣ каждый отъ себя по пяти неводчиковъ, по пяти пятчичиковъ и по 60-ти человѣкъ рабочихъ въ неводную тягу на Тумакскій промыселъ на показанную конторою тоню и всякую, какая только окажется, промысловую работу, срокомъ съ перваго марта и продолжать по десятое число мая 1885 года. Какую же мы договорились получать плату и задатокъ намъ, подрядчикамъ, пятчикамъ и рабочимъ, значится въ сказанномъ ниже сего реэстрѣ. — 2-е. По вступленіи на работу, пищу, какъ намъ, подрядчикамъ, такъ и рабочимъ имѣть конторскую, а именно получать: въ срокъ подрядчикамъ муки ржаной въ $7^1/_2$ п. по одному кулю, чаю кирпичнаго по одной доскѣ; пятчикамъ муки ржаной по 5 п., чаю по одной доскѣ: рабочимъ чаю по $^1/_2$ доски и въ сутки на каждаго человѣка хлѣба печенаго по три фунта и на варево мелкой рыбы, а за неимѣніемъ ея пшена.

3-е. Если кто изъ числа доставленныхъ нами, подрядчиками, рабочихъ, во время работы заболѣетъ, того подержать на промыслѣ не болѣе трехъ дней, въ теченіи коихъ если больной не получитъ облегченія, то отпустить его домой или отправить въ мѣстную больницу, а вмѣсто заболѣвшихъ, мы, подрядчики, обязаны доставить другихъ здоровыхъ рабочихъ,

или внести въ контору деньги, сколько будетъ за больнымъ причитаться, точно также вмѣсто бѣжавшихъ и на службу наряженныхъ правительствомъ изъ числа нанятыхъ нами рабочихъ мы, подрядчики, обязаны внести въ контору взятые на нихъ задатки, или же вмѣсто нихъ доставить другихъ способныхъ къ работѣ рабочихъ; старыхъ же и малолѣтнихъ въ работу не приводить, если же будутъ старые и малолѣтніе, то тѣмъ контора вправѣ полагать половину рядной цѣны, въ чемъ мы, подрядчики, противорѣчить не должны. 4-е. Находясь въ работѣ, какъ мы подрядчики, такъ равно и доставленные нами рабочіе, должны оказывать конторѣ и мѣстнымъ надзирателямъ и неводчикамъ, съ которыми будемъ тянуть, всяческое повиновеніе и обязаны дѣлать въ сутки своею артелью по пяти тонь; исполнять оныя съ должнымъ стараніемъ; безъ лѣности и ослушанія. Если-же кто изъ рабочихъ, или насъ, подрядчиковъ, воспротивится распоряженію мѣстнаго надзирателя или неводчика и уклонится отъ неводной тяги или промысловой работы, то платить конторѣ за каждую прогульную тоню штрафу по 15 руб. сер., такъ равно если мы, подрядчики, или кто изъ доставленныхъ нами рабочихъ будетъ замѣченъ или обличенъ въ кражѣ рыбы или другхъ какихъ-либо матеріаловъ, то конторѣ представляется право привлекать виновныхъ къ законной отвѣтственности. 5-е. Уловленную неводами рыбу обязаны мы, подрядчики, своею артелью доставлять съ тоней на промыселъ, давая на каждую рыбницу два человѣка рабочихъ и по доставленіи на промыселъ выливать и считать на указанное надзирателемъ мѣсто. 6-е. Если мы, подрядчики, на вышеписанный срокъ, т. е. на 1 число Марта 1885 года на промыселъ къ работѣ нанятыхъ рабочихъ не доставимъ, то контора вправѣ взыскать съ насъ по 60 к. за каждый просроченный день и прогульный во время работы день, за прохворные же дни контора должна вычитать съ рабочаго причитающуюся ему ежедневную плату, вслучаѣ же совершеннаго недоставленія рабочихъ или побѣга ихъ съ промысла, контора по объявленіи о томъ начальству вправѣ просить оное принять мѣры къ розысканію и высылкѣ рабочихъ на промыселъ при содѣйствіи насъ, подрядчиковъ. Окончивъ же работу въ срокъ, т. е. по 9 число Мая 1885 г., должны мы, подрядчики, со своими рабочими явиться въ контору для учиненія разсчета, которая должна удовлетворить насъ раздѣлкою, такъ равно, если мы, подрядчики, при разсчетѣ останемся конторѣ должны, то долгъ тотъ обязуемся заплатить тотчасъ же при разсчетѣ, если же окажемся несостоятельными уплатить долга, то контора вправѣ поступить съ личностью нашею, какъ съ несостоятельными должниками по законамъ.

7-е. Во время неводной тяги доставленнымъ нами рабочимъ контора должна выдать безплатно во одной парѣ портокъ и вачугѣ на каждаго человѣка.

8-е. Всѣ вышеизложенные пункты въ семъ контрактѣ какъ мы, подрядчики, такъ равно и сама контора должны соблюдать свято и ненарушимо.

Реэстръ рабочимъ	Плата	Задатокъ
Артель первая.		
Подрядчикъ Яндыковскаго улуса, Барунова рода аймаку зайсанга Дорджіева, калмыкъ Алатъ Аканджіевъ, при немъ:		
5 неводчиковъ—плата по 39 р., задатку по 31 р.	195	155
5 пятчиковъ—плата „ 32 „ „ „ 24 „	160	120
60 рабочимъ—плата „ 29 „ „ „ 21 „	1740	1260
	2095	1535
Артель вторая.		
Подрядчикъ Яндыковскаго улуса, Барунова рода аймаку зайсанга Дорджіева Гаря Энкѣевъ, при немъ:		
5 неводчиковъ—плата по 39 р., задатку по 31 р.	195	155
5 пятчиковъ—плата „ 32 „ „ „ 24 „	160	120
60 рабочихъ—плата „ 29 „ „ „ 21 „	1740	1260
Кромѣ сего съ 20-го Февраля по 9-е Мая 1885 г. запасные:		
10 неводчиковъ—плата по 44 р., задатку по 36 р.	440	360
5 пятчиковъ—плата „ 36 „ „ „ 28 „	180	140
	2715	2035
Всего на 155 чел. платы 4810 р. и задат. 3570 р.	4810	3570

VII. Копія контракта рыбопромышленника Сурабекова (тамъ-же № 30).

Астрахань, 1885 года, Января 26 дня. Я, нижеподписавшійся, подрядчикъ и солельщикъ, калмыкъ Яндыковскаго улуса, Цатанова рода, аймаку зайсанга Мальчаева, Бадма Лузунговъ, заключилъ сей контрактъ съ астраханскимъ купцомъ Захаромъ Никитичемъ Сурабековымъ въ томъ, что

я, Лузунговъ, нанялся къ нему солельщикомъ на арендуемый имъ Калиновскій промыселъ и обязался доставить туда-же съ перваго Марта по пятнадцатое Мая сего года еще одного солельщика, одного неводчика, одного пятчика, десять человѣкъ неводныхъ рабочихъ, двухъ кормщиковъ и тринадцать человѣкъ весельщиковъ, всего со мною двадцать девять человѣкъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е. Какъ я, Лузунговъ, такъ нанятые мною солельщикъ, неводчикъ, пятчикъ, неводные рабочіе, кормщики и весельщики обязываемся прибыть на Калиновскій промыселъ къ первому Марта и немедленно вступивши въ работу, продолжать ее по пятнадцатое Мая сего года. Если кто изъ нанявшихся неявится къ работѣ въ назначенный срокъ, или уйдетъ съ работы, или наконецъ прогуляетъ на промыслѣ, то Сурабековъ вычитаетъ съ насъ за каждый нерабочій или прогульный день по пятидесяти коп. за человѣка. Если во время тяги; захвораетъ одинъ человѣкъ въ комплектѣ, то остальные рабочіе должны замѣнить его общимъ трудомъ въ тягѣ, но если въ комплектѣ будетъ въ одно время нѣсколько человѣкъ больныхъ, то вмѣсто нихъ даются съ промысла другіе, чтобы ни въ какомъ случаѣ не оставлять неводной тяги; затѣмъ, если нѣкоторые изъ рабочихъ вовсе не будутъ доставлены къ сроку, за тѣхъ я, Лузунговъ, обязываюсь заплатить Сурабекову штрафъ по десяти рублей за каждаго недоставленнаго человѣка, возвративъ ему съ тѣмъ вмѣстѣ и задаточныя деньги, а тѣхъ же рабочихъ, которымъ будутъ выданы задатки, но которые за смертью или болѣзнью не будутъ доставлены на промыселъ, я, Лузунговъ, обязанъ предоставить Сурабекову удостовѣреніе улуснаго начальства или хотончаго старосты. 2-е. По прибытіи на промыселъ я, Лузунговъ, и прочіе рабочіе выше объясненные, обязаны безпрекословно исполнять всякую промысловую работу по указанію надзирателя и независимо отъ сего неводная артель обязана заняться приготовленіемъ неводовъ, а по вскрытіи навигаціи выѣхать на плотовую тоню, куда будетъ приказано. 3-е. Во время лова, если на нѣкоторыхъ тоняхъ рыба будетъ ловиться плохо, то по приказанію неводчиковъ или разъѣздныхъ, должны мы тотчасъ переѣхать на другія тони, гдѣ рыба будетъ ловиться лучше, однимъ словомъ, если будетъ нужно обязываемся переѣзжать съ тони на тоню безъ спора и дѣлать ежедневно межеумочными и частыми неводами, устроенными по размѣру тоней Калиновскаго промысла, по шести тоней днемъ или ночью, какъ заставитъ неводчикъ или разъѣздной; неводъ по окончаніи тяги просушивать, какъ будетъ приказано и чинить всею артелью во избѣжаніе пролова. 4-е. Если до перваго марта рѣки не вскроются, то Сурабековъ или надзиратель промысла имѣетъ право заставить неводную артель тянуть подо льдомъ, давая по двѣ тони въ сутки. 5-е. Изъ условленныхъ въ семъ контрактѣ тоней неводная артель не должна пропускать ни одной, а въ случаѣ пропуска

Сурабековъ вычитаетъ изъ общей раздѣлки неводной артели по пяти руб. за каждую пропущенную тоню. 6-е. При большомъ ходѣ рыбы Сурабековъ или надзиратель промысла имѣетъ право приказать неводной артели тянуть лишнюю тоню, за каковую платится ей особо по 5 руб., кромѣ условленной платы. 7-е. Принятые съ промысла для неводной тяги невода, рыбницы, неводники, бахилы и проч. принадлежности по окончаніи работъ должна неводная артель сдать обратно въ цѣлости, если же чего изъ этого не достанетъ, то виновные отвѣчаютъ по ихъ разцѣнкѣ. 8-е. Во время работы на промыслѣ или при неводѣ мы должны вести себя скромно, дракъ и буйствъ не дѣлать, надзирателя, разъѣздныхъ, неводчиковъ и лицъ, распоряжающихся работами слушаться, отъ работы не отказываться и раньше срока съ промысла не уходить и этимъ не подвергать Сурабекова убыткамъ; какъ убытки, сколько таковыхъ окажется по распоряженію правительства, такъ и прогульные дни и вообще всѣ нарушенія по сему контракту Сурабековъ имѣетъ право вычесть изъ нашей раздѣлки, а если не достанетъ ея, то обратить взысканіе особо съ имѣній нашихъ. 9-е. Въ случаѣ недоразумѣнія между нами и Сурабековымъ, обязанъ я, Лузунговъ, обратиться съ жалобой о разбирательствѣ въ свое управленіе, работу же не оставлять, а продолжать до тѣхъ поръ, пока управленіе рѣшитъ дѣло и найдетъ насъ правыми, если же мы бросимъ работу раньше рѣшенія дѣла, то это будетъ доказательствомъ нашей вины. 10-е. Кормщики и весельщики обязаны исполнять всѣ работы на прорѣзяхъ, подводить ихъ съ рыбою къ плоту, и въ случаѣ надобности выливать рыбу на плотъ, а солельщики должны исполнять свою обязанность въ точности и исправно. 11-е. Продовольствіе всѣмъ намъ должно быть отъ счета Сурабекова и заключаться въ слѣдующемъ: чаю кирпичнаго неводчику одну доску, пятчику полъ-доски, неводнымъ рабочимъ по три осьмой доски каждому, солельщикамъ по одной доскѣ каждому, кормщикамъ и весельщикамъ по полу-доскѣ каждому въ путину, хлѣба печенаго по три ф. въ сутки на каждаго и мелкой частиковой рыбы. Для работы бахилы и поршней съ вачугами по двѣ пары должны быть хозяйскіе, съ возвратомъ по окончаніи срока, портянки же должны быть отъ счета рабочихъ. 12-е. За исправную работу, согласно условій, изложенныхъ въ семъ контрактѣ, Сурабековъ обязался заплатить: мнѣ, Лузунгову, шестьдесятъ руб., солельщику 40 руб., неводчику 38 руб., пятчику 31 руб., кормщикамъ по 38 руб. каждому; въ число ихъ по засвидѣтельствованіи сего контракта у попечителя Калмыцкаго Базара и по доставленіи его Сурабекову, выдать въ задатокъ: мнѣ, Лузунгову, сорокъ руб., селельщику 30 руб., неводчику 26 руб., двумъ кормщикамъ 52 руб., 13 весельщикамъ и 8 неводнымъ рабочимъ по 19 руб.—399 руб. и пятчику 22 руб. 50 коп., а задатокъ на остальныхъ двухъ неводныхъ рабочихъ тридцать

восемь рублей долженъ быть выданъ при вступленіи въ работу, когда будутъ представлены два билета тѣхъ рабочихъ; остальныя затѣмъ деньги выдаются всѣмъ въ раздѣлку по окончаніи срока. 13-е. Всѣ рабочіе должны быть взрослые, не моложе 18 лѣтъ, за исключеніемъ одного кобеня кашевара, а если придутъ малолѣтки, тѣмъ плата полагается по пяти руб. въ путину; равнымъ образомъ, если вмѣсто знающихъ рабочихъ придутъ не знающіе ни неводной, ни прорѣзной работы, или юродивые и старики, тѣмъ плата назначается по 10 руб. въ путину, и 14-е. Заключивъ сей контрактъ обѣ договаривающіяся стороны обоюдно должны хранить свято и ненарушимо, въ томъ и подписуемся.

VIII. Извлеченіе изъ контрактовъ (Яндыковскаго ул.) *Масленниковыхъ и Сагирова.*

Выписка изъ книги на записку разнаго рода актовъ и контрактовъ Яндыко-Икицохуровскаго улуснаго Управленія на 1885 годъ,

1) Масленникова. Подрядчикъ Бабгашъ Денгековъ и 41 человѣкъ рабочихъ обязаны производить ловъ разнаго рода рыбы въ арендуемыхъ ими водахъ на десяти лодкахъ „бударкахъ“ самоловною снастью и на двухъ морскихъ подчалкахъ ставными сѣтями на Сулакскомъ промыслѣ; орудія хозяйскія. Снасти рыболовной — по 240 длинниковъ и колы для прививки; въ случаѣ надобности по 3000 удочекъ на каждую бударку и 250 сѣтей на каждый подчалокъ... „Снасти я, подрядчикъ и товарищи, обязаны выложить для лова въ морѣ двѣ трети, сѣтей 20 концевъ, морскія бударки и лодки въ сутки должны водиться до Листы одинъ разъ, а остальное количество оныхъ должно оставаться запасомъ на плоту для своевременной смѣны, дубки и точки, чтобы не допустить порчи снасти и сѣтей; 2) отправиться должны на Бирючью косу въ первыхъ числахъ Марта мѣсяца, оттуда на счетъ Масленникова въ Петровскъ.

Получка: въ 1 числахъ Марта по 3 р. на каждаго, а на точильщика по 2 р., на 42 рабочихъ и 10 точильщикамъ 146 р.

Штрафы: за просрочку послѣ 13 Марта за каждый день по 1 р. а потомъ по 50 коп., больнаго черезъ 5 дней отправляютъ на хозяйской лодкѣ домой, а взамѣнъ привезти другого или деньги; за умершаго на работѣ замѣны нѣтъ.

Срокъ ловли — съ 15 Марта по 20 Іюля, а начать выдирать снасти съ 16 Іюля, но если будетъ хорошій ловъ рыбы, то должны оставаться и послѣ 20 Іюля на лову, если кто пожелаетъ, если послѣ 20 не разочтутся, то за каждый день платятъ по 1 р., а точильщику — по 50 коп. (точильщикъ — мальчикъ для точки снастей)

За утрату платится въ трое, а если причиною вѣтеръ, то по заявленіи прикащикъ долженъ убѣдиться.

Плата: подрядчику и кормщику по 45 р., сѣтнымъ по 50 р., а рабочимъ 8-ми по 45 р., точильщику (не моложе 14 лѣтъ) по 22 р. 50 коп., въ задатокъ подрядчику и кормщику по 43 р., а рабочимъ по 40 р., точильщику по 20 р., остальныя деньги по окончаніи срока и по сдачѣ въ исправности припасовъ."

Продовольствіе отъ Масленникова: хлѣбъ ржаной печеный по 3 ф. въ день, муки пшеничной по 3 ф., чаю кирпичнаго по 3/8 доски въ мѣсяцъ, а точильщикамъ половинное количество; на приваръ мелкой частиковой рыбы, а если ея не будетъ, то пшена; дрова должны отпускать промыслы; красную всякую рыбу мы не должны употреблять въ пищу; клей, вязигу красной рыбы, сомовый клей сдавать безплатно. Кромѣ условленной платы получать съ улова всякой красной рыбы: лосося и бѣлорыбицы по 5 коп. со штуки, сома безъ головы по 20 коп. съ пуда, сазана цѣликомъ; за тюленя по 20 к. съ пуда, за икру красной рыбы по 1 р. 20 к. съ пуда, сдавать ее зерномъ, со скидкою на утечку по 6 ф. съ пуда; рыбу всю доставлять свѣжую, не заливную; на сторону и на продовольствіе не сдавать, равно клей и вязигу не мѣшать, а отъ ловцовъ ногаевъ и русскихъ ничего не принимать. Отвѣтственность по 15 руб. за каждую рыбу. Причитающуюся сумму получить: половину въ половину срока, причемъ одинъ изъ 42-хъ отправляется съ деньгами на короткое время домой. Прогульныхъ дней не должно быть, кромѣ трехъ дней праздничныхъ въ Маѣ мѣсяцѣ; за прогулъ по 1 р. въ день съ человѣка.

2) *У Сагирова* на Терняковскомъ промыслѣ: весенняя путина съ 1-го Марта по 15 Мая. 108 человѣкъ (подрядчиковъ 9); являться на промыселъ 28-го Февраля вечеромъ, за пропускъ дня и нерабочій день по 50 к. съ человѣка; больныхъ замѣнять здоровыми, но неводной тяги не останавливать. По льду тянуть въ сутки двѣ тони; а по вскрытіи столько тоней, сколько и другіе рабочіе; тянуть днемъ и ночью; переходъ съ одной тони на другую по требованію распорядителя (у него 5 тоней), при ходѣ сельди тянуть волокушами, дѣлать немедленно, хотя бы послѣ условно выловленныхъ тоней, иначе – штрафъ по 5 р. съ человѣка и за прогульную тоню по 5 руб.; за продажу рыбы втрое противъ стоимости. Въ работу выше 50 и моложе 18 лѣтъ не принимать. Плата: неводчику по 22 р., пятчику 20 р., рабочимъ по 18 р., а окончательно – 1-мъ рублемъ дороже, чѣмъ у Сапожникова будетъ; при уловѣ по два полумѣрныхъ леща на человѣка, а если не будетъ, то мелкой рыбы или пшена по 1/2 п., по одной парѣ поршней и по двѣ пары вачугъ. Въ задатокъ: неводчикамъ по 15 р., пятчикамъ по 12 р., рабочимъ по 10 р., а если у Сапожникова задатки будутъ выше, то и намъ доплатить, а остальное по окончаніи срока въ раздѣлку. Считать также цѣну Хлѣбниковыхъ выше 1 рублемъ.

Примѣчанія къ приложенію № 11. *а) Численность неводныхъ калмыковъ-рабочихъ.* Книги для занесенія контрактовъ рыбопромышленниковъ съ калмыками-рабочими ведутся при слѣдующихъ ставкахъ: Яндыковскаго улуса, Мочажнаго улуса, на Калмыцкомъ Базарѣ, Богацохуровскаго улуса и Александровскаго. За исключеніемъ книги послѣдняго улуса, какъ не вошедшаго въ область наблюденія, изъ книгъ остальныхъ улусовъ свѣдѣнія за 1885 г. были извлечены всѣ, и потому цифровыя данныя таблицы 1-й совершенно точно опредѣляютъ количество неводныхъ рабочихъ изъ калмыковъ, работавшихъ въ 1885 г. по контрактамъ. [1]) Изъ таблицы 1-й видно, что въ 1885 г. законтрактовано было на неводныя работы 9808 калмыковъ, изъ которыхъ въ первую половину года работало 6359 душъ, а во вторую—3449. Рыболовный годъ, или вѣрнѣе рыболовный сезонъ (со вскрытія воды отъ льда до замерзанія—около 6 Декабря) раздѣляются „запретнымъ временемъ“, когда съ промышленными цѣлями не бываетъ на Волгѣ по закону лова рыбы,—на двѣ половины, или по мѣстной терминологіи „путины“: первая—„весенняя путина“ приблизительно по 9 Мая, и вторая—„осенняя путина“ съ 1 Іюля по 6 Декабря [2]). Наемъ рабочихъ на обѣ путины совершается отдѣльно и по отдѣльнымъ контрактамъ: на весеннюю путину обыкновенно въ Январѣ и въ началѣ Февраля, а на осеннюю—въ концѣ Мая и въ Іюнѣ, такъ что рабочіе, выполнивъ работу по первымъ контрактамъ, непосредственно почти заключаютъ контракты и на слѣдующую путину, и потому на осеннюю путину развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ являются изъ степи новые рабочіе въ видѣ отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно на неводныхъ рабочихъ нужно насчитывать не 9808 рабочихъ (табл. 1), а лишь 6559, т. е. столько, сколько работало въ весеннюю путину; изъ этого числа работало въ теченіи всего рыболовнаго сезона 1885 г. 3449 лицъ, а остальные 2910 находились на рыболовныхъ промыслахъ лишь въ первую половину года.

б) Численное отношеніе калмыковъ на рыболовныхъ промыслахъ и другихъ рабочихъ и спеціальныя занятія. Въ Астраханской губ., начиная отъ г. Камышина Саратовской губ., рыболовство производится по всей дельтѣ Волги и въ Каспійскомъ морѣ. На этомъ пространствѣ находится [3]) 423 рыбопромышленныхъ завода,—изъ нихъ морскихъ ватагъ 53,

[1]) Безъ контрактовъ на рыболовныхъ промыслахъ работаетъ сравнительно небольшое количество калмыковъ: это именно калмыки, постоянно живущіе на ватагахъ, но они работаютъ главнымъ образомъ не при уловѣ рыбы, какъ законтрактованные, а при ея приготовленіи послѣ: вяленіи и пр.

[2]) Въ частности „осенняя путина“ раздѣляется на «лѣтнюю» и собственно «осеннюю», кромѣ того еще существуетъ и «зимняя путина» съ ловомъ подо льдомъ, но на этотъ періодъ изъ калмыковъ уходятъ немногіе.

[3]) Всѣ свѣдѣнія о рыбопромышленныхъ заведеніяхъ въ Астрах. губ. взяты мною изъ подлинныхъ данныхъ Астрах. Каз. Палаты, но только не за 1885 г., а за предыдущіе годы.

а остальные—разныхъ размѣровъ и устройствъ рѣчные промыслы. Рабочихъ при всѣхъ промыслахъ находилось 30528 человѣкъ, въ томъ числѣ годовыхъ 876, весеннихъ—22750 и осеннихъ—6002. По соображеніямъ, приведеннымъ выше, собственно отдѣльныхъ лицъ между рабочими слѣдуетъ считать 23626 человѣкъ (22750 весен.+876 годовыхъ). Изъ такого общаго числа рыболовныхъ рабочихъ калмыки составляютъ 26,5%.

На рыболовныхъ промыслахъ рабочіе раздѣляются главнымъ образомъ на двѣ группы: а) рабочіе неводные, производящіе уловъ рыбы, б) рабочіе промысловые или ватажные, участвующіе въ приготовленіи рыбы (распластываніе, посолъ, вяленіе, сушеніе, выдѣлка клею, приготовленіе икры, изготовленіе посуды для рыбы, надзоръ за складами и подвалами и пр. и пр.). Собственно годовые рабочіе (которыхъ показано выше 876)—это разнаго рода надзиратели, сторожа и т. п. наемные люди и ихъ не слѣдуетъ включать въ ту или другую категорію. Что же касается до численности двухъ главныхъ категорій рабочихъ, то объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру: на рыболовныхъ промыслахъ Астраханскаго уѣзда работало 10066 рабочихъ, въ числѣ которыхъ было 3156 неводныхъ, 6910 промысловыхъ, или приблизительно 30% первыхъ и 70% вторыхъ общаго числа. Такъ какъ на всѣхъ рыболовныхъ промыслахъ техника производства не только однородна, но и тождественна, то отношеніе рабочихъ по одному району совершенно примѣнимо ко всей области астраханскаго рыболовства, т. е., что въ числѣ 22750 рабочихъ на промыслахъ находилось промысловыхъ 15925, а неводныхъ 6825.

Послѣдная категорія состоитъ исключительно изъ мужскихъ рабочихъ, первая же въ большей части своей представляется женщинами, которыя производятъ всю подготовительную работу по соленію и вяленію рыбы. Чтобы дать представленіе о количествѣ необходимаго женскаго труда при этихъ операціяхъ, достаточно указать на то, что на астраханскихъ промыслахъ ежегодно изготовляется около 25,000,000 пудовъ рыбы, для приготовленія которой на промыслахъ около 7000 экземпляровъ посуды—чановъ, ларей, колодъ, ваннъ и пр., причемъ, напр., каждый чанъ вмѣщаетъ въ себѣ до 400 пудовъ сома, или отъ 150 до 600 пудовъ частиковой рыбы, или отъ 6000 до 30000 селедокъ и отъ 8000 до 45000 воблы: Чтобы наполнить 7000 посудъ засоленною рыбою, котор., какъ селедки, вобла и др. вылавливаются въ небольшой (менѣе мѣсяца) періодъ и засаливаются обязательно неуснулой рыбой, а животрепещущей,—понятное дѣло,—требуется масса труда, и весь этотъ трудъ несутъ по преимуществу женщины. Поэтому не будетъ далеко отъ истины предположеніе, что въ числѣ 15925 промысловыхъ рабочихъ нужно считать около 10000 женщинъ.

Такимъ образомъ, калмыки, составляя 26,5% общаго числа рыболовныхъ рабочихъ, представляютъ около половины всего рабочаго мужского на-

селенія промысловъ (калм. 6825, а всѣхъ мужч. на промыслѣ нужно считать 12750: 6825 неводныхъ и 5925 промысловыхъ) и около 97% неводныхъ рабочихъ (всѣхъ неводныхъ рабочихъ считалось 6825, изъ нихъ калмыковъ 6359, не калмыковъ 466). такъ какъ по условіямъ контрактовъ всѣ калмыки наняты были въ 1885 г. исключительно въ неводные рабочіе. Очень возможно, что свѣдѣнія о рыболовныхъ рабочихъ, собранныя Астраханскою Палатою черезъ своихъ чиновниковъ при ежегодной провѣркѣ рыбопромышленныхъ предпріятій, грѣшатъ нѣсколько противъ точности, именно — уменьшаютъ число рабочихъ на промыслахъ, но для нашей цѣли важенъ здѣсь собственно тотъ несомнѣнный фактъ, что калмыцкіе рабочіе преобладаютъ въ общемъ контингентѣ неводныхъ рабочихъ. [1]) Составляя главную массу неводныхъ рабочихъ, калмыки въ тоже время распредѣляются между небольшимъ, сравнительно, числомъ предпринимателей. Табл. 2-я показываетъ, что въ 1885 г. калмыки заключили контракты съ 42 рыбопромышленными фирмами, причемъ одна фирма Сапожниковыхъ законтрактовала 54% всѣхъ рабочихъ калмыковъ, другая — Воробьевыхъ 16%, а остальные — 30% рабочихъ распредѣлялись такъ: Хлѣбниковы законтрактовали 6%, Комовъ 4%, потомъ 5% наняли фирмы Платонова и Павлова, а остальные 15% распредѣлены между 35 хозяевами. Въ Астраханской губ., по свѣдѣніямъ Казенной Палаты, около этого времени насчитывалось до 200 хозяевъ рыбопромышленниковъ, такъ что оказывается, что безъ калмыцкихъ неводныхъ рабочихъ обходится болѣе 75% всѣхъ хозяевъ. Слѣдя за географическимъ, такъ сказать, распредѣленіемъ калмыцкихъ рабочихъ по промысламъ, можно замѣтить, что калмыки работаютъ не сѣвернѣе г. Чернаго-Яра; количество неводныхъ рабочихъ изъ калмыковъ растетъ по мѣрѣ приближенія къ морю, и особенно ихъ скопленіе замѣчается южнѣе Астрахани на промыслахъ въ устьевыхъ рукавахъ Волги, но и здѣсь они не заходятъ далеко на востокъ въ Красноярскій уѣздъ, [2]) а ограничиваются, главнымъ образомъ, предѣлами Астраханскаго уѣзда, т. е. вообще располагаются преимущественно по сосѣдству съ прибрежною полосою, занятою калмыцкими кочевьями. Область, гдѣ особенно центрируются калмыцкіе рабочіе — это область крупной промышленности: чѣмъ далѣе подвигаться на сѣверъ и востокъ, тѣмъ промышленность мельчаетъ [3]), число самостоятель-

[1]) Необходимо еще имѣть въ виду, что калмыки по контрактамъ работаютъ и въ Ставропольской губ., около г. Петровска, а слѣдовательно, на астраханскихъ промыслахъ должно считать не всѣ 6359 калмыковъ, а нѣсколько менѣе.

[2]) Въ Красноярскій у. калмыки, можно думать, не идутъ потому, что тамъ преобладаютъ морскіе промыслы, а калмыки предпочитаютъ рѣчные.

[3]) Рыбопромышленныя заведенія Астрах. губ. раздѣляются собственно на три вида: морскія ватаги и рѣчныя ватаги и «ловецкіе станы». Первые два типа предпріятій имѣютъ постоянныя прочныя постройки—казармы для промысловыхъ рабочихъ, ледники, амбары и пр.; «ловецкіе же станы»—это мелкій видъ промысловыхъ заведеній, безъ ледниковъ, съ шалашами для рабочихъ,

ныхъ хозяевъ рыбопромышленниковъ увеличивается, а размѣры предпріятій уменьшаются, поэтому, хотя, благодаря многочисленности мелкихъ хозяевъ и составляется контингентъ отдѣльныхъ предпринимателей въ 200 человѣкъ, но собственно главная рыбопромышленная производительность Астраханской губерніи сосредоточивается въ рукахъ немногихъ крупныхъ фирмъ, оперирующихъ по преимуществу южнѣе г. Астрахани, между которыми первыя мѣста принадлежатъ фирмамъ: Сапожниковыхъ, Воробьевыхъ, Хлѣбниковыхъ, Комовыхъ, Плотниковыхъ, Павловыхъ, Сурабекова, Сагирова, и вотъ всѣ эти крупныя фирмы и законтрактовываютъ въ неводныя работы калмыковъ, такъ что хотя калмыки въ качествѣ неводныхъ рабочихъ оказываются на промыслахъ лишь 42 владѣльцевъ изъ 200, но это не умаляетъ значенія предыдущаго положенія, что калмыки составляютъ преобладающій элементъ между неводными рабочими Астраханской губерніи.

в) Плата калмыкамъ рабочимъ, сравнительно съ другими рабочими. Контракты, заключенные рыбопромышленниками съ калмыками при наймѣ, дѣлятъ рабочихъ на три категоріи: а) подрядчики, б) спеціалисты рыбнаго дѣла: неводчики, носовщики, кормчіе, солельщики и пр. и в) собственно рабочіе,—и не одинаково назначаютъ плату лицамъ разныхъ категорій. (табл. I). Но собственно различіе въ платѣ относится не къ труду: всѣ категоріи рабочихъ въ періодъ лова несутъ одинаковый трудъ и по напряженію, и по времени, и размѣромъ платы въ этомъ случаѣ оцѣнивается не самый трудъ рабочихъ, а сопровождающія этотъ трудъ качества: такъ въ спеціалистахъ, занимающихъ по платѣ среднее мѣсто, надбавка противъ рядоваго рабочаго относится къ знанію, къ умѣнью вести, управлять рабочими снастями въ интересахъ успѣшности лова; въ подрядчикахъ, которые чаще всго бываютъ и неводчиками или же представителями другой спеціальности, и рѣдко рядовыми рабочими, надбавка и противъ второй категоріи рабочихъ составляетъ плату за предварительный трудъ и своего рода умѣнье подыскать рабочихъ и сгруппировать ихъ въ интересахъ рыбопромышленника, и только, слѣдовательно, одна категорія — эта рядовые рабочіе получаетъ плату исключительно за трудъ, употребляемый на уловъ рыбы. Эта третья категорія рабочихъ своею численностью чрезвычайно преобладаетъ и даетъ, такъ сказать, тонъ всей картинѣ на рыболовныхъ промыслахъ. Въ числѣ 9808 рабочихъ съ 1888 году находилось подрядчиковъ 606 человѣкъ или 7%, спеціалистовъ 568 или 5% и простыхъ рабочихъ 8634 или 88%, иначе на одного подрядчика около 14 рабочихъ и на одного спеціалиста 15 рабочихъ, но

производятъ ловъ нерѣдко составными семьями хозяевъ и вообще мало имѣютъ наемныхъ рабочихъ. По своей же численности послѣдній видъ промысловъ преобладаетъ: по свѣдѣніямъ Казен. Палаты въ числѣ 423 заведеній морскихъ ватагъ было 53, рѣчныхъ 175, а ловецкихъ становъ 195, т. е. почти половина общаго числа.

такъ какъ подрядчики въ процессѣ лова рыбы есть тѣ же спеціалисты, то вѣрнѣе сказать, что на одного спеціалиста приходится около 7,4 рабочихъ. Послѣдняя комбинація довольно вѣрно опредѣляетъ тѣ группы или партіи, на которые разбиваются неводные рабочіе въ дѣлѣ. Дѣло въ томъ, что на рыболовныхъ промыслахъ астраханской губерніи при каждомъ неводѣ полагается отъ 12 до 18 рабочихъ и не менѣе 2 спеціалистовъ, между которыми одинъ „неводчикъ“ и одинъ „пятчикъ“, при ловлѣ же въ морѣ и вообще на суднахъ, мѣсто пятчика замѣняетъ „носовщикъ“; работа въ неводной тягѣ длится не менѣе 12 часовъ и по преимуществу ночью, приблизительно съ 5 час. вечера и до 5 утра, изъ остальнаго времени часть уходитъ на починку невода и пр.

Трудъ рабочихъ, какъ показываетъ таблица I-ая у отдѣльныхъ рыбопромышленниковъ оплачивается не одинаково, хотя разница, впрочемъ выражается незначительными колебаніями вверхъ и внизъ противъ нормы, именно: по табл. I б) средній заработокъ въ день въ весеннюю путину 31 к., а въ осеннюю 29½ к.: при такой суточной платѣ рабочій въ весеннюю пору можетъ заработать 25 р. 71 к., въ осеннюю 38 р. 10 к., а въ весь рыболовный сезонъ, продолжающійся около 210 дней—способенъ выработать 63 р. 81 к. Чтобы понять значеніе всѣхъ этихъ цѣнъ необходимо сравнить ихъ съ общими цѣнами на рабочій день, въ Астраханской губ., въ періодъ лова рыбы. Къ сожалѣнію въ этомъ случаѣ встрѣчается серьезное препятствіе: биржевой цѣны на рабочихъ мнѣ неудалось получить и приходится довольствоваться личными наблюденіями по этому предмету въ теченіи 3 лѣтъ съ 1882 по 1885 г. Въ Астрахани зимою обыкновенно спросъ на рабочія руки бываетъ самый ничтожный, и въ это время, напр., поденный трудъ женщины колеблется отъ 25 до 30 к., со вскрытіемъ же Волги плата немедленно возвышается въ самомъ городѣ до 40—50 к. Это происходитъ совершенно не отъ увеличенія спроса на этотъ трудъ въ самомъ городѣ, а отъ того, что все рабочее населеніе города, которое могло только уйдти изъ города, уходитъ на внѣгородскіе заработки, на огороды, въ виноградники, но главное—на рыбные промыслы, и изъ трехъ лѣтъ, въ которые пришлось мнѣ наблюдать въ Астрахани, не было замѣчено какого-либо измѣненія въ этомъ отношеніи: всегда съ весной запросъ на рабочихъ бываетъ великъ и цѣны быстро возрастаютъ до невѣроятной высоты. Особенно возвышеніе цѣнъ на рабочія руки бываетъ громадное въ періодъ хода сельди—это въ теченіи 2—3 недѣль Мая. Въ это время мужской рабочій день оплачивается иногда 3 руб., а женскій 1 р 50 к.—2 р., но никогда вообще цѣна на рабочихъ въ астраханской губ. не бываетъ низка, и это потому. что мѣстныхъ рабочихъ въ астраханской губ., кромѣ инородцевъ—калмыковъ и киргизовъ совершенно недостаточно, рабо-

чія женщины нанимаются главнымъ образомъ въ сѣверной части губерніи — въ Царевскомъ уѣздѣ и на спеціальныхъ рыбовладѣльческихъ пароходахъ доставляются съ промысловъ, а мужчины — рабочіе являются сами въ Астрахань изъ верховыхъ губерній; но и тѣ и другіе рабочіе главнымъ образомъ находятся на промыслахъ лишь весеннюю путину, а въ концѣ Мая рабочее населеніе обыкновенно возвращается съ промысловъ въ мѣста своей осѣдлости на полевыя работы, особенно это относится къ женщинамъ рабочимъ, такъ что хотя въ осеннюю путину вообще дѣла рыболовства идутъ въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ въ весеннюю, но за то и предложенія рабочихъ рукъ въ это время бываетъ меньше, а благодаря этому, цѣна на рабочій трудъ на промыслахъ не падаетъ въ теченіи всего лѣтняго рыболовнаго сезона и можно съ увѣренностью сказать, что рабочій день въ среднемъ выводѣ, безъ различія пола, оплачивается лишнимъ рублемъ въ день, и слѣдовательно, въ 210 дней рыболовнаго времени можетъ дать заработка отдѣльному рабочему не менѣе 200 руб. при хозяйской квартирѣ, на хозяйскомъ продовольствіи, такъ какъ всѣ рыболовные рабочіе кормятся всегда хозяевами и проживаютъ въ хозяйскихъ казармахъ. По сравненію съ промысловыми рабочими калмыки оказываются поставленными въ менѣе благопріятныя условія: получая почти въ три раза меньше вознагражденія за свой трудъ, они не пользуются тѣми удобствами, какія имѣютъ промысловые рабочіе, живя въ казармахъ и неся только дневной трудъ. и потомъ несутъ несравненно болѣе тяжелый трудъ: работая постоянно въ водѣ, въ сырости, они тянутъ невода по преимуществу ночью, когда въ камышевыхъ плавняхъ устья Волги носятся тучи комаровъ: непривычный человѣкъ не въ силахъ переносить борьбы съ этимъ бичомъ и черезъ нѣсколько минутъ отъ уколовъ комаровъ впадаетъ въ лихорадочный ознобъ; калмыки же во время тяги невода, когда у нихъ обѣ руки бываютъ заняты, совершенно остаются не защищены по нѣскольку часовъ сряду отъ нападенія комаровъ.

Система задатковъ калмыцкимъ рабочимъ. При обзорѣ матеріаловъ о неводныхъ рабочихъ изъ калмыковъ, нельзя не остановиться также на вопросѣ о задаткахъ. Табл. I(а) указываетъ, что при наймѣ на работы, — а это бываетъ за мѣсяцъ и болѣе до начала работы, — калмыки получаютъ въ задатокъ отъ 33% до 79% условной платы, или въ среднемъ выводѣ всего 68%, а осенью 71% платы. Потомъ изъ остальной платы калмыки не рѣдко еще до окончанія работы получаютъ часть денегъ. Когда по контракту у Макарова („книга контрактовъ“ Яндыковскаго улуса, 1885 г., № 3) калмыки въ срокъ съ 1-го Марта и по 1-е Іюля договорены были за 61 р., при заключеніи контракта въ Февралѣ получили въ задатокъ по 46 р. и потомъ изъ остальныхъ 15 р., въ Маѣ получили еще по 6 р., слѣдовательно, при разсчетѣ за работу 1-го Іюля причиталось получить

всего по 9-ти р. Если же принять при этомъ во вниманіе, что по условіямъ контракта (Прилож. № VI—IX) на рабочихъ калмыковъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ работы могли быть еще насчитаны рыбопромышленниками *штрафы* за благоразумно предусмотрѣнныя во всѣхъ контрактахъ неисправности и потомъ *вычеты* за утрату хозяйскаго имущества, что тоже предусмотрѣно, то окажется, что по окончаніи работы калмыки возвращаются въ степь всегда безъ всякихъ заработковъ. Такое предположеніе въ значительной степени подтверждается еще слѣдующимъ конкретнымъ фактомъ: во время моего пребыванія въ Яндыковскомъ улусѣ мнѣ пришлось познакомиться съ ходомъ торговли зайсанга Яндыковскаго улуса Эльзете Кехшинова Этотъ Зайсангъ содержитъ около зимняго Большого Баруна-Керетова хурула лавку съ предметами, необходимыми въ быту калмыковъ: чаемъ, мукой, баранками, табакомъ и проч. Торговля ведется по преимуществу въ долгъ съ неводными рабочими и оказывается, что разсчетъ за забранный товаръ бываетъ два раза въ годъ: при полученіи задатковъ на весеннюю и зимнюю путину и никогда въ періодъ окончанія работъ на ватагахъ, напротивъ, въ это время, бываетъ заборъ товара въ долгъ подъ платежи будущаго года. Очевидно, что единственными моментами, когда рабочіе бываютъ при деньгахъ—является время полученія задатковъ, при разсчетахъ-же съ рыбопромышленниками они входятъ въ долги въ счетъ еще будущаго труда.

c) Пищевое продовольствіе рабочихъ-калмыковъ. Въ заключеніе обзора матеріаловъ о неводныхъ рабочихъ необходимо еще коснуться пищеваго продовольствія калмыковъ во время работъ. По тексту всѣхъ контрактовъ пищевое продовольствіе рабочихъ происходитъ отъ рыбопромышленниковъ и, какъ показываетъ табл. IV, оно состоитъ у отдѣльнаго рабочаго обыкновенно изъ 3 ф. хлѣба и $^2/_3$ ф. пшена въ сутки; пшено замѣняется въ случаѣ лова мелкой рыбой и $^1/_2$ доски кирпичнаго чаю во весь срокъ. Отступленіе отъ такой нормы выражается лишь въ незначительныхъ варіяціяхъ, напр., у однихъ рыбопромышленниковъ допускается брать исключительно тарань, другіе къ тарани прибавляютъ еще то одного леща, то двухъ, конечно полумѣрныхъ, въ сутки на отдѣльнаго рабочаго, третьи позволяютъ брать на каждаго одного лица, тарань или сапу, или леща и четыре тарани и т. д. Всѣ эти условія доступны пониманію каждаго безъ всякихъ разъясненій, кромѣ условія о кирпичномъ чаѣ.

Управляющій Икицохуровскаго улуса въ 1885 г. (оффиціальное донесеніе въ Главное Управленіе Калм. нар. 9 Декабря 1885 г. № 44) такъ разсчитываетъ траты на годовое продовольствіе семьи бѣднаго калмыка изъ 5-ти человѣкъ:

муки ржаной 30 пуд. по 1 р. — к. за пудъ—30 р.
и кирпичнаго чаю 24 доски по 2 р. 50 к. за пудъ—60 р., итого 90 р.

Подобный разсчетъ, какъ объ этомъ подробно будетъ говориться въ слѣдующей главѣ, весьма близокъ къ истинѣ. Полагая, что въ число пяти душъ трое дѣтей, которые вмѣстѣ могутъ быть приравнены къ двумъ взрослымъ, окажется, что на каждаго взрослаго бѣдно-живущаго калмыка требуется въ годъ $7^1/_2$ пуд. рж. муки и 6 досокъ чаю, т. е. по $^1/_2$ доски. Средній срокъ весенней путины (табл. I б.) 82 дня и согласно вышеуказанной нормы, на отдѣльнаго рабочаго требуется въ этотъ періодъ $1^3/_8$ доски чаю и $68^3/_4$ ф. муки; рыбопромышленники даютъ на 82-дневный срокъ $^1/_2$ доски чаю, 200 ф. печенаго хлѣба и $54^2/_3$ пшена, что равняется приблизительно 188 ф. муки, т. е. чаю менѣе противъ нормы ($1^1/_2$ доски) въ три раза, а муки болѣе (на $119^1/_4$ ф.) въ два раза. Такимъ образомъ, недостатокъ въ одномъ — въ чаѣ восполняется другимъ — мукой. Кирпичный чай калмыки пьютъ обязательно съ молокомъ и масломъ или саломъ, а за неимѣніемъ молока — съ однимъ масломъ или саломъ. На ватагахъ ни того, ни другаго не бываетъ, и чай неводные рабочіе пьютъ или безъ всякаго жира, или съ рыбьимъ, и въ этомъ случаѣ недостатокъ питательныхъ суррогатовъ въ чаѣ до извѣстной степени восполняется употребленіемъ въ пищу рыбы. Такимъ образомъ со стороны питательности неводные рабочіе поставлены если не въ особенно лучшія, то и не въ худшія условія, чѣмъ степные калмыки, хотя, конечно, нужно имѣть въ виду еще различіе при этомъ труда: спокойное занятіе пастуха - и напряженный мускульный трудъ неводнаго рабочаго.

Для рыбопромышленника указанное пищевое продовольствіе обходится для каждаго рабочаго: $^1/_2$ доски чаю — 1 р. 25 к. и 188 ф. муки - 4 руб. 75 к., всего 6 руб. въ теченіе одной путины.

№ 12. I. Орудія лова и ихъ цѣнность у отдѣльнаго вольнаго ловца.

1) Рыбацкая лодка („онгуца“). способная поднять 3—4 человѣка съ сѣтями. Такая лодка съ принадлежностями къ ней (веслами, цѣпью, шестами и проч.) стоитъ рублей 30 и можетъ служить для 7—8 лѣтъ работы.

2) Отъ 10 до 20 ставныхъ сѣтокъ. Ставная сѣтка („табыдыкъ кгельме“) имѣетъ ширины (или высоты) $1^1/_2$ саж., а длины отъ 12 до 17 саж. Ячейки сѣтей бываютъ различны, смотря по тому, для лова какой рыбы сѣть назначается,—напр. въ сѣти для леща и судака ячейки имѣютъ размѣръ семи пальцевъ („доланъ хургунъ“), для тарани шесть пальцевъ, а для красной рыбы — 8. По веревкѣ, прикрѣпленной къ верхнему концу сѣтки по всей длинѣ навязываются на опредѣленныхъ разсто-

яніяхъ одинъ отъ другаго поплавки изъ коры („балберъ“), на сѣткѣ въ 17 саж. длины бываетъ 8 „балберъ“. При установкѣ для улова въ водѣ сѣтка натягивается между двумя вбитыми въ дно кольями. Ставятъ сѣтку съ вечера, а „выдираютъ“ ее утромъ на зарѣ, и для этой работы необходимъ трудъ двухъ лицъ. При покупкѣ ставная сѣтка стоитъ рубля $1^1/_2$ безъ веревокъ и поплавковъ и способна служить хорошо только одинъ годъ или три „путины“, по выраженію ловцовъ, а далѣе необходимъ капитальный ремонтъ. Обыкновенно-же калмыки покупаютъ только пряжу, веревки и кору, а вяжутъ сѣти и снаряжаютъ ихъ сами.

3) Плавныя ѣтки („ноулгокдык кгельме„) для ловли стерляди. Эти сѣтки бываютъ, впрочемъ, далеко не у всѣхъ ловцовъ. Съ плавною сѣткой можетъ работать и одинъ человѣкъ.

4) Бредни („обга“) отъ 5-ти до 9-ти саж. длины и отъ $2^1/_2$ до 3 саж. ширины, которыми ловятъ калмыки рыбу не ради промысла, а на пищу семьѣ. Необходимость имѣть бредни обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что ими дозволяется ловить рыбу во всѣхъ водахъ и во всякое время года, тогда какъ сѣтями лишь въ разрѣшенныхъ участкахъ и не въ запретное время, (которое бываетъ съ мая по іюль), и потому бредни имѣются у большинства ловцовъ.

II. Условія сдачи рыбы на ватаги въ 1885 г.

1. На промыслахъ Сапожникова и Воробьевыхъ вольные ловцы сдавали:

а) судакъ („батаха“) и щуку („цурха“), которые ловятся съ Сентября и до замерзанія по 45 к. пудъ.

б) Лещъ („цуба“) весной по 10 р. съ 1000, а въ остальное время года по 30 к. съ пуда.

в) Сазанъ („сазынъ“) весной по 10 руб. съ 1000, а осенью по 25 коп. съ пуда.

г) Тарань („бара“) весною 4 р.

д) Севрюга („цакыръ“) по 2 руб. съ пуда.

е) Осетръ („бикре“) по 3 р.

ж) Стерлядь („шункурлыкъ“) по $2^1/_2$ р.

Разсчетъ за сданную рыбу у Сапожникова бываетъ по окончаніи мѣсяца сдачи, и въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ задатковъ, а если выдаются иногда задатки, то лишь рыболовными снастями—пряжей, корой и проч.

2. На промыслахъ Новикова вольные ловцы получаютъ задатки 5 р. деньгами и на 15 руб. съѣстныхъ продуктовъ и рыболовныхъ снастей, и сдача рыбы происходила на такихъ условіяхъ:

а) Судакъ весною 20 руб. за 1000 съ отбросомъ изъ каждой 1000 —150 рыбъ въ пользу хозяина, а осенью по 25 - 55 к. съ пуда.

б) Лещъ и щука по 15 р. за 1000 съ отбросомъ изъ каждой 1000 рыбъ 150 въ пользу хозяина, а осенью по 25—50 к. съ пуда.

в) Тарань 4 р.

г) Севрюга мѣрная яловая 1½ р. съ пуда, а икряная — 2 р. съ пуда.

3. У рыбопромышленника Бремзена вольные ловцы большею частью берутъ задатки, и берущіе задатки всегда остаются въ долгу у хозяина.

Примѣчанія. Вольными ловцами называются всѣ отдѣльные рыболовы, производящіе уловъ на свой страхъ и за свой счетъ. Обыкновенно такіе ловцы предварительно условливаются съ ближайшими къ мѣсту улова рыбопромышленниками о цѣнѣ пріема рыбы, но такія условія происходятъ безъ контракта. Это обстоятельство весьма затруднило собираніе свѣдѣній о вольныхъ ловцахъ—приходилось добывать ихъ при нарочитыхъ поѣздкахъ отъ самихъ ловцовъ, и добытыя этимъ путемъ данныя провѣрять свѣдѣніями знающихъ людей или разспросами на промыслахъ. По собраннымъ матерьяламъ оказывается, что вольные ловцы изъ калмыковъ распадаются еще на двѣ категоріи: собственно вольные ловцы, которые сдаютъ уловъ свой на тѣ изъ промысловъ, цѣны которыхъ считаютъ для себя наиболѣе выгодными, и *подрядные ловцы*, которые предварительно обязываются передъ рыбопромышленниками сдавать на ихъ промыслы весь свой уловъ въ теченіи года. Большинство вольныхъ ловцовъ принадлежитъ ко второй категоріи и они обыкновенно сдаютъ свой уловъ тѣмъ рыбопромышленникамъ, въ водахъ которыхъ промышляютъ. Независимыхъ вольныхъ ловцовъ не много среди калмыковъ и они, кромѣ всѣхъ другихъ расходовъ, несутъ еще расходъ на пріобрѣтеніе права лова передъ владѣльцами водъ. Дѣло въ томъ, что въ астраханскихъ степяхъ воды составляютъ или частную собственность, или общественную, или казенную, но въ послѣднихъ случаяхъ она отдается изъ года въ годъ рыбопромышленникамъ. Есть воды, принадлежащія къ калмыцкимъ владѣніямъ и находящіяся въ распоряженіи Главнаго Калмыцкаго Управленія, но послѣднее отдаетъ ихъ съ торговъ рыбопромышленникамъ въ долгосрочную аренду. Вотъ оффиціальныя данныя о рыболовныхъ статьяхъ, находившихся въ 1885 г. въ арендѣ (Изъ вѣдомости оброчныхъ статей и другихъ угодій по вѣдомству Калмыцкаго Управленія):

1. (Вѣдом. № 11). Калмыцкія рыболовыя воды, разбитыя на 4 отдѣльные участка:

а) Яндыко-промысловый отданъ въ аренду съ Января 1881 г. надворному совѣтнику фонъ-Бремзену, на 6 лѣтъ, за 1690 р. въ годъ;

б) Михайло-Зензелинскій находится въ арендѣ у Астраханскаго купца Сурабекова съ 1 Января 1883 г., на 6 лѣтъ, за 3033 р;

в) Басинскій находится въ арендѣ у купца Герасимова съ 1 Января 1881 г., на 6 лѣтъ, за 254 р. въ годъ;

г) Караванный находится въ арендѣ у мѣщанина Цвѣтня съ 1 Января 1881 г., на 6 лѣтъ, за 626 р. въ годъ.

2. (Вѣдом. № 12). Рыболовныя озера въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ находятся въ арендѣ у крестьянина Грачева съ 15 Сентября 1880 г., на 6 лѣтъ, по 495 р. 10 к. въ годъ.

3. (Вѣдом. № 14). Рыболовныя воды при ильменяхъ „ловецъ“ находятся у мѣщанина Батюшкина съ 5 Декабря 1880 года, на 6 лѣтъ, по 185 руб въ годъ.

Кромѣ того сданы въ аренду и нѣкоторыя земли калмыцкія, прилегающія къ частнымъ водамъ, напр.:

4. (Вѣдом. № 18). На бугрѣ Джильбурунъ участокъ сданъ купцу Новикову, на 6 лѣтъ, съ 1 Января 1884 г. по 20 р. въ годъ.

5. (Вѣдом. № 19), На урочищѣ Чингиръ (?) земля по берегу 100 саж., шириною 50 саж.—Астраханскому купцу Ѳедорову за 12 р. въ годъ.

6. (Вѣдом. № 10)	разные бугры—по цѣнѣ	за	20 р.
7. (Вѣдом. № 6)		„	125 р.
8. (Вѣдом. № 5)		„	25 р.
9. (Вѣдом. № 4)		„	57 р. въ годъ.

Изъ 19-ти участковъ 2 находились въ 1885 году въ арендѣ у калмыковъ, именно:

10. (Вѣдом. № 15). Ильмень Асланъ-Булукъ за 60 р. въ годъ.

11. (Вѣдом. № 13). Ильмень на Калмыцкомъ Бугрѣ за 85 р., на три года, съ 1 Января 1885 г.

Благодаря отдачѣ калмыцкихъ водъ и частію прибрежныхъ полосъ съ торговъ въ аренду, вольные ловцы оказываются вынужденными или поступать въ разрядъ подрядныхъ ловцовъ, или же платить за право улова аренду. Напр., въ 1885 г. нѣкоторые вольные ловцы Яндыковскаго улуса работали на купца Иванова, сдавая ему по вольной цѣнѣ рыбу, а ловили въ водахъ Бремзена, платя въ годъ за право лова отъ каждаго ловца по 30 р., но, впрочемъ, плата за право лова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понижается до 10 р. Понятно, что арендная плата значительно понижаетъ заработокъ ловцовъ. Обыкновенно уловъ между калмыками признается хорошимъ, если въ „отдѣльную путину“ получается валовой приходъ рублей 50 или въ три путины 150—200 руб. Но собственно вольные ловцы хорошо работаютъ только весну и осень, зимою совершенно не промышляютъ, а лѣтомъ уловъ всегда плохой. Изъ этого валоваго заработка ежегодно уходитъ значительный % на рыболовыя снасти. Снаряженіе ловцу (Прил. № 1) въ первый годъ стоитъ болѣе 60 руб. (лодка около 30 руб. и 20 сѣтей—

по рублю, при своемъ трудѣ), а въ послѣдующіе 7—8 лѣтъ—ежегодно рубл. около 30. Такимъ образомъ, на содержаніе семьи и платежи повинностей изъ 150—200 руб. валоваго заработка остается 100—150 руб.

№ 13. Число кибитокъ Малодербет. ул., кочевавшихъ въ степи и внѣ ея въ началѣ 70-хъ годовъ.

	Роды сѣверной части Дербет. ул.	Общее число кибитокъ	Кибитокъ кочующихъ въ степи	Внѣ калмыцкихъ степей
1	Абганеръ-Барунъ-Кетчинеровъ . . .	491	491	—
2	„ Хапчиновъ	149	149	—
3	„ Асматовъ	213	205	8
4	„ Аванкиновъ	225	185	40
5	„ Бакшинкиновъ	236	211	25
6	Боргосовъ	вмѣстѣ съ № 18—22		
7	Бога-Бохусовъ	87	72	15
8	Ики-Бохусовъ	253	243	10
9	Зетовъ	127	117	10
10	Тебектинеровъ	55	55	—
11	Туктунъ-Талтанкиновъ	374	295	79
12	„ Какинкиновъ	вмѣстѣ съ № 14		
13	„ Сарлакиновъ	95	74	21
14	„ Маштанакиновъ	105	105	—
15	„ Нетебчекинъ-Тукчинеръ . . .	104	104	—
16	Ики-Дозаманскиновъ	22	22	—
17	Бога-Докзаманкиновъ	162	162	—
18	„ Шошалдакиновъ			
19	„ Цоросовъ			
20	„ Кадженкиновъ	542	542	—
21	„ Заргакиновъ			
22	„ Лагировъ			
23	Капканкиновъ	21	21	—
24	Хапчинеровъ	87	75	12
25	Бага-Хуруловъ	260	240	20
26	Дунду-Хуруловъ	813	743	70

27	Ики-Хуруловъ	450	450	—
28	Бага-Макланъ-Шабинеровъ	97	97	—
29	Бакшинъ „	289	279	10
30	Деде-Ламинъ „	117	92	25
31	Ики-Манланъ „	119	109	10
32	Шарнутъ-Чаносовъ	245	245	—
33	Шаретовъ	36	36	—
34	Въ поселкѣ Червленомъ	102	102	—
	Итого	5876	5521	355

	Роды южной части Дербет. ул.	Общее число кибитокъ	Въ степи	Внѣ степи
1	Абганеръ-Кюбчатовъ	69	38	31
2	Бага-Баруновъ.	18	10	8
3	Бурулъ-Дорджигакиновъ	59	14	45
4	„ Джончабакиновъ	123	60	63
5	„ Шудючинеровъ.	64	25	39
6	„ Джеджикиновъ.	92	45	47
7	„ Малланкиновъ	34	8	26
8	„ Баганкиновъ	86	46	40
9	Бекъ-Маджинкиновъ	78	9	69
10	Зюнъ-Бюдюрмесовъ	42	30	12
11	Даджинкиновъ	43	31	12
12	Зетъ-Кебютовъ.	53	43	10
13	Ики-Кебютовъ	138	27	111
14	Келокетовъ	122	122	—
15	Маджекинковъ	246	107	139
16	Нантикиновъ	147	142	5
17	Ностанкиновъ	57	9	48
18	Ольчанкиновъ	25	10	15
19	Оргакиновъ.	206	125	81
20	Хара-Талгакиновъ.	11	9	2
21	Ульдучиновъ	666	604	62

22	Хатханеровъ	125	114	11
23	Бага-Чоносовъ	464	464	—
24	Ики-Чоносовъ	359	359	—
25	Богданкинъ-Шабинеровъ	68	21	47
26	Мамадутъ-Шабинеровъ	34	7	27
27	Крещ. калм. на Бислюртѣ	90	90	—
	Итого	3519	2569	950
	Всего въ улусѣ . . .	9395	8090	1305

Примѣчаніе къ приложенію № 13. Свѣдѣнія, вошедшія въ таблицу прилож. № 13, извлечены изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ о хозяйственномъ положеніи калмыковъ Мало-Дербетовскаго улуса и относятся къ началу 70-хъ или-же къ концу 60-хъ годовъ. Какъ оказывается, 20 лѣтъ тому назадъ, изъ Мало-Дербетовскаго улуса жило внѣ его, находясь на постоянныхъ работахъ въ сосѣднихъ со степью поселеніяхъ 1305 кибитокъ или болѣе $^1/_7$ общаго числа кибитокъ. Слѣдуя выводамъ прилож. № 9 (выводн. табл.) въ 1305 кибиткахъ можно предполагать 4698 д. нас., между которыми 2300 мужчинъ, и изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ приблизительно 1150. По условіямъ выборки билетовъ калмыки, живущіе въ теченіе года внѣ улуса, обязаны два раза выбирать билеты, и слѣдовательно, представителями 1305 кибитокъ ежегодно выбиралось не менѣе 1610 билетовъ. Съ того времени, къ которому относятся свѣдѣнія таблицы экономическая жизнь въ степи не ослабила въ населеніи потребность ухода на работы за предѣлы калмыцкой земли, а скорѣе увеличила ее, а между тѣмъ въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ за послѣднія 20 лѣтъ населеніе возросло (сравн. табл. пригож № 13) на 352 киб. или на 1240 душъ, и совершенно естественно предположеніе, что въ данное время число кибитокъ Мало-Дербетовскаго улуса, живущихъ внѣ калмыцкой степи, не уменьшилось, а увеличилось, а вмѣстѣ съ этимъ увеличились и количества выбираемыхъ ими документовъ. Но если даже оставить и для изслѣдуемаго времени цифру выбираемыхъ билетовъ прежнюю 1610, то и въ этомъ случаѣ окажется, что изъ общей цифры билетовъ, выбираемыхъ въ 1885 г. по Дербет. ул., т. е. 3320 (Прилож. № 10 т. 1) на долю калмыковъ, живущихъ постоянно на сторонѣ, придется почти половина общаго числа билетовъ, отдѣльно-же для южной и сѣверной части улуса получаются такіе показатели: а) въ южной части изъ общаго числа 1787 билетовъ, выбранныхъ въ 1885 году

выбрано калмыками, живущими на сторонѣ 1900 билетовъ, т. е. что въ этой части улуса билеты выбираются исключительно калмыками первой категоріи и что часть этихъ калмыковъ проживаетъ на сторонѣ безъ выбиранія билетовъ и б) въ сѣверной части изъ 1537 билетовъ калмыками, живущими постоянно внѣ улуса, выбирается 710 билетовъ, а остальная, большая половина билетовъ выбирается на срочныя отлучки за предѣлы улуса; хотя, конечно, всѣ изложенныя предположенія имѣютъ только относительное значеніе, но они, какъ и всякая, болѣе или менѣе вѣроятная, гипотеза, указываютъ путь для рѣшенія занимающаго насъ вопроса,—къ чему примѣняютъ калмыки свой трудъ, и въ частности калмыки, уходящіе за предѣлы степей. Какъ уже и указано было, Мало-Дербетевскій улусъ окруженъ осѣдлымъ великорусско-малорусскимъ населеніемъ, которое, хотя и обработываетъ землю подъ посѣвы, но главнымъ образомъ ведетъ скотоводческое хозяйство. Полоса подобнаго хозяйства простирается отъ границъ Дербетовскаго улуса въ Ставроп. губ. и земли В. Донск. не на десятки, а на сотни верстъ, и потому трудно предположить, чтобы калмыки, уходя изъ степи, въ поискахъ за работой шли дальше полосы скотоводческаго хозяйства, и чтобы калмыки, находя заработки въ предѣлахъ этой полосы, могли отдавать свой трудъ чему-либо другому (здѣсь не говорится объ исключеніяхъ), кромѣ скотоводческихъ занятій, которыя составляютъ для нихъ родную стихію и въ которыхъ вообще калмыки цѣнятся всѣми сосѣдними національностями: калмыки лучшіе пастухи и самые опытные табунщики. И потому естественнѣе всего предположить, что калмыки Дербетовскаго улуса, постоянно проживающіе на сторонѣ, главнымъ образомъ нанимаются тамъ для ухода за скотомъ, на это указываетъ еще и то обстоятельство, что именно пастухи уходятъ на работы со своими семьями, тогда какъ рабочіе на рыболовныхъ и соляныхъ промыслахъ, а равно и всѣ рабочіе, имѣющіе на сторонѣ заработокъ лишь въ опредѣленное время, какъ косари, жнецы и пр. уходятъ преимущественно безъ семей.

№ 14. Общественные запасы сѣна.

Общественные запасы сѣна существуютъ съ 81 года—5 лѣтъ. Ежегодно дѣлается раскладка, кого обязать доставить 1 возъ сѣна, кого отъ этой повинности по болѣзни или бѣдности и вообще по недостатку рабочихъ рукъ и перевозочныхъ средствъ освободить. Сѣно это припасается для рогатаго скота, мелкихъ стадъ барановъ и рабочихъ лошадей. Крупные-же гурты и табуны должны перегоняться въ снѣжныя зимы на черныя земли. Тяжелыхъ зимъ еще не было съ начала этого учрежденія. Но предполагается въ данномъ случаѣ распредѣлить общественное сѣно между бѣднѣй-

шими и между наиболѣе нуждающимися аймака въ количествѣ пропорціональномъ степени нужды, безразлично, вносилъ или нѣтъ кто изъ нихъ за предыдущіе года свой пай въ общественные запасы. Въ прошлыя зимы, которыя были вообще благополучны, сѣно выдавалось (и такъ постановлено дѣлать впослѣдствіи) заимообразно кому угодно изъ одноаймачныхъ съ обязательствомъ возврата свѣжимъ сѣномъ и вдвойнѣ. Такимъ образомъ, сѣно постоянно замѣняется новымъ, а количество его помимо паевъ, увеличивается уплатой долга съ процентами 100 на 100. Примѣняется для увеличенія запаса еще слѣдующее средство: если хотятъ подвергнуть кого наказанію, штрафуютъ сѣномъ въ пользу общественнаго магазина. Также наказываютъ, если кто-либо продаетъ сѣно на сторону. Послѣдніе обязаны, если вынуждены обстоятельствами продать свое сѣно, заявить объ этомъ въ родѣ особому надзиратеою за общественнымъ сѣномъ. Тотъ отыскиваетъ покупателя въ аймакѣ, а если таковаго не окажется, то сообщаетъ зайсангу Дундукову, который или покупаетъ самъ сѣно, или разрѣшаетъ его продать, смотря по качеству и мѣстонахожденію сѣна. Какъ видно изъ вышесказаннаго за порядкомъ въ этомъ дѣлѣ наблюдаетъ особо выбранный надзиратель. Сѣно сложено въ трехъ мѣстахъ, для сохраненія-же его назначенъ караульщикъ. Для предупрежденія поджоговъ и воровства постановлено вообще, чтобы за поджоги зимниковъ и сѣна отвѣчалъ весь аймакъ. Такимъ образомъ потеря вознаграждается и преступники преслѣдуются всѣмъ обществомъ, вслѣдствіе чего преступленіе и безполезно и опасно. Въ настоящее время имѣется отъ 1000 до 15700 валовыхъ возовъ общественнаго сѣна. Зайсангъ Дундуковъ, пожертвовавъ нѣсколько стоговъ для почина, самъ отъ участія въ пользованіи общественнымъ запасомъ отказался. Въ другихъ родахъ мѣра эта не прививается.

(Свѣдѣніе это сообщено Евгенъ Убуши Дундуковымъ, но не провѣрено 1885 г. 3 сент. Попеч. сѣв. части Дербет. ул. Вл. Хлѣбникову, а послѣдній рукопись свою передалъ въ мое распоряженіе).

№ 15. Случай спора за сѣнокосы въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса [1]).

Тенгутинское общество Бакшинъ-Шебинерова рода аймачнымъ приговоромъ 30 апрѣля сего 1885 года заявило, что оно находитъ для себя возможнымъ уступку Джамбаеву только той земли, которая занята садомъ Джамбаева; садъ на участкѣ занимаетъ одну десятину, двѣ десятины занимаетъ огородъ, двѣ—удобная цѣлина, 3 1/2—земля неудобная для культуры

[1]) Сообщено попечителемъ Вл. Алексѣев. Хлѣбниковымъ.

и 1 1/2 десятины занимаетъ сѣнокосъ; при разспросѣ нѣкоторыхъ почетныхъ калмыковъ Бакшинъ-Шебинерова рода Тенгутинскаго общества выяснилось, что послѣднее, составляя приговоръ, имѣло въ виду этимъ приговоромъ оставить за собою право общаго пользованія сѣнокоснымъ мѣстомъ имѣющимся среди участка, занятаго Джамбаевымъ; но и этотъ пунктъ, какъ видно изъ протокола, въ настоящее время не можетъ послужить препятствіемъ къ отводу всего участка, просимаго Джамбаевымъ; послѣдній сѣнокосное мѣсто своего участка получаетъ отъ общества въ постоянный пай на свою кибитку и отказывается отъ своего права на сѣнокосный пай на свою кибитку на землѣ общаго пользованія калмыковъ Тенгутинскаго общества.

Рѣчка Хара-Усунъ, русло которой зигзагообразно и съ развилинами расположено на двѣ балки того же названія, имѣетъ воду на всемъ протяженіи только весною во время таянія снѣговъ, постоянныхъ же и обильныхъ водою ключей имѣется въ этомъ руслѣ только два, изъ коихъ одинъ входитъ въ составъ испрашиваемаго участка и необходимъ для орошенія плантаціи, другой же находится значительно выше участка. При обиліи воды на урочищѣ Тенгутинъ отводъ этого ключа въ единоличное пользованіе Джамбаева не можетъ нанести ущербъ скотоводству сосѣднихъ калмыковъ, что признаютъ и послѣдніе. Отчужденіе Джамбаеву части рѣки, входящей въ составъ участка, какъ водовмѣстилища, для сосѣднихъ калмыковъ и представляетъ стѣсненія. Отказъ же свой въ составленіи приговоровъ на предоставленіи Джамбаеву участка въ исключительное пользованіе Тенгутинскіе калмыки мотивируютъ слѣдующимъ образомъ: „Общество наше, говорятъ они, бѣдно сѣнокосными мѣстами, а въ послѣдніе неурожайные года пай на кибитку давалъ 1 1/2 копны, такъ что скотоводамъ приходится или покупать сѣно или рисковать потерею скота въ суровую зиму; каждый клочекъ сѣнокоснаго мѣста намъ дорогъ; въ настоящее время сѣно въ балкѣ Хара-Усунъ родится только по руслу рѣчки, а прежде, въ года обильные снѣговыми водами, послѣднія выступали изъ береговъ рѣчки, орошали значительную часть дна балки, которая давала до пяти и болѣе стоговъ сѣна, на участкѣ же, просимомъ Джамбаевымъ, накашивалось сѣна около стога и нѣсколько больше. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что плантація и садъ при хорошемъ уходѣ даютъ гораздо болѣе дохода, чѣмъ сѣнокосное мѣсто той же площади, мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы нашъ инородецъ Джамбаевъ занимался воздѣлываніемъ испрашиваемаго участка и разведеніемъ плангацій и сада даже на сѣнокосныхъ мѣстахъ, входящихъ въ составъ послѣдняго, но пусть онъ беретъ себѣ земли только столько, сколько ему нужно и увеличиваетъ участокъ по мѣрѣ надобности; мы согласимся и на отводъ испрашиваемаго Джамбаевымъ и обрытаго имъ такового участка, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ Джамбаевъ не имѣлъ правъ еди-

ничнаго пользованія сѣнокосными мѣстами этого участка, какія останутся незанятыми Джамбаевымъ подъ садъ или плантацію, а чтобы эти сѣнокосныя мѣста оставались въ общемъ пользованіи общества, которое при ежегодномъ раздѣлѣ сѣнокосныхъ мѣстъ родовой земли на паи по числу кибитокъ предоставитъ Джамбаеву право брать на свою долю тотъ пай, въ который войдутъ сѣнокосныя мѣста его участка, если на послѣднемъ не окажется болѣе одного пая, въ противномъ же случаѣ на остальные паи должны быть допущены другіе члены родоваго общества.

(Извлеченіе изъ приговора и замѣтка о немъ составлены и переданы въ мое распоряженіе Попеч. Малодерб. улуса Вл. А. Хлѣбниковымъ).

Приложеніе № 16-й.

Садовыя и табачныя плантаціи исключительно можно встрѣчать лишь въ Малодербетовскомъ улусѣ въ предѣлахъ Эргеней и отчасти на урочищѣ „Большая лощина“, расположенной на грани улусовъ: Малодербетовскаго, Богацохуровскаго, Харахусовскаго, и кромѣ того въ Александровскомъ улусѣ, но все это лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ и въ зачаточномъ видѣ. Собственно серьезно садоводство, какъ равно и другіе виды земледѣльческаго хозяйства, поставлено у владѣльца Малодербетовскаго улуса, нойона Тундутова, гдѣ и площадь культуры довольно обширна и къ обработкѣ земли прилагаются болѣе усовершенствованные пріемы и орудія — плуги, вѣялки, молотилки и пр. У г. же Тундутова разведенъ порядочный садъ съ виноградниками и школой садоводства; существуетъ паровая машина для поливки сада и устроена небольшая водяная мельница. Вообще хозяйство нойона Тундутова уже въ данное время имѣетъ формы хозяйства русскаго состоятельнаго помѣщика. Болѣе или менѣе устроены садовыя, огородныя плантаціи въ Малодербетовскомъ улусѣ, въ Червленомъ поселкѣ, на Тингутѣ, на Арманѣ, Амтѣ Бургустѣ (зайс. Кутузова и Эмчи мѣстнаго) на ур. Дунду-Нуръ (зайс. Дундукова), на Большой лощинѣ (садъ калмыка Болячки), въ Александровскомъ улусѣ (садъ и огородъ владѣльца Батоша Тюменя).

Садоводствомъ занимаются болѣе богатые люди, бѣдняки же предпочитаютъ табаководство. Но и при небольшихъ размѣрахъ садоводства, огородничества и табаководства сами калмыки своимъ трудомъ и своимъ скотомъ и орудіями рѣдко воздѣлываютъ землю, чаще же всего представляютъ ее аренду татарамъ, рѣже русскимъ, а за землю и за труды по обводу культурныхъ мѣстъ канавами получаютъ ренту, обыкновенно въ видѣ половины цѣнности годоваго продукта.

Большій районъ въ данное время захватываетъ хлѣбопашество: кромѣ Дербетовскаго улуса хлѣбныя поля можно встрѣтить въ Богацохуровскомъ улусѣ (главн. обр. зайс. Онкорова), въ Икицохуровскомъ улусѣ въ аймакѣ зайсанга Убуши Шагаева Цатхинова рода, въ видѣ попытокъ и въ Яндыковскомъ улусѣ, гдѣ въ 1886 г. сѣяли просо и овесъ гилюнгъ Шабинерова хурула и одинъ калмыкъ торговецъ изъ Керетова рода. Исторія земледѣлія систематичнаго въ калмыцкой степи весьма недавняя, не ранѣе 1878 г. и едва ли не первыми въ этомъ отношеніи, кромѣ нойоновъ Тундутовскихъ и Тюменей, начинателями слѣдуетъ считать крещеныхъ калмыковъ въ южной части Малодербетовскаго улуса, а въ сѣверной — калмыковъ Червленаго поселка, особенно семью Кунановыхъ. Крещеные калмыки стали заводить хлѣбныя поля подъ вліяніемъ администраціи, которая обѣщала въ случаѣ развитія у нихъ земледѣлія надѣлъ и помогала, какъ сѣменами на посѣвъ, такъ и деньгами на обзаведеніе хозяйственнаго инвентаря; но хлѣбопашество все-таки мало прививается отчасти въ силу непривычки калмыковъ къ земледѣльческому срочному труду, отчасти же и подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Напр. семья крещенаго калмыка Манцына Ульдучинова рода аймаку зайсанга Джанчи Трухметова на ур. Бислюрта хлѣбопашествомъ стала заниматься съ 1878 г. и сѣютъ изъ года въ годъ рожь, пшеницу и просо; но вотъ результаты: первый посѣвъ съѣла саранча, въ 1880 г. хлѣба своего хватило только на прокормленіе; въ 1885 г. едва вернулись сѣмена, а въ 1886 г. полный неурожай, т. е. изъ 8 лѣтъ урожаи были только въ четыре года.

Кромѣ того значительная часть посѣвовъ вытравляется подкочевывающими калмыками. Если нѣкоторые изъ крещеныхъ калмыковъ не бросали совершенно земледѣльческаго хозяйства, то поддерживаютъ его лишь для видимости въ надеждѣ получить отрубные земельные надѣлы. Такъ калмыки изъ хотона Ив. Бережкова и Чиликова сами не имѣютъ и орудій производства и лично не участвуютъ въ трудѣ, а за нихъ работаютъ сосѣдніе русскіе рабочіе и плуги; въ хотонѣ Манцына изъ 4-хъ взрослыхъ мужчинъ только одинъ третій сынъ ходитъ за плугомъ. Тоже самое повторяется и въ Червленомъ поселкѣ: никто изъ 30 почти хозяевъ не ведетъ самостоятельнаго хозяйства, а одинъ обрабатываетъ поля наемными русскими рабочими, а другіе исполу, сами же почти всѣ уходятъ изъ году въ годъ на заработки въ колонію Сарепту.

Приложеніе № 17.

Въ Августѣ 1886 года, на Ярмаркѣ въ с. Тундутовѣ (вблизи сѣв. Малодербетовской ставки), которую я осмотрѣлъ, было привезено: двѣ телѣги

съ „харачи“ (кругами) для кибитокъ, изъ Черноярскаго уѣзда, пять телѣгъ съ дверями для кибитокъ, — „укюками“ (особый видъ калмыцкихъ шкафовъ) и простыми сундуками изъ г. Царицына Сарат. губ. и Черноярскаго уѣзда, 6 телѣгъ съ унюнами (шестами для рѣшетокъ) и матеріаловъ для кибиточныхъ рѣшетокъ, были также привезены и готовыя рѣшетки, телѣги съ кошмами. Тамъ разбиты были палатки съ кирпичнымъ чаемъ, сушками и простыми лакомствами, палатки съ краснымъ и желѣзнымъ товаромъ. Между прочимъ устроено было 20 очаговъ, гдѣ готовился „шулюмъ (супъ калмыцкій), и при нихъ разбиты палатки для ѣды. Однимъ словомъ, почти вся ярмарка была наполнена исключительно предметами потребленія калмыковъ, и это совершенно понятно, потому что главный контингентъ ярмарочнаго населенія составляли калмыки, пригнавшіе сюда стада овецъ, рогатаго скота, приведшіе на продажу лошадей и верблюдовъ. Некалмыцкая публика, кромѣ продавцовъ исчисленныхъ выше предметовъ, покупатели калмыцкаго скота. Тѣ лица, съ которыми мнѣ приходилось говорить о характерѣ ярмарокъ вблизи степи, утверждаютъ, что и всѣ окрестныя ярмарки идентичны съ ярмаркой въ селѣ Тундутовѣ, и нѣтъ основаній не довѣрять имъ.

Въ городахъ, расположенныхъ вблизи степи и сколько-нибудь торговыхъ поселеніяхъ на правой сторонѣ Волги, какъ напр., въ колоніи Сарептѣ торговля вездѣ разсчитана на потребителей калмыцкихъ степей: у мѣстныхъ торговцевъ вездѣ можно найти не только калмыцкій чай, потребляемыя калмыками сушки, но также кошмы, унюны, сундучки, „харачи“, рѣшетки, сѣдельныя луки въ калмыцкомъ вкусѣ, не говоря уже о матеріалѣ для этихъ предметовъ. И важно то, что нѣкоторыя изъ кибиточныхъ принадлежностей выдѣлываются не на мѣстѣ, а приготовляются далеко отъ степей, напр. въ Казанской губ., откуда на баржахъ ежегодно сплавляется въ Астраханскую губ., масса, напр., круговъ для кибитокъ. Нечего и распространяться уже о томъ, что кибиточныя принадлежности ввозятся и въ самую степь, такъ называемыми „доргадыкай“, путешествующими торговцами.

Кромѣ вещей, употребляемыхъ для построенія кибитокъ, и предметовъ изъ калмыцкой мебели, вездѣ—и на ярмаркахъ, и въ лавкахъ сосредоточена масса посуды калмыцкой и чашекъ (ага), и другой калмыцкой посуды, и интересно, что лучшая посуда, наиболѣе цѣнимая калмыками,—это чашки древеснаго наплыва, или корня, ввозятся въ степь въ совершенно готовомъ видѣ армянами изъ предѣловъ Кавказа. Такимъ образомъ, районъ производителей деревянныхъ предметовъ, употребляемыхъ въ калмыцкой степи простирается въ данное время отъ Кавказа до Казанской губерніи. Подобно этому находится внѣ калмыцкой степи не мало производителей и другихъ предметовъ для калмыковъ, напр. изъ серебряныхъ издѣлій: пояса, серьги,

кольца — производятся въ Астрахани, въ Царицынѣ и еще болѣе ввозятся изъ предѣловъ Кавказа, чашки жертвенныя („теклынъ-цекце"), сосуды для аршана, „манра" и пр. принадлежности богослуженія, кромѣ Астрахани, приготовляются ювелирами г. Воронежа и особенно Москвы. Желѣзныя вещи для калмыковъ исключительно теперь готовятся внѣ предѣловъ степи, причемъ, напр. котлы выдѣлываются внѣ предѣловъ Астраханской губерніи, хотя готовятся во всемъ согласно вкусу калмыковъ — безъ ободковъ дужекъ и съ ушками. Появленіе производителей ремесленныхъ издѣлій для калмыковъ внѣ предѣловъ степи естественно повлекло за собою уменьшеніе степныхъ ремесленниковъ, которые не могли конкурировать ни въ качествахъ предметовъ, въ изяществѣ, ни тѣмъ болѣе дешевизнѣ. Калмыцкая степь не даетъ никакого матеріала для мужчинъ ремесленниковъ: ни желѣза, ни дерева, — и то и другое должно быть ввезено предварительно въ степь отъ сосѣдей; а это удорожило произведенія калмыцкихъ мастеровъ сравнительно съ мастерами калмыцкихъ предметовъ за предѣлами степи въ силу того естественнаго и неизбѣжнаго закона, что ввозъ предметовъ въ сыромъ видѣ обходится всегда дороже, чѣмъ въ обработанномъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ не затрачивается труда и капитала на перевозку тѣхъ частей матеріала, которыя при обработкѣ будутъ удалены. Но было еще и другое, можетъ еще болѣе сильнее средство для удорожанія предметовъ калмыцкихъ мастеровъ — это несовершенство ихъ орудій производства, что очевидно изъ одного поверхностнаго пересмотра самыхъ орудій калмыцкихъ столяровъ, слесарей, серебряковъ и пр.

Невозможность конкуренціи степныхъ мастеровъ съ мастерами, работающими за ея предѣлами, гдѣ есть въ изобиліи матеріалы для производства, породила между прочимъ и то явленіе, что оставшіеся калмыцкіе мастера концентрировались, такъ сказать, вокругъ степи на ея периферіяхъ: они теперь встрѣчаются болѣе всего на Калмыцкомъ Базарѣ, въ Черняхъ, въ Поволжьѣ и на окраинахъ Малодербетовскаго улуса, и при этомъ чѣмъ громоздче матеріалъ для производства, тѣмъ обработывающіе его калмыцкіе мастера встрѣчаются ближе къ окраинѣ, напр. серебряники среди калмыковъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ центральныхъ степяхъ чѣмъ столяры, которые стремятся къ окраинамъ, напр. на Калмыцкомъ Базарѣ въ 1886 г. мною было насчитано около десяти мастеровъ кибиточныхъ рѣшетокъ, дверей, унюновъ и пр., при этомъ здѣсь калмыцкіе мастера свои традиціонныя орудія замѣнили болѣе спорыми въ производствѣ инструментами: есть у нихъ и рубанокъ, и шершебель, и коловротъ, и долото и пр.

Ир. Житецкій.

ПИЩА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

(Страница по этнографіи).

И. А. Житецкаго.

Этнографія, изслѣдуя пищу какого либо народа, племени или вообще человѣчества въ различныхъ отношеніяхъ—(со стороны вліянія пищи на физическое здоровье населенія или по роли пищи на физическое здоровье населенія, или по роли пищи въ семейно-общественномъ ритуалѣ и т. д.), между прочимъ слѣдитъ за воздѣйствіемъ пищи на культурную жизнь народа, ставя въ непосредственную связь интеллектуальныя силы населенія, задатки и способности его къ культурѣ, къ прогрессу—съ его питаніемъ. (1 примѣч.).

Такая задача этнографіи, разрѣшимая лишь на сравнительно-исторической почвѣ, создаетъ положительную необходимость въ обнародованіи и обработкѣ историческихъ матеріаловъ о пищѣ отдѣльныхъ народностей. Удовлетвореніе по возможности послѣдняго требованія этнографіи по отношенію къ астраханскимъ калмыкамъ и составляетъ задачу настоящаго сообщенія, которое имѣетъ въ виду представить, въ формѣ подбора и систематизаціи матеріала,—питаніе астраханскихъ калмыковъ въ связи съ исторіей ихъ пищи.

Калмыки, подъ своимъ теперешнимъ названіемъ, извѣстны лишь съ XVII ст., т. е. на разстояніи всего трехъ вѣковъ.

Ранѣе XVII ст. калмыки сливались въ названіи, и, вѣроятно, въ жизни съ обще-монгольскимъ племенемъ подъ именемъ монголовъ, мунгаловъ, и ошибочно татаръ. Но хотя данныя изъ жизни калмыковъ до XVII в. относятся поэтому къ такой эпохѣ, когда они еще несоставляли отдѣльной этнологической группы, а поглащались тѣмъ кочевымъ средне-азіатскимъ племенемъ, которое путемъ естественной дифференціаціи выдѣлило изъ себя и калмыковъ европейскихъ, и алтайскихъ, и бурятъ, и разныхъ другихъ названій теперешнихъ монголовъ,—но тѣмъ не менѣе историческія данныя этого періода для пониманія разныхъ сторонъ жизни астраханскихъ калмыковъ не менѣе важны, чѣмъ и данныя позднѣйшаго періода, когда калмыки обособились уже въ отдѣльную народность. Дѣло въ томъ, что при всякой дифференціаціи народа или племени основныя типичныя черты жизни его не исчезаютъ безслѣдно, а продолжаются долгое еще время, если не всегда, въ производныхъ народностяхъ—то въ своихъ первоначальныхъ чистыхъ формахъ, то въ формахъ видоизмѣненныхъ—параллельно съ тѣми особен-

ностями, которыя и выдѣлили эти производныя изъ племени — родоначальника. Только благодаря этому обстоятельству и получается возможность прослѣдить за питаніемъ калмыковъ не только въ теченіи трехъ вѣковъ ихъ существованія подъ ихъ настоящимъ именемъ, но и на пространствѣ 6—7 вѣковъ, начиная съ XIII ст., къ которому относятся первыя извѣстія о пищѣ.

Наиболѣе раннія свѣдѣнія о пищѣ калмыковъ даетъ русская лѣтопись *), въ которой находятся прямыя указанія на употребленіе у монголовъ кумыса („кобылій кумузъ“) и потомъ еще пшеницы и проса. Можно также предполагать, основываясь на извѣстіяхъ лѣтописи о составѣ скотоводческаго хозяйства монголовъ, объ употребленіи въ пищу монголами мяса рогатаго скота, овецъ, лошадей и даже верблюдовъ. Сохранился въ лѣтописи еще и фактъ людоѣдства, хотя, впрочемъ, и вынужденнаго. (2 прим.). Но этотъ единичный фактъ лѣтописи, равно какъ и сдѣланное предположеніе объ употребленіи мяса монголами выясняется указаніями другихъ историческихъ источниковъ, сохранившихъ гораздо болѣе свѣдѣній о пищѣ монголовъ. Такъ Плано Карпини **) согласно съ лѣтописью указываетъ на употребленіе въ пищу монголами „пшена“, „проса“, „кумыса“ и затѣмъ еще молока овечьяго, козьяго, коровьяго, верблюжьяго и мяса. Интересно, что мясо монголы, по описанію Плано-Карпини, ѣли только въ вареномъ видѣ вмѣстѣ съ бульономъ. При этомъ монголы способны были ѣсть всякое мясо, даже мясо собакъ, волковъ, лисицъ и лошадей, а при нуждѣ и человѣческое, не брезгали даже мышами и вшами. „Хлѣба у монголовъ, говоритъ авторъ, нѣтъ; ни зелени, ни овощей и ничего другаго кромѣ мяса, да и того у нихъ такъ мало, что другіе народы едва могли бы тѣмъ жить“. Зимою вечеромъ дается каждому немного мяса и пьютъ мясную похлебку, лѣтомъ же, ибо въ это время у нихъ много кобыльяго молока, мясо ѣдятъ рѣдко, развѣ только кто дастъ имъ или поймаютъ какого звѣря или птицу. Кромѣ того монголы варятъ просо съ водою такъ жидко, что его не ѣсть, а пить только можно, и каждый изъ нихъ по утру выпиваетъ онаго по ковшу или по два и послѣ этого во весь день ничего уже болѣе не ѣстъ (3 прим.).

Картина питанія монголовъ въ XIII в. можетъ быть дополнена еще нѣсколькими извѣстіями Марко-Поло ***), у котораго кромѣ указаній на употребленіе монголами въ пищу молочныхъ и мучныхъ суррогатовъ и мяса, записано еще интересное свѣдѣніе о питаніи „молокомъ, густымъ какъ тѣсто и засушеннымъ (4 примѣч.).

*) „Лѣтопись по Ипатскому списку“ (Изд. Археогр. Ком. СПБ. 1871 г. стр. 522, 526, 587, 590).

**) Собраніе путешествій къ татарамъ I Плано-Карпини. СПБ. 1825 г. стр. 21, 41, 212, 213, 215.

***) Путешествіе венеціанца Марко-Поло въ XIII ст. Переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Москва. 1863 г. стр. 179, 181—2, 185.

Въ послѣднемъ суррогатѣ нельзя не видѣть теперешняго калмыцкаго „бозо“ и его производнаго „шурмюка“ (прил. 3 б), а вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать и существованіе у монголовъ XIII в. молочнаго вина (5 прим.).

Такимъ образомъ, семьсотъ лѣтъ назадъ пищу монголовъ составляли: а) мучные продукты (просо и отчасти пшеница, послѣдняя по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Европейской Россіи); б) молоко (коровье, овечье, козье и кобылье), какъ въ простомъ видѣ, такъ и въ формѣ кумыса и арьки съ ея производными („бозо“ и „шурмюкъ“). Основная пища ихъ — было мясо, которое при обилии лѣтомъ молоко замѣнялось послѣднимъ; съ зеленью же, овощами и печенымъ хлѣбомъ монголы не были знакомы. Утромъ монголы пили вареное просо, а потомъ вечеромъ, если было, ѣли мясо; въ промежутокъ между утреннимъ и вечернимъ питаніемъ монголы пили разныхъ видовъ молоко. Питаніе монголовъ, по свѣдѣніямъ Плано-Карпини, было чрезвычайно скудное, и они, какъ утверждаетъ Марко-Поло, отличались выносливостью въ голоданіи, и только крайность голода заставляла ихъ пить кровь своихъ верховыхъ лошадей, и даже прибѣгать къ людоѣдству.

Послѣ XIII ст. и включительно до XVII в. историческія прямыя извѣстія о пищѣ монголовъ чрезвычайно скудны и возстановить картину ихъ питанія за этотъ періодъ возможно только путемъ аналогіи. Извѣстно, что монгольское племя до своего расчлененія оставалось въ томъ же почти географическомъ районѣ, гдѣ знали ихъ Плано-Карпини и Марко-Поло, и при неизмѣненныхъ условіяхъ скотоводческо-кочевой жизни. Естественно, что и питаніе, которое всегда и у всякаго народа (по отношенію, конечно, къ массѣ населенія) зависитъ отъ естественныхъ даровъ природы и отъ продуктовъ хозяйства, не могло у монголовъ рѣзко отойти отъ того установленнаго типа, который отмѣченъ писателями XIII стол. Несомнѣнно также, что въ этотъ періодъ питаніе монголовъ было еще общенаціональное для всѣхъ монгольскихъ обитателей, объединенныхъ одинаковостью территоріальныхъ, хозяйственныхъ и культурныхъ условій. Позднѣе, когда произошло расчлененіе въ монгольскомъ національномъ организмѣ, и когда судьба бросила группы монголовъ въ разныя стороны — въ Тибетъ, Сибирь, за Яикъ на Волгу, — эти группы разбросались по новымъ мѣстамъ обитанія съ вѣковыми привычками хозяйства и питанія своей прародины, и только здѣсь уже подъ вліяніемъ новыхъ условій у нихъ произошло видоизмѣненіе и формъ хозяйства и видовъ пищи. Слѣдовательно, тѣ общія черты въ питаніи народовъ монгольскаго происхожденія, какія наблюдаются послѣ разселенія ихъ по разнымъ странамъ, т. е. съ XVII ст. и по наше время, должны быть отнесены къ характеристикѣ питанія монголовъ до XVII в., тѣмъ болѣе, что ни заимствованіе, ни порожденіе одинаковыхъ видовъ пищи у разныхъ

монгольскихъ народовъ естественными и хозяйственными условіями не имѣло уже мѣста послѣ XVI ст. Общія же черты въ питаніи монголовъ ярко выступаютъ въ изображеніяхъ быта монголовъ писателями XVIII ст. Такъ, Георгій *), описывая бурятъ, монголовъ и калмыковъ въ одинъ и тотъ же историческій моментъ, находитъ въ ихъ питаніи не только сходство, но въ главномъ и полное тождество. Преобладающая пища, по изображенію этого автора, и у монголовъ, и у бурятъ, и у калмыковъ—лѣтомъ молочные продукты („кислое молоко", „кумысъ", „горячее вино изъ молока, масло, сыръ), а зимою, кромѣ масла и сыру мясо всѣхъ домашнихъ животныхъ (кромѣ собаки), не выключая и падали. Кромѣ того всѣ эти народы питались въ это время кирпичнымъ чаемъ, одинаково приготовленнымъ, замѣняя его иногда, по бѣдности, дикорастущими травами; мучныхъ продуктовъ вообще не любили, рѣдко употребляли, причемъ въ этихъ случаяхъ пробавлялись „печеными лепешками" (6 прим.).

Очевидно, что монголы съ XIII до XVI вѣка включительно, т. е. до выдѣленія калмыковъ, въ питаніи мало чѣмъ измѣнили своему древнему типу, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ; единственная особенность въ пищѣ, которой происхожденіе должно быть отнесено къ этому періоду,— это замѣна просяной похлебки XIII в. кирпичнымъ чаемъ, который у всѣхъ монгольскихъ народностей, не выключая и калмыковъ съ XVII в. получаетъ значеніе типичнаго кушанья, именно монгольскаго племени. (7 примѣч.). Съ выходомъ своимъ изъ общей родины монголовъ,—калмыки, какъ извѣстно, нѣкоторое время обитали въ предѣлахъ Сибири. Какъ ни кратковременно сравнительно было здѣсь ихъ пребываніе, но условія страны успѣли все-таки отразиться и на ихъ питаніи: въ Сибири, можно думать, калмыки впервые познакомились съ пищей изъ рыбы и ввели послѣднюю въ свой обиходъ **) (8 примѣч.), а равно стали прибѣгать болѣе или менѣе системно къ мучнымъ суррогатамъ ***). Когда же нѣсколько только позднѣе, калмыки подвинулись по верховьямъ рѣкъ Ишима и Тобола сначала на Эмбу, а въ 1630 г. перешли и черезъ Яикъ, мучные суррогаты и особенно рыба—играли уже важное значеніе въ питаніи калмыковъ ****) *****) (9, 10 примѣчаніе). Однако, съ разселеніемъ калмыковъ въ глубь степей за Яикомъ, особенно позднѣе за Волгой, и съ развитіемъ скотоводческаго хозяйства, въ питаніи ихъ сталъ возстановляться древне-монгольскій типъ, по которому въ основу питанія легли мясо и молочные продукты съ прибавленіемъ болѣе поздняго наслоенія—кирпичнаго чая (7 примѣч.). По крайней мѣрѣ писа-

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ 7 3. Спб. 1799 г.
**) Дополненія къ историч. актамъ т. VI № 9. 1670 г.
***) Полн. Собр. Св. Законовъ Р. Им. т. I № 145. 540, т. II №№ 672, 790, 993.
****) Дополненія къ историч актамъ. Т VIII. 1678—1681 г.
*****) Н. Поповъ «Татищевъ и его время. М. 1861 г.

тели второй половины XVIII рисуютъ картину питанія калмыковъ въ общемъ совершенно согласно со свѣдѣніями Георги, который говоритъ, что калмыки „рыбу, кашицу, саламату и хлѣбъ ѣдятъ только по нуждѣ; а вообще они питаются больше мясомъ, какъ ручныхъ, такъ и дикихъ животныхъ, исключая хищныхъ звѣрей и птицъ, также и собакъ, сверхъ того употребляютъ въ пищу сыръ, масло, жиръ и кровь, кислое молоко, сыворотку, горячее вино изъ молока *). Такими же чертами описываетъ пищу и Лепехинъ **). Этотъ авторъ совершенно не упоминаетъ о ростительной пищѣ, а простою и обыкновенною пищею, говоритъ онъ, служитъ имъ по большей части молоко и мясо всякаго скота; нѣтъ почти никакого животнаго, котораго бы они гнушались употреблять въ снѣдь себѣ. Мясо ѣдятъ въ вареномъ видѣ съ похлебкой. Хлѣбъ у нихъ не въ употребленіи, но за то кумысъ въ изобиліи (11 примѣч.). Для сообщенія о питаніи калмыковъ въ XIX в. представляютъ достаточно полный матерьялъ труды Нефедьева ***), Небольсина ****), отчасти бар. Бюллера *****) и наконецъ лично мною собранные матерьялы въ 1885—86 годахъ. Чтобы не повторяться, удобнѣе всего данныя всѣхъ указанныхъ источниковъ объединить въ одну общую картину питанія калмыковъ въ нашъ вѣкъ. То обстоятельство, что матерьялы не относятся къ одному моменту, а охватываютъ періодъ болѣе чѣмъ въ полстолѣтія не можетъ имѣть существеннаго недостатка, такъ какъ пища калмыковъ въ это время не измѣнилась совершенно почти ни въ способахъ приготовленія, употребленія, ни даже въ продуктахъ.

Въ общемъ, говоря словами бар. Бюллера, во все это время „пища калмыковъ состоитъ изъ молока, мяса и „будана“, кромѣ того калмыки „пьютъ особеннаго рода чай, наз. калмыцкимъ, хлѣбъ (точнѣе мука) употребляется лишь въ зимнее время“. Однако, перечисленные пищевые суррогаты эксплоатируются калмыками далеко не въ одинаковой степени. Такъ муку астраханскіе калмыки употребляютъ лишь въ зимнее время, когда удой скота сокращается до минимума, и вмѣстѣ съ тѣмъ истощаются и молочные продукты. При этомъ муку калмыки обыкновенно потребляютъ или въ формѣ болтушки „будана“ и „булмука“ (прил. 1 а, б), или въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ „кгуюръ“ (прил. 1 в).

И на то и на другое обыкновенно идетъ ржаная мука. Изъ пшеничной муки, такъ наз. размольной (т. е. съ высѣвками) калмыки готовятъ раз-

*) Георги «Описаніе народовъ ч. 3. (стр. 14).

**) «Дневныя записки». Путешествіе доктора и академика наукъ адъюнкта Ив. Лепехина по разнымъ провинціямъ Рос. Гос. 1768—1769 г., Спб. 1771 г. стр. 223, 226.

***) «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ» (стр. 133—138), изд. 1834.

****) Очерки быта калмыковъ Хошеутовскаго улуса (стр. 45—51) изд. Спб. 1852

*****) «Кочующіе и осѣдло живущіе въ Астраханской губ. инородцы (отеч Зот. 1846 г. №№ 8, 9, 10 11).

ныя національныя печенья: „борцокъ“, „борцокъ-целбекъ“, „хамбатъ-борцекъ“ и т. п. (прил. 1 г). Ѣдятъ калмыки еще и покупные крендели или баранки — „тогошъ“. Но всѣ вообще пшеничныя печенья появляются на столѣ калмыковъ и рѣдко и далеко не у всѣхъ. Это собственно кушанья богатыхъ семей, а массѣ калмыцкой они бываютъ доступны лишь въ общенародные праздники, какъ „Цаганъ-Сара“, или во время семейныхъ торжествъ и пирушекъ на свадьбахъ, при пріемѣ почетныхъ гостей и пр.

Несравненно болѣе общенародное блюдо калмыковъ составляетъ кирпичный чай (прил. 2) въ формѣ супа(ца): имъ питаются и лѣтомъ и зимою, богачи и бѣдняки, духовенство и простонародье. Степные богачи пьютъ чай не менѣе двухъ разъ въ день, семьи средняго достатка, пользующіяся одинъ разъ въ сутки мясомъ, — три раза, а для бѣдняковъ „ця“ составляетъ нерѣдко единственную пищу, почему чай готовится и по четыре раза въ сутки. На распространенность потребленія чая среди калмыковъ въ достаточной степени указываетъ уже одно то, что два суточныхъ момента у калмыковъ взяли свое названіе отъ чая: „урюни ця“ (утренній чай) и „хоерне ця“ (второй чай). Кирпичный чай въ калмыцкой степи ни чѣмъ не замѣнимъ и требованіе его настолько постоянно и опредѣленно, что создало въ Поволжьѣ спеціальную торговлю: ежегодно въ Европейскую Россію ввозится до 20,000 ящиковъ чаю, хотя единственными постоянными потребителями въ Европѣ могутъ быть названы только калмыки (7 примѣч.). Въ лѣтніе мѣсяцы у калмыковъ, кромѣ чая, постоянную пищу составляетъ еще молоко коровъ, овецъ, кобылицъ, верблюдицъ и козъ, какъ въ натуральномъ видѣ („усунъ“), такъ и въ формѣ разныхъ продуктовъ изъ молока: „тосунъ“ (масло), „арьянъ“ (квашеное молоко), „чигэнъ“ (кумысъ), „эзге“ (овечій сыръ), „арька“ (молочная водка), „шюрмюкъ“, „хурсунъ“, „хоэрмыкъ“, „коэрцыкъ“ и „чюрке“ (родъ кваса) (прилож. 3 а), б), в), г), д), е), ж).

Благодаря обилію молока въ теплое время года, особенно же весною и въ первую большую половину лѣта, питаніе калмыковъ въ этотъ періодъ года и ограничивается молочными продуктами и чаемъ; мучныя кушанья, за исключеніемъ развѣ духовенства и богачей, которые покупаютъ къ чаю „тогошъ“, совершенно не употребляются, а мясо является постоянно, (хоть разъ въ день) въ богатыхъ семьяхъ да у духовенства, калмыцкая же масса мясомъ изрѣдка только лакомится по случаю пріѣзда въ хотонъ важнаго гостя, ради семейнаго торжества или когда судьба пошлетъ мясо въ формѣ дичи или въ видѣ павшаго животнаго не отъ заразительной болѣзни. Собственно же сезонъ питанія мясомъ для калмыковъ наступаетъ всѣстѣ съ холодами. Кромѣ мяса всякихъ домашнихъ животныхъ (овецъ, рогатаго скота, козъ, лошадей и верблюдовъ) калмыки ѣдятъ и мясо большинства дикихъ четвероногихъ и птицъ, за исключеніемъ хищныхъ. Мясо („маханъ“) посту-

паетъ въ пищу главнымъ образомъ въ вареномъ видѣ („хойна-маханъ“ — баранина, „укюре-маханъ“ — говядина и т. д.) вмѣстѣ съ бульономъ („шулюмъ“), но изрѣдка готовится и жаркое („шариксынъ-маханъ“) двухъ видовъ и „шикасынъ-маханъ“ (мелко крошенное), „кешексынъ-маханъ (разрѣзанное или разорванное на куски), „берынъ“ (варенники), „чиксынъ-маханъ“ (колбасы), „борцо“ (сушеное мясо) и какъ наиболѣе лакомое и роскошное блюдо — „булхуйрюкъ“ (барашекъ въ „бозо“). (Приложен. 4 а), б), в), г), д), е).

Такъ питаются собственно степные калмыки, къ которымъ должно быть отнесено не менѣе $^3/_4$ населенія. Окраинные же калмыки нѣсколько отступили въ пищѣ отъ національнаго типа, и при этомъ отступленіе на разныхъ окраинахъ выразилось не одинаково. Приморскіе или „мочажные“, „черневые“ калмыки ввели у себя въ постоянное употребленіе рыбу. Между тѣмъ какъ современные намъ степные калмыки (не бывшіе на отхожихъ промыслахъ) едва имѣютъ представленіе даже о приготовленіи и вкусѣ рыбы, у мочажныхъ калмыковъ рыба замѣнила не одно мясо, но отчасти и молочные продукты (за не развитіемъ у нихъ скотоводства), и только чай и мука сохранились у нихъ въ общихъ типичныхъ формахъ, хотя чай, за неимѣніемъ молока, мочажные калмыки заправляютъ рыбьимъ жиромъ или забалтываютъ мукой (какъ и сибирскіе буряты) *]. Калмыки ѣдятъ всѣ породы рыбъ, хотя любимыя ихъ рыбы — лещъ, сазанъ и вообще жирные виды. Оригинальность питанія мочажныхъ калмыковъ составляетъ также потребленіе нѣкоторыхъ болотныхъ растеній, какъ „чилимъ“ (водяной орѣхъ) „олцонхо“ (корень осоки) (12 примѣч.) Но какъ эти, такъ и другія дикорастущія растенія еще въ большемъ употребленіи у приволжскихъ калмыковъ, обитающихъ выше Астрахани, особенно же у калмыковъ хошоутовскихъ. Эти калмыки не много развѣ менѣе мочажныхъ калмыковъ знакомы съ рыбой.

На сѣверной и восточной окраинахъ калмыцкихъ степей, по Эргенямъ, гдѣ обитаютъ Дербетовскіе калмыки, можно уже отмѣтить знакомство калмыковъ съ огородными овощами (картофелемъ, капустой), хотя и въ чрезвычайно ограниченныхъ размѣрахъ.

Впрочемъ, всѣ отмѣченныя на окраинахъ видоизмѣненія въ пищѣ, сравнительно съ пищей степныхъ калмыковъ, за исключеніемъ развѣ потребленія рыбы у черневыхъ и приволжскихъ калмыковъ, настолько все-таки не существенны и по случайности эксплуатаціи въ пищу огородныхъ овощей и дикихъ растеній, и по неустойчивости самаго употребленія, такъ какъ калмыки при малѣйшей возможности удаляютъ ихъ со своего стола, замѣняя мясомъ, молочными продуктами и чаемъ, что для астраханскихъ калмыковъ

*) Бар. Бюллеръ «Очерки Восточной Сибири. Ламанизмъ и Шаманство. Отеч. Зап. 1859 г.

вообще типичными суррогатами пищи слѣдуетъ признать мясо, молоко, калмыцкій чай, и отчасти муку.

При сближеніи описанія пищи калмыковъ нашего времени, съ наброскомъ исторіи ихъ питанія, нельзя не видѣть, что калмыки остались во многомъ, самомъ существенномъ, вѣрны типу своихъ предковъ XIII ст. Въ продолженіи послѣднихъ семи столѣтій калмыки, и сливаясь еще въ жизни со всѣми народами монгольскаго племени, и ведя уже изолированное обитаніе отъ нихъ, питались главнымъ образомъ варенымъ мясомъ съ бульономъ и молокомъ съ его производными: кумысомъ, арьяномъ, арькой и пр. Только въ періодъ между XIV и XVII ст. они замѣнили древнюю просяную похлѣбку монголовъ кирпичнымъ чаемъ, а послѣ XVII в., отдѣлившись отъ общей монгольской семьи, стали употреблять муку и рыбу. Но, впрочемъ, послѣдніе суррогаты не получили не только преобладающаго, но даже приблизительно равнаго значенія съ молочными продуктами и мясомъ.

Если вѣрно положеніе нѣкоторыхъ этнографовъ, что въ первой стадіи жизни человѣка на землѣ онъ питался исключительно сырой растительной пищей, то исторія застаетъ монголовъ въ XIII ст. уже далеко ушедшихъ отъ этой стадіи, и во всякомъ случаѣ у монгольской народности, извѣстной намъ подъ именемъ калмыковъ, въ историческій періодъ животная пища преобладала надъ растительной. Послѣдней не доставилъ перевѣса даже буддизмъ, этотъ идеалъ вегетеріанства, проповѣдывающій своего рода возвратъ къ первичной беззаботной культурной ступени. Несомнѣнно однако, что буддизмъ велъ борьбу изъ-за пищи среди монголовъ прежде чѣмъ уступить народнымъ привычкамъ и хозяйственнымъ требованіямъ, и слѣды этой борьбы можно указать и у калмыковъ. Такъ напр., среди калмыковъ сохранилось преданіе, что въ старину калмыки никогда не рѣзали и не убивали для пищи ни домашнихъ, ни дикихъ животныхъ, а довольствовались молокомъ, павшими не отъ руки человѣка животными и кровью, которую собирали въ тѣхъ случаяхъ, когда какому либо больному животному приходилось „пускать кровь“ (открывать жилу) (13 пр.). Потомъ у астраханскихъ калмыковъ существуетъ чрезвычайно оригинальный обычай, хотя, кажется, и не всегда уже исполняемый, при убиваніи домашняго скота: человѣкъ, рѣжущій, напр., барана, обязанъ сказать на ухо животному нѣсколько молитвенныхъ словъ, или же, произнося эти слова надъ горстью песку, всыпать послѣдній въ ухо барану, а затѣмъ уже его рѣзать. Очевидно, что здѣсь наблюдается фикція, какъ уступка буддизма требованію жизни. Буддизмъ, проповѣдуя металіпсихозъ въ видѣ воплощенія духовнаго начала человѣка въ формѣ животныхъ и смотря на каждое животное, какъ на воплощеніе предка, допустилъ насильственную смерть животнаго отъ руки человѣка для его пищи лишь подъ условіемъ произ-

несенія молитвы, т. е. или своего рода испрошенія прощенія у предка за преждевременное освобожденіе его изъ формы убиваемаго животнаго или же разрѣшенія на такое освобожденіе. Смыслъ такой же фикціи имѣетъ и другой обычай астраханскихъ калмыковъ—освобождать дикихъ животныхъ изъ плѣна: птицъ изъ клѣтокъ, рыбу изъ сѣтей и т. п. Это тоже своего рода искупленіе вины за убиваніе животныхъ для пищи, и многіе религіозные калмыки, чтобы исполнить его, не довольствуются случайнымъ дарованіемъ свободы животнымъ, а отправляются хотя одинъ разъ въ годъ, напр. въ Астрахань, закупаютъ тамъ на базарѣ пичугъ десятками и сотнями въ разъ, или живую рыбу и выпускаютъ ихъ на свободу. Наконецъ и самое употребленіе въ пищу павшихъ животныхъ домашнихъ или дикихъ въ настоящее время освящено тѣми же религіозными тенденціями буддизма: каждое павшее животное считается посланнымъ судьбою для пользы человѣка (примѣч. 14).

Буддизмъ, ограничившись подобными фикціями, уступилъ потребности народа въ мясѣ, и въ настоящее время среди астраханскихъ калмыковъ представители религіи—ламайское духовенство является самымъ послѣдовательнымъ потребителемъ мяса, особенно говядины и баранины: въ теченіи цѣлаго года духовенство (кромѣ хуруловъ мочажныхъ, гдѣ мясо замѣняется иногда рыбой) ежедневно потребляетъ мясо два раза, и только въ дни „мацака“ (поста)—одинъ разъ вечеромъ, по закатѣ солнца. Здѣсь въ подчиненіи требованій религіи жизненнымъ условіямъ сказалось, конечно, не столько сила вѣковыхъ привычекъ къ питанію животными продуктами, сколько всесильная хозяйственно-экономическая необходимость: для монголовъ, при ихъ скотоводческо-кочевомъ хозяйствѣ въ обстановкѣ степей пригодныхъ несравненно болѣе для выпаса стадъ, чѣмъ для хлѣбной или садово-огородной культуры, не было, такъ сказать физической возможности отказаться и отъ системы хозяйства и отъ продуктовъ послѣдняго для питанія въ пользу воззрѣній буддизма, религіи, получившей свое основаніе въ странѣ риса и роскошной растительной природы.

По преобладанію того или другаго вида пищи, годъ астраханскихъ калмыковъ раздѣляется на три періода: а) весенне-лѣтній, когда господствующею пищей являются продукты молока и совершенно почти исчезаютъ изъ питанія мучные суррогаты и изрѣдка только потребляется мясо; б) осенній (собственно съ конца лѣта), когда недостатокъ молока замѣщается мясомъ, такъ какъ къ этому времени подростаютъ въ стадахъ молодыя животныя и происходитъ упорядочиваніе скота, и наконецъ зимній періодъ, въ который преобладаютъ въ пищѣ мучные суррагаты на ряду съ мясомъ, а потребленіе молока достигаетъ часто минимума. Но общимъ кушаньемъ, неизмѣнно готовящимся во всѣ періоды, остается „ця“ (чай).

Что же касается суточнаго распредѣленія пищи у калмыковъ, то здѣсь наблюдается болѣе или менѣе неизмѣнно слѣдующій порядокъ. Утромъ, непосредственно почти послѣ сна, бываетъ „эрюниця“ (утренній чай), когда все калмыцкое населеніе, безъ различія по состояніямъ, дѣйствительно насыщается своеобразнымъ вкуснымъ и достаточно питательнымъ кирпичнымъ чаемъ. Часа черезъ четыре наступаетъ „хоерне-ця“ (второй чай), хотя чай пьютъ въ это время только богатыя семьи, причемъ ѣдятъ и другія кушанья, но не сытныя. Затѣмъ слѣдуетъ „юденъ-хото“ (полуденная пища): у зажиточныхъ „маханъ“ съ „шулюномъ“ (мясо съ бульономъ), а у бѣдныхъ опять чай, или же „буданъ“. Наконецъ вечеромъ, въ сумерки— „асахани-хото“ (вечерняя пища): у бѣдныхъ — старики пьютъ „ця“, а прочіе члены семьи ѣдятъ „хермюкъ“ или „буданъ“ или „булмукъ“, или какое-либо молочное кушанье, смотря по сезону. Въ это время, разъ есть возможность, ѣдятъ и бѣдные семьи мясо. Въ промежуткахъ между отмѣченными моментами пріема пищи лѣтомъ богатые пьютъ кумысъ, особенно между „эрюни“ и „хоерне-ця“ и послѣ „асахани-хото“, а бѣдняки замѣняютъ кумысъ арьяномъ, сывороткой, (эдамыкъ-усунъ), а зимою — „чюрке“. Но было бы большою ошибкою думать, что калмыки, у которыхъ можно насчитать четыре суточныхъ момента для пищи, кромѣ питья кумыса, арьяну и пр., ѣдятъ сытно. Собственно только духовенство и богатыя семьи неизмѣнно изо дня въ день принимаютъ пищу согласно отмѣченному выше порядку, калмыцкая же масса болѣе или менѣе сытно ѣстъ только вечеромъ („асахани-хото“), да утромъ еще („юденъ-ця“) пьетъ вволю чай; среди же дня, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, калмыки ѣдятъ чрервычайно мало и нерѣдко довольствуются во весь день только питьемъ арьяна или сыворотки и пр., т. е. собственно не ѣстъ, а утоляетъ жажду. Такъ что калмыцкая масса въ теченіи дня существуетъ впроголодь, и потому, разъ выпадаетъ счастливый случай поѣсть сытно, особенно „махана“, калмыкъ никогда не отказывается ѣсть много и можетъ даже удивить своею кажущеюся прожорливостью. Однако, въ общемъ, особенно если принять во вниманіе съ одной стороны постоянное нахожденіе калмыковъ на воздухѣ, нерѣдко въ движеніи и на конѣ, а съ другой — суточную пропорцію эксплоатируемыхъ пищевыхъ припасовъ, то нельзя не видѣть, что калмыки потребляютъ сравнительно мало. По нашему мнѣнію астраханскіе калмыки, если судить по годовому потребленію, въ теченіи сутокъ долженъ бы потреблять, исключая отдѣльныхъ случаевъ, приблизительно: а) муки около 24 лот., б) кирпичнаго чаю около $^1/_{10}$ доски, в) молока около 2 стакановъ, г) мяса около 24 лот. (15 примѣч).

Но дѣло въ томъ, что у калмыковъ, какъ вообще у народовъ, стоящихъ на низкой степени культуры, нѣтъ той правильности, нормы въ еже-

дневномъ потребленіи пищи, какая, напр., можетъ быть даже констатирована у русскихъ крестьянъ, калмыкъ въ одинъ разъ способенъ съѣсть 5-10 фунт. мяса, выпить полведра и даже болѣе кумыса или арьяну, и въ то же время онъ способенъ по цѣлымъ не только днямъ, но и недѣлямъ довольствоваться только однимъ чаемъ, или же, зимою, мучною болтушкою съ саломъ — „буданомъ“ (16 примѣч.).

И въ этомъ отношеніи астраханскіе калмыки подобны своимъ предкамъ XIII в., о которыхъ Марко Поло говоритъ, что они „способны переносить всякія лишенія и если нужно, могутъ цѣлый мѣсяцъ прожить на молокѣ своихъ кобылъ, да на мясѣ дикихъ звѣрей, если только придется поймать“ *).

Ир. Житецкій.

Владиміръ, губ.
6 Декабря.

*) Марко-Поло, стр. 183.

ПРИЛОЖЕНІЕ *).

Кушанья и напитки Астраханскихъ калмыковъ.

1. Мучныя кушанья.

а) *Буданъ*—мучная болтушла, родъ запорожской „саламахи“. Въ котелъ съ водою, кипящей на таганѣ, бросаютъ пшеничной или ржаной муки, помѣшивая при этомъ „шаньгой“ (уполовникомъ), пока не получится требуемая густота; затѣмъ туда-же льютъ молоко, если оно есть, бросаютъ сала, и иногда кладутъ и немного мяса. Ѣдятъ буданъ, какъ и чай, изъ чашекъ („ага“). Молоко замѣняется иногда „шурмыкомъ“ (*Небольсинъ* „Очерки быта калмыковъ хошеутовскаго улуса“, стр. 46—и Нефедьевъ „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ“, стр. 136).

б) „*Булмукъ*“. Это кушанье представляетъ только видоизмѣненіе будана. Въ котлѣ съ водой кипѣтятъ чашки $1^1/_2$—2 масла или сала, бросаютъ въ него чашки четыре муки и немного соли, мѣшаютъ, кипѣтятъ снова и ѣдятъ горячимъ.

в) „*Кгуюръ*“—родъ лепешекъ. Дѣлаютъ въ большой чашкѣ („табыкъ“) прѣсное ржаное тѣсто (по окраинамъ тѣсто готовится изъ пшеничной „размольной“, т. е. съ высѣвками, муки), придаютъ тѣсту круглую сплюснутую форму и кладутъ на сковородку, сверху покрываютъ другой, и все это зарывается въ жаръ очага. За неимѣніемъ сковородъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ семей калмыковъ, „кгуюръ“ пекутъ прямо въ золѣ.

г) „*Борцокъ*“, „борцокъ-целбекъ“, „хамбатъ-борцокъ“. Тѣсто замѣшивается съ саломъ или масломъ и печется въ салѣ на сковородкѣ или въ котлѣ. Разница названій скорѣе относится къ формѣ: „борцокъ“—тѣсто зажаривается отдѣльными кусочками, „борцокъ-целбекъ“—въ формѣ блина. Для „хамбатъ-борцокъ“ въ тѣсто прибавляется прѣсное молоко, и это тѣсто скорѣе варится въ салѣ бараньемъ, чѣмъ жарится. Можно думать, что близко къ этому принадлежитъ печенье „мошкоморъ“, описанное Небольсинымъ (стр. 47).

2. Кушанье изъ кирпичнаго чаю.

„*Ця*“. Приготовленіе „ця“ заключается въ слѣдующемъ; котелъ („цянгинъ хайсынъ“), налитый водою, ставится на таганъ, подъ ко-

*) При составленіи списка кушаньевъ и напитковъ основнымъ матеріаломъ послужили личныя наблюденія 1885—86 гг., которыя пополнены въ формѣ варіантовъ или дополненій изъ книгъ Небольсина и Нефедьева.

торымъ разведенъ предварительно огонь, и пока вода въ котлѣ нагрѣвается, наскабливается ножемъ изъ плитки или кирпича нужное количество (смотря по числу душъ) чаю и бросаютъ его въ кипящую воду, причемъ кладется щепоть чаю на пять—шесть калмыцкихъ чашекъ (ага) воды, затѣмъ котелъ закрывается деревянною крышкою. Чай варится минутъ 20—30, не болѣе. Во вскипѣвшій чай вливаютъ молоко (на шесть чашекъ воды—чашку молока) и кладутъ соли по вкусу. Сваренный чай, снявши съ тагана, мѣшаютъ „шангой“ и цѣдятъ черезъ „шюръ“ (мѣшечекъ изъ рѣдко сотканнаго холста), или, какъ говорятъ калмыки, снимаютъ „шаръ“, тщательно выжимая съ помощью „шахлуръ“ (родъ деревянныхъ тисковъ). Въ процѣженный уже чай прибавляютъ немного масла. Иногда въ богатыхъ семьяхъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, въ чай кладутъ еще и пряности: лавровый листъ, мушкатный орѣхъ и гвоздику. Чай изъ котла „шангой“ разливается въ чашки („ага“), изъ которыхъ и пьютъ его. Состоятельные люди, у которыхъ кухня помѣщается въ отдѣльной кибиткѣ, предварительно переливаютъ изъ котла чай въ „донбо“. Вываренные разъ остатки чая („шаръ“) не выбрасывается, а сушатся и хранятся, ихъ прибавляютъ при слѣдующемъ варенье къ свѣжему чаю, какъ изъ экономіи, такъ и потому, что кушанье получаетъ болѣе мягкій вкусъ, а вываренный уже нѣсколько разъ чай идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи на кормъ скота. Калмыки пьютъ чай обыкновенно безъ всего, но иногда, чаще зимою, пьютъ чай съ сушками („тогошъ“), съ калмыцкимъ сыромъ („эзге“) или съ калмыцкими печеньями.

3. Молочныя кушанья и напитки.

а) „*Тосунъ*“ (масло). Прѣсное молоко, слитое въ „архотъ“ (кожанный мѣшокъ) бьютъ долго „билюромъ“ (длинная палка съ прикрѣпленнымъ къ нижнему концу ея подобіемъ чашки), по временамъ слегка встряхивая или помѣшивая его. Черезъ нѣсколько часовъ такой работы получается довольно жидкое масло, помѣшиваніемъ билюромъ его собираютъ въ комки, которые и извлекаютъ изъ молока „шангой“. Послѣ того, какъ сыворотка достаточно стечетъ, масло слегка просаливаютъ, складываютъ въ „тосна саба“ (посуда для масла)—мѣшечки, сдѣланные изъ желудка („гюзень“), плотно заматываютъ въ куски стараго войлока, и въ такомъ видѣ сохраняютъ и въ жары и въ холодъ. Но если нужно получить масла немного и скоро, для чаю, напр., то черпаютъ въ чашку съ устоявшагося молока сливки или съ окисшаго молока („арьяну“) сметану и бьютъ въ чашкѣ пальцами до тѣхъ поръ, пока получится жидкое масло.

б) „*Бозо*“, „эдамыкъ“, „эдамыкъ усунъ“, „шурмюкъ“, „хурсунъ“, „хоэрмыкъ“. Все это—продукты перегона въ водку (арьку) скисшаго молока (См. „арька“ или „тепленькая“ у астраханскихъ калмыковъ, протоколы Петровскаго Общества). „Бозо“ —это гуща послѣ куренія арьки. Ее вычерпываютъ „шангой“ въ холщевый мѣшокъ, даютъ стечь жидкости („эдамыкъ усунъ“ — сыворотка) и дѣлаютъ изъ густаго „бозо“ („адамыкъ-шурмюкъ“) для этого берутъ „бозо“ въ руку и продавливаютъ черезъ пальцы на кошму, гдѣ куски „шурмюка“ разной формы и высушиваются. Готовый „шурмюкъ“ сохраняется въ мѣшкахъ изъ кошмы. Иногда „бозо“ придаютъ форму квадратиковъ и тогда его называютъ „хурсунъ“, который сохраняется нанизанный на шерсть, какъ крендели. „Шурмюкъ“ и „хурсунъ“ могутъ сохраняться цѣлые годы. По виду и тотъ и другой грязновато-сѣраго цвѣта, имѣютъ пріятный кисловатый вкусъ, хорошо развариваются въ водѣ и прибавляются зимою въ „буданъ“. „Бозо“ помимо приготовленія изъ него консервовъ на зиму, ѣдятъ и въ натуральномъ видѣ, смѣшивая съ прѣснымъ молокомъ. Это блюдо называется „коэрмыкъ“ и служитъ главнымъ образомъ пищею для дѣтей. Небольсинъ называетъ это кушанье „маханъ-эдмыкъ“ (46 стр.)

в) *Арьянъ*—это окисшее молоко. Калмыки весь удой сливаютъ въ архаты (кожаные мѣшки), гдѣ молоко окисаетъ. Часть арьяна выпивается калмыками въ натуральномъ видѣ въ теченіи дня; главная масса превращается въ „арьку“, „бозо“ и его производные, наконецъ часть съѣдается въ видѣ „коэрцыкъ“. Чтобы его приготовить, въ арьянъ наливаютъ парнаго молока, отчего образуется творогъ въ видѣ мелкихъ шариковъ и дѣлается капица, которую и ѣдятъ, когда она остынетъ.

г) *Чигэнъ* (кумысъ)—это лучшій напитокъ въ степи, хотя далеко не всѣмъ доступный, такъ какъ онъ готовится изъ кобыльяго молока. Когда подоенное молоко остынетъ, его сливаютъ въ архатъ, въ которомъ на днѣ предварительно оставлена закваска („керенге“) отъ стараго кумыса, и начинаютъ бить, какъ и при выдѣлкѣ масла, „билюромъ“. Чтобы хорошо приготовить кумысъ, нужно бить его безпрерывно въ теченіи сутокъ, причемъ дѣлается, по мнѣнію калмыковъ, до 40000 ударовъ, но хозяйственныя хлопоты и чрезмѣрность труда не позволяютъ калмыкамъ достигать совершенства въ приготовленіи кумыса, и потому обыкновенно у калмыковъ бьютъ молоко въ теченіи часа утромъ, среди дня и вечеромъ, причемъ конечно, дѣлается ударовъ менѣе 10,000, но не менѣе 3000. Въ калмыцкой степи кумысъ бываетъ съ Мая по Сентябрь, и для его приготовленія отдѣляютъ особые косяки кобылицъ, а потому этотъ напитокъ доступенъ лишь богатымъ семьямъ. Въ первый день послѣ приготовленія кумысъ называется просто „чигэнъ“, во второй день— „кгунунъ-чигенъ“, а въ третій — „де-

нынъ-чигэнъ" — самый крѣпкій. Калмыки обыкновенно пьютъ „чигэнъ" и готовятъ ежедневно новый запасъ его.

д) „Чюрке" — это родъ молочнаго кваса. Его готовятъ изъ „шурмюка„ или „хурсуна", разваривая ихъ въ водѣ. „Чюрке" пьютъ лишь за неимѣніемъ „чигэнъ" и „арьяна".

е) „Эзге" — родъ овечьяго сыра. Названіе мнѣ приводилось слышать въ калмыцкой степи, но ни ѣсть, ни видѣть приготовленія его не случалось. Нѣтъ описанія приготовленія его ни у Небольсина (стр. 46), ни у Нефедьева (стр. 136).

ж) Арька или „тепленькая". Для варенія „арьки" берутся два котла („аркинъ-хайсынъ"). Въ большой котелъ наливается арьянъ (арыкъ); котелъ закрывается крышкой, которая обмазывается глиной пополамъ съ коровьимъ каломъ, и этотъ котелъ ставится въ корыто („арькинъ онгоцо") съ водой, или же просто въ выкопанную ямку, вымазанную глиной и налитую водой. Въ большія дыры котловъ вставляютъ „цорго" и примазываютъ глиной. Маленькую дырочку на большомъ таганѣ закрываютъ сдѣланнымъ изъ глины „чомбатъ" и разводятъ подъ большимъ котломъ сильный огонь. Черезъ маленькое отверстіе меньшаго котла посредствомъ „амсуръ" пробуютъ, готова-ли „арька„. Пары изъ большаго котла черезъ „цорго" проходятъ въ малый, гдѣ и осаждается въ жидкость. Весною арьку варятъ въ теченіи 2-хъ 3-хъ часовъ, а лѣтомъ въ жаркое время 1—1 1/2 ч. Чтобы варить арьку, нужно не менѣе двухъ ведеръ арьяна, и арки отъ двухъ ведеръ получится около 3-хъ полуштофовъ. Лучшая арька получается изъ кобыльяго молока, когда ее гонятъ уже изъ кумыса. „Арька" пьется теплой, непосредственно послѣ варенія, и тогда она бываетъ мутнаго цвѣта и напоминаетъ очень по вкусу разбавленный теплою водою спиртъ. Крѣпость „арьки" доходитъ до 16 - 18°. Чтобы ее очистить и прибавить крѣпости, ее перегоняютъ во второй разъ, причемъ, получается уже „арза". Холодная арька мутна и имѣетъ непріятный запахъ. Изрѣдка арьку троятъ, и тогда получается спиртъ „хорза", но послѣдній не пьютъ, а употребляютъ лишь какъ лекарство, считая „хорзо" ядомъ.

4. Мясныя кушанья.

а) „Шулюмъ" — бульонъ мясной. Въ налитый водою котелъ кладутъ разсѣченное на куски мясо („маханъ"), прибавляютъ немного соли и кипѣтятъ. Сваренное мясо вынимаютъ изъ бульона и раскладываютъ въ большія чашки („табыкъ") и ѣдятъ сначало мясо, а потомъ пьютъ бульонъ („шулюмъ") чашками („ага"), какъ чай.

б) „Шикисынъ маханъ" — сваренное обыкновеннымъ порядкомъ мясо разрѣзывается на мелкіе куски, поливается бульономъ и въ такомъ видѣ употребляется. Иногда такое мясо еще слегка поджаривается.

в) „*Кешекиликсынъ*“ маханъ—тоже самое, но только мясо не крошется, а разрывается руками на кусочки.

г) „*Бихойрюкъ*“—это самое лакомое и заманчивое мясное кушанье у калмыковъ. Послѣ того какъ арька уже получена, въ большой котелъ съ горячимъ „бозо“ кладутъ молодого барашка, а то и другое случившееся мясо, и, закрывъ опять котелъ наглухо, варятъ мясо, такъ что послѣднее пропитывается „бозо“. Но понятно, что это блюдо—предметъ роскоши для калмыковъ.

д) „*Борцо*“—сушеное мясо. Лѣтомъ, когда мясо долго сохраняться не можетъ, его засушиваютъ. Съ этой цѣлью сырое мясо предварительно разрѣзываютъ на тонкіе ленты, просаливаютъ и сушатъ. Совершенно высохшее мясо, если оно будетъ убережено отъ сырости, прекрасно на вкусъ и долго сохраняется. Калмыки сохраняютъ „борцо“ въ толстыхъ мѣшкахъ изъ верблюжьей шерсти.

е) „*Чикисынъ-маханъ*“—колбасы изъ говядины, баранины и конскаго мяса „*Берыкъ*—варенники съ мясомъ. „*Хуреунъ маханъ*—жаркое.—Все это кушанья рѣдкіе въ степи и мнѣ не приходилось ихъ встрѣчать, а только слышать о нихъ. Небольсинъ указываетъ также на нихъ, хотя и безъ описанія, а о колбасахъ даже замѣчаетъ, что въ его время колбасы у калмыковъ были въ большемъ употребленіи (48).

Ир. Житецкій.

ПРИМѢЧАНІЯ *).

1. Напримѣръ Липпертъ („Новая попытка органическаго построенія исторіи человѣческой культуры") проводитъ даже мысль, что самое дефференцированіе активныхъ и пассивныхъ рассъ, и съ этимъ вмѣстѣ и прогрессъ человѣчества начался дифференцированіемъ питанія: въ первой стадіи жизни человѣка на землѣ, по гипотезѣ Липперта, онъ питался сырой растительной пищей, которая и была, вѣроятно, причиной преобладанія пассивности. („Русск. Мысль" 1889 г. № 5 стр. 99).

2. *Текстъ изъ лѣтописи:* а) „Въ лѣто 6749 (1241 г.)... Даніилъ плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ, оставили бо ихъ татаровѣ, да имъ орютъ пшеницю и проса" (стр. 526).

б) Въ лѣто 6758 (1250 г.) Батый говоритъ явившемуся къ нему за Волгу Даніилу: „Даніила! чему еси давно не пришолъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же: пьеши ли *черное молоко, наше питье, кобылій кумызъ?*" Ониму же рекшу: „доселѣ ѣсть не пилъ; нынѣ же ты велишь, пью" (стр. 536).

в) „Въ лѣто 6790 (1282 г.)... „Ногай (и Телебуга съ нимъ) поиде поперекъ гору (т. е. Карпаты) што бяшетъ перейти треми деньми, и ходи по 30 дни блуди въ горахъ... И быть въ нихъ голодъ великъ, начаша людіе ѣсти" (587).

г) Въ лѣто 6748 (1240 г.) „Приде Батый Кыеву... и не бѣ слышати отъ гласа скрыпанья телѣгъ его, множества *ревенія велъблудъ его*, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его" (стр. 522). „Въ лѣто 6792 (1284 г.)... Тое же зимы и въ татарехъ изомре все, *кони* и *скоты* и *овцы*, все изомре, не остася ничего же (590). (Лѣтопись по Ипатскому списку, изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1871 г.

3. *Текстъ изъ путешествія Плано-Карпини:* а) Въ 1246 г. Разказывая о пирѣ въ ставкѣ Бини, Плано-Карпини говоритъ: „привезли въ телѣгахъ вареное безъ соли мясо, которое служители роздали на каждыхъ четверыхъ, или пятерыхъ человѣкъ, по части или куску. Въ ханскомъ же шатрѣ подавали мясо и похлебку съ солью, и это дѣлалось каждый день въ продолженіи пированья" (стр. 41).

---

*) Въ примѣчаніяхъ приводятся во 1-хъ, тѣ мѣста подлинниковъ, которыми я воспользовался для составленія текста сообщенія, а во 2-хъ, отчасти излагаются и тѣ соображенія, какими я руководился при своихъ обобщеніяхъ и выводахъ. Цѣль примѣчаній—дать возможность всякому, интересующемуся излагаемымъ вопросомъ, не тратя времени на справки съ источниками, иногда трудно, особенно въ провинціи пріобрѣтаемыми, судить объ основательности и вѣрности самаго сообщенія.

б) Татары „ѣдятъ все, что только ѣсть могутъ: собакъ, волковъ, лисицъ и лошадей, а по нуждѣ и человѣческое мясо“ (стр. 112)

в) „Мы видѣли, что они ѣдятъ даже вшей и мышей„ .....Зимою вечеромъ каждому дается немного мяса и пьютъ мясную похлебку, лѣтомъ же, ибо въ это время бываетъ у нихъ много кобыльяго молока, мясо ѣдятъ рѣдко, развѣ только кто дастъ имъ или поймаютъ какого звѣря или птицу.“ Хлѣба у нихъ нѣтъ, ни зелени, ни овощей и ни чего другаго, кромѣ мяса, да и того у нихъ такъ мало, что другіе народы едва могли-бы тѣмъ жить (115).

г) „Татары начали пить кобылье молоко и до вечера выпили онаго такъ много, что смотрѣть было удивительно. Кобыльяго молока (которое называется камаусъ) пьютъ чрезвычайно много, если оно у нихъ бываетъ. Также пьютъ овечье, козье, коровье „верблюжье .....Зимою ни у кого, развѣ только у богатыхъ людей, не бываетъ кобыльяго молока. (115)

д) Татары „варятъ просо съ водою, и такъ жидко, что его не ѣсть, а пить только можно, и каждый изъ нихъ по утру выпиваетъ онаго по ковшу или по два, а послѣ этого во весь день ничего уже болѣе не ѣстъ“ (115).

(„Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ I Плано-Карпини II Асцелинг. (Спб. 1826 г.).

4. *Текстъ изъ путешествія Марко-Поло.* а) Татары „пьютъ кобылье молоко, которое умѣютъ такъ хорошо приготовлять, что оно получаетъ пріятный вкусъ бѣлаго вина, и тогда называютъ его на своемъ языкѣ кемурсъ“ (стр. 179).

б) Татары считаютъ „Натигая .....покровителемъ ихъ дѣтей и стражемъ ихъ скота и хлѣба, оказываютъ ему въ лицѣ идола великое почтеніе и за обѣдомъ не забываютъ никогда мазать жирнымъ кускомъ мяса ротъ у идола“ (182).

в) Татары могутъ ѣхать 10 дней, не употребляя вареной пищи: тогда кормятся кровью своихъ лошадей, открываютъ имъ жилу и пьютъ изъ нея. Съ ними есть и молоко, густое какъ тѣсто, и засушенное. Приготовляютъ его такимъ образомъ: молоко варятъ, снимаютъ съ него сливки и пѣнки, когда они поднимутся на верхъ, также и масло, кладутъ въ особенный сундукъ, потому что пока все это есть въ молокѣ, оно не твердѣетъ. Потомъ держатъ его на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока не засохнетъ. Отправляясь въ походъ, каждый везетъ съ собою по десяти фунтовъ и каждое утро кладетъ изъ того по полфунту въ каждый кошель, похожій на небольшой мѣхъ съ водою, сколько ея нужно для одного. На ѣздѣ отъ тряски молоко совсѣмъ разойдется и сдѣлается жидкій сунъ, который и составляетъ татарскій обѣдъ (стр. 185).

(„Путешествіе венеціанца Марко-Поло въ XIII столѣтіи, напечатанное въ первый разъ вполнѣ на нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Августомъ Бюркомъ. (Съ дополненіями и поправками Карла Фридрика Нейманъ. Переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Москва 1863 г.).

5). Помимо убѣжденія современныхъ калмыковъ и ихъ легендъ о томъ, что арько - вареніе (производство молочнаго вина) было уже во времена Чингисъ-Хана („Арька“ или „тепленькая“ астраханскихъ калмыковъ“. Сообщеніе И. А. Житецкаго. Протоколы Петровскаго Общества. Астр. 1888 г. стр. 94—102); для заключенія о существованіи молочнаго вина у монголовъ въ XIII столѣтіи, можно указать и другія основанія. Въ русской лѣтописи и у Плано-Карпини есть указаніе, что у татаръ было въ это время употребленіе вина: такъ Батый князю Даніилу, когда тотъ былъ въ его ставкѣ “присла вина чюмъ и рече: „не обыкли пити молока, пии вино“ (стр. 536 лѣтоп.). Потомъ Плано-Карпини, описывая пиръ говоритъ: „Биши“ и всѣ татарскіе князья, а особливо въ собраніи, не пьютъ иначе, какъ при звукѣ пѣсенъ и гитаръ (стр. 23.) Такимъ образомъ, едва ли есть сомнѣніе, что у монголовъ въ XIII вѣкѣ былъ уже охмѣляющій напитокъ. Плано-Карпини указаніемъ на сухое и тѣстообразное молоко прямо наводитъ на мысль, что такимъ напиткомъ могло быть и молочное вино. Дѣло въ томъ, что описываемый Плано-Карпини способъ приготовленія сухаго молока долженъ быть отнесенъ къ плодамъ богатой фантазіи автора, которой и отличается вообще его описаніе путешествій, уже по одному тому, что засушить молоко, да еще лѣтомъ, конечно не мыслимо, такъ какъ прежде чѣмъ изъ молока улетучится вся вода, оно обязательно должно окиснуть, створожиться, а творогъ безъ соли и холода не представляетъ прочныхъ консервовъ. Между тѣмъ съ одной стороны разсказъ автора о предварительномъ сниманіи съ молока масла, и держаніи его потомъ на солнцѣ, а съ другой — употребленіе сухаго молока, находящее себѣ полную аналогію въ употребленіи и теперь у калмыковъ въ пути „шурмюка“ - все это утверждаетъ въ мысли, что уже въ XIII стол. монголы умѣли консервировать молоко и обращать его сначала въ тѣстообразное, а потомъ въ сухое состояніе путемъ арьковаренія, какъ это дѣлаютъ и въ наше время калмыки, буряты и монголы.

6. *Текстъ изъ описанія Георги*: а) Калмыки „масло (же) сыръ и водку дѣлаютъ изъ молока по татарскому обыкновенію“ (12 стр.)

б) „Обыкновенный напитокъ (калмыковъ) состоитъ въ приготовляемомъ по татарскому обычаю кисломъ молокѣ, сывороткѣ, горячемъ винѣ изъ молока, въ мясныхъ отварахъ и чистой водѣ. Они къ чаю великіе охотники и варятъ оный какъ изъ китайскаго чаю, такъ и изъ собственныхъ травъ съ солью и молокомъ, по обыкновенію братскихъ татаръ, въ

нынѣшнія времена многіе изъ нихъ пристрастились къ меду и горячему вину (стр. 14).

в) Буряты хоринцы содержатъ себя почти однимъ скотоводствомъ и лѣтомъ питаются по большей части однимъ кислымъ молокомъ, а зимою однимъ мясомъ, творогомъ и масломъ, которое пахтаютъ мутовками, покупаютъ также разную крупу и варятъ кашицы и похлебки. Хлѣба не любятъ, и приготовленіе онаго кажется имъ слишкомъ тягостнымъ. Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, не будучи богаты скотомъ, должны болѣе нежели живущіе къ востоку, пособлять нуждамъ своимъ звѣроловствомъ, частію дикорастущими кореньями простой и сибирской овсянки, бѣлой сараны, сердечной травы, макаршина и макарьина корня, черноголовника и другихъ, которыя они находятъ собранными большею частію въ норахъ степныхъ мышей. Нѣкоторые употребляютъ также и во весь годъ приготовляемую изъ муки и крупы пищу, сирѣчь саламату, кашицу и прѣсныя лепешки. Имѣющіе много скота, бьютъ оный, не жалѣя, не гнушаются также хворымъ и околѣлымъ. Изъ хищныхъ звѣрей не ѣдятъ никакихъ, кромѣ медвѣдей. Жрутъ сырой и съ кровью еще теплый мозгъ скотскій, жеребятину"... „Равно употребляютъ они въ пищу всѣхъ птицъ, кромѣ хищныхъ, но рыбу ѣдятъ только отъ нужды. Мясо сушатъ въ запасъ на вольномъ воздухѣ, или коптятъ. Варятъ обыкновенно все въ одной водѣ, безъ соли и сала.

Главнѣйшіе ихъ напитки, кромѣ воды и кислаго молока, есть: чай и мясные отвары. Весною пьютъ они березовицу, ежели могутъ достать оную, а когда хотятъ себя хорошо удовольствовать, то пьютъ молочное горячее вино. Чай ихъ есть такъ называемый кирпичный или сибирскаго бугульника листья, также съ шиповника, брусницы, бадану или такъ называемый Чигирскій чай, балгу пятимышника каменнаго и кустоватаго каменнаго звѣробою, а иногда и изъ кореньевъ сердечной травы и черноголовнику. То или другое варятъ они въ открытыхъ, водою налитыхъ горшкахъ, и къ тому прибавляютъ молока, масла и нѣсколько минеральной соли, которой въ солончакахъ Даурскихъ-Братскихъ степей великое множество, а иногда мѣшаютъ муку, отчего чай густъ бываетъ, и не только утоляетъ жажду, но и питаетъ. Почему многіе во все лѣто большею частію однимъ чаемъ, безъ всякой другой пищи, довольствуются. Молочное горячее вино сидятъ они, по калмыцкому и башкирскому обыкновенію изъ кислаго молока, въ горшкѣ, который покрывается кружкомъ съ кривою деревянною трубкою, препровождающею спиртовыя капли въ поставленный подъ оную сосудъ. Скважины между горшкомъ и кружкомъ замазываютъ смѣсью изъ свѣжаго коровьяго калу и глины составленною. Сіе вино любятъ они такъ, какъ калмыки, пить теплое (32—33).

г) Подвласные китайцамъ монголы пищу и напитки употребляютъ такія

же, какъ и Харинцскіе Буретты. Ѣдятъ мясо и дикіе коренья и столь-же неопрятно пищу и питье приготовляютъ. Масло пахтаютъ въ кожаныхъ мѣшкахъ изъ сметаны коровьяго молока, творогъ отвариваютъ изъ кислаго или и прѣснаго коровьяго и овечьяго молока; вино сидятъ, какъ калмыки, изъ кислаго кобыльяго молока по нѣскольку разъ и пьютъ теплое. Курятъ табакъ китайскій изъ маленькихъ китайскихъ трубочекъ, изъ металла (ганга), какъ мужчины, такъ и женщины, дѣти и престарѣлые почти всѣ безпрестанно. Чай, любимѣйшее для всѣхъ нихъ питье, варятъ изъ китайскаго кирпичнаго или сжатаго на подобіе кирпича, чаю, или же вмѣсто онаго кладутъ въ воду тѣ же травы, какія и Буретты употребляютъ и притомъ съ молокомъ, минеральною солью изъ солончаковъ, съ небольшимъ количествомъ муки“ (42—43).

(*Георги* „описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Часть 3-я. О народахъ самоѣдскихъ, манджурскихъ и восточныхъ сибирскихъ, какъ и о Шаманскомъ законѣ“. СПБ. 1799).

7. Въ Европейской Россіи до послѣдняго времени единственными потребителями кирпичнаго чаю съ молокомъ, какимъ-нибудь жиромъ и солью въ формѣ супа являются калмыки. Даже наиболѣе близкія сосѣди калмыковъ и въ территоріальномъ и въ культурномъ отношеніи—киргизы не переняли употребленія кирпичнаго чаю, или же, можетъ быть, утратили его употребленіе. Терещенко (1853 г.) указываетъ, что кирпичный чай пьютъ только зажиточные, а Харузинъ (1889 г.) добавляетъ, что кирпичный чай „до сихъ поръ пьется въ степи, но мало, и во всякомъ случаѣ уступаетъ по количеству употребленія русскому (черному) чаю“. („Киргизы Букеевской орды“. Выпускъ 1. М. 1889 г. стран. 253—254). Но оба автора не приводятъ данныхъ ни объ общераспространенности потребленія кирпичнаго чая среди киргизовъ въ болѣе древнее время, ни о способѣ приготовленія чая, ни даже не объясняютъ, какой видъ кирпичнаго чая именно употребляютъ киргизы. Между тѣмъ, видовъ кирпичнаго чаю нѣсколько, и употребляемый калмыками сортъ чая въ Поволжьѣ извѣстенъ болѣе подъ спеціальнымъ названіемъ „калмыцкаго чаю“, а въ Сибири—„Крымскаго“ (названіе „Крымъ“ присвоиваютъ сибиряки, между прочимъ, людямъ проишедшимъ отъ бурятки и русскаго), и его тамъ употребляютъ исключительно народности монгольскаго происхожденія, употребляемый же чай якутами, напримѣръ, носитъ названіе прямо „кирпичнаго“ чая. Извѣстно также, и кочевые инородцы русскихъ средне-азіатскихъ владѣній, въ томъ числѣ туркмены и киргизы употребляютъ пли зеленый чай или же черный, а не тотъ сортъ, который наз. „Нарымскимъ“ или калмыцкимъ “(Ир. Ж.„ Наши торговыя дороги въ среднюю Азію “Астр. 1885 г. стр. 39—40). „Калмыцкій чай,

какъ извѣстно, приготовляется въ Китаѣ изъ мелкихъ вѣтокъ и болѣе грубыхъ листковъ чайнаго дерева и формуется большими досками буро-темнаго цвѣта. Этотъ самый низшій сортъ чая, и китайцы готовятъ его спеціально для потребленія монголовъ уже издавна. Дюгальдъ („Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описаніе Китайской имперіи и Татаріи китайской." Ч. 1. Спб. 1774) еще въ прошломъ вѣкѣ отмѣтилъ такое назначеніе „крымскаго" чая, когда говоритъ: „употребляемый въ Татаріи Мунгалами такъ называемый „Кѣэль-ча" или „Карча" состоитъ изъ устарѣлыхъ листьевъ отъ „Суч-ло-ча" или отъ Уича" (породы чайныхъ деревъ), смѣшанныхъ вмѣстѣ: ибо китайцы думаютъ, что для Татаръ все изрядно, и что они дурнаго чаю отъ хорошаго отличить не умѣютъ, а особливо когда привыкли мѣшать оный съ молокомъ, изъ чего составляютъ питье довольно пріятное и питательное: которое ими почти безпрестанно употребляется" (стр. 35)

8. *Текстъ изъ историческихъ актовъ* а) Посланцы Дундука Тайши говорятъ: „приходитъ де нынѣ весна, а кормы всякіе, гдѣ они (калмыки Дундука) стоятъ, отравились, и ему бы (Дундуку) де указали великіе государи съ того мѣста скочевать, для рыбнаго корму самимъ и для отавы скота, на иныя мѣста вверхъ Ишима рѣки" (стр. 296, № 9, 1670 г. т. VI. Дополненія къ историческимъ актамъ. 1670—1676 г. Изд. археографич. коммисіи СПБ. 1857 г.)

б) „Калмыцкіе люди... которые кочевали близко Яицкаго городка и по рѣкѣ Яику до моря и работнымъ людямъ рыбы ловить не дали, и что Аюкой Тайша... тѣхъ калмыковъ, которые близко учюговъ по рѣкѣ Яику до моря (кочевали) и до усть моря и оханами рыбу ловили, и съ тѣхъ урочищъ всѣхъ сослалъ" (стр. 36. № 15, IV 1684 г. т. VIII. Дополненія къ историч. актамъ 1678 – 1681 г. Изд. СПБ. 1862 г.)

в) А съ Краснаго Яру ходили (донскіе казаки) для промысловъ подъ калмыцкіе улусы, и разбивъ ту заставу и на той-же рѣкѣ (Яикѣ) ихъ же калмыцкихъ рыбныхъ ловцовъ (стр. 163 № 49. VIII. 1682—83. т. X Дополн. историч. акт. 1882—83. Изд. СПБ. 1867 г.)

9. *Текстъ изъ сочин. Нила Попова*: а) „Дундукъ-Омбо... оставался за Кубанью... но братъ его Башкурга часто говаривалъ: лучше-бы ему на Волгѣ *пить мелкую рыбу*, нежели на Кубани баранину (стр. 256)... а подлые калмыки... руки свои поднимали на небо, прося бурхановъ, чтобы по прежнему дозволили перейти на Волгу (изъ Кубани); а тамъ жить голодно, *рыбы нѣтъ*, и для того богатые люди, не прочь впредь, ѣдятъ скотъ свой, а убогіе продаютъ кубанцамъ дѣтей своихъ и на то покупаютъ *просо* и тѣмъ питаются (стр. 257).

(В. П. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія. Соч. Нила Попова. Москва 1861 г.).

10) Въ архивѣ Главнаго Управленія калмыцкимъ народомъ сохранилось чрезвычайно многоактоваго матеріала о дачѣ калмыкамъ по распоряженію русскаго правительства „съѣстнаго и питательнаго припасу". Эти свѣдѣнія относятся къ первой половинѣ XVIII вѣка, главнымъ образомъ ко времени Аюка-Хана. Именно представители русской власти въ Астрахани посылали тогда въ степь калмыкамъ: вино, чихирь, лекарственную водку, пшено, сахаръ, яблоки, шепталу, орѣхи, сухари пшеничные, соленую капусту, овесъ, чай, арбузы, дыни, свѣжую рыбу, муку, али-бухары, леденцу, уксусу и т. д. (Историч. Отд. Арх. Калм. Упр. въ Астрах. Связка 1, годы: 1708, 1712, 1713, 1714 и № 2 д. 11 и 12 (листы 81—84) № 7 д. 3. (листы: 7, 20, 24, 33, 35), д. 12 (листы: 42, 44, 50, 68, 86, 95); № 8 д. 1 (листы: 14, 41, 58, 67, 101); № 9 д. 4 (листы: 11, 12, 25, 27, 34, 42, 48, 57, 136, 162, 198).

Не всѣ эти припасы шли исключительно семьѣ хана и его приближеннымъ, и не могутъ характеризовать питанія калмыковъ вообще: въ это время ханъ Аюка, эта дѣйствительно выдающаяся фигура среди калмыковъ XVIII и XIX в. по своей энергіи и уму,—вошелъ во вкусъ европейскаго комфорта на столько, что, чувствуя свою силу и значеніе на юго-восточной окраинѣ Русскаго государства, требовалъ себѣ отъ русской власти „нѣмецкую карету" (св. 1 № 8 д. 1 л. 41), нѣмецкую коляску" (св. 1. № 9. д. 4 л. 88), часы (л. 61), лекаря и лекарствъ (170) и т. д., хотя въ это время не только рядовые калмыки, но и всѣ не стоявшіе при ставкѣ ханы передвигались верхомъ на лощадяхъ и верблюдахъ и питались тѣмъ, что могло дать скотоводческое хозяйство степей.

11) *Текстъ изъ путешествія Лепехина*: а) „Самое богатое кушанье калмыковъ состоитъ изъ жирной овцы, которую они освѣжевавъ варятъ въ котлѣ, или простой водѣ, или подболтавъ нѣсколько муки. Похлебку пьютъ чашками, а мясо, измельчивъ ножомъ, ѣдятъ щепотью безъ хлѣба: ибо хлѣбъ у нихъ не въ употребленіи. Вмѣсто всѣхъ другихъ перемѣнъ столъ свой скрашиваютъ изобиліемъ кумыса, (который авторъ смѣшиваетъ очевидно съ арькой. Стр. 223).

б) „Простою и обыкновенною пищею служитъ калмыкамъ по большей части молоко и мясо всякаго скота, и нѣтъ почти никакого животнаго, котораго они не гнушались бы употреблять въ снѣдь. (226).

(„Дневныя записки путешествія доктора и академика наукъ адъюнкта Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1768 и 1769 г. Спб. при Имп. Акад. Н. 1771 г).

Академикъ Лепехинъ свѣдѣнія о пищѣ даетъ только о Ставропольскихъ (крещеныхъ) калмыкахъ. Но дѣло въ томъ, что онъ наблюдалъ этихъ калмыковъ скоро послѣ ихъ выселенія изъ Астраханскихъ степей, когда они еще не успѣли измѣнить въ питаніи привычкамъ своихъ соплеменныхъ астраханскихъ калмыковъ. Кромѣ того, свѣдѣнія академика Лепехина находятъ подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Палласа („Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи 3 част. 1786—1809 4°), но неимѣніе при составленіи настоящаго сообщенія подъ руками сочиненій Палхаса лишаютъ меня возможности привести данныя изъ Палласса о пищѣ калмыковъ.

12). П. Небольсинъ („Очеркъ быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса", изд. 1852 г.) говоритъ, что калмыки, избѣгая распахиванія пашенъ на песчаныхъ своихъ степяхъ, умѣютъ извлекать пользу изъ дикорастущихъ кустарниковъ, травъ, кореньевъ и порослей" (стр. 49), причемъ перечисляются и употребляемыя калмыками растенія, именно: 1) корень „хурунъчихинъ (конскаго щавеля), 2) вѣтки „беельджинерге" (дикой ежевики), 3) „чилимъ" (trapa natans)—водяной орѣхъ, 4) „бодмонцукъ" (дикій или свиной орѣхъ), 5) „алцанхо" (осока, carex или ciperas), 6) джигамылъ" (дикій лукъ), 7) „суркуль" (родъ проса); 8) „мокунъ", 9) „эргене" (ephedra monostachia) и 10) „булукъ" (ornithogalum bicolor) (стр. 49—51). Болѣе ранній наблюдатель астраханскихъ калмыковъ Нефедьевъ („Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ". Изд. 1834 г.) указываетъ гораздо менѣе дикихъ растеній, эксплуатируемыхъ калмыками въ пищу. Онъ говоритъ, что изъ царства растительнаго калмыки, *кочующіе близъ болотистыхъ мѣстъ*, употребляютъ въ пищу: a) коренья шишковатаго медвежьяго уха (phlonus tuberosa), по калмыцки „ботманцукъ", b) головатую осоку (spicis capitalis), по калм. „алцинхо", c) водяные остроганные орѣхи (trapa natans), называемые въ Астрахани „чилимъ"; d) спорымъ или растъ (ornithogalum bicolor), по калм. „булукъ" (стран. 137—138).

Лично мнѣ при изученіи калмыковъ въ 1885 и 1889 гг. (съ Іюня по Сентябрь) приходилось изъ разспросовъ узнать, что приморскіе и приволжскіе калмыки ѣдятъ „алцынхо„ и „чилимъ", но и то какъ лакомство, а не какъ продуктъ болѣе или менѣе постояннаго употребленія, на подобіе, напримѣръ, нашихъ огородныхъ овощей. Такое разногласіе объясняется мнѣ кажется, разницею въ областяхъ наблюденія. Дѣло въ томъ, что наблюденія Нефедьева, произведенныя главнымъ образомъ зимою, относятся преимущественно къ степнымъ калмыкамъ, и только отчасти къ приморскимъ „мочажнымъ"; мои же записи о пищѣ калмыковъ сдѣланы лѣтомъ и касаются только калмыковъ правобережныхъ (т. е. эргенскихъ, степныхъ и

мочажныхъ), тогда какъ наблюденія П. Небольсина имѣютъ въ виду преимущественно калмыковъ хошеутовскихъ, обитающихъ большую часть года, и между прочимъ осенью, на лѣвомъ луговомъ берегу Волги, въ условіяхъ, рѣзко отличающихся отъ правобережной степной стороны по своимъ естественнымъ особенностямъ: въ луговой сторонѣ дѣйствительно растетъ и „бесльджиннерге“ и „эгергене“ и др. растенія, не сухой и не солончаково-песчанной почвой, но о всѣхъ исчисленныхъ П. Небольсинымъ растеніяхъ, за исключеніемъ развѣ „суркула“, степной калмыкъ не имѣетъ никакого представленія, не знаетъ большинства ихъ и приморскій калмыкъ. Во всякомъ случаѣ потребленіе калмыками дикихъ растеній не можетъ быть признано чѣмъ-нибудь типичнымъ по отношенію питанія калмыковъ, а указываетъ лишь на способность калмыковъ пользоваться между прочимъ растительною пищею для утоленія голода. Нужно сказать, что въ отношеніе пищи калмыки отличаются отсутствіемъ почти всякихъ предубѣжденій: нѣтъ, мнѣ кажется, того продукта, котораго калмыкъ не сталъ бы ѣсть, кромѣ прямо вредныхъ для здоровья.

13. Преданіе о неубиваніи животныхъ человѣкомъ мною записано въ 1885 г. со словъ безъаймачнаго зайсанга, Барунова рода, Яндыковскаго улуса, Кекшина Оргичкеева, человѣка чрезвычайно религіознаго.

14. 5-го Іюля 1885 г., когда я проживалъ при большомъ Багутовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса, палъ верблюдъ отъ укушенія тарантула, и немедлено же былъ раздѣленъ между населеніемъ при хурулѣ, кромѣ, кажется, духовенства: по крайней мѣрѣ въ общемъ хурульномъ котлѣ ни въ этотъ, ни послѣдующій день, верблюжатина не варилась. На мои замѣчанія, что это вредно, мнѣ объяснили, что мясо укушенныхъ тарантуломъ животныхъ совершенно безвредно и что въ смерти животнаго они видятъ распоряженіе Провиденія, которые, освободивъ животное отъ его духовнаго начала, предоставило мясо животнаго на пищу людей.

15. Кромѣ лично собранныхъ матеріаловъ по вопросу о количествѣ потребляемыхъ калмыками пищевыхъ продуктовъ въ моемъ распоряженіи находятся еще оффиціальные матеріалы, предоставленные мнѣ Главнымъ Калмыцкимъ Управленіемъ. Возвратившись въ 1885 г. изъ первой своей поѣздки въ калмыцкую степь, я просилъ бывшаго тогда главнаго попечителя калмыцкаго народа Н. О. Осипова и его помощника Вл. П. Аш-га предложить гг. улуснымъ попечителямъ и правителямъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія и между прочимъ о пищевыхъ продуктахъ калмыковъ. Копіи со свѣдѣній указанныхъ лицъ мнѣ и были потомъ высланы, благодаря внимательности и любезности Главнаго Калмыцкаго Управленія, именно II сообщеній: изъ Икицохуровскаго (I отъ попечителя), изъ Харахусовскаго (тоже), Эркетеневскаго (2 отъ попечителя и отъ правителя), изъ Яндыковскаго (I тоже), изъ Богацохуровскаго (2 тоже).

изъ Александровскаго (I отъ попечителя), изъ сѣверной части Малодерб. ул. (I—отъ правителя), изъ южной части Малодербстовскаго улуса (I—тоже), часть этихъ сообщеній мнѣ удалось, хотя только до извѣстной степени вѣроятности, провѣрить, исправить и пополнить при поѣздкѣ въ степь въ 1886 г. Изъ сопоставленія данныхъ оффиціально добытыхъ и лично собранныхъ можетъ быть составлена слѣдующая таблица годоваго потребленія пищевыхъ продуктовъ отдѣльной калмыцкой семьей.

	Мука ржаная въ теченіи 5 мѣс.	Мука пшеничная въ теченіи 5 мѣсяцевъ	Кирпичный чай въ теченіи года	Мясо въ теченіи года
	Пудовъ	Пудовъ	Досокъ	Фунтовъ
1. Семья богатая . . .	60	25	60	7000 (*)
2. „ средняго достатка	30	—	27	2600 (**)
3. „ бѣдная	25	—	20	300 (***)

При этомъ подъ именемъ „бѣдной кибитки“ слѣдуетъ разумѣть кибитку безъ скотоводческаго хозяйства, способнаго выдѣлать что либо на продажу изъ него; средняго достатка семья—это кибитка, хозяйничающая самостоятельно, безъ наемныхъ рабочихъ, обыкновенно хозяйство такой кибитки заключается въ 50—100 головахъ разнаго скота, и наконецъ семья богатая, хозяйство которой ведется наемными рабочими, не менѣе 2-хъ—3-хъ семей, лишь подъ надзоромъ и управленіемъ хозяевъ. Семьи послѣдней категоріи представляютъ среди калмыковъ незначительное меньшинство, приблизительно около 5000 д. или 1000 семей, да еще духовенства около 1500 д., а потому для опредѣленія потребленія калмыками пищевыхъ суррогатовъ слѣдуетъ брать въ разсчетъ, не эти исключительныя семьи богачей, а семьи второй и третьей категоріи. Въ такомъ случаѣ оказывается, что отдѣльная семья камыцкая, не менѣе какъ изъ 4 душъ потребляетъ въ годъ:

а) Муки—отъ 25 до 30 п. (въ теч. 5 мѣс.).
б) Кирпичнаго чаю—отъ 20 до 27 досокъ.
в) Мяса (главн. обр. барановъ)—отъ 600 до 2600 ф,

(*) или=10 барановъ,+1 лошадь+2 коровы.
(**) 30 барановъ+1 корова.
(***) 5 барановъ.

Что же касается до молока, то, какъ по соображеніямъ, указаннымъ мною раньше („арыка“ или „тепленькая“ астрах. калмыковъ), годовой удой степныхъ коровъ можетъ быть приблизительно опредѣленъ около 3.700.000 ведеръ. Молоко кобылицъ идетъ на кумысъ и употребляется почти цѣликомъ семьями богачей и духовенствомъ, и потому для опредѣленія потребленія калмыками не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ. Молоко овецъ и козъ идетъ на пищу бѣдняковъ, но учесть его для меня не представляется возможности, хотя не будетъ далеко отъ истины, если признать, что годовое потребленіе молока калмыками, кромѣ семей богачей и духовенства, доходитъ до 3.700.000 ведеръ. Дѣло въ томъ, что изъ общаго количества потребляемаго молока коровъ значительная часть должна быть отнесена во первыхъ на семьи богатыхъ, а во вторыхъ—на выдѣлку овчинъ во всей степи (см „арыка“ или „тепленкая“ и „формы труда у астраханскихъ калмыковъ“ въ протоколахъ Петровскаго Общества), и несомнѣнно болѣе чѣмъ получаютъ молоко въ пищу калмыки, кромѣ богачей, отъ овецъ, козъ, верблюдицъ и кобылицъ.

Если принять во вниманіе, что изъ 30.000 семей всего населенія въ исключительномъ положеніи по пищевому продовольствію находятся около 1.000 семей, и что въ остальныхъ 29.000 семьяхъ находится приблизительно 120.000 обоего пола, изъ которыхъ не болѣе 20.000 должны быть признаны въ младенческомъ возрастѣ, то окажется, что на отдѣльное лицо изъ калмыковъ въ годъ потребляется:

а) Муки—отъ 250 до 300 ф.
б) Кирпичнаго чаю отъ 5 до $6^3/_4$ досокъ.
в) Мяса—отъ 150 до 625 ф.
г) Молока—около 30 ведеръ.

Отсюда суточное потребленіе отдѣльныхъ калмыковъ должно быть выражено въ такихъ данныхъ:

а) Муки—отъ 22 до 26 лот.
б) Кирпичнаго чаю—отъ $^1/_{73}$ до $^1/_{52}$ доски.
в) Мяса—отъ 13 лот. до $1^5/_7$ фун.
г) Молока около 2 стакановъ.

Но въ дѣйствительности потребленіе еще гораздо ниже, въ чемъ легко убѣдиться другимъ путемъ при опредѣленіи потребленія калмыками мяса. Зеландъ („Киргизы“. Записки зап. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. кн. VII вып. II) проводитъ ту мысль, что киргизы могутъ съѣдать ежегодно какъ maximum половина своихъ стадъ, такъ какъ иначе не осталось бы у нихъ на племя и на уплату повинностей. Эта мысль совершенно справедлива и по отношенію калмыковъ, а примѣненіе ея приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ 1863 г., положимъ, у астраханскихъ калмыковъ числилось:

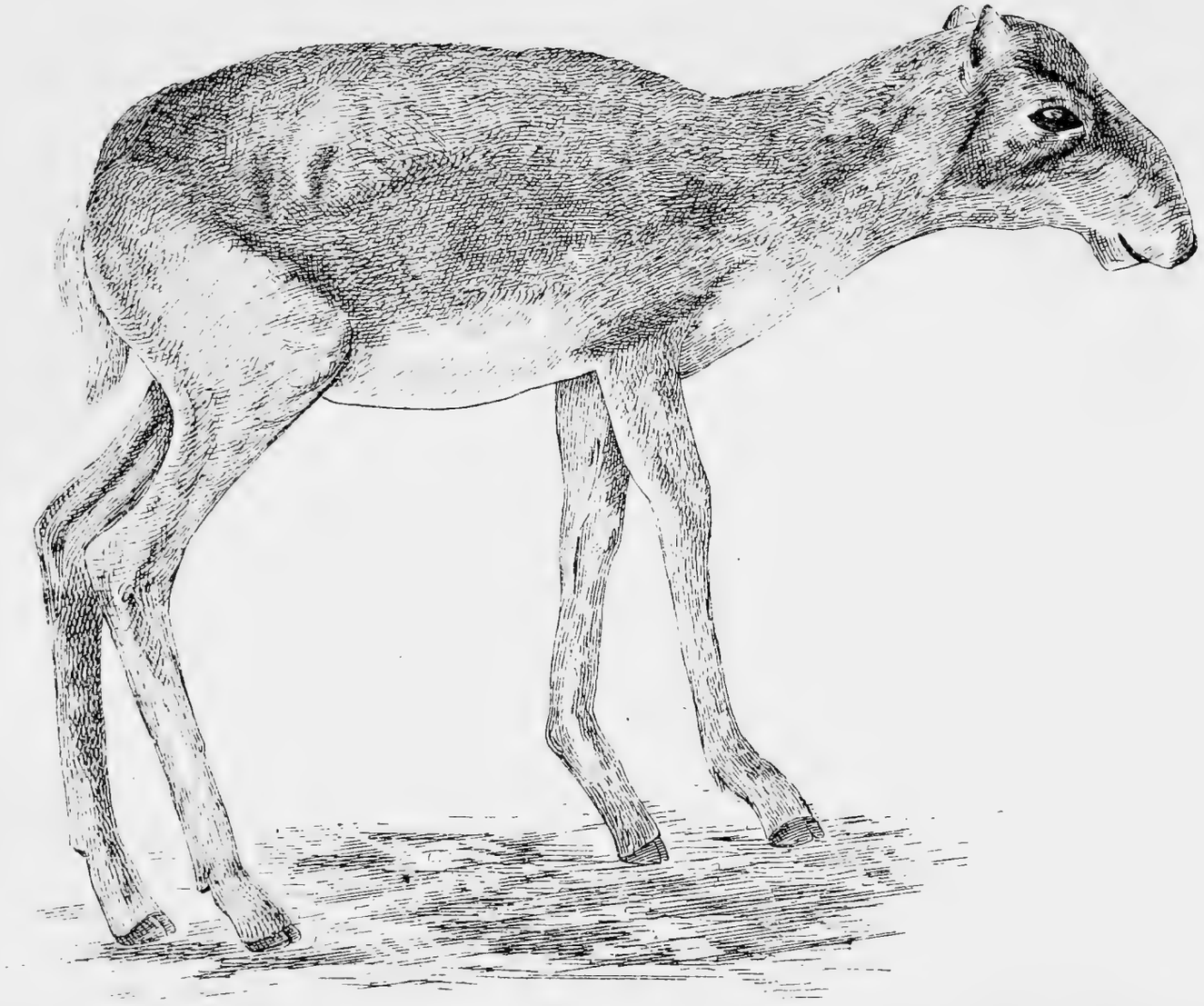
верблюдовъ 16.900 головъ, лошадей 114.690 головъ, рогатаго скота 143.345 головъ, овецъ 802.941 головъ и козъ 12.712 головъ.

Верблюдовъ и лошадей калмыки, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, какъ напр. свадьбы у богачей. для пищи нарочно не убиваютъ, а ѣдятъ лишь павшихъ и искалѣченныхъ, и потому животныхъ этихъ необходимо исключить изъ годоваго пищеваго продукта. Не можетъ быть введенъ въ разсчетъ общей массой и рогатый скотъ, такъ какъ въ дѣйствительности этотъ видъ животныхъ потребляется лишь въ незначительной части, а бѣдняками почти никогда, собственно же калмыки ѣдятъ только баранину, а введеніе въ счетъ потребленія семей бѣдныхъ и средняго достатка всего количества барановъ (т. е. 802,941) пополнитъ излишкомъ то число верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота, какое съѣдается вообще въ калмыцкой степи, такъ какъ тысячи семей калмыцкихъ богачей во всякомъ случаѣ съѣдаютъ въ годъ болѣе барановъ, чѣмъ остальные калмыки въ то же время мяса верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Примѣняясь къ положенію Зеланда необходимо признать, что калмыками, можетъ быть ежегодно потреблено, безъ разворенія своего хозяйства, никакъ не болѣе половины стадъ овецъ и козъ. Считая въ среднемъ вѣсъ мяса овцы и козы $1^1/_2$ пуда, окажется, что калмыки въ 1863 г. ежегодно потребляли: говядины и баранины 602.206 пудовъ и козлятины 9.554 пуда, или всего 611.760 пудовъ, которые въ 1863 г. съѣдались въ годъ приблизительно 90.000 ѣдоками, т. е. на каждаго ѣдока приходилось въ годъ 270 ф., а въ сутки около 24 лотовъ мяса.

16. Можно, напр., указать среди бѣдныхъ калмыковъ не мало семей, которыя въ годъ съѣдаютъ всего 4 барановъ, т. е. 240 фунтовъ мяса, но при этомъ еще мясо поѣдается не въ 80 дней, какъ бы можно предположить на основаніи нормы суточнаго потребленія мяса (по 24 лота на каждаго человѣка или по 96 лотовъ на семью), а въ какихъ-нибудь 8—10 сутокъ, такъ какъ калмыки ѣдятъ, особенно мясо, до полнаго насыщенія, до отрыжки, которая среди нихъ не только не считается неприличіемъ, а напротивъ, выраженіемъ полнаго удовольствія. На пирушкахъ, напр., или вообще во время угощеній, кормежка гостей идетъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не начинается отрыжка, и потому гости, разъ они хотятъ быть приличными и вѣжливыми по отношенію къ хозяевамъ, особенно болѣе или менѣе уважаемымъ, непремѣнно выражаютъ свое удовольствіе этимъ способомъ.

Ир. Житецкій.

Рис. 1.



Сайгакъ.

Рис. 2.

„Хуръ"

Рис. 3.

„Кебъ"

Рис. 4.

„Чикатха"

Рис. 5.

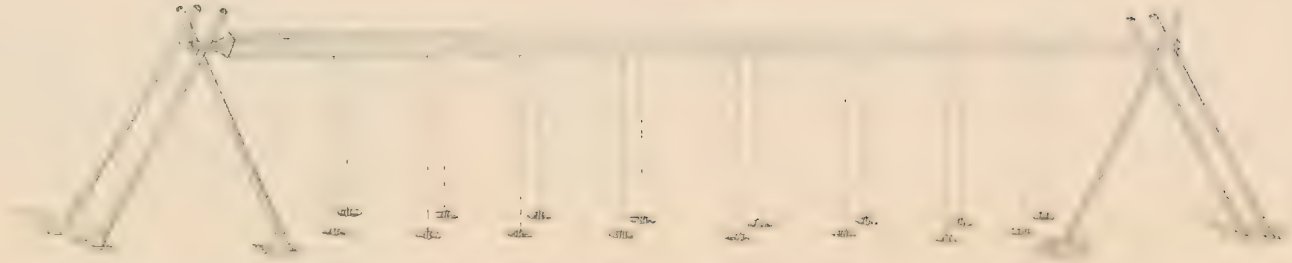


Рис. 6.

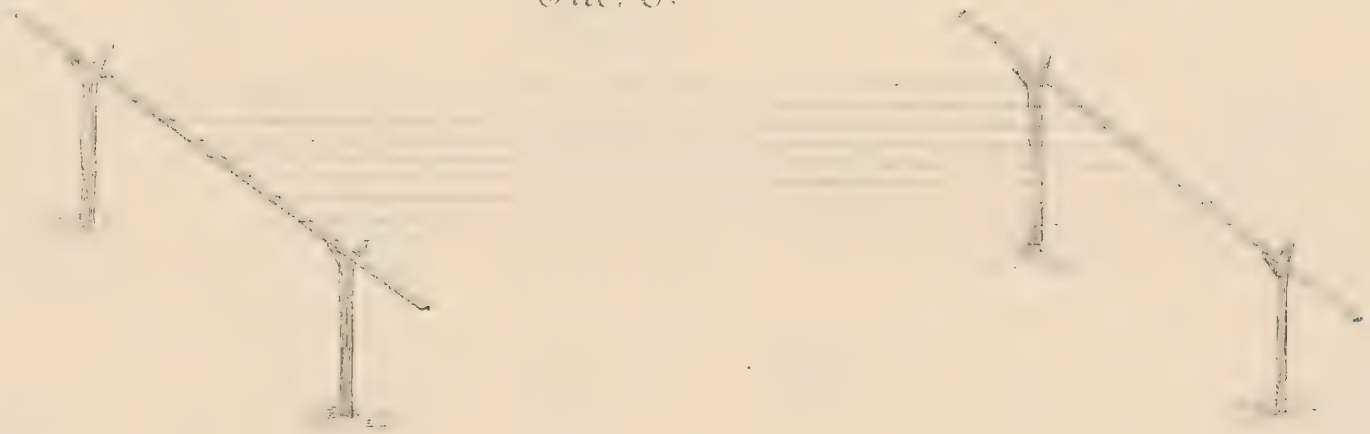
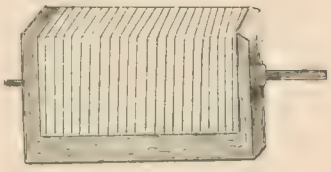


Рис. 7а)

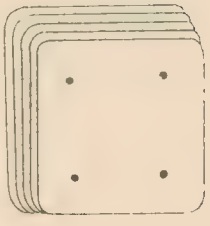
„Модонъ“

Рис. 8



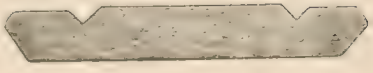
„Самъ“

Рис. 9а)



„Кезюръ“

Рис. 7. б)

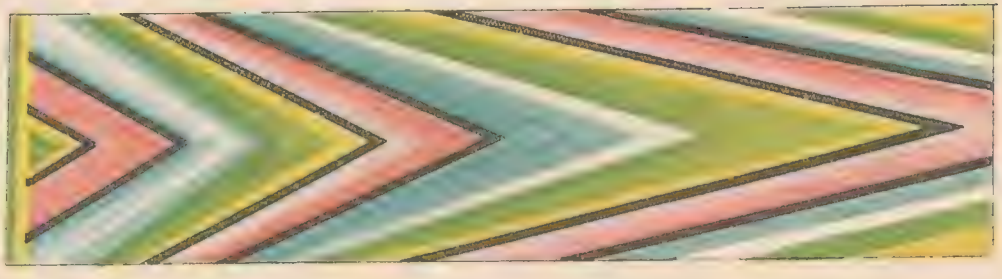


„Архалъ“

Рис. 10 а)

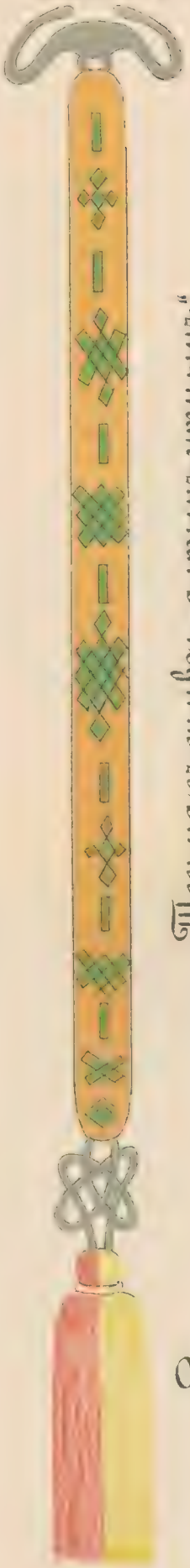
Образ. позумента

Рис. 10 б)



Образ шерстян. тесмы

Рис. 11.б)



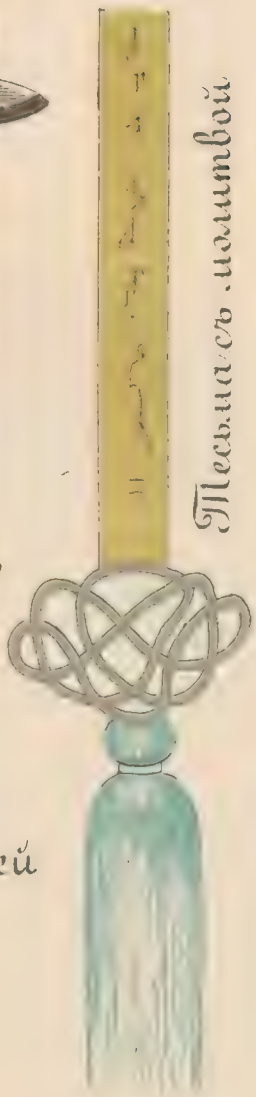
Тесьма съ символ „алтынъ утцынъ"

Рис. 13

Икъ

Рис. 12

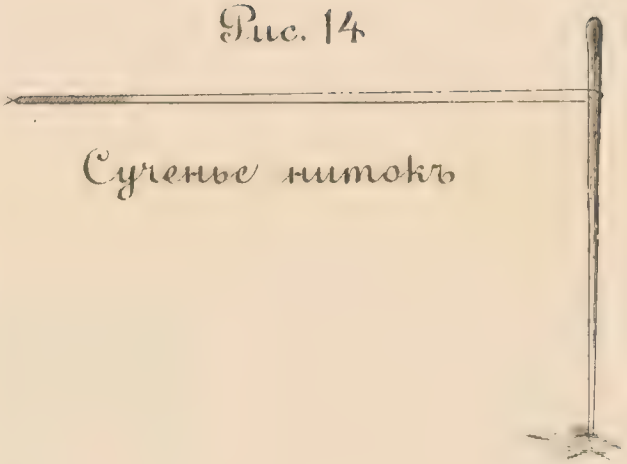
Рис. 11а)



Тесьма съ молитвой

Рис. 14

Сученье нитокъ



Образ. кистей

Рис.15.

Снование питока

Рис.16.

Тканье „хопливо"

Рис.17.

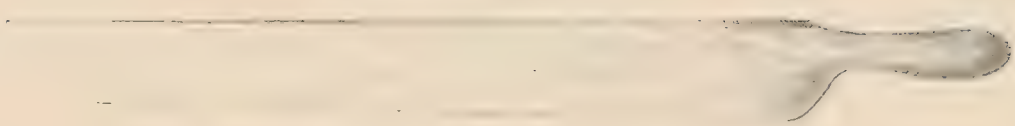
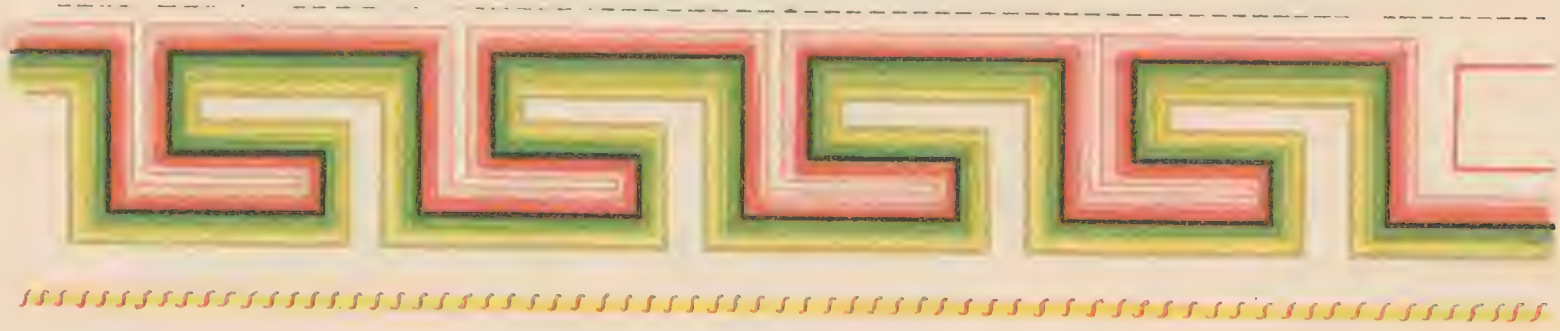


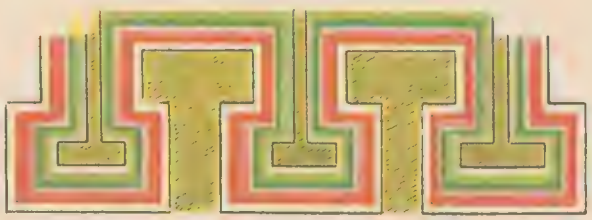
Рис.18. Дерев. сошка.

Рис.19



Обр. вышивки.

Рис.20.



Обр. вышивки.

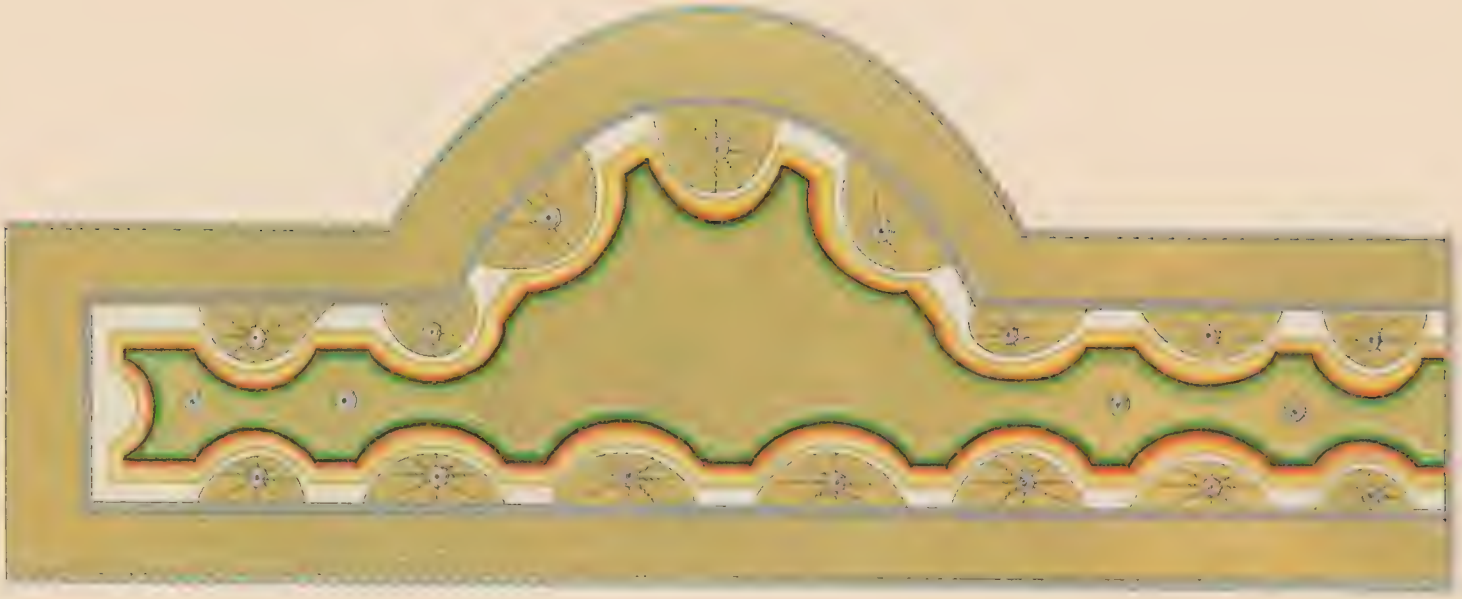
Рис.21

Обр. вышивки.

Рис.22

Обр. вышивки.

Рис. 23



Обр. вышивки.

Рис. 26.

Рис. 24.

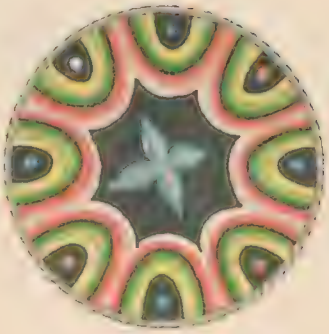
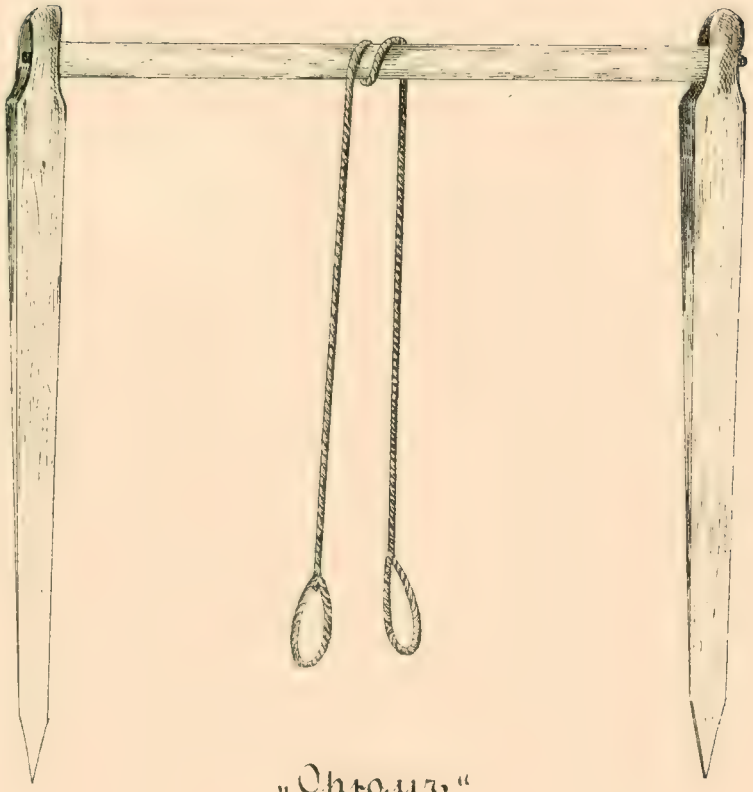


Рис. 25.

Обр ы вышивокъ на „тунтыкъ" и шапкахъ гелюнг.

Рис. 27.

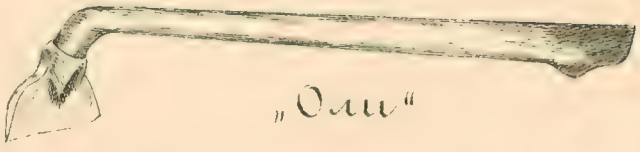


„Орюмъ“

Рис. 29.

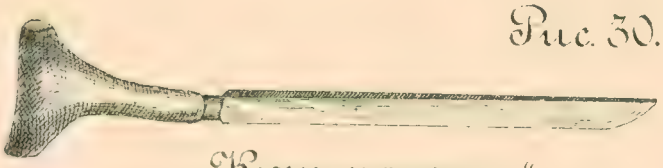
Циркуль.

Рис. 28.

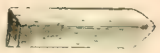


„Оли“

Рис. 30.

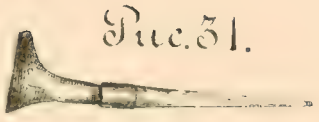


„Кюнъ нагашъ“



„Нагашъ“

Рис. 31.



„Кекгюль“

Рис. 32

1й обр. рамки для „эрдни“

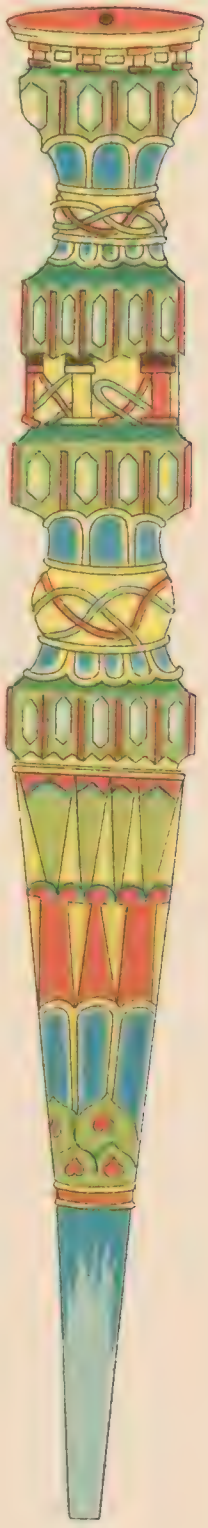
Рис. 34

„Лу“ въ видѣ ножки стола

Рис. 33

2й обр. рамки для „эрдни“

Рис. 35.



Жертв. подсвѣчникъ.

О состояніи табаководства въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса, Астраханской губерніи

Сообщеніе, сдѣланное въ Петровскомъ Обществѣ В. А. Хлѣбниковымъ.

Табаководствомъ въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса занимается около 125 кибитокъ. Табачныя плантаціи расположены въ балкахъ эргенинской возвышенности, богатыхъ прѣсными и обильными родниками и тучною, напоминающею черноземъ, почвою. Каждая семья, занимающаяся разведеніемъ табаку, воздѣлываетъ отъ $^1/_3$ до $^1/_{12}$ десятины, рѣдко болѣе или менѣе этого. Размѣры плантацій опредѣляются обиліемъ воды, удобной почвы и рабочихъ силъ табаковода.

Сѣмена выращиваются на особой удобренной навозомъ и вскопанной лопатой грядкѣ въ концѣ Апрѣля. Всходы пересаживаются на плантацію въ концѣ Мая. Въ случаѣ гибели сѣмянъ или всходовъ, разсадка послѣднихъ на плантаціи продолжается до начала Іюля. Плантація передъ посадкой разсады взрыхляется плугомъ, уравнивается и разбивается лопатой на грядки около 5 футъ шириною. На каждую погонную сажень такой грядки садится средимъ числомъ. 8 корней. Плантаціи исскуственно не удобряются, хотя изъ года въ годъ остаются на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Со времени посѣва до уборки табаку постоянно выпалывается съ грядокъ сорная трава, обираются черви и ломаются пасынки (боковыя вѣтви). Поливъ производится одними черезъ день, другими рѣже, но во всякомъ случаѣ не менѣе одного раза въ недѣлю Для такого ухода достаточно одного мущины и одной женщины на $^1/_3$ десятины, если они хорошіе работники и никуда отъ плантаціи не отлучаются. При этотъ мущина работаетъ почти ежедневно, а женщина помогаетъ ему во время, свободное отъ домашнихъ занятій. Поспѣваетъ табакъ въ концѣ Августа и началѣ Сентября.

Каждый кустъ даетъ, среднимъ числомъ, 6 – 7—8 листьевъ табаку, годнаго къ употребленію. Собранные листья нанизываются для сушки на нитки, по просушкѣ вяжутся въ пучки (бодыкъ) по 5 листьевъ большихъ или по 6 среднихъ или по 7 малыхъ, бодыки связываются по 10 въ большіе пучки (багла). Каждая багла вѣситъ приблизительно фунтъ, если отбросить толстые, негодные къ употребленію концы корешковъ листьевъ и перевязку. Багла продается на мѣстѣ по 10—15 коп., въ развозъ—

15—20 коп. Полагая, на основаніи вышеизложеннаго, въ плантаціи въ 1/3 десятины 1120 погонныхъ саженъ грядокъ въ 5 футъ шириною, а отсюда 8960 корней табаку, получимъ, считая на каждомъ корнѣ по 7 листьевъ, средній урожай 62720 листьевъ или 1045 баглъ (по 60 листовъ въ каждой), стоющихъ на мѣстѣ 104 р. 50 к.—156 р. 70 к. Табаководы Аршанской балки показываютъ, что годовой ихъ доходъ съ 1/3 десятины колеблется между 100 и 200 р.

Какъ не незначителенъ этотъ заработокъ, тѣмъ ни менѣе табаководы, благодаря ему, имѣютъ возможность, не смотря на небольшое свое скотоводство и случающіяся въ жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ матеріальныя невзгоды, оставаться въ улусѣ и платить исправно повинности наравнѣ со скотоводами средняго достатка, не прибѣгая къ отхожимъ промысламъ. Но значеніе табаководства этимъ не исчерпывается. Послѣднѣе, существуя въ улусѣ давно—не менѣе 30 лѣтъ усвоено калмыками лучше и прочнѣе всѣхъ остальныхъ отраслей земледѣлія. По нашему мнѣнію, это произошло потому, что новаторами въ подобной эксплуатаціи земли были лица изъ скотоводческаго пролетаріата, гонимые нуждою. Для такихъ семей трудно представить занятіе сподручнѣе табаководства. Маленькая плантація обрабатывается лопатою, большая, правда, требуетъ плуга, но распашка 1/3 десятины по средствомъ найма обходится не дорого: обыкновенно одинъ изъ членовъ семьи табаковода нанимается къ хлѣбопашцу въ погонщики на весеннюю пахоту, послѣ которой табачная плантація распахивается нанимателемъ въ счетъ платы за работу погонщика. Всѣ остальныя работы производятся безъ рабочаго скота и дорогихъ орудій: кромѣ рукъ табаковода и простой желѣзной лопаты ничего не требуется.

Хлѣбопашцу же, особенно въ Астраханской губерніи, необходимъ обширный хозяйственный инвентарь и значительное количество рабочихъ рукъ. Для одного передвиженія съ одной работы на другую (пахота, сѣнокосъ, уборка хлѣба) и своза продуктовъ на зимовку необходимо въ Астраханской губерніи, въ силу разбросанности хозяйства на большомъ пространствѣ, изрядное количество рабочаго скота и телѣгъ. Кромѣ того, въ другихъ отрасляхъ земледѣлія трудно обойтись безъ построекъ для сохраненія продуктовъ. Табаководъ же находится въ совершенно обратныхъ, подходящихъ для него, скотоводческаго пролетарія, условіяхъ. Круглый годъ сидитъ онъ около своей плантаціи въ эргенинской балкѣ, имѣя тутъ же вдоволь воды и подножныхъ кормовъ для своего немногочисленнаго скотоводства и нерѣдко запасаясь на зиму сѣномъ въ той же балкѣ невдалекѣ отъ плантаціи. Особенныхъ помѣщеній для сохраненія табаку не требуется. Онъ прекрасно сохраняется въ той же кибиткѣ, гдѣ табаководъ живетъ съ своимъ семействомъ. Табаководство удобнѣе и огородничества съ садоводствомъ, потому

что овощи и фрукты нужно вывозить въ продажу въ населенные осѣдлые центры, расположенные внѣ улуса, верстъ за 15—60 отъ плантаціи, иначе эти продукты могутъ испортиться, табакъ же можетъ лежать годы подъ прикрытіемъ кошмы отъ влаги, а мороза онъ не боится. Сбывается табакъ по близости въ родныхъ кочевьяхъ, а прежде возился на ближайшія ярмарки, при чемъ весь годичный урожай помѣщался на одной фурѣ. Покупаютъ табакъ калмыки и, частью, крестьяне: первые—для леченія скота отъ накожныхъ болѣзней и для куренія, вторые—преимущественно для леченія скота. Куреніе табаку между калмыками весьма распространено. Курятъ не только взрослые мущины и женщины, но и маленькіе дѣти. Отказать въ дачѣ табаку на трубку проѣзжему считается у калмыковъ также неприличнымъ, какъ у насъ отказъ въ стаканѣ воды. Самая бѣдная кибитка покупаетъ табаку рубля на 4 въ годъ, а ежегодный расходъ на табакъ въ 15 р. считая обыкновеннымъ явленіемъ. При этомъ предпочитается мѣстный листовой табакъ „махорка“ (хамта-гасанъ тамке, по калмыцки).

Занимаясь табаководствомъ, калмыки постоянно пріучаются къ другимъ отраслямъ земледѣлія и къ осѣдлой жизни. На нѣкоторыхъ плантаціяхъ около табачныхъ грядокъ можно встрѣтить коноплю, картофель, тыквы, арбузы, огурцы и фруктовыя деревья. Лучшіе хозяева переходятъ къ хлѣбопашеству, устраиваютъ по близости къ плантаціямъ помѣщенія для зимовки скота, сохраненія продуктовъ земледѣлія и для собственнаго обитанія. Словомъ, табаководство въ калмыцкой степи представляетъ самый естественный и удобный переходъ къ осѣдлому хозяйству, въ плодородныхъ и обильныхъ водою эргеняхъ весьма желательному. Между тѣмъ эта, заслуживающая полнаго поощренія отрасль земледѣлія постепенно сокращается, стѣсняемая уставомъ о табачномъ сборѣ 1886 года. Сбытъ табаку согласно уставу 86 года не по силамъ и не по уму табаководамъ калмыцкой степи, а тайная, безъ соблюденія означеннаго закона, продажа табаку понижаетъ его цѣну, будучи же обнаружена, что иногда случается при продажѣ въ развозъ, влечетъ за собою раззореніе табаковода отъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ акцизнымъ надзоромъ. На отдаленныя фабрики и склады калмыцкій табакъ, какъ весьма низкаго качества, сбывать не выгодно, а по близости нѣтъ ни одной табачной фабрики, ни склада. О собственныхъ фабрикахъ и складахъ, требующихъ значительныхъ денежныхъ затратъ, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ подходящее по простотѣ для бѣднаго и темнаго люда дѣло осложилось до того, что табаководамъ впору бросать привычное занятіе и искать новыхъ средствъ къ существованію.

Означенное въ началѣ очерка число табаководовъ постепенно сокращается, уменьшаются и размѣры обработываемыхъ плантацій. Рядомъ съ этимъ полезные новаторы въ осѣдломъ хозяйствѣ превращаются въ обре-

менительный для своего общества пролетаріатъ: часть платежей, поступающая отъ табаководовъ въ пополненіе денежныхъ повинностей, слѣдующихъ съ имъ родовыхъ обществъ, по обѣдненіи этихъ въ настоящее время исправныхъ плательщиковъ, ляжетъ на другихъ болѣе состоятельныхъ ихъ однородцевъ, и безъ того достаточно обложенныхъ, благодаря избытку неимущихъ среди калмыковъ.

Чтобы поддержать табаководство и поощрить переходъ къ другимъ земледѣльческимъ занятіямъ, а можетъ быть, и къ культурѣ высшихъ сортовъ табаку, по мѣстнымъ условіямъ, вѣроятно, возможной, необходимо, хотя временно, не распространять на калмыцкую степь устава 1886 года о табачномъ сборѣ, предоставивъ мѣстнымъ табаководамъ торговать листовымъ табакомъ своего производства въ розницу въ калмыцкой степи и на окружающихъ послѣднюю сельскихъ ярмаркахъ Астраханской губерніи и освободивъ этотъ продуктъ отъ обложеній въ пользу казны.

В. Хлѣбниковъ.

18 Января 1890 года, Малодербеты.

Почвенная вода.

(Докладъ, въ естественно-исторической секціи, сдѣланный П. М. Никольскимъ).

Астрахань занимаетъ 1,882,000 кв. саж. Центральная часть между Волгой, Кутумомъ, Вар. Каналомъ 575 тыс. кв. саж., за Кутумомъ 587 тыс. кв. саж. и за Каналомъ 720 тыс. кв. саж., подъ площадями и улицами до 460 тыс. кв. саж. Изъ всего пространства только 250 т. квадр. саж. возвышается болѣе чѣмъ на 12 фут. надъ ординаромъ, а остальная часть 1.632,000 т. е. почти $^7/_8$ только на $8^1/_2$ футъ, т. е. ниже уровня полой воды. Чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ площади, занимаемой городомъ, обратимся къ невелировкѣ и возьмемъ въ каждомъ участкѣ самыя высокія и низкія точки.

Въ 1-мъ уч. самая высокая лежитъ на 11,5 ф., а низкая 9,4 ф.; во 2-мъ уч. Кремль 46,5, Смоленская ул. 19,5, Облупинская площадь 8,4 ф., Бѣлгородская ул. 9,4; въ 3-мъ уч. Казанская ул. 11,4, Поперечно-Сапожниковская 9,3; въ 4-мъ уч. Воздвиженская ул. 12,6, Христо-Рождественская 7,7; въ 5-мъ уч Набережная Варвац. канала 13,5, Троицкая 10,2 ф., Четвертая Бакалдинская 6,3; въ 6-мъ уч. Безродинская первая 23,4 ф., Мечетная 17,5 ф., Адмиралтейская 12,2 ф. Цифры эти указываютъ, что мѣстоположеніе города холмистое. Почва состоитъ изъ $^2/_3$ песку и $^1/_3$ глины и залегаетъ на глубокой глинѣ, которая встрѣчается на днѣ всѣхъ окрестныхъ соляныхъ озеръ и Каспійскаго моря. Толщина почвы въ различныхъ частяхъ весьма разнообразна. Въ окрестностяхъ города со всѣхъ сторонъ ильмени, которые годъ отъ году становятся мельче. Высыханіе ильменей идетъ такимъ образомъ: сначала весенняя вода отлагаетъ тонкій слой ила, на которомъ является болотная растительность: камышъ, чаканъ, водоросль, эта растительность замедляетъ теченіе воды, а потому здѣсь сильнѣе происходитъ отложеніе ила, кромѣ того, растенія осенью умирая отлагаютъ свои осадки на дно, изъ глубокаго ильменя образуется болото, которое засыпаетъ вѣтеръ, перенося массы песку, или сами люди, и вотъ изъ надземнаго болота образуется подземное. Высыханіе многихъ болотъ совершилось на нашей памяти. Весьма вѣроятно, что всѣ низменные части города когда-то представляли ильмени, въ этомъ убѣждаетъ насъ только что изложенное наблюденіе, а также старые планы города. Напр. на планѣ 1811 года показаны Бакалдинскіе протоки Скаржинка, Чесноковка, съ двумя глубокими протоками, что доказываетъ два свайныхъ моста Луковки, вся теперешняя Грязная улица была занята также протоками и мн. др. Почвенныя воды обнаруживаются въ разныхъ частяхъ города на весьма

разнообразной глубинѣ. Въ низменныхъ частяхъ напр. въ 4-й Бакалдинской, на Облупинской площади встрѣчаемъ воду на глубинѣ отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ аршина, а на Кремлевскомъ бугрѣ на 5—6 аршинахъ и даже болѣе отъ поверхности. Воды эти то совершенно прозрачны—безцвѣтны, то съ желтоватымъ оттѣнкомъ, но всѣ на вкусъ солоноваты и горьки, что зависитъ отъ большаго содержанія солей, аміака, натра и магнезіи. Запаха воды не имѣетъ; по причинѣ противнаго вкуса онѣ не употребляются въ пищу, а только идутъ на разныя хозяйственныя надобности. Уровень этихъ водъ, какъ показали наблюденія д-ра Щепотьева и Тумаса, подвержены сильнымъ колебаніямъ отъ 5 до 42 дюймовъ. Такія большія колебанія почвенной воды должны вредно отражаться на здоровьѣ жителей. Пониженіе уровня воды сопровождается при благопріятной температурѣ гніеніемъ органическихъ веществъ въ слояхъ увлаженной почвѣ и развитіемъ въ нихъ разныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ. Этотъ низкій уровень почвенной воды совпадаетъ съ развитіемъ перемежающейся лихорадки, тифомъ и другими болѣзнями связанными съ почвою. Вотъ цифры, которыя я заимствую изъ труда Ольдекопа: Болотная лихорадка съ 117 случаяхъ въ февралѣ, доходила до 401 въ сентябрѣ, Тифъ съ 128 въ февралѣ, до 186 въ сентябрѣ. Благодаря почвеннымъ-же водамъ, смертность отъ заразныхъ, эпидемическихъ и міазматическихъ болѣзней равняется $^1/_4$ всѣхъ смертныхъ случаевъ (Сперанскій (25,29%). Однимъ словомъ мы видимъ здѣсь полное подтвержденіе теоріи *Петенкофера*.

Благодаря почвеннымъ водамъ, наши каменныя и деревянныя зданія дѣлаются ветхими уже черезъ немного лѣтъ. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ каменныя дома выстаиваютъ до 200 лѣтъ, а здѣсь уже чрезъ 30—40 лѣтъ ихъ фундаменты выкрашиваются, повреждаются. Кромѣ того, сырость поднимаясь по стѣнамъ, закупоривая поры кирпичей, уничтожаетъ естественную вентиляцію и способствуетъ развитію въ нихъ болѣзнетворныхъ зародышей.

Въ дождливое время влажная почва обращается въ вязкую тѣстообразную массу, по которой проходъ и проѣздъ крайне затруднителенъ.

Излишняя влага вредно дѣйствуетъ на растенія. Вода вытѣсняетъ изъ почвы воздухъ, которая чрезъ это становится холоднѣе, потому что вода требуетъ для своего нагрѣванія большаго количества тепла, т. к. обладаетъ большой теплоемкостью. Вода испаряясь изъ почвы, поглощаетъ тепло и переводитъ ея въ скрытое состояніе. Наконецъ мокрыя почвы промерзаютъ глубже. Это охлажденіе влечетъ за собою такія послѣдствія: 1) запаздываніе распусканія листьевъ на деревьяхъ и болѣе раннѣе ихъ опозданіе, 2) замедленіе въ ростѣ и развитіи деревьевъ, 3) болѣе частое появленіе позднихъ весеннихъ и раннихъ осеннихъ заморозковъ, 4) растенія на подобныхъ почвахъ подвержены вымерзанію, 5) отсутствіе воздуха или

влечетъ замедленіе въ почвѣ очистительныхъ процессовъ, столь необходимыхъ для образованія питательныхъ для растенія веществъ, или способствуетъ даже образованію веществъ вредныхъ для растительностей: углеводородовъ, сѣроводорода, растворимой закиси желѣза и др.

Вредъ высокостоящихъ почвенныхъ водъ и колебаній ихъ заставляетъ подумать насъ о пониженіи ихъ и приведеніи ихъ къ постоянному уровню. Этихъ результатовъ можно достигнуть отведеніемъ почвенныхъ водъ при помощи или открытыхъ каналовъ или подземныхъ — „дренъ“. Разсмотримъ какія выгоды и невыгоды представляетъ проложеніе тѣхъ и другихъ. Проведеніе открытыхъ канавъ имѣетъ множество практическихъ неудобствъ, изъ нихъ главнѣйшія:

1) Дороговизна первоначальнаго устройства. При значительной глубинѣ они должны быть сравнительно широки, а это увеличиваетъ цѣну земляныхъ работъ; занимая большую поверхность, онѣ стѣсняютъ дороги.

2) Содержаніе канавъ въ порядкѣ стоитъ дорого. Часто въ почвѣ встрѣчаются между двухъ слоевъ глины прослойки крупнаго песку, который вымывается почвенной водой, края канавы оплываютъ глиною и становятся непроницаемыми для воды. Вымывшійся изъ прослойки песокъ, а также глина съ боковъ засоряютъ дно, образуютъ на немъ перемычки, а слѣдовательно и застои воды. Оплываніе канавъ чаще всего случается весною и вызывается такимъ обстоятельствомъ: осенью бока канавъ покрываются льдомъ — замерзаютъ, закупориваются. За этой ледяной стѣнкой образуется скопленіе воды, которое при оттаиваніи съ силою устремляется въ канаву и производитъ упомянутое оплываніе При застояхъ воды въ канавахъ, засоренныхъ оплываніемъ, появляется растительность, которая согнивая образуетъ слои чернозема, плохо пропускающаго воду. Для безопасности движенія открытыя канавы требуютъ прикрытія. Въ населенныхъ мѣстностяхъ трудно уберечь каналы отъ загрязненія ихъ жителями, которые будутъ пользоваться ими для спуска всевозможныхъ нечистотъ. Самое важное ихъ неудобство то, что они, когда много накопляется почвенной воды, не дѣйствуютъ,—именно позднею осенью и въ началѣ зимы; дно и бока ихъ въ это время бываютъ покрыты ледяною корой. Неудовлетворительность дѣйствій канавъ и дороговизна содержанія ихъ вслѣдствіе постояннаго ремонта, заставили обратить вниманіе, нѣсколько десятковъ тому лѣтъ назадъ, на одинъ новый или вѣрнѣе сказать старый *), но временно забытый, способъ осушенія, который при правильномъ примѣненіи дастъ лучшіе и самые надежные результаты—это дренажъ. Въ Англіи, въ концѣ прошлаго столѣтія обратились къ этому способу осушенія почвы—этимъ и объясняется его названіе, которое происходитъ отъ глагола to drain —

*) Жившій при Августѣ и Тиверіи, Колумелло, очень ясно и подробно говоритъ о дренажѣ и даже описываетъ его устройство.

отводить воду, осушать при помощи подземныхъ каналовъ. Въ настоящее время въ Англіи осушеніе при помощи дренажа совершенно закончено. Существуетъ нѣсколько системъ дренажа, которыя и примѣняются сообразно съ мѣстными условіями, но самая дешевая и распространенная система — это осушеніе при помощи хорошо обожженныхъ глиняныхъ трубъ. Упрощеніе въ устройствѣ машины для дренажныхъ трубъ, сдѣланное въ 1843 году Джокомъ Ридомъ, дало сильный толчекъ этому дѣлу. Благодаря этому усовершенствованію дренажъ проникъ на континентъ, сперва въ Бельгію, Францію, а потомъ уже въ Германію. Въ настоящее время при помощи его осушено многіе милльоны десятинъ земли. Для дренированія устраивается цѣлая сѣть подземныхъ каналовъ, которые бываютъ двухъ родовъ: во 1-хъ осушительные для непосредственнаго извлеченія воды изъ почвы и во 2-хъ собирательные, принимающіе воду изъ первыхъ. Собирательные каналы или коллекторы отводятъ воду въ низменности, рѣки или нарочно устроенные обширные бассейны, изъ которыхъ она и удаляется сильными насосами. Закладывается дренажъ на глубинѣ 6 или болѣе футъ; это дѣлается съ двойною цѣлью: во 1-хъ воспрепятствовать водѣ, вслѣдствіе капилярности, подниматься до верхнихъ, загрязненныхъ органическими веществами, слоевъ почвы, а во 2-хъ предохранить трубы отъ замерзанія, которое можетъ ихъ разрушить. Для правильнаго дѣйствія дренажей, трубы должны быть въ извѣстномъ разстояніи между собою, значительнаго діаметра, имѣть хорошій уклонъ и концы ихъ плотно примыкать другъ къ другу, потому что при несоблюденіи этихъ условій вода будетъ въ нихъ застаиваться загнивать или отлагать большіе осадки солей или земли, которые совершенно могутъ закупорить трубы. Какъ ни проста идея дренажа, но при выполненіи на практикѣ можетъ возникнуть масса вопросовъ, отъ разсмотрѣнія ихъ я уклонюсь. Устройство дренажа у насъ необходимо и расходъ на него окупился-бы съ излишкомъ: зданія служили-бы гораздо продолжительнѣе, небыло-бы расходовъ на подсадку вымерзающихъ деревьевъ и мѣста, теперь не проѣздныя и непроходимыя, имѣли-бы удобное сообщеніе, чрезъ что возросла-бы ихъ цѣнность, не было-бы непроизводительныхъ расходовъ на перемащиваніе такихъ мѣстъ, какъ Облупинская площадь, Луковская улица и мног. другіе, которые обращаются весной въ трясины. Безъ дренажа не возможна и не мыслима, столь необходимая для оздоровленія, канализація. Сточныя трубы, подобно фундаментамъ нашихъ домовъ, будутъ разрушаться отъ сырости и промерзанія — дадутъ трещины, чрезъ которыя будутъ загрязнять и почву и воду, вмѣсто оздоровленія — будетъ зараженіе. Въ Англіи съ цѣлями оздоровленія устраиваютъ обыкновенно двойную сѣть подземныхъ каналовъ — трубъ: одна система глубоколежащихъ дренъ, а другая, совершенно непроницаемая для окружающей среды, для удаленія нечистотъ. Вездѣ дренажъ понижалъ заболѣваемость и смертность отъ брюш-

наго тифа, маляріи, легочной чахотки, отъ лѣтнихъ дѣтскихъ поносовъ. Это было подтверждено наблюденіями Бекэнэна въ 21 англійскомъ городѣ, Петенкоферомъ и Зойкой для Мюнхена, Варрентрамомъ для Франкфурта на Майнѣ, Краутомъ для Гамбурга, и многими другими. У насъ въ Астрахани, по изслѣдованію доктора Сперанскаго, смертность отъ легочной чахотки болѣе 8‰, отъ маляріи слишкомъ 3‰, а желудочно-кишечныхъ разстройствъ и малолѣтній дѣтскій поносъ даетъ 30,62‰ всѣхъ смертныхъ случаевъ. Смертность громадная. Мѣры принять необходимо.

Для устройства дренажа необходимы предварительныя геогностическія изслѣдованія, насколько водопроницаема почва, подпочва, какъ глубоко залегаетъ водопроходящій слой и какое его направленіе — это достигается при помощи буровыхъ скважинъ и пробныхъ колодцевъ. При помощи этихъ-же буровыхъ скважинъ и колодцевъ мы можемъ изучать движеніе — колебаніе почвенныхъ водъ, столь важное въ санитарномъ отношеніи. Въ Берлинѣ сдѣлано 314 буровыхъ скважинъ проходящихъ городъ 20 рядами съ С. на Ю. Скважины заложены до глубины отъ 2 до 7 саженъ и въ нихъ вставлены желѣзныя трубы. Тамъ ежедневно производятся наблюденія за колебаніемъ рѣчной и почвенной воды, надъ температурой почвы и воды. Въ дренажныхъ водахъ, съ санитарными цѣлями, опредѣляется количество хлора, извести, сѣрной кислоты, амміака и пр. Въ Мюнхенѣ при помощи 64 буровыхъ скважинъ глубиною отъ 3 до 6 саж. изслѣдованы глубины водоупорнаго слоя и составлена рельефная карта подпочвы. Изъ наблюденій подъ уровнемъ почвенной воды, производимыхъ два раза въ мѣсяцъ, по возможности въ одно и тоже время, получена карта движенія почвенной воды при самомъ высокомъ, среднемъ и низкомъ уровняхъ. У насъ подобныя скважины и колодцы лучше будетъ заложить въ самыхъ низкихъ частяхъ города, такъ какъ онѣ нуждаются болѣе всего въ дренажѣ— число ихъ должно быть по возможности болѣе. Неотложность устройства дренажа въ Астрахани еще вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что за послѣдніе годы уровень почвенныхъ водъ значительно повысился и, надо думать, что повышеніе будетъ возрастать. Многіе подвалы на Косѣ сдѣлались совершенно негодными для склада товаровъ. Подвалы во 2-мъ уч. по Ахматовской улицѣ, въ д. Франгулова; у Сапожниковскаго моста, въ д. Агамжанова; на Полицейской площади, въ д. Агамжанова, (гдѣ ремесленная школа) стали затапливаться почвенной водой. Поднятіе уровня почвенныхъ водъ надо приписать слѣдующимъ причинамъ: 1) устройству водопровода, прокладка трубъ котораго подѣйствовала какъ дренажъ,—почв. вода по наружнымъ стѣнкамъ трубъ стала спускаться въ низменности и мѣстами движеніе ея было до того энергично, что трубы подмывались, получали провѣсъ и лопались; 2) Неправильное и нецѣлесообразное устройство мостовыхъ: чрезъ плохо подготовленное полотно вода глубоко просачивается въ землю, а сильное поднятіе мостовой сравни-

тельно съ прилегающими мѣстами заставляя дождевую воду сливаться на эти мѣста, гдѣ она образуетъ болѣе толстый слой и поэтому сильнѣе уходитъ въ землю. 3) Разрыхленіе земли подъ скверы и поливка ихъ и 4) это самая главная причина увеличеніе числа дней стоянія полой воды какъ видно изъ статьи Воейкова: Записки Геогр. Общества т VII 1871 года, 57 стр. „Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ". Прежде вода стояла въ 10-лѣтіе отъ 30 г.—39 годъ 115,8 дней отъ 40 г.—49 г. уже 120, отъ 50 г.—59 г.—158 и отъ 58 г.—67 г. 191,7 дня. Высота воды 30-го года=3 фута 6″, въ 39 г.—9′1″,5, въ 49 г.—9′10″,5, въ 59 г.—11′0″,5, въ 68 г.—12′2″,75, въ 89 г.—11′6″. Нашъ метеорологъ Воейковъ объясняетъ это явленіе вырубкой лѣсовъ по берегамъ Волги. Снѣга, выпадающіе въ верху прежде годы начинали таять позднѣе, такъ что среди лѣта можно было встрѣтить въ лѣсахъ снѣгъ. Теперь снѣгъ начинаетъ распускаться быстро какъ только начинаетъ быть тепло и дѣйствительно, прежде, въ 40-хъ годахъ, между вскрытіемъ Волги и ея половодьемъ проходило до 42 дней, а теперь половодье наступаетъ чрезъ 24 дня. Прежде вода задерживалась мхами и лѣсами, теперь она стекаетъ большею частью въ Волгу. Большія массы стекающей воды измѣнили даже самую земную поверхность, слой чернозема и песку совершенно снесенъ, а остался только болѣе твердый слой почвы.

Значитъ половодье у насъ начинается ранѣе и оканчивается позже. Въ лѣто вода поддерживается выпадающими дождями или ливнями, присущими мѣстамъ лишенныхъ лѣсовъ (степнымъ). Увеличеніе количества притекающей къ намъ воды должно повліять на поднятіе уровня Каспійскаго моря и дѣйствительно высота воды моря повысилась на 2 фута, такъ что въ Баку по этой причинѣ пришлось перестраивать набережную, кромѣ того, многіе заливы бывшіе мелкими углубились. Такъ какъ вырубка лѣсовъ и теперь продолжается по притокамъ Волги, то мы вправѣ ожидать удлиненіе періода полой воды и увеличеніе ея высоты. За начало половодій Воейковъ считаетъ когда вешняя вода начинаетъ подниматься отъ 0 измѣрительной рейки, а окончаніе водополья осеннее опусканіе ея до 0.

Откуда-же происходитъ почвенная вода? Сначала предполагали, что почвенная вода есть ни что иное, какъ просочившаяся въ почву изъ близъ лежащихъ водоемовъ, но это мнѣніе, какъ мы увидимъ далѣе совершенно ошибочно, — почвенная вода обязана своимъ происхожденіемъ атмосфернымъ осадкамъ. Водяные осадки падающіе на земную поверхность распредѣляются слѣдующимъ образомъ: часть ихъ не проникшая въ почву стекаетъ по уклонамъ въ низменности, часть испаряется и поглощается растеніями и наконецъ остальное количество ихъ просачивается въ глубь почвы. Эта-та послѣдняя и образуетъ почвенныя воды. Прошедшіе въ почву осадки, повинуясь силѣ тяжести, движутся вертикально внизъ до тѣхъ поръ пока не

встрѣтятъ не проницаемаго для слоя воды въ видѣ глины, плотнаго камня и т. п. Значитъ для образованія почвенной воды необходимо имѣть проницаемую почву и водонепропускающую подпочву. На поверхности водоупорнаго слоя почвенная вода скопляется и тогда движется слѣдуя уклону этого слоя. Ясно, что водоупоръ можетъ имѣть такія-же неровности, какія мы замѣчаемъ на поверхности земли. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что весьма часто въ близь лежащихъ мѣстахъ почвенная вода стоитъ на различной высотѣ, рядомъ встрѣчаются скопленія почвенной воды и полное ея отсутствіе. Понятно, само собою, что неровности водоупорнаго слоя могутъ несоотвѣтствовать очертаніямъ наружныхъ слоевъ. На водоупорномъ слоѣ должны существовать линіи наибольшаго уклона, водораздѣлы—рѣчныя русла, озера, болота, словомъ такъ-же какъ это существуетъ на земной поверхности. Эти почвенныя воды могутъ обнаруживаться въ видѣ ключей, если водоупорный слой доходитъ до какого-нибудь обрыва, оврага, низменности. Вообще въ рѣчныхъ долинахъ почвенныя воды обыкновенно движутся къ рѣкѣ, которая занимаетъ самую низкую точку данной мѣстности. Напримѣръ, въ Астрахани во многихъ мѣстахъ Варвац. канала и Кутума, во время низкаго стоянія воды, видны бьющіе изъ береговъ ключи, которыхъ было-бы гораздо болѣе, если-бы эти водовмѣстилища очистить отъ образовавшихся осадковъ плохо пропускающихъ воду. Д-ръ Климантовичъ доказалъ, что въ С.-Петербургѣ почвенныя воды движутся въ Неву. Тоже самое подтверждено наблюденіемъ въ Дрезденѣ, Берлинѣ, Данцигѣ. Кромѣ того доказано точными измѣреніями, что количество воды будетъ болѣе, чѣмъ сколько доставляютъ ей притоки, это увеличеніе идетъ насчетъ почвенной воды. Наблюденіями д-ра Щепотьева доказано, что большую часть года почвенныя воды у насъ стоятъ выше уровня Волги, только втеченіи двухъ мѣсяцевъ половодья ниже. Д-ръ Архангельскій въ Кронштадтѣ нашелъ, что вода тамошнихъ колодцевъ колебалась только отъ дождей и вообще отъ атмосферическихъ осадковъ. Ошибочность предположенія, что почвенная вода является результатомъ проникновенія рѣчной воды доказывается разницей въ температурѣ и химическомъ составѣ той и другой. Въ шахтахъ Дрезденскихъ водопроводовъ углубленныхъ на $2^1/_2$ сажени и находящихся около Эльбы температура воды была 7^0 R, въ то-же время въ рѣкѣ было 19^0 R. Зимой температура не измѣнялась не смотря на выкачиваніе, которое понижало воду до того, что уровень ея въ колодцѣ былъ на $4^1/_2$ арш. ниже Эльбы, которая имѣла 0^0. Такимъ образомъ оказалось, что добавленіе воды шло не изъ рѣки, а изъ водоносныхъ слоевъ. Подобныя наблюденія были сдѣланы въ Стразбургѣ, Галле и др. мѣстахъ и дали тѣ-же результаты. Анализъ воды Дрезденскихъ шахтъ показалъ, что она содержала на 1 мил. частей 84 части твердаго остатка, а вода Эльбы рядомъ съ шахтами 104 ч. Составъ того и другого остатковъ тоже былъ различный: шахтовый содер-

житъ веществъ органическихъ 7,3% и 92,7% минеральныхъ, Эльбинскій 22,1% органическихъ и 77,9% минеральныхъ. Вода колодцевъ около Тегелерскаго и Мюгельскаго озера дала тѣже результаты: на 1 мил. частей озерной воды приходилось поваренной соли 35,3%, а колодезной, не смотря на постоянное откачиваніе, только 16,4%. Такіе-же результаты химическаго изслѣдованія получены и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ надо считать вполнѣ доказаннымъ, что колодезная вода не представляетъ профильтрованную озерную или рѣчную воду. Отличіе почвенныхъ водъ отъ надземныхъ будетъ то, что онѣ имѣютъ вслѣдствіе капилярности поверхность не горизонтальную и по той-же причинѣ движеніе ихъ чрезвычайно медленно: въ Мюнхенѣ измѣрена скорость почвенной воды въ слояхъ крупнаго хряща и найдено, что она не превышаетъ 2 саженъ въ сутки. Въ Швейцаріи, по изслѣдованію Бюроли, почвенная вода проходитъ 1/4 версты въ годъ.

Посмотримъ теперь какая существуетъ зависимость по временамъ года между высотой почвенныхъ водъ и атмосферными осадками. Не всякій дождь будетъ глубоко проникать въ почву. Выпадающая вода сначала насыщаетъ верхніе слои и только уже избытокъ ея просачивается внизъ, а это только возможно послѣ продолжительныхъ и сильныхъ дождей, когда вода не быстро стекаетъ съ поверхности, особенно въ сырое время, когда испареніе бываетъ весьма слабо, напр. осенью. Въ сухое время зимы вода замерзая раздвигаетъ частицы земли, чрезъ что она дѣлается болѣе пористой—удобопроницаемой для воды, которая и стекаетъ внизъ. Такимъ образомъ въ промежутокъ между дождями уровень почвенной воды будетъ крайне медленно понижаться, во время дождей подниматься на нѣкоторую высоту, пропорціонально количеству водъ глубоко проникшихъ въ почву. Наибольшій подъемъ, будетъ соотвѣтствовать времени оттаиванія почвы.

При малой скорости, ширина подземныхъ потоковъ весьма значительна. Для наблюденія скорости и направленія движенія почвенная воды теперь употребляютъ аналиновыя краски: загрязняютъ ими какой нибудь колодецъ и замѣчаютъ чрезъ сколько времени и гдѣ появится въ близь лежащемъ колодцѣ употребленная краска. Движеніе почвенныхъ водъ происходитъ медленно когда онѣ проходятъ по слоямъ мелкоземлистымъ, но если онѣ встрѣчаютъ крупный песокъ, гравій, трещины, то сюда устремляется главная масса воды, такъ какъ здѣсь меньшее сопротивленіе движенію; скоростъ потока возрастаетъ съ увеличеніемъ разстоянія между земляными частицами.

П. Никольскій.

ЧУМА СѢТЕЙ.

(Читано на Общемъ Собраніи Петровскаго Общества 30 Мая 1889 г.).

Я хочу сказать нѣсколько словъ о такъ называемой чумѣ сѣтей, чтобы познакомить васъ съ явленіемъ, которое имѣетъ для нашего края важное экономическое значеніе. Я разсмотрю сначала чѣмъ обнаруживается эта чума, отъ чего происходитъ и что надо предпринять, чтобы избавить отъ такихъ громадныхъ убытковъ нашихъ рыбаковъ

Разрушеніе сѣтей отъ чумы идетъ слишкомъ быстро, случается, что рыболовная снасть разрушается въ одни сутки или даже въ нѣсколько часовъ. Эта кратковременность прямо указываетъ на то, что чума есть нѣчто особое, совершенно другое чѣмъ простое вліяніе—разрушеніе подъ вліяніемъ воздуха, влажности и теплоты. Чума, какъ лѣтомъ. такъ и зимою, охватываетъ цѣлые большіе участки и что еще замѣчательно сѣти одного портитъ, а снастей другаго, стоящаго рядомъ, некасается Появленіе чумы наводитъ паническій страхъ на рыбаковъ, лишь только пройдетъ о ней слухъ тотчасъ закипаетъ работа—начинаютъ вынимать или, какъ выражаются рыбаки, „выдирать“ снасти для осмотра. Съ перваго взгляда отличить зачумленную снасть отъ здоровой—затруднительно, только, разсматривая внимательно, можно замѣтить, что цвѣтъ снасти, особенно въ узлахъ, измѣненъ. Если переберемъ возможно большее число снастей, то замѣтимъ, что цвѣтъ чумныхъ сѣтей будетъ не одинаковъ. Эта измѣнчивость окраски заставляетъ насъ допустить, что или чума имѣетъ нѣсколько степеней развитія или даже существуетъ нѣсколько самостоятельныхъ видовъ чумы. Новыя сѣти, пораженныя чумой, невыдерживаютъ ни малѣйшаго сопротивленія напора, онѣ разваливаются какъ будто-бы самыя старыя, какъ будто онѣ связаны изъ паутины. Прикасаясь къ только что вынутымъ, зачумленнымъ сѣтямъ мы почувствуемъ, что онѣ покрыты какъ-бы крахмальнымъ клейстеромъ—слизью. Чума особенно сильно разрушаетъ пеньковыя, изъ неплотно скрученныхъ нитей, сѣти; на лощеныя-же она не дѣйствуетъ. Нисколько не вліяетъ чума также на мочальныя канаты и веревки. О. А. Гриммъ предлагаетъ попробовать сѣти изъ хлопчато-бумажной пряжи, которыя употребляются заграницей, а рыбопромышленникъ Черниковъ, съ Аму-Дарьи, совѣтуетъ замѣнить теперешнія сѣти турковыми, употребляемыми на ихъ промыслахъ

съ 1882 года. На Аму-Дарьѣ турковыя снасти служатъ по два года, тогда какъ пеньковыя, недубленыя, не болѣе двухъ мѣсяцевъ. На эту замѣну матерьяла для сѣтей навели тамошнихъ рыбопромышленниковъ — Аму-Дарьинскіе арканы, скрученные изъ мѣстнаго растенія турка („Кызылъ-Кендеръ" у киргизъ) Теперь требованіе на эту пряжу все возрастаетъ: въ 1882 г. турковой пряжи можно было достать едва 6 пудовъ, въ 1888 году употреблено ея до 200 пудовъ, а въ прошломъ 1889 году уже до 300 пуд. и теперь никто на Аму-Дарьѣ не употребляетъ никакихъ другихъ снастей, какъ только турковыя. Здѣсь, у насъ, досихъ поръ для предохраненія отъ чумы употребляется дубленіе сѣтей, выварка ихъ въ извѣсти, смазка керосиномъ и много другихъ способовъ, но все это не ведетъ къ какимъ либо результатамъ — сѣти разрушаются также скоро, какъ и не подвергавшіяся никакой обработкѣ. Только единственно просмаливаніе даетъ благопріятные результаты, но къ сожалѣнію оно имѣетъ практическое неудобство — нити становятся ломкими. Мнѣ думается, что уплотненіе нитей будетъ дѣйствовать благопріятно, что этого можно достичь химической обработкой и что этимъ путемъ можно такъ измѣнить пряжу, что она станетъ совершенно неразрушимой, къ сожалѣнію этотъ способъ возможно практиковать на фабрикахъ, а не здѣсь на ватагахъ. Работой въ этомъ направленіи занятъ одинъ изъ членовъ Петровскаго Общества.

Чума, какъ я уже сказалъ, бываетъ во всѣ времена года, но особенно сильно проявляется въ самый жаркій мѣсяцъ — Іюль, послѣ цвѣта воды — появленія зелени. Область распространенія чумы, по собраннымъ свѣдѣніямъ, обширна: отъ Царицына вплоть до устьевъ Волги, а потомъ по всему сѣверному берегу Каспійскаго моря, но мнѣ кажется, что она занимаетъ гораздо большее пространство и что въ другихъ мѣстахъ хотя она и существуетъ, но неимѣетъ такой, какъ здѣсь, силы, необращаетъ на себя вниманія. Теперь посмотримъ отчего чума происходитъ? Болѣе всего представляется правдоподобнымъ объясненіе чумы — разрушительной работой водорослей. Та слизь, которую мы ощущаемъ, прикасаясь къ зачумленнымъ сѣтямъ, при разсмотрѣніи подъ микроскопомъ, оказывается водорослями, которыя совершенно пропитываютъ каждую нить. За это говоритъ также и то обстоятельство, что чума особенно сильно проявляется во время жаровъ, когда разростаніе и размноженіе водорослей идетъ чрезвычайно скоро. Эту быстроту развитія водорослей могъ замѣтить каждый на нашихъ городскихъ лужахъ, чѣмъ теплѣе тѣмъ скорѣе онѣ зеленѣютъ — покрываются водорослями. Эта зелень попадаетъ на сѣти изъ ильменей, такъ какъ водоросли удобнѣе развиваются въ стоячей или тихо текущей водѣ. При извѣстныхъ вѣтрахъ уровень Волги поднимается, зашедшая въ ильмени вода отрываетъ тамъ массу водорослей, которыя потомъ начинаютъ плавать далеко отъ мѣста

своего развитія, въ рѣкѣ водоросли каждый изъ васъ видѣлъ — это зеленая тина, которую мы находимъ постоянно въ ильменяхъ. Уже при внимательномъ разсмотрѣніи простыми глазами можно замѣтить большое разнообразіе водорослей. Всматриваясь въ тину ильменей можно замѣтить, что она, то покрываетъ дно въ видѣ бархатно-изумруднаго ковра, то плаваетъ въ видѣ шаровъ, то обвиваетъ водяныя растенія или колышется въ видѣ флаговъ. Цвѣтъ водорослей тоже весьма различенъ, но у нашихъ преобладаетъ сине или сизо-зеленый, бурый и изумрудно-зеленый. Водоросли распространены по всей землѣ. Размножаются весьма сильно: одна какая нибудь пылинка можетъ произвести до сотенъ тысячъ себѣ подобныхъ. Существуютъ на землѣ водоросли давно, что доказываютъ слои мѣла и трипела, которые представляютъ остатки водорослей. Эти слои мѣстами достигаютъ 500 и болѣе футъ толщины. Водоросли, попадая на сѣти, пронизываютъ ихъ пряжу и такъ какъ въ водорослях отлагается или известь или кремнеземъ, то они на волокна дѣйствуютъ прямо механически — подобно клину. Дѣйствіе ихъ можно сравнить съ тѣмъ, что если полотно смочить густымъ растворомъ сахара или соли въ водѣ, то полотно это разрыхлится. Растворъ проникнувъ сквозь полотно начнетъ при высыханіи выдѣлять частицы - кристаллы, которые и раздвинутъ, разорвутъ на мелкіе куски нити полотна. Подробно водоросли можно изучить только при помощи микроскопа, который, замѣчу кстати въ недалекомъ будущемъ, станетъ предметомъ первой необходимости въ повседневной жизни. Микроскопъ, это, по выраженію одного знаменитаго естество испытателя, наше *шестое чувство*, долженъ и въ этомъ дѣлѣ сослужить службу; безъ него изученіе водорослей будетъ подобно осмотру библіотеки, въ которой мы видѣли бы только переплеты книгъ, но вѣдь этого для ознакомленія съ богатствами библіотеки слишкомъ мало, чтобы узнать ихъ надо ихъ прочесть. Только при помощи микроскопа можно будетъ рѣшить что такое чума, какія водоросли наиболѣе разрушительно дѣйствуютъ на наши сѣти, отчего зависитъ цвѣтъ зачумленныхъ сѣтей, одна ли водоросль, находясь только на разныхъ степеняхъ развитія, производитъ это явленіе – однимъ словомъ узнать всю исторію, такъ интересующей насъ чумы сѣтей. Нахожу необходимымъ познакомить васъ и съ другими предположеніями о причинѣ чумы. Думаютъ, что зелень осаждающаяся на сѣти выдѣляетъ изъ себя нѣчто ѣдкое, которое и разрушаетъ ихъ, но это неподтверждаютъ химическія изслѣдованія — водоросли на сколько извѣстно ѣдкихъ веществъ не выдѣляютъ. Другое предположеніе, что водоросли, находясь въ извѣстной степени расложенія гніенія сообщаютъ его сѣтямъ на подобіе дрожжей, но это не возможно допустить потому, что гніеніе не можетъ происходить такъ быстро. Есть еще мнѣніе, что порчу сѣтей обусловливаютъ особенные мелкіе рачки, которые прикрѣпляются къ

сѣтямъ и потомъ своими скорлупками перерѣзываютъ нити, но этого, насколько извѣстно, у насъ никто не замѣчалъ, а было только подмѣчено это въ Азовскомъ морѣ. Мнѣ думается, что надо смотрѣть на это явленіе такъ: сѣти покрываются водорослями, которыя и привлекаютъ рачковъ. Они на нѣкоторыхъ степеняхъ своего развитія плаваютъ и идутъ къ покрывающимъ сѣти водорослямъ, какъ къ пищѣ, здѣсь они остаются и развиваются далѣе, но въ это время сѣти бываютъ уже разрушены водорослями.

Въ настоящее время весьма заинтересованъ чумой профессоръ Казанскаго Университета Н. В. Сорокинъ, который и просилъ Петровское Общество о высылкѣ свѣдѣній объ этомъ явленіи, а также зачумленныхъ сѣтей и воды, но Петровское Общество находя, что только изслѣдованіе здѣсь на мѣстѣ можетъ дать хорошіе результаты, обратилось къ профессору Н. В. Сорокину съ предложеніемъ пріѣхать сюда. Петровское Общество надѣется, что лица, интересующіяся вопросомъ о предохраненіи сѣтей отъ чумы, помогутъ ему въ разрѣшеніи этой важной задачи нетолько доставленіемъ образцовъ зачумленныхъ сѣтей и воды и всевозможныхъ свѣдѣній о чумѣ, но и матеріальными средствами.

П. Никольскій.

О кораллахъ Каспійскаго моря.

Сообщеніе В. Н. Виноградскаго естественно-исторической секціи петров. общ., 18 мая 1891 г.

Нѣсколько времени тому назадъ въ музеѣ Рыбнаго Управленія мнѣ пришлось видѣть два кусочка коралловъ, найденныхъ якобы на островѣ Кулалы, лежащемъ на Каспійскомъ морѣ недалеко отъ Мангышлакскаго полуострова. Трудность понять, какимъ образомъ могли появиться кораллы въ водахъ Каспійскаго моря, заставляла отвергать самый фактъ нахожденія ихъ. Однако благодаря любезности нашего сочлена общества, Ал. Ив. Маршева, мнѣ и А. Г. Алексѣеву удалось въ концѣ апрѣля побывать на островѣ Кулалы. на Святомъ, а также на Мангышлакскомъ берегу.

Островъ Кулалы находится верстахъ въ 60—70 отъ Мангышлакскаго берега; онъ имѣетъ форму серпа, обращеннаго выпуклостію къ западу, отъ оконечностей его идутъ отмели. Островъ имѣетъ до 32-хъ верстъ длины и версты $1^1/_2$ въ ширину. Островъ низменный и едва-ли возвышается на 5 - 6 ф. надъ поверхностью моря. Поверхность острова покрыта ракушей, смѣшанной съ массой морской травы, выбрасываемой моремъ, особенно съ восточной стороны острова; здѣсь морская трава образуетъ лагуны, постепенно засыпаемыя ракушками; такимъ образомъ островъ замѣтно увеличивается, особенно на восточной сторонѣ. Зимою громадныя льдины, надвигаясь на берега острова, сдвигаютъ еще не окрѣпшіе слои морской травы и образуютъ мѣстами бугры ракушекъ и травы. Западный берегъ острова, подвергаясь большему прибою отъ господствующихъ здѣсь западныхъ вѣтровъ, гораздо менѣе подвергается заносамъ морской травы и ракушекъ; вѣтеръ сноситъ илъ и ракушу къ сѣверной и южной оконечности острова и образуетъ тамъ отмели. Такую серповидную форму. имѣютъ почти всѣ сосѣдніе острова, образующіе группу т. н. Тюленьихъ острововъ. Гніеніе травы распространяетъ по острову непріятный запахъ. Растительность острова очень скудна и только мѣстами появляются полынь и др. растенія, растущія на сухой почвѣ. Вода добывается изъ неглубокаго колодца и сильно отзывается горечью. Постоянныхъ жителей только 11 семействъ промышленниковъ, поселившихся на сѣверной оконечности острова, но зимою сюда собирается довольно много народа, промышляющаго ловлею тюленей. Къ числу особенностей острова Кулалы нужно отнести еще существованіе тамъ одичалыхъ лошадей (около 60 шт.), живущихъ на южной части острова, несмотря на

скудную пищу и отсутствіе прѣсной воды. Эти небольшія лошадки обладаютъ хорошей силой и славятся своей бойкостью. Промышленники ловятъ ихъ и скоро пріучаютъ къ домашнимъ работамъ.

Чтобы сколько-нибудь ознакомиться съ внутреннимъ строеніемъ острова, сдѣланы были двѣ буровыя скважины глубиной до 3-хъ саженъ, одна на сѣверной сторонѣ селенія, другая къ югу верстахъ въ 2—3 другъ отъ друга. Послѣ поверхностнаго слоя, состоящаго изъ ракушекъ, найденъ сначала слой ломаныхъ раковинъ, затѣмъ смѣсь раковинъ съ большимъ и большимъ количествомъ перегнившей морской травы и ила, отзывающагося даже іодистымъ запахомъ.

На поверхности острова найдено было нѣсколько небольшихъ кусочковъ коралла, лежащихъ на слоѣ ракушекъ. Рыбный смотритель, проживающій на островѣ, собралъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ небольшую коллекцію коралловъ, рисунки съ которыхъ сдѣланы мною для музея Петровскаго общества, а съ ними приложены и найденныя въ наше посѣщеніе кораллы.

Посѣтивъ островъ Святой, и затѣмъ Мангышлакскій берегъ, лежащій на ЮВ отъ Кулалы, мы не нашли тамъ коралловъ. Островъ Святой имѣетъ очень небольшіе размѣры, длиною всего версты двѣ, а шириной саженъ 150—200. Поверхность его состоитъ изъ крупнаго желтаго песку и покрыта степной растительностью, восточная-же сторона заросла камышемъ. Здѣсь, также, какъ и на островѣ Кулалы, на восточной сторонѣ волнами набрасывается морская трава, но въ значительной меньшей степени. На сѣверной оконечности острова возвышаются 2 песчаныхъ бугра высотою сажени въ 3, а самый островъ очень мало возвышается надъ поверхностью моря. Островъ необитаемъ и только временно посѣщается промышленниками тюленей. Посреди острова небольшая яма, изъ которой пользуются водой; вода здѣсь считается лучше, нежели въ колодцѣ острова Кулалы. Кораллы здѣсь не найдены. Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ въ Александровскомъ фортѣ на Мангышлакскомъ берегу, оказывается, что и здѣсь совершенно не знаютъ о существованіи коралловъ въ Каспійскомъ морѣ; такимъ образомъ небольшое число найденныхъ коралловъ должно пока относиться къ единственному мѣсту—острову Кулалы.

Изъ записей рыбнаго смотрителя г. Курносова о мѣстѣ нахожденія коралловъ видно, что почти вся его коллекція, состоящая изъ 33 штукъ коралловъ, набрана на сѣверной части острова Кулалы въ ракушкѣ или около берега въ бурунахъ. Нахожденіе коралловъ на сѣверной части острова можно объяснить тѣмъ, что въ этой сторонѣ находится поселокъ и слѣдовательно эта часть острова посѣщается чаще.

Мнѣ неизвѣстно, были-ли находимы кораллы въ другихъ частяхъ басйсена Каспія, но фактъ нахожденія ихъ на островѣ Кулалы несомнѣненъ.

Едва-ли можно объяснить его тѣмъ предположеніемъ, что это ни болѣе, ни менѣе, какъ случайно попавшіе сюда кораллы съ разбитаго, можетъ быть, около Кулалы судна, занимающагося торговлей. Едва-ли такіе незначительные кусочки коралловъ, почти не имѣющихъ цѣнности, могли служить предметомъ торговли.

Однако невозможно предположить, чтобы зоофиты, строющіе кораллы, могли существовать при тѣхъ климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится теперь Каспійское море.

Извѣстно, что многочисленные виды зоофитовъ, участвующихъ въ постройкѣ коралловъ, живутъ на твердыхъ частяхъ уже отжившаго поколѣнія и на этомъ прочномъ фундаментѣ продолжаютъ отлагать вещества, служащія основаніемъ для житья слѣдующаго поколѣнія.

Необходимымъ условіемъ возможности жизни этихъ зоофитовъ является не только достаточное количество необходимаго для жизни вещества, но также достаточная температура. Извѣстно, что коралловыя постройки существуютъ только между 30^0 параллелей и только въ исключительныхъ случаяхъ заходятъ далѣе отъ экватора, такъ напримѣръ въ Атлантическомъ океанѣ кораллы встрѣчаютъ около Бермудскихъ острововъ подъ 32^0 с. ш., въ томъ мѣстѣ, гдѣ притекаетъ теплая вода заливнаго теченія—гольфъ-стрема. Температура воды въ этихъ мѣстностяхъ колеблется очень мало и держится почти постоянной около 20^0 Ц.

Прихотливое расположеніе коралловыхъ острововъ и рифовъ представляетъ трудность судить о необходимыхъ условіяхъ потребныхъ для жизни коралловъ; извѣстно напр. отсутствіе коралловыхъ острововъ и рифовъ въ Атлантическомъ океанѣ даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Гвинейскій заливъ, гдѣ, казалось-бы, соединены всѣ необходимыя условія для жизни этихъ животныхъ и въ Атлантическомъ океанѣ существуютъ только коралловые рифы около Бермудскихъ острововъ, между тѣмъ какъ Великій и Индійскій океаны чрезвычайно богаты кораллами, точно также какъ Аравійское море и Персидскій заливъ; около восточныхъ береговъ Новой Голландіи тянется, напр., коралловый рифъ почти на 2000 верстъ, а большая часть острововъ Австраліи состоятъ изъ коралловыхъ построекъ.

Образованіе кольцеобразной формы коралловыхъ острововъ, и вообще коралловыхъ построекъ, объяснено знаменитымъ Дарвиномъ, изучившимъ въ подробности этотъ важный географическій и геологическій вопросъ. Доказано, что кораллы не могутъ жить глубже 120 фут., и такъ какъ для коралловыхъ животныхъ необходимо постоянное пребываніе въ соленой водѣ, то они не могутъ собственными силами подняться выше уровня самыхъ низкихъ приливовъ, и громадные слои коралловыхъ построекъ легко объясняются постоянными колебаніями въ уровнѣ дна моря, что особенно рѣзко замѣчается въ экваторіальной части Великаго океана.

Коралловыя животныя, находя въ морской водѣ матеріалы для своихъ построекъ и своей жизни, не могутъ жить въ прѣсной водѣ. и кромѣ того, какъ доказалъ Дарвинъ, рѣчной илъ. заносимый въ море, препятствуетъ росту коралловъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о температурѣ, при которой могутъ существовать коралловыя животныя, можно, кажется, заключить, что предположеніе о возможности коралловыхъ построекъ въ Каспійскомъ бассейнѣ нельзя назвать невѣроятнымъ. Цѣлымъ рядомъ геологическихъ изслѣдованій доказано, что въ началѣ т. наз. постъ-пліоценоваго періода, въ среднихъ широтахъ европейско-азіятскаго материка существовало огромное море, обнимающее нынѣшнія Черное, Азовское, Каспійское и Аральское. Границы тогдашняго арало-каспійскаго бассейна были приблизительно слѣдующія: простираясь къ С до Камышина и доходя до южныхъ склоновъ Уральскаго хребта—Усть-Урта, а можетъ быть, заливаясь далѣе къ СВ, онъ на Западѣ черезъ Манычъ соединялся съ Азовскимъ и Чернымъ моремъ, покрывая часть южныхъ русскихъ степей; идя далѣе около кавказскихъ горъ, арало-каспійскій бассейнъ на югѣ вѣроятно ограничивался персидскими горами, а затѣмъ простирался на ЮВ и В до Мерва и Бухары. Уровень этого моря былъ, вѣроятно, выше уровня океана, т. к. признаки береговъ этого моря находятся выше уровня океана (напр. у Камышина).

Въ такомъ ограниченномъ бассейнѣ могли существовать условія необходимыя для питанія зоофитовъ, строющихъ кораллы, хотя въ тѣхъ частяхъ, куда не достигала прѣсная вода и илъ, вливаемые рѣками. Съ прорывомъ Константинопольскаго прилива, а можетъ быть съ измѣненіемъ климатическихъ условій, когда количество втекающей и атмосферной воды уменьшилось, началось пониженіе уровня Арало-Каспійскаго моря, которое постепенно дошло до настоящихъ предѣловъ и пониженіе вѣроятно продолжается и нынѣ. Въ настоящее время уровень Каспійскаго моря на 85 ф. ниже уровня океана. Съ измѣненіемъ физико-географическихъ условій района совершенно измѣнился характеръ дна и береговъ Каспійскаго моря, и жизнь коралловыхъ животныхъ сдѣлалась невозможной. Покрывшись нанесеннымъ рѣками иломъ, дно первоначальнаго моря осталось для насъ неизвѣстнымъ, а коралловыя постройки могли совершенно измѣнить свой видъ. Изъ изслѣдованій лейтенанта Нельсона извѣстно, что разложившіеся, болѣе мягкіе кораллы измѣняютъ свою структуру и въ сухомъ видѣ совершенно не отличаются отъ обыкновеннаго бѣлаго мѣла, представляя изъ себя известковый илъ, разносимый теченіями и вѣтромъ, а въ случаѣ, если мѣстность поднялась надъ поверхностью воды, то явившаяся почва не отличается ни по строенію, ни по состоянію заключающихся въ ней зоофитовъ и раковинъ отъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ известковыхъ породъ, такъ напр., капитанъ Бичи замѣчаетъ, что мертвый кораллъ на островѣ Елизаветы болѣе или

енѣе скважистъ, имѣетъ жемчужную поверхность и сплотнился въ твердую ороду съ изломомъ вторичнаго известника.

Не считая невѣроятнымъ присутствіе въ Арало-Каспійскомъ морѣ ус-овій для питанія коралловыхъ животныхъ, гораздо труднѣе представить бѣ совершенное измѣненіе климатическихъ условій, такъ какъ для суще-вованія кораллов необходимъ тропическій климатъ и очень малое годо-е колебаніе въ температурѣ воды. Конечно, нельзя отвергать возможности кого измѣненія климата и, не касаясь чисто астрономическихъ гипотезъ, дно измѣненіе въ расположеніи материковъ, какъ указываетъ Ляйель, мо-етъ вызвать чрезвычайное измѣненіе въ распредѣленіи температуры на мной поверхности.

Чрезвычайно интересно сообщеніе, сдѣланное недавно профессоромъ новороссійскаго университета Пренгелемъ, „О происхожденіи Крымскихъ горъ“, замѣтка о чемъ сообщена въ „Прав. Вѣст.“ отъ 12 апрѣля 91 г. Разсматривая строеніе хребта Яйлы, на южномъ берегу Крыма, проф. Пренгель указываетъ на фактъ нахожденія тамъ кораллов и предполагаетъ, что коралловые рифы существовали въ Черномъ морѣ. Колебанія почвы подняли коралловые рифы и остатки кораллов сохранились въ горахъ Крыма.

Это указаніе проф. Пренгеля чрезвычайно важно для объясненія находокъ кораллов въ Каспійскомъ морѣ. Если коралловые залежи могли въ древности существовать въ Черномъ морѣ, то они могли существовать и въ Каспійскомъ, по крайней мѣрѣ во время ихъ соединенія, пожалуй, они могли быть занесены тогда изъ Чернаго моря, во всякомъ случаѣ существованіе кораллов въ томъ и другомъ морѣ дастъ еще одинъ доводъ въ доказательство ихъ соединенія и указываетъ на совершенное измѣненіе климатическихъ условій района, занимаемаго Арало-Каспійскимъ моремъ.

Не будучи спеціалистомъ этого вопроса я полагаю, однако, что необходимо изслѣдовать собранные кораллы, сравнить ихъ съ кораллами, найденными въ Крыму, и опредѣлить видъ тѣхъ и другихъ зоофитовъ.

Нельзя не пожелать, чтобы производились поиски остатковъ кораллов не только на островахъ и берегахъ Каспійскаго моря, но и въ степяхъ, окружающихъ его, а при рытьѣ буровыхъ скважинъ желательно точное изслѣдованіе грунта, въ известковыхъ слояхъ котораго, можетъ быть, найдутся указанія на ихъ коралловое происхожденіе.

Считая вопросъ о существованіи кораллов въ Каспійскомъ морѣ почти совершенно неизвѣстнымъ въ наукѣ, я рѣшилъ обратить на него вниманіе Петровскаго общества и астраханскаго края и можетъ быть лица болѣе меня свѣдущія выскажутъ свои мнѣнія и объяснятъ фактъ нахожденія кораллов.

В. Виноградскій.

О НАЗВАНІЯХЪ

и

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТАХЪ

КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Составилъ дѣйствительный членъ Петровскаго Общества
изслѣдователей Астраханскаго края
А. Ф. Мюллеръ.

АСТРАХАНЬ.
Типографія В. Е. Лѣсникова.
1892.

Дозволено цензурою. Москва. 28 Апрѣля 1890 г.

О НАЗВАНІЯХЪ
И
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТАХЪ
КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Составилъ дѣйствительный членъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края

А. Ѳ. Мюллеръ.

16-го Іюля 1846 года пронзительные свистки оглашали путь перваго парохода по Каспійскому морю изъ Астрахани въ Баку [1]) и 15-го Мая 1888 года, въ день священнаго коронованія Государя подобные же свистки оглашали путь перваго паровоза отъ восточнаго берега Каспійскаго моря въ глубь Азіатской пустыни. Съ тѣхъ поръ ученый, промышленникъ и туристъ наперерывъ стараются проникнуть новымъ удобнымъ путемъ въ песчаныя пустыни и солончаковыя степи Азіи, стремятся изучить плоскіе, безжизненные берега Каспія, стараются завязать торговыя сношенія, при чемъ для всѣхъ возникаетъ масса самыхъ интересныхъ вопросовъ. Каспій, какъ диковинка всего міра и какъ загадка не только для географовъ, но и историковъ, геологовъ, естествоиспытателей, физиковъ, астрономовъ, давалъ и даетъ до сихъ поръ еще тему для разныхъ изслѣдованій. Я не считая себя прямо подходящимъ ни въ одну изъ означенныхъ группъ, а просто какъ членъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края, по случаю частаго упоминанія Каспія подъ разными названіями остановилъ свое вниманіе какъ на разныхъ названіяхъ Каспія въ разное время у разныхъ народовъ, такъ и на линейныхъ очеркахъ Каспія, которые хотѣли ему придать разные писатели. Конечно, я не могу съ Вами подѣлиться какимъ нибудь новымъ открытіемъ, если не считать нѣсколько мною выведенныхъ заключеній, но думаю, что не безъинтересно именно для нашего Общества будетъ сообщеніе мое, въ видѣ собраннаго матеріала изъ разныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго, полнаго собранія съ нѣкоторыми необходимыми примѣненіями еще не имѣется.

---

[1]) Hydrographie des Russischen Reiches. Stukenberg. Петерб. Ч. V. 1848 г.

Источниками для изслѣдованія какъ названія вообще морей, такъ и общихъ ихъ видовъ служатъ историческія описанія писателей, путешественниковъ, очевидцевъ; описанія писателей по преданіямъ, географическія карты и разные словари. Что касается разныхъ названій Каспійскаго моря, то можно сказать впередъ, что встрѣтимъ множество разнообразныхъ мнѣній какъ относительно его формы, его географическаго положенія, его видимаго или невидимаго (подземнаго) сообщенія съ другими водами, солености его воды, такъ и относительно названій, формъ или видовъ въ немъ находящихся рыбъ.

Поверхность Каспійскаго моря, занимающая только часть великой низменной Каспійской котловины, происхожденіе которой астрономъ Галлей старался объяснить ударомъ великаго ядра заблудившейся кометы [2]), была опредѣляемая разными писателями различно: Такъ напримѣръ, еще до Геродота Гекатей Милетскій считалъ Каспій за самый Океанъ; Поликастъ (290 л. до Р. Х.), Ератосѳенъ (276—195 л. до Р. Х.). Блемшидъ еще въ 1245 году и Гилаколилъ въ 1507 году считали Каспій частью или заливомъ Океана; нѣкоторые дѣствительно знали, что Каспій замкнутое озеро, такъ Геродотъ (500 л. до Р. Х.), Аристотель (348 л. до Р. Х.), Діодоръ Сицилійскій (за 60 л. до Р. Х.), Птоломей (170 л. по Р. Х.). Другіе воображали систему трехъ или четырехъ заливовъ, какъ наприм.: Страбонъ (около Р. Х.), Помпоній Мела, Плиній Старшій и др.; наконецъ нѣкоторые предполагали существованіе двухъ Каспій, какъ кардиналъ д'-Альи (1410 г.) *). Каспій, какъ наибольшее озеро въ цѣломъ свѣтѣ, имѣющее по Ивашинцеву поверхность въ 346,000 квадр. верстъ, былъ въ древности наилучше опредѣленъ Геродотомъ, который писалъ: „Море Каспійское—особое, имѣющее въ длину пятнадцать дней плаванія для весельнаго судна, а въ ширину въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно наишире, восемь дней". (Т. I. 293).

Въ нашемъ столѣтіи нашелся еще одинъ писатель, который говоритъ что Каспійское озеро неправильно называютъ моремъ и что правильнѣе его называть русскимъ прудомъ; такъ пишетъ неизвѣстный авторъ въ 1840 г. въ книгѣ: „*Хива или географическое и статистическое описаніе Хивинскаго Ханства*", см. стр. 15.

Названіе *море*, которое Каспій еще въ древности получилъ и которое удержалось за нимъ до нашихъ дней, не смотря на то, что онъ озеро, имѣетъ онъ, благодаря своимъ грандіознымъ размѣрамъ и тѣмъ опаснымъ и разрушающимъ дѣйствіямъ для судоходства во время бури, каковыхъ

2) Риттеръ. Общее землевѣденіе, пер. Вейнберга, стр. 117.

*) Морской Сборникъ. 1854 г. Февр. стр. 139.

на озерѣ не бываетъ и которыя даютъ ему полное право на названіе *море*. Не даромъ пишетъ о Каспіи арабскій историкъ Ибнарабшахъ — „Море злобное, своенравное“, Римскій писатель Горацій: — „Не всегда съ тучъ проливные дожди льются на грязныя поля и постоянно Каспійское море волнуютъ перемѣнчивыя бури“, и Варениусъ: „Волны бываютъ во время бури обыкновенно очень высоки и коротки на этомъ морѣ“.

Принимая во вниманіе, что Каспійское море не только теперь составляетъ, но и въ древности составляло границу между Азіей и Европою [3]) и что колыбель человѣческаго рода, какъ полагаютъ, находилась въ Азіи, недалеко отъ него, что въ послѣдствіи разные народы, по разнымъ причинамъ, путемъ мирнымъ или насильственнымъ переходили изъ Азіи въ Европу и что этотъ переходъ совершался (относительно взято) не далеко отъ береговъ Каспійскаго моря, можно заключить, что было не одно только названіе для Каспійскаго моря и что многія изъ нихъ имѣютъ начало въ исторіи глубокой древности. Дѣйствительно, собрано порядочное количество разныхъ названій Каспійскаго моря и глубокая древность нѣкоторыхъ есть причина невозможности опредѣленія, которое изъ нихъ самое первое, самое древнее. По уцѣлѣвшимъ источникамъ разныхъ временъ, переведенныхъ сравнительно только въ недавнее время на наши языки, можно было собрать слѣдующія названія Каспійскаго моря: море Каспійское, Гирканское, Гилянское (Джиланское), Дейлемское, Албанское, Чекаетъ-да-эти, море Варгана или Верга, Восточное, Сѣверное, Западное, Хазарское, Гуззкое, Гурганское (Джурджанское), Иберійское, Хвалынское, Дербендское, Бакинское, Кульзульское, Саринское, Абезгунское, Муганское, Ширванское, Табаристанское, Мазандеранское, Хоразанское, Тайлесанское, Астраханское, Дагестанское, море Синее, Бѣлое, Красное, Воронье, Акфуде, Камрутъ, Куккузъ, Георгіево.

Изъ всѣхъ приведенныхъ названій должны насъ интересовать прежде всего тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему Астраханскому краю; это слѣдующія названія: современное—море Каспійское, древне-русское—море Хвалынское и кромѣ того море Синее, Хазарское, Бѣлое, Саринское, Астраханское.

Послѣ этихъ названій наближе касаются насъ тѣ, подъ которыми Каспій былъ извѣстенъ въ нашихъ лѣтописяхъ до XVII столѣтія. По словамъ Замысловскаго это море Дербендское и море Бакинское.

---

3) Геродотъ, пер. Мищенко; Указат. стр. 93.

МОРЕ КАСПІЙСКОЕ (Каспій).

Море Каспійское получило свое названіе отъ народа живущаго на его югозападныхъ берегахъ, еще за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и поэтому можно сказать, что современное названіе, употребляемое Русскими можетъ быть съ конца XVII или навѣрно съ начала XVIII столѣтія не есть русскаго происхожденія, оно къ намъ занесено изъ чужихъ странъ. О происхожденіи названія того народа Каспи, находимъ слѣдующую замѣтку у Шопена: [1]) „Каспи или Касби, вмѣсто *Га—аспъ*—персидскій переводъ Туркскаго *Ат—или*—мѣсто или страна коней, отчего и названіе Каспійскаго моря", и въ другомъ мѣстѣ (стр. 380): „На силлабическомъ *го* значитъ великое скопленіе водъ, рѣка и иносказательно, море; а *а'си, ас'ва, а'спъ*—конь,=Конское море; это выходитъ такимъ образомъ буквальный переводъ Китайскаго названія Каспійскаго моря *Си—гай*;—но если читать не *Го*, а *Га—аспія*, то выходитъ значеніе тоже что *Ат—илла, Ат—илъ*—мѣсто, страна Коней.

Шопенъ послѣ разбора и объясненія слова Кавказъ (стр. 4) пишетъ, что народъ позаимствовалъ свое названіе отъ коннаго скотоводства и что по свидѣтельству Ератосѳена, приводимому Страбономъ, туземцы въ древнія времена называли хребетъ Кавказскій „*Каспіусъ*", должно быть *Га—аспъ*, мѣсто коней; въ такомъ случаѣ, это выходитъ лишь другая форма названія *Кауг—асъ* (Lib XI cap. 3 § 2). При разсматриваніи разныхъ источниковъ, находимъ, что и цѣлая область названіе *Каспіяна* и по Страбану (XI стр. 431) Каспіяна, получившая буд-то-бы свое названіе отъ Каспіевъ, также принадлежала къ Албаніи, [2]) далѣе въ и торіи извѣстны *Каспійскіе ворота* находящіеся въ сѣверной Мидіи. Эти ворота часто бывали перемѣшаны съ Кавказскими воротами, о какой неправильности упоминаетъ уже Плиній [3]). Также извѣстенъ городъ Каспи. Онъ былъ городомъ, основаніе котораго современно появленію Грузинъ въ исторіи. Около 440 годовъ по Р. Х. при царѣ Вахтангѣ Гургасланѣ, Осетины раззорили городъ Вскорѣ послѣ того, Каспи былъ возстановленъ, но въ VII вѣкѣ окончательно разрушенъ Мурваномъ Абдулъ-Казиномъ. Въ настоящее время бывшій городъ Каспи есть селеніе въ Тифлиской губерніи; (4-я станція отъ Тифлиса по Тифлисо-Кутаиской желѣзной дорогѣ [4]). Наконецъ названіе Каспи

1) Шопенъ. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Петерб. 1866 стр. 178.

2) Дорнъ. Каспій стр. 324.

3) Шопенъ стр. 399.

4) Семеновъ. Геогр.-статист. слов. Росс. Имперіи. Спб. 1865.

носитъ гора въ Тифлиской губерніи близъ горы Карталиніи имѣющей абсолютной высоты 3,313 футовъ [1]).

Смотря по распространенію названія Каспи, можно было-бы думать, что народъ Каспи имѣлъ также большую исторію, однакожъ надежда эта не оправдывается, по крайней мѣрѣ изъ уцѣлевшихъ источниковъ о народѣ Каспи можно собрать очень мало свѣдѣній. Такъ какъ этихъ свѣдѣній не много и до сихъ поръ какъ то разбросаны еще, то я рѣшился помѣстить ихъ здѣсь тѣмъ болѣе, что народъ Каспи жилъ на теперешней землѣ Русской.

Когда и откуда народъ Каспи пришелъ къ берегамъ Каспійскаго моря намъ неизвѣстно и мы должны довольствоваться свѣдѣніемъ, что онъ просуществовалъ нѣсколько столѣтій до Р. Х. такъ, какъ во время Страбона (род. 63 до Р. Х.), онъ уже исчезъ, оставивъ въ воспоминаніе о себѣ свое имя [2]). Если вѣрить въ правильность свѣдѣнія, которое сохранилъ Страбонъ (XI), то самое древнее упоминаніе о Каспіи относится къ миѳологіи до XII вѣка до Р. Х. и находится въ Аргонавтикѣ, гдѣ сказано, что Ясонъ съ Тессалійцемъ Арменусомъ проникъ до *Каспиды* [3]).

Кромѣ того Карамзинъ [4]) также говоритъ, что если вѣрить славному путешествію Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто-бы самымъ Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Р. Х., то въ этомъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ, по крайней мѣрѣ, на древнемъ преданіи, находимъ названіе Кавказа, рѣки Фасиса, Меотисское или Азовское море, Воспоръ народъ Каспійскій и т. д.

Кто такіе, какого племени были Каспійцы, также неизвѣстно и подобный вопросъ о происхожденіи Каспійцевъ поставилъ себѣ князь Баратовъ [5]). Онъ же на этотъ вопросъ на ст. 31 отвѣчаетъ: „Каспійцы, давшіе морю свое наименованіе и показываемые, обыкновенно, римскими и греческими писателями прибрежными жителями къ юго-востоку отъ Албаніи, быть можетъ, были грузинскаго племени, кажется достаточно подкрѣпляетъ нашу догадку еще и то, что въ самой глубокой древности, въ центрѣ грузинскаго поселенія, въ Карталиніи, былъ городъ (нынѣ селеніе) Каспи; названіе, которое такъ чисто и безъ малѣйшей разницы, отъ названія народа Caspi, произносимо грузинами доселѣ“.

Относительно мѣста жительства народа Каспійцевъ, объ которомъ упо-

---

1) Семеновъ. Словарь.

2) Шопенъ стр. 178.

3) „ „ 376.

4) Карамзинъ. Истор. Госуд. Росс. Т. I. стр. 1.

5) Князь Баратовъ. Исторія Грузіи.

минаетъ князь Баратовъ, можно привести слѣдующія указанія: по Геродоту (Т. II. Θалія 92. 93).

Каспіи были въ одинадцатомъ и пятнадцатомъ округѣ Персіи; по картѣ Гедике [1]), которая согласуется съ картою Герцберга показаны Caspii къ юго-востоку отъ Албаніи, южнѣе рѣки Аракса; по мнѣнію Яновскаго [2]) Каспіи жили въ Табасеранѣ и Кубинскомъ краѣ, по Шопену (стр. 178) Каспіи занимали часть восточнаго и весь южный берегъ Каспійскаго моря.

Что касается города Каспи, то изъ „Выписокъ изъ Картлисъ Цвохреба, Карталинскаго царя Вахтанга (Шопенъ стр. 224) знаемъ, что его соорудилъ Уплосъ сынъ Мцхетоса, что случилось до Александра Македонскаго, такъ какъ когда онъ, вступивъ въ Картелли, нашелъ между прочими городами и *Каспи* (230). Сомнительно, что подтвержденіемъ догадки князя Баратова о происхожденіи Каспійцевъ можетъ служить то, что названіе Каспи произносится у Грузинъ доселѣ безъ малѣйшей разницы, такъ какъ не знаемъ откуда князь Баратовъ взялъ указаніе, какъ слово Каспи ранѣе произносилось и что это произношеніе осталось у Грузинъ безъ малѣйшаго измѣненія. Что же касается корня слова Каспи, то находимъ его не только у однихъ Грузинъ, которые называютъ Каспійское море—*Касписъ-цгва* [3]), но и у Армянъ—*Каспицъ—дзовъ* [4]). (Моисей Хоренскій пишетъ Касбицъ), у Грековъ—Kaspion pelados [5]), по латынѣ—mare Caspium [6]), по еврейски—*ямъ-Каспіаръ* [7]), у Нѣмцевъ—Kaspisches Meer, и у насъ—море *Каспійское* или Каспій.

Интересно, что только одно названіе съ тѣхъ отдаленныхъ временъ немного перемѣнилось, это названіе Каспійскаго моря—*Калпіасъ* встрѣчается въ исторіи объ Александрѣ Великомъ [8]).

По разсказу Геродота (VII. 6 т.) знаемъ, что Каспійцы участвовали въ 480 году до Р. Х. въ огромномъ походѣ персидскаго царя Ксеркса противъ Грековъ. Въ этомъ походѣ, гдѣ участвовало до 60 разныхъ націй, Каспійцы принимали участіе какъ кавалерія, имѣющая одежду сшитую изъ козьихъ шкуръ и сражающаяся посредствомъ мѣстныхъ камышевыхъ луковъ и сабель.

---

1) Дорнъ. Каспій стр. 130.
2) Тамъ-же стр. 335.
3) „ „ 158; Шопенъ 380.
4) Тамъ-же.
5) Шопенъ 380.
6) „
7) Дорнъ. 157.
8) Дорнъ стр. LI.

Относительно исчезновенія народа Касповъ имѣемъ разныя свѣдѣнія, такъ наприм. выше сказано было Шопеномъ, что народъ Каспійскій исчезъ во время Страбона, по Страбону-же изъ „Описанія Арменіи“ (кн. XI гл. XIX) [1]) Арменія при Артакіасѣ и Задріадрисѣ разширяла свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ народовъ. У Мидянъ они отняли—Каспіане—а далѣе въ примѣчаніяхъ: „Походъ противъ Касповъ былъ предпринятъ Еруанда II, Арташесомъ II, вступившемъ на престолъ Арменіи въ 85 году по Р. Х. Этому-же царю, а не мнимымъ полководцамъ Антіоха Великаго Артаксіасу и Задріадрису, принадлежитъ честь покоренія Мидійской провинціи Каспіанѣ“. Но если не довѣрять Страбону, такъ какъ, на той-же страницѣ сказано, что вообще у Страбона понятія о древней исторіи Арменіи сбивчивы и не заслуживаютъ вниманія, то возмемъ текстъ одного изъ лучшихъ Армянскихъ историковъ, занимающаго почетное мѣсто между именами первоклассныхъ историковъ древняго Востока Моисея Хоренскаго. Онъ о походѣ противъ Касбовъ пишетъ (стр. 124): „По смерти Аршака, послѣдняго царя нарсискаго, нашъ Арташесъ возводитъ на нарсискій престолъ соименнаго себѣ сына его Арташеса, которому не хотѣли повиноваться ни жители горы, называемой на ихъ языкѣ областью Патижахара т. е. горою руна, ни приморскіе жители, ни жители странъ лежащихъ по сію сторону отъ послѣднихъ. Поэтому случаю земля Касбовъ возстаетъ противъ нашего царя; вслѣдствіе чего Арташесъ отправляетъ на нихъ Сембата со всѣмъ Армянскимъ воинствомъ; сопутствуя ему въ теченіе семи дней“.

Сембатъ всѣхъ усмирилъ и опустошивъ землю Касбовъ, привелъ въ Арменію плѣнныхъ, превосходящихъ числомъ плѣненіе Артазское, и съ ними царя ихъ Зардманоса.

Древне-русское названіе Каспійскаго моря.

МОРЕ ХВАЛЫНСКОЕ.

(Хвалимское, Хвалисское, Хвалинское, Хвалитское).

Въ лѣтописи Несторовой, съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. [2]) читаемъ: „Изъ того-же лѣса потечетъ Волга на Востокъ, и втечетъ семью-десятью жерéлы въ море Хвалынское: тѣмъ-же изъ Руси можно идти по Волгѣ въ Болгары и въ Хвалисы“. Въ „*Книгѣ, глаголемая Большой чертежъ*“ [3]), находимъ: „А отъ Хвалимскаго моря до Синяго моря, на лѣтній, на солнечный восходъ прямо 250 верстъ“.

---

1) Моисей Хоренскій. Исторія Арменіи перев. Эмина стр. 342.
2) Библіотека Россійская. Ч. I стр. 7.—1767 г.
3) Книга, глаг. Большой чертежъ. Г. Спасскій стр. 72.

У Аѳанасія Никитина въ его „Хожденіи за три моря“ (около 1470 года) [1]) упоминается море Дербентское или Дорія Хвалитская.

Въ старину называли Каспій—моремъ Хвалинскимъ или Хвалисскимъ [2]).

Въ русской былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ [3]) пѣсня начинается:

„По морю, по морю, по морю же синему,
По синему по Хвалынскому“ и т. д.

Также въ пѣснѣ подъ названіемъ „Стоянка Разина“ [4]) говорится о Синемъ морѣ Хвалынскомъ:

„Понадѣялись ребятки на Сине море,
Что на Сине море на Хвалынское“ и т. д.

Подобно и въ пѣснѣ: „Ермакъ. Сибирь покорена“ [5]).

„Какъ гуляли мы, братцы, по Синю морю,
Да по Синему морю по Хвалынскому“ и т. д.

На географ. картѣ Янсона, изданной въ 1847 году въ „Amsterdami“—Chualenska More [6]), на картѣ Сансона—Qualinskoi More [7]) У Олеарія: [8]) Русскіе же зовутъ его Хвалынскимъ моремъ (Qualinskoi more).

Названіе „Хвалынское море“ Каспій получилъ отъ названія народа Хвалисовъ, жившаго на его берегахъ въ низовьяхъ рѣки Волги. Съ этимъ согласны всѣ въ нашемъ столѣтіи, въ прошломъ же столѣтіи Рычковъ, писавшій въ 1774 „*Введеніе къ Астраханской топографіи*“ въ этомъ еще сомнѣвался, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что не нужно испытывать если море получило названіе отъ народа или народъ Хвалисы отъ моря прежде называемаго Хвалискимъ и добавляетъ только, что, вѣроятно, первое.

Примѣчаніе: О Хвалисахъ говоритъ Несторъ: [9]) „Хвалисы и Болгаре суть отъ дщерей Лотовыхъ“ (слѣдовательно единоплеменники). Древніе Россіане называли *Хвалисами*, а Греки *Хоялитами* Канглей, обитавшихъ и въ XIII вѣкѣ по извѣстію Карпини и Рубруквиса, на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. Сіи Кангли хвалились, что они происходятъ отъ древнихъ Римлянъ; но Абульгазы-Ханъ причисляетъ ихъ къ Татарамъ, увѣряя, что родоначальникъ

---

1) Карамзинъ. Ис. Гос. Рос. примѣч. 629. Къ Т. VI.

2) Семеновъ. Словарь.

3) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Ч. I, стр. 22.

4) „ „ „ выпускъ 8 стр. 375.

5) „ „ „ Ч. II, выпускъ 6, стр. 40.

6) Дорнъ. Каспій 293.

7) „ „ 276.

8) А. Олеарія.

9) Карамзинъ, примѣч. 493. Къ Т. I.

Канглей названъ такъ отъ изобрѣтенія телѣгъ, и сказывая, что они жили нѣкогда около Туркестана. Кипнамъ упоминаетъ о *Халисіяхъ*, людяхъ Магометанской вѣры. Послѣ Россіяне называли Хвалисами татаръ Каспійскихъ. Въ лѣтописи Келаря Аврамія сказано, что Годуновъ искалъ невѣсты для сына своего въ Татарскихъ царствахъ, въ Хвалисахъ. Мы имѣемъ еще одно объясненіе происхожденія слова Хвалынскъ. По словамъ Шопена, (стр. 381) названіе Гиркапское (Каспійское море) уступило въ среднихъ вѣкахъ мѣсто названію Джурджанъ. Но Славены, обращаясь къ коренному названію страны Говарезъ (вмѣсто Гау-вар-земъ), превратили это слово въ Хвалынскъ. Х — в — а — р — е — нскъ / о — л — земъ.

Очень жаль, что Шопенъ не указываетъ, гдѣ эту замѣчательную передѣлку (которую впрочемъ нигдѣ больше не встрѣчаемъ) онъ заимствовалъ. Названіе Хвалынское море, употребляемое въ Русскихъ народныхъ пѣсняхъ, въ былинахъ или историческихъ пѣсняхъ, не всегда было употребляемо правильно, такъ наприм. въ пѣснѣ „Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно“ *), съ самаго начала читаемъ:

„Ахъ по морю—морю Синему,
По Синему морю по Хвалынскому“ и т. д.

Тутъ, очевидно, подъ названіемъ Хвалынское море нельзя понимать дѣйствительно море Хвалынское—Каспійское, а море Варяжское—Балтійское. Это смѣшеніе Варяжскаго моря съ Хвалынскимъ утвердилось въ народномъ творчествѣ по перенесеніи самаго поприща политическихъ дѣйствій съ Юго-Востока на Сѣверо-Западъ. Подобно тому, какъ народъ неправильно примѣнялъ названіе Хвалынское море къ морю другому, имѣемъ примѣры и теперь. Народъ неодинаково говоритъ о происхожденіи названія города, лежащаго на правомъ берегу Волги въ Саратовской губерніи—Хвалынска. При поѣздкахъ по Волгѣ можемъ слышать, наприм. слѣдующее: Городъ Хвалынскъ получилъ свое названіе оттого, что Хвалынское море достигало до этихъ мѣстъ, или получилъ названіе отъ народа Хвалисовъ, который здѣсь жилъ. Поэтому считаю умѣстнымъ повторить здѣсь нѣсколько словъ о Хвалынскѣ, высказанныхъ Семеновымъ въ его „Географическо-статистическомъ словарѣ Россійской Имперіи“: Не ранѣе конца XVII-го столѣтія, возникло русское поселеніе подъ названіемъ *Сосновый Островъ* или *Сосновки*, которое, при утвержденіи Саратовскаго намѣстничества въ 1780 году, назначено уѣзднымъ городомъ съ переименованіемъ въ *Хвалынскъ*, въ воспоминаніе древнихъ *Хвалисовъ*, жившихъ при Каспійскомъ морѣ.

*) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. 1870. Вып. 8, стр. 160.

Разсмотрѣвъ современныя и древнія названія, употребляемыя Русскими, мы можемъ поставить себѣ еще слѣдующіе вопросы: 1) Почему названіе *Каспійское*, полученное отъ мало извѣстнаго народа, взяло въ Европѣ верхъ надъ всѣми другими названіями, полученными отъ народовъ болѣе извѣстныхъ? 2) Почему у насъ въ Россіи въ особенности не удержалось названіе Славянское—*Хвалынское*? 3) Откуда намъ досталось слово *Каспійское*; передано ли оно намъ прямо отъ береговъ Каспійскаго моря путемъ народнаго общенія, путемъ живаго слова или окольнымъ путемъ съ запада посредствомъ переводовъ съ разныхъ языковъ на русскій языкъ?

Относительно перваго вопроса, почему въ Европѣ названіе моря—*Каспійскимъ* взяло верхъ надъ всѣми другими послѣдующими названіями (о которыхъ послѣ будетъ сказано) можно сказать, что почти единственная причина тому та, что его такъ назвалъ отецъ исторіи, греческій историкъ Геродотъ, имѣющій самыя положительныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ и къ нему прилегающихъ странахъ.

Однакожъ, хотя Геродотъ имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о Каспіи противъ другихъ древнихъ писателей, но все-таки нужно относиться осторожно къ географической части его труда, такъ какъ у него встрѣчается множество неточностей и еще болѣе неясностей. Такъ, наприм., Черное море увеличено имъ въ двое въ длину, а наибольшая ширина показана въ полтора раза больше, и къ тому же оно передвинуто далеко на востокъ; Азовское море увеличено еще больше [1]).

Такъ какъ Геродотъ назвалъ море—моремъ Каспійскимъ и кромѣ того нѣкоторые послѣдующіе древніе Греческіе писатели, какъ Аристотель, Страбонъ, Плиній, Помпоній-Мела и проч. употребляли такія же названія и такъ какъ приведенные писатели особенно были изучаемы въ Европѣ въ XVI столѣтіи, какъ единственные источники о древнемъ востокѣ для всѣхъ послѣдующихъ разныхъ націй, то и неудивительно, что названіе Каспійское море удержалось до сихъ поръ въ Западной Европѣ, хотя въ ученыхъ трудахъ упоминается рядомъ и названіе Гирканское море. Относительно заимствованія разныхъ названій изъ классической географіи профессоръ Замысловскій [2]) пишетъ: „Отношеніемъ Западно-Европейской географической литературы XV и XVI в. къ литературѣ греко-римской, послужившей для нея почвою, на которой совершалось дальнѣйшее развитіе ея, объясняется характеристическая особенность историко-географическихъ сочиненій о Вос-

1) Геродотъ, пер. Мищенко, стр. LXX.

2) Замысловскій. Герберштейнъ и его историко-географ. извѣстія о Россіи. Спб. 1884. Стр. 67.

точной Европѣ XV и XVI в. Въ описаніяхъ ея читатель встрѣчаетъ тѣ самыя названія странъ, морей, рѣкъ и возвышенностей, которыя были общеупотребительны въ географіи классической; этой номенклатурѣ, какъ наиболѣе понятной для западно-европейскаго общества, оказывали предпочтеніе передъ русскою и потому иногда удерживали даже тѣ классическія названія, которыя утратили живой смыслъ и давали поводъ къ невѣрнымъ представленіямъ".

Подобно тому, какъ названіе Каспійское досталось морю посредствомъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языка всѣмъ современнымъ народамъ въ Европѣ, также можно предположить, что оно досталось и намъ русскимъ, спустя болѣе 2000 лѣтъ послѣ Геродота, путемъ знакомства съ западными путешественниками и путемъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ. Такое предположеніе можно подкрѣпить слѣдующими доводами:

1) Русскіе порядочно знали страны Закавказскія съ IX столѣтія, чему служитъ доказательствомъ книга „*Большой чертежъ*", однакожъ въ ней ниразу не упоминается названіе Каспійское, а всегда Хвалынское.

2) Ни одинъ изъ восточныхъ писателей (которые послѣ будутъ приведены) не употребляетъ названіе Каспійское, а всѣ они, говоря о Каспійскомъ морѣ, примѣняютъ одно и даже нѣсколько его названій, но болѣе современныхъ ихъ писанію.

3) Русскій путешественникъ Аѳанасій Никитинъ около 1470 года также не зналъ о названіи Каспійскомъ, что видно изъ выше сказаннаго.

4) Изъ находящихся въ нашихъ источникахъ до XVII вѣка названій морей также видно, что ни разу не упоминается названіе Каспійское [1]).

5) Западные путешественники (Марко Поло въ XIII вѣкѣ и Барбаро Контарини въ XV вѣкѣ) побывавшіе на берегахъ Каспія и говорящіе о немъ, но не успѣвшіе еще познакомиться съ классическими текстами, употребляютъ названія, которыя были употребляемы восточными писателями.

6) Какъ на лицо, которое первое принесло къ намъ названіе Каспійское, можно указать на западнаго путешественника, австрійскаго дворянина, кончившаго Вѣнскій университетъ, Сигизмунда Герберштейна, пріѣхавшаго первый разъ въ Россію въ 1517 году и употреблявшаго названіе для Хвалынскаго моря—Каспійское [2]). Онъ же вынесъ отъ насъ на западъ названіе Хвалынское, употребляемое Русскими. Въ приложеніи къ сочиненію Замысловскаго: „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія

1) Замысловскій стр. 126.

2) „ „ 126.

о Россіи", находятся между другими, двѣ интересныя карты, одна подъ названіемъ: „Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein. Neiperg, et gutenhag Anno M. II XLIX", гдѣ находимъ „Mare Caspium" и подъ названіемъ „Moscovia Sigismundé Liberi Baronis in Herberstein", гдѣ помѣщено—„Chwalinsco Morie и Caspium Mare". Объ этихъ картахъ Замысловскій въ концѣ своего сочиненія говоритъ: „Въ исторіи нашихъ знаній Герберштейновы карты имѣютъ слѣдовательно значеніе памятника, сохранившаго слѣды драгоцѣннаго, утраченнаго, къ великому сожалѣнію, русскаго памятника; въ исторіи всеобщаго землевѣдѣнія эти карты, какъ мы уже указывали, получили ближайшее практическое примѣненіе и впервые дали наглядное понятіе о главнѣйшихъ рѣкахъ и городахъ Восточной Европы, а также о мѣстообитаніи нѣкоторыхъ ея племенъ" Однакожъ, о занесеніи къ намъ новаго названія „Море Каспійское" могли знать только нѣкоторыя приближенныя лица Герберштейну, такъ какъ его „*Записки о Московіи*" были въ первый разъ переведены на русскій языкъ только въ 1748 году Куріакомъ Кондратовичемъ, который, донося объ этомъ Академіи, между прочимъ, покорнѣйше просилъ переведенную книгу приказать въ сокровенномъ мѣстѣ хранить, ради многихъ, содержащихся въ оной секретовъ [1]).

Слѣдующіе западные путешественники, какъ, наприм., англійскій—Дженкинсонъ (около 1558—1561 г.) и голштинскій Олеарій (1633, 1636, 1639 гг.) употребляли также названіе море Каспійское. Олеарій приводитъ даже нѣсколько восточныхъ названій, а также и русское.

7) Укрѣпленію новаго названія въ Россіи наиболѣе способствовало время царствованія Петра I, въ которое русскіе ближе познакомились съ Хвалынскимъ—Каспійскимъ моремъ. Онъ, хлопоча о распространеніи на русскомъ языкѣ полезныхъ книгъ, не упустилъ изъ виду также книги географическія. Извѣстно, что 10 Февраля 1701 года Петръ I далъ Ивану Тесснигу привиллегію на заведеніе русской типографіи и повелѣно ему было въ Амстердамѣ печатать, кромѣ другихъ книгъ и европейскія, азіатскія, американскія, земныя и морскія картины и чертежи [2]). Въ Москвѣ также была типографія, гдѣ печатались переводы и географическія карты, такъ, наприм., въ 1718 году вышла тамъ „*Генеральная Географія, переведена съ латинскаго языка на россійскій и напечатана повелѣніемъ Царскаго, Пресвѣтлаго Величества*". Русскій переводчикъ автора Генеральной Географіи, Вареніуса, издавшаго ее въ 1640 году, на стр. 189 описываетъ наше море подъ заглавіемъ „*Море Каспійское*". Наконецъ Петръ I-й самъ началъ употреблять новое названіе. Въ инструкціи,

1) Замысловскій стр. 63.

2) Соловьевъ. Ис. Г. Р. Т. III.

данной въ 1715 году Волынскому, отправляемому посланникомъ въ Персію, между прочимъ, собственноручно писалъ: „особливо про Гилянь и какія горы ... проходимыя мѣста кромѣ одного нужнаго пути (какъ сказываютъ) отдѣляли Гилянь и прочія провинціи по Каспійскому морю, лежащія отъ Персиды“ [1]).

Новѣйшее названіе, начинающее вытѣснять на второй планъ древнее названіе какъ въ географіи, такъ и въ исторіи, нашло себѣ скоро много поклонниковъ и въ народномъ творчествѣ, выраженномъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Примѣры подобной передѣлки древняго названія на новое находимъ въ разныхъ пѣсняхъ. Такъ наприм. въ пѣснѣ объ „Ильѣ Муромцѣ [2]), записанной въ Саратовской губерніи, при словахъ:

„По морю, по морю, по морю же синему,
По синему по Хвалынскому“ и т. д.

Есть примѣчаніе о двухъ другихъ варіантахъ, а именно въ доставленномъ А. М. Тургеневымъ, сказано:

„Что по синему морю по Каспицкому“,

и изъ пѣсенъ 1805 года:

„Что по синему морю Каспійскому“ и т, д.

Подобная перемѣна въ названіяхъ замѣчается въ пѣсняхъ Разинскихъ, какъ наприм. въ пѣснѣ „Стоянка Разина“ [3]), въ первый разъ сказано:

„Каково-то наше море становилося?
Что ничѣмъ наше Хвалынское не ворохнется“ и т. д.,

а во второй разъ:

„Тихонько наше море становилося,
Ничѣмъ наше Каспиское не шевельнулося“ и т. д.

За тѣмъ есть пѣсни, гдѣ незамѣтно, чтобы раньше припоминалось названіе Хвалынское, а прямо говорится о морѣ *Каспицкомъ* и *Каспискимъ*. Въ пѣснѣ „Послѣ похода въ Пруссію“: [4])

„Пошли казачушки съ моря Чорнаго,
Со Чорнаго моря со Каспицкаго“ и т. д.

Также въ пѣснѣ „Стенька Разинъ“: [5])

„Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
Потопляла у козаченьковъ теплы лагеры,
Среди моря было Каспицкаго
Стоялъ тутъ Лиманъ островъ“ и т. д.

---

1) Соловьевъ. Ис. Г. Р. Т. VI.
2) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Ч. I, вып. 1, 22.
3) „ „ „ вып. 8, стр. 375.
4) „ „ „ вып. 9, стр. 116.
5) „ „ „ Ч. II, вып. 7, 32.

Въ пѣснѣ „О Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ“: *)

„Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй въ чистомъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспискіимъ“ и т. д.

Въ приведенныхъ пѣсняхъ, гдѣ упоминается море Каспицкое или Каспиское проглядываетъ какъ будто указаніе. откуда эти названія къ намъ пришли, потому. какъ раньше было сказано, Армяне называли Каспій—море Каспицъ, а Грузины—Касписъ. Я не берусь рѣшить вопроса о томъ. дѣйствительно-ли и какимъ путемъ эти названія достались намъ отъ Армянъ или Грузинъ. потому, что не имѣю на это никакихъ указаній. Странно только то. что время появленія этихъ словъ Каспицъ и Касписъ въ русскихъ пѣсняхъ не замѣчено раньше того времени. когда у насъ это названіе уже было извѣстно съ запада. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, онѣ занесены къ намъ русскими купцами путешествующими на югъ къ Кавказу или армянскими или грузинскими купцами. пришедшими въ Россію; но, можетъ быть, что русскіе пѣсенники сами по себѣ, познакомившіеся съ новѣйшими книгами по географіи или по указанію другихъ лицъ перемѣняли названіе Хвалынское на названіе Каспійское, не смотря при этомъ на правильность названія, а соблюдая только удобство для пѣнія. Наконецъ, можетъ быть, что не пѣсенники перемѣняли названіе, а то лицо, которое также знакомое по географіи, собирало и записывало разныя пѣсни.

Изъ всего сказаннаго касательно выше приведенныхъ вопросовъ выяснилось, почему не могло удержаться древнее русское названіе Хвалынское, отъ усвоенія котораго на дальнѣйшія времена начались отказываться сами русскіе, какъ ученые путешественники, географы, историки, государи, такъ и простые пѣсенники.

СИНЕЕ МОРЕ. КӦКӢ ТЭНГИЗЪ.

Къ этимъ двумъ названіямъ—Каспійское и Хвалынское, дѣйствительно употребляемыя русскими, а нѣкоторые непремѣнно хотятъ причислить еще названіе Синее море, какъ будто бы также употребляемое русскими. Если имѣть одну или двѣ пѣсни, гдѣ упоминается Синее море, а понимать нужно Хвалынское море, пожалуй можно было-бы такъ сказать, но мы имѣемъ гораздо болѣе данныхъ для того, чтобы сказать слѣдующее: Слово синее употреблялось дѣйствительно русскими въ разныя времена во многихъ пѣсняхъ, но не какъ самостоятельное названіе для цѣлаго Каспійскаго моря,

*) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Ч. II. вып. 6, 25.

а только какъ прилагательное къ названію моря или какъ названіе извѣстной части Каспійскаго моря. Какъ самостоятельное названіе Каспійскаго моря Синее море—Кökё тенгизъ, употребляютъ только одни калмыки.

Пѣсни, которыя дали поводъ къ неправильному толкованію названія Синимъ моремъ, слѣдующія:—пѣсня о богатырѣ Дюкѣ Степановичѣ: [1])

„Не тая-то Камы, коя въ Волгу пала
А тоя то Камы за Синемъ моремъ:
Своимъ устьемъ впала въ Сине море,
А леталъ орелъ надъ Синемъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица въ Сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на Синемъ морѣ“ и т. д.

Здѣсь при словахъ: за Синимъ моремъ есть примѣчаніе, что подъ этимъ названіемъ разумѣть нужно море Хвалынское, Каспійское. Вторая пѣсня, гдѣ подъ Синимъ моремъ можно также понимать Хвалынское море есть пѣсня о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ: [2])

„Изъ-за моря, моря Синяго,
Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго,
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ
Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
Съ любимымъ зятемъ съ Ульюткомъ“ и т, д.

Почему въ этихъ пѣсняхъ не употреблено къ слову Сине еще дѣйствительное географическое названіе моря неизвѣстно, можетъ быть, риѳма не позволяла, а, можетъ быть, пѣсенники не очень разбирали настоящія названія разныхъ морей, какъ мы видѣли это выше; иногда пѣсенники просто пѣли: „Ахъ по морю, морю, морюшку“... и не говорили по какому, потому что и не знали съ какимъ моремъ дѣйствительно ихъ пѣсня связана. Что слово „Сине“ должно считать въ русскихъ пѣсняхъ только прилагательнымъ къ географическому названію моря, видно изъ разныхъ обстоятельствъ: 1) Въ новѣйшее время, когда въ пѣсняхъ вытѣснено было древнее названіе Хвалынское новымъ названіемъ „Каспійское“, то слово сине осталось въ употребленіи, какъ прежде и писалось: сине море Каспійское. 2) Слово сине употреблялось въ русскихъ пѣсняхъ не только при морѣ Хвалынскомъ или Каспійскомъ, но и Варяжскомъ и при другихъ, какъ напримѣръ въ пѣснѣ: „Донской казакъ передъ царемъ“: [3])

„Да по край моря Синяго,
По усть батюшки Дона тихаго“ и т. д.

---

1) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Вып. 3, стр. 102.

2) „ „ „ Вып. 4, 38.

3) „ „ „ Вып. 8, 95.

Также въ пѣснѣ „Море Средиземное“: [1])

„Не бушуйте вѣтры буйные,
Не волнуй ты море Синее,
Ты Сине море Средиземное“, и т. д.

3) Въ книгѣ называемой „Большой чертежъ“ на стр. 72 читаемъ: „А отъ Хвалынскаго моря до Синяго моря, на лѣтній, на солнечный восходъ прямо 250 верстъ“. По объясненію книги „Большаго чертежа“ подъ названіемъ *Сине море* нужно понимать всегда *Аральское озеро*, чему находимъ подтвержденіе и въ *Географическомъ Лексиконѣ* Миллера, напечатанномъ въ 1777 году [2]). Также находимъ у Карамзина указанія, что подъ Синимъ моремъ понимать нужно Аральское озеро [3]). Каспійское море какъ цѣлое не называлось у Русскихъ Сине море, а только одна его часть, къ сѣверовостоку отъ Астрахани носила и носитъ названіе *Заливъ Сине море, Сине море, Сине Морцо*. Астраханскій игуменъ Кириллъ бьетъ челомъ царю Іоанну Грозному: „что онъ, игуменъ, по Его Царскому Указу, посланъ въ Астрахань въ 1568 году, а велѣно ему въ Астрахани Николы Чудотворца устроити монастырь общій; а годовые руги, велѣно ему въ томъ монастырѣ давати денегъ по 19 рублевъ... да тому-же монастырю дана рыбная ловля на Волгѣ на Бузанѣ, островъ Чурка съ бугры и протоки, отъ Перекопа до Ахтубскаго устья, внизъ по Синему морю съ ильмени и со всѣми угоды “. (Акты истор. археолог. коммиссіи 1. № 163).

Игуменъ Іосифъ 1-й (1587—1589 г.) ходатайствовалъ предъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, чтобы вмѣсто рыбной ловли на рѣкѣ Бузанѣ и по Синему морю и другихъ угодій даровано было Троицкому монастырю денежное и хлѣбное жалованье (акт. истор. археолог. коммис. 1. № 223) Однако же для исторіографа Миллера въ его „Sammlung Russ. Geschichte“, гдѣ онъ говоритъ о путешествіи англичанина Дженкинсона, который въ 1558 году на Каспійскомъ морѣ проѣхалъ мимо какого-то Синяго моря, является это Сине море на Каспійскомъ морѣ непонятнымъ, и онъ добавляетъ, что это неправильно, потому что только одно Аральское озеро называется Синимъ [4]). У калмыковъ Каспійское море извѣстно подъ названіемъ Кökё тэнгизъ—Сине море. Объ этомъ названіи я справлялся лично у калмыковъ и кромѣ того я получилъ указанія отъ А. И. Воронцова, бывшаго учителя Астрах. духовн. семинаріи, приготовившаго къ печати Калмыцко-

1) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Вып. 9, 313.

2) Книга „Большой чертежъ“, стр. XIV.

3) Карамзинъ. Т. V. 26, 196. XI. 50.

4) Чтенія въ Импер. Обществѣ. М. 1865. Книга первая. 338.

Русскій словарь. Указанія его, за которыя я здѣсь ему приношу благодарность, слѣдующія:

Калмыцкое слово *Далай* -означаетъ море, поэтому и высокій санъ калмыцкихъ священниковъ *Далай-Лама*—море мудрости. *Тэнгизъ*—всякое большое водное пространство, большое озеро, Кокё тэнгизъ—Сине море (Каспійское).

Точно также находимъ въ „*Русско-Калмыцкомъ словарѣ*“, составленномъ профес. Пет. унив. *Конст. Голстунскимъ*. Пет. 1860. Кокё тэнгизъ —Каспійское море. Поэтому принимая за вѣрное, что Каспійское море у калмыковъ носитъ названіе Кокё тенгизъ, можно сказать, что Шопенъ (стр. 388) и также Кипертъ на картѣ: General karte des ostnischen Rejches in Asien. Berlin 1868 [1]), названіе Gókdje Deniz неправильно пріурочиваютъ Аральскому озеру, которое по указанію г. Воронцова у калмыковъ называется такъ, какъ и у татаръ *Аралъ-тэнгизъ* [2]). Эта неправильность въ примѣненіи названій, какъ видно, произошла отъ того, что Аральское озеро было извѣстно у русскихъ подъ названіемъ Синее море и такъ какъ синій по калмыцки Кокё, то и калмыцкое названіе Кокё-тэнгизъ, пріурочили безъ дальнѣйшихъ справокъ не Каспію, а Аральскому озеру.

МОРЕ ХАЗАРСКОЕ.

Моремъ Хазарскимъ названо было Каспійское море восточными писателями, по имени народа Хазаровъ, жившаго на его Сѣверо-Западныхъ берегахъ. Что касается самаго написанія слова Хазары, то мы его встрѣчаемъ въ разныхъ формахъ, такъ наприм. Моисей Хоренскій пишетъ *Хазиры*; въ Несторовой лѣтописи и въ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ Соловьева *Козары*; въ Очеркахъ русской исторической географіи Барсова—*Казары*; у Языкова въ его переводѣ: „Путешествіе къ Татарамъ Плано Карпини“—*Газары*. Названіе Хазарское море употребляли многіе изъ восточныхъ писателей; по персидски Darja-i Chozar и Darja-i Chizir (Дорнъ. 252. 253). Профессоръ Крузе въ своей статьѣ: „*Путешествіе по Германіи*“, [3]) говоритъ, что карты арабскихъ писателей Истархи-ем-фарси и Казвини, гдѣ обстоятельно обозначены всѣ земли около Хазарскаго моря и каковыя карты онъ видѣлъ въ Готѣ, суть самыя древнѣйшія изъ существующихъ донынѣ картъ.

---

1) Дорнъ. Каспій, 253.

2) Книга „Большой чертежъ“, 246.

3) Журн. Министер. Нар. Просв. 1835 г. Февр.

Григорьевъ въ своей статьѣ: „*О походахъ Руссовъ на Востокъ*“, [1]) говоритъ, что Каспійское море получило названіе Хазарскаго, не оттого, что Хазары плавали по оному морю и купечествовали, ибо Масуди (восточный историкъ † 958) рѣшительно говоритъ, что они не имѣютъ судовъ, а потому, что они были извѣстнѣйшимъ изъ народовъ, обитавшихъ на его берегахъ. Адамъ Олеарій въ своемъ: „*Подробномъ описаніи путешествія Голштинскаго посольства въ Москву и Персію*“ упоминаетъ, что имя Хозаръ получило Каспійское море отъ того, что племя Тогарме, происшедшее отъ сына Тогарме (которыхъ было 10 и одинъ изъ нихъ назывался Хозаръ), жило нѣкогда при этомъ морѣ и вверхъ по рѣкѣ Этель (Волгѣ), какъ увѣряетъ это Бохартъ, заимствуя свѣдѣніе это изъ „Tabulis Ismaelis Albuxeda“. Подобно морю Каспійскому получила и рѣка Волга названіе *Хазарская рѣка*, а старая Астрахань у Грузинцевъ была извѣстна подъ именемъ Хозаръ [2]).

Примѣчаніе: Такъ какъ этотъ народъ Хазары жилъ когда-то въ нашей Астраханской губерніи и считался другими народами за народъ сильный, могущественный, то я считаю не лишнимъ болѣе здѣсь о немъ распространиться.

Народность Хозаръ составляетъ до сихъ поръ не вполнѣ разрѣшенный вопросъ въ этнографіи. Нѣкоторые писатели считаютъ ихъ народомъ турецкимъ или татарскимъ; большинство относитъ къ финскому семейству и считаетъ соплеменниками Угровъ; третьи называли ихъ предками черкесовъ и четвертые наконецъ считали ихъ славянами.

Д. И. Иловайскій въ статьѣ: „*Болгары и Русь на Азовскомъ поморьѣ*“ [3]) по нѣкоторымъ соображеніямъ пишетъ: „Хазарское царство основано собственно турецкимъ племенемъ; въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; но почему же оно стало называться Хазарскимъ? Было-ли принесено это имя изъ Средней Азіи турецкими завоевателями, или оно было туземное?—Оно принадлежало не пришедшимъ туркамъ, а туземному прикавказскому народу. Относительно происхожденія Хазаръ, интересно прочитать замѣтку Хазарскаго Га-хана Іосифа, писанную въ X вѣкѣ, раввину Гасдаю-бенъ-Исаакубенъ-Эздра. Начало письма слѣдующее: „Вѣдай, что мы происходимъ отъ потомковъ Іафета, а именно отъ сына его Тагармы. Въ родословныхъ книгахъ отцовъ нашихъ мы читаемъ, что Тагарма имѣлъ десять сыновей и именно.... 7-й Хазаръ.... „Повѣствуетъ, что въ его время, отцы наши, происходившіе отъ Хазара седьмого сына Тагармы были малочисленны [4]) и т. д.

---

1) Журн. Министер. Нар. Просв. 1835 г. Февр.
2) Семеновъ. Сл.
3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1875. Янв.
4) Шопенъ 271.

Моисей Хоренскій упоминаетъ о нашествіи Хазаръ на армянскія владѣнія, совершившемся въ 193—213 г. по Р. Х. [1]) Это извѣстіе считается вообще первымъ и болѣе достовѣрнымъ, сравнительно съ другими, извѣстіемъ.

Хазары воевали съ Армянами, Персами, Гуннами, Аравитянами и въ VI в. могущество Хазаровъ начало быстро увеличиваться, а въ VIII вѣкѣ было въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ. Григорьевъ [2]) описывая ихъ владѣнія, говоритъ, что они владѣли отъ моря Каспійскаго до береговъ Днѣстра и отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Оки и Камы. Далѣе разсказываетъ, что императоры византійскіе, страшась за свои владѣнія въ Херсонесѣ, всѣми мѣрами старались войти въ тѣснѣйшую связь съ Хазарами, и Хаканъ Хозарскій почитался могущественнѣйшимъ изъ государей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ Дворъ Византійскій; посылаемыя къ нему грамоты надписывались: „Славнѣйшему и благороднѣйшему Хакану Хазарскому", и запечатывались золотою буллою въ три солида, тогда какъ письма отправляемыя къ Папѣ и королю Французскому запечатывались буллою въ два солида. Цари Греческіе, говоритъ Карамзинъ: „Искали убѣжища въ ихъ степяхъ, дружбы и родства съ Хаканами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія, украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Хазарскою. Хаканъ пользовался величайшею почестью у своего народа и, какъ Григорьевъ пишетъ, встрѣчавшійся народъ не видалъ Хакана, ибо падалъ предъ нимъ ницъ и вставалъ не прежде, какъ онъ уже проѣхалъ. Главная столица государства былъ городъ Итиль, съ дворцомъ, находившемся на западномъ берегу Волги. Довольно продолжительное существованіе Турецко-Хазарскаго государства способствовало нѣкоторому смѣшенію народовъ, составляющихъ это государство. Это были истые Турки, потомъ племена Мидосарматскія или Черкесскія, нѣкоторая часть восточно-славянскихъ народовъ и нѣкоторыя орды гунскія или угорскія и большое количество евреевъ. Прочной однообразной національности у нихъ не выработалось и это отчасти объясняетъ, почему впослѣдствіи Хазарское государство сошло со сцены, не оставивъ никакого этнографическаго типа въ исторіи. Съ начала XI столѣтія могущество ихъ мало помалу стало ослабѣвать. Нашъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что въ 965 году Святославъ, покоривъ Вятичей, устремился на землю Хазаровъ, побѣдилъ Хакана и взялъ укрѣпленный городъ Саркелъ, или Бѣлую Вѣжу. Ибнъ-Хаукалъ, повѣствующій о семъ событіи подъ 969 годомъ геджри, говоритъ, что Русскіе перебили въ то время жителей Итиля,—Хазаровъ, Булгаровъ и Бургасовъ, разрушили Семендеръ и опустошили его окрестности. Эта русская побѣда сильно потрясла могущество уже

1) Моисей Хоренскій. 303.

2) Григорьевъ. Россія и Азія. 1876.

слабѣвшаго государства Хазарскаго и приготовило его окончательное паденіе. Императоръ Василій въ 1016 году послалъ въ Хазарію флотъ подъ предводительствомъ Монга, который покорилъ эту страну, взялъ въ плѣнъ въ первой битвѣ государя оной Георгія Цула. Съ сего времени ни Византійскія, ни Русскія лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Хазарахъ.

Березинъ о названіи Каспія моремъ Хазарскимъ разсказываетъ, что это названіе донынѣ сохранилось между дагестанскими и закавказскими персіянами въ означеніи сѣвернаго вѣтра „Хазарю“ и что это едва-ли не единственный уцѣлѣвшій слѣдъ Хазарской державы, когда-то процвѣтавшей въ этомъ краю!

Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній замѣчательно, что восточные писатели называли моремъ Хазарскимъ не только Каспійское море, но и Черное, такъ какъ государство Хазаръ распространялось и до его береговъ; но для отличія отъ Каспійскаго моря прибавляли слово Багръ—*Багръ-алъ Хазаръ*, что означало Черное Хазарское. Объ такомъ примѣненіи упоминаетъ и Шопенъ. Иногда употребляя названіе Хазарское море для Чернаго моря безъ прибавленія Багръ, опредѣляютъ различіе отъ Каспійскаго моря другимъ способомъ, такъ, наприм. восточный писатель Ибнеласиръ (род. 1160 г.) въ повѣствованіи своемъ о Татарахъ, между прочимъ, говоритъ: „Прибыли они къ городу Судаку; это городъ Кипчаковъ, изъ котораго они получаютъ свои товары, потому, что онъ (лежитъ) на берегу Хазарскаго моря и къ нему пристаютъ съ одеждами, послѣднія продаются, а на нихъ покупаются дѣвушки и невольники, бургасскіе мѣха, бобры, бѣлки и другіе предметы, находящіеся въ землѣ ихъ. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется съ Константинопольскимъ проливомъ“ *). Изъ словъ его видно, что тутъ подъ названіемъ Хозарскаго надо разумѣть не Каспійское море, которое онъ (тамъ-же на стр. 12) называетъ Табаристанскимъ. Дорнъ въ своей книгѣ: „Каспій“ не упоминаетъ, что названіемъ Хазарское море, пользовались и для Чернаго моря и не замѣчаетъ поэтому и ошибку Геллерта, который *Бахри-Хазеръ* пріурочиваетъ неправильно Каспійскому морю (Дорнъ. Каспій, 349).

МОРЕ БѢЛОЕ—АКЪ-ДЕНГИЗЪ.

Съ нашествіемъ Татаръ въ страны Прикаспійскія прибавилось еще одно названіе морю Каспійскому. Татары называютъ Каспій—Акъ-денгизъ, т. е. Бѣлое море, о чемъ можно найти замѣтку въ географическо-статистическомъ

*) В. Тизенгаузенъ. Сборникъ матеріаловъ относящихся къ исторіи Золотой Орды. Т. I. 26.—1884.

Словарѣ Семенова, далѣе на картахъ Вала [1]), гдѣ оно обозначено по нѣмецки Weisses oder Kaspisches Meer, также на картѣ Георги [2]). Откуда это названіе взято, было-ли оно встрѣчено гдѣ нибудь въ историческихъ описаніяхъ, взято-ли изъ словарей, или просто по наслышкѣ отъ Татаръ, указанія нигдѣ не найдемъ и Дорнъ также объ этомъ умалчиваетъ. Шопенъ упоминаетъ, что кочующіе около береговъ Каспія Турки прозвали его Акъ-денгизомъ.

Подъ именемъ Акъ-денгизъ—бѣлое море можно иногда разумѣть „великое море", такъ какъ извѣстно, что восточные народы слово бѣлый употребляли для выраженія величія, какъ наприм. бѣлый царь, бѣлая мечеть.

По названію Бѣлое море можно дѣйствительно придавать полный смыслъ въ противоположность морю Черному.

Названіе Акъ-Денгизъ—Бѣлое море нѣкоторые оспариваютъ у Каспія, пріурочивая его другимъ морямъ или озерамъ. Г. Спасскій, авторъ сочиненія: „*Книга глаголемая Большой чертежъ*",—(1846 г. стран. 77) пишетъ „Константинополь городъ стоитъ къ берегу Бѣлаго моря"... а въ примѣчаніяхъ тамъ-же (на стр. 251) подъ словомъ „Бѣлое море" объяснено: „Это названіе моря есть переводъ турецкаго Акъ-Денгизъ, подъ которымъ оно и донынѣ извѣстно у Турокъ; но вообще называютъ его Мраморнымъ моремъ, которое посредствомъ Константинопольскаго пролива соединяется съ Чернымъ моремъ". Спустя года четыре Березинъ, познакомившись, можетъ быть, съ вышеприведенною замѣткою и не спросивъ объ этомъ подробнѣе, при своей поѣздкѣ по Каспійскому морю, также (на стр. 23) трактуетъ о неправильности примѣненія восточными писателями Каспію названія Акъ-денгизъ, замѣчая, что подъ этимъ названіемъ собственно должно разумѣть Средиземное море. Я могу тоже привести еще другія моря и озера подъ названіемъ Акъ-денгизъ или Бѣлое море; такъ наприм. извѣстно намъ Бѣлое море на Сѣверѣ Россіи; Риттеръ же упоминаетъ, что озеро Балкашъ на Иртышѣ также называется Акъ-денгизъ, т. е. Бѣлое море [3]). Вообще можно замѣтить, что примѣненія названій Синее море, Бѣлое море, Восточное море, Западное море довольно запутаны, такъ такъ найдется всегда нѣсколько озеръ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ. Объ этомъ названіи я спрашивалъ у Астраханскихъ Татаръ и странно мнѣ показалось, что простые Татары называютъ Каспій дѣйствительно Акъ-денгизъ. Одинъ мулла мнѣ далъ показаніе, согласное съ примѣчаніемъ въ книгѣ „Большой чертежъ".

1) Дорнъ. Каспій 232.

2) „ „ 235.

3) Землевѣденіе Азіи. К. Риттеръ, пер. Семеновъ. Т. II, стр. 92.

Замѣчательно, что Дорнъ совершенно не упоминаетъ о названіи Акъ-денгизъ, т. е. онъ не ставитъ это названіе въ рядъ другихъ названій Каспійскаго моря, а только приводитъ замѣтки, что другіе писатели употребляли это названіе.

МОРЕ САРИНСКОЕ.

Каспійское море, какъ уже можно было замѣтить, получало разныя названія отъ именъ народовъ, около него обитавшихъ, но оно получало разныя названія также и отъ прилегающихъ къ нему странъ, городовъ и острововъ. На Каспійскомъ морѣ есть островъ называемый *Сара* или, какъ иногда писали, *Сари*; онъ лежитъ на западномъ берегу Каспія, немного сѣвернѣе города Ленкорана. Кромѣ того на южномъ берегу Каспія въ Табаристанѣ есть городъ того-же названія *Сари*. Однакожъ, не смотря на довольно большую извѣстность, какъ Саринскаго рейда, такъ и города Сари, названіе Саринское моря Каспій получилъ не отъ острова Сара, ни отъ города Сари, какъ-бы можно было ожидать. Березинъ упоминаетъ, что на картѣ Каталонской Каспійское море названо Сарринскимъ и Бакинскимъ. Изъ этого указанія совершенно однако не видно, какая часть Каспійскаго моря первоначально такъ называлась. Шопенъ выражается уже точнѣе замѣчая, что на картахъ, составленныхъ въ среднихъ вѣкахъ, выставлены для сего моря названія: „Mar di Sara“, вѣроятно, вмѣсто Mar di Saray. тоже *Сарая*, столицы Бати-хана и что еще называлось Mar di Baci, Мюллеръ упоминаетъ, что къ особеннымъ названіямъ этого моря принадлежитъ названіе, употребляемое средневѣковыми итальянскими путешественниками. Такъ, напримѣръ Пеголотти назвалъ это море по названію резиденціи Золотой Орды *Сара* *). Что дѣйствительно въ этомъ названіи произошла перемѣна Saray въ Sara, то на это можно привести достаточно указаній; при морѣ Бакинскомъ у Дорна не находимъ замѣтки относительно названія Mar di Sara, довольно часто встрѣчающагося, но за то онъ прямо указываетъ, къ чему относится названіе море Саринское. На стран. 188 онъ пишетъ, что это названіе море могло получить только отъ города *Сарая*, столицы Золотой Орды, но не отъ острова Сари или Сара, ни отъ города Сари въ Мазандеранѣ и поэтому онъ самъ это названіе на своей картѣ № 1-й помѣстилъ возлѣ названія море Астраханское. Не имѣя никакихъ другихъ указаній, почему названіе Саринское море должно относиться къ городу Сарая, а не

*) Müller. Histor-geogr. Darstellungd. Stromsystems der Wolga. Berlin. 1839. C.p. 639.

къ городу Сари, или острову Сари, должны мы согласиться съ Шопеномъ и Дорномъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣлъ подъ рукою еще другія указанія.

Примѣчаніе: Гдѣ былъ городъ Сарай, получившій прозвище „богохранимаго“ и называемый Татарами Уртаурду—средній дворъ, до сихъ поръ окончательно не рѣшено. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ статьѣ Григорьева: *„О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой Орды“*. (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ III X. 1845). По его мнѣнію, развалины Сарая, основаннаго Батыемъ, вѣроятно въ 1253 году, находятся около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева, и находившійся тамъ Новый Сарай былъ не городъ, но дворецъ внутри или въ предмѣстьяхъ Стараго Сарая. Однакожъ съ этимъ мнѣніемъ не соглашаются многіе и между прочимъ, Брунъ въ своемъ рефератѣ: *„О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I-го“*. (Труды III археологическаго съѣзда въ Россіи. Т. I. 1870).

МОРЕ АСТРАХАНСКОЕ.

Рѣдко кто изъ Астраханцевъ знаетъ, что городъ Астрахань, столица бывшаго Астраханскаго царства, всегда славившійся значительною торговлею, былъ удостоенъ чести одолжить свое имя Каспійскому морю. На это указываетъ Шопенъ (Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Петерб. 1866 г.), который, не упоминая источника, пишетъ, что часть моря, омывающая Астрахань, носила названіе „море Астраханское“. Дорнъ же („Каспій“, 1875 г., стр. 157), указывая, что названіе „море Астраханское“ было употреблено на картѣ Абдулъ-Хакима, и помѣщая на своей картѣ № 1-й разныя названія Каспійскаго моря къ прилегающимъ соименнымъ странамъ или городамъ, конечно, помѣстилъ это названіе около города Астрахани. Клапротъ упоминаетъ, что славянскіе народы часто называли Каспій моремъ Астраханскимъ (Müller, Hist -geogr. Darsl. d. Stroms. der Wolga, стр. 639). Такъ какъ при нѣкоторыхъ названіяхъ моря я привелъ также краткое объясненіе и происхожденіе названій, то позволю себѣ и здѣсь привести нѣкоторыя указанія относительно написанія разныхъ названій Астрахани и также нѣсколько указаній относительно происхожденія этого названія. Астрахань не составляетъ исключенія изъ ряда тѣхъ примѣровъ, когда одно и тоже названіе писалось на разный ладъ. У разныхъ русскихъ писателей значится, что въ нашихъ лѣтописяхъ Астрахань упоминается подъ названіемъ Хазиторокань (такъ пишетъ историкъ Карамзинъ); въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими

учеными и писателями, въ 1862 году написано: *Хозитарахань*; Семеновъ въ своемъ „Географическо-статистическомъ словарѣ“ — *Хозитаракань*, и Березинъ также въ словарѣ — *Хозиторокань*. Другое названіе Астрахани, которое здѣсь же заимствовали итальянскіе путешественники XV-го вѣка Барбаро и Контарини — *Цитрахань*, также пишетъ профес. Замысловскій; Семеновъ же пишетъ — *Цытрахань*; Рыбушкинъ — *Цытрахань*; Рыбушкинъ — *Цытрихань*, а въ „Энциклопедическомъ словарѣ русскихъ ученыхъ“ — *Цытроханъ*.

Третье названіе *Азиторокань* находимъ въ примѣчаніяхъ къ „Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи“. Т. I. *Азторокань* въ русскихъ лѣтописяхъ, *Асторокань* въ книгѣ „Волга отъ Твери до Астрахани“. 1862. Чему приписать такое несогласіе въ писаніи на одномъ и томъ же языкѣ — неизвѣстно, но оно даетъ наглядное доказательство того, что при передачѣ названія вообще съ одного на другіе языки можно ожидать еще больше извращеній; такъ наприм., о названіи Астрахань въ Conversations-Lexikon'ѣ Брокгауза, 1875, сказано, что итальянцы и другіе путешественники называютъ её Citracano, Citerchan (и наконецъ дошло до разныхъ) Gioterchan, а у Штукенберга — Ginturchan и Gintarchan. Приведенныя три названія можно видѣть еще въ слѣдующихъ формахъ: *Ашп-Тархань*, *Ашпархань* и *Гаджи-Дархан* — у Равинскаго; *Адяшъ-Тархань* и *Аджи-Тархань* — у Семенова и у Рыбушкина, *Адяшъ-Тархань* — въ Энцикл. слов. русск. учен.; *Аджа-Тархань* — въ книгѣ „Волга отъ Твери до Астрахани“; *Аджарха* — у Петра I (Дорнъ, 480, 286); *Аздархань* — у Шейха Рофа (Дорнъ, 480); *Гештархань* — у Хамдуллы Казвини (Дорнъ, 132); Torgi-iKhan — у Брокгауза; *Хаджа-Тархань* — у Твелькмейэра.

Собравъ разныя названія Астрахани, остановимся на происхожденіи трехъ главныхъ названій *Хиджитархань*, *Цытрахань* и *Астрахань*. Нашъ почтенный историкъ (Астраханскій Губернаторъ 1741—1745) Василій Никитичъ Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской“. (Москва. 1768 года, Т. I, стр. 355), указываетъ: „Астрахань же имя хотя имѣтъ отъ татаръ, но Птоломей (Кн. V, гл. 9), прежде татаръ народъ близъ *Астурканя*, кладетъ на западной или правой стороны Волги“. Изъ этихъ словъ замѣтно мнѣніе Татищева, что Астрахань имя сего народа понынѣ сохраняетъ. Рычковъ, написавшій въ 1774 году *Введеніе къ Астраханской топографіи*, этому предположенію Татищева не довѣряетъ, такъ какъ старается слово Астрахань произвести отъ слова Тмутаракань. На стр. 33 онъ пишетъ: „Могло еще быть и сіе, что оный городъ Тмутаракань когда нибудь перенесенъ былъ къ устью рѣки Волги, гдѣ нынѣ Астрахань и назывался сперва прежнимъ именемъ отъ рѣки Терки, или стариннаго города Тархи, порусски Таракань, отъ имени тамошняго хана

или по какой нибудь другой причинѣ". На это предположеніе Рычкова я долженъ сказать, что во времена Ивана Грознаго Астраханское царство перемѣшано было съ Тмутараканскимъ, происходящимъ по названію не отъ русскихъ словъ, какъ Рычковъ думаетъ, а отъ Хазарскаго слова Томе-Тархана, какъ полагаютъ многіе за самое вѣроятное, и означающее городъ или мѣсто, пользующееся правомъ свободнаго торга *).

Директоръ народныхъ училищъ въ Астрахани, Равинскій, не дѣлая самъ ни какого предположенія относительно происхожденія слова „Астрахань", обратился къ кореннымъ жителямъ Астрахани, не сохранилось ли у нихъ какое нибудь преданіе по этому вопросу. Въ „*Хозяйственномъ описаніи Астраханской и Кавказской губерній по начертанію Императорскаго Вольнаго Экомомическаго Общества*, С.-Петерб. 1809 г.", Равинскій говоритъ, что ему татары передали слѣдующее: „Сей городъ имѣетъ свое названіе отъ имени Аши (имя мужскаго рода), который получа отъ главнаго своего обладателя свободу, вообще назвался Аши-Тархань (Аши свободный). Послѣ чего Аши-Тархань со своими подданными и со многими Тарханами, къ нему приближенными, удалился къ рѣкѣ Волгѣ и на правой ея сторонѣ, сдѣлавъ для своего пребыванія окопъ, назвалъ его Аши-Тархань, по причинѣ, что уже общество составлявшее его владѣніе называлось Аштарханы. Долгое время и во владѣніи татаръ сей окопъ существовалъ подъ онымъ званіемъ, и въ немъ всегда пребывали главные начальники управлявшіе сею страною. Во время хана Урбека, когда татары приняли магометанство, тогда пребывалъ въ немъ и во всей странѣ начальникомъ первѣйшій Гаджи, который былъ изъ знатнѣйшей фамиліи Тарханъ. Для сего почтеннаго мужа многіе татарскіе Гаджи, возвращаясь изъ Мекки, оставались жить въ Аштарханѣ. Почему ханъ Джамбекъ (1344—1358 гг.) приказалъ построить на томъ же мѣстѣ каменную крѣпость и назвалъ сей городъ Гаджи-Тархань, что означало вообще обиталище Гаджей. И хотя во время татарскаго владѣнія названіе сіе было уважаемо, однакожъ большая часть народа по своей привычкѣ, назвала сей городъ Аштархань. Почему Россіяне, взявъ оный, начали называть его Астрахань".

Далѣе имѣемъ калмыцкое указаніе. По увѣренію г. Форстера: калмыки называютъ Астрахань: Хаджи-Айдаръ-Ханъ, Бальгасунъ, отчего произошло настоящее наименаніе Астрахань (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, Т. I. С.-Петерб. 1836 г.). Два года спустя т. е въ 1838 году Эйхвалдъ (Reise auf dem Caspichen Meere und den Kaukasus II L, стр. 105) пишетъ: „Астрахань прежде называлась Цитрахань, которое названіе

*) Извѣстія Императорск. Археолог. Общества, статья М. Морошкина. Т. II, 1861.

произошло отъ *гаджи*, что на татарскомъ языкѣ значитъ святой или также богомолецъ, побывавшій въ Меккѣ; *терханъ*—почетный титулъ (immunitas). Татары не выговаривающіе всегда всѣхъ слоговъ, выпускаютъ первый слогъ такъ что у нихъ останется *Дшитерханъ*, изъ него генуэзцы сдѣлали Цытрахань. Изъ этаго-же, черезъ недоразумѣніе, произошло Астарханъ". Рыбушкинъ въ своихъ „*Запискахъ объ Астрахани*", Москва, 1841 г., стран. 14, приводитъ другія сказанія: Хаджи-Тархань, пишетъ онъ, на арабскомъ языкѣ означаетъ: меккскій богомолецъ, даровавшій свободу. Одинъ изъ знатныхъ татаръ, возвратившійся съ богомолья изъ Мекки, въ то время когда народъ занимался заложеніемъ переносимаго съ прежняго мѣста на новое города Астрахани, въ память-ли благополучнаго своего прибытія изъ путешествія, или, можетъ быть, по установленію Магометову, далъ свободу одному изъ рабовъ своихъ, что и побудило жителей назвать вновь строимый городъ Хаджи-Тархань, какъ и до сего времени называютъ его татары. Другое имъ приведенное сказаніе гласитъ, что нѣкоторые утверждаютъ, что слово Астрахань составлено изъ Аштаръ и ханъ, потому что одинъ изъ владѣтелей сего города назывался Аштаромъ. Въ 1852 г. Небольсинъ въ „*Очеркахъ Волжскаго низовья*", С.-Петерб , говоритъ, что юртовскіе татары изъ ногайцевъ, называющіе сами себя первыми основателями города Астрахани, передали ему по этому вопросу слѣдующее: „На островѣ, гдѣ стоитъ Астрахань, всегда было зимнее становище ногаевъ. Одинъ Хаджи, Аліева колѣна, по имени Тархань, вздумалъ укрѣпить эту зимовку валомъ и кирпичными стѣнами, и съ тѣхъ поръ островокъ началъ все болѣе и болѣе принимать къ себѣ жителей, по географическому положенію и по мѣстнымъ удобствамъ ему охотно стали отдавать предпочтеніе передъ Джигидомъ и дѣло кончилось тѣмъ, что здѣсь, наконецъ, утвердилась главная зимняя ставка ногаевъ. Мѣсто прежней крѣпостцы въ Хаджи-Тарханѣ, переименованнаго русскими въ Астрахань, было именно въ одномъ изъ ближайшихъ къ Волгѣ угловъ нынѣшняго Астраханскаго Кремля". Наконецъ, въ 1886 году, ректоръ Казанской духовной семинаріи, профессоръ Каменскій, въ своей „*Краткой исторіи Астраханской епархіи*", на стран. 14, приводя въ сокращенномъ видѣ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ объясненій, продолжаетъ: „Но всего вѣроятнѣе словами *асъ* и *тарханъ*, означалось политическое, тарханое, т. е. свободное, положеніе города, платившаго за свою свободу извѣстную дань" (асъ или ясакъ).

Сколько правды заключается во всѣхъ приведенныхъ объясненіяхъ къ происхожденію слова Астрахань и *Хаджи-Тархань*, видно будетъ изъ послѣдующаго, и я привелъ всѣ эти объясненія въ подробности въ хронологическомъ порядкѣ потому, что хочу также высказать нѣсколько словъ по этому вопросу.

Какъ было выше сказано, татары объяснили Равинскому, что городъ Астрахань получилъ названіе отъ Аши-Тархана и что Аши есть имя мужскаго рода. Однакожъ, на сколько правдивымъ можно считать этотъ цѣлый разсказъ объ Аши-Тарханѣ, если у татаръ никогда не было ни мужскаго, ни женскаго имени Аши, какъ мнѣ утверждалъ Астраханскій татарскій Фарисъ мулла. Вообще въ этомъ случаѣ не подтверждается мнѣніе, что можно было-бы найдти вѣрныя сказанія у коренныхъ жителей—татаръ. Кромѣ того можно сказать, что татары въ наше время пишутъ и объясняютъ слово Астрахань различно. Примѣръ тому слѣдующій: Астраханскій татарскій переводчикъ, выдержавшій экзаменъ при Казанскомъ университетѣ, мнѣ разсказывалъ, что недавно пришлось ему перевести бумагу, гдѣ написано было Астурханъ. На вопросъ, предложенный имъ муллѣ, писавшему эту бумагу—почему онъ написалъ Астурханъ, а не Астрахань? мулла отвѣтилъ, что такъ надо писать, потому что слово Астрахань происходитъ отъ словъ Ас-тур и ханъ, т. е. воздерживающійся ханъ или ханъ, которому было приказано воздерживаться.

Кажется приведены всѣ объясненія, высказанныя разными писателями къ названіямъ Хаджи-тархань, Астрахань, и Цитра-хань. Однакожъ всѣ эти объясненія, кромѣ одного, какъ продуктъ нашего и конца прошлаго столѣтія, не могутъ удержаться долѣе послѣ указанія арабскаго писателя Ибнъ-Батуты (Абу-Абдолахъ-Магометъ род. 1302 и † 1377 г.), который лично посѣтилъ города Сарай и Астрахань около 1330 года.

Въ „*Сборникѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды*“ (Тизенгаузенъ, С.-Петерб., 1884 года, на стран. 301), читаемъ слѣдующія слова Ибнъ-Батуты: „Когда праздникъ кончался, то мы отправились въ путь съ султаномъ и со ставкою и прибыли къ городу Хаджи-Тархану. Тарханъ—значитъ у нихъ мѣсто, изъятіе отъ платежей; пишется черезъ *та*, *р*, *х* и *н*. Городъ этотъ получилъ названіе отъ тюркскаго хаджи (паломникъ), одного изъ благочестивцевъ, поселившагося въ этомъ мѣстѣ. Султанъ отдалъ ему это мѣсто безпошлинно и оно стало деревней; потомъ оно увеличилось и сдѣлалось городомъ“. Поэтому принимая указанія Ибнъ-Батуты относительно слова *тарханъ*, которое потомъ многіе писали *дарханъ*, *дерганъ*, *терханъ* и въ нашихъ книгахъ—*тарахань*, *тараканъ*, *торокань*, за самое вѣрное и замѣчая, что слово тархань принадлежитъ не только къ названію Хаджи-тархань, но и къ названію Асъ-тархань и должно быть и къ Ци-тархань, можемъ сказать, что указаніями Фарисъ-муллы и, главнымъ образомъ, Ибнъ-Батуты укрѣпляется только объясненія названія Хаджи-Тархань, всѣ же другія объясненія, какъ Рычкова, Равинскаго, Рыбушкина, Форстера, Небольсина, Каменскаго и Астраханскаго муллы опровергаются.

Такимъ образомъ названія Астрахань и Цитрахань остались безъ всякихъ объясненій и можно вновь начать дѣлать разныя разъясненія. Я желаю сдѣлать починъ въ этомъ дѣлѣ.

Ибнъ-Батута, описывая столицу Золотой Орды, городъ Сарай (бывшій какъ полагаютъ, на мѣстѣ нынѣшняго Царева), на стран. 306, между прочимъ пишетъ: „Въ немъ живутъ разные народы, какъ-то: монголы—это настоящіе жители страны и владыки ея, нѣкоторые изъ нихъ мусульмане; ассы, которые мусульмане; кипчяки, черкесы, русскіе и византійцы. Каждый народъ живетъ въ своемъ участкѣ, тамъ и базары ихъ и т. д. Изъ этого перечня для насъ важны ассы, отъ которыхъ должно быть, ихъ участокъ или цѣлый городъ Сарай назывался *Ассара* (Труды III археологическаго съѣзда Россіи Т. I. Статья Бруна: о резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I-го). Нѣкоторые какъ восточные такъ и западные писатели называли Ассовъ—Яссы. Арабскій писатель Эльмари говоритъ, что у султана Узбека были рати черкесовъ, русскихъ и ясовъ и что касается городовъ чаркесскихъ, русскихъ и ясскихъ, то у нихъ всего этого очень много [1]). Самое имя Узбека многіе писали Асбекъ, Осбекъ [2]). Плано Карпини, путешественникъ XII вѣка, вычисляя народы, побѣжденные монголами, между прочимъ упоминаетъ *аланы* или *асы* [3]). Въ Библіотекѣ иностранныхъ писателей (стран. 113), читаемъ: „Въ сѣверо-западной части Кавказа, встрѣчается также народъ именуемый аланами (нынѣ осетинцы), которыхъ Клапротъ почитаетъ остатками древнихъ аланъ; о долговременности пребыванія его въ южномъ краѣ нынѣшней Россіи, еще по сію пору напоминаетъ нашъ городъ Азовъ, построенный какъ полагаютъ аланами. Къ этимъ указаніямъ прибавимъ еще то, что Астрахань первоначально была основана на правой сторонѣ Волги, т. е. въ той сторонѣ, гдѣ жили асы, и впослѣдствіи была перенесена на лѣвый берегъ Волги. Кромѣ того имя народа *асы* или *асъ*, какъ Шоненъ на стран 23 указываетъ, писали тогда *Аши* или *Ашъ* и съ чего легко могло быть и *Ажъ*, а что писалось также не *Асъ*, а *Аз* видно въ названіи города Азовъ.

Принимая во вниманіе: 1) всѣ указанія о народѣ асовъ, 2) указанія разнаго писанія слова асъ и 3) первоначальное основаніе города Астрахани, можемъ сдѣлать предположеніе, что въ словѣ Астрахань слово *асъ* обозначаетъ имя народа асовъ; такимъ образомъ Астархань или Астрахань должно обозначать или асъ—свободный, или асъ, пользующійся свободнымъ мѣстомъ.

---

1) Тизенгаузенъ. Сборникъ, стран. 231 и 234.

2) Библіотека иностр. пис. о Россіи. Т. I.

3) Путешествіе къ татарамъ Плано Карпини, пер. Языкова, стран. 191.

Только что выведенное заключеніе, что въ словѣ Астрахань слово *ась* дѣйствительно обозначаетъ имя народа, а ни что другое, доказывается третьимъ названіемъ Астрахани, т. е. Цитрахань, Это названіе до сихъ поръ не рискнулъ никто объяснить кромѣ Эйхвальда, съ мнѣніемъ котораго однако трудно согласиться.

Объ этомъ названіи узнали изъ описаній итальянскихъ путешественниковъ XV вѣка Барбаро и Контарини, которые не то, чтобы слово Астрахань перевели на латинскій языкъ словомъ Цитрахань, а они его услыхали, какъ мѣстное названіе, здѣсь въ Астрахани или около нея, чему доказательство то, что они не приводятъ названія ни *Хаджи-тархань*, ни *Астрахань*. О переводѣ же географическаго названія Астрахань они не упоминаютъ. Названіе Цитрахань сложенно изъ словъ Ци и тархань или, какъ нѣкоторые писали „терхань", что доказываетъ опять тѣмъ, что Барбаро на латинскомъ языкѣ писалъ Ci-thercan (изданіе 1543 г.). Такимъ образомъ остается объяснить только слово *Ci* или наше *Ци*, такъ какъ слово тархань было монголами употребляемо и значеніе его извѣстно.

Названіе народа асовъ—*ас* есть, какъ нужно полагать, сокращенное слово отъ аспъ или асва, означающихъ конь или лошадь, на что имѣемъ указаніе Шопена (стран. 4), гдѣ и сказано, что китайцы до сихъ поръ сохранили (по лексикону де-Гиня) тридцать девять разныхъ терминовъ для означенія различія лошадей по масти, возрасту, качествамъ и размѣрамъ. Изъ этихъ названій пять приведено Шопеномъ и между ними встрѣчается *Ки*, по сѣверному произношенію *Си* или *Цси;* на стран. 282 Шопенъ прямо говоритъ, что *Цси* есть переводъ общаго названія народа Асовъ. Ничего не значитъ, что у Шопена рѣчь идетъ о древнихъ Асахъ, такъ какъ нѣкоторые историки считаютъ Асовъ, жившихъ въ среднихъ вѣкахъ, потомками древнихъ Асовъ. Если принять во вниманіе, что монголы, имѣли вообще очень много общеній съ китайцами, то не удивительно, если встрѣчаемъ у монголовъ нѣкоторыя слова китайскія. Итальянскимъ путешественникамъ монголы могли передать *Цситархань*, изъ чего они сдѣлали Cithercan и мы русскіе, *Цитрахань*. Изъ всего сказаннаго видно, что Астрахань и Цитрахань слова равнозначущія. Которое изъ названій: Хаджи-тархань или Астрахань старше—трудно опредѣлить; изъ татарскаго разсказа о Ашитарханѣ видно, что Аштархань старше, а изъ словъ Ибнъ-Батуты можно опредѣлить, что древнѣе Хаджи-тархань. Впрочемъ, изъ того, что Ибнъ-Батута не упоминаетъ о названіи Астрахань, еще не слѣдуетъ, что дѣйствительно названіе Астрахань не существовало, такъ итальянцы Барбаро и Контарини упоминаютъ тольк названіе Цитархань, между тѣмъ извѣстно, что какъ уже существовало названіе Хаджитархань и, можетъ быть, употребляемо было и слово Астрахань.

Впослѣдствіи я нашелъ у Шопена (стран. 460, 494) указаніе, что Тарханъ есть титулъ, обозначающій „царя дорогъ“.

Добавленіе: При чтеніи этого реферата, на засѣданіи историко-этнографической секціи Петровскаго Общества 15 Апрѣля 1890 г., нѣкоторыми лицами было указано, что я упустилъ изъ виду, будто-бы важныя указанія о происхожденіи названія Астрахани, сдѣланныя Иваномъ Черкасовымъ, который, опровергая всѣ вышеприведенныя объясненія, производитъ названіе Астрахани также отъ народа Асовъ. Этому указанію гг. членовъ, за которое приношу искреннюю благодарность, я сначала обрадовался, такъ какъ мы съ г. Черкасовымъ должно быть сошлись въ мнѣніяхъ, но въ послѣдствіи мнѣ пришлось разочароваться.

О брошюрѣ г. Черкасова „*Историческій взглядъ на древнее состояніе Астраханскаго края*“ (печатано также въ Астраханскихъ Губерн. Вѣдом. №№ 37, 38 и 39 за 1857 годъ), можно сказать, что г. Черкасовъ, трактуя исключительно объ названіи Астрахань, не упоминаетъ ни объ одномъ изъ другихъ названій Астрахани, не приводитъ ни одного изъ вышеприведенныхъ объясненій, и по этому не старается ихъ опровергнуть. Приведенныя имъ слова: „Таковъ нашъ взглядъ на древнюю исторію Астраханскаго края, или, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что такова должна быть его историческая логика“, заставляютъ меня высказать нѣсколько словъ объ его „историческомъ“ взглядѣ. Что касается исторической логики, то онъ самъ не старался ее сохранить, что указываетъ на неполное знакомство съ разными источниками. Вотъ въ краткихъ словахъ его объясненіе названія Астрахани: онъ дѣлитъ это названіе на Асъ и Дархань; подъ словомъ Асъ-дархань объясняетъ онъ, разумѣлось первоначально не мѣстность, не городъ, а сословіе мастеровыхъ, оружейниковъ, торговцевъ, промышленниковъ, которые за свою, необходимую для военныхъ цѣлей, дѣятельность, были освобождены отъ всякихъ податей — сдѣлались дарханами и такъ какъ, по его словамъ, только народъ Асы занимался ремесломъ, торговлею и промышленностью, то отсюда и названіе Асъ-дарханы. Впослѣдствіи привиллегія, дарованная Асамъ, перешла на всѣхъ людей, пришедшихъ къ царю Батыю съ ремесленною или торговою цѣлью, отъ чего слово Асдархань получило нарицательное значеніе подъ которымъ разумѣлись люди пришлые, мастеровые или торговцы, безъ различія страны и націи. Послѣ, съ образованіемъ городовъ и мѣстечекъ съ торгующими классами въ царствѣ Батыя, отъ обитателей ихъ Асъ-дархановъ нарицательное слово Асдархань, кромѣ значенія сословій, приняло значеніе самой мѣстности асдарханами занимаемой. При этомъ новомъ значеніи, каждое мѣстечко, каждый пунктъ, на которомъ обитателями были торговцы, ремесленники, сдѣлалось извѣстнымъ подъ названіемъ Асъ-дархань—свободный городъ.

(Это, онъ полагаетъ, существовало въ предѣлахъ нынѣшней Астраханской, а частью Самарской губерніяхъ и на всемъ пространствѣ до Кавказа). Вотъ причина, что изслѣдователи о городѣ Астрахани блуждаютъ въ опредѣленіи мѣста, на которомъ былъ расположенъ городъ. Мѣсто нахожденія опредѣляютъ то устья р. Волги, то мѣсто гдѣ нынѣ Селитренное, то мѣсто, гдѣ былъ Сарай, то на рѣкѣ Терекѣ, то мѣсто близъ древняго Балангіара, который, предполагаютъ, существовалъ недалеко отъ Казани. Эта сбивчивость и разнородность историческихъ указаній о мѣстѣ, гдѣ былъ расположенъ городъ Астрахань, доказываетъ, что подъ словомъ Астрахань разумѣлся не исключительно одинъ городъ, а всѣ торговые города въ царствѣ Батыя, населенные народомъ вольнымъ, свободнымъ. Есть у г. Черкасова еще другія заключенія, но для насъ достаточно и этихъ словъ.

Объясненіемъ г. Черкасова воспользовался и Семеновъ для своего „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи 1863 г.“, что видно изъ словъ: „Названіе Астрахань нѣкоторые производятъ отъ Асъ и Тарханъ, что значитъ вольный городъ. Въ указателѣ же источниковъ Семеновъ указываетъ № 37 „Астрах. Губ. Вѣдом.“. Однакожъ съ „историческимъ взглядомъ“ и съ „историческою логикою“ г. Черкасова, никоимъ образомъ нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ: сомнительно, что только одни асы были мастера на всѣ руки, т. е. способны къ ремеслу, торговлѣ и промышленности—доказательствъ, подтверждающихъ это, авторъ не приводитъ. Допустимъ, что было и такъ, то почему же въ доказательство своихъ словъ, что всѣ города, всѣ пункты, гдѣ жили мастеровые и торговцы безъ различія націй, сдѣлались извѣстны подъ названіемъ Асдархань г. Черкасовъ не приводитъ ни одного примѣра. Указаніе, что искали Астрахань въ разныхъ мѣстахъ, не можетъ служить доказательствомъ того, что тѣ мѣста, гдѣ её искали, назывались также Астрахань. Впрочемъ зачѣмъ-же её и искать, если она была въ каждомъ городкѣ? Можемъ представить себѣ эту путаницу, если не могли различить одинъ городъ отъ другаго, вслѣдствіе того. что всѣ были Астрахань! Или полагаетъ г. Черкасовъ, что каждая Астрахань—вольный городъ—имѣла еще другое, настоящее названіе? Объ этомъ онъ умалчиваетъ, а въ исторіи подобныхъ примѣровъ не находимъ.

Поэтому я думаю, что трудно согласиться съ „историческою логикою“ г. Черкасова и повторяю свое мнѣніе, что названіе Астрахань принадлежитъ только одному городу и что онъ происходитъ отъ слова „асъ“ названіе народа и „тарханъ“ свободный или пользующійся свободнымъ мѣстомъ. (Смотри еще названіе моря *Сихай*).

МОРЕ ДЕРБЕНТСКОЕ
или море Бабъ-Эль-Абвабское.

Въ русскихъ источникахъ до XVII вѣка Каспійское море извѣстно также подъ названіемъ море Дербентское или море Бакинское [1]). Благодаря восточнымъ писателямъ Каспій носилъ названіе море Дербентское отъ названія города, лежащаго на западномъ берегу Каспія. Этотъ городъ пользовался большимъ почетомъ между мусульманскими городами, что доказываетъ составленная нарочно для него одного—„*Дербендъ-намэ*“—Дербендіада, разсказывающая исторію этого города. Неудивительно, что отъ города, пользовавшагося такимъ уваженіемъ мусульманъ, и Каспійское море прозвано было моремъ Дербендскимъ, тѣмъ болѣе въ тѣ времена, когда Каспій получалъ названія не только отъ названій разныхъ народовъ, обитающихъ на его берегахъ, но и прилегающихъ къ нему странъ или городовъ.

Объ этомъ названіи упоминаетъ въ X столѣтіи арабскій географъ Масуди [2]). Грузины называютъ Каспій также *Дарубандисъ згва* [3]) Въ статьѣ: „Извѣстія Ал-бекри о Славянахъ и ихъ сосѣдяхъ (ч. 1, стр. 8, отрывокъ 5), трактуетъ о морѣ Баб-ал-Абваба (статьи А. Куника и барона Розена). Также и въ запискахъ русскаго путешественника Аѳанасія Никитина, путешествующаго около 1470 года въ Индію, сказано: „Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербендское или Дарія Хвалитская“ и т. д. [4]).

Примѣчаніе: Городъ Дербендъ возникъ какъ кажется въ концѣ V или въ началѣ VI вѣка и построенъ вѣроятно персидскимъ шахомъ Кабадомъ изъ династіи Сассанидовъ, онъ долженъ былъ служить охраною персидскихъ владѣній отъ набѣговъ Хозаръ. Изъ географическо-статистическаго словаря Семенова, узнаемъ, что самое названіе „Дербента“ означаетъ по персидски заставу и что у арабовъ городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бабъ-эль-абвабъ—(главныя ворота). Однакожъ Шопенъ восточное слово иначе пишетъ и иначе переводитъ; у него читаемъ: Имя Дербенда, вмѣсто иранскаго названія *Дара-и-бендъ*, что значитъ затворъ долины или ущелья, другіе выводятъ отъ *Деръ-бенда*—дверь затворенная, а по третьей этимологіи должно быть *Дерья* или *Деремъ-бенда* отъ зендскаго или *Дерья-Деремъ*—древній, что привело бы къ значенію—древній запоръ. *Аравитяне* называли:

---

1) Замысловскій, 126.

2) Березинъ, 24.

3) Шопенъ, 308. Березинъ, 23.

4) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., примѣч. 629 къ Т. VI.

Бабъ-аль-Абуабъ—ворота воротъ. Городъ названъ Бабъ-аль-Абуабъ отъ мѣстоположенія въ проходѣ, образуемомъ моремъ Хазарскимъ (Каспійскимъ) и обрывистымъ окончаніемъ горъ Кабогъ. Каменная стѣна, его запиравшая, связана была свинцовыми спайками и входила въ самое море, оставляя судамъ лишь узкій проходъ, запиравшійся цѣпью и замкомъ, отъ котораго ключъ хранился въ рукахъ начальника порта.

Дербендъ окончательно присоединенъ къ Россіи въ 1813 году по Гюлистанскому договору. Слово Дербентъ перешло къ намъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, почти цѣликомъ изъ восточнаго, только съ нѣкоторыми малыми перемѣнами.

Въ словарѣ Семенова слово Дербендъ, на концѣ имѣетъ букву *т*, а Дорнъ, Шопенъ и другіе пишутъ *д*. Имѣя въ виду, что слово Дербендъ не русское и, что въ немъ сохранились въ цѣлости корни восточныхъ словъ, гдѣ пишется буква *д*, полагаю, что правильнѣе писать Дербендъ.

МОРЕ БАКИНСКОЕ.

По собраннымъ указаніямъ о названіи Каспійскаго моря—моремъ Бакинскимъ, могу сказать, что первый его такъ назвалъ азіатскій Колумбъ, т. е. Венеціанскій дворянинъ Марко-Поло, путешествующій въ XIII столѣтіи отъ Кавказа и Арменія до Тихаго океана и принесшій первый въ Европу правдивые разсказы объ Азіи. По прибытіи его въ Европу, очень многіе изъ его друзей не хотѣли вѣрить его описаніямъ Азіи и при его смертельномъ одрѣ, просили его, чтобы онъ отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ описаній. Со временемъ подтвердилась правдивость его описаній и сочиненіе Марко-Пола выдержало 56 изданій на всевозможныхъ языкахъ и въ 1873 году также на русскомъ [1]).

Шопенъ указываетъ, что Марко Поло называетъ Каспій Mare-a-Bakou; Березинъ говоритъ, что у Марко Поло и Хуана де ля Коза Каспійское море названо *Абакуйскимъ*. Дальнѣйшія указанія слѣдующія: на картѣ 1323 года у Ассемани—Bahr Bachu; на картахъ, изданныхъ въ Амстердамѣ. Витомъ—Mare de Sala ato de Bachu, также и въ атласахъ Сансона и Янсона [2]). Кромѣ того у Олеарія (перев. Барсова, стран. 450)—Mare de Baku и въ книгѣ „Cursus Mathematicus ad Augustissimus Imperatorem Leopoldum I Auctore Caspare Schotto (Francofurti od moenum 1864 года), гдѣ помѣщается также географія (и эту книгу я нашелъ въ библіотекѣ при католической церкви въ Астрахани), на стран. 327—

1) Живописная Россія. Т. X. 1885.
2) Дорнъ, 28, 157, 233, 261, 276, 293.

Mare de Sala & Mare de Bachu. Также Барбаро и Контарини пишутъ, что величайшая рѣка (Волга) впадаетъ въ Бакинское море (mar di Bacau) къ югу отъ Цитрахани [1]). Въ русской лѣтописи XV вѣка въ „Замѣткѣ о земляхъ за Араратомъ“ упоминается, море Черное и Бакинское (Каспійское) [2]).

Примѣчаніе: Построеніе Баку, Дорнъ относитъ къ временамъ Сассанидовъ, т. е. къ VI вѣку, а Шопенъ говоритъ, что названіе Баку или Бака, можетъ быть, памятникомъ бѣдствій, совершившихся въ царствованіе Шапура II, которыя, поставили всю страну верхъ дномъ, поглощая города, селенія и людей и вызывая въ теченіе сорока дней, новыя мѣста изъ глубины бездны; объ этомъ бѣдствіи оставилъ описаніе Степаносъ Орбеліани въ своей исторіи Сіюніи и что Бака по еврейски значитъ плачъ, литъ слезы.

Березинъ другаго мнѣнія относительно происхожденія названій Баку. Онъ пишетъ (Ч. III, стран. 11). Всѣмъ извѣстно, что Баку лежитъ на Каспійскомъ морѣ, но не всѣ знаютъ отъ чего этотъ городъ получилъ наименованіе. Каково бы ни было первоначальное восточное его названіе, во всякомъ случаѣ оно имѣло поводомъ обиліе вѣтровъ въ Бакинскомъ заливѣ, отчего происходитъ и новѣйшее названіе, утвердившееся между персіянами, „Бакубэ“—собраніе вѣтровъ. Нѣчто подобное находимъ у Дорна (стр. 28), древнее названіе Баку было Багаванъ. Якутъ и многіе другіе восточные писатели считаютъ правильную форму Бакуіе. Бакинскіе же персіяне допускаютъ только форму *Бакубэ*. Названіе это—„ударъ вѣтра“ признаетъ весьма удачнымъ всякій, кто хотя короткое время провелъ въ Баку.

Однакожъ Дорнъ (на стран. 121) приводитъ еще другое предположеніе высказанное Брауномъ, относительно происхожденія названія Баку и говоритъ, что Баку получилъ названіе свое отъ древняго Санкритскаго слова *Багъ* или *Бакъ*—судьба или божество.

Въ 1806 году, послѣ измѣнническаго убійства русскаго полководца князя Циціанова Бакинскимъ ханомъ, городъ Баку былъ взятъ окончательно генераломъ Булгаковымъ.

МОРЕ ГИРКАНСКОЕ.

Море Гурганское и море Джурджандское.

Названіе „Гирканское“ носило какъ будто-бы другое море, гораздо большихъ размѣровъ, остатки котораго оказываются въ видѣ Каспійскаго и

1) Замысловскій, 179.
2) „ 126.

Аральскаго озера, такъ напримѣръ, пишетъ въ новѣйшее время фонъ-Клёденъ въ своей „*Всеобщей географіи*“. У него (на стран. 271) находимъ: „Древнее Гирканское море, остатки котораго сохранились въ видѣ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, изчезло, вѣроятно, вслѣдствіе постепеннаго возвышенія материка и на мѣстѣ его въ настоящее время разстилаются обширныя солонцоватыя степи, лежащія вокругъ этихъ озеръ“.

Впрочемъ, зачѣмъ-же входить въ кругъ темныхъ неопредѣленныхъ свѣдѣній, относительно когда-то бывшаго распространенія водъ Каспія!

Первый упоминающій о Гирканскомъ морѣ еще до Геродота, есть Гекатей Малитскій, считавшій его не озеромъ и не заливомъ, а самымъ океаномъ [1]). Такъ какъ названія, которыя въ послѣдствіи были перенесены на цѣлое море, первоначально употреблялись только около тѣхъ береговъ, гдѣ жилъ соименный народъ, то можно сказать, что въ древности первоначально Каспійскимъ моремъ называлась часть юго-западная, а Гирканскимъ моремъ юго-восточная часть моря, потому, что въ этихъ мѣстахъ распространялась земля Гирканцевъ.

Такимъ образомъ становится намъ понятнымъ, что нѣкоторые древніе писатели дѣлили Каспій на три или на четыре залива, считая на юго-западъ заливъ Каспійскій, на юго-востокъ заливъ Гирканскій, а сѣверную часть, по незнанію ея географическаго положенія считали заливомъ какого-то Скиѳскаго океана. Позднѣе упоминаютъ о Гирканскомъ морѣ и другіе, какъ напримѣръ, Аристотель—*море Иркація;* онъ полагалъ, что оно имѣетъ подземное сообщеніе съ Понтомъ; Діодоръ Сицилійскій пишетъ: „Потомъ Александръ съ войскомъ вторгнулся въ страну Гирканцевъ и занялъ всѣ города ея до такъ называемаго Каспійскаго моря, которое нѣкоторые называютъ Гирканскимъ [2]). Точно также какъ въ новѣйшее время Петръ I имѣлъ желаніе хорошо узнать восточные берега Каспія и водные пути на востокъ отъ него, такъ и въ древности Александра Великаго интересовало Гирканское море. Объ этомъ Арріянъ пишетъ: „Александръ Великій отправилъ въ Гирканію Гераклеида, сына Аргэа, везшаго съ собою корабельныхъ плотниковъ, приказавъ нарубить лѣсъ съ горъ Гирканцевъ и построить большіе корабли палубные и безпалубные по образцу эллинскихъ. Онъ возъимѣлъ желаніе узнать, съ какимъ другимъ моремъ соединяется это Каспійское море, называемое также Гирканскимъ [3]). Страбонъ высчитываетъ въ Гирканскомъ морѣ обитаемые острова [4]).

---

1) Шопенъ, 376.

2) Дорнъ, 107.

3) „ 74.

4) „ 158.

Птоломей примѣняетъ морю названіе Ирканіи и упоминаетъ о главномъ городѣ Гирканіи въ странѣ Гирканцевъ [1]).

Въ позднѣйшее время въ сочиненіяхъ и атласахъ на латинскомъ языкѣ часто встрѣчается—Mare Hircanum. У армянъ страна Гирканія называется *Врканъ* (страна волковъ), поэтому и названіе Гирканскаго моря —*Врканъ-дзовъ* [2]). Позднѣе какъ названіе города Гирканія, такъ и цѣлой страны Гирканіи, было передѣлано персами въ Гурганъ и арабами въ Джурджанъ, поэтому и названіе Гирканское море уступило названію *море Гурганское* и *море Джурджанское*. Мосуди, Якутъ, Хамдулла и другіе упоминаютъ названіе море Джуржанское [3]). Березинъ пишетъ по Масуди море *Джорджанское* и по Хамдуллѣ—море *Чорчанское* [4]), названіемъ Гурганскимъ воспользовались и грузины—*Гурганисъ згва* и Zghiva Tourganisa, Mer de Gaurgan d'Hyrcanie [5]). Въ выпискахъ изъ Картлисъ Цвохреба Карталинскаго царя Вахтанга, между прочимъ, читаемъ: что касается Гаоса, онъ остался во владѣніяхъ отца своего Таргамоса, занимая страны, коихъ сѣверныя границы уже описаны выше и имѣвшія предѣлами: къ югу—гору Ор-эти, къ востоку—море Гурганъ, а къ западу—море Понтійское [6]). Кромѣ Грузинъ встрѣчаемъ названіе Гурганское море и у Хазаровъ, такъ напримѣръ въ X вѣкѣ, Га-ханъ Іосифъ писалъ раввину Гасдаю-бенъ Исааку-бенъ Эздра, между прочимъ, слѣдующее: „Вѣдай, что въ сторонѣ востока, обитаемая нами земля, вдоль Великой рѣки, сосѣдней съ моремъ Гурганскимъ, простирается на четыре мѣсяца пути. Тутъ живутъ девять различныхъ народовъ, имѣющихъ свои селенія, города, укрѣпленія и платящіе мнѣ дань. Отсюда наши предѣлы обходятъ Гурганское море на протяженіе одного мѣсяца пути и всѣ тамошніе прибрежные народы платятъ мнѣ дань [7]).

МОРЕ ГИЛЯНСКОЕ

или море Джиланское, или—Дайлемское.

(По персидски—Гилянъ; по арабски—Джиланъ).

Названія Гилянское или Джиланское, или море Дайлемское происходятъ отъ имени страны Гилянъ или Дайлеманъ на юго-западной сторонѣ Каспія,

1) Дорнъ, 133.
2) „ 133, 758.
3) „ 257, 292.
4) Березинъ, 25.
5) Шопенъ, 381. Дорнъ, 158.
6) Шопенъ, 221.
7) „ 272.

такъ сказать, въ самомъ юго-западномъ уголкѣ моря. Подобно тому, какъ видно будетъ, что Табаристанъ считался возвышенною, а Мазандеранъ низменною мѣстностью, такъ и здѣсь Гилянъ означаетъ низменную, а Дайлеманъ горную часть Дайлемана [1]). Изъ указаній на моря Гилянское, Джиланское и Дайлемское можно привести слѣдующія: Садикъ Исфагани упоминаетъ, что Абескунъ—островъ въ Гилянскомъ морѣ [2]), Мухаммедъ Тагиръ Вахидъ, свою статью: „*Извѣстіе о вторженіи казаковъ*“ начинаетъ слѣдующими словами: „Когда въ этомъ году (1660-1) пришло извѣстіе, что нѣсколько невѣрныхъ казаковъ, приходившихъ и въ предыдущіе годы ради грабежа по Гилянскому морю и т. д.“ [3]). Хамдулла Казвини упоминаетъ, что Неммегрэ лежитъ на берегу Гилянскаго моря [4]). Въ „Путяхъ и Областяхъ“ написано, что стихъ, находящійся въ разсказѣ о Моисеѣ и Хизрѣ—(изъ Алкорана „Когда рекъ Моисей своему отроку: я не отступлюсь, пока не достигну соединенія во едино двухъ морей, или пойду долго до мѣста, „чтобы ты поставилъ меня въ томъ, чему ты наученъ на правомъ пути“)—относится къ тому, что скала есть скала Ширванская, то море—море Джиланское (Гилянское), а то селеніе есть деревня Баджерванъ [5]). Восточный писатель Эвлія Челеви въ „Описаніи Чернаго моря“, между прочимъ, говоритъ: „Полуостровъ Крымъ, степь Гигатская, Дешти Капчакъ и Славянская земля отъ края до края были заняты Чернымъ моремъ, часть котораго соединялась съ моремъ Хазарскимъ т. е. съ Гилянскимъ и Дербентскимъ“ [6]). Ибнъ Сипаги (Абдулъ Феда) пишетъ: Джурджанъ течетъ съ горы Джурджана на юго-западъ къ Абускуну; отъ Абускуна онъ дѣлится на два рукава, которые впадаютъ въ море Дайлемское“ [7]). Масуди упоминаетъ море Джильское (Джиланское) и Дайлемское [8]). По указаніямъ, помѣщеннымъ у Дорна въ разныхъ мѣстахъ, можно сказать еще слѣдующее: Въ Гилянѣ жили древніе Кадуспійцы, сосѣди Каспійцевъ и, по словамъ Плинія, Cadusii было греческое, а Gelae восточное названіе ихъ. Gelae дѣйствительно составляетъ *Гил* восточныхъ писателей, хотя нѣкоторые, какъ Шпигель, сомнѣваются въ показаніи Плинія. Встрѣчающіеся у Марко-Поло имяна Gleveshelan, Gleluchelan нѣкоторые принимаютъ за названіе

1) Дорнъ, 6.
2) „ XLII.
3) „ 39.
4) Березинъ, примѣчаніе стран. 18.
5) Тамъ-же.
6) Березинъ, 38.
7) Дорнъ, 142.
8) Дорнъ, 260 и Березинъ, 24.

Гилянскаго моря и поэтому въ книгѣ: „Le livre de Marko-Polo, par M. Pauthier, Paris 1865 года“, на картѣ Каспійское море означено Mer de Gelachelan. Названію море Гилянское хотятъ нѣкоторые придать очень большую древность, такъ напримѣръ, Кругеръ въ своей „Geschichte der Assyrier und Iranier“, Frankf. a M, 1856 г., относитъ походъ Кавуса II въ Мазандеранъ къ 922 г. до Р. Х. и на приложенной картѣ значится: See von Kylan (чит. Гилянъ).

Примѣчаніе: Древнѣйшая исторія Дайлемана или Гиляна еще очень запутана. У Гилянцевъ, говорятъ, Геродотъ распрашивалъ о Каспійскомъ морѣ. Страбонъ и Птоломей дѣлаютъ различіе между Гелами и Кадусійцами. Относительно потомковъ Геловъ, Дорнъ замѣчаетъ, что трудно сказать, сколько потомковъ Геловъ въ настоящее время еще осталось въ Гилянѣ. По мнѣнію одного знакомаго Дорну, долго жившаго въ Гилянѣ, около двухъ третей населенія принадлежитъ къ древнему племени, однакожъ Дорну кажется, что это слишкомъ много, такъ какъ Бларамбергъ допускаетъ примѣрно только 20,000 такихъ семействъ. Настоящіе Гилянцы дѣйствительно во многомъ отличаются отъ Персіянъ (Иранцевъ), тѣ и другіе не считаютъ себя народомъ одинаковаго происхожденія. Во время вторженія Русскихъ, въ гористой части Гиляна, т. е. Дайлемѣ, царствовала династія Вассуданидовъ или Джестанидовъ, о которой у насъ также еще нѣтъ полной исторіи.

МОРЕ АЛБАНСКОЕ, МОРЕ ШИРВАНСКОЕ.

Есть только одно указаніе на названія Каспійскаго моря моремъ Ширванскимъ и это именно у восточнаго писателя Хаджи Халфы (Катибъ Челеби) въ его Джиганъ-Нумѣ (Дорнъ 157 и Березинъ 24) Дорнъ это названіе упоминаетъ между прочими: „При своей поѣздкѣ, разсказываетъ онъ, по Итилю (Волгѣ), по морю Хазарскому и отдѣльнымъ его частямъ: Ширванскому, Муганскому, Гилянскому, Дайлеманскому, Табаристанскому и Джурджанскому на русскихъ пароходахъ, командуемыхъ любезными офицерами, во время бытности на одномъ изъ острововъ Абескуна (Ашураде) въ Сари, Ашрефѣ, Энзели и другихъ мѣстахъ, мнѣ невольно приходила въ голову мысль, что если жителямъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ береговъ Каспійскаго моря, нѣкогда приходилось защищаться и отдѣлываться отъ морскихъ разбоевъ Русскихъ, то теперь тѣхъ же жителей Джурджана, Астерабада и Сары до Гиляна, защищаетъ Русская морская станція на Ашураде, отъ морскихъ рабоевъ Туркменъ. Этимъ давно заглажена и возмѣщена обида нанесенная Иранцамъ“ (Дорнъ XII).

Относительно названія „Море Албанское“ имѣемъ слѣдующее указаніе,

также у Дорна (XXVIII). „При составленіи карты, не легко было согласовать древнюю географію съ новой. Встрѣтить *Албанію* въ Шекинскомъ округѣ, на первый взглядъ столько-же странно, на сколько mare Albanum рядомъ съ моремъ *Ширванскимъ*. Знакомыхъ съ дѣломъ это конечно не поразитъ, а для ищущихъ матеріала къ дальнѣйшимъ толкованіямъ относительно древнихъ и позднѣйшихъ названій, подобное сопоставленіе будетъ пріятной находкой". Гдѣ это названіе Дорнъ встрѣтилъ, онъ не приводитъ и мнѣ не удалось также примѣненіе его встрѣтить въ другихъ мѣстахъ, но должно быть оно употребляемо, такъ какъ Дорнъ дальше пишетъ, что общеупотребительныя названія какъ Хазарское и Каспійское моря, mare Hyrcanum и mare Albanum первоначально также были только отдѣльными названіями.

На основаніи словъ Дорна можемъ сказать, что mare Albanum—море Аланское принадлежитъ къ древнимъ названіямъ и относилось первоначально къ части моря, къ которой прилегала древняя Албанія, отъ которой имя перенесено было и на море. Названіе Ширванское море принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ и относится къ части моря прилегающей къ странѣ подъ названіемъ Ширванъ, которая составляла часть древней Албаніи.

Примѣчаніе 1-е. Первое упоминаніе объ Албаніи, по указанію С. Мартина, относится къ 1908 г. до Р. Х.

По словамъ Лерха *) греческіе и римскіе писатели свидѣтельствуютъ о плодородности Албаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о лѣни ея жителей, будто нерачительно занимавшихся земледѣліемъ и предпочитавшихъ ему охоту, рыбную ловлю и скотоводство. О значительномъ народонаселеніи Албаніи, говорившемъ чуть-ли не на 26 нарѣчіяхъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что оно въ войнѣ противъ Помпея могло выставить 60,000 пѣшихъ и 20,000 конныхъ. Во время Стработа племена Албанцевъ уже были соединены подъ управленіемъ одного царя, но до того, каждое племя управлялось своимъ княземъ. О происхожденіи слова Албанія смотри тамъ же.

Примѣчаніе 2-е. Ширванъ первопачально составлялъ часть Албаніи подъ властію армянскаго царя, позднѣе образовалось особое могущественное владѣніе, въ которое входила вся нынѣшняя Бакинская губернія. Въ VI вѣкѣ Ширванъ принялъ магометанство при Персидскомъ царѣ, и съ тѣхъ поръ владѣтели стали именоваться Ширванъ-Шахами. Преданіе гласитъ, что Ну-Ширванъ предоставилъ эту провинцію въ удѣлъ нѣкоему хану по имени

---

*) Извѣстія Императорск. Археолог. Общества, 1861. Петерб. Т. III. 479.

Ширванъ и что будто-бы отъ него она позаимствовала свое названіе. Другіе въ этомъ имени находятъ корни *Шир-ванъ*—Львиный лѣсъ, или львиная страна [1]). По разсказу восточнаго писателя Хакани († въ 1199 г.) русскіе предпринимали походъ во владѣнія Ширванъ-шаха Ахситана около 1175 года [2]). Въ XVIII и XIX столѣтіи Ширванъ сталъ признавать власть Россіи.

МОРЕ ЧЕКАЕТЪ ДАЭТИ.

Самое любопытное названіе Каспійскаго моря находится въ космогоніи огнепоклонниковъ въ Зенд-а-Вестѣ, а именно *Чекаетъ Даэти*. Анкетилъ переводитъ это имя—*Великая вода суда;* но соображаясь ближе съ значеніемъ сихъ словъ на Турскомъ и предшедствовавшихъ ему нарѣчіяхъ, туть господствовавшихъ, мы находимъ просто слоги—Турское *Чакъ*—трещина или щель, или же армянское *Чагъ*—факелъ, свѣтильникъ. Первое могло относится къ обрушенію Каспійской равнины въ пучины морскія; второе—къ подземнымъ огнямъ, которые оставили столько слѣдовъ на Кавказѣ. По мнѣнію Шопена Чекаетъ Даэти должно ближе имѣть значеніе: страна разрушенныхъ горъ [3]).

Примѣчаніе: За основателя вѣры огнепоклонниковъ считаютъ Заратуштра или Зартушть, или, какъ его въ западныхъ странахъ называютъ, Зороастра. Онъ принадлежитъ къ доисторическому-миѳологическому времени древне-иранскаго царскаго владычества, которое кончилось съ основанія Мидо-Персидскаго царства, и такъ какъ изъ гвоздеобразныхъ надписей видно, что священный законъ уже около 500 лѣтъ до Р. Х., былъ распространенъ по всему Персидскому царству, то и основатель и учредитель этаго закона, безъ всякаго сомнѣнія жилъ, по крайней мѣрѣ, друмя столѣтіями ранѣе. Зороастръ разсказываетъ, что во время странствованія для распространенія своего ученія, онъ всюду строилъ огнёвые жертвенники, а близъ Каспійскаго моря посадилъ священный кипарисъ и на корѣ его вырѣзалъ замѣтку о принятіи закона Густаспомъ [4]). О посѣщеніи этого дерева толпами народовъ, было выше сказано.

Царь Густасиъ, принявъ самъ вѣроученіе Зороастра, принуждалъ къ тому-же и свой народъ, что подало поводъ къ междуусобной самой сильной войнѣ. Эта война была первая изъ извѣстныхъ войнъ, кои были предпринимаемы за вѣру и въ этой войнѣ былъ убитъ самъ Зороастръ, какъ

1) Шопенъ, 406.
2) Дорнъ, 524.
3) Шопенъ, 381, 389,
4) Всемірная исторія Вебера. Перев. Андреева, 1885. Т. I.

виновникъ несчастій земли *). Зороастру приписываются нѣкоторыя книги, между прочимъ *Зенда-Веста* и *Бундъ-э-Гешнъ*. Въ Бундъ-э-Гештѣ (III 392) приводятся лѣдующія слова: „Чикаетъ-Даэти" находится въ серединѣ міра; глубина его сто человѣческихъ ростовъ. Выше находится мостъ Чинавадъ. Тутъ души отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ на горѣ Албордже, близъ Арцуръ. Чекаетъ-Даэти находится у дверей ада, гдѣ дивы (духи) бродятъ толпами".

По ихъ вѣрованію, на чистоту души законъ обращалъ не менѣе вниманія, какъ на чистоту тѣла. Только въ томъ человѣкѣ, душа котораго чиста отъ грѣха и пороковъ, лжи и обмана, лицемѣрія и клеветы, не могутъ поселиться злые духи и душа по его смерти и по испытаніи у моста Чинавадъ, окажется безпорочною и получивъ свѣтлое тѣло, которое не бросаетъ ни какой тѣни, можетъ входить въ царство Ормузда (царь боговъ). По понятію Зороастра, всѣ рѣки берутъ свое начало на высокой горѣ, „Гора Березаити" (Албордже), на которую опирается небо и тронъ Ормузда.

Дорнъ (стран. 157) говоритъ, что Каспійское море въ Бундъ-э-Гештѣ называется *море Варгана* или *Верга* и что Валь это море неправильно называетъ *Даэти*.

Подобное таинственно-фантастичное сказаніе о Каспійскомъ или Хвалынскомъ морѣ досталось и намъ. У профессора Ѳ. Буслаева въ его „*Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусствъ*", (Т. I. Петерб. 1861 г., стран. 437), находимъ слѣдующія слова при стихѣ про *душу великой грѣшницы*. „Не смотря на православныя убѣжденія въ немъ изложенныя, все же и онъ не чуждъ фантастическихъ вымысловъ, ведущихъ свое начало отъ древнѣйшихъ преданій первобытнаго, не только славянскаго, но и вообще, индо-европейскаго эпоса. Водами отдѣляется земля, жилище человѣческое, отъ таинственной страны неземной жизни. Рождающійся приплываетъ изъ этой невѣдомой страны въ жилище смертныхъ, умирающій уплываетъ обратно. Именно по этимъ-то таинственнымъ водамъ, въ нашемъ стихѣ, плывутъ ангелы, присутствующіе при выходѣ души изъ тѣла великой грѣшницы:

„По морю, по Синему Хвалынскому,
Тутъ и шли и пробѣгали черезъ корабли,
Въ этихъ корабляхъ святые ангелы спдятъ" и т. д.

Предполагается, что страна, въ которой живутъ эти свѣтлые духи, отдѣляется отъ земли моремъ и что они должны переплывать его, сообщаясь съ людьми".

*) Анкетилъ. Сокращеніе всемірной исторіи, перев. Коха. Петерб., 1802, стр. 240.

МОРЕ ВОСТОЧНОЕ, СѢВЕРНОЕ.

На картѣ „къ лѣтописямъ Ассирійскихъ царей", составленной Н. Астафьевымъ и приложенной къ его книгѣ: „*Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ*" (С.-Петерб. 1852 г.), названо Каспійское море — моремъ Восточнымъ. Основаніемъ тому, должно быть, послужила, найденная надпись, сдѣланная на полу небольшаго дворца царя Ассирійскаго Биннирари III, царствовавшаго отъ 809—781 г. до Р. Х., которую Астафьевъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Дворецъ Биннирари царя великаго, царя сильнаго, царя воинствъ, царя земли Ассуръ. Ассуръ, царь боговъ, сдѣлалъ его царемъ, онъ далъ въ руку его царство непобѣдимое, онъ распростеръ владычество его отъ великаго Восточнаго моря (Каспійское море) до великаго Западнаго моря (Средиземное море)" и т. д. Интересно сравнить, какъ эту самую надпись передаютъ другіе, какъ напримѣръ, Зайцевъ въ своемъ „*Руководствѣ всемірной исторіи*". У него (стран. 149) читаемъ: „.....распространилъ его могущество къ Великому морю солнца восходящаго (Каспійскаго) до Великаго моря солнца заходящаго (Средиземнаго) и т. д.".

Прочитавъ оба текста, можемъ сказать, что хотя текстъ Астафьева съ названіемъ „Восточнаго" вѣрно переведенъ, тѣмъ не менѣе за болѣе точный съ подлинникомъ, нужно признать текстъ Зайцева, такъ какъ слово „восточное или востокъ", есть новѣйшее; въ древнія-же времена для означенія вообще востока, употреблялась форма описательная въ видѣ — до солнца восходящаго, или какъ у нѣкоторыхъ арабскихъ писателей (Эломари) — находимъ — восхода солнечнаго.

Какъ мы должны понять названіе Восточное море на картѣ Астафьева? Что хотѣлъ онъ этимъ обозначить, — или что это названіе въ то время было единственнымъ общимъ названіемъ у всѣхъ другихъ народовъ и что другое названіе не существовало или что его употребляли только одни Ассирійцы?

Я объясняю себѣ это такъ: допустивъ, что у Ассирійцевъ дѣйствительно для Каспійскаго моря существовало названіе „Восточное море", скажу, что профессоръ, написавъ на своей картѣ Восточное море, имѣлъ въ виду только то, что его употребляли одни Ассирійцы. Что въ то время не существовало другихъ названій Каспійскаго моря, нельзя сказать по слѣдующимъ причинамъ:

1) На груди изображенія царя Ассирійскаго Ассурнасиргабала (882 г. до Р. Х.) была найдена надпись, гласившая, между прочимъ, что: „онъ покорилъ своей власти великія моря и всѣ земли отъ востока до запада", гдѣ также, какъ Астафьевъ самъ говоритъ, разумѣютъ Каспійское море и Персидскій заливъ, лежащій на востокъ отъ Ассиріи и Средиземное море—

на западъ. Изъ этой надписи видно, что Ассирійцы покорили себѣ народъ, жившій на востокъ отъ нихъ, т. е. на западномъ берегу Каспійскаго моря и слѣдовательно можно предположить, что побѣжденный народъ имѣлъ также какое нибудь названіе для моря лежащаго отъ него на востокъ. Можетъ быть это названіе и было „Восточное море", но можетъ быть было и другое.

2) Можетъ быть, что побѣжденный Ассирійцами народъ, былъ именно народъ Каспійскій, о мѣстожительствѣ котораго было выше сказано и которое совпадаетъ съ частію Ассирійскаго царства при берегахъ Каспійскаго моря, показанной Астафьевымъ.

3) Что древніе народы имѣли обыкновеніе давать своимъ пограничнымъ морямъ названія, по относительному ихъ между собою географическому положенію, это видно изъ многихъ до сихъ поръ удержавшихся примѣрахъ; однакожъ, сказать, что другого названія для Каспійскаго моря, кромѣ названія „Восточное море", не существовало, нельзя, потому, что имѣемъ примѣръ, гдѣ рѣшительно знаемъ, что существовали уже разныя названія для Каспійскаго моря и въ исторіи употреблено было названіе *„Сѣверное море"*. Одинъ изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ (IV вѣка) Фаустъ Византійскій даетъ слѣдующія подробности о смерти св. Григорія... „поймали дикаго коня, привязали юнаго Григориса къ хвосту его и пустили по полю вдоль берега великаго *Сѣвернаго моря* (Каспійскаго) [1]). Интереснѣе всего при этомъ названіи то, что не всѣ ученые хотятъ признать за Каспійскимъ моремъ названія Восточное море. Такъ напримѣръ Зайцевъ на своей картѣ *„Халдея и Ассирія"* оставилъ названіе Каспійское море. Французскій ученый Масперо на своихъ картахъ также оставляетъ морямъ ихъ современныя названія [2]). Другаго указанія, что Каспійское море носило у Ассирійцевъ названіе „Восточное море" мы не имѣемъ и хотя нѣкоторые Ассирійскіе цари упоминаются въ библіи, однакожъ въ *„Опытѣ библейскаго словаря собственныхъ именъ"* (Прот. П. Солярскаго, Петерб. Т. V), не упоминается въ спискѣ подъ словомъ „море" ни одно названіе, подъ которымъ можно было бы разумѣть Каспійское море.

Наконецъ какъ-же понимать самого Астафьева, когда онъ разъ пріурочиваетъ названіе „Восточное море" морю Каспійскому, а во второй разъ, а именно ранѣе, еще въ 1880 году подъ названіемъ Восточнаго моря приводитъ Персидскій заливъ. Въ своей статьѣ: *„Лѣтописи Ассирійскихъ царей"* въ надписи царя Ассуракхидина онъ приводитъ слѣдующее: „Я

1) Моисей Хоренскій. Исторія Арменіи, перев. Эмина. Примѣч., стран. 312.

2) Астафьевъ, стран. 74.

поселилъ въ немъ людей, которыхъ рука моя покорила въ горной странѣ близъ земли, прилегающей къ Восточному морю (Персидскій заливъ)[1]). Имѣлъ-ли Астафьевъ, подобно Менану, право сказать, что Ассирійцы называли Каспійское море—моремъ Восточнымъ, я не берусь рѣшать, я только привелъ это названіе потому, что оно находится на картѣ, приложенной Менаномъ къ Annales de Rois d' Assyrie и на картѣ Астафьева.

Астафьевъ (на стран. 74) указываетъ, что Ленорманъ ошибочно считаетъ „Верхнее море"—Каспійскимъ моремъ.

МОРЕ ЗАПАДНОЕ—СИГАЙ, СИХАЙ.

Каспійское море по своему географическому положенію находилось на западъ отъ Китайской имперіи и поэтому Китайцы называютъ его Си-гай. Синологи, слѣдуя значенію знаковъ, переводятъ это слово—Западное море[2]). Шопенъ считаетъ это названіе Каспійскаго моря первымъ по древности, что видно изъ его словъ: „За симъ второе по древности Каспія" и т. д. Между указаніями, онъ приводитъ слѣдующее: въ 102 году по Р. Х. Китайскій полководецъ, побѣдивъ хана Юйэчи и покоривъ до пятидесяти различныхъ народовъ, достигъ наконецъ до Си-гай т. е. Каспійскаго моря. Откуда это извѣстіе съ названіемъ Сигай заимствовано, Шопенъ не указываетъ, хотя нельзя сомнѣваться въ правдивости Китайскаго похода къ берегамъ Каспійскаго моря. Веберъ[3]) объ этомъ пишетъ: Походами предпринимавшимися съ половины II столѣтія нашей эры противъ хищническихъ племенъ на западѣ, Китайцы успѣли не только покорить ихъ, но и пріобрѣсти торговыя сношенія, черезъ которыя западъ получилъ первыя извѣстія о произведеніяхъ ихъ страны и ихъ искусствахъ; великій полководецъ императора Минъ-ти, современника Траяна, Панъ-чао, проникъ до Каспійскаго моря. Второе указаніе относительно названія Каспія Западнымъ моремъ, находимъ у Броневскаго[4]), гдѣ онъ въ статьѣ: „*О торговлѣ по Каспійскому морю и сухопутнымъ границамъ*". между прочимъ, говоритъ, что Китайскіе историки, по свидѣтельству де-Гюйна, упоминаютъ, что Анъ-Гунъ (императоръ Маркъ Антоній) царь народовъ *Западнаго моря* прислалъ посольство, имѣющее предметомъ торговыя сношенія съ Китаемъ, къ Унъ-ти, царствовавшему въ Китаѣ въ 166 году по Р. Х.

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1880. Янв.

2) Шопенъ, 380.

3) Веберъ. Всеобщая исторія Т. I. 1885 г.

4) Броневскій. Новѣйшія геогр. и историч. извѣстія о Кавказѣ. Москва. 1823.

Также у Березина (стран. 23—25) находимъ замѣтку, что Каспій назывался у китайцевъ Западнымъ моремъ—Сихай, и что китайцы познакомились съ Каспіемъ за 66 лѣтъ до Р. Х. На какомъ основаніи считаетъ Шопенъ китайское названіе первымъ по древности, онъ не указываетъ; можетъ быть, это первенство, должно быть видно изъ того, что слово Каспи есть нѣкотораго рода переводъ китайскаго Си-гай, какъ онъ прежде старался объяснить при словѣ Каспи. Если бы дѣйствительно можно было считать названіе Си-гай самымъ первымъ по древности и если по китайски слово *гай* означаетъ озеро, а не море, какъ находимъ у фонъ-Клёдена [1]) и *хай* у Риттера [2]), то это названіе Сигай или Сихай могло бы служить указаніемъ, что китайцы имѣли ранѣе всѣхъ народовъ болѣе подробныя свѣдѣнія о Каспіи и знали, напримѣръ, что Каспій дѣйствительно представляетъ озеро въ настоящемъ смыслѣ того слова. Однакожъ еще вопросъ, можно-ли согласиться съ Шопеномъ, что Каспійское названіе Сигай есть первымъ по древности, когда другія названія Каспійскаго моря упоминаются еще за нѣсколько столѣтій до Р. Х., а указанія знакомства Китайцевъ съ Каспійскимъ моремъ относится только къ концу I-го или къ началу II-го вѣка по Р. Х.?

Примѣчаніе: Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній видно, что у китайцевъ было еще другое озеро, извѣстное подъ названіемъ Сихай; такъ напримѣръ у Риттера (Землевѣденіе Азіи, стран. 134), читаемъ: „Въ V вѣкѣ, послѣ совершеннаго паденія послѣдняго Хунскаго царства и во время разсѣянія Хунновъ по различнымъ странамъ, нѣкоторыя изъ ихъ ордъ изгнанныя съ Сѣверо-Востока бѣжали на берега *Си-хая* т. е. Западнаго моря, что означаетъ вѣроятно озеро Балхашъ, въ которое впадаетъ рѣка Или, и еще (стран. 149):—„На всѣ племена отъ рѣки Лэруэна до Си-хая (т. е. Западнаго моря, Арала или Балхаша?), наложилъ онъ дань“.

Подробнѣе выражается объ этомъ названіи Реклю: „*Россія Европейская и Азіятская*“ (Т. II, Петерб. 1884 г., стр. 269). Онъ пишетъ: „Китайцы знаютъ Балхашъ подъ именемъ Си-хай или Западнаго моря, названіе которое у нихъ, впрочемъ, примѣняется также къ Аралу и къ Каспійскому морю. Клапротъ говоритъ, что Каспійское море у Китайцевъ носитъ названіе *Ли-гай* [3]) (Вѣроятная переписка Си въ Ли).

---

1) Фонъ-Кледенъ. Всеобщ. Геогр., перев. Зыкова, стран. 563.

2) Риттеръ. Землевѣденіе Азіи. Перев. Семенова. 1859. Т. II, стран. 80.

3) Müller. Histor-geogr. Darstellungd. Stromsystems der Wolga. Berlin. 1839. Стран. 638.

МОРЕ ГУЗЗОВЪ.

На сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря жили Гузы и поэтому нѣкоторые писатели и георафы хотятъ сѣверную часть моря или вообще Каспійское море называть моремъ Гуззкимъ, однако названіе это другіе признаютъ за неправильное. Березинъ (Путеш. I, 24) замѣчаетъ, что Каспійское море называется неправильно Гуззкое море (Бахр-и-Гузэ) и что это названіе замѣчательно только тѣмъ, что оно дано въ честь народа Гузовъ или Узовъ, извѣстныхъ въ первобытной русской исторіи.

Второе положительное указаніе о морѣ Гуззовъ находится у Соколова въ его „Очеркахъ“ (стр. 2 и 3); Шопенъ (381) говоритъ, что Турки называютъ Каспій *Багръ-Гузъ* или *Багры-и-Гузегъ*. Дорнъ (349) указываетъ на Георги, который писалъ, что Турки называли Каспій *Бури-гаси*, а въ скобкѣ какъ-бы переводъ этого слова вставилъ *Бахри-Хазиръ*, при этомъ Дорнъ, не довѣряя, ставитъ знакъ вопроса. Мы видѣли прежде, что названіе *Бахри-Хазаръ* относится къ Черному морю, а не къ Каспійскому. На другомъ мѣстѣ (Дорнъ 285) Георги въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ Кенегсбергѣ въ 1797 году пишетъ, что Турки называли Каспій Burigasi, въ скобку ставитъ *Бахри-Кузгунъ* и Дорнъ опять не довѣряя прибавляетъ знакъ вопроса.

Дорнъ самъ пишетъ, что различныя названія Каспійскаго моря къ которымъ онъ на картѣ, примѣрно около Мертваго Култука, желаетъ еще добавить „море Гуззовъ“, не относятся къ однимъ только прилегающимъ странамъ, у которыхъ онѣ заимствованы, но отчасти употребляются также восточными писателями.

Примѣчаніе: Что касается мѣстожительства народа Гуззовъ, то изъ свѣдѣній путешественника X вѣка Гаукала, лично посѣтившаго мѣстности, о которыхъ онъ говоритъ, знаемъ, что Гуззы жили на песчаныхъ равнинахъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, до средняго теченія рѣки Sihoun, также между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Djihoun. Переселеніе ихъ въ Европу относится къ концу IX вѣка и Масуди разсказываетъ, что къ югу отъ Славянъ страны заняты нѣсколькими тюрскими племенами; что Гуззы кочуютъ съ ихъ стадами по песчанымъ равнинамъ; ихъ территорія отдѣлена отъ Хазаръ большою рѣкой, которая соединяетъ Итиль (Волгу) съ заливомъ Меотиды (Азовское море). Не весь народъ Гуззовъ переселился въ Европу, а только часть племени, сохранивъ свое имя, какъ оно приводится у Масуди и у византійцевъ, у Русскихъ же эта вѣтвь Гуззовъ стала совершенно случайно извѣстна подъ именемъ Торковъ. Пока кочевали еще въ Азіи, то Печенеги, Торки и Половцы

составляли одно цѣлое племя; такъ смотритъ на нихъ и наша лѣтопись, считая ихъ всѣхъ потомками Измаила *).

МОРЕ ИБЕРІЙСКОЕ.

Каспійское море если получало названія отъ разныхъ странъ, то всегда отъ такихъ, которые прямо къ нему прилегали, только въ этомъ случаѣ встрѣчаемъ исключеніе, такъ какъ страна Иберія распространялась посреди Кавказскаго перешейка, имѣя на западѣ между собою и Чернымъ моремъ древнюю Колхиду и на востокъ между собою и Каспійскимъ моремъ древнюю Албанію. Какъ Дорнъ указываетъ (стран. 157) это названіе море Иберійское употребляли древніе Сирійцы.

Примѣчаніе: По словамъ профессора Крузе (Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. Мартъ) Иберія, лежащая у воротъ двухъ странъ свѣта, чрезъ которыя искони, отъ первыхъ началъ историческихъ, проходили народы, переселявшіеся на сѣверъ Европы, украшалась по свидѣтельству Страбона, римскими городами и поселеніями, которые всю утонченность римскаго вкуса зодчества указывали. Черезъ Иберію пролегала дорога, которою произведенія образованности и промышленности распространялись отъ юга на сѣверъ, отъ востока на западъ. Можетъ быть, многія памятники древняго величія и царской роскоши разрушены Помпеемъ, по завоеваніи (въ 65 году до Р. Х.) Иберіи вмѣстѣ съ Колхидою и Албаніею; еще болѣе уничтожило христіанство, которое проникло въ сіи страны въ царствованіе Константина Великаго, и повсюду вмѣстѣ съ язычествомъ истребляло и произведенія римской и греческой образованности, но всего болѣе безъ сомнѣнія, погубили Гунны, которые, грабя въ V вѣкѣ, прорвались черезъ Кавказскія ворота, а потомъ Арабы и Хазары, мечемъ добывавшіе себѣ владычества надъ этою землею.

МОРЕ КУЛЬЗУМСКОЕ, КОЛЬЗУМСКОЕ, АКФУДЕ.

Персіянамъ Каспійское море въ особенности извѣстно подъ названіемъ *Кользумъ*, наименованіе передѣланное Турками въ *Косгунъ-денги-си*, такъ пишетъ Шопенъ. Олеарій также подтверждаетъ, что Персы зовутъ Каспійское море *Кользумъ* (Kûlzum), каковое имя дается ими и Красному морю, какъ это видно изъ Нубійца (Олеарій стр. 499). Арабскій писатель

*) Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. П. Голубовскаго.

Эломари, секретарь при Египетскомъ султанѣ († 1349), между прочимъ пишетъ: „Джейхунъ и Итиль поворачиваютъ къ *Кульзумскому* морю... Кто-же полагаетъ, что Джейхунъ впадаетъ въ море Кульзумское, тотъ ошибается [1]). Дальше (стран. 27): „знай, что Иранъ, царство Хосроевъ, простирающееся отъ Ефрата до рѣки Джейхунъ, гдѣ Балхъ, да отъ моря Персидскаго и прилегающей къ нему части моря Индійскаго до моря называемаго Кульзумскимъ и до Табаристанскаго".

Другой арабскій писатель Ибнарабшахъ († 1450 г.), описывая Дештскую землю, говоритъ, что граница Дештской земли съ юга—море Кульзумское—море злобное и своенравное [2]). Далѣе (464) онъ описываетъ мѣсто столицы Сарая слѣдующимъ образомъ: „Онъ (лежитъ) на берегу рѣки, отдѣлившейся отъ рѣки Итиль, относительно которой путники, лѣтописцы и странствователи (?) согласны, что больше ея нѣтъ (ни одной) въ числѣ рѣкъ прсточныхъ и водъ прѣсныхъ, наростающихъ. Выходитъ она изъ земли русскихъ и нѣтъ отъ нея другой пользы кромѣ той, что она радуетъ души. Впадаетъ она въ море Кульзумское, подобно Джейхуну и прочимъ рѣкамъ Аджемскимъ, хотя море Кульзумское закрыто и окружено нѣсколькими персидскими владѣніями . . . . . имя Сарайской рѣки *Сингиля*.

Странно, одни говорятъ, какъ будто Каспій особенно извѣстенъ былъ Персамъ подъ названіемъ Кульзумъ, а Березинъ утверждаетъ, что Каспій неправильно называютъ моремъ Кульзумскимъ (стран. 23). Это извѣстіе о неправильности названія Каспія моремъ Кульзумскимъ, онъ заимствовалъ у Персидскаго писателя Хамдуллы Казвины, который, приводя нѣсколько названій Каспійскаго моря, пишетъ, что ошибаются тѣ, которые называютъ его моремъ Кульзумскимъ (Березинъ. Путеш. I, 25) и Березинъ объясняетъ, что подъ этимъ названіемъ надо понимать Черное море. Сравнивая вышеприведенныя слова Олеарія и слова Березина, видно, что тутъ происходитъ то самое, какъ при названіи море Хазарское, которое примѣнялось и къ Каспію и къ Черному морю. Дорнъ (стран. 490) также упоминаетъ, что жители Ашрефа называли Каспій Кульзумъ и что это названіе примѣняютъ къ Каспійскому морю, но что нѣкоторые другіе писатели замѣчаютъ, что это неправильно. Далѣе у Дорна встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія на примѣненіе западными писателями названія Кульзумъ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ напримѣръ, въ пятомъ примѣчаніи Гейда къ извѣстію Перидсоля, приведены и отчасти объяснены разныя ошибочныя названія: Cotrum вмѣсто Colzum, Bahar-Corsun, Mare Celzum seu Colsun (Дорнъ 157).

1) Тизенгаузенъ. Сборникъ матеріал. относящихся къ истор. Золотой Орды. Стр. 237.

2) Тамъ-же, стран. 459.

Дорнъ самъ не смотря на несогласіе, относительно примѣненія названія Кульзумъ къ Каспію, ставитъ это названіе въ рядъ другихъ названій Каспійскаго моря, но на картѣ не обозначилъ это названіе. Такъ какъ я нигдѣ не встрѣчалъ объясненія, почему Каспій нельзя называть Кульзумъ, то я обратился къ Астраханскимъ Персамъ, которые мнѣ это разъяснили такъ: „Каспій нельзя называть Кульзумскимъ моремъ потому, что слово Кульзумъ обозначаетъ океанъ“.

Неизвѣстно какъ считать названіе Каспія, приводимое въ Географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, гдѣ онъ говоритъ, что Персіяне называютъ его *Гурземъ*. Можетъ быть это названіе взято у Георги, по словамъ котораго въ его сочиненіи, изданномъ въ 1797 году въ Кенигсбергѣ, Персіяне называютъ Каспійское море Kalsun и *Гурзенъ*. Кромѣ персидскаго названія Кульзумъ, по словамъ Гамзы (Дорнъ 292) и нѣкоторымъ персидскимъ словарямъ, у персіянъ было еще названіе *Акфуде* (Дорнъ 66, 300).

МОРЕ АБЕСГУНСКОЕ.

Существуютъ названія Каспійскаго моря, происходящія отъ имени нѣкоторыхъ острововъ на Каспійскомъ морѣ. Однимъ изъ подобныхъ острововъ былъ *Абесгунъ*, лежащій по словамъ Абуль-Феды, при устьѣ рѣки Джурджана, т. е. почти въ самомъ юго-восточномъ уголкѣ Каспійскаго моря. Этотъ островъ называли различно: *Абусгунъ*, *Абисекунъ*, *Аби-сукунъ*, *Абисгунъ*. Указаніе на это названіе Каспійскаго моря находимъ у Березина. Онъ (путеш. 24) говоритъ о неизвѣстномъ персидскомъ писателѣ, называвшемъ Каспій моремъ *Абисекунскимъ*, по имени острова того же названія. Шопенъ совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ названіи.

Примѣчаніе: По Гербелотовымъ источникамъ „*Абескунъ*“ былъ островъ съ городомъ и рѣкою того-же имени, а по другимъ лежалъ при устьѣ рѣки *Абесъ* или *Абескунъ*. Въ персидскихъ словаряхъ *Бургани-каты* и *Гефтъ-Кульзумъ* сказано, что названіе *Аби-сукунъ* происходитъ отъ того, что рѣка подъ именемъ *Абгунъ*, вытекающая изъ Хуарезма, впадаетъ въ море, называемое *Асгунъ*, но вблизи отъ него течетъ такъ тихо и спокойно (сукунъ), что даже не колышетъ моря. По этой причинѣ ее называютъ „спокойною водою“. Садикъ Исфагани разсказываетъ, что по названію острова, получило названіе и море Абесгунское. Якутъ говоритъ, что Аглумъ былъ небольшой городъ на берегу Абускунскаго моря и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что *Абаскунъ* небольшой городъ на берегу Табаристанскаго моря, отъ него получило названіе море Абаскунское. Зегиръ-эд-динъ, описывая границы Табаристана, между прочимъ, говоритъ, что

къ югу окраина тѣхъ горъ, воды которыхъ стекаютъ въ Абескунское море. Этотъ исчезнувшій островъ имѣлъ также свою исторію, такъ напримѣръ, по словамъ Эль-Имрани, на островѣ этомъ находилась будто-бы гробница Іосифа, брата Веньямина; на немъ также, какъ говорятъ, умеръ Хуарезмъ-Шахъ, Султанъ-Мухамедъ во время бѣгства отъ Татаръ. На этомъ островѣ побывали также Руссы, во время плѣненія въ Гилянѣ и Табаристанѣ, желавшіе поживиться богатою добычею, такъ какъ тамъ было складное мѣсто для Джурджана. По словамъ Неджати, жившаго около 1304 года, Абускунъ въ его время былъ затопленъ и поглощенъ моремъ.

МОРЕ МУГАНСКОЕ.

Дорнъ не ставитъ названіе Акъ-Денгизъ въ рядъ другихъ названій Каспійскаго моря, хотя существуютъ нѣкоторыя указанія на это, но за то онъ вставилъ въ рядъ этихъ названій (стран. 65) море Муганское, но причины на это я не могъ найти даже у самого Дорна. У него (стр. 12) находимъ, что онъ самъ плавалъ по морю Хазарскому и отдѣльнымъ его частямъ, между прочимъ, морю Муганскому, далѣе море Муганское выставлено въ рядъ названій Каспійскаго моря и наконецъ на первой картѣ приложенной къ „Каспію“, помѣщено море Муганское—это, такъ сказать, указанія Дорна, но имѣлъ ли онъ указанія другихъ писателей на это названіе, намъ неизвѣстно. Впрочемъ, отчего-же Каспій не могъ получить названіе море Муганское, отъ имени страны Муганъ, прилегающей къ Каспію съ юго-западной стороны, южнѣе рѣки Куры! Вѣдь, получалъ-же Каспій названія отъ разныхъ прилегающихъ къ нему странъ!... На землѣ Муганской когда-то жилъ народъ Каспійскій (по картѣ Гедикѣ) и также народъ Ассирійскій (по картѣ Астафьева).

Примѣчаніе: Страна *Муканъ* или *Муганъ* извѣстна по своимъ змѣямъ и прежде называлась *Мар-канъ*, т. е. обиталище змѣй, такъ говоритъ Казембекъ *) въ Дербендіадѣ. Басни о Муганскихъ змѣяхъ вошли въ ходъ по мнѣнію Шопена (стран. 362) послѣ похода Помпея. Въ походѣ разсказанномъ Плутархомъ находимъ о странѣ Муганской слѣдующее: „Послѣ сраженія Помпей намѣревался проникнуть до Каспійскаго моря, но онъ встрѣтилъ такое множество ядовитыхъ змѣй, что принужденъ былъ вернуться, хотя находился только на три дня разстоянія отъ этого моря. Другія извѣстія о странѣ Муганъ также не очень пріязнены, такъ напримѣръ, Мухаммедъ Меджи въ своемъ сочиненіи „*Украшеніе бесѣдъ*“ о странѣ Муганъ пишетъ, что воздухъ ея очень тепелъ и наклоненъ къ гніенію.

*) Дорнъ, 68.

Границы ея очень сходятся съ страной Армянской, Ширванской, Адербайджанской и моремъ Хазарскимъ. Отъ горы *Сенгъ-беръ-Сенгъ*, которая находится напротивъ округа Нешкина, до берега рѣки Араса (Аракса) лежитъ страна Муганская; на этомъ пространствѣ, пока не видна гора Себелянъ, трава ядовита и губитъ четвероногихъ; хотя весной ядъ ея бываетъ менѣе, но голодной скотинѣ причиняетъ болѣе вредя. Когда же становится видна гора Себелянъ, зловредность та не существуетъ болѣе [1]). Березинъ прибавляетъ, что по его мнѣнію эту самую траву въ здѣшнемъ краѣ (т. е. въ Муганскомъ) называютъ житовинникомъ.

Въ новѣйшее время большую важность о Муганской степи имѣютъ извѣстія академика Бера. Нижнее теченіе Аракса по безлюдной и солонцеватой степи Муганской замѣчательно тѣмъ, что академикъ Беръ нашелъ здѣсь несомнѣнные слѣды стараго русла Аракса и цѣлымъ рядомъ историческихъ изысканій, подтвержденныхъ мѣстными данными, доказалъ, что Аксъ въ прежнія времена впадалъ непосредственно и независимо отъ Куры въ Кызылъ-агачскій заливъ Каспійскаго моря [2]).

МОРЕ ТАБАРИСТАНСКОЕ.

Табаристанскимъ моремъ называлась сначала южная часть Каспійскаго моря, прилегающая къ странѣ, извѣстной подъ именемъ Табаристанъ и потомъ это названіе переносилось восточными писателями на цѣлое море, какъ это видно было и при другихъ названіяхъ. На море Табаристанское указываетъ Ибнъ-Хальдунъ. По его словамъ Хуарезмъ-Шахъ удалился въ Мазандеранъ, оттуда въ Гимаданъ и потомъ въ горы Табаристанскія, гдѣ онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ людей жилъ по берегу моря, но такъ какъ и тутъ его тѣснили татары, то онъ отправился на островъ, находящійся на морѣ или озерѣ Табаристанскомъ [3]).

Далѣе упоминаютъ море Табаристанское Масуди (Дорнъ 257, Березинъ 24). Якутъ (Дорнъ 292). Олеарій говоритъ, что Нубіецъ называетъ это море (Каспійское) по имени прилегающей къ нему области Табаристанскимъ (стран. 449); (Шопенъ стран. 381).

Примѣчаніе: По восточнымъ извѣстіямъ знаемъ, что торговля жителей Табаристана была въ городѣ Булгарѣ и Саксинѣ, къ тому-же Дорнъ прибавляетъ, что чѣмъ города Булгаръ и Саксинъ въ прежнее время были въ отношеніи торговомъ для жителей востока, въ особенности Табаристана, тѣмъ

1) Березинъ. Примѣчаніе, стран. 10.

2) Семеновъ. Геогр.-статистич. слов. подъ словомъ Аксъ.

3) Дорнъ, 207 и Тизенгаузенъ (Ибнельаспиръ), 12.

нынѣ для нихъ являются Нижній-Новгородъ и Астрахань. Богатство земли Табаристанской извѣстно было русскимъ уже въ X столѣтіи и какъ теперь неопровержимо доказано, они дѣлали на неё два набѣга или похода. Первый походъ совершенъ былъ въ 913 году, гдѣ они вторглись въ море Каспійское по теченію Дона и Волги. Изъ добычи, взятой въ томъ походѣ въ Табаристанъ, они дали извѣстную часть хакану Хазарскому, который на основаніи договора о полученіи имъ части добычи, пропустилъ ихъ черезъ свою землю; другой-же походъ совершили въ 943 году съ береговъ Дагестана, до котораго достигли сухимъ путемъ. Объ этихъ походахъ Григорьевъ говоритъ, что они принадлежали къ числу самыхъ темныхъ происшествій русской исторіи и хотя извѣстія, доставленныя объ оныхъ восточными писателями, давно уже сообщены были Европѣ, однакожъ наши историки или не знали объ нихъ или принимали ихъ съ нѣкоторымъ родомъ сомнѣнія, можетъ быть потому, что какъ въ остальной части Европы привыкли думать, что на Востокѣ пишутъ только басни да сказки, или потому, что византійскіе лѣтописцы ничего не упоминаютъ объ оныхъ, а также и потому, что Несторъ единственный историкъ древней Руси молчитъ объ нихъ. Нашъ оріенталистъ В. Григорьевъ искусстно опровергаетъ всѣ эти причины къ недовѣрію означенныхъ походовъ въ своей статьѣ: „*О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ*“, помѣщенной въ журналѣ Мин. Народ. Просв. (1835 г. Февраль), и также въ своей книгѣ: „*Россія и Азія*“, (С.-Петерб. 1876 г.). Кромѣ статей Григорьева имѣемъ еще очень обстоятельную книгу нашего академика Гр. Дорна подъ названіемъ „*Каспій*“ или „*О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья Каспійскаго моря*“, (С.-Петерб. 1875 года). На Табаристанскомъ языкѣ *табаръ* значитъ гора, откуда и названіе Табаристанъ—горная возвышенность, хотя нѣкоторые хотѣли произвести это названіе отъ слова топоръ—страна топоровъ или сѣкиръ, потому что въ Табаристанѣ рѣдко встрѣчается рабочій или житель *безъ топора* (табаръ) (Дорнъ 70, 71).

МОРЕ МАЗАНДЕРАНСКОЕ.

Моремъ Мазандеранскимъ была названа та часть Каспія, которая носила названіе море Табаристанское, потому, что какъ Дорнъ (ст. 16) объясняетъ слова Табаристанъ и Мазандеранъ должно различать такимъ образомъ: Мазандеранъ обозначаетъ низменность, равнину (ближе къ Каспійскому морю), а Табаристанъ—горную возвышенность (дальше отъ Каспія). Нѣкоторые считаютъ, что оба названія существовали одновременно и одно иногда

употреблялось вмѣсто другаго, а Якутъ говоритъ, что названіе Мазандеранъ есть новѣйшее, младшее.

Указаніе на названіе Мазандеранское море имѣемъ въ одной рукописи, хранящейся въ Азіатскомъ музеѣ, гдѣ говорится, что султанъ отправился изъ Рая въ Мазандеранъ; цари Гилянскіе принесли ему присягу на вѣрность; онъ же рѣшился отвезти свои сокровища, свой гаремъ, своихъ женъ и своихъ маленькихъ дѣтей на островъ Абесгунъ. Это островъ посреди моря Мазандеранскаго [1]). Второе указаніе: Султанъ Абдулъ-Газы говоритъ, что „въ 880 году (м. с.) сношенія между Ургенчемъ и землею Абдулъ-Ханомъ были весьма часты и вотъ почему: рѣка Аму, пройдя подъ стѣнами Ургенча, направлялась къ восточной части горы Абдулъ-Ханъ, далѣе къ югу, обгибая подошву этой горы и наконецъ къ западу, проходя мимо Огурджи, она вливала воды свои въ Мазандеранское море [2]). Также Лепехинъ упоминаетъ, что Каспійское море во время обладавшихъ сими мѣстами татаръ, называлось моремъ Мазандеранскимъ [3]). Березинъ (стран. 23) и Шопенъ (381) также упоминаютъ Мазандеранское море и послѣдній добавляетъ, что и нынѣ самое употребительное названіе на Востокѣ для Каспійскаго моря—море Мазандеранское.

Примѣчаніе: Исторія странъ Табаристана и Мазандерана наполнена баснями о дивахъ—(духахъ.) Табаристанъ вѣроятно въ древнѣйшія времена, вслѣдствіе своихъ лѣсовъ, горъ, рѣкъ и болотъ былъ еще недоступнѣе чѣмъ въ послѣдствіи и благодаря этимъ обстоятельствамъ и климату, путешественники, рѣшавшіеся проникнуть туда, или погибали тамъ, или выносили оттуда особенно непріятныя.

Зегиръ-едъ-динъ напримѣръ говоритъ, что въ древнія времена сношенія и путешествія въ Мазандеранъ были очень ограничены и что прислуга или проводники погибали или въ рѣкахъ, или въ болотахъ и грязи такъ, что легко могло случится, что путешественникъ, имѣвшій большую свиту, наконецъ являлся куда нибудь одинъ и пѣшкомъ. Еще доселѣ даже туземцы изчезаютъ въ лѣсахъ и болотахъ. Въ Табаристанѣ жили люди, которые одѣвались въ звѣриныя шкуры, держали себя вдали отъ прочаго міра и имѣли своихъ собственныхъ властителей. Сосѣднимъ народамъ могла прійдти мысль принять этихъ лѣсныхъ и горныхъ обитателей, по нравамъ и одеждѣ ихъ, за сверхъестественныя существа, за *дивовъ*, съ которыми или никакъ нельзя, или съ большимъ только трудомъ можно совладать; но по инымъ извѣстіямъ Табаристанъ былъ населенъ даже дивами Соломона. Нѣкоторые

1) Дорнъ, 169.

2) Описаніе Бухарскаго ханства. Н. Ханыкова. СПБ. 1843. Стран. 22.

3) Записки путешествія Академика Лепехина. 1821. Стран. 575.

болѣе разсудительные историки говорятъ, что первые обитатели Персіи состояли изъ сосланныхъ туда преступниковъ *).

МОРЕ ХОРАЗАНСКОЕ.

Названіе это встрѣтилъ Дорнъ у Якута и Янсона и кромѣ того встрѣтилъ названіе „Хоразанскій Кругъ“, онъ поэтому помѣстилъ эти названія въ рядъ другихъ названій Каспійскаго моря (стран. 66); почему онъ его не помѣстилъ на своей картѣ, неизвѣстно. Названіе Хоразанское море происходитъ отъ названія страны Хоразанъ, около юго-восточнаго угла Каспійскаго моря; названіе-же „Хоразанскій Кругъ“ происходитъ отъ того, что нѣкоторые арабскіе писатели представляли себѣ Каспійское море круглымъ, какъ напримѣръ, Истахри.

МОРЕ ТАЙЛЕСАНСКОЕ.

Это названіе приводитъ Д. Эрбело и Дорнъ помѣстилъ то названіе на картѣ № 1-й между названіями море Миганское и море Гилянское. Названіе Тайлесанское море происходитъ отъ арабскаго Тайлесанъ, что означаетъ Талышъ, землю къ сѣверу и къ югу отъ рѣки Астары, въ прежнее время обнимавшую также часть нынѣшняго Гиляна, въ которой, напримѣръ, мы еще находимъ Талышъ—Дулабъ.

Нѣкоторые производятъ это названіе отъ *тулъ*—грязь, *тулишъ*—грязное мѣсто, но Дорнъ говоритъ, что правдоподобнѣе производить отъ арабскаго слова *тамысъ*—простой, неиспорченный. Талышъ завоеванъ Арабами въ 643 году, а съ 1812 года принадлежитъ Россіи (Дорнъ 157 и 200).

МОРЕ ДЕГИСТАНСКОЕ.

Дорнъ на картѣ № 1-й помѣстилъ названіе Дехистанское море къ юго-восточному берегу, къ землѣ Дехистанъ и въ другомъ мѣстѣ (стран. 80) написавъ Дегистанское, онъ объясняетъ, что Дегистанъ значитъ страна деревень, страна Дагіевъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, страна поручила это названіе потому, что была усѣяна множествомъ деревень, въ чемъ однакожъ Дорнъ сомнѣвается.

*) Дорнъ, 144.

МОРЕ КРАСНОЕ.

Подобно тому, какъ названіе Кульзумъ, означающее собственно океанъ, перенесено было неправильно на Арабскій заливъ и Каспійское море, такъ и названіе—море Красное, подъ которымъ собственно у древнихъ извѣстенъ былъ Персидскій заливъ, примѣнено было къ Каспійскому морю. Такъ именно называлъ его Римскій писатель Тацитъ (жив. 100 л. по Р. Х), такъ какъ изъ его показаній о возвратѣ Гирканцевъ изъ Римскихъ поселеній на родину, ясно видно, что рѣчь идетъ только о Каспійскомъ, а не Персидскомъ морѣ [1]).

МОРЕ КАМРУТЪ, КЕМРУТЪ.

Это неглевійское названіе Каспійскаго моря, Дорнъ объясняетъ словами Шпигеля, который указываетъ, что Каспійское море названо такъ потому, что съ восточной стороны у него мало притоковъ (Дорнъ 66, 317, 472).

МОРЕ ГЕОРГІЕВО.

Ассемани (Т. II, стр. 424) говоритъ, что Каспійское море называется Bahav Gergian по области Gergiana, такъ какъ Gergian или Giorgian столица Хоразліи [2]). Далѣе въ атласѣ Янсона (1647 и 1649 г.) также при названіяхъ Каспійскаго моря упоминается названіе Giorgian [3]). Относительно этого названія Дорнъ прибавляетъ, что это происходитъ отъ смѣшиванія съ словомъ el-Gurganija, т. е. *Гурганджъ* и что Каспійское море называется моремъ Гурганскимъ. Я встрѣтилъ подобное названіе Каспійскаго моря въ „*Историческомъ Атласѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ*“, составленномъ К. Твелькмейеромъ, (вып. II, С.-Петерб. 1851 г.), на картѣ подъ заглавіемъ: „Виды земли по понятіямъ Аравитянина Едриса, жившаго около 1110 лѣтъ по Р. Х.“, Каспійское море тамъ названо *море Георгіево*. Полагаясь на Дорна, какъ на авторитетное лицо въ этомъ отношеніи, можно пожалуй присоединиться къ вышеприведенному его замѣчанію.

Кромѣ всѣхъ приведенныхъ названій имѣемъ еще указанія Дорна (стр. 158) на Турецкое названіе Каспійскаго моря Kusghun-Denizi—Вороньe море и на Туркменское названіе—Куккузъ.

---

[1]) I. Müller. Sromsystems der Wolga. 637.

2) Дорнъ 328.

3) „ 294.

О КАРТАХЪ КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Разсмотрѣвъ разныя названія Каспійскаго моря, посмотримъ ближе на тѣ нѣкоторыя очертанія береговыхъ линій Каспія, которыя ему придавали разные писатели разныхъ вѣковъ. Множество своеобразныхъ очертаній Каспія имѣютъ нераздѣльную связь съ понятіемъ о Каспіи древнихъ писателей и съ болѣе или менѣе точными измѣреніями новѣйшихъ изслѣдователей. Какъ было высказано въ самомъ началѣ, древніе имѣли разное понятіе о Каспіи; каждый изъ означенныхъ и вообще послѣдующихъ писателей, если бы ему пришлось изобразить Каспій, сдѣлалъ бы это „по своимъ понятіямъ“, и мы бы такимъ образомъ получили массу самыхъ разнообразныхъ очерковъ береговыхъ линій Каспійскаго моря.

Правда, берега Каспія очень непостоянные: гдѣ когда-то на берегахъ было сухо, гуляетъ теперь вода, поглотившая не только берега съ разными постройками, какъ это видно около Баку, но и цѣлые острова, какъ Абесгунъ и другіе. Наоборотъ, гдѣ была прежде вода, тамъ образовались со временемъ сперва болота, потомъ солонцеватыя степи съ разсѣянными на нихъ озерами; гдѣ раньше большія рѣки вливали воды свои въ Каспій, составляло и составляетъ головоломную, иногда непреодолимую задачу для рѣшенія. Причинами подобныхъ измѣненій береговыхъ линій можно считать вулканическое колебаніе и возвышеніе земной почвы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наносы песку или илу изъ рѣчныхъ дельтъ, теченіе моря или господствующіе вѣтры.

Соображаясь съ тѣмъ, какъ почти на нашихъ глазахъ очерки береговъ измѣняются, можно заключить, что, дѣйствительно, если-бы разные писатели, начиная съ самаго Геродота и по новѣйшее время, имѣли возможность употребить къ измѣренію береговыхъ линій, наши современные инструменты, то несомнѣнно представилась-бы разница въ очертаніи Каспія при сравненіи всѣхъ древнихъ картъ съ нашими современными.

Однакожъ писатели тѣхъ отдаленныхъ временъ довольствовались только общимъ очеркомъ береговъ Каспія, не входя въ разныя подробности; даже не всѣ изъ писавшихъ о Каспіи его изображали на картахъ. Такъ какъ мнѣніе относительно Каспія было у древнихъ писателей разное, то изъ уцѣлевшихъ картъ имѣемъ разные общіе очерки Каспія, черченные какъ ими самими, такъ и по ихъ понятіямъ другими послѣдующими писателями.

Вопросъ о картахъ Каспійскаго моря занималъ уже многихъ, какъ видно изъ статьи Ѳ. Аделунга: „*О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года*“ (Журн. Минист. Народн. Просв. 1840 г. Апрѣль

и Мий), и очень интересно въ этомъ отношеніи, должно быть, также сочиненіе Омера де-Гелла, Т. III, гдѣ перечислены и изображены древнія карты Каспійскаго моря.

Въ первомъ сочиненіи я не нашелъ никакихъ картъ, а вторымъ сочиненіемъ я не имѣлъ возможности пользоваться, но все-таки я собралъ общіе типы очерковъ Каспійскаго моря, наиболѣе выдающихся изъ множества разныхъ картъ. Я поэтому не имѣю намѣренія говорить о подробномъ описаніи разныхъ картъ Каспійскаго моря—это могло бы составить отдѣльный рефератъ, а упомяну только о тѣхъ картахъ, которыя добылъ и здѣсь привелъ.

Карта № 1-й, гдѣ изображено Каспійское море „*по понятіямъ Птоломея*“, взята мною изъ „*Историческаго Атласа древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, составленнаго Твелькмейеромъ* (выпискъ II. СПБ. 1851 г.); Каспійское море подъ названіемъ Гирканскаго изображено въ видѣ эллипсиса, съ большою осью отъ востока къ западу. Птоломей, живній около 160 лѣтъ по Р. Х., считалъ Каспійское море озеромъ и по словамъ Н. М. Филиппова („*Морская географія Каспійскаго водоема или Лоція*“, Москва 1885 г.); изъ совершенно невѣрныхъ географическихъ описаній вывелъ заключеніе, что Каспійскій водоемъ имѣетъ видъ эллипсиса, длиннѣйшая ось котораго направляется по параллели отъ востока къ западу, въ отношеніи длины къ ширинѣ, какъ 2,3: 1. Филипповъ, разбирая это описаніе подробнѣе, ставитъ вопросъ, не было ли во время Птоломея Каспійское море соединено съ Аральскимъ озеромъ. Онъ пишетъ: „Объ Аральскомъ морѣ и рѣчи не было. Поэтому, естественно, возникаетъ вопросъ: не было ли пространство, занимаемое Каспійскимъ моремъ, во время Птоломея столь обширно, что заключало въ себѣ и Аральское озеро, при чемъ по положительному увѣренію древнихъ большія рѣки, называющіяся въ то время Арасомъ и Оксомъ (нынѣ Сыръ и Аму) должны были впадать въ это нераздѣльное море“ (стр. 10). Послѣ этихъ словъ Филиппова интересно прочитать указаніе Семенова въ географическо-статистическомъ словарѣ, гдѣ подъ словомъ „Аральское озеро“ видно, что какъ Птоломей такъ и Амміанъ Марцелинъ говорятъ, что одинъ рукавъ рѣки Оксуса впадаетъ въ особое Оксіанское озеро; подъ Оксіанскимъ же озеромъ писатели разумѣютъ именно Аральское озеро.

Желающіе ближе познакомиться съ картами Птоломея, могутъ найти многое въ статьѣ профессора Круге: „*О важности Юго-Кавказскихъ областей Россіи въ отношеніи антикварномъ и о Птоломеѣ главномъ писателѣ въ разсужденіи географіи сей страны*“ (Журн. Мин. Народн. Просв. 1835 года, Мартъ), и также „*Ватопедскій снимокъ*

Птолемеевой географіи Гаврінла Дестунова" (въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, Т. II. СПБ. 1861 г., стр. 16).

Карта № 2-й. Видъ Каспійскаго моря, помѣщенный на картѣ № 2-й сдѣланъ по Арабскому писателю Истахри (живш. по Крузе въ 903 г.), она взята мною изъ сочиненія „Каспій" Дорна. Для удобства, я на картѣ, снятой мною съ карты Дорна, помѣстилъ только арабскія названія, а русскія помѣщены у него отдѣльно (на стран. 85). На этой картѣ Каспійское море, подъ названіемъ море Хазарское, имѣетъ видъ круга, поэтому и понятно названіе Каспія *Харазанскій* кругъ, объ которомъ упоминаетъ Дорнъ (стран. 66). Интересно что это изображеніе Каспія въ видѣ круга принято гораздо раньше до Истахри, такъ какъ Діонисій Періегетскій Шаракса (225 л. по Р. Х.), придерживается системы четырехъ заливовъ, въ стихахъ 718—730, онъ изображаетъ Каспійское море совершенно круглымъ. Евстафій Ѳессалонійскій, чтобы согласить противорѣчіе теоріи четырехъ заливовъ съ круглотою Каспійскаго моря, предполагаетъ подземное соединеніе его съ океаномъ. Эта карта замѣчательна тѣмъ, что на ней изображено исключительно только Каспійское (Хазарское) море съ нѣкоторыми обозначеніями земель, народовъ, городовъ и рѣки. Этотъ оригинальный видъ не даетъ возможности судить ни о точности очертаній береговыхъ линій, ни о положеніи моря относительно другихъ географическихъ мѣстъ. Смотря на карту можно сказать, что арабскій писатель не зналъ еще о существованіи разныхъ, втекающихъ въ Каспійское море рѣкъ, такъ какъ на картѣ означена одна рѣка Волга подъ названіемъ Итилъ. Можетъ быть, что эта карта принадлежитъ къ тѣмъ, объ которыхъ профессоръ Крузе въ своей статьѣ „*Путешествіе по Германіи*" (Журн. Минист. Народ. Просв. 1835 г.) говоритъ, что карты арабскихъ писателей Истахри, Эль-Фарси и Казвини, гдѣ обстоятельно обозначены всѣ земли около Хазарскаго моря и каковые онъ видѣлъ въ Готѣ, суть самыя древнѣйшія изъ существующихъ до нынѣ картъ.

Карта № 3-й. На этой картѣ изображенъ Каспій подъ названіемъ „*море Георгіево*", опять въ продолговатомъ видѣ, только въ болѣе подходящемъ положеніи къ настоящему, т. е. продолговато, но не отъ востока къ западу, а отъ сѣвера къ югу. Едриси однако писалъ, что это море отдѣльное, простирающееся болѣе по параллели, чѣмъ по меридіану, какъ 4. 3. Эта карта взята изъ „Историческаго Атласа Твельмейера", гдѣ она подъ заглавіемъ: „*Видъ земли по понятіямъ Аравитянина Идриси*" (живш. около 1100 лѣтъ по Р. Х.) И здѣсь море обозначено далеко не въ настоящемъ видѣ; означена также только одна рѣка, впадающая въ Каспійское море, подъ которою должно понимать Волгу.

Карта № 4-й. Каспійское море начерченное опять въ видѣ эллипсиса съ большою осью отъ востока къ западу находимъ на картѣ Агнеса. Это изображеніе, какъ часть цѣльной карты подъ названіемъ „Moscovia des Battista Agnese“ 1525 г., взята мною изъ книги: „Die ältesten Karten von Russland von Dr. H. Michov. Hamburg 1884 г. Карта принадлежитъ Іовію и до недавнихъ поръ никогда не была издана. Оригиналъ находится въ Венедигской библіотекѣ въ атласѣ Агнеса. Агнесъ жилъ въ Венедигѣ и былъ очень хорошій рисовальщикъ географическихъ картъ.

Волга названа здѣсь и *Ра* и *Едилъ*, она имѣетъ только два рукава при своемъ устьѣ и прослѣдивъ теченіе до верховьевъ замѣтно сообщеніе ея и съ Балтійскимъ и съ Чернымъ морями. Астрахань (на правомъ берегу) названа „Citracan emporium civita magna“.

Карта № 5-й, представляетъ копію съ карты Каспія, находящейся въ Атласѣ Ортелія (Ortelii Teatrum Orbis terrarum) на 95 листѣ. На ней можно видѣть, каковы были свѣдѣнія Европейцевъ объ этомъ морѣ, до путешествія Англичанъ. Раздѣленіе градусовъ параллели на ней невѣрно, какъ это видно и на копіи. Находящаяся на оригиналѣ надпись (въ копіи пропущена) значитъ: „море Гирканское или Каспійское, нынѣ извѣстно подъ разными именами. Русскіе его называютъ Хвалынскимъ моремъ; Мавры—Богаръ-Корсунъ, что значитъ: несообщающееся съ другими; у другихъ оно называется еще иными именами, какъ-то: море Бакинское, Кунгаръ, Грузинское, Таврістанское, Хоросанское, отъ странъ и мѣстъ ему прилежащихъ. Это самое большое озеро во всемъ свѣтѣ и изобильно рыбами“. На картѣ обозначено много рѣкъ втекающихъ въ море, но названы только рѣки Cor, Oxus и Iaxartes, Волга не поименована и Астрахань названа Citracan. Эту карту я взялъ изъ статьи А. Соколова „*Очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю, до начала на немъ гидрографическихъ работъ* (съ тремя картами), помѣщенной въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1854 г. Февраль, № 2).

Карта № 6-й, показываетъ копію съ карты Каспійскаго моря перваго Англійскаго путешественника Антонія Дженкинсона пріѣхавшаго Волгою въ Астрахань и въ Каспійское море въ 1558 году на суднѣ съ Англійскимъ флагомъ, до той поры никогда невиданнымъ на этомъ морѣ. Дженкинсонъ опредѣляетъ длину Каспійскаго моря въ 200 лигъ, ширину въ 150. Море это, говоритъ онъ, не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ изъ другихъ морей; во многихъ мѣстахъ вода его прѣсная, но въ другихъ солона, какъ въ океанѣ. Съ востока къ нему прилегаетъ обширная Туркменская степь; съ запада—земля Черкесская, Кавказскія горы, и во ста лигахъ Понтъ Эвксинскій; съ сѣвера—рѣка Волга и земля Ногаевъ; съ юга—Мидія и Персія.

Много большихъ рѣкъ впадаетъ въ это море; но изъ него ни одна не истекаетъ, развѣ подъ землею. Главнѣйшая рѣка есть Волга, по-татарски Edell, которая имѣетъ начало недалеко отъ Новгорода. Изъ Сибири текутъ сюда Ялкъ и Джемъ (Уралъ и Эмба), съ Кавказскихъ горъ—Цирусъ и Арашъ (Кура и Аракъ). Эту карту я нашелъ также въ статьѣ Ал. Соколова. а имъ же взята изъ атласа Ортелія, (гдѣ она помѣщена на 91 листѣ). Раздѣленіе меридіана на градусы не ровно, а параллели вовсе не раздѣлены.

Карта № 7-й, взята мною также изъ статьи Ал. Соколова и представляетъ копію съ карты Каспійскаго моря Голштинскаго путешественника (собственно секретаря и совѣтника посольства) Адама Олеарія, пріѣхавшаго въ первый разъ на Каспійское море въ 1636 году. Объ описаніи его путешествій было выше сказано, здѣсь же нужно добавить, что описаніе Каспійскаго моря, сдѣланное Олеаріемъ, при своей недостаточности и простотѣ, далеко превосходитъ все, что доселѣ было извѣстно объ этомъ морѣ. Олеарій, былъ первый указавшій, что наибольшая длина Каспійскаго моря до сихъ поръ не вѣрно черчена, какъ видно изъ его словъ: „...надобно замѣтить противъ мнѣнія, принятаго всѣми географами, древними и новыми, что длина Каспійскаго моря простирается не отъ запада къ востоку, какъ оно изображается на всѣхъ картахъ, даже на той, которая появилась послѣ перваго изданія этого сочиненія, въ которомъ я опровергаю такое заблужденіе; оно простирается въ длину отъ сѣвера къ югу, а ширина, напротивъ отъ востока къ западу". Указывая причины новаго мнѣнія, заканчиваетъ словами: „Этимъ надобно исправить всѣ географическія карты, хотя произносимая нами истина совершенно нова, и прямо противоположна мнѣнію, господствующему столько вѣковъ". („Морской Сборникъ" 1854 г. Февраль, стран. 168).

Карта № 8-й. Здѣсь изображено Каспійское море въ болѣе подходящемъ видѣ къ его настоящему, хотя замѣтны еще: несоразмѣрная ширина къ длинѣ, общая прямизна береговъ и сѣверо-восточная часть моря вытянута прямо на востокъ. Эту карту, какъ часть, я снялъ съ фотографическаго, не очень яснаго снимка, находящагося въ нашей библіотекѣ Петровскаго Общества, куда онъ попалъ изъ библіотеки Іосифа Бентковскаго. Карта имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Estats du Roiaume d'Armenie et de Georgie divisés en toutes leurs Provinces et Gouvernements avec les frontieres de Perse, d'Arabie, d'Anatolie, des Estats du Grande Tzar de Moscovie de la grande Tartarie dresses sur les plus nouveaux et justes Memoires qui ont estes faits en France". Въ самомъ углу подъ картою значится: „Fait à Moscovie par P. Simonnaire, Anno 1701". Эта карта, должно быть,

есть копія съ карты Каспійскаго моря, изданной въ 1700 году въ Парижѣ *Делилемъ старшимъ*, королевскимъ астрономомъ, при помощи всѣхъ имѣвшихся тогда, по его мнѣнію, основательныхъ данныхъ. Мое предположеніе, что приложенный рисунокъ есть копія съ Делиля, подтверждается достаточно какъ самымъ заглавіемъ карты т. е., что она построена при помощи всѣхъ основательныхъ данныхъ имѣвшихся во Франціи, такъ и годомъ изданія, французскимъ текстомъ (въ оригиналѣ) и кромѣ того тѣмъ, что у Делила также, какъ говоритъ Филипповъ, ширина моря показана почти равною его длинѣ, западный берегъ изображенъ довольно вѣрно, но восточный совершенно ложно.

Карта № 9-й. Семеновъ въ своемъ географическо-статистическомъ словарѣ говоритъ, что къ замѣчательнымъ картамъ Каспійскаго моря принадлежитъ карта *Гомана*, изданная въ началѣ XVIII столѣтія въ Норимбергѣ. Мнѣ удалось найти въ библіотекѣ при Астраханской католической церкви не одинъ, а два атласа изданные въ Норимбергѣ Гоманомъ. Хотя заглавіе на обоихъ атласахъ одинаково: „Atlas Novus Terrarum Orbis Imperia Regna et Status exactis Tabulis Geographice penon strons Opera Iohanuis Baptistae Homanni. Noriberge 1729; но заглавные рисунки разнятся своею отдѣлкою другъ отъ друга и кромѣ того очертаніе Каспійскаго моря въ одномъ атласѣ не сходно съ очертаніемъ того же въ другомъ атласѣ. Я поэтому привелъ здѣсь оба очертанія.

Въ первомъ атласѣ помѣщено Каспійское море на картѣ подъ названіемъ: „Generalis Totius Imperii Russorum“ и т. д. Здѣсь очеркъ моря въ общемъ подходитъ довольно близко къ настоящему очертанію, исключая того, что сѣверо-восточная часть моря подъ названіемъ Sinus Gembanus (заливъ Ембскій) протянута далеко на сѣверо-востокъ. Замѣчательно соединеніе рѣки Волги съ Дономъ около Царицына (никогда не существовавшее) и не далеко отъ этого соединенія отдѣленіе одного рукава Волги, вливающаго воды свои въ море ближе Урала. Изъ многихъ обозначенныхъ рѣкъ названы только Волга, Терекъ, Кура, Гигунъ и Сигунъ. При послѣднихъ двухъ рѣкахъ хотя рѣзко начерчены ихъ русла, направляющіяся къ Каспійскому морю, но передъ самымъ ихъ устьемъ вычерчены съ какимъ-то недовѣріемъ. Заливъ Карабугазъ очень малый, но за то южнѣе его обозначены два довольно большихъ залива. Аральское озеро совсѣмъ не обозначено.

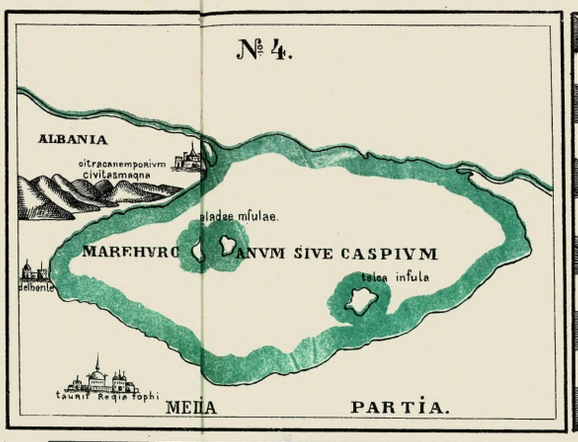
Карта № 10-й. Въ другомъ атласѣ Гомана на карта „Asiae Recentissima Delineatio, qua Status et Imperia Totius Orientis“ Каспійское или Гирканское море изображено въ другомъ видѣ. Общій видъ почти таковъ какъ и первый, также очень большой на сѣверо-востокъ вытянутый Ембскій заливъ, но замѣтны слѣдующія особенности. Тамъ, гдѣ на первой картѣ

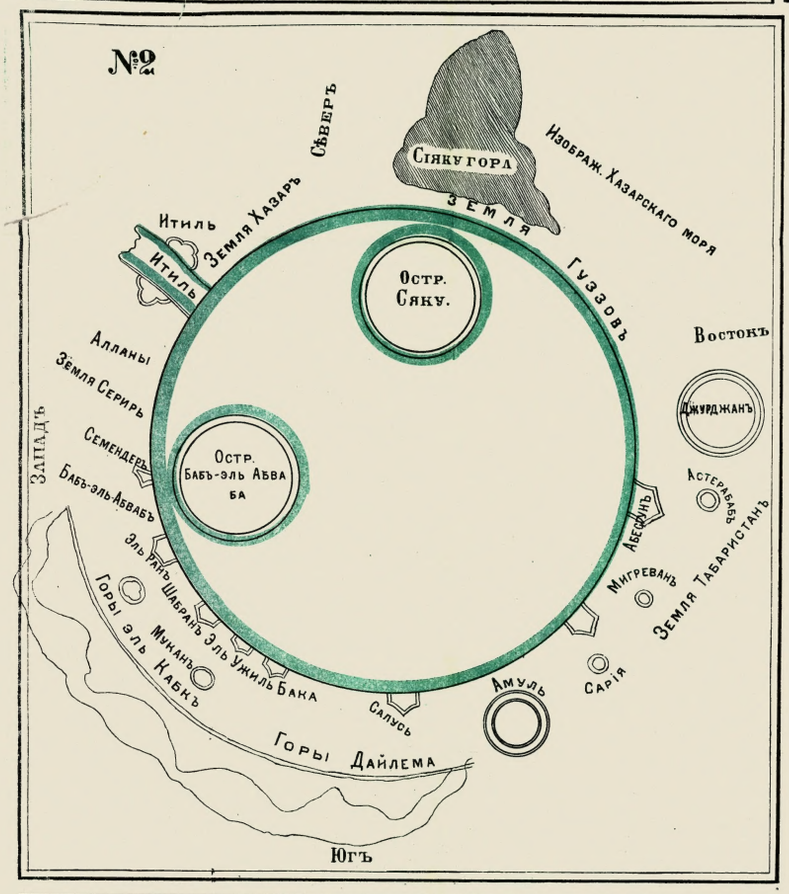
ниже Карабугазъ указаны два залива на юго-восточной сторонѣ, здѣсь они продолжены до соединенія, такъ что образовался большой островъ. Въ это соединеніе заливовъ втекаетъ рѣка Sihun. Ama Daria, направляющаяся къ Каспійскому морю, дѣлится на два рукава, изъ которыхъ одинъ втекаетъ въ Каспійское море, а другой въ Аральское озеро, обозначенное здѣсь уже отдѣльно. Кромѣ того, втекающими рѣками въ Аральское озеро, указаны еще рѣки Ama и Sirt. Не видно соединенія Волги съ Дономъ и рукавъ, якобы отдѣлившійся вблизи Царицына отъ Волги, принимая въ себя притокъ, имѣющій начало около Саратова, вливаетъ воды свои въ море не отдѣльно, а въ общемъ устьѣ Волги. Кругомъ моря обозначены два царства, а именно: отъ половины разстоянія между Волгою и Терекомъ начинается Персидское царство, разпространяющаяся на югъ и востокъ до рѣки Sihun, остальная часть принадлежитъ Татарскому царству.

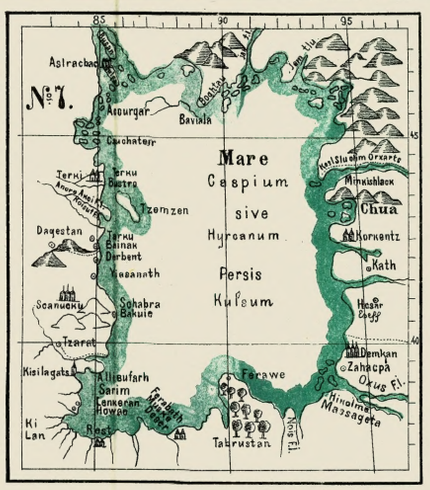
Послѣдняя карта № 11-й срисована съ карты атласа А. Ильина 1889 года и помѣщена здѣсь только для наглядаго сравненія всѣхъ вышеозначенныхъ очерковъ моря. Мною не приведены нѣкоторыя новѣйшія карты Каспійскаго моря потому, что они не представляютъ въ общемъ очеркѣ ни какихъ измѣненій, я же имѣлъ ввиду указать только наиболѣе типичныя карты.

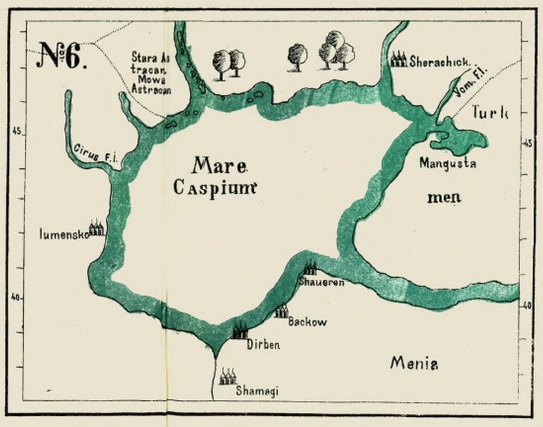
Нѣтъ сомнѣнія, что было бы очень интересно разсмотрѣть всѣ уцѣлевшія карты, сдѣланныя съ самыхъ раннихъ временъ, однакожъ собраніе подобной коллекціи очень трудно, такъ какъ многія изъ картъ составляютъ библіографическую рѣдкость музеевъ разныхъ странъ.

Карты Каспійскаго моря разныхъ вѣковъ









Приложеніе къ брошюрѣ А. Мюллера Оразныхъ названіяхъ и картахъ каспійскаго моря

ГПБ Русский фон
133
711